

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

*ПРОЛЕТАРНИ ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!*

К. М А Р К С

И

Ф. Э Н Г Е Л Ъ С

СОЧИНЕНИЯ

СПИСОК ОПЕЧАТОК
в томе XXVIII Соч. Маркса и Энгельса

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
71	16 св.	все местные организации	все местные орга- низаторы
358	25 св.	этим отбивать	этим отбивают
365	21 св.	устранению	устрашению
374	6 св.	правительство самого Буланже	самого Буланже
375	2 св.	а тот 1 мая был убит	убитой 1 мая
375	19 св.	Это было бы	Это было
432	19—18 св., левая кол.	рабсчий; убит	работница; убита

Заказ № 224.

ИНСТИТУТ МАРКСА—ЭНГЕЛЬСА—ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП(б)

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

Т О М

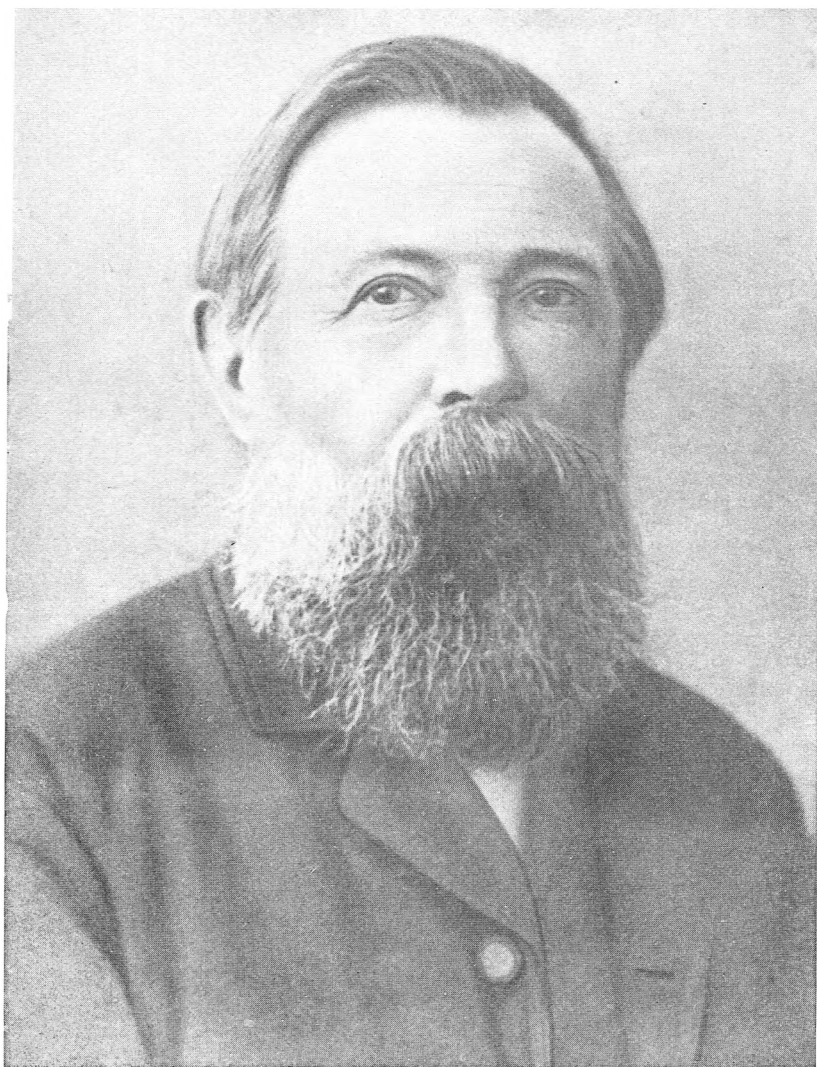
XXVIII

ПОЛИТІЗДАТ ПРИ ЦК ВКП(б)
1940

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПИСЬМА

1888—1891

*F. Engels.
London 13 Sept 1889*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий том сочинений содержит письма Энгельса за период с 1888 по 1891 г. Значительная часть писем, включенных в этот том, публикуется впервые.

Теоретическое и политическое значение публикуемых в этом томе писем огромно. Они освещают историю социализма и рабочего движения конца XIX столетия и представляют собою блестящие образцы марксистского анализа, научного предвидения и руководства к действию. В письмах раскрывается образ Энгельса как вождя международного пролетариата, который с точки зрения марксистской стратегии и тактики определяет революционные задачи рабочего класса применительно к различным стадиям развития рабочего движения, к национальным условиям и двигает вперед марксистскую науку, обогащая ее новым опытом классовой борьбы.

Красной нитью через всю переписку Энгельса проходит идея борьбы за создание и всемерное укрепление революционной партии пролетариата как орудия социалистической революции и диктатуры пролетариата. В письме к датскому социалисту Триру Энгельс пишет, что «пролетариат не может завоевать своего политического господства — единственную дверь в новое общество, без насильственной революции. Для того чтобы пролетариат в решающий момент оказался достаточно сильным, чтобы победить, необходимо — и Маркс и я отстаивали эту позицию с 1847 г., — чтобы он образовал отдельную от всех других партий, противостоящую им самостоятельную классовую партию» (Энгельс — Г. Триру, 18 декабря 1889 г.). Самостоятельная классовая партия пролетариата, пишет Энгельс, необходима для победы социалистической революции и установления диктатуры пролетариата.

В этом же письме Энгельс дает гениальные наброски революционной тактики пролетарской партии. Он решительно возражает Триру, принципиально отвергавшему возможность временных соглашений пролетарской партии с другими, непролетарскими партиями. Энгельс считает возможным кратковременные соглашения

с этими партиями, если мероприятия, за которые борются они, непосредственно выгодны пролетариату или же являются шагом вперед в экономическом и политическом развитии страны. Но вместе с этим Энгельс писал, что он высказывается за такие временные соглашения «лишь в том случае, если та выгода, которая представляется непосредственно для нас или для исторического развития страны по пути к экономической и политической революции, неоспорима и стоит того, чтобы ее добиваться, и все это при условии, если пролетарский классовый характер партии тем самым не ставится под вопрос. И только при таких условиях» (Энгельс — Г. Триру, 18 декабря 1889 г.). Эти тактические положения нашли свое классическое развитие в трудах Ленина, в особенности в его работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», а также в работе товарища Сталина «Вопросы ленинизма».

В конце 80-х и начале 90-х годов, когда рабочее движение в ряде стран принимает широкие размеры, Энгельс помогает созданию и укреплению массовых пролетарских социалистических партий своими советами и критикой их недостатков. Социалисты немецкие, французские, американские, русские и др. обращались к Энгельсу за советами. «Все они черпали из богатой сокровищницы знаний и опыта старого Энгельса» (Ленин).

Особое внимание Энгельс уделяет социалистическому движению в Германии. Значительная часть писем, включаемых в этот том, посвящена вопросам деятельности Германской социал-демократии, отстаиванию революционных принципов марксистской теории. Энгельс ведет решительную борьбу против оппортунизма в Германской социал-демократии и примиренчества к нему, борьбу против парламентского кретинизма. Он разоблачает «левый» полуанархический оппортунизм так называемых «молодых», прикрывающих свое отречение от революционной классовой борьбы «левой» фразой.

Для того чтобы нанести сокрушительный удар по оппортунизму, Энгельс счел своим долгом за несколько месяцев до Эрфуртского партийного съезда опубликовать гениальнейший документ марксизма — «Критику Готской программы» Маркса. Энгельс это сделал для того, чтобы довести до сведения партии важнейший документ Маркса, скрытый в свое время руководителями Германской социал-демократии.

Критика Маркса должна была помочь выработке революционной марксистской программы и борьбе против оппортунизма. Эта критика окончательно разрушала культ Лассаля. При этом

Энгельсу, как это видно из публикуемых в томе писем, пришлось буквально принудить Каутского опубликовать «Критику Готской программы» в теоретическом органе Германской социал-демократии «Neue Zeit», пригрозив ему, что в противном случае он ее опубликует в Австрии.

Как и предвидел Энгельс, эта публикация произвела на руководителей Германской социал-демократии впечатление разорвавшейся бомбы. Они поспешили отмежеваться от этой критики, а часть из них и от коренной идеи марксизма — диктатуры пролетариата. «В Германии, — пишет Энгельс, — она среди социалистических властителей вызвала сначала ужасный гнев, который теперь, кажется, понемногу начинает уже остывать. В самой же партии, напротив, — за исключением старых лассальянцев, — она принята с большой радостью» (Энгельс — Ф.-А. Зоргз, 11 февраля 1891 г.).

Выступления оппортунистов из Германской социал-демократии против «Критики Готской программы», в особенности против идеи диктатуры пролетариата, Энгельс в своем введении к «Гражданской войне во Франции» заклеил следующими словами: «В последнее время, — писал он, — социал-демократический филистер опять начинает испытывать спасительный страх при словах: диктатура пролетариата. Хотите ли знать, милостивые государи, как эта диктатура выглядит? Посмотрите на Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетариата».

Ярким свидетельством борьбы Энгельса с правым оппортунизмом была его критика проекта Эрфуртской программы, направленная против «оппортунистических воззрений социал-демократии в вопросах государственного устройства» (*Ленин*). В ряде писем к Каутскому и другим руководителям Германской социал-демократии Энгельс критикует отдельные недостатки проекта и обращает внимание на необходимость постановки вопроса о диктатуре пролетариата. Принятие Эрфуртской программы Энгельс встретил в общем с удовлетворением, поскольку она была свободна от специфических лассальянских положений. Однако, он считал необходимым критиковать ее недостатки, особенно политические требования программы, среди которых не было ни одного пункта, направленного против немецкого абсолютизма. «Практические требования не совсем безупречны, некоторые... выглядят по-мещански». В связи с этим Энгельс в письме к Каутскому от 29 июня 1891 г. резко высмеивает бодромно-весело-свободное вращение старого свинства в социалистическое общество. Критика Эрфуртской программы Энгельса, так же как в свое время и «Критика Готской программы», была скрыта от

членов партии руководителями Германской социал-демократии и лишь в 1901 г., через 10 лет, она была опубликована.

Большой интерес представляют письма Энгельса об английском рабочем движении. Уже в 1858 г. в одном из писем к Марксу Энгельс указывал на существующую связь между расширением колониальных владений Англии и ростом оппортунизма в рабочем движении. Ленин, комментируя указанные письма Энгельса, пишет: «Необходимо отметить, что в Англии тенденция империализма раскалывать рабочих и усиливать оппортунизм среди них, порождать временное загнивание рабочего движения, сказалась гораздо раньше, чем конец XIX и начало XX века» (Ленин, Соч., т. XIX, стр. 157).

В течение многих лет Энгельс вскрывал эту связь оппортунизма в рабочем движении с колониальной политикой английского капитализма и разоблачал продажность оппортунистических лидеров английского пролетариата. В письме к Зорге Энгельс пишет: «Самое отвратительное здесь, — это всосавшаяся в плоть и кровь рабочих буржуазная «респектабельность»... Я, например, далеко не уверен, что Джон Бернс гордится в душе более своею популярностью среди своего класса, чем своею популярностью у кардинала Маннинга, лорд-мэра и вообще у буржуазии» (Энгельс — Ф.-А. Зорге, 7 декабря 1889 г.).

Энгельс бичует оппортунистических вождей Социал-демократической федерации в Англии, Гайндмана и др., за их связи с английскими консерваторами и либералами.

Если оппортунистические деятели английского рабочего движения опирались главным образом на рабочую аристократию, на квалифицированную, высокооплачиваемую часть рабочих, то передовые представители английского пролетариата нашли благоприятную почву для своей деятельности в широких массах рабочего класса — низкооплачиваемых рабочих, живших в крайней нужде и нищете, типичным примером которой являлся Лондонский Ист-Энд.

Когда среди малоквалифицированных рабочих Ист-Энда началось брожение, вспыхнули массовые стачки докеров, рабочих газовых предприятий, Энгельс с величайшим энтузиазмом приветствовал и всячески поддерживал это движение, в котором он видел начало революционного подъема рабочего класса в Англии. Говоря о мощной стачке докеров, он писал: «Лондонский Ист-Энд утопал до сих пор в болоте пассивной нищеты: его отличительной чертой было отсутствие какого-либо сопротивления у людей, сломленных голодом, потерявших всякую надежду... Если *этот* слой способен к организации, то это знаменательный факт. Чем бы ни кончилась эта стачка...

в лице докеров в движение вступают самые глубокие слои рабочих Ист-Энда, и тогда другие, выше стоящие слои должны будут последовать этому примеру» (Энгельс — Э. Бернштейну, 22 августа 1889 г.). Энгельс с большой радостью отмечал организацию новых трэд-юнионов, объединявших неквалифицированных рабочих, ценя в них отсутствие формализма, цеховщины и других буржуазных предрассудков, которыми были заражены старые трэд-юнионы.

В американском социализме Энгельс резко критикует его оторванность от рабочего движения, догматизм и сектантство. В письме к Шлютеру он одобряет отстранение от руководства социалистической партией сектанта Розенберга и указывает на необходимость ликвидации немецкой социалистической партии в Америке, которая своим догматизмом и сектантскими методами работы препятствовала успешному развитию самостоятельного социалистического движения американских рабочих. «Американские рабочие, — пишет Энгельс, — уже выступили, но, как и англичане, они пойдут своим собственным путем. С ними начинать с теории нельзя, но их собственный опыт, их ошибки и печальные последствия этих ошибок, в конце концов, заставят их обратиться к теории, и тогда все будет прекрасно» (Энгельс — Г. Шлютеру, 11 января 1890 г.).

* * *

Большое количество писем в томе отражает борьбу Энгельса с оппортунизмом в связи с созданием нового Интернационала. Энгельс ставил задачей создать Интернационал на «чисто-коммунистической основе», где принципы марксизма будут являться руководящей программой этого нового международного объединения пролетариата. Долгое время Энгельс считал нецелесообразным приступать непосредственно к организации Второго Интернационала, так как рабочие партии отдельных стран, по его мнению, еще не созрели для осуществления этого плана. Но когда Германская социал-демократия на своем съезде в С. Галлене в октябре 1887 г. решила поставить вопрос о созыве международного конгресса перед социалистами других стран, а оппортунистические элементы Англии и Франции и анархисты пытались захватить в свои руки инициативу созыва международного конгресса социалистов и создания Интернационала, — Энгельс счел основной задачей марксистов взять инициативу в свои руки с тем, чтобы созвать международный конгресс революционных социалистов. В письме к Зорге Энгельс писал, что «значение конгресса — повлечет он за собой другой или нет — заключается в том,

что единодушие социалистических партий Европы будет засвидетельствовано перед всем миром, а несколько интриганов, если они не смирятся, останутся не при чем» (Энгельс — Ф.-А. Зорге, 8 июня 1889 г.).

Энгельс действует с величайшей энергией. В письмах к руководящим деятелям рабочих партий разных стран он дает указания, подстегивает, требует большей настойчивости, организованности в подготовке предстоящего марксистского конгресса. По поручению Энгельса были написаны и им проредактированы памфлеты, разоблачающие деятельность Социал-демократической федерации Англии и французских POSSИБИЛИСТОВ — их оппортунистическую сущность, их связи с английскими консерваторами и либералами, а также с французскими буржуазными республиканцами. Памфлеты широко распространяются в социалистических организациях, политических клубах, профессиональных союзах Англии и Франции. Эти памфлеты имели большое значение в созыве марксистского конгресса.

Энгельс резко критикует Гэда и Лафарга — руководителей французской Рабочей партии за их медлительность, Либкнехта и других руководителей Германской социал-демократии за их примиренчество к оппортунистам — к французским POSSИБИЛИСТАМ. Благодаря энергичной деятельности Энгельса был обеспечен созыв марксистского конгресса в Париже в 1889 г., положившего начало деятельности II Интернационала.

Энгельс принимает активное участие в руководстве II Интернационалом, ведя решительную борьбу как против оппортунистов, так и против анархистов, пытавшихся пробраться в ряды Интернационала для того, чтобы внутри его повести борьбу с марксизмом.

* * *

В своих письмах, включенных в данный том, Энгельс разработывает ряд важнейших положений марксистской теории. В письме к Шмидту от 5 августа 1890 г. Энгельс развивает мысль о способе распределения в коммунистическом обществе. Критикуя взгляды газеты «Volks-Tribüne», высказанные в дискуссии по вопросу о способе распределения при коммунистическом строе, Энгельс писал, что «никому не пришло в голову, что способ распределения существенным образом зависит от количества распределяемых продуктов и что это количество, конечно, меняется вместе с прогрессом производства и общественной организации; а следовательно, должен был бы меняться и способ распределения. Но у всех участников

дискуссии «социалистическое общество» оказывается не чем-то постоянно меняющимся и прогрессирующим, а раз навсегда установленным и определенным и должно, следовательно, иметь раз навсегда установленный определенный способ распределения» (Энгельс — К. Шмидту, 5 августа 1890 г.). Это замечательное положение Энгельса прямо и непосредственно примыкает к положениям Маркса, изложенным в «Критике Готской программы», о двух фазах коммунистического общества, которые стали исходными пунктами созданного Марксом и Энгельсом и развитого Лениным и Сталиным учения о социализме и коммунизме.

Чрезвычайно важны письма Энгельса, посвященные вопросам теории исторического материализма. Это — письма Энгельса К. Шмидту от 5 августа и 27 октября 1890 г., к Иосифу Блоху от 21—22 сентября 1890 г. В них изложены ценные методологические указания об изучении истории и дана разработка ряда вопросов исторического материализма. Энгельс подвергает здесь критике упрощенство и вульгаризацию в вопросах применения теории исторического материализма. В письме к Шмидту от 5 августа 1890 г. Энгельс высмеивает многих «молодых писателей» и студентов, присоединившихся тогда к социалистическому движению в Германии, которые причисляли себя к сторонникам исторического материализма, хотя они и не усвоили как следует эту теорию. Обладая лишь путанными полужнаниями, они воображали себя призванными поучать рабочих.

Исторический материализм они превращали в пустую фразу, в мертвую априорную схему. Подвергая критике этих «новейших марксистов», Энгельс подчеркивал, что исторический материализм не имеет ничего общего с априорными схемами, а требует конкретного изучения общества.

«Всю историю, — пишет Энгельс, — надо начать изучать заново. Надо исследовать в деталях условия существования различных общественных формаций, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частно-правовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. воззрения. В этом отношении сделано до сих пор очень мало, потому что очень немногих людей серьезно этим занималось» (Энгельс — К. Шмидту, 5 августа 1890 г.). Надо изучать экономическую историю, историю земледелия, промышленности, торговли, историю науки и техники, развитие форм общественного сознания, нужно *диалектически* подходить к общественным явлениям.

Энгельс советует изучать теорию исторического материализма *по первоисточникам*, по произведениям Маркса, а не из вторых рук.

Все произведения Маркса, указывает Энгельс, представляют блестящее применение теории исторического материализма, но особенно он выделяет здесь «18 Брюмера Луи Бонапарта» и «Капитал». Из своих работ он указывает на «Анти-Дюринг» и «Людвиг Фейербах».

Борясь против превращения теории исторического материализма в пустую абстракцию, борясь против схематизма в изображении исторического процесса, Энгельс показывает, что «в историческом процессе определяющим моментом в *конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни». «Экономическое положение, это — базис, но на ход исторической борьбы оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты — конституции, установленные победившим классом после одержанной победы, и т. п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм» (Энгельс — И. Блоху, 21—22 сентября 1890 г.).

Останавливаясь на вопросе о развитии производительных сил, Энгельс не раз в своих письмах обращает внимание на обратное влияние идеологии на все общественное развитие, даже на экономическое. Критикуя ошибки Барта в его книге «Философия истории Гегеля и гегельянцев до Маркса и Гартмана», Энгельс с большой убедительностью показывает влияние экономики на политическую жизнь общества и обратное влияние политики на экономику: «...следует заглянуть лишь в «18 брюмера» Маркса, — пишет он, — где только почти и идет речь о той *особой* роли, которую играют политические битвы и события, конечно, в рамках их *всеобщей* зависимости от экономических условий; или «Капитал», например, отдел о рабочем дне, где так решительно действует законодательство, которое ведь есть политический акт; или отдел, посвященный истории буржуазии (24-я глава). К чему же мы тогда бьемся за политическую диктатуру пролетариата, если политическая власть экономически бессильна? Насилие (т. е. государственная власть) это есть тоже экономическая сила!» (Энгельс — К. Шмидту, 27 октября 1890 г.)

Большой интерес представляет письмо Энгельса К. Шмидту от 1 ноября 1891 г. о том, почему и как надо изучать диалектику Гегеля. В этом письме Энгельс указывает, что Гегеля надо читать не так, как его читают разные эпигоны классического немецкого идеализма. Он обращает внимание на «Логику» Гегеля, указывая

при этом, что «главное в ней — учение о сущности». Почему? Потому что именно здесь излагается учение о противоречии как источнике всякого движения.

При изучении «Логики» Энгельс советует параллельно изучать лекции Гегеля по истории философии — «одно из гениальнейших произведений». Ленин, не зная этих замечаний (письмо Энгельса К. Шмидту было впервые опубликовано только в 1920 г.), в своих «Философских тетрадах» гениально истолковал и переработал материалистически «Логик» Гегеля и двинул вперед теорию диалектического материализма.

* * *

Энгельс умер, когда завершался переход от эпохи домонополистического капитализма к эпохе империализма. Однако в статьях и письмах последних лет жизни он не вскрыл империалистического характера грядущей войны. Напротив, он считал главным и основным источником военной опасности царскую Россию. Эта его позиция нашла свое выражение в нескольких письмах, входящих в данный том, в особенности в письме к румынскому социалисту И. Надежде. Энгельс оценивает роль России примерно так же, как он оценивал ее раньше, в условиях предыдущей исторической эпохи. В этом письме он развивает ту точку зрения, что Священный Союз, «руководимый с 1815 г. русским царизмом и продолжающий существовать до наших дней» (Энгельс — И. Надежде, 4 января 1888 г., настоящий том, стр. 4), создает основную угрозу европейской войны.

Совершенно ясно, что Энгельс, рассматривая только царскую Россию как главный и основной очаг военной опасности, упускал из виду важнейший фактор грядущей мировой войны — империалистическую борьбу за колонии, рынки сбыта, источники сырья, противоречия между Германией и Англией и т. д.

Только Ленин, подняв марксистскую теорию на высшую ступень, дал анализ новой эпохи, эпохи империализма; он создал учение об империализме и дал принципиально новую и единственно правильную трактовку империалистической войны. Он открыл закон неравномерности экономического и политического развития капитализма в эпоху империализма и сделал всемирно-историческое открытие о возможности победы социализма первоначально в нескольких или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране.

Позицию Энгельса в вопросе об отношении к грядущей войне можно характеризовать как *пассивное* пораженчество, от которого он потом отказался в пользу оборончества в том случае, если царская

Россия начнет войну против Германии. Имея в виду такую возможность, Энгельс писал, что дело будет идти «о существовании нации, а для нас также о сохранении той позиции и тех видов на будущее, которые мы себе завоевали» (Энгельс — А. Бебелю, 13 октября 1891 г., настоящий том, стр. 354). Энгельс не видел, таким образом, того, что подобная война в случае своего возникновения была бы с обеих сторон войной захватнической, грабительской, Германия воевала бы против царской России за рынки сбыта, за колонии, за сферы приложения капитала, т. е. за свои империалистические интересы. Ошибочные высказывания Энгельса впоследствии были широко использованы оппортунистическими вождями германской социал-демократии для оправдания своей предательской повиннической позиции, защиты «своего отечества» в мировой империалистической войне 1914—1918 гг.

Ленин же выдвинул гениальный лозунг — превращения империалистической войны в войну гражданскую, т. е. занял позицию *активного* пораженчества. Отсюда ясно, что никак нельзя ставить равенства между позициями Энгельса и Ленина по вопросу об отношении к войне. Это были две диаметрально противоположные позиции.

Злейшие враги народа — троцкистско-зиновьевские изменники и провокаторы пытались отождествлять позиции Энгельса и Ленина по вопросу о грядущей войне. Эти попытки выражали троцкистско-меньшевистскую установку, будто Ленин не внес ничего существенного в сокровищницу марксизма, в том числе по вопросу о войне. Тот же метод извращения марксизма, превращения его в мумию, не способную к развитию, тот же метод наглого принижения роли Ленина применяли троцкисты-зиновьевцы по вопросу о возможности построения социализма в одной стране. Эти попытки фальсификации позиций Энгельса и Ленина были разоблачены товарищем Сталиным.

* * *

В настоящем томе публикуются всего 226 писем Энгельса. Эти письма адресованы виднейшим деятелям социалистического движения Европы и Америки (А. Бебелю, В. Либкнехту, Ф.-А. Зорге, П. Лафаргу, К. Каутскому, Э. Бернштейну, В. Засулич и др.). Среди писем помещен также отрывок «Путешествие в Америку», написанный во время поездки Энгельса в 1888 г. в Америку. В «Приложениях» даются два памфлета, отредактированные Энгельсом.

В числе писем, входящих в том, 130 писем публикуются впервые на русском языке.

Большая часть писем хранится в оригинале или в фотоко-

пии с оригинала в Институте Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б).

Текст перевода всех писем для настоящего издания заново сверен с оригиналами. При переводе текста писем на русский язык включены все ленинские переводы отдельных мест из этой переписки, цитированных Лениным, и проведена везде ленинская терминология.

Все подстрочные примечания в томе — редакционные примечания. Географические названия, упоминаемые в тексте, даны в транскрипции, употребляемой Энгельсом.

Настоящий том подготовлен к печати *В. А. Смирновой* под руководством *В. В. Адоратского*.

*Институт Маркса-Энгельса-Ленина
при ЦК ВКП(б).*

П И С Ь М А
1888—1891

1888 год.

1.

Иоан Надежде

в Яссы.

Лондон, 4 января 1888 г.

Черновик.

Уважаемый гражданин!

Мой друг Каутский, редактор «Neue Zeit», передал мне несколько комплектов «Revista socială» и «Contemporanul», в которых среди других работ напечатаны также и некоторые мои работы, в частности перевод моего «Происхождения семьи и т. д.». Позвольте мне выразить Вам свою искреннюю благодарность за труд, который Вы любезно взяли на себя, чтобы сделать эти произведения доступными румынским читателям.

Помимо той чести, которой Вы меня удостоили, Вы оказали мне и личную услугу, так как предоставили возможность научиться, наконец, хоть немного Вашему языку. Я говорю «наконец» потому, что почти 50 лет тому назад я уже пытался, пользуясь «Сравнительной грамматикой романских языков» Дитце, изучить его, но безуспешно. Недавно я достал маленькую грамматику Ционка; но без текстов для чтения и без словаря я двигался вперед очень медленно. Зато при помощи Вашего перевода мне удалось сделать некоторые успехи; текст оригинала, латинская и славянская этимология заменяли мне словарь, и благодаря Вам я могу теперь сказать: румынский язык не является для меня совершенно неизвестным. Тем не менее Вы оказали бы мне еще одну большую услугу, если порекомендовали бы приличный словарь, — румынско-немецкий, румынско-французский или румынско-итальянский — все равно, это дало бы мне возможность лучше понять Ваши статьи и брошюры: «Чего хотят румынские социалисты» и «К. Маркс и наши экономисты», которые я тоже получил от Каутского.

К большому своему удовлетворению я смог почерпнуть в Ваших работах уверенность в том, что социалисты Вашей страны принимают

в своей программе основные принципы той теории, которой удалось сплотить в едином отряде бойцов огромное большинство европейских и американских социалистов, — теории, созданной моим покойным другом Карлом Марксом. К тому времени, когда умирал этот великий мыслитель, социальное и политическое положение и успехи нашей партии во всех цивилизованных странах дали ему уверенность в том, что его усилия, направленные к сплочению пролетариев обоих полушарий в единую великую армию и под одним знаменем, увенчаются полным торжеством. Но если бы только он мог сам увидеть те огромные успехи, которых мы достигли после этого как в Америке, так и в Европе!

Эти успехи таковы, что общая интернациональная политика стала необходимостью, по крайней мере для европейской партии. С этой точки зрения я вновь с удовлетворением отмечаю, что Вы в принципе единодушны с нами и с массой западноевропейских социалистов. Это в достаточной мере подтверждает мне Ваш перевод моей статьи о политическом положении Европы¹, равно как и Ваше письмо в редакцию «*Neue Zeit*». Действительно, все мы встречаем перед собой одно и то же огромное препятствие, мешающее свободному развитию всех наций вообще и каждой нации в отдельности, — развитию, без которого мы не сможем ни начать, ни тем более завершить социальную революцию в различных странах в сотрудничестве друг с другом. Это препятствие — старый Священный Союз, союз трех убийц Польши, руководимый с 1815 г. русским царизмом и продолжающий существовать до наших дней, несмотря на все преходящие семейные распри. Этот союз был основан в 1815 г. в противовес революционному духу французского народа; в 1871 г. он был укреплен аннексией Эльзаса, превратившей Германию в раба царизма, а царя — в арбитра Европы; в 1888 г. этот союз поддерживается для того, чтобы подавлять внутри трех империй революционный дух, национальные стремления и в такой же мере политические и социальные движения трудящихся классов. Так как Россия обладает стратегической позицией, почти недоступной нападению, то русский царизм образует ядро этого союза — главный резерв всей европейской реакции. Ниспровергнуть царизм, уничтожить этот кошмар, тяготеющий над всей Европой, — вот, на мой взгляд, первое условие освобождения национальностей в центре

¹ Статья Ф. Энгельса «*Situation politique de l'Europe*» («Политическое положение в Европе») опубликована в «*Le Socialiste*» № 63 от 6 ноября 1886 г. См. Соч. Маркса и Энгельса, т. XVI, ч. I, стр. 260—267.

и на востоке Европы. Раз царизм будет раздавлен, вслед за ним падет злосчастная держава, представляемая ныне Бисмарком, и наша рабочая партия пойдет гигантскими шагами к революции. Австрия распадется на части, потеряв единственный смысл своего существования: быть помехой воинствующему царизму в его стремлении поглотить разрозненные народности Карпат и Балкан; Польша возродится; Малороссия свободно определит свою политическую позицию; румыны, мадьяры, южные славяне смогут сами урегулировать между собой свои отношения и, освободившись от всякого иностранного вмешательства, установить свои новые границы; наконец, благородная великорусская нация будет стремиться уже не к завоевательным химерам на пользу царизма, а выполнит свою подлинную цивилизаторскую миссию в Азии и в сотрудничестве с Западом разовьет свои обширные интеллектуальные силы, вместо того чтобы проливать на эшафоте и на каторге кровь лучших своих людей.

Вы в Румынии должны знать царизм, вы испытали его на собственном опыте благодаря «органическому регламенту» Киселева¹, интервенции 1848 г.², дважды повторявшемуся ограблению Бессарабии, бесчисленным вторжениям в вашу страну, которая была для России лишь этапом на пути к Босфору. Царизм был уверен, что с вашим независимым существованием будет покончено в тот день, когда осуществится его мечта — завоевание Константинополя.

В настоящий момент союз, повидимому, распался, угроза войны, кажется, надвинулась вплотную. Но если она и вспыхнет, то лишь для того, чтобы привести к повиновению непокорных — Пруссию и Австрию. Я надеюсь, что мир будет сохранен; в подобной войне нельзя было бы сочувствовать ни одной из сражающихся сторон — наоборот, можно было бы только пожелать, чтобы все они были разбиты, если это только возможно. Эта война была бы ужасна, но что бы ни случилось, все в конечном счете послужило бы на пользу социалистическому движению и приблизило бы победу рабочего класса.

Простите мне эти рассуждения, но в данный момент я никак не мог писать румыну, не высказав своего мнения по поводу этих

¹ Киселев предложил ввести в Румынии государственное управление, основы которого изложены в «Органическом регламенте», утвержденном Государственным советом в Петербурге в 1831 г. по предложению правительственного комитета под председательством Киселева.

² Речь идет о русско-турецкой оккупации после подавления революционного восстания в Румынии в 1848 г.

жгучих вопросов. Мнение это сводится к следующему: революция в России в данный момент спасла бы Европу от бедствий всеобщей войны и вызвала бы всемирную социальную революцию.

2.

Николаю Францевичу Даниельсону
в Петербург.

Лондон, 5 января 1888 г.

Милостивый государь!

Я переменил квартиру, и мой адрес теперь таков: M-rs Rosher. Cottesloe, Burton Road, Kilburn, London. N. W. Номера нет никакого, потому что Cottesloe — это название дома.

Я сейчас же заказал моему книжному поставщику сочинение доктора Кейслера. Если даже первые тома его сочинения покоятся на неполных материалах, то я достаточно знаком с трудами ваших земств, чтобы быть уверенным, что в итоге эти труды должны заключать чрезвычайно ценный материал и, будучи написаны по-немецки, должны оказаться настоящим откровением для западных европейцев. Я приму все меры к тому, чтобы эти материалы были использованы.

Боюсь, что ваш дворянский земельный банк приведет к тем же результатам, к каким привели прусские земельные банки. Здесь дворянство заключало займы под предлогом улучшения своих поместий, но на самом деле тратило большую часть полученных денег на поддержание привычного образа жизни, на картежную игру, на поездки в Берлин и главные города своих провинций и т. п. Дворянство считало своим первым долгом — жить сообразно достоинству своего сословия, а первым долгом государства — помогать ему выполнять эту задачу. Таким образом, несмотря ни на какие банки, ни на какие громадные, прямые и непрямые, денежные подачки им со стороны государства, прусские дворяне находятся по-уши в долгах у ростовщиков, и никакое повышение ввозных пошлин на сельскохозяйственные продукты не спасет их. Я вспоминаю, как один хорошо известный русский из полунемцев, связанный незаконными узами с русским дворянством¹, находил, что эти прусские дворяне живут все еще слишком прижи-

¹ Речь идет о А. И. Герцене и его сборнике статей «С того берега», впервые вышедшем в Гамбурге в 1850 г., а затем в 1855 г. в Лондоне.

место. Прибыв с того берега к другому и ознакомившись с тем, как они живут у себя дома, он восклицал: эти люди стараются копить деньги, тогда как у нас человека считают жалким скрягой, если он не тратит, по крайней мере, в полтора раза больше своего годового дохода. Если принципы русского дворянства действительно таковы, то я могу только поздравить его с земельным банком.

Ваш крестьянский банк также кажется мне похожим на прусские крестьянские банки, и мне представляется почти непонятным, как это некоторые люди решительно не видят, что все новые источники кредита, предоставляемые к услугам землевладельцев (крупных или мелких), должны неизбежно повести только к их порабощению победоносными капиталистами.

Мои глаза необходимо щадить; но как бы то ни было, я все же надеюсь через короткое время — скажем, с будущего месяца — снова приступить к работе над III томом¹; только, к несчастью, я все еще не могу пока дать никаких определенных обещаний относительно времени его окончания.

Английский перевод продавался и продается очень хорошо, пожалуй, даже изумительно хорошо для книги такого характера и такого размера, так что издатель его просто в восхищении от своей операции. Зато критики его стоят ниже — даже много, много ниже — обычного, среднего, и без того низкого, уровня. Единственная хорошая статья появилась в «The Athenaeum»; остальные же по большей части дают только извлечения из предисловия; те же, которые пытаются затронуть и самую книгу, оказываются невыразимо жалкими. Самой модной теорией считается здесь в настоящее время теория Стенли Джевонса, согласно которой стоимость определяется *полезностью*, т. е. меновая стоимость — потребительной, а также, с другой стороны, пределом предложения (т. е. издержками производства), что есть просто не прямой и запутанный способ сказать, что стоимость определяется спросом и предложением. Вульгарная экономия везде и повсюду! Второй из наших крупных литературно-критических органов — «The Academy» — еще не высказался.

Продажа немецкого издания I и II томов идет очень хорошо. Появилось множество статей относительно книги и ее теорий. Из них сочинение Каутского «Экономические учения Карла Маркса» представляет подробное переложение, или, вернее, самостоятельное изложение этих теорий, очень недурное, хотя и не всегда вполне верное; я пришлю Вам его. Затем некий жалкий ренегат из евреев,

¹ Речь идет о III томе «Капитала» К. Маркса.

Георг Адлер, приват-доцент Бреславльского университета, написал большую книгу (заглавие ее я позабыл), чтобы доказать заблуждения Маркса; но это просто грубый и смешной памфлет, изданный с целью обратить на себя внимание министерства и буржуазии и показать собственную ученость. Я просил всех моих друзей не упоминать о нем в печати ни одним словом. И в самом деле, теперь всякий мелкий, ничтожный субъект, чтобы создать себе рекламу, спешит напасть на нашего автора.

Парижские друзья усомнились в точности Ваших печальных сообщений касательно нашего «общего друга»¹. Не можете ли Вы доставить тем или иным путем какие-нибудь подробности о постигшем его несчастье?

Прилагаю одну маленькую вещицу, изданную несколько лет тому назад.

Искренне Ваш

Ф. В. Рошер.

3.

Фридриху-Альберту Зорге

в Рочестер.

Лондон, 7 января 1888 г.

Дорогой Зорге!

Прежде всего — с новым годом! Надеюсь, что ты скоро привыкнешь к новому месту и уже вполне оправился от всех несчастий, постигших тебя летом.

Будем надеяться, что военная гроза пронесется мимо — ведь и без того все складывается настолько хорошо и в таком соответствии с нашими желаниями, что мы отлично можем обойтись без нарушения нормального хода вещей всеобщей войной, да еще войной таких грандиозных размеров, каких свет не видал. Впрочем, в конце концов и это обернулось бы в нашу пользу. Политика Бисмарка толпами гонит к нам рабочие и мелкобуржуазные массы; убожество с такой помпой возведенной социальной реформы оказывает чрезвычайно сильное воздействие, но эта реформа попросту предлог для репрессивных мер против рабочих (путткамеровский указ о стачках², предложение снова ввести рабочие книжки, обкрадывание профессиональных касс и касс взаимопомощи). Новый закон против социалистов мало повредит, статья о высылке

¹ Г. А. Лопатин.

² Указ 11 апреля 1886 г. о применении против бастующих рабочих репрессивных мер.

на этот раз едва ли пройдет, а если и пройдет, то долговечность ее под вопросом. Ведь если бы старик Вильгельм скоро протянул ноги, — а это было бы нам всего больше наруку, — после этого кронпринц пришел бы к власти тоже на какие-нибудь полгода, то, вероятно, все пришло бы в расстройство. Бисмарк так усердно поработал над тем, чтобы совершенно устранить кронпринца и добиться регентства *молодого* Вильгельма, нахального гвардейского подпоручика, что в этом случае он был бы, вероятно, отстранен и политику его сменил бы кратковременный, полный иллюзий, либеральный режим. Этого было бы достаточно, чтобы разрушить веру филистера в незыблемость бисмарковского режима; и если бы даже после этого, при молодом олухе, Бисмарк снова вернулся бы к власти, то филистер все-таки перестал бы в него верить; да и молодой олух — это все же не то, что старик. Ведь современные лже-Бонапарты ничто, если нет веры в них и в их непобедимость. И если бы после всего этого мальчишка и его ментор Бисмарк обнаглели и пустили в ход меры, еще более гнусные, чем теперь, то дело быстро дошло бы до критического пункта.

Война, напротив, отбросила бы нас на годы назад. Шовинизм затопил бы все, так как это была бы борьба за существование. Германия выставила бы около 5 миллионов солдат, или 10% населения, другие — около 4—5%, Россия — относительно меньше. Но всего на полях сражений было бы 10—15 миллионов людей. Хотел бы я видеть, как их прокормят; опустошение было бы такое же, как и в Тридцатилетнюю войну. И дело не кончилось бы быстро, несмотря на громадные военные силы. Ибо на северо-западной и юго-восточной границах Франция защищена очень широкой линией крепостей, а новые укрепления Парижа образцовы. Стало быть, это затянулось бы надолго, да и Россию тоже нельзя взять штурмом. Значит, если бы даже все пошло по желанию Бисмарка, то к нации были бы предъявлены такие требования, как никогда прежде, и вполне возможно, что оттяжка действительной войны и частичные неудачи вызвали бы переворот внутри страны. Если же немцы с самого начала были бы побиты или вынуждены к длительной обороне, тогда бы переворот произошел наверняка. Если же война была бы доведена до конца без внутренних потрясений, то наступило бы такое истощение, какого Европа не видела уже 200 лет. Победительницей оказалась бы по всей линии американская промышленность и поставила бы нас всех перед выбором: либо вернуться назад к земледелию только для *собственного потребления* (так как всякое другое было бы невозможно из-за американского хлеба), либо — социальный переворот.

Вот почему я думаю, что доводить дело до крайности, итти дальше мнимой войны не собираются. Но стоит только раздаться первому выстрелу, как вожжи выпадут из рук и лошади понесут.

Таким образом, все ведет к развязке — и война, и мир; мне приходится, следовательно, поторапливаться с III томом. Но события требуют, чтобы я был в курсе дела, и это отнимает много времени, в особенности военные дела, а мне все-таки приходится беречь свои глаза. Да, если бы я был способен ограничиться ролью чисто кабинетного ученого! Но все же работа должна быть сделана, и я примусь за нее не позже будущего месяца.

Шорлеммер здесь и шлет сердечный привет.

В парижском президентском кризисе¹ наши товарищи непосредственно сыграли решающую роль. Бланкисты стали во главе, Вайян увлек за собой бюро муниципального совета. Если скоро наступит революция, Вайян станет душой ближайшего временного правительства. У него выгодное положение: ему как бланкисту не надо быть представителем какой-либо экономической теории, так что он может оставаться в стороне от многих дрызг. Поссибилисты совсем оскандалились; они стояли за воздержание от *всякого действия* и намеревались вынести вместе с реакционерами порицание бюро городского муниципалитета, которое вело себя настолько хорошо, насколько это вообще можно ожидать от подобного рода радикалов; однако поссибилисты провалились.

«Commonweal», «Gleichheit» и «To-Day» ты, надеюсь, получаешь аккуртно.

Твой старый

Ф. Э.

4.

Вильгельму Либкнехту

в Лейпциг.

Лондон, 10 января 1888 г.

Дорогой Либкнехт,

С законопроектом о лишении прав гражданства² дело, вероятно, пойдет не так-то быстро; как ни гнусны немецкие буржуа, но для подобной трусости нужно обладать известным мужеством, и Бисмарку, я думаю, потребуется не меньше года, чтобы им это втолковать. Но

¹ Отставка президента Жюля Греви.

² Речь идет о подготовлявшемся правительством законопроекте, согласно которому участники запрещенных органов печати, нелегальных собраний и союзов могли быть лишены прав гражданства.

за год может произойти многое. Своей интригой против кронпринца г-н Бисмарк сам вставил себе палки в колеса. И если теперь старик окачурится, а кронпринц продержится хотя бы только полгода, то этого будет достаточно, чтобы привести в расстройство решительно все и основательно поколебать веру филистера в вечность бисмарковского режима. Тогда наступит очередь нахального мальчишки Вильгельма, а он принесет бесконечно больше пользы, чем может причинить вреда. Итак, я надеюсь, что ты в будущем году поедешь в Америку лишь на время и что мы увидим тебя здесь и на пути туда и по возвращении обратно. В Америке у тебя будет достаточно работы; ты ведь сам говоришь, что там страшно запутали дело. Сами американцы слишком еще новички в движении, слишком еще мало связаны с движением в целом, чтобы не наделать ряда грубейших ошибок. Но им можно помочь, и тут такой человек, как ты, знающий английское движение и умеющий обращаться с английской публикой, мог бы быть очень полезен.

Здесь ничего нового. Старый Коммунистический союз все более клонится к упадку; сейчас он в руках процалыги Гиллеса и все больше и больше братается с анархистами, штаб-квартирой которых теперь является Лондон. Эпилог истории в Трафальгарском сквере¹ — поголовные обвинительные приговоры против участников обеих демонстраций во второй и в первой инстанциях. На-днях предстанут перед судом Грехем и Бернс. Если они тоже будут осуждены, то это будет со стороны лондонских присяжных уступкой полиции и Уоррену, что только обострит классовую рознь. Рабочие смертельно ненавидят полицию и на следующих выборах глупцам-тори припомнят это.

Поздравляю тебя задним числом с новым годом, и пусть сохранится мир и во внешних отношениях и внутри; мне сейчас не хотелось бы ни войны, ни путчей, уж очень хорошо все идет.

Твой Ф. Энгельс.

¹ На 13 ноября 1887 г. в Трафальгарском сквере была назначена демонстрация протеста против ареста и грубого обращения полиции с лидером ирландских социалистов Вильямом О'Брайеном. Вопреки запрещению полиции демонстранты пытались пройти через Вестминстерский мост. В результате произошли кровавые столкновения демонстрантов с полицией. Это событие известно в истории рабочего движения Англии под именем «кровавого воскресенья».

5.

Герману Шлютеру
в Готтинген-Цюрих.

Лондон, 10 января 1888 г.

Дорогой г. Шлютер,

Я не возражаю против того, чтобы Эде перепечатал конец предисловия к «Ура-патриотам»¹.

Сообщите мне, пожалуйста, когда приблизительно может быть начато печатание «Теории насилия». Дело в том, что я сейчас пишу четвертую главу этой работы, где разбираю бисмарковские методы насилия и причины их временного успеха. Пишу ее сейчас, но должен буду просмотреть ее непосредственно перед печатанием и дополнить новейшими фактами. Эту главу я тоже охотно предоставляю в распоряжение Эде, когда все будет готово².

В ближайшее время я примусь за приведение в порядок своих книг. Возможно, что при этом найдется еще экземпляр «Святого семейства»; в таком случае я передам его Архиву. Между прочим, прошу Вас и в дальнейшем с осторожностью относиться к «*Revue der Neuen Rheinischen Zeitung*» — отдельные статьи можно было бы использовать лишь в самом крайнем случае³.

История, которую извратил Брун⁴, упоминается в «*Господине Фогте*», стр. 124, в примечании⁵ — Бандя выдавал себя за представителя некоего издателя, якобы открывающего дело в Берлине, он называл его Эйзенманом или что-то в этом роде и ручался за то, что тот напечатает рукопись. Последняя была написана Марксом и

¹ Введение к брошюре Боркгейма «*Zur Erinnerung für die deutschen Mordpatrioten 1806—1807*» («На память немецким ура-патриотам 1806—1807 гг.»). Опубликовано в 1888 г. в Цюрихе. См. Соч. Маркса и Энгельса, т. XVI, ч. I, стр. 299—304.

² Эта глава «Роли насилия в истории» не была закончена Энгельсом при жизни и опубликована лишь после его смерти. См. Соч. Маркса и Энгельса, т. XVI, ч. I, стр. 452—507.

³ В письме к Энгельсу от 30 декабря 1887 г. Шлютер сообщал, что книгопродавцы, пользуясь тем, что крайне трудно встретить на рынке полный комплект «*Revue der Neuen Rheinischen Zeitung*», разрежали некоторые выпуски «*Revue*» на части и выдавали их покупателям за отдельные самостоятельные работы.

⁴ Брун распространил клевету о том, что Маркс заложил рукопись «Великие люди эмиграции» за 4 тысячи, не смог ее выкупить, и она якобы была куплена Штибером.

⁵ Работа К. Маркса «Господин Фогт» опубликована в Лондоне в 1860 г. См. Соч. Маркса и Энгельса, т. XII, ч. I, стр. 247—543. Примечание, стр. 437—438.

мною, и оригинал ее находится здесь, у меня. Но настоящим покупателем копии был Штибер, который по глупости думал, что в *предназначенной нами для печати* рукописи прусская полиция найдет *секретный* материал для разоблачений, а не одно лишь высмеивание великих мужей эмиграции¹, — ничего другого, разумеется, там не было. Обещав *опубликовать* ее, нас надули, но в дураках осталась в сущности прусская полиция, — ведь недаром она остерегалась хвастаться когда-либо этим подвигом, — да еще господин Кошут, который лишь благодаря этому случаю понял, что за птицу он взял под свое покровительство, — хотя и в то время он еще пытался его поддерживать.

На Ваше любезное поздравление с новым годом сердечно отвечаю тем же.

Ваш Ф. Э.

6.

Герману Шлютеру
в Готтинген-Цюрих.

Лондон, 23 января 1888 г.

Дорогой г. Шлютер,

«Теорию насилия» Вы получите до 20 февраля; Вы получили бы ее и раньше, но помешал английский перевод «Манифеста», который я спешно должен закончить вместе с переводчиком «Капитала», Сэмом Муром, находящимся сейчас здесь. Мне не хотелось упустить такой прекрасный случай.

Как только эта работа — в конце этой недели — будет закончена, я снова примусь за окончание «Теории насилия», в которой содержится краткий обзор относящихся сюда исторических событий с 1848 по 1888 г. На этот раз я разозлю Бисмарка еще больше, чем водкой².

Сердечный привет.

Ваш Ф. Э.

Единственное, что, конечно, могло бы этому помешать, это мои глаза, которые я лечу, чтобы отделаться, наконец, от этой несносной болезни, но в таком случае я Вам напишу.

¹ «Великие люди эмиграции». См. «Архив Маркса и Энгельса», кн. V, М. Гиз, 1930 г., стр. 295—376.

² Речь идет о статье Энгельса «Preussischer Schnaps im deutschen Reichstag» («Прусская водка в германском рейхстаге»), опубликованной в «Volksstaat» №№ 24, 25 и 26 за февраль и март 1876 г. См. Соч. Маркса и Энгельса, т. XV, стр. 295—312.

7.

Герману Шлютеру
в Готтинген-Цюрих.

Лондон, 12 февраля 1888 г.

Дорогой г. Шлютер,

Обещанную рукопись¹ я не смогу, к сожалению, прислать Вам до 20-го числа. Причина — всевозможные препятствия: корректура «Манифеста», которую я начну получать на той неделе, а также необходимость особенно беречь глаза, что предписано мне как раз теперь, во время лечения.

Не сообщите ли Вы мне как можно точнее, когда должно быть начато печатание? Три главы старого текста «Теории насилия» готовы к печати, но не готова еще новая глава, первый вариант которой меня совершенно не удовлетворяет, — она, как и всегда, будет длиннее, чем я предполагал. Притом это тема такого рода, что ее нужно либо разработать исчерпывающим образом, либо не касаться вовсе.

Как только Вы укажете мне определенный срок, я смогу Вам сказать, справлюсь ли я к тому времени или нет. В последнем случае было бы лучше всего, если бы Вы за это время напечатали какую-нибудь мелкую работу, потому что речь тут может идти самое большее о трех-четыре-х неделях.

Годится ли рукопись для опубликования в «Sozialdemokrat» — лучше всего судить на месте, когда она будет там получена.

При нынешнем остром политическом положении мне все-равно нужна небольшая отсрочка, чтобы выждать дальнейший ход событий.

Сердечный привет.

Ваш Ф. Энгельс.

8.

Герману Шлютеру
в Готтинген-Цюрих.

Лондон, 19 февраля 1888 г.

Дорогой г. Шлютер,

Я не успею кончить. Поэтому было бы лучше всего, если бы Вы пока напечатали что-нибудь другое, а меня известили бы по возможности заранее, недели за две, за три, когда Вы закончите

¹ Речь идет о рукописи «Роль насилия в истории».

эту работу и к какому сроку Вам нужно получить мою рукопись. Теперь все сваливается на меня сразу. На этой неделе, например, я буду занят почти исключительно корреспонденцией, которую за последнее время я окончательно запустил.

При первой возможности пошлю Вам для Архива английский перевод «Манифеста».

Сердечный привет вам всем

Ваш Ф. Энгельс.

9.

Фридриху-Альберту Зорге
в Рочестер.

Лондон, 22 февраля 1888 г.

Дорогой Зорге,

Откровенно говоря, я с самого начала считал, что ты едва ли долго выдержишь в этом маленьком провинциальном городке. Я не знаю худшего несчастья для цивилизованного человека, участника большого движения, успевшего уже состариться за долгие годы участия в этом движении, чем после многолетней жизни в мировом городе оказаться сосланным в такое захолустье. Я все же доволен, что ты пришел к определенному решению. Это сделает более сносной твою жизнь в продолжение ближайших месяцев.

Я начал лечить глаза; окулист говорит, что серьезного ничего нет, но беречь их во время лечения необходимо. Ему легко говорить, а тут целая дюжина всяких людей рвет меня на части и требует от меня работы для Германии, Англии, Франции, Италии и т. д. И все спешно! Наряду с этим они еще настаивают, чтобы я издал III том «Капитала». Все это прекрасно, но они сами же этому мешают. Как бы там ни было, твое давнишнее желание будет на-днях исполнено: «Манифест» выйдет здесь, у Ривса, на английском языке. Перевод С. Мура проредактировали мы оба, а предисловие — я один, и первая корректура уже прочитана. Как только получу первые экземпляры, пошлю тебе два, один из них для Вишневецких. Дело в том, что Ривс платит С. Муру авторский гонорар в виде известного процента с каждого проданного экземпляра, а так как контракт заключил я, то я непосредственно не могу предложить, чтобы издание было перепечатано в Америке. Иначе Ривс мог бы на этом основании объявить контракт нарушенным, и бедняга Сэм Мур остался бы не при чем. Но ясно, конечно, что против перепечатки я предпринимать ничего не могу и не буду.

Ведь перепечатал же Ривс мое предисловие к «Положению рабочего класса».

Эвелинг собирается поставить несколько своих пьес. Если они будут иметь успех, то он выберется из нищенского существования журналиста. Он и Тусси сейчас придут, они будут у меня обедать, так как у Эвелинга где-то поблизости будет собрание. Лафарги переехали в рождественские дни в Перре за Венсеном, в 20 минутах езды по железной дороге от Парижа, и развлекаются, занимаясь там сельскими работами. «Socialiste» опять скончался. Парижские рабочие не желают читать еженедельной газеты. Вайян занимает видное положение в Муниципальном совете. Во время президентского кризиса, когда избранию Ферри помешало угрожающее поведение рабочих, он очень выдвинулся. Он станет душой ближайшего временного правительства, когда оно придет к власти.

Бebelь и Зингер во время обсуждения закона против социалистов нанесли пруссакам сокрушительное поражение. Впервые вся Европа должна была прислушаться к нашим людям в рейхстаге. Ты, вероятно, читал речь Бебеля в «*Gleichheit*», это шедевр, в котором он превзошел самого себя.

Надеюсь, что дело не дойдет до войны, хотя в таком случае оказалось бы, что я зря работал над своими военными очерками, за которые я снова вынужден был взяться именно из-за военной шумихи. Шансы таковы: Германия благодаря давно существующей всеобщей воинской повинности и школьному образованию сможет выставить $2\frac{1}{2}$ —3 миллиона кадровых солдат и обеспечить себя офицерами и унтер-офицерами, Франция — не более $1\frac{1}{4}$ — $1\frac{1}{2}$ миллионов, Россия — едва 1 миллион. В худшем случае силы Германии при обороне уравновесят силы обеих. Италия сможет выставить и содержать 300 000 человек, Австрия — приблизительно миллион. Следовательно, для войны на суше германо-австро-итальянские шансы хороши, а войну на море решит поведение Англии. Вот это была бы божественная картина, если бы Бисмарк должен был уничтожить свою собственную главную опору, русский царизм!

Будет война или нет, но все близится к кризису. Нынешнее положение дел в России не может долго продолжаться. Гогенцоллернам — капут, кронпринц смертельно болен, его сын калека, нахальный гвардейский подпоручик. Во Франции все ближе движется падение буржуазной республики эксплуататоров. Скандалы, подобные тем, что происходили в 1847 г., грозят вызвать, несмотря ни на что, революцию. И здесь, в Англии, массами все больше и больше овладевает инстинктивный социализм; к счастью,

они сопротивляются всяким догматическим формулировкам тех или иных социалистических организаций, и тем легче они воспримут идеи социализма, когда дело дойдет до решающих событий. Стоит лишь где-нибудь завариться каше, и буржуа будут поражены тем скрытым социализмом, который тогда прорвется наружу и станет явным.

Твой старый

Ф. Энгельс.

10.

Флоренс Келли-Вишневецкой

в Нью-Йорк.

Лондон, 22 февраля 1888 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогая г-жа Вишневецкая,

Ваши письма от 21 декабря и 8 января я получил своевременно; возвращаю с благодарностью письмо Ловелля.

Поведение Гренлунда меня не удивляет, и я, собственно говоря, был очень рад, что он ко мне не зашел. Судя по всему тому, что я о нем слышал, этот человек полон тщеславия и самомнения до такой степени, до какой не доходит даже немец и на какую способен только скандинавец, но и наивен он к тому же в этом своем тщеславии и самомнении так, как может быть наивен только скандинавец, — в немце это было бы противно. Бывают ведь такие чудачки! В Америке, не в меньшей мере чем в Англии, все эти саморекламирующиеся великие люди займут подобающее им место, как только зашевелятся массы, — и они будут тогда поставлены на свое место с такой быстротой, что это их самих приведет в изумление. Все это мы видели уже в Германии и Франции, а также и в Интернационале.

Я недавно получил известие от бедняги старика Зорге, полностью подтверждающее все, что Вы сообщаете. Я с самого начала был вполне уверен, что он не в состоянии будет жить в одиночестве в этом захолустье¹. Надеюсь, что возвращение в Хобокен принесет ему пользу.

Я послал Вам номер «National Reformer» Бредлоу со статьей № 1 о моей книге². Экземпляры книги были посланы в следующие органы: «National Reformer», «Weekly Dispatch», «Reynold's Newspaper», «Club Journal», «Our Corner» (г-жа Безант), «To-Day»

¹ Зорге переехал в конце 1887 г. в Рочестер к своему сыну Адольфу, у которого и оставался до марта 1888 г.

² «Положение рабочего класса в Англии».

(г-н Бленд), «Christian Socialist» и «Pall Mall Gazette». Я просил своих друзей просматривать эти газеты и журналы и сообщать мне, если в них что-либо появится о моей книге; все эти сведения можете получить и Вы.

Ривс тоже запросил 1 000 экземпляров брошюры; простая ли это уловка с целью устранить конкуренцию, видно будет после. Брошюра, повидимому, расходуется чрезвычайно бойко.

«Justice» получила от Вас экземпляр книги, в «Commonwealth» она не нужна, потому что я послал ее Моррису лично.

«Justice» опять перепечатала старый американский перевод «Коммунистического Манифеста». Это дало Ривсу повод запросить авторизованный перевод. У меня был перевод Сэма Мура, а Сэм как раз был в это время здесь. Мы просмотрели перевод и сообщили об этом Ривсу; на прошлой неделе он получил корректуры, и, как только книжка выйдет из печати, Вы получите экземпляр. Сэм Мур — лучший переводчик, какого я знаю, но он не имеет возможности работать, не получая вознаграждения за свою работу.

Я не вполне понимаю Ваше замечание по поводу того, что книга должна здесь продаваться на 1 шиллинг дороже. 1,25 доллара равны, насколько мне известно, 5 шиллингам, это и составляет здесь продажную цену книги.

Госпожа Кемпбел до сих пор ко мне не заходила.

Ваши замечания по поводу бойкота моих книг официальными социалистами Нью-Йорка совершенно правильны, но я привык к такого рода вещам, и поэтому усилия этих господ меня только забавляют. Пускай уж лучше будет так, чем зависеть от их покровительства. Для них движение, это — коммерческое дело, а «дело есть дело». Такое положение вещей долго продолжаться не может, и их попытки забрать в свои руки американское движение, как они это сделали с немецко-американским, должны неминуемо окончиться жалким провалом. Массы выправят все это, как только придут в движение.

Здесь дело подвигается медленно, но успешно. Различные мелкие организации самоопределились и готовы работать совместно без дразг. Бесчинства полиции в Трафальгарском сквере ¹ чрезвычайно способствовали углублению пропасти между радикалами из среды рабочего класса и буржуазными либералами и радикалами, которые вели себя, как трусы, и в парламенте и вне его. «Лига права и свободы», крепнущая с каждым днем, является первой организацией,

¹ См. примечание к письму Энгельса В. Либнехту от 10 января 1888 г.

в которой рядом с радикалами сидят социалистические делегаты. Тупоумие теперешнего торийского правительства поразительно. Если бы старик Дизраэли был жив, он надавал бы им сплеух направо и налево. Но глупость эта великолепно помогает делу. Самоуправление для Ирландии и для Лондона — вот лозунг сегодняшнего дня здесь, в Англии, причем либералов это пугает даже больше, чем тори. Рабочие озлобляются все больше и больше из-за дурацких провокаций тори и с каждым днем все больше сознают силу на выборах, все глубже пропитываются социалистическим влиянием. Пример американцев открыл им глаза, и если этой осенью в каком-нибудь крупном американском городе произойдет повторение нью-йоркской избирательной кампании 1886 г.¹, то здесь немедленно последует отклик. Обе великие англо-саксонские нации несомненно будут соревноваться друг с другом в области социализма так же успешно, как и в других областях, и соревнование будет разворачиваться с возрастающей стремительностью.

Не можете ли Вы достать для меня американский таможенный тариф и список внутренних пошлин на американские промышленные и другие товары? Если возможно, сообщите некоторые сведения о том, как последние уравниваются первым в отношении издержек производства? Так, например, если сигары обложены внутренней пошлиной в 20⁰/₀, то это уравнивалось бы ввозной пошлиной в 20⁰/₀, поскольку это касается иностранной конкуренции. По этому вопросу я хотел бы иметь кое-какие сведения, прежде чем взяться за предисловие к «Свободе торговли»².

Отвечая на Ваши любезные пожелания тем же, остаюсь преданный Вам

Ф. Энгельс.

11.

Вильгельму Либкнехту

в Лейпциг.

Лондон, 23 февраля 1888 г.

Дорогой Либкнехт,

Прения по поводу закона о социалистах были величайшим триумфом, которого нам когда-либо удавалось добиться на

¹ Речь идет о выборах мэра Нью-Йорка, когда при участии рабочих организаций был выдвинут кандидат Генри Джордж, занявший по числу полученных голосов второе место.

² «Речь о свободе торговли» произнесена К. Марксом 9 января 1848 г. на открытом собрании Демократического общества в Брюсселе. См. Соч. Маркса и Энгельса, т. V, стр. 447—461.

парламентском поприще, и я жалею только, что ты не мог принять в них участия. Но теперь, вероятно, ждать уже недолго, ты ведь в ближайшем будущем займешь место Газенклевера.

У нас здесь тоже есть свой Путткамер в лице Бальфура, секретаря по делам Ирландии. Подобно тому как Путткамер — двоюродный брат Бисмарка, Бальфур — племянник Сольсбери. Он так же нагл и дерзок, так же по-юнкерски высокомерен, как Путткамер. Ему и достается столько же: на прошлой неделе он так же ежился под ударами О'Брайена, как Путткамер под ударами наших. И он так же полезен для ирландцев, как Путткамер для нас. Впрочем, о здешних делах ты абсолютно ничего не узнаешь из жалкого «Saturday Review», если ты его еще получаешь; по отношению ко всему, что действительно важно, там царит заговор молчания.

Речь Бисмарка была прямо обращена к царю Александру, для того чтобы гатчинский узник все-таки узнал, наконец, истину. Но поможет ли это хоть сколько-нибудь — это вопрос. Русские со своей нерешительностью зарываются все больше и в конце концов не смогут отступить с честью. Это-то и опасно. Впрочем, они окажутся величайшими ослиами, если будут воевать. Снова повторится: «... если Крез предпримет войну против персов, то он сокрушит обширное царство...»¹ Они не выставят на своей границе и миллиона солдат; на большее количество у них не хватит офицеров. Франция выставит $1\frac{1}{4}$ миллиона *очень хороших* войск, но кадровых солдат у нее вообще больше нет, а офицеров на большее количество и подавно не хватит. Назвав цифру в $2\frac{1}{2}$ миллиона кадровых солдат, полностью обеспеченных офицерским и унтер-офицерским составом, Бисмарк даже преуменьшил силы Германии. Но это даже хорошо, что дело обстоит таким образом. Пока в России не начнется революция, Бисмарк не должен быть свергнут путем *внешнего* поражения. Это только снова доставило бы ему популярность.

Но что получится, если дело действительно дойдет до войны, трудно сказать. Наверное попытаются превратить ее только в мнимую войну, но это не так-то легко. Если обстоятельства сложатся таким образом, как это наиболее выгодно *для нас* и как это наиболее вероятно, то на французской границе будет затяжная война с переменным успехом, а на русской границе — наступательная война со взятием польских крепостей и революция в Петербурге, в результате которой перед господами, ведущими войну, все пред-

¹ Известное изречение дельфийского оракула. См. Геродот, «История в девяти книгах», т. I, кн. I, гл. 53, стр. 25, Москва, 1885 г. Перевод с греческого Ф. Г. Мищенко.

станет в совершенно ином свете. Одно можно сказать наверняка: не будет ни быстрой развязки, ни триумфальных походов на Берлин или Париж. Франция очень сильно и очень искусно укреплена, парижские форты, в смысле своего расположения, образцовы.

В прошлый понедельник на митинге, на котором Кеннингем-Грехем (коммунист, марксист, выступивший на митинге с требованием национализации всех средств производства) и Бернс были встречены овациями, сновала в толпе мамаша Шак и продавала «Freedom», здешнюю самую крайнюю, самую крикливую анархистскую газету. По ошибке она предложила ее в числе других и Лес-снеру. От неудовлетворенной жажды деятельности она, повидимому, совсем спятила с ума.

Рейс подал в суд на «Commonweal» (Морриса) за то, что эта газета объявила его шпионом. Видимо, прусское посольство вновь хочет завоевать здесь почву, утраченную в Берлине. Но оно может здорово обжечься. Мистеру Рейсу придется выступить свидетелем, а с лжесвидетельством здесь шутки плохи, тут и Путткамер не может!

«Манифест» выйдет по-английски под моей редакцией. Пошлю тебе экземпляр, как только получу сам.

Твой Ф. Э.

Кстати, вдова Пфендера живет здесь в величайшей нужде. Я делаю все, что могу; только что опять послал ей несколько фунтов. Рабочий ферейн устроил концерт в ее пользу и выручил около 5 фунтов. Сама она больна; ее дочь рисует, обе они занимаются мелким рукоделием, но все это дает жалкие крохи. Не может ли партия выплачивать ей каждые три месяца небольшое пособие? Врач говорит, что она вряд ли переживет зиму. Обдумай, что ты мог бы сделать; мы должны выдавать пенсии также и вдовам наших ветеранов.

12.

Фердинанду-Домела Нивенгейсу
в Гаагу.

Лондон, 23 февраля 1888 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой друг Нивенгейс,

Получив Ваше письмо, я сейчас же сообщил его содержание Каутскому, и я думаю, он уже сделал все согласно Вашей просьбе.

О здешних делах могу сообщить Вам в общем очень хорошие новости. Различные социалистические организации отказались от того, чтобы насильно форсировать естественный, нормальный, а потому, неизбежно, несколько замедленный ход развития английского рабочего класса; в результате — меньше шуму, меньше хвастовства, но меньше и разочарований. Они стали даже ладить друг с другом. О том, чтобы массы пришли в движение, заботится непостижимая глупость правительства и непоколебимая трусость либеральной оппозиции. Событие в Трафальгарском сквере ¹ не только вдохнуло жизнь в среду рабочих; жалкое поведение лидеров либералов во время и после этого события все больше и больше толкает радикальных рабочих к социалистам, тем более что последние как раз в этом случае вели себя очень хорошо и повсюду находились в первых рядах. Кеннингем-Грехем, объявивший себя марксистом, на митинге в прошлый понедельник прямо потребовал, чтобы нация конфисковала *все средства производства*. Итак, у нас и здесь есть представители в парламенте.

Лучшим доказательством развития здешнего рабочего движения служат радикальные рабочие клубы Ист-Энда. На них прежде всего сказалось влияние нью-йоркской избирательной кампании в ноябре 1886 г., так как то, что происходит в Америке, производит здесь большее впечатление, чем то, что делается на всем европейском континенте. Нью-йоркский пример показал массам, что рабочие поступили бы в конце концов всего лучше, создав свою собственную партию. Когда возвратились Эвелинги, они учли эти настроения и с тех пор очень много поработали в этих клубах — единственных из имеющихся здесь значительных политических рабочих организаций. Эвелинг и его жена по нескольку раз в неделю выступают там с докладами и пользуются большим успехом; они теперь безусловно самые популярные ораторы среди рабочих. Главное, конечно, сделать эти клубы независимыми от «великой либеральной партии», подготовить свою собственную рабочую партию и постепенно подвести массы к сознательному социализму. В этом отношении нам очень помогла, как я уже говорил, трусость либеральных вождей и большинства лондонских либеральных и радикальных депутатов парламента. Те из них, которые в течение трех-четырех лет избирались как представители от рабочих, все эти Кримеры, Хауэллы, Поттеры и пр., теперь уже конченные люди. Если бы здесь ввели перебаллотировки вместо существующего порядка, когда уже

¹ См. примечание к письму Энгельса В. Либкнехту от 10 января 1888 г.

в первом туре выборов решает относительное большинство, то рабочая партия была бы организована за каких-нибудь шесть месяцев; при нынешней же избирательной системе создание новой, третьей партии чрезвычайно затруднено. Тем не менее дело идет к этому, а пока мы можем быть довольны тем, что двигаемся вперед по всей линии.

Через одну-две недели выйдет проредактированное мною английское издание «Коммунистического Манифеста»; я Вам пошлю его; здесь на него большой спрос, а это тоже хороший признак.

Нашей блестящей победе в берлинском рейхстаге Вы тоже, вероятно, порадовались. Бебель превзошел самого себя. Осенью он был у меня; и я могу только пожелать, чтобы тюрьма пошла Вам так же на пользу, как ему; он говорит, что после тюрьмы всегда чувствует себя значительно лучше (у него плохие нервы, а в тюрьме его нервное возбуждение проходит!).

Не приедете ли Вы снова сюда будущим летом?

С наилучшим приветом

Ваш Ф. Энгельс.

13.

Вильгельму Либкнехту

в Лейпциг.

Лондон, 29 февраля 1888 г.

Дорогой Либкнехт,

Если вы будете выдавать г-же Пфендер по 100 марок каждые три месяца, то я буду давать столько же, и у нее получится таким образом 40 фунтов в год, что избавит ее от крайней нужды.

После смерти Пфендера у нее оставались кое-какие сбережения, и она открыла было пансион, но вынуждена была ограничиться очень уж второразрядным районом, к тому же ей вообще не повезло (так, например, к ней в дом затесалось несколько педерастов, которые были изобличены), словом — дело не клеилось. Затем она открыла лавчонку, но вскоре умерла та дочь, которая одна только и умела вести это маленькое дело, коротко говоря — деньги растаяли. Брат Пфендера, в свое время благодаря ему откупившийся от военной службы и получавший от него постоянную поддержку, живет в Ней-Ульме, в штате Миннесота; он и настоял на том, чтобы она приехала к нему со своей второй дочерью. Когда они туда приехали, то оказались, по ее словам, на положении «бедных родственников», прислуги; госпожа Пфендер, быстро приняв решение, тотчас же

уехала обратно, пробыв там не больше двух недель. Это поглотило последние ее средства. С тех пор все, что было возможно, здесь для нее делалось, но постоянную помощь — да и то недостаточную, принимая во внимание множество других нуждающихся, — могу здесь оказывать только я. Но, как я уже сказал, если твое предложение пройдет, то от крайней нужды она будет избавлена. Долго это все равно не продлится.

Утром я читаю «Daily News», вечером «Evening Standard» и «Pall Mall Gazette», по воскресеньям «Weekly Dispatch», иногда этот порядок меняется. Если в газетах попадает что-нибудь интересное, то я посылаю их Лауре в Париж, и изменять этот порядок мне неудобно. Но я постараюсь что-нибудь тебе посылать. Если литературные статьи интересуют тебя не больше, чем политика, то «Weekly Dispatch», во всяком случае, лучше, чем «Saturday Review»; газета принадлежит миссис Эштон Дилк, редактор — д-р Ал. Хантер, член парламента от города Эбердина. Это — ограниченная буржуазно-радикальная газета, но она дает полную информацию об английских делах, во время сессии — много парламентских сплетен, очень хорошие корреспонденции из Парижа (миссис Крауфорд из «Daily News», которая здесь может говорить гораздо свободнее). Как-нибудь я тебе ее пришлю.

Об упомянутых тобой ирландских циркулярах я никогда не слышал. Ирландские флаги в Ирландии и здесь — зеленые с золотой арфой, *без короны* внутри (в британском государственном гербе на арфе корона). Во времена фениев ¹ 1865—1867 гг. на многих флагах к зеленому прибавляли оранжевый цвет, чтобы показать оранжистам ² Севера, что их хотят не искоренить, а принять как братьев. Но теперь об этом и речи нет.

Я все же не считаю Бисмарка настолько глупым, чтобы он мог верить, что русские согласятся помочь ему уничтожить Францию. Вечные раздоры между Францией и Германией — для них ведь главное средство господства в Европе, и поэтому-то они — сторонники равновесия. Не подлежит сомнению, что Бисмарк ничего так

¹ Фении — «Фенианское братство» или «Ирландское республиканское братство» («Irish Republican Brotherhood»). Ирландская революционная организация образовалась в 1861 г., ставила задачу национального освобождения Ирландии от Англии.

² Оранжистские ложи — название политических союзов, образовавшихся в 1795 г. в Ирландии. Союзы отстаивали интересы протестантской церкви и стремились к политическому преобладанию Англии. Стояли за отмену парламента в Ирландии.

страстно не жаждет, как стереть Францию с лица земли. Но не так-то легко это сделать. Новые французские укрепления — линия Мааса и Мозеля, обе группы крепостей на севере и юго-востоке (Бельфор, Безансон, Лион, Дижон, Лангр, Эпиналь) и, наконец, великолепные новые группы фортов вокруг Парижа — все это будет изрядным барьером; при теперешнем положении вещей ни Германии с Францией, ни Франции с Германией легко не справиться. И это очень хорошо. В худшем случае на той границе начнется, вероятно, затяжная война с переменным успехом, которая внушит обеим армиям почтение к противнику и сделает возможным мир на сносных условиях. Зато русские могут получить отчаянную трепку, и это было бы лучше всего.

Сейчас опять идет снег, вот уже 3 недели непрерывный снег, мороз и восточный ветер, попеременно с небольшой оттепелью. У вас там как будто тоже отвратительнейшая погода.

Большой привет.

Твой Ф. Э.

Знаешь ли ты рабочего — Карла-Августа Нитцера из Линденау, высланного, по его словам, из Лейпцига (после 3 месяцев предварительного заключения), затем он якобы еще агитировал за Фирекка и после этого бежал (почему он и не может предъявить приказ о высылке)? Парень этот был раза два-три у меня и просил о поддержке; он производит, однако, впечатление отпетого бездельника и попрошайки.

14.

Герману Шлютеру

в Готтинген-Цюрих.

Лондон, 17 марта 1888 г.

Дорогой г. Шлютер,

Закончить брошюру¹ к назначенному Вами сроку опять не удастся. Очень сожалею, что водил Вас за нос, но ничего не поделаешь. Мне приходится точно следовать предписаниям своего глазного врача; если я хочу снова войти, наконец, в колею, я не должен писать больше двух часов, т. е. я вынужден прерывать работу тогда, когда я как раз вхожу во вкус. А из-за обилия корреспонденции мне часто и вовсе не удается приняться за работу. Лучше я не буду торопиться

¹ Речь идет о брошюре «Роль насилия в истории».

и сделаю работу как следует. К тому же только на-днях я получил массу необходимого материала, которым нужно будет заняться. Словом, лучше всего — действуйте сообразно Вашим планам, а когда я кончу работу, я Вам сообщу.

Леман младший¹ пишет отвратительным, аффектированным немецким языком. У него имеются все основания предостерегать против полуобразованности, устрашающий пример которой явил он сам в своем путаном либерально-консервативно-манчестерском манифесте². Впрочем, нелегкое дело разыгрывать из себя императора, находясь при последнем издыхании. Во всяком случае, если он продержится еще полгода, то внесет в политику некоторую неустойчивость и неуверенность, а это именно то, что нам нужно. Как только филистер начнет подозревать, что существовавший до сих пор порядок не вечен, а наоборот, изрядно шатается, — это будет началом конца. Леман³ был краеугольным камнем здания; камень этот выпал, и скоро станет ясно, до чего прогнил весь этот хлам. Это может означать для нас временное облегчение, но, в зависимости от обстоятельств, и временное ухудшение или даже войну. Во всяком случае — снова начинается оживление.

Сердечный привет Эде и Либкнехту, если он, как я предполагаю, пахотится у Вас.

Ваш Ф. Э.

15.

Маргарите Гаркнесс в Лондон.

Лондон, начало апреля 1888 г.

Черновик.

Дорогая мисс Гаркнесс,

Благодарю Вас за «Городскую девушку»⁴, присланную мне через г-на Визетелли. Я прочел эту вещь с величайшим удовольствием, прямо с жадностью. Это действительно, как говорит Ваш переводчик, мой друг Эйхгоф, маленький шедевр. Он к этому добавляет, и это должно доставить Вам удовлетворение, что перевод его должен быть буквальным, так как всякий пропуск или попытка изменения может только испортить ценность оригинала.

¹ Фридрих III.

² Энгельс имеет в виду тронный манифест Фридриха III.

³ Вильгельм I.

⁴ Речь идет о книге М. Гаркнесс, «Городская девушка» («A City Girl»), 1887 г.

Что особенно поражает меня, помимо реалистической правды в Вашем рассказе, это мужество настоящего художника. Оно проявляется не только в Вашем толковании Армии спасения¹, резко расходящемся с понятиями самодовольных мещан, которые, быть может, впервые из Вашего рассказа узнают, *почему* Армия спасения встречает такую поддержку в народных массах; но главным образом проявляется в той простой, неприкрашенной форме, в которую Вы облакаете старую-престарую историю девушки-пролетарки, соблазненной человеком из буржуазного класса. Посредственность попыталась бы скрыть шаблонный характер фабулы нагромождением искусственных деталей и украшений и тем не менее была бы обнаружена. Вы же почувствовали, что можете рассказать старую историю, потому что Вы в состоянии сделать ее новой благодаря одной лишь правдивости изложения.

Ваш мистер Артур Грант — шедевр.

Если я что-либо и могу подвергнуть критике, то разве только то, что рассказ все же недостаточно реалистичен. На мой взгляд реализм подразумевает, помимо правдивости деталей, правдивость воспроизведения типичных характеров в типичных обстоятельствах. Характеры у Вас достаточно типичны в тех пределах, в каких они действуют, но нельзя того же сказать об обстоятельствах, которые их окружают и заставляют их действовать. В «Городской девушке» рабочий класс фигурирует как пассивная масса, неспособная помочь себе, не делающая даже никаких попыток и усилий к тому, чтобы помочь себе. Все попытки вырвать ее из тупой нищеты исходят извне, сверху. Но если это было верно для 1800 и 1810 гг. в дни Сен-Симона и Роберта Оуэна, то в 1887 г. для человека, который около 50 лет имел честь участвовать в борьбе воинствующего пролетариата, — это не так. Революционный отпор рабочего класса угнетающей его среде, его судорожные попытки, полусознательные или сознательные, добиться своих человеческих прав вписаны в историю и должны поэтому занять свое место в области реализма.

Я далек от того, чтобы винить Вас в том, что Вы не написали чисто социалистического рассказа, «тенденциозного романа», как мы, немцы, его называем, для того чтобы подчеркнуть социальные и политические взгляды автора. Я совсем не это имею в виду. Чем больше скрыты взгляды автора, тем это лучше для произведения искусства.

¹ Армия спасения (до 1878 г. называвшаяся Христианской миссией) — религиозно-филантропическая организация, основанная Вильямом Бутсом в 1865 г. в Англии.

Реализм, который я имею в виду, проявляется даже независимо от взглядов автора. Разрешите мне привести пример. Бальзак, которого я считаю гораздо более крупным мастером реализма, чем всех Золя прошлого, настоящего и будущего, в своей «Человеческой комедии» дает нам самую замечательную реалистическую историю французского общества, описывая в виде хроники, год за годом, нравы с 1816 по 1848 г. Он рисует все усиливающийся напор поднимающейся буржуазии на дворянское общество, которое после 1815 г. перестроило свои ряды и снова, насколько это было возможно, восстановило знамя старой французской политики. Он показывает, как последние остатки этого образцового для него общества либо постепенно гибли под натиском вульгарного выскочки, либо были им развращены. Супружеские измены великосветской дамы были лишь способом отстоять себя и вполне отвечали положению, отведенному ей в браке. Впоследствии она уступила место буржуазной женщине, приобретающей мужа для денег или нарядов; вокруг этой центральной картины Бальзак сосредотачивал всю историю французского общества, из которой я даже в смысле экономических деталей узнал больше (например, перераспределение реальной и личной собственности после революции), чем из книг всех специалистов — историков, экономистов, статистиков этого периода, вместе взятых. Правда, Бальзак по своим политическим взглядам был легитимистом. Его великое произведение — непрерывная элегия по поводу непоправимого разложения высшего общества; его симпатии на стороне класса, осужденного на вымирание. Но при всем этом его сатира никогда не была более острой, его ирония более горькой, чем тогда, когда он заставлял действовать именно тех людей, которым он больше всего симпатизировал, — аристократов и аристократок. Единственные люди, о которых он всегда говорит с нескрываемым восхищением, это его самые ярые противники, республиканцы — герои улицы Cloître Saint Merri¹, люди, которые в то время (1830—1836) действительно были представителями народных масс. Я считаю одной из величайших побед реализма, одной из наиболее ценных черт старика Бальзака то, что он принужден был идти против своих собственных классовых симпатий и политических предрассудков, то, что он *видел* неизбежность падения своих излюбленных аристократов и описывал их как людей, не заслуживающих лучшей участи, и

¹ Речь идет о восстании 5 и 6 июня 1832 г. в Париже, поднятом левым крылом республиканской партии, — Обществом прав человека и гражданина.

то, что он *видел* настоящих людей будущего там, где их единственно и можно было найти.

В Ваше оправдание я должен признать, что нигде в цивилизованном мире рабочий класс не проявляет менее активного сопротивления, большей пассивности судьбе, большей подавленности, чем в Ист-Энде Лондона. И почему я знаю, не было ли у Вас достаточных оснований для того, чтобы довольствоваться изображением пассивной стороны жизни рабочего класса, оставляя активную сторону этой жизни для другого произведения?

16.

Флоренс Келли-Вишневецкой
в Нью-Йорк.

Лондон, 11 апреля 1888 г.

Дорогая г-жа Вишневецкая,

Ваша просьба прислать рукопись¹ застала меня врасплох; боюсь, что не смогу дать такого обязательства. Мне разрешено писать не больше двух часов в день, а я должен вести обширную переписку и к концу этих двух часов, когда я только вхожу во вкус работы, я вынужден ее прерывать. При таких условиях я совершенно не в состоянии писать *статьи на злобу дня* по специальному заказу, в особенности для отдаленного рынка. Я не представляю себе, как я мог бы закончить брошюру в рукописи к 15 мая, а еще менее — как она могла бы быть напечатана к этому сроку в Нью-Йорке. Тем не менее я тотчас же примусь за нее, как только покончу с неотложными письмами, и сделаю все, что будет в моих силах. Мне придется прервать очень важную работу, чтобы выполнить эту задачу.

Впрочем, Вам, по-моему, нечего опасаться, что мы упускаем подходящий случай. Вопрос о свободе торговли не исчезнет с американского горизонта до полного своего разрешения. Я уверен, что протекционизм сыграл свою роль в Соединенных Штатах и теперь является уже препятствием; какова бы ни была судьба законопроекта Милса², борьба не прекратится, пока свобода торговли не предоставит американским фабрикантам руководящей роли на мировом рынке, на что они уже имеют право во многих отраслях торговли, или в противном случае и протекционисты, и фритредеры будут

¹ Предисловие к «Речи о свободе торговли» К. Маркса: «Протекционизм и свобода торговли». См. Соч. Маркса и Энгельса, т. XVI, ч. I, стр. 310—327.

² Милс предложил понизить пошлины на 7%.

отброшены в сторону теми, кто стоит позади них. Экономические факты сильнее политиков, в особенности когда политики настолько заражены коррупцией, как в Америке. Я не удивлюсь, если в ближайшие годы американские промышленники один за другим перейдут на сторону фритредеров, — они должны это сделать, если только сознают свои собственные интересы.

Благодарю Вас за присылку официальных изданий; я думаю, это как раз то, что мне нужно.

Радуюсь Вашим успехам в борьбе против Исполнительного комитета¹, поскольку они Вами достигнуты. По еженедельнику «*Volkszeitung*» от 31 марта я вижу, что он еще не хочет сдаваться. Вот видите, как важно лично быть на месте. Эвелингов не было на месте, и неприязнь по отношению к ним не могла быть рассеяна, так как не встречала противодействия. Вы же были на месте и смогли поэтому преодолеть подобную неприязнь и обратить дело в свою пользу. Ясно, таким образом, что неприязнь к Вам выражается в обыкновенных местных сплетнях, которые Вы, при надлежащей выдержке, наверное, в конце концов преодолете и победите.

Очень рад был узнать, что супруги Зорге чувствуют себя теперь лучше на своем старом месте; надеюсь, что так оно будет и впредь. Старик Зорге ни за что не мог бы жить в таком захолустье, как Рочестер, так же как я — в немецком захолустье или его ланкаширском подобии, Чоубенте или Боллоксмити.

Возвращаю Вам письма Контрольной комиссии. Спешу кончить.

Преданный Вам

Ф. Энгельс.

17.

Августу Бебелю

в Берлин.

Лондон, 12 апреля 1888 г.

Дорогой Бебель,

Получив твое письмо от 8 марта, я хотел сперва немного присмотреться к ходу событий²; теперь положение, повидимому, настолько

¹ Речь идет о борьбе Вишневецкой против Исполнительного комитета Социалистической рабочей партии в связи с изданием в Америке книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Исполнительный комитет, взяв на себя издание книги, опустил предисловие Энгельса. Вишневецкая в связи с этим выступила против Исполнительного комитета, за что ее исключили из партии. Восстановлена она была в августе 1888 г.

² Энгельс имеет в виду смерть германского императора Вильгельма I и вступление на престол Фридриха III (9 марта 1888 г.).

прояснилось, что постепенно можно высказать о нем определенное мнение. Ваша политика, которая заключается в утверждении, что все остается в области тактики по-старому, в качестве формулы для массовой агитации совершенно правильна; но, по моему мнению, ею отнюдь не исчерпывается историческая ситуация.

Манифест Фрица характеризует его как величайшую посредственность в умственном отношении. Мира не перевернет тот, кто, пробыв столько лет кронпринцем, не может предложить ничего кроме отмены отдельных индивидуальных налогов, а в военном отношении уничтожения 3-го звена, что не имеет никакого значения, потому что оно уже давным давно отменено в боевом уставе. Жалоба на проклятую полуобразованность является, как известно, монополией самих полуобразованных, и доказательство этого — он сам. Это — об его уме.

Что касается его характера, то из-за состояния его здоровья приходится судить о нем весьма снисходительно. Если с минуты на минуту рискуешь, что врачи приговорят тебя к смерти, то что уж тут говорить о каком-либо приливе энергии; только в случае улучшения здоровья можно было бы ожидать чего-либо подобного. Поэтому понятно, что у Бисмарка и Путткамера в области внутренней политики руки развязаны теперь еще больше, чем когда-либо.

Однако это еще не означает, что все остается по-старому. Со смертью Вильгельма выпал краеугольный камень, и неустойчивость всего здания чувствуется очень сильно. Внутренняя политика показывает, что Бисмарк и К^о судорожно цепляются за свое положение. Ваше же положение не осталось прежним, оно *ухудшилось* как раз потому, что Бисмарк хочет доказать, что все осталось по-старому. Демонстративное исключение социал-демократов из амнистии, массовые обыски и преследования, судорожные усилия покончить с социал-демократией в Швейцарии — все это доказательства того, что Бисмарк и К^о чувствуют колебание почвы под ногами. То же самое доказывают и усилия сторонников картеля¹ внушить Фрицу, что такое монарх.

Вот что характерно для монархизма: всем политическим вопросам придается мало значения, зато какая-нибудь придворная интрига становится событием дня. Это прямо-таки смешно; по мнению

¹ Картель — объединение консервативной, имперской и национал-либеральной партий в германском рейхстаге на выборах 1887 г. Опираясь на это объединение, Бисмарк провел военную реформу (1888 г.), добился продления исключительного закона против социалистов и удлинения законодательного периода рейхстага с 3 до 5 лет.

Бисмарк, царь имеет право запретить Баттенбергу жениться, а по мнению Фрица и Виктории, в этом особом случае сразу вдруг отменяются все те непостижимо глубокие государственные принципы, которыми они руководствовались всю свою жизнь.

Ввиду того беспомощного состояния, в котором сейчас находится Фриц, ему и здесь придется уступить, если он не поправится и *действительно* не сможет пережить министерский кризис. Вовсе не в наших интересах, чтобы Бисмарк, негодуя, подал в отставку, а через несколько недель вернулся бы с триумфом, обоготворяемый картель-филистерами. Мы можем быть довольны уже тем, что картель-филистер вообще усомнится в прочности бисмарковского режима. А пока жив Фриц, эта прочность не восстановится.

Так как больше абсолютно ничего не пишут о характере болезни и не публикуют даже отчета Вальдейера, который, будь он благоприятен, немедленно был бы опубликован, то сомнений больше нет, что у него рак. И тут наши прогрессисты¹ опять показывают, что они за люди. Фишер, которому как раз как врачу и бывшему консультанту следовало бы быть теперь на своем месте, занимается раскопками в Египте. Он дожидается, очевидно, официального приглашения!

Без императора нет империи, без Бонапарта нет бонапартизма. Система скроена по человеку, на нем она держится, с ним вместе она падает. Наш Бонапарт был о трех головах, как древний идол славян Поморья Триглав; средней головы больше нет, из двух других Мольтке тоже перезрел, а Бисмарк шатается. С Викторией ему не справиться, она у своей матери научилась, как обращаться с министрами, даже и со всемогущими. Прежняя уверенность исчезла. Шаткость почвы обнаружится также и в политике, во внешней политике будут промахи, во внутренней — все новые и новые меры насилия. Неустойчивость скажется и в том, что филистер начнет сомневаться в своих кумирах, она скажется и в том, что у чиновников охладет их пыл и их чиновничье рвение, потому что они станут задумываться о возможности перемен, а вместе с тем и о переменах в их собственной судьбе. Все это будет так, если Бисмарк, что весьма вероятно, не уйдет. Если же Фрицу будет лучше и Бисмарку будет грозить серьезная опасность, то, как утверждает Ленхен, в Фрица *будут стрелять*. Это могло бы уже случиться, если бы только Путткамеру и его Ирингам-Напоррам стала угрожать опасность.

¹ Прогрессисты — буржуазная политическая партия в Германии. В 1884 г. приняла название «партии свободомыслящих». Опиралась на среднюю и мелкую городскую буржуазию.

Во всяком случае, сейчас междуцарствие, причем Бисмарк только о том и мечтает, чтобы Фриц отбыл к праотцам и на его место пришел новый Вильгельм. Вот тогда-то уже действительно не будет по-старому. Тогда только держись! Наш бонапартизм подошел теперь, примерно, к своему мексиканскому периоду¹. А когда этот период наступит, придет и наш 1866 г.², а вскоре и 1870, т.е. изнутри, *внутренний* Седан³. И прекрасно!

Во Франции все идет совершенно логично, своим чередом: правые республиканцы дошли до союза с монархистами, чем они себя и погубят, возможно министерство придется создавать из более левых элементов. Буланже — явно безмозглый политик и, вероятно, скоро провалится в палате. У французского провинциального филистера *только один* символ веры: республика необходима, а монархия для него — это или гражданская, или внешняя война.

Расписку на 100 марок от г-жи Пфендер пришло в следующем письме; я забыл ее получить. Пока же большое спасибо за эту помощь. Я, со своей стороны, сделаю все возможное, чтобы поддержать эту женщину, но мне придется еще раз обратиться к вам.

Сердечный привет твоей жене, и дочери, и Зингеру.

Твой Ф. Э.

18.

Вильгельму Либкнехту

в Лейпциг.

Лондон, 16 апреля 1888 г.

Дорогой Либкнехт,

Я как раз собирался ответить тебе на письмо от 4-го, когда пришло твое второе письмо (с вложенной для Карла Каутского

¹ В 1862 г. Наполеон III предпринял новую колониальную авантюру, вмешавшись в гражданскую войну между правительством Мексиканской республики (во главе ее стоял президент Бенито Хуарес) и монархическими мятежниками, опиравшимися на реакционных помещиков и католическое духовенство. Крупные промышленники зарились на минеральные богатства Мексики и мечтали о превращении ее в колонию Франции. Колониальная авантюра кончилась для Франции крахом.

² 3 июля 1866 г. Пруссия одержала победу над Австрией при Садовой (Богемия).

³ 2 сентября 1870 г. французская армия капитулировала перед прусской армией под Седаном.

припиской), из которого я заключил, что мои ответы, как и твои вопросы, относятся уже к области прошлого.

Хочу тебе только еще сказать, в какой связи находится это дело с циркуляром Социал-демократической федерации ¹.

1) Социал-демократическая федерация все еще ведет себя так, будто она *единственная* социалистическая организация в Англии и *одна только* имеет право действовать и говорить здесь от имени всего движения в целом. Теперь, следовательно, при подготовке конгресса эту ее линию необходимо подчеркнуть, тем более что Социалистическая лига ² в нынешней ее форме скоро, пожалуй, совсем заснет, и Социал-демократическая федерация была бы непрочь поглотить ее разрозненные элементы. Но это, к счастью, не удастся, потому что тогда сейчас же возобновились бы прежние личные распри.

2) Социал-демократическая федерация находится в теснейшей связи с POSSИБИЛИСТАМИ ³ в Париже, а так как последние, в свою очередь, связаны союзом с Бродгерстом и К⁰, то Социал-демократическая федерация вынуждена лавировать. Этот второй момент играет решающую роль. Гайндман и К⁰ так глубоко завязли в своих сношениях с POSSИБИЛИСТАМИ, что не могут повернуть назад, если бы они даже этого и хотели.

Каково мое мнение по поводу всей этой истории с конгрессом ⁴? Я едва ли могу составить себе определенное мнение, так как совсем не знаю содержания переговоров, к тому же и твое собственное

¹ Социал-демократическая федерация — социал-демократическая партия в Англии была основана в 1881 г. группой социалистов и радикалов под названием Демократическая федерация, переименована в 1884 г. в Социал-демократическую федерацию. В этом же году был основан еженедельник партии «Justice». Характерно для Социал-демократической федерации, как указывал В. И. Ленин, превращение марксизма в догму и отрыв от массового рабочего движения.

² Социалистическая лига основана в 1884 г. вышедшими из Социал-демократической федерации Э. Маркс-Эвелинг, Э. Эвелингом, В. Моррисом, Э.-Б. Баксом и другими. Лига опубликовала «Манифест», основала еженедельную газету «The Commonwealth». Вскоре в Лигу проникли анархисты, в связи с чем из Лиги вышли Э. Маркс-Эвелинг, Э. Эвелинг, Бакс и другие. После Парижского конгресса II Интернационала 1889 г. Социалистическая лига распалась.

³ POSSИБИЛИЗМ — оппортунистическое течение во французском рабочем движении, возглавленное Бруссом и Малоном, которые вели ожесточенную борьбу с гэдистами.

⁴ Речь идет о предполагавшемся в 1888 г. международном конгрессе, который должен был быть созван немецкой социал-демократией согласно постановлению партийтага в С.-Галлене в 1887 г.

мнение меняется с калейдоскопической быстротой. Все такие конгрессы, в успехе которых нельзя быть заранее абсолютно уверенным, я вообще считаю очень рискованными, а если не предстоит добиться чего-нибудь определенного и осуществимого, то и совершенно излишними. Малые нации, в частности бельгийцы, задают тон, а так как внешними делами в Бельгии ведают не фламандцы, а старая брюссельская семейка Брисме, то получится все та же старая история. Созывать ваш конгресс *здесь* через неделю *после* конгресса трэд-юнионов означало бы обречь дело на гибель. Деньги были бы истрачены, люди бы у нас разбежались, а вы — к вящей славе Гайндмана — безвозвратно угодили бы в руки лондонских заправил!

Французам, какого бы они направления ни придерживались, следовало бы к юбилею французской революции 1789 г. и в связи с Парижской выставкой созвать в *Женева* конгресс, но это вам, наверное, не удастся им втолковать.

Если, таким образом, ваш конгресс и не состоится, то это, на мой взгляд, не будет мировым несчастьем. Кроме того порядок дня без нужды ограничен. В конгрессе, созываемом нашей фракцией рейхстага, принимают участие ведь только социалисты и *анархисты*. а не просто члены трэд-юнионов. Но анархистов *социал-демократический* конгресс мог бы выпроводить вон, тогда как всеобщий рабочий конгресс этого сделать бы не смог, и они возомнили бы о себе слишком много.

Фрицу надо очень спешить с поправкой своего здоровья, иначе Бисмарк окончательно сядет ему на шею. Надеюсь, что Бисмарк возьмется за дело чересчур круто и полетит, рейхстаг будет распущен, затем последуют новые выборы при каком-нибудь переходном министерстве. Это принесло бы большое разочарование филистерам. Правда, когда человек ежедневно может быть приговорен врачами к смерти, то едва ли это может придать ему бодрости для серьезной борьбы. А что Бисмарк будет защищаться до последнего, он показывает уже и сейчас.

Сердечный привет.

Твой Ф. Э.

Надеюсь, что в субботу мы послали тебе то, что ты хотел? В противном случае, мы тебя не поняли. Немецкий текст принадлежит Эккарису.

19.

Вильгельму Либкнехту

в Лейпциг.

Лондон, конец апреля 1888 г.

Дорогой Либкнехт,

Прилагаемое получил сегодня утром.

Хорошо, что Фрицу стало немного лучше. Если бы молодой Вильгельм пришел к власти именно теперь, то Бисмарк, судя по всему, прежде всего вступил бы в сделку с Россией, чтобы получить от нее согласие на войну с Францией. Повидимому, уже сейчас заключены некоторые условные договоры. В силу этого и в силу одного только этого Буланже мог бы стать опасностью как для Франции, так и для Германии. Французы были бы разбиты, но война затянулась бы из-за сильных французских укреплений, к тому же вмешались бы и другие. Вероятно, Австрия и Италия выступили бы *против* Германии, потому что невозможно получить согласие России на войну, не принеся их обеих в жертву русским. Это означало бы, следовательно, что Бисмарк поможет русским захватить Константинополь, а это — мировая война. И тогда, в союзе с Россией против всего мира, мы *вне всяких сомнений* были бы в конце концов побеждены. Надеюсь, что эта опасность минует.

Твой Ф. Э.

20.

Флоренс Келли-Вишневецкой

в Нью-Йорк.

Лондон, 2 мая 1888 г.

Уважаемая г-жа Вишневецкая,

С этой почтой посылаю Вам *заказным* пакетом рукопись¹, или, вернее, копию, сделанную миссис Эвелинг, так как она нашла, что из-за Вашего мелкого почерка и отсутствия полей невозможно вписать разборчиво карандашом указанные изменения. А их было много, и объясняется это тем, что Вы переводили с немецкого перевода, а мы для своей работы пользовались подлинником. Поэтому многие изменения сделаны только для того, чтобы приблизить английский текст к французскому оригиналу. В некоторых местах я ради ясности допустил некоторые вольности.

¹ «Речь о свободе торговли» Маркса.

Предисловие начерно почти готово, но так как Вам понадобится немецкий перевод, то я задержу его у себя несколько дольше. Во всяком случае, я потороплюсь, насколько это возможно, работая по два часа в день. На прошлой неделе доктор снова строго предписал мне это ограничение.

Передайте, пожалуйста, Зорге, что, согласно последнему решению, «Sozialdemokrat» будет переведен в Лондон. Но лучше этого пока не разглашать. Когда наши друзья пожелают, чтобы об этом начались толки и заговорила жадная до новостей пресса, они, несомненно, сами уж об этом позаботятся.

Меня здесь бойкотируют почти так же, как Вас в Нью-Йорке. Различные здешние социалистические клики очень недовольны моим абсолютным безразличием к ним, и так как в этом вопросе все они солидарны, то стараются отомстить мне, замалчивая мои работы. Ни «Our Corner» (миссис Безант), ни «To-Day», ни «Christian Socialist» (впрочем, относительно последнего ежемесячника я не могу сказать этого наверняка) не упомянули о «Положении рабочего класса», хотя я сам послал им по экземпляру. Я этого ожидал, но ничего не хотел Вам об этом говорить, пока не получил доказательств. Я их не виню, так как нанес им тяжкое оскорбление, заявив, что здесь до сих пор не существует подлинного рабочего движения и что с его наступлением все эти великие мужи и почтенные дамы, которые теперь присвоили себе роль офицеров армии — армии без солдат, скоро будут поставлены на свое место и притом гораздо менее почетное, чем они того ожидают. Если они, однако, думают, что их булавочные уколы могут пронзить мою старую, хорошо выдубленную, толстую кожу, то они ошибаются.

Преданный Вам

Ф. Энгельс.

21.

Герману Шлютеру

в Цюрих.

Лондон, 10 мая 1888 г.

Дорогой г. Шлютер,

Как обстоит дело с Вашим приездом сюда? Об Эде нам известно только то, что он едет через Париж и там задержится на некоторое время. Об остальных он не пишет ничего определенного. Мы, следовательно, пребываем здесь в неизвестности и не можем ничего предпринять.

Будьте так добры, сговоритесь с остальными и дайте нам знать, когда вы все придете, — мы имеем в виду Вас, Моттелера и Таушера, — и сообщите, не сможем ли мы за это время что-нибудь сделать для вас. Известите нас также, *на какой из здешних вокзалов* вы придете и какой дорогой, чтобы вас можно было встретить. Иначе может получиться страшная путаница, из-за которой зря было бы истрачено немало денег.

Сердечный привет всем вам.

Ваш Ф. Энгельс.

22.

Флоренс Келли-Вишневецкой
в Нью-Йорк.

Лондон, 16 мая 1888 г.

Дорогая г-жа Вишневецкая,

С сегодняшней почтой посылаю Вам заказным конц предисловия¹.

Ривс соглашается взять на себя агентуру по распространению брошюры на прежних условиях и хочет, чтобы его имя было поставлено на титульном листе, под именем нью-йоркского издателя в следующей форме:

Лондон,

Вильям Ривс, 185, Fleet Street, E. C.

Это, по крайней мере, хоть какая-то гарантия против пиратских выходов с его стороны, а в этом отношении он очень опасный человек. Если Вы перешлете мне предназначенные для него экземпляры, то я доставлю их по назначению и *пришлю расписку*. На первый раз достаточно будет 300—500 экземпляров.

Немецкий перевод я Вам пошлю, как только г-жа Каутская его перепишет. Переписка может задержаться на несколько дней, так как мы со дня на день ждем высланных из Цюриха товарищей², и на первых порах у нас в связи с этим будут кое-какие хлопоты.

Искренне Ваш

Ф. Энгельс.

¹ Предисловие к «Речи о свободе торговли» Маркса.

² Э. Бернштейн, Ю. Моттелер, Л. Таушер, Г. Шлютер.

23.

Фридриху-Альберту Зорге
в Хобокен.

Лондон, 11 июля 1888 г.

Дорогой Зорге,

Спешу сообщить тебе известие, которое, однако, ты должен сохранить *в абсолютной тайне*. Не удивляйся, если увидишь меня в середине августа или немного позже у себя — возможно, что я предприму небольшую поездку по океану. Напиши мне, пожалуйста, *немедленно*, где ты живешь, чтобы я мог тебя посетить; если же тебя к тому времени там не будет, то сообщи, *где* я смогу тебя разыскать. Напиши также, будут ли Вишневецкие к тому времени в Нью-Йорке. Больше я ни с кем встречаться не буду, так как не хочу попасться в руки господ немецких социалистов, — поэтому все это дело должно остаться в тайне. Если я приеду, то приеду не один, а с Эвелингами, которые едут туда по делу. В следующий раз напишу больше.

Твой Ф. Э.

24.

Фридриху-Альберту Зорге
в Хобокен.

Лондон, 4 августа 1888 г.

Дорогой Зорге,

Оба твои письма получил, благодарю. Большое спасибо за предложенное гостеприимство. Но смогу ли я им воспользоваться, это, как ты увидишь из дальнейшего, довольно сомнительно.

Дело в том, что если все будет в порядке, то поедет и Шорлеммер; сейчас он в Германии и не совсем здоров, однако телеграфировал о своем приезде в понедельник. Так как нам нельзя разлучаться — по крайней мере, Шорлеммеру и мне — то Эвелинг уже заранее заказал для всех нас комнаты в гостинице; поэтому мне, во всяком случае, придется сперва заехать туда. Как мы поступим в дальнейшем, потом будет видно. Во всяком случае, мы с Шорлеммером останемся в городе лишь на несколько дней и как можно скорее отправимся осматривать страну, так как в начале октября ему предстоит возобновить лекционный курс, а нам хочется посмотреть как можно больше.

Что маленький Куно будет меня подкарауливать — это я предвижу; думаю, однако, что знаю некое заклинание, которое его усмирит. Если я незадолго до отъезда снова попаду в Нью-Йорк, тогда мне уж придется повидать кого-нибудь из «*Volkszeitung*», этого не избежать, да оно и не вредно; мне хочется только, чтобы вначале я имел возможность отдохнуть.

Мы поедем на «*City of Berlin*»¹ 8-го с. м. Эвелинг не без успеха подвизается на драматическом поприще и в четырех городах должен будет поставить четыре пьесы (из которых три с половиной принадлежат ему).

Как тебе известно, в понедельник *Bank Holidays*², когда ничего нельзя сделать, потому что все магазины закрыты, а во вторник мы уезжаем и мне нужно еще многое приготовить; кроме того в 5 ч. 40 м. я должен поехать на Чаринг Кросс³ встречать возвращающихся из Германии, вернее, из Парижа, Ленхен и Пумпс (она уже семь лет замужем, и у нее двое детей). Поэтому кончаю. Я тоже чрезвычайно рад предстоящей встрече.

Итак, обо всем остальном устно.

Твой Ф. Э.

25.

Эдуарду Бернштейну
в Лондон.

Квинстаун, 9 августа 1888 г.

Дорогой Эде,

Берлин никогда не казался мне таким прекрасным, как на этом «*City of Berlin*». Если бы гвардейские поручики только знали, как обильно и как вкусно здесь кормят, они тотчас же променяли бы Берлин на земле (или на песке) на Берлин на воде. Через 2¹/₂ часа мы в Квинстауне, а затем выходим в океан.

Сердечный привет жене, Шлютерам, Моттелерам и Таушеру.

Твой старый *Генерал*.

¹ «Город Берлин» — название парохода.

² *Bank Holidays* — празднуется в Англии банками и другими учреждениями четыре раза в год по понедельникам — после пасхи, после троицы, первый понедельник августа и 26 декабря.

³ Вокзал в Лондоне.

26.

Герману Энгельсу
в Энгельсвирхен.

Пароход «City of Berlin»,
между Ливерпулем и Квинстауном,
9 августа 1888 г.

Дорогой Герман,

Со вчерашнего дня я в дороге, — предпринял небольшое путешествие в Америку и хочу сообщить тебе об этом прежде, чем мы покинем последнюю европейскую гавань. У нас здесь веселая компания из четырех человек — я, профессор Шорлеммер из Манчестера и д-р Эвелинг из Лондона с женой — младшей дочерью Маркса. Мы с Шорлеммером в конце сентября возвращаемся обратно и рассчитываем 2—3 октября снова быть в Англии. Обстоятельства сложились так удачно, что я смог этим летом осуществить свой давнишний план, да и врачи настоятельно советовали мне предпринять обе эти длительные поездки по морю и совершенно переменить климат.

Наш пароход гораздо красивее, чем Берлин на суше. Он почти 6 000 тонн водоизмещения. Полтора года тому назад Эвелингги возвращались на нем из Нью-Йорка и лично знают капитана, служащих и экипаж; это очень приятно. У нас прекрасные каюты, стол превосходен, есть к тому же американское мартовское пиво и притом очень недурное; есть и обширная палуба для прогулок; пассажиров пока не очень много, если только не прибавится в Квинстауне. Словом, все складывается как нельзя лучше. Я с большим нетерпением жду Нового Света. Мы пробудем там три—четыре недели, срок, по моему, как раз достаточный.

Подъезжаем к Квинстауну, и я лучше кончу на этом. Будьте здоровы, с того берега я снова подам вам весточку.

Кланяйся жене, детям и всем остальным родственникам.

Искренне твой старый

Фридрих.

27.

Фридриху-Альберту Зорге
в Хобокен.

Бостон, 28 августа 1888 г.

Старый дружище,

Вчера утром прибыли сюда, сегодня утром получили твое письмо Шорлеммеру и мне, — большое спасибо! Кашель я оставил в Хобо-

кене, Шорлеммер тоже оправился от своего недомогания. Только что мы были у г-жи Гарни; она говорит, что Гарни в октябре приедет в Лондон, где я, стало быть, с ним увижусь. Своего племянника я еще не нашел, думаю встретить его завтра здесь в гостинице или в Роксбюри. Бостон — городок страшно разбросанный, но гораздо лучше, чем Нью-Йорк, а Кэмбридж даже очень красив, имеет вид совсем европейского континентального города. Сердечный привет тебе и твоей жене. Без вашей помощи мы еще не поправились бы! До субботы мы пробудем здесь, и до вечера пятницы письма застанут нас тут наверняка.

Твой Ф. Э.

28.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокеп.

Бостон, 31 августа 1888 г.

Дорогой Зорге,

Газету получил третьего дня, а твое письмо сегодня. Спасибо! Меня огорчает, что у тебя все еще болит горло и что ты даже, кажется, позаимствовал у меня кашель. Если наши визиты к тебе ведут к тому, что мы выздоравливаем, а ты заболеваешь, то это уж ни на что не похоже.

Вчера были в Конкорде, в Реформатори, и осмотрели город. И то и другое нам очень понравилось. Тюрьма, где заключенные читают романы и научные книги, организуют клубы, совещаются и собираются без тюремных надзирателей, дважды в день получают мясо и рыбу и при этом вволю хлеба, где в каждом рабочем помещении есть вода со льдом, а в каждой камере водопровод, где камеры украшены картинами, где заключенные одеты, как обыкновенные рабочие, и глядят собеседнику прямо в глаза, а не исподлобья, как обычные арестанты-преступники, — этого во всей Европе не увидишь, для этого европейцы, как я сказал надзирателю, недостаточно смелы. А тот ответил мне как истый американец: «Ну что ж, мы стараемся, чтобы это окупалось, и это действительно окупается». Я проникся там большим уважением к американцам.

Конкорд замечательно красив, построен с большим вкусом, чего никак нельзя было ожидать, судя по Нью-Йорку и даже Бостону. Великолепное местечко, чтобы быть там похороненным, но только не заживо! Я не выжил бы там и четырех недель или сошел бы с ума.

Мой племянник, Вилли Бернс, прекрасный парень, смысленный, энергичный, подвижной, и духом, и телом. Ему недурно живется,

он работает в Boston and Prov, Rail Road (теперь Old Colony), получает 12 фунтов в неделю; у него премилая жена (он привез ее из Манчестера) и трое детей. Он ни за что не поехал бы обратно в Англию, это вполне подходящий человек для такой страны, как Америка.

Отставка Розенберга¹ и странные дебаты в «Volkszeitung» по поводу «Sozialist», повидимому, симптомы краха.

О Европе мы узнаем здесь очень мало и редко, лишь через «New-York World» и «Herald».

Сегодня Эвелинг заканчивает все свои американские дела, и теперь до отъезда он свободен. Поедем ли мы в Чикаго, — еще не решено. Для выполнения остальной программы у нас времени более чем достаточно.

Сердечный привет твоей жене и тебе от всех нас, в особенности же от твоего

Ф. Энгельса.

29.

Вильгельму Либкнехту

в Лейпциг.

Бостон, 31 августа 1888 г.

Adams House, 553 Washington Street.

Дорогой Либкнехт,

Только что, в 9 ч. 30 м. утра, мы прочли в «Boston Herald» о том, что ты избран в Берлине абсолютным большинством в 10 000 с лишним голосов; я, Шорлеммер и чета Эвелингов поздравляем тебя от всего сердца.

Мы провели неделю в Нью-Йорке, т. е. в Хобокене (у Зорге), с понедельника мы здесь, завтра отправляемся на Ниагару и, если удастся, в Чикаго, либо в нефтяной район и через Торонто, Монреаль, озеро Чемплен, Адирондакс, Олбени, вниз по Гудзону возвращаемся в Нью-Йорк, откуда 18—19 сентября поедем обратно, в Ливерпуль на «City of New-York». Прекрасная поездка: мы многое узнали и в конце концов основательно попотели, чего с нами по ту сторону океана этим летом не случалось.

Кланяйся своей жене, Бебелю и Зингеру.

Твой Ф. Э.

¹ В письме, полученном Энгельсом от Зорге 31 августа, Зорге сообщил Энгельсу об отстранении Розенберга с поста секретаря Исполнительного комитета Социалистической рабочей партии.

30.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Водопад Ниагара, 4 сентября 1888 г.

Дорогой Зорге,

Мы приехали сюда в воскресенье утром и чувствуем себя прекрасно. Природа здесь очень красива, воздух великолепен, еда превосходна, негры-лакеи заняты — чего же при хорошей погоде можно еще желать? Москитов тоже пока нет, несмотря на обилие воды. От поездки в нефтяные районы мы отказались. Поедем ли мы в Чикаго, выяснится, вероятно, сегодня; думаю, однако, что нет. Если не поедем, то твой план путешествия будет выполнен в точности.

Что Ионас понял весь мой замысел, это — лишний повод для того, чтобы оттянуть возвращение в Нью-Йорк на возможно более долгий срок. Впрочем, если он *теперь* подошел ко мне своего Куно, то это — не беда, путешествие я уже закончил, и он сможет помучить меня самое большее полчаса.

Сердечный привет от всех нас твоей жене и тебе самому.

Твой Ф. Э.

31.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Монреаль, 10 сентября 1888 г.

Дорогой Зорге,

Вчера прибыли сюда, после того как из-за шторма (самый поганый бриз) принуждены были остановиться между Торонто и Кингстоном и пристать к Порт Гоп. Так, вместо обычных двух дней пути из Торонто сюда, мы потратили *три*. Река С. Лаврентия и ее пороги очень красивы. Разрушенными домами Канада богаче любой страны, за исключением Ирландии. Мы пытаемся здесь понять французский язык канадцев: он почище даже английского языка янки. Сегодня вечером отправляемся в Плэтсбург, а затем в Адирондакс и, если возможно, также и в Катскил, так что до воскресенья мы едва ли вернемся в Нью-Йорк. Так как во вторник вечером мы садимся на пароход, а в Нью-Йорке нам еще многое надо посмотреть и, кроме того, в эти последние дни нам придется быть вместе больше обычного, то мы с Шорлеммером на этот раз не сможем навестить тебя в Хобокене, как мы об этом ни сожалеем; нам придется поехать

с Эвелингами в С. Николая. Во всяком случае, мы навестим тебя, как только приедем в ваши края. Поразительна разница между Штатами и Канадой. Сперва кажется, что очутился снова в Европе, потом думаешь, что находишься в явно регрессирующей, гибнущей стране. Здесь видишь, как необходим для быстрого развития новой страны лихорадочно-предприимчивый дух американцев (предполагая капиталистический способ производства как базу). За десять лет эта сонная Канада созреет для аннексии, фермеры в Манитоба и т. д. сами тогда этого потребуют. Страна и без того уже наполовину аннектирована в отношении общественного быта — гостиницы, газеты, реклама и т. д. — все по американскому образцу. И сколько бы они ни сопротивлялись и ни упирались, экономическая необходимость проникновения духа янки скажется и уничтожит эту смехотворную пограничную линию, а когда настанет время, то и Джон Буль скрепит это своим благословением.

Твой Ф. Э.

32.

Флоренс Келли-Вишневецкой
в Нью-Йорк.

Хобокен, 18 сентября 1888 г.

Дорогая г-жа Вишневецкая,

Мы возвратились в субботу вечером из нашей поездки в Бостон, Ниагару, реку С. Лаврентия, Адирондак и озера Чемплен и Джордж по реке Гудзон обратно в Нью-Йорк-Сити. Мы получили очень большое удовольствие, и каждый из нас привез запас сил и здоровья, которого, надеюсь, хватит нам на всю зиму. Завтра днем мы отплываем на пароходе «City of New-York» и рассчитываем на небольшие волнующие инциденты, вроде порчи машин и тому подобного; но все же надеемся, вопреки всему, дней через восемь—десять прибыть в Лондон. Не могу уехать из Америки, не выразив еще раз своего сожаления по поводу того, что неблагоприятное стечение обстоятельств позволило мне встретиться с Вами только один раз и то лишь на несколько минут. Есть столько вещей, о которых нам следовало переговорить, но тут ничего не поделаешь, и мне придется уехать, не простившись с Вами лично. Во всяком случае, надеюсь, что пережитые Вами за последнее время неприятности будут последними и что Ваше здоровье и здоровье д-ра Вишневецкого и детей не оставит желать ничего лучшего. Я буду очень рад получить от Вас известие и сделаю все возможное, чтобы выполнить Ваши пожелания.

Я получил от г-жи Зорге несколько экземпляров брошюры¹: она очень прилично издана, и до сих пор я заметил в ней только две опечатки. Сообщите мне, пожалуйста, сколько экземпляров Вы пошлете мне в Англию и сколько из них я смогу разослать прессе; я полагаю, что следовало бы послать по экземпляру *во все* главные ежедневные и еженедельные издания в Лондоне и провинции и некоторым провинциальным газетам, а также ежемесячным журналам. Разумеется, если не будет иных указаний, я поручу продажу Ривсу. Так как он взял на себя распространение всех ваших американских изданий, то его имя можно было бы поместить на титульном листе; ему придется напечатать новый титульный лист и прислать счет.

В надежде увидеть д-ра Вишневецкого в Лондоне на обратном пути остаюсь, дорогая г-жа Вишневецкая, неизменно преданный Вам

Ф. Энгельс.

33.

Герману Энгельсу

в Энгельскирхен.

Пароход «City of New-York»,
27—28 сентября 1888 г., четверг.

Дорогой Герман,

Пишу тебе в весьма неудобной обстановке, так как на нашем пароходе ужасная качка и половина пассажиров все еще страдает морской болезнью. Путешествие наше было в высшей степени приятным, интересным и поучительным. После благополучного переезда — всего лишь один порядочный шторм — мы 17 августа прибыли в Нью-Йорк, где провели около восьми дней. Неделю мы пробыли в Бостоне, пять дней у Ниагарского водопада, затем по Онтарио проехали к реке С. Лаврентия, спустились по ней на пароходе в Монреаль, оттуда вернулись в штаты, в Плэтсбург; затем устроили экскурсию в Адирондакские горы, они очень красивы, — и далее на пароходе через озеро Чемплен и озеро Джордж (это — озеро Комо в миниатюре, но совершенно дикое) направились в Олбени; наконец, на пароходе по реке Гудзон вернулись в Нью-Йорк. К несчастью, мы заказали места на новом пароходе «City of New-York», — самое большое океанское пассажирское судно 10 500 тонн водоизмещения, которое должно было делать 500 морских миль в день. Но это всего лишь его четвертый рейс; машины отказываются служить, одна из них испорчена и рабо-

¹ «Речь о свободе торговли» Маркса.

тает едва на половину своей мощности, другая поэтому работает с чрезмерным напряжением и в результате то и дело требует ремонта. К счастью, без особых аварий машин мы добрались сюда — примерно 51° северной широты и 21° западной долготы по Гринвичу — и надемся завтра после обеда быть в Квинстауне, а в субботу вечером — в Лондоне. Переезд был довольно тяжелым, — два основательных шторма и, за исключением первых двух дней, все время беспокойное море. Никто из нашей маленькой компании нисколько не страдал от морской болезни; все время мы ели, курили и пили, и вот сейчас, в 11 часов утра, меня откомандировали за утренней кружкой пива.

Путешествие принесло мне очень большую пользу. Я чувствую себя помолодевшим по меньшей мере лет на пять. Все мои мелкие недомогания отступили на задний план, глазам тоже стало лучше; я рекомендовал бы всякому, кто чувствует себя слабым и утомленным, предпринять путешествие по океану, провести 2—3 недели у Ниагарского водопада и столько же в Адирондакских горах, на высоте 2 000 футов над уровнем моря. Воздух там совершенно исключительный, августовское солнце напоминает Ломбардию, а свежий ветерок — наш октябрь на Рейне. Мне уже сейчас снова хочется поехать туда еще раз в будущем году, если только я опять подберу компанию. Подумай-ка об этом, ведь такое укрепляющее средство было бы и для тебя и для Рудольфа совсем не лишним. Путешествие это совсем не утомительно; питание в хороших отелях везде вполне приличное. Немецкое, т. е. по-немецки сваренное, пиво всюду очень хорошее, только вино дорого; но за $1-1\frac{1}{2}$ доллара можно везде достать бутылку хорошего рейнвейна, да и американское вино не так уж плохо, только в отелях его, к сожалению, по большей части нет. Мы взяли с собой 24 бутылки этого вина и пьем его с удовольствием — огайское вино (рислинг и шипучее вино) и калифорнийский рислинг. У него очень хороший вкус, но нет букета.

Сердечный привет Эмме, детям и всем братьям и сестрам.

Твой старый

Фридрих.

Пятница, 10 часов утра, 28 сентября.

Сегодня утром проезжаем мимо прландского берега, в 12 часов будем в Квинстауне; откуда я отправлю это письмо, завтра утром — в Ливерпуле, а вечером — в Лондоне.

Еще раз сердечный привет!

Путешествие в Америку¹.

1888 г., сентябрь.

Мы обычно представляем себе Америку, как новый мир, новый не только по времени его открытия, но и по всем своим учреждениям, — мир, своим презрением ко всему унаследованному от прошлого, традиционному — далеко опередивший нас, старомодных, сонных европейцев; мир, выстроенный совершенно заново на девственной почве современными людьми и основанный на современных, практических, рациональных принципах. Со своей стороны, и американцы стараются укрепить нас в этом мнении. Они смотрят на нас презрительно сверху вниз, считая нас медлительными, непрактичными людьми, скованными устарелыми предрассудками, испытывающими страх перед всем новым, в то время как они, самая передовая, бурно развивающаяся нация, тотчас подвергают испытанию всякий новый проект усовершенствований попросту с точки зрения его практической выгоды и, если доброкачественность этого проекта признана, его моментально, почти на следующий же день, осуществляют в жизни. Все в Америке должно быть новым, все рациональным, все практичным, все, следовательно, иначе, чем у нас.

На пароходе «City of Berlin» я встретился впервые с довольно многочисленной группой американцев. В большинстве своем это были очень милые люди, мужчины и дамы, более общительные, нежели англичане, порой немного слишком прямые в разговоре, в остальном, однако, примерно такие же, какими бывают всюду более или менее хорошо одетые люди. Чем они, во всяком случае, выделялись, так это своеобразной мелкобуржуазной манерой держаться; не той, которой отличается робкий, неуверенный немецкий мещанин или английский буржуа, но манерой, которая кажется врожденным свойством ее обладателя, именно в результате непринужденной, как бы само собой разумеющейся полнейшей уверенности в себе. В особенности более молодые дамы производили впечатление некоторой наивности, какую можно встретить в Европе только в небольших городах; когда они под руку друг с другом или с мужчиной энергично и почти стремительно шагают по палубе, у них такая же легкая, танцующая походка, и, как и наши скромные красотки на селе, они целомудренно придерживают свои юбки, если им угрожает

¹ Этот отрывок написан Энгельсом на пароходе «City of New-York» на почтовом бланке пароходной компании. Энгельс предполагал использовать его впоследствии для статьи в «Neue Zeit», о чем он упоминает в письме к Каутскому от 17 октября 1888 г.

порыв ветра. Своим здоровьем и ростом они мне напомнили более всего шведок, и мне казалось, что они вот-вот начнут делать реверансы так же, как это делают шведки. Частицу физической и духовной неуклюжести, которая является общей наследственной чертой германской расы, унаследовали и мои американские спутники и ничуть ее не преодолели. Коротко говоря, мое первое впечатление от американцев отнюдь не говорило об их национальном превосходстве над европейцами или о том, что предо мной был новый, молодой национальный тип; напротив, у меня сложилось мнение, что это были люди, упорно придерживающиеся унаследованных мелкобуржуазных привычек, которые в Европе считаются устаревшими, что в этом отношении европейцы являются по сравнению с американцами тем же, чем парижане по сравнению с провинциалами.

В Нью-Йорке, зайдя первый раз в спальню, я обнаружил там мебель самого допотопного образца, который только можно себе представить: комоды с латунными кольцами или дугами в качестве ручек на ящиках, как это было модно в начале этого столетия, и в Европе встречается еще в деревнях; по соседству же красуются предметы более нового фасона в английском или французском стиле, однако также достаточно устарелые и притом поставленные не на месте; новейшая вещь — огромное кресло-качалка, описывающее дугу в 240° и равным образом уже вышедшее из моды. И такая картина всюду. Столы, стулья и шкафы по большей части выглядят так, будто они достались по наследству от давно ушедших поколений. Повозки на нью-йоркских улицах имеют такой устарелый вид, что на первый взгляд кажется, что ни в одном крестьянском дворе Европы не сыскать телеги такого образца. Правда, приглядевшись поближе, можно заметить, что эти повозки значительно усовершенствованы, очень удобны, снабжены превосходными рессорами, чрезвычайно легки и построены из весьма крепкого дерева, но все же при всех этих улучшениях старомодная модель осталась неприкосновенной. В Лондоне еще в начале 40-х годов существовали кареты, в которые пассажиры входили сзади и рассаживались друг против друга, как в омнибусе, по правую и по левую сторону; после 1850 г. такие кареты исчезли. В Бостоне же — этом единственном, насколько мне известно, американском городе, где действительно пользуются дрожками, — еще и сегодня процветают эти ящики на колесах. Современные американские гостиницы с их роскошным оборудованием и сотнями комнат выдает свое чисто американское устройство то обстоятельство, что они выросли из крестьянских дворов, расположенных вдали от поселений в слабо заселенной местности, дворов, которые и теперь за деньги предоста-

влияют случайным путешественникам (к этому я еще возвращусь) ночлег и пищу. Отсюда характерные черточки, которые кажутся нам не только странными, но прямо-таки допотопными. И многое в таком же духе.

Тот, кто пожелал бы насладиться поездкой, какую можно было проделать в Европе во времена Тридцатилетней войны, должен отправиться в какую-либо американскую горную местность, доехать до конечного пункта железной дороги и оттуда — на дилижансе дальше, в глушь. Мы вчетвером проделали подобную прогулку в Адирондакс и никогда так не хохотали, как там, на крыше этого дилижанса. Старая, не поддающаяся описанию развалина, по сравнению с которой знаменитые прусские телеги времен царя Гороха показались бы роскошными каретами, с сидениями того же стиля для шести или девяти человек на крыше и на козлах, вот что представляло собою это сооружение. Ну, а затем улица. Впрочем, прошу прощения, это не была улица, вряд ли ее можно было назвать и дорогой: две глубоко выбитые в песчано-глинистой почве колеи, тянущиеся то под гору, то в гору...

34.

Конраду Шмидту в Берлин.

Лондон, 8 октября 1888 г.

Многоуважаемый господин доктор,

На Ваше письмо от 2 февраля я давно бы ответил, если бы знал, куда писать. Я со дня на день ждал от Вас известия о получении Вами доцентуры в Швейцарии, а, значит, и о Вашем переселении в Цюрих или Берн. В конце концов я взял Ваше письмо с собой в Америку, где провел август и сентябрь в обществе д-ра Эвелинга с женой и Шорлеммера, но и во время путешествия тоже не собрался ответить, и вот теперь, по возвращении в Лондон, нахожу второе Ваше письмо от 23 августа (в этот день я сражался в Нью-Йорке с москитами — гораздо более опасными противниками, чем все немецкие профессора политической экономии вместе взятые).

Рассказ о злоключениях с Вашей доцентурой снова показал мне воочию все убожество немецких университетов. И это называется свободой науки. Все та же старая история, как с Бруно Бауэром в 40-х годах, только мы пошли еще дальше, и теперь существуют уже не только богословские и политические, но и экономические

еретики. Будем надеяться, что Фукидид ¹ будет вести себя по-человечески и не станет чинить Вам серьезных препятствий в Лейпциге.

Меня очень заинтересовало сообщение, что в Германии существует даже и «конфессиональный» ² университет. Каких только курьезов не таит в себе наше «возрожденное» отечество!

Вашей работы жду с большим нетерпением ³. Кроме Вас тот же вопрос пытался разрешить также и Лексис, к которому я должен вернуться в предисловии к III тому «*Капитала*». То, что в процессе Ваших научных занятий Вы в конце концов пришли к точке зрения Маркса, меня нисколько не удивляет; я думаю, что это неизбежно для всякого, кто подходит к предмету основательно и без предубеждения. Ведь еще и поныне многие профессора, обычно заимствуя у Маркса свой научный багаж, немало трудятся над тем, чтобы хоть сколько-нибудь пристойно отделаться от выводов, необходимо вытекающих из аннектированного ими же материала, а другие, как это доказывает выписанное Вами место из нашего Фукидида, вынуждены болтать совершенно ребяческий вздор, чтобы дать хоть какой-нибудь ответ!

Если только зрение мне позволит, а я на это надеюсь, так как поездка по Америке мне чрезвычайно помогла, — то III том «*Капитала*» будет готов к печати этой зимой и через год обрушится, как бомба, на эту компанию. Я прервал или отложил в сторону все другие работы, чтобы закончить, наконец, это дело, которое не терпит ни малейшего отлагательства. Большая часть уже почти готова к печати, но два-три отдела из семи нуждаются в большой дополнительной обработке, в особенности первый, имеющий два варианта.

Америка меня очень заинтересовала; эту страну, история которой уходит в прошлое не дальше эпохи товарного производства и которая является обетованной страной капиталистического производства, надо действительно видеть собственными глазами. Наши обычные представления о ней так же ложны, как представления какого-нибудь немецкого школьника о Франции. Много мы там видели и красот природы — на Ниагаре, на реке С. Лаврентия, в Адирондаксе и на тамошних мелких озерах.

Платтеровскую критику Г. Кона я читал, начало очень остроумно и удачно, но к концу милейший Платтер сдает.

¹ Вильгельм Рошер.

² Конфессиональный — воспитывающий в духе какой-либо определенной религии.

³ Энгельс имеет в виду работу К. Шмидта «Средняя норма прибыли на основе закона стоимости Маркса», которую К. Шмидт в то время писал.

Здесь все попрежнему, только прибавилось четыре высланных цюрихца ¹, да еще Эвелинг начал писать для театра пьесы, пользующиеся благосклонностью властителей сцены; он был послан в Америку, чтобы поставить там три своих пьесы.

Мне предстоит еще ответить на целую кучу писем, и если я прозеваю сегодняшнюю почту, то боюсь, как бы меня потом не прервали; поэтому лучше уж кончу на этом. Будьте здоровы и дайте поскорее знать о себе — надеюсь, как о полноправном доценте!

Искренне Ваш

Ф. Энгельс.

35.

Фридриху-Альберту Зорге
в Хобокен

Лондон, 10 октября 1888 г.

Дорогой Зорге,

В прошлую субботу — стало быть, неделю тому назад — мы возвратились, наконец, сюда; с тех пор я послал тебе два номера «To-Day», целую кучу «Commonweal», а сегодня целую кипу «Gleichheit» с остальными двумя номерами «Commonweal». Одного номера «Gleichheit» не хватает, его взял себе Эде Бернштейн и еще не вернул.

Тут мало что изменилось. Следующий номер «Sozialdemokrat» будет печататься здесь. Больше, кажется, ничего не произошло.

«City of New-York» — сплошное шарлатанство; если море спокойно, то и на нем, конечно, спокойно, но если уж начнется качка, то ничто его не остановит. При этом машины в самом жалком состоянии; одна машина работает едва ли на половину своей мощности, а другая, из-за перенапряжения, ежеминутно портится. Мы ни разу не сделали больше 370 узлов в сутки, а однажды даже только 313.

Насколько можно судить о политическом положении, мы его оценили там в Америке совершенно правильно. Бисмарк так долго убеждал этого глупого юнца Вильгельма в том, что он более велик, чем старый Фриц, что мальчишка теперь принимает это всерьез и желает быть «императором и канцлером в одном лице». Сейчас Бисмарк предоставляет ему свободу действий, чтобы он как следует оскандалился и чтобы затем самому появиться в образе доброго гения.

¹ Э. Бернштейн, Ю. Мотелер, Л. Таушер и Г. Шлотер.

В то же время он приставил к этому нахальному мальчишке своего Герберта в качестве шпиона и надзирателя. Раздор между ними не заставит себя долго ждать, и вот тогда-то пойдет потеха.

Во Франции радикалы в правительстве осрамились больше, чем можно было ожидать. Перед лицом рабочих они отказываются от всей своей собственной старой программы, выступают как чистейшие оппортунисты¹, таскают для оппортунистов каштаны из огня и делают для них черную работу. Все это было бы великолепно, если бы не было Буланже и если бы они не гнали к нему чуть ли не насильно массы. Этот человек сам по себе не очень опасен, но его популярность в массах толкает к нему в объятия всю армию, а тут-то и заложена серьезная опасность — временное возвышение этого авантюриста и как выход из его затруднительного положения — война.

Ионас, значит, все-таки довольно ловко выпутался из затруднительного положения и состряпал интервью² в таком виде, что я не могу как следует его опровергнуть.

Мамаша Вишневецкая негодует на меня за то, что я, «проведя 10 дней в Нью-Йорке, не нашел времени предпринять двухчасовую поездку по железной дороге», чтобы побывать у нее; ей, мол, «о стольких вещах нужно было со мной переговорить». Да, если бы я не был простужен и меня не мучило бы расстройство желудка, и если бы я вообще провел в Нью-Йорке 10 дней подряд!

Сердечный привет твоей жене.

Твой старый

Ф. Энгельс.

36.

Луизе Каутской

в Вену.

Лондон, 11 октября 1888 г.

Черновик.

Моя милая, милая Луиза!

Ваше письмо, как только мы возвратились из нашей поездки, попало в руки Тусси, а затем было передано Шорлеммеру, и он вернул мне его лишь сегодня. Вот причина задержки моего ответа.

¹ См. письмо Энгельса В. Либкнехту от 4 апреля 1889 г.

² В «New-Yorker Volkszeitung» от 20 сентября 1888 г. появилось интервью с Энгельсом, озаглавленное: «Friedrich Engels in Amerika» («Фридрих Энгельс в Америке»).

Известие, которое Эде уже сообщил Ним, поразило всех нас, как гром среди ясного неба. Прочтя Ваше письмо, я вообще перестал что-либо понимать. Вы знаете, что, с тех пор как я Вас узнал, я все больше и больше Вас ценил и все больше любил. Но все это ничто по сравнению с тем восхищением, которое возбудило во мне Ваше героическое и исключительно великодушное письмо, — и это не только мое впечатление, это впечатление всех, кто его читал, — Ним, Тусси и Шорлеммера! В тот момент, когда на Вас обрушивается самый жестокий удар, какой только может получить женщина, — в этот момент Вы находите в себе достаточно самообладания, чтобы оправдывать человека, рука которого все же нанесла этот удар. Отказаться от такой великодушной женщины после пяти лет совместной жизни — этого я не в состоянии понять.

Вы говорите, что о виновности Карла не может быть и речи. Хорошо, в этом Вы — высший судья. Но это еще не дает права нам быть несправедливыми к Вам. Вы говорите о разводе как о единственно правильном выходе при ваших характерах. Если вам с вашими характерами действительно нельзя было ужиться, то мы давно уже должны были бы это заметить и ждали бы развода как чего-то естественного и неизбежного. Допустим даже, что вы действительно не сходитесь характерами. Карл добился союза с Вами ценой жестокой борьбы со своей и Вашей семьей, он знал, что Вы принесли ему в жертву, и прожил с Вами счастливо, как нам известно, пять лет. В таком случае временный разлад, употребляя Ваше собственное выражение, не должен был бы сбить его с толку. Если же новая, внезапно вспыхнувшая страсть заставила его совершить этот крайний шаг, то он не должен был делать этого слишком поспешно и прежде всего обязан был избегать малейшего намека на то, что он делает это под влиянием людей, не желавших его союза с Вами и, быть может, до сих пор не простивших Вам того, что Вы стали его женой.

Вы говорите о Карле: без любви, без страсти его натура гибнет. Но если эта натура проявляется в том, что каждые два года требует новой любви, то он сам ведь должен будет признать, что при нынешних условиях такую натуру необходимо обуздать, иначе она запутает и его и других в бесконечных трагических конфликтах.

Я считал себя обязанным сказать Вам это, дорогая Луиза. Вообще ведь наши общественные отношения таковы, что мужчине куда легче совершить по отношению к женщине очень большую несправедливость, и много ли найдется таких мужчин, которые могли бы считать себя совершенно свободными от подобных обвинений?

«Подите, вы не достойны женщин!» — сказал один из величайших людей, лучше всего знавший это по собственному опыту. И мне пришлось повторить это про себя, когда я читал Ваше письмо.

Мысль о случившемся не выходит у нас из головы. У нас с Ним бесконечные разговоры об этом как о чем-то непостижимом, невозможном. Я сказал ей: когда-нибудь утром Карл проснется от глубокого сна и поймет, что совершил величайшую глупость в своей жизни. И, повидимому, мои слова сбываются, если, как он пишет Эде, его новая возлюбленная покинула его в течение первых же пяти дней, влюбившись в его брата Ганса и обручившись с ним.

Мы все так были рады, что скоро вновь увидим Вас здесь, и так жалели, когда узнали в Нью-Йорке от Перси, что Вы и Карл пробудете зиму в Вене. Но что мы уже вовсе не увидим здесь Вашего милого лица, с этим ни я, ни Ним никак не можем примириться. Как знать, что может случиться! Быть может, в один прекрасный день Вы снова усядетесь в то самое старое кресло, в котором Вы сидели так часто. Но, что бы ни случилось, в одном я уверен: с Вашим мужеством Вы преодолете все трудности, выйдете победительницей из всякой борьбы. Наши — мои и Ним — сердечнейшие пожелания будут Вам сопутствовать. Мы с радостью сделаем для Вас все, что можем, — располагайте нами безусловно, и если когда-либо судьба снова приведет Вас сюда, считайте при всех условиях наш дом своим собственным.

От всего сердца Ваши

37.

Николаю Францевичу Данцельсону
в Петербург.

Лондон, 15 октября 1888 г.

Милостивый государь!

Мне помешала ответить на Ваши любезные письма от 8—20 января и 3—15 июня прежде всего слабость моих глаз, которая лишила меня возможности просиживать за письменным столом более двух часов в сутки и повела, таким образом, почти к полной запущенности моей деловой корреспонденции; а затем — моя поездка в августе и сентябре в Америку, откуда я только что вернулся. Моим глазам теперь лучше; но так как я обязан приняться немедленно за III том и окончить его, то я все еще должен быть осторожен с глазами, чтобы не повредить им чрезмерным трудом. А поэтому моим друзьям прихо-

дится извинить меня, если мои письма окажутся не слишком частыми и не слишком длинными.

Ваши рассуждения в первом письме — насчет отношения между нормою прибавочной стоимости и нормою прибыли — в высшей степени интересны и, без сомнения, очень ценны для группировки статистического материала; но это не тот путь, которым наш автор¹ подходит к решению этой задачи. Вы в своей формуле исходите из предположения, будто бы всякий предприниматель удерживает в свою пользу всю ту прибавочную стоимость, которую он присваивает в процессе производства. Но при таком предположении торговый и банковый капиталы не могли бы существовать, ибо они не приносили бы никакой прибыли. Следовательно, прибыль предпринимателя не может представлять *всей* суммы прибавочной стоимости, извлекаемой им из своих рабочих.

С другой стороны, Ваша формула, *быть может*, и пригодна для приблизительного исчисления состава различных капиталов в различных отраслях промышленности, при условии общей и одинаковой нормы прибыли. Я говорю *быть может* потому, что не имею в эту минуту под рукою материалов, которые позволили бы мне проверить установленную Вами теоретическую формулу.

Вы удивляетесь, почему политическая экономия в Англии находится теперь в таком жалком состоянии. Но то же самое мы видим теперь повсюду. Даже классическая экономия, — нет, даже самые вульгарные приверженцы и глашатаи свободной торговли встречают теперь лишь высокомерное презрение со стороны еще более вульгарных «высших» существ, занимающих ныне университетские кафедры политической экономии. И в этом виноват в значительной степени наш автор, который открыл глаза заинтересованным людям на опасные выводы классической экономии; вот, они и находят теперь, что, по крайней мере, в этой области всего безопаснее не терпеть совсем *никакой* науки. И им удалось так хорошо ослепить обыкновенных филистеров; у нас в Лондоне в настоящую минуту есть четверо, называющих себя «социалистами» и в то же время уверяющих, будто бы они совершенно опровергли теорию нашего автора, противопоставив ей учение Стенли Дживонса!

Парижские друзья настаивают на том, что наш «общий друг»² вовсе не умер, но я не имею никакой возможности проверить их сообщения.

¹ К. Маркс.

² Г. А. Лоцтин.

Я прочел с большим интересом Ваши физиологические рассуждения об истощении вследствие чрезмерно продолжительного рабочего времени и о количестве потенциальной энергии в виде пищи, требующейся для возмещения такого истощения. К словам Ранке, которого вы цитируете по этому поводу, я нахожу нужным сделать одну маленькую оговорку: если 1 000 000 килограмметров в виде пищи замещает только сумму развитой теплоты и исполненной механической работы, то такое количество пищи еще не может считаться достаточным, так как оно не возмещает затраты мускулов и нервов; ведь для этого требуется не одна только теплопроизводящая пища, но и белки, которые не могут быть измеряемы только в килограмметрах, так как животный организм не обладает способностью строить их прямо из элементов.

Я не знаю двух упоминаемых Вами книг — Эдуарда Юнга и Филиппа Бевана, — но в их утверждении, будто бы прядильщики и ткачи в Соединенных Штатах получают от 90 до 120 долларов в год, должна скрываться какая-то ошибка. Ведь это составит около 2 долларов в неделю, номинально равняющихся 8 шиллингам, но по своей покупательной силе в Америке представляющих менее 5 шиллингов в Англии, а между тем — на основании всего, что я слышал, — заработки прядильщиков и ткачей в Америке номинально выше, а в действительности совершенно одинаковы с заработками их в Англии, вследствие чего они должны равняться приблизительно 5—6 долларам в неделю, соответствующим 12—16 шиллингам в Англии. Что же касается данных Каутского, то он просто сделал ошибку, приняв доллары за фунты стерлингов, вследствие чего — при переводе их на немецкие марки — он множил не на 5, а на 20 и получил, таким образом, цифры, вчетверо большие настоящих. Цифры, почерпнутые из данных десятого ценза¹, таковы:

Рабочие и служащие	174 659
Вычитая конторщиков, управителей и пр.	2 115
	Одни рабочие
	172 544
Из них: мужчин (старше 16 лет)	59 685
мальчиков (моложе 16 лет)	15 107
женщин (старше 15 лет)	84 539
девушек (моложе 15 лет)	13 213
	172 544

¹ Данные десятого ценза за 1880 г. США взяты из работы «Specific Cotton Manufacture» («Особенности хлопчатобумажной промышленности»), Вашингтон, 1883 г., стр. 1124.

Всего 172 544 рабочих, получающих в общем 42 040 510 долларов заработной платы, т. е. по 243,06 доллара в год на человека, что хорошо сходится с моей вышеприведенной оценкой, так как более высокая заработная плата мужчин уравнивается в среднем выводе с более низкими заработками девушек и мальчиков.

Чтобы показать Вам, до каких глубин падения дошла экономическая наука, укажу на Луйо Brentano, издавшего лекцию о классической политической экономии (Лейпциг, 1888), в которой он провозглашает такие вещи: общая, или теоретическая, экономия ничего не стоит; вся сила лежит в специальной, или практической, экономии. Как в естествознании (!), мы должны ограничиваться лишь *описанием* фактов. Такие описания бесконечно выше и ценнее, чем все готовые выводы. «Как в естествознании!» Это *неподражаемо!* И это в век Дарвина, Майера, Джоуля, Клаузиуса и пр., в век эволюции и превращения энергии!

Благодарю Вас за номер «Русских Ведомостей» с интересной статьей о вмешательстве правительства в статистические работы земств. Было бы очень прискорбно, если бы эти ценные труды были прерваны из-за подобных вмешательств.

Искренне Ваш

Ф. В. Рошер.

38.

Карлу Каутскому
в Вену.

Лондон, 17 октября 1888 г.

Дорогой Каутский!

Свой ответ на твое письмо я могу начать лишь с того, о чем писал и Луизе: я совершенно отказываюсь понимать, что между вами произошло. Если бы между вами был серьезный разлад, то и мы здесь должны были бы хоть немного это заметить и, в частности, тогда, когда вы были с Эвелингами в Додуелле. Однако, кроме Эде, никто ничего не заметил.

Ты сам говоришь, что Луиза тоже не хочет этого признать, и при том изумительном великодушии, которое она проявила во всем этом деле, я безусловно считаю, что она говорит то, что чувствует и думает. Возможно, однако, что вы оба правы. Ты говоришь, что начал ощущать неудовлетворенность уже свыше года тому назад. Следовательно, это началось, примерно, после Вентнора. Твои родные не были довольны вашим браком. Я знаю по опыту в моей собственной семье, как трудно, а порой и невозможно родителям быть справедливыми

по отношению к зятю или невестке, вошедшим в семью вопреки их воле. При всем том родители убеждены в наилучших своих намерениях, но эти наилучшие намерения большей частью приводят лишь к тому, что создают ад для нового члена семьи, а косвенно и для собственного сына или дочери. Каждый муж может найти какие-нибудь недостатки в своей жене и наоборот; это в порядке вещей. Но в результате благонамеренного вмешательства третьих лиц это критическое отношение может обостриться и дойти до неприязненного чувства и длительного разлада. Если у вас это было так, то вы оба правы: Луиза в том, что нет оснований для разлада между вами, а ты в том, что отношения фактически разладились.

Если же разлад, безразлично по какой причине, был настолько значителен, что ты серьезно принял решение разойтись, то следовало, по-моему, прежде всего взвесить различие в положении жены и мужа при современных условиях. Мужу развод в общественном смысле не наносит абсолютно никакого ущерба, он сохраняет целиком свое положение, просто снова становится холостяком. Жена теряет все свое положение, должна опять начинать все сначала и притом в более тяжелых условиях. Поэтому когда жена говорит о разрыве, то муж может делать все, просить и умолять, не унижая себя; напротив, если муж лишь слегка намекнет на разрыв, то жена, если она себя уважает, почти вынуждена тотчас же сделать из этого выводы. Из этого следует, что муж лишь в крайнем случае, лишь после зрелого размышления, лишь вполне уяснив себе необходимость этого, имеет право решиться на этот крайний шаг и то лишь в самой деликатной форме.

Далее: глубокого разлада не может быть без того, чтобы обе стороны его не почувствовали. Ты ведь знаешь Луизу достаточно, чтобы быть уверенным, что в этом случае она первая освободила бы и себя и тебя. Если же ты, несмотря на это, захотел бы сделать первый шаг, то Луиза, право же, заслужила того, чтобы ты сделал его, вполне отдавая себе в этом отчет, а не в том угаре, в котором ты находился в С. Гильгене и которому так скоро суждено было рассеяться.

Довольно. Повторяю, для всех нас, кроме Эде, эта история совершенно непостижима. В то время как ты начал ощущать недовольство Луизой, она здесь приобрела огромное количество друзей, мы любим ее все больше и больше; тебе из-за нее завидовали. И я остаюсь при своем мнении, что ты совершил величайшую глупость в своей жизни.

Ты говоришь, что тебе, очевидно, придется остаться в Вене. Разумеется, тебе виднее. Я бы на твоём месте испытывал потребность,

прежде всего наедине с самим собою, вдали от всех участников этой истории, разобраться в подлинном характере и значении всего происшедшего.

Ну, хватит об этом. Твои сообщения относительно состояния партии в Австрии мало утешительны, хотя и едва ли неожиданны. Национальная рознь еще слишком глубока в рабочей массе, чтобы возможен был всеобщий подъем. На это нужно время. Из трех упомянутых тобою групп альпийскую группу вряд ли можно принимать в расчет кроме Вены, которую я сюда не отношу. У брюннцев то преимущество, что они представляют собою интернациональную группу. В конце концов, точно так же как и здесь, споры из-за руководства служат лишь доказательством того, что широкие массы еще не созрели для перехода в партию, что дело подвигается слишком медленно и что поэтому каждый старается свалить вину за это на другого и ожидает лучших результатов от того или иного чудодейственного средства. Тут может помочь только терпение, и я очень рад, что мне не приходится вмешиваться.

Я должен теперь приналечь на III том, а то я дал бы тебе кое-что для «Neue Zeit» о своих американских впечатлениях; но вряд ли у меня найдется на это время: уже больше двух недель ушло на переписку, просмотр накопившейся почты и т. д. Мое зрение сейчас улучшилось, но не знаю, что будет, когда снова придется засесть за работу. Завтра опять иду к окулисту.

Твой Ф. Энгельс.

39.

Августу Бебелю

в Берлин.

Лондон, 25 октября 1888 г.

Дорогой Бебель!

Я через Шлютера послал тебе «Der Hilferuf der deutschen Jugend» и его продолжение — «Die junge Generation» — журнал Вейтлинга эпохи 40-х годов. Остальное оказалось у Шлютера, и он тебе все послал: «Гарантии», «Евангелие бедного грешника»¹ и т. д.

На мой взгляд, все три направления немецкого движения 40-х годов лучше рассматривать раздельно. Друг с другом они переплетаются очень мало, в частности коммунизм Вейтлинга до его выми-

¹ Вейтлинг, «Garantien der Harmonie und Freiheit» («Гарантии гармонии и свободы»), Вена, 1842 г. Его же, «Das Evangelium eines armen Sünders» («Евангелие бедного грешника»), Берн, 1845 г.

рания или перехода его последователей на нашу сторону оставался фазой, не освещенной в литературе. Для истории «истинного социализма» (Гесс, отчасти Грюн и ряд других беллетристов) материалов архива далеко не достаточно; следовало бы использовать наши с Марксом старые рукописи, но их я ни в коем случае не могу выпустить из рук. К тому же здесь нельзя обойти некоторых закулисных историй, в частности отчуждения, происшедшего между Гессом и нами, и еще кое-чего, о чем так просто, в двух-трех словах, не расскажешь, — для этого мне пришлось бы самому вновь просмотреть весь старый хлам. Наконец, что касается третьего направления, именно нашего, то ход его развития также можно изучить только по старым рукописям, а его *внешнюю* историю я изложил во введении к «Процессу коммунистов»¹. Зато коммунизм Вейтлинга есть нечто на свой лад законченное и запечатленное в печатных произведениях.

Мне пришла сейчас в голову мысль, что тебе, по всей вероятности, понадобится также книга Кульмана — эта «религия пророков»², которая последовала за Вейтлингом в Швейцарию и перетянула на свою сторону многих из его сторонников. Я совсем забыл дать ее Шлютеру.

Прилагаю письмо Вейтлинга к Гессу (из архива). Разрыв между Вейтлингом и нами произошел на заседании небольшого кружка близких товарищей. (Это заседание также описано присутствовавшим на нем русским, Анненковым, и было напечатано несколько лет тому назад в «Neue Zeit»³.) Произошло следующее: Гесс был в Вестфалии (Билефельд и т. д.) и передал нам, что тамошние деятели — Люнинг, Ремпель и другие — хотят достать средства для издания наших сочинений. Тогда выступил Вейтлинг и пожелал тотчас же через них издать изложение разработанной им утопической системы и прочие свои великие творения (в том числе и новую грамматику⁴,

¹ Введение к работе К. Маркса «Разоблачения о кельнском процессе коммунистов», Цюрих, 1885 г. См. Соч. Маркса и Энгельса, т. XVI, ч. I, стр. 208—226, «К истории Союза коммунистов».

² Подразумевается книга Г. Кульмана «Die neue Welt oder das Reich des Geistes auf Erden. Verkündigung» («Новый мир или царство божие на земле. Благовещение»), Женева, 1845 г.

³ Речь идет о воспоминаниях П. Анненкова, опубликованных в «Neue Zeit» за 1883 г., стр. 236 — 241, под заглавием «Eine russische Stimme über Karl Marx» («Голос русского о Карле Марксе»), на русском языке — опубликованы в «Вестнике Европы» в 1880 г. под названием «Замечательное десятилетие».

⁴ Повидимому, речь идет о книге В. Вейтлинга «Allgemeine Denk- und Sprachlehre nebst Grundzügen einer universellen Sprache der Menschheit» («Общая логика и грамматика и основные черты универсального языка человечества»), 1844 г.

в которой дательный падеж отменялся как изобретение аристократов), — все это мы именно тогда должны были подвергнуть критике, с чем нам пришлось бы начать борьбу, если бы этот план осуществился. В каком извращенном виде отражались в голове Вейтлинга наши аргументы, явствует из прилагаемого письма. Он видел во всем только профессиональную зависть, только попытку задушить его гений, «отстранить его от денежных источников». Но в пунктах пятом и шестом его «резюме»¹ принципиальные разногласия между ним и нами выступают все-таки достаточно ясно, а это самое главное.

Строки 10—12 на странице 3 относятся к тому, что мы собирались издавать великих утопистов в немецких переводах с *критическим введением и примечаниями* — в противовес болтливому изложению Лоренца фон-Штейна, Грюна и других. Злополучный Вейтлинг видит в этом только несправедливую конкуренцию *его* системе.

Строка 3 внизу: под Э. подразумевается Эвербек из Парижа.

Нотабене: в конце концов оказалось, что Моисей Гесс скрыл от нас самое главное, а именно, что вестфальцы вызвались только *взять на себя речательство перед издателями* на случай возможных *убытков* от наших вещей; Моисей изобразил нам дело так, будто они, вестфальцы, *сами* берут на себя издание. Как только мы узнали, как обстоит дело, мы, разумеется, тотчас же прекратили всякие переговоры; быть авторами с вестфальской гарантией нам и в голову не приходило.

История с Каутским повергла нас всех в изумление. Луиза вела себя во всем этом деле с редким героизмом. Каутский был в совершенном опьянении, но очень скоро отрезвился, когда его новая возлюбленная через пять дней оставила его с носом и обручилась с его братом Гансом. Что теперь из этого выйдет? Но удивительнее всего то, что теперь Луиза жалуется, что мы все несправедливы к Карлу! Я написал Карлу, что это была самая глупая выходка за всю его жизнь, но если Луиза находит это слишком

¹ В своем письме Гессу от 31 марта 1846 г. Вейтлинг сообщил ему, что 30 марта 1846 г. в Брюсселе на заседании Коммунистического комитета связи обсуждались формы и методы политической пропаганды в Германии. По этому вопросу выступил К. Маркс. Вейтлинг «резюмировал» сказанное Марксом, совершенно искажая при этом смысл. В 5-м и 6-м пунктах «резюме», о которых идет речь в письме Энгельса Бебелю, Вейтлинг заявил, якобы передавая содержание слов Маркса, что пропаганду не только не надо вести, но даже термин этот не следует употреблять. Маркс вопреки Вейтлингу считал, что о немедленном осуществлении коммунизма не может быть и речи.

жестоким, то мне, конечно, остается только вложить свой меч обратно в ножны.

Я работаю теперь над III томом «Капитала». Свое зрение я все еще принужден очень щадить, писать не больше двух часов в день и только при дневном свете. При таких условиях мне придется очень сильно сократить свою корреспонденцию.

Привет Зингеру.

Твой Ф. Э.

40.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 15 декабря 1888 г.

Срочно: передай Шпейеру, что Лесснер отыскал его свояченицу. Они живут еще на старой квартире, и она обещала сейчас же написать Шпейерам, тем не менее я не хотел бы медлить с этим известием.

III том стоит мне большего труда, чем я предполагал. Одну главу я совершенно должен был переработать, другую, в которой было одно лишь заглавие, мне приходится писать самому. Дело, однако, подвигается и повергнет господ экономистов в крайнее изумление. Моим глазам лучше, и я чувствую себя все еще на пять лет моложе, чем в июле прошлого года.

Привет твоей жене.

Твой Ф. Э.

41.

Ф. Вальтеру

в Лондон.

Лондон, 21 декабря 1888 г.

Уважаемый г. Вальтер,

Когда Вы мне написали в первый раз, я Вас совершенно не знал и не мог поэтому обратиться на Ваше письмо больше внимания, чем на многочисленные письма аналогичного содержания, получаемые мною от неизвестных лиц.

Вы ссылаетесь теперь на Моста, из чего я могу лишь заключить, что Вы примыкаете к анархистам. Но пока анархисты борются в гораздо большей мере против нашей партии, ведущей борьбу в Германии, чем против общего врага, — а мои средства принадлежат

жертвам репрессий буржуазных правительств, — никто не может требовать, чтобы я оказывал поддержку людям, выступающим враждебно против моих друзей и партийных товарищей в Германии и других странах.

Да и при всех условиях я не в силах избавить Вас от ростовщика.

Если же я ошибся насчет Вашего партийного направления, то Вам ничего не стоит удостоверить свою личность у моего старого друга Лесснера, 12, Fitzroy St., и тогда я охотно сделал бы что-нибудь для *настоящего* партийного товарища, хотя уплата такого долга, как Ваш, далеко превосходит мои возможности.

С совершенным почтением

*

—————

1889 год.

42.

Августу Бебелю

в Берлин.

Лондон, 5 января 1889 г.

Дорогой Бебель,

Прежде всего примите и от меня ответные сердечные поздравления к новому году.

Если не помешает туман, я должен написать тебе сегодня, как меня об этом просили, о двух довольно щекотливых вопросах. Оба раза было выражено опасение, как бы Либкнехт во время своей поездки сюда и в Париж¹, о которой он уже объявил, не связал партию обязательствами в нежелательном направлении (конечно, если он придет *один*); а так как он всегда во власти минутных настроений (опять-таки часто основанных на самообмане), я не могу не признать справедливости подобных опасений.

В Париже идет речь о конгрессе или двух конгрессах — о POSSIBИЛИСТСКОМ и о нашем международном конгрессе, решение о созыве которого было принято на ноябрьском съезде профессиональных союзов в Бордо, а теперь еще раз подтверждено на социалистическом съезде в Труа. Лафарг опасается, что Либкнехт вступил в сношения с POSSIBИЛИСТАМИ и что не исключена возможность посылки ваших делегатов на *их* конгресс. Я написал Лафаргу, что, по моему мнению, для вас это решительно невозможно. POSSIBИЛИСТЫ вели с нашими так называемыми марксистами борьбу не на живот, а на смерть и провозгласили себя единоспасающей церковью, абсолютно воспрещающей всякую связь, всякое сотрудничество как с марксистами, так и с бланкистами, и заключили со здешней единоспасающей церковью (Социал-демократической федерацией) союз, далеко не послед-

¹ Либкнехт предполагал поехать во Францию и Англию для предварительных переговоров с различными социалистическими партиями по поводу созыва международного социалистического конгресса.

няя цель которого во всем противодействовать немецкой партии до тех пор, пока она не примкнет к этой честной компании и клятвенно не откажется от всякого общения с французами и англичанами других направлений. К тому же POSSIBILITYY продались стоящему у власти правительству; их путевые издержки, расходы по организации конгресса, газеты оплачиваются из секретных фондов, и все это под предлогом борьбы с Буланже и защиты республики, а, следовательно, также и для защиты оппортунистических эксплуататоров Франции, своих нынешних союзников, всех этих Ферри и прочих. И они защищают современное радикальное правительство, которое принуждено оказывать оппортунистам всевозможные грязные услуги, чтобы остаться у власти; правительство, которое на похоронах Эда приказало стрелять в народ, а в Бордо и Труа, точно так же как в Париже, преследует красное знамя с большим остервенением, чем какое-либо правительство до него. Быть заодно с этой шайкой значило бы для вас отречься от всей той внешней политики, которую вы проводили до сих пор. Эта компания совместно с продажными английскими трэд-юнионами выступила в Париже два года тому назад против социалистических требований, и если они в ноябре выступали здесь по-иному, то лишь потому, что вести себя иначе было невозможно. К тому же сильны они только в Париже, в провинции они — нуль. Доказательство: они не могут созвать конгресс в Париже, потому что провинциальные делегаты не явились бы на конгресс или заняли бы враждебную позицию. В провинции они тоже не могут его созвать. Два года тому назад они отправились в какое-то захолустье в Арденнах; в этом году думали устроиться в Труа, где несколько членов муниципалитета — рабочих, после выборов, изменили своему классу и присоединились к ним. Но в следующий раз их не переизбрали, а комитет — их собственный комитет — пригласил *всех* французских социалистов. В парижском лагере перепугались, пытались было отменить это, но напрасно. И потому они не поехали на свой собственный конгресс, которым завладели наши марксисты и блестяще его провели. Какого мнения о них провинциальные профессиональные союзы, явствует из прилагаемого решения ноябрьского съезда профессиональных союзов в Бордо. В Париже у них в муниципалитете 9 человек, главная цель которых — всемерно препятствовать социалистической деятельности Вайяна, предавать рабочих и получать за это для себя и своих приверженцев денежные ассигновки и самовластно руководить биржей труда.

Марксисты, господствующие в провинции, — это *единственная* антишовинистическая партия во Франции; в результате своего высту-

пления в пользу немецкого рабочего движения они утратили популярность в Париже; и послать делегатов на враждебный марксистам конгресс в Париже было бы с вашей стороны то же, что надавать самим себе пощечин. Также правилен и их метод борьбы с Буланже, который является лишь показателем всеобщего недовольства во Франции. Когда Буланже вздумал устроить банкет в Монлюсоне, наши взяли себе 300 билетов, чтобы через Дормуа — очень дельного парня — поставить ему ряд весьма категорических вопросов об его отношении к рабочему движению и т. д. Проведав об этом, бравый генерал вовсе отказался от банкета!

Туман не позволяет писать сегодня дольше. До следующего раза в ближайшие дни.

Твой Ф. Э.

43.

Людвигу Кугельману
в Ганновер.

Лондон, 10 января 1889 г.

Дорогой Кугельман,

В свою очередь сердечно поздравляю с новым годом тебя, твою жену и дочь!

Мудрствования Зетбера¹ очень меня позабавят, если ты будешь столь любезен и пришлешь их мне; заметки на полях с точки зрения *здешней* почты нисколько не предосудительны; она запрещает лишь что-либо похожее на письмо.

К истории французского крестьянства надо подходить критически. Если подойти к вопросу с точки зрения размеров площадей, то следует отметить, что мелкое *земледелие* было во Франции, как и в Германии и Восточной Европе, правилом, крупное же с применением барщинного труда — довольно редким исключением. Благодаря революции крестьянин постепенно стал собственником своего участка, но и после этого он зачастую оставался еще некоторое время, по крайней мере номинально, арендатором (но аренды по большей части не платил). Что случилось с национальными землями (из которых значительная часть была при Наполеоне и реставрации возвращена дворянству, а другая была скуплена дворянами после 1826 г. из средств эмигрантского миллиарда) и каким образом мелкое крестьян-

¹ Энгельс имеет в виду книгу Н. Soetbeer, «Die Stellung der Sozialisten zur Maltus'schen Bevölkerungslehre» (Г. Зетбер, «Социалисты об учении Мальтуса о народонаселении»), Геттинген, 1886 г.

ское землевладение снова достигло к 1830 г. своего высшего расцвета, — об этом см. «Революционные понедельники» Авенеля¹ и роман Бальзака «Крестьяне». Тэн² немногого стоит. Статью Швейхеля³ я не читал.

III том медленно подвигается вперед.

Здоровье мое после поездки в Америку значительно улучшилось, но с глазами все еще не совсем ладно — у меня хронический легкий конъюнктивит и возрастающая близорукость левого глаза, вызванная растяжением задней стенки глазного яблока в результате переутомления.

Отдых — важнейший гражданский долг.

Твой Ф. Энгельс.

44.

Конраду Шмидту
в Цюрих.

Лондон, 11 января 1889 г.

Милостивый государь,

Оба Ваши письма от 5 ноября и 28—31 декабря я получил, и мне было очень интересно ознакомиться с Вашими заключениями в немецких университетах. Господство объединенных юнкеров и буржуа отличается от господства объединенных юнкеров и бюрократов до 1848 г. только тем, что имеет под собой более широкую основу. Тогда отношение к Бруно Бауэру вызывало среди филистеров всеобщее возмущение; теперь совершенно так же они реагируют на случай с Дюрингом, но когда у Вас перед носом захлопывают двери всех университетов, те же самые филистеры считают это в порядке вещей.

Вам, действительно, не остается теперь ничего другого, как заняться литературной работой, а для этого Берлин, конечно, самое подходящее место в стране. Я рад, что Вы (в Вашем втором

¹ Имеется в виду книга Avenel Georges, «Lundis révolutionnaires. 1871—1874. Nouveaux éclaircissements sur la Révolution française» (Г. Авенель, «Революционные понедельники. 1871—1874. Новые исследования о французской революции»), Париж, 1875 г.

² Имеется в виду книга французского историка Н. Тэна, «Les origines de la France contemporaine» (И. Тэн, «Происхождение современной Франции»), Париж, 1876—1894 гг., тт. I—VI. В России издана на русском языке в 1907 г.

³ Имеется в виду статья Швейхеля «La Terre» («Земля»), опубликованная в журнале «Neue Zeit» за 1889 г., № 1, стр. 10—18. Кугельман запрашивал мнение Ф. Энгельса об этой статье.

письме) не возвращаетесь больше к Вашим американским планам; Вы испытали бы там большое разочарование. Под гнетом исключительного закона можно находить американско-немецкую социалистическую печать очень хорошей, — это я понимаю, особенно с точки зрения журналиста. В действительности же она, как в теоретическом отношении, так и с местно-американской точки зрения, немногого стоит. Самая лучшая газета — «*Philadelphisches Tagblatt*»; «*St. Louis Tagblatt*» — исполнена благих намерений, но слаба; нью-йоркская «*Volkszeitung*» в деловом отношении поставлена хорошо, но это прежде всего коммерческое предприятие.

Очень плох «*Sozialist*» (Нью-Йорк), официальный орган немецкой партии. Для людей, интересующихся теорией, в Америке пока мало простора. Немцы настаивают, по крайней мере в своей официальной организации, на том, чтобы оставаться отделением германской партии, смотрят с чисто лассальянским высокомерием, сверху вниз, на «невежественных» американцев, требуют, чтобы те присоединились к их немецкой партии, т. е. признали над собой немецкое руководство, — словом, проявляют сектантскую узость и мелочность. Среди самих американцев дело обстоит лучше, но перевес все же на стороне нью-йоркцев. Чикагскую «*Arbeiterzeitung*» (редактируемую теперь Христенсеном) я читаю лишь изредка. Словом, в Америке есть смысл работать только в ежедневной прессе, а для этого нужно сначала пожить там хотя бы год, чтобы приобрести необходимое знание людей и уверенность в своих выступлениях; далее, приходится считаться с местными взглядами, которые часто еще более ограничены именно потому, что искорененная в Германии крупной промышленностью цеховщина еще находит среди немцев в Америке своих представителей (это именно и любопытно в Америке, что наряду с самым новым и самым революционным там преспокойно продолжает прозябать самое старое и заплесневелое). Через несколько лет возможно и даже наверное станет лучше, но тот, кто хочет способствовать дальнейшим нашим успехам в области науки, найдет здесь в Европе гораздо более подготовленную публику.

Впрочем, на литературном поприще Вы найдете также достаточно возможностей для ценных работ. Архив Брауна, конрадовские ежегодники и т. д. и шмоллеровское собрание монографий будут, конечно, открыты для Вас. Работа, например, о системе эксплуатации через посредников (потогонная система), которая в отрасли производства готового платья свирепствует в Берлине, во всяком случае, не меньше, чем в Лондоне, и т. д., — такая работа как параллель к соответствующему отчету английской парламентской

комиссии была бы, несомненно, очень полезной; этот отчет, если хотите, я охотно пришлю Вам. В Германии есть еще целый ряд других экономических явлений, которые необходимо исследовать и описать, не говоря уже о чисто теоретических работах, которые время от времени отрывали бы Вас от повседневной литературной деятельности. Об этом мы могли бы поговорить подробнее впоследствии, когда Вы уже будете в Берлине и приметесь за работу.

Если Ваши злоключения (о которых стоило бы написать для опубликования) напоминают времена Фридриха Вильгельма IV, то случай с Гохом уж прямо напоминает худшие времена травли демагогов¹. Ведь с 1835 г. не было такого случая, чтобы людей не принимали в высшие учебные заведения из-за их политических взглядов.

Что касается III тома, то 1-й раздел (из семи) готов к печати, а над 2-м и 3-м я как раз работаю и надеюсь скоро их закончить. Эта работа отнимает у меня больше времени, чем я предполагал, а с глазами мне нужно соблюдать большую осторожность. Ужасные декабрьские туманы временно ухудшили мое состояние, но теперь стало опять лучше. В ночь под новый год мы были у Пумпс — я, Шорлеммер, Сэм Мур, Тусси и кое-кто из «Sozialdemokrat». Итти туда надо 2 английских мили, но из-за тумана нам пришлось потратить больше часа. А потом погода так испортилась, что никто не смог уйти. Всей компании пришлось, таким образом, волей-неволей прокутить вплоть до рассвета (отнюдь не светлого), что мы и сделали, причем было очень весело; часам к пяти несколько человек смогли с первым поездом уехать в город, а мы, оставшиеся, легли в семь часов в импровизированные постели и проспали до первого полудня нового года. Такова лондонская жизнь.

С сердечным приветом искренне Ваш

Фридрих Энгельс.

45.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 12 января 1889 г.

Дорогой Зорге,

От всего сердца поздравляю тебя и твою жену с новым годом.

¹ Под таким именем преследовали студентов-либералов в Германии в 30-х годах XIX века.

Письмо от 29 декабря получил. Меня очень огорчило известие, что тебе, так же как и твоей жене, становится тяжело работать. Но я надеюсь, что все это — лишь временное явление, все пройдет, когда вы привыкнете. Я чувствую себя хорошо. Но во время ужасных декабрьских туманов моим глазам опять стало несколько хуже. Усиленными движениями и пребыванием на свежем воздухе я до некоторой степени от этого отделался.

Взаимные распри особенно характерны для европейского социализма в настоящий момент. Во Франции POSSИБИЛИСТЫ продались правительству и поддерживают свои, не находящие сбыта, газеты средствами из тайных фондов. На выборах 27-го они голосовали за буржуа Жака, в то время как наши и бланкисты выставили кандидатуру Буле. Лафарг думает, что Буле получит всего 16—20 тысяч голосов, они считают это поражением. Зато в провинции дела обстоят лучше. POSSИБИЛИСТЫ объявили о созыве *своего* конгресса в Труа, но отказались от него, когда *все* местные организации пригласили *всех* социалистов. Явились, следовательно, только наши и доказали, что если в Париже господствуют POSSИБИЛИСТЫ, то провинция принадлежит нам. Итак, в Париже в этом году состоятся два конгресса (международных), наш и POSSИБИЛИСТСКИЙ. Немцы, вероятно, не явятся ни на один из них.

Здесь, в Лондоне, попрежнему армия все еще состоит из офицеров при полном отсутствии солдат. Это вроде колонны Роберта Блюма в 1849 г.: 1 полковник, 11 офицеров, 1 горнист и 1 солдат¹. Перед внешним миром они друг с другом как будто ладят, но втихомолку разгорается склока. А время от времени все же разражается публичный скандал. Так, Чемпион, которого выставили из Социал-демократической федерации, основал газету (первый номер ее я пошлю тебе на этой неделе); в ней он нападает на Гайндмана и в особенности на его союзника Адольфа Смит-Хидингли, некоего франко-англичанина, который преклоняется перед POSSИБИЛИСТАМИ и является главным посредником в союзе между ними и Гайндманом. Этот парень в период после Коммуны примазался здесь к французской секции², которая осыпала нас руганью и клеветой, а также

¹ В 1849 г. Энгельс участвовал в Баденском походе германской кампании за имперскую конституцию в отряде Виллиха. Колонна им. Роберта Блюма примкнула к отряду Виллиха, выразив желание «воевать под предводительством храброго Виллиха».

² Во время Лондонской конференции I Интернационала в 1871 г. (17—23 сентября) из числа эмигрантов Коммуны образовалась в Лондоне «Французская секция 1871 г.». Эта секция была связана с анархистским Альянсом Бакунина

к псевдо-генеральному совету Юнга, Хейлза и К⁰; он и сейчас на нас клеветает, доказательства чего у меня есть. У этого мерзавца, переводчика на здешнем международном конгрессе трэд-юнионов, хватило бесстыдства явиться как-то в воскресенье ко мне под защитой Анселя и Ван-Бевверена; Шлютер, когда приедет, сможет тебе рассказать, как я его выставил.

Как только рабочий класс, пока еще едва лишь зашевелившийся, действительно придет здесь в движение, каждому из этих господ будет определено его место и положение — для одной части внутри, а для другой и вне движения. Это период детских болезней.

В редакции «Sozialdemokrat» тоже господствует склока. Об этом тебе расскажет Шлютер. Впрочем, он тоже принадлежит к одной из партий и сумеет умолчать о том, что ему не захочется сообщать. Когда я вижу, до какой степени здесь в редакции газеты действуют шиворот-навыворот, я тем более восхищаюсь нашими рабочими, умеющими все это выправить и нейтрализовать.

Мамаша Вишневецкая очень обижена, что я не нанес ей визита, а предпочел лечить свои недомогания и приводить себя в порядок для путешествия, живя у тебя в Лонг-Бренче. Она, кажется, оскорблена нарушением этикета и недостатком галантности в отношении дам. Я, однако, не позволю дамочкам, защищающим женское равноправие, требовать от нас галантности: если они добируются мужских прав, так пусть разрешат и обходиться с ними, как с мужчинами. Впрочем, она, по всей вероятности, успокоится.

Новый год мы встречали у Пумпс и принуждены были из-за тумана прокутить всю ночь. Тусси уехала лишь с первым поездом, в пять часов утра; сейчас она на несколько недель отправилась в Корнуоль.

Бисмарк наскочил на две полновесные пощечины, полученные им от Гефкена и Морье¹. Имперский суд все еще не дошел до

и вела с самого начала своей деятельности ожесточенную борьбу против Генерального Совета. Первым актом Генерального Совета против этой секции было разоблачение секретаря секции Г. - П. - Э. Дюрана как шпиона французской полиции. Основная масса французских эмигрантов порвала с этой секцией анархистов и полицейских шпионов и образовала новую секцию, действовавшую в полном согласии с Генеральным Советом.

¹ Гефкен — видный консерватор, нападавший на политику Бисмарка. В конце 1888 г. Морье — секретарь английского посольства в Дармштадте — был обвинен в шпионаже в пользу Франции во время франко-прусской войны. Сын Бисмарка Герберт косвенным образом поддерживал это обвинение. Морье в ответ опубликовал свою переписку с маршалом Базэном, содержание которой опровергало возведенные против него обвинения.

того, чтобы принять его интерпретацию уголовных законов в духе студента-корпоранта; это является, между прочим, результатом того, что недавно, в Лейпциге, молодой Вильгельм отметил этих господ особым презрением.

Дипломатические интриги сейчас достигли апогея. Русские получили 20 миллионов фунтов; пруссаки в апреле получают свою новую 8-миллиметровую винтовку (11-миллиметровая, измененная маузеровская, совершенно не годилась для войны); австрийцы отчаянно хвастаются тем, что они «готовы» и «архи-готовы», это доказывает, что им опять захотелось колотушек, а во Франции может одержать верх Буланже. Маневры Бисмарка и Сольсбери в Восточной Африке имеют лишь целью настолько прочно втянуть Англию и Германию в совместные операции, чтобы и при Гладстоне нельзя было итти на попятный. Поэтому и историю с Морье Вильгельм инсценировал безусловно против воли Бисмарка, но она на нем отзовется. Словом, положение обостряется, и весной дело *может* дойти до войны.

Твой Ф. Э.

На полях: по III тому готов I раздел; II и III в работе. Всего 7 разделов.

46.

Флорене Келли-Вишневецкой в Нью-Йорк.

Лондон, 12 января 1889 г.

Дорогая г-жа Вишневецкая,

Вы, без сомнения, были недовольны тем, что я уехал из Америки, не посетив Вас в Вашем убежище на берегу моря. Но, будучи в Нью-Йорке, я чувствовал себя настолько плохо, что не мог и думать о какой бы то ни было поездке. Как Вы знаете, я приехал сильно простуженный, и д-р В. нашел у меня бронхит. Бронхит не проходил, а ухудшался, а кроме того у меня началось жестокое расстройство желудка, из-за чего я на суше испытывал такую морскую болезнь, которой не подвергался и на океане. При этих обстоятельствах, да еще в предвидении длительного путешествия по неизвестным местам, я решил во что бы то ни стало сразу же отделаться от этого недомогания и подчинить этой задаче все остальное. Поэтому я поручил себя материнским заботам г-жи Зорге, по целым дням не выезжал из Хобокена и, наконец, поправился, но уже к тому

времени, когда нам надо было уезжать из Нью-Йорка. Не будь всего этого, я, конечно, приехал бы к Вам на денек; но в данном случае мне пришлось выбирать между полным отдыхом в Хобокене и поездкой, которая почти наверняка грозила привести в расстройство мое здоровье на все время путешествия, а, может быть, даже уложила бы меня в постель где-нибудь в далекой провинции.

500 экземпляров от Ли и Шепарда¹ прибыли, но слишком поздно, чтобы их можно было разослать до рождества, так как на рождестве публика не интересуется ничем, кроме праздничной литературы. Поэтому я задержал их у себя до сих пор. В понедельник книги будут отосланы в прессу, а остальные я передам Ривсу. Бойкот лондонскими социалистами Маркса и меня (в точности напоминающий бойкот, организованный английскими доисторическими тупицами против Моргана) все еще продолжается, и меня очень интересует, что из этого получится.

С наилучшими пожеланиями к новому году

искренне Ваш *Ф. Энгельс.*

47.

Карлу Каутскому

в Вену.

Лондон, 18 января 1889 г.

Предполагавшееся совещание с Тусси и Эдуардом не может пока состояться, так как оба они находятся в Корнуоле и собираются вернуться лишь на будущей неделе или даже позже. Тем временем Тусси уже раньше написала твоей жене по интересующему нас вопросу то, что знала сама. Но, как бы то ни было, мы должны опять заполучить вас сюда; и так или иначе, это, вероятно, удастся сделать до весны.

Теперь мне придется снова взяться за свои рукописи, которые, вот уже месяц, должны были отлеживаться из-за тумана и всякого рода переписки о парижских и лондонских передрыгах. Сердечный привет Луизе.

Твой старый

Генерал.

¹ Издатели «Речи о свободе торговли» К. Маркса, вышедшей в Бостоне на английском языке в 1889 г.

48.

Карлу Каутскому

в Вепу.

Лондон, 28 января 1889 г.

Дорогой Каутский!

Я намерен сделать тебе сегодня предложение, которое одобрено Эде, Гиной и Гусси.

Я предвижу, что в лучшем случае мне еще долго придется беречь свое зрение, чтобы привести его снова в порядок. Этим исключается для меня, по меньшей мере на годы, возможность самому продиктовать рукопись четвертой книги «Капитала».

С другой стороны, я должен позаботиться о том, чтобы не только этой рукописью Маркса, но и всеми остальными рукописями можно было пользоваться и без меня. Это станет возможно только при том условии, если я научу разбираться в этих иероглифах людей, которые в крайнем случае смогут меня заменить, а пока хотя бы помочь мне при издании. Для этого я могу использовать только тебя и Эде. Итак, прежде всего я предлагаю, чтобы мы занялись этим втроем.

В первую очередь надо приняться за четвертую книгу. Но Эде слишком поглощен редакцией «Sozialdemokrat» и множеством затруднений из-за здешних раздоров. Я думаю, что у тебя-то найдется достаточно свободного времени, чтобы после известной выучки и практики воспроизвести в течение, скажем, двух лет с помощью твоей жены 750 страниц оригинала в виде удобочитаемой рукописи (из них добрая часть отпадет как уже вошедшая в третью книгу). Как только ты немного научишься разбирать почерк, ты сможешь диктовать жене, и тогда дело пойдет быстро.

Я исхожу из следующего расчета: если бы я мог, как прежде, диктовать Эйзенгартену по пять часов ежедневно, то на это, учитывая всякого рода помехи, потребовалось бы около года. За это пришлось бы заплатить Эйзенгартену по два фунта стерлингов в неделю, т. е. 100 фунтов. Эту сумму я должен был бы, следовательно, затратить во всяком случае, и если ты согласен работать на этих условиях, то я уплачу эту сумму тебе. Разделенная на два года, эта сумма составила бы дополнительный доход в 50 фунтов в год. Если дело пойдет быстрее, то ты получишь это в более короткий срок. К тому же мы здесь полагаем, что при этих обстоятельствах вы, может быть, не станете колебаться и снова переберетесь сюда. Я предложил бы выплачивать тебе деньги вперед, каждую четверть года по 12 фунтов

10 шиллингов; так как вначале работа пойдет медленнее, а затем быстрее, то было бы нелепо заранее ставить оплату в зависимость от количества подготовленного материала.

Эде тоже горит желанием быть посвященным в иероглифы; у меня для него уже намечены другие рукописи; я ему тоже буду вдалбливать эту науку, но я ему сказал, конечно, что платить я смогу только одному из вас, и он с этим вполне согласен. Дело идет в конечном счете о том, чтобы когда-нибудь издать полное собрание сочинений Маркса и моих, это вряд ли осуществится при моей жизни, и об этом я именно и хотел бы позаботиться. Я говорил об этом и Тусси; с ее стороны все мы можем рассчитывать на всемерную поддержку. Как только я добьюсь того, что вы оба легко сможете разбирать почерк Маркса, у меня упадет гора с плеч; я буду иметь возможность за это время дать отдых своим глазам, не опасаясь того, что мой главный долг не будет выполнен, так как эти рукописи перестанут быть книгой за семью печатями, по крайней мере для двух людей.

До сих пор; кроме Ленхен, о моем плане знают лишь Эде с женой и Эвелинги, и если ты дашь согласие, то, кроме вас, никому нет нужды знать о подробностях дела. При этом и для Луизы, быть может, найдется подходящая работа.

Итак, обдумайте этот вопрос и, если вы согласны, приезжайте сюда как можно скорее. Шлютеровскую мебель вы сможете получить за дешевую цену, а также хорошую квартиру, хотя бы и на время. Луиза, вероятно, захочет сперва закончить свои занятия и сдать экзамены; как это совместить, вам виднее, чем нам.

Выборы Буланже приведут Францию к кризису. Радикалы, торопясь притти к власти, сделались рабами оппортунистов и коррупции и тем самым прямо-таки выпестовали буланжизм. Это, однако, плохой симптом, что Париж, разъярившись, бросился в объятия едва прикрытого бонапартизма. Пока я не могу это рассматривать иначе, как отказ Парижа от его традиционной революционной миссии. К счастью, провинция лучше. Хуже всего, что военная опасность растет и что Бисмарк теперь может начать войну, когда захочет. Ему стоит только затеять какую-нибудь возню, и Буланже не стерпит ее так, как это делал Ферри.

Сердечный привет Луизе от меня и Ним.

Твой Ф. Э.

Передай поклон тем, кто неизменно поздравляет меня с новым годом, в особенности Франкелю. У вас там, повидимому, дело снова ладится.

49.

Полю Лафаргу

в Париж.

Лондон, 28 января 1889 г.

Дорогой Лафарг,

Моим глазам стало, наконец, немного лучше, но еще не настолько, чтобы я мог разделаться с накопившейся за это время массой работы и кучей писем, ожидающих ответа. Писать мне можно только при дневном свете, да и то с перерывами, но зато я могу, по крайней мере, читать по вечерам в течение довольно продолжительного времени.

Если в настоящий момент парижанами овладело воинственное настроение, то пусть уж лучше они обратят свой гнев против России, для которой они таскали каштаны из огня и которая бросила их теперь, после того как они обожгли себе руки. Разве они не видят, что именно Россия при помощи купленных ею парижских газет (из них «Journal des Débats» кажется наиболее разнузданной) толкнула их на путь реваншистских фанфаронад с единственной целью заставить Бисмарка капитулировать перед царем? И теперь она добилась, чего хотела: Бисмарк помирился с Россией, принесся в жертву Австрии, а Россия пожертвовала Бисмарку легковверных парижан. Союз с Россией имеет свои прелести!

Впрочем, я не думаю, чтобы Бисмарк *желал* войны, которая, как только вспыхнула бы, немедленно сделалась бы войной европейской. Если между Францией и Германией начнется драка, а она будет борьбой жестокой и достаточно продолжительной, царь будет *вынужден* даже против воли двинуться на Балканы. В результате — австро-русская война. С этого момента Бисмарк оказался бы во власти непредвиденных случайностей, а я не думаю, что он настолько глуп, чтобы хладнокровно спровоцировать подобное положение. Но русские агенты в Париже тем не менее будут продолжать свое дело; Россия заинтересована в том, чтобы вовлечь Францию и Германию в войну; в таком случае ей пришлось бы воевать лишь против Австрии и в крайнем случае против Англии, т. е., по мнению русских шовинистов, ненавидящих Австрию и Англию, у России на Востоке были бы развязаны руки. Вот где опасность.

Если гг. Циону и К^о удастся толкнуть Францию на эту войну, то это значит, что просто-напросто произойдет взаимное истребление на благо царю и для увековечения деспотизма в России.

Что касается германских выборов — наши перспективы блестящи, думаю, что в целом у нас будет 700 тысяч голосов, а может быть и больше. Что же касается большинства в новом рейхстаге; то приходится считаться с германским филистером, а это такая дрянь, хуже которой трудно себе представить.

Здесь говорят, что маневр «Daily News» был биржевой спекуляцией Баринга. Маневр этот, вероятно, очень не понравился Бисмарку, которому он испортил избирательную тактику, Бисмарк вынужден был дать опровержение.

Мартиньетти снова мне писал. Он, кажется, в отчаянном положении и просит меня найти какой-нибудь выход, но предлагает совершенно невозможные вещи. Я писал о нем в Гамбург и Вену, обещал написать и Вам; Вы, вероятно, получите письмо непосредственно от него. Здесь и в Америке для него ничего подходящего нет, он не знает ни слова по-английски. Нельзя ли устроить его во Франции преподавателем итальянского языка? Это, по-моему, единственное, за что он мог бы взяться. Или Вы, может быть, придумаете что-нибудь лучшее? Ему отказывают от места. Попробуйте, нельзя ли в Париже или в провинции сделать что-нибудь для бедняги.

Пумпс чувствует себя гораздо лучше; из серьезных заболеваний у нее остался только межреберный ревматизм; я видел ее сегодня, она в довольно хорошем настроении.

Здесь среди социалистов ничего, кроме интриг различных клик. По словам Шейя, Гайндман опротивел Чемпиону, и последний хотел бы его уничтожить, для чего и сблизился с Баксом; он недавно встретил Эвелинга и был с ним более чем любезен. Посмотрим, к чему это приведет. Пока же Эвелинг хочет втянуть рабочих Ист-Энда в рабочее движение по примеру Америки независимо от старых партий; этот агитационный прием может иметь успех. Эвелинг уже выступал на прошлой неделе на митинге в Farringdonstreet, Тусси говорила о том же позавчера, и оба будут еще выступать и там и в других местах.

Как только я немного освобожусь, я напишу Лауре. А пока Ним просит узнать у нее, говорила ли она с Лонге и что он ответил.

«La Justice» получила экземпляр английского перевода «Капитала». Если Лонге взял его себе, то это сбережет нам экземпляр, который мы предназначали для него. Не можете ли Вы узнать об

этом? Что касается других экземпляров, которые Зонненшейн должен был им послать, мы еще ничего определенного не знаем: он увиливает.

Искренне Ваш

Ф. Э.

50.

Карлу Каутскому

в Вену.

Лондон, 7 февраля 1889 г.

С рукописью совсем не надо спешить. Устраивайтесь, следовательно, так, как вам удобней. В ближайшее время я буду еще целиком занят III томом (до сих пор сделано около трети).

С сегодняшнего дня в Париже ежедневно выходит «L'Égalité» в качестве преемницы «Cri du Peuple». Кроме Вайяна и его фракции, участвуют Лафарг, Гэд, Девиль, вероятно, и другие. Малона придется, должно быть, тоже привлечь. Обо всем остальном — в следующий раз. Сегодня я хотел лишь сразу же ответить на основные твои вопросы. Сердечный привет Луизе от меня и Ним.

Твой Ф. Э.

51.

Джону-Линкольну Магону

в Лондон.

Лондон, 14 февраля 1889 г.

Насколько мне известно, Дж. Гарни все еще в Англии. Как только будет возможно, я постараюсь написать ему, выяснить точно его местопребывание и сообщить Вам. Если я могу быть чем-либо полезен г-ну Этерли Джонсу, буду очень рад видеть его у себя, я дома почти каждый вечер.

До сих пор у меня еще не было времени изучить вашу программу¹ настолько, чтобы высказать свое мнение о ней. Врач строго запретил мне читать при газовом освещении.

Ваш Ф. Энгельс.

¹ Речь идет о работе Магона «A labour programme» («Рабочая программа»), Лондон, 1888 г.

52.

Карлу Каутскому
в Вену.

Лондон, 20 февраля 1889 г.

Дорогой Каутский,

Возвращаю статьи из «Neue Zeit»¹ с беглыми критическими заметками. Главный недостаток — отсутствие хорошего материала, боготворимых филистером Тэна и Токвиля² тут недостаточно. Если бы ты писал эту работу *здесь*, ты нашел бы совершенно другой материал — гораздо лучший материал *из вторых рук* и массу *первоисточников*. Помимо этого лучшая работа о крестьянах Кареева³ написана по-русски. Если бы ты, однако, мог там достать *Moroe de Jonnés*⁴ «Экономический и общественный строй Франции со времен Генриха IV до Людовика XIV», Париж, 1868 г., то эту книгу тебе было бы полезно прочесть.

Раздел II, стр. 3. Здесь отсутствует ясное изложение того, как возникает абсолютная монархия в качестве естественно складывающегося компромисса между дворянством и буржуазией и как она поэтому вынуждена защищать интересы обеих сторон, выказывать обеим сторонам благоволение. При этом на долю дворянства, отстраненного от политических дел, выпадает грабеж крестьян, государственной казны и косвенное политическое влияние через двор, армию, церковь и высшую администрацию; на долю буржуазии — покровительственные пошлины, монополии и *относительно* упорядоченное управление и судопроизводство. Если ты с этого начнешь, многое станет яснее и понятней.

¹ Речь идет о статье Каутского «Die Klassengegensätze von 1789. Zur hundertjährigen Gedenkfeier der grossen Revolution» («Классовые противоречия в 1789 г. К столетнему юбилею великой революции»), опубликованной в журнале «Neue Zeit» за 1889 г. в № 1, стр. 1—9, № 2, стр. 49—56, № 3, стр. 97—108, № 4, стр. 145—157.

² Энгельс имеет в виду книгу Н. Тэна, «Les origines de la France contemporaine» (И. Тэн, «Происхождение современной Франции»), Париж, 1876—1894 гг., и А. Токевиля, «L'ancien régime et la révolution» (А. Токвиль, «Старый режим и революция»), Париж, 1856 г.

³ Речь идет о книге Н. Кареева, «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века», Москва, 1879 г.

⁴ Moreau de Jonnés, «État économique et social de la France depuis Henri IV jusqu'à Louis XIV».

В этом разделе не хватает также упоминания о судебном дворянстве (*noblesse de robe*¹) и о юристах (*la robe*) вообще, которые фактически тоже составляли привилегированное сословие и обладали в парламентах значительной силой, противостоявшей королевской власти; в своей *политической* деятельности они выступали как защитники учреждений, ограничивавших королевскую власть, и, таким образом, оказывались на стороне народа, но в качестве судей они были воплощением коррупции (см. «Мемуары» Бомарше). То, что ты в дальнейшем говоришь об этой шайке, недостаточно.

III, стр. 49. Ср. примечание 1 из Кареева в приложении.

На стр. 50 *«этот вид буржуа»* вдруг превращается в *«буржуа»* вообще; это резко расходится с тем, что ты говоришь о расслоении внутри класса буржуазии. Ты вообще слишком много обобщаешь и поэтому часто приходишь к абсолютным выводам там, где требуется наибольшая относительность.

IV, стр. 54. Здесь следовало бы все же в той или иной мере указать, *каким путем* эти, стоящие вне сословного порядка, бесправные и поэтому в известной мере находящиеся *вне закона*, плебеи лишь в ходе революции постепенно пришли к тому, что ты именуешь «санкюлотизмом» (еще один изм!), а также, какую роль они играли. Тогда тебе удастся преодолеть трудности, которые ты на стр. 53 бомбардируешь неопределенными выражениями и таинственными намеками на новый способ производства. Тогда попросту окажется, что буржуа на этот раз, как и всегда, были слишком трусливы, чтобы отстаивать свои собственные интересы; что, начиная с Бастилии, плебеи должны были выполнять за них всю работу; что без его вмешательства 14 июля, 5—6 октября, 10 августа, 2 сентября и т. д. феодальный режим неизменно одерживал бы победу над буржуазией, коалиция в союзе с двором подавила бы революцию и что, таким образом, только эти плебеи и совершили революцию. Но это было бы невозможно без того, чтобы эти плебеи не вкладывали в революционные требования буржуазии такой смысл, которого там не было, не доводили равенства и братства до крайних пределов, не ставили эти лозунги на голову, заменяя буржуазный смысл этих лозунгов его противоположностью, — и, доведенный до крайности, этот смысл обращался в свою противоположность. Но эти *плебейские* равенство и братство могли быть только мечтой в такое время, когда дело шло о том, чтобы создать нечто *прямо противоположное* им, и, как всегда, по иронии истории, *плебейское*

¹ — «дворянство мантии».

понимание революционных лозунгов стало самым мощным рычагом осуществления своей противоположности — *буржуазного* равенства — перед законом — и братства — в эксплуатации.

Я гораздо меньше говорил бы о новом способе производства. Его всегда отделяет огромное расстояние от тех *фактов*, о которых ты говоришь, и, представленный в такой непосредственной форме, он выступает как *чистая абстракция*, которая не разъясняет дела, а скорее затемняет его.

Что касается террора, то он был по существу военной мерой до тех пор, пока вообще имел смысл. Класс или фракционная группа класса, которая одна только могла обеспечить победу революции, путем террора не только удерживала власть (после подавления восстаний это было нетрудно), но и обеспечивала себе свободу действий, простор, возможность сосредоточить силы в решающем пункте, на границе. К концу 1793 г. границы были почти обеспечены. 1794 г. начался благоприятно, французские армии почти повсюду продвигались вперед. Коммуна с ее крайним направлением стала излишней; ее пропаганда революции сделалась помехой для Робеспьера, как и для Дантона, которые — каждый по-своему — хотели мира. В этом конфликте трех направлений победил Робеспьер, но *с тех пор террор сделался для него средством самосохранения* и тем самым стал абсурдом; 26 июня при Флерюсе Журдан положил к ногам республики всю Бельгию, тем самым террор потерял под собой почву. 27 июля Робеспьер пал, и началась буржуазная оргия.

Формула: «благосостояние для всех на основе труда» выражает чересчур определенно стремления тогдашнего плебейского *братства*. Чего они хотели, никто сказать не мог до тех пор, пока, спустя долгое время после падения коммуны, Бабеф не придал этому определенную форму. Если коммуна со своими стремлениями к братству выступила слишком рано, то Бабеф пришел слишком поздно.

Стр. 100. Нищие. — См. примечание 2 из Кареева.

Раздел о крестьянах страдает больше всего от отсутствия всяких источников, кроме самых заурядных.

Об ошибках Ранке¹ — хорошо! К сожалению, ты не исполь-

¹ Каутский критиковал в указанной выше статье работу германского историка L. Ranke, «Ueber die Epochen der neueren Weltgeschichte» (Л. Ранке, «Об эпохах новой мировой истории»), помещенную в книге «Weltgeschichte» («Всемирная история»), т. IX, ч. II, Лейпциг, 1888 г.

звал у Зибеля¹ возражений австрийцев. Оттуда можно было бы взять немало о втором разделе Польши и т. д., и так как эти работы основаны на архивных документах, — их безусловно можно использовать.

Что касается Рудольфа², то история показывает, что и в Австрии *феодалный* разврат, при котором король и его родственники оказывают женам своих подданных *честь*, всемиловитейше вступая с ними в физическую связь, должен уступить место буржуазному разврату, при котором оказавший милость принужден на поединке или на бракоразводном процессе держать ответ перед мужем или братом той, которая была им осчастливлена.

Сердечный привет Луизе, Франкелю, Адлеру и др. Что поделяет Бардорф? О нем больше ничего не слышно.

Гайндман через Бакса пытается заманить Эде в союз с ним и с поссибилистами. Этот осел думает, что у нас дело обстоит так же, как и в здешней литературной клике, где то заключают друг с другом союз, то разрывают его, когда заблагорассудится, — и это потому, что за ними никто не стоит.

Как тебе нравится роман о Рудольфе в *«Égalité»*?

Твой Ф. Э.

Примечание I. *Четвертое сословие.*

Представление о четвертом сословии наряду с первым, вторым и третьим возникло в революции очень рано. Тотчас же, в самом начале, появилась работа Дюфурни де Вилье «Наказ четвертого сословия бедных поденщиков, калек, нищих и т. д. — сословия обездоленных»³, 25 апреля 1789 г. Но в большинстве случаев под четвертым сословием подразумеваются *крестьяне*. Например, у Нуайяка «Самый сильный из памфлетов — Крестьянское сословие в Генеральных Штатах»⁴ от 26 февраля 1789 г., стр. 9: «Заимствуем из шведской конституции четыре сословия». Далее Варту: «Письмо крестьянина своему священнику о новом способе созыва Генеральных

¹ Речь идет о книге германского историка Н. Sybel, «Geschichte der Revolutionszeit von 1789 bis 1800» (Г. Зибель, «История революционной эпохи 1789—1800 гг.»), Дюссельдорф, 1865—1874 гг.

² В связи с любовной историей австрийский кронпринц Рудольф 30 января 1889 г. покончил жизнь самоубийством. Этот факт нашел отклик во всей европейской печати.

³ Dufourny de Villiers, «Cahier du quatrième ordre, celui des pauvres journaliers, des infirmes, des indigents etc., l'ordre sacré des infortunés».

⁴ Noilliac, «Le plus fort des pamphlets — L'ordre des paysans aux états généraux».

штатов»¹, Сартрувиль, 1789 г., стр. 7: «Я слышал, что в какой-то северной стране... крестьянское сословие допускали к участию в собрании штатов». Встречается и иное толкование четвертого сословия; одна брошюра понимает под четвертым сословием *купцов*, другая — *судебное сословие* и т. д.

Кареев, «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века». Москва, 1879 г., стр. 327.

Примечание II. *Нищие*.

«Замечательно, что число нищих (*nisûyi* — это бедняк, просящий подаяние) было самое большое в тех провинциях, которые считались наиболее плодородными: происходило это по той причине, что в таких странах было очень мало пахарей-собственников.

«Но пусть говорят цифры. В Аржантрэ, в Бретани из 2 300 жителей без промышленности и торговли более половины только кое-как перебиваются и более 500 человек доведены до нищенства. В Дэнвиле, в Артуа на 130 домов бедных 60. В Нормандии из 1 500 жителей С. Патриса 400 на милостыне, из 500 жителей С. Лорана на милостыне три четверти (Тэн). Из *sahiers*² бальяжа Дуэ мы узнаем, что в одной, например, деревне из 332 дворов половина живет милостыней (приход Бувины); в другой — на 143 двора приходится бедных 65 (приход Эйхе); в третьей — на 413 очень бедных около 100 (приход Ланда) и т. д. В сенешальстве Пюи Валэ, по словам *sahier* местного духовенства, из 120 000 жителей около половины (58 897) не в состоянии платить какие бы то ни было налоги (Парламентский архив, 1787—1860 гг., т. V, стр. 467). В деревнях округа Карэ такие отношения: Фрегоган: 10 достаточных (*dostatoûnyi*) семей, 10 бедных, 10 нищенствуют. Мотреф: 47 зажиточных семей, 74 менее достаточных, 64 нищих и поденщиков. Поль: 200 хозяйств, из коих большая часть заслуживает самым справедливым образом имя притонов нищенства (Национальный архив, т. IV, стр. 17). В *sahier* прихода Марбеф жалуются, что в этом приходе из 500 жителей около 100 нищенствует (Буавен-Шампо, «Исторические сведения о революции в департаменте Эр», 1872 г., стр. 83)³. Крестьяне деревни Гарвиль говорят, что от недостатка работы целая треть их в нищенской бедности (Национальный архив. Жалоба жителей коммуны Гарвиль).

¹ Vartout, «Lettre d'un paysan à son curé sur une nouvelle manière de tenir les états généraux».

² Наказы.

³ Boivin-Champeaux, «Notice historique sur la révolution dans le département de l'Eure».

«В городах не лучше. В Лионе в 1787 г. нищенствует 30 000 рабчих. В Париже на 650 000 жителей приходится 118 784 бедняка (Тэн, т. 1, стр. 507). В Ренне треть жителей жила милостыней, и другая треть постоянно была в опасности дойти до нищенского состояния (Дю Шателье, «Сельское хозяйство в Бретани»¹, Париж, 1863 г., стр. 178). Жители Юрского городка Лон-де-Сонье были так бедны, что когда конституанта установила избирательный ценз, то из 6 518 жителей этого городка только 728 попали в число активных граждан (Сомье, «История революции в Юре», Париж, 1846 г., стр. 33)². Немудрено, что во время революции людей, живущих милостыней, считали целыми миллионами. Так, одна клерикальная брошюра 1791 г. говорит, что во Франции 6 миллионов нищих, что, конечно, несколько преувеличено («Совет беднякам о нынешней революции и об имуществе духовенства»³, стр. 15), но цифра, даваемая для 1774 г. (1 200 000 нищих), быть может, не ниже действительной» (Дюваль, «Наказы Марша»⁴, Париж, 1873 г., стр. 116).

(Я полагал, что несколько *действительных* примеров будут тебе интересны.)

Кареев, стр. 211—213.

Сжатый характер моих замечаний прошу тебя отнести за счет недостатка времени и недостатка места на полях. Кроме того мне некогда было сличить источники, и я принужден был поэтому приводить все по памяти — отсюда многое не так точно, как мне того хотелось бы.

53.

Джону-Линкольну Магону

в Лондон.

Лондон, 21 февраля 1889 г.

122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Магон,

Я получил письмо от Гарни. Он все еще живет в Меккльсфильде (58, Brige St.) и так страдает от своего старого недомогания — подагры, что был вынужден *продиктовать* свое письмо. Он пишет, что при теперешнем своем состоянии «не расположен встречаться с людьми» и, «как видите, едва ли способен писать, даже очень кратко.

¹ Du Chatellier, «L'agriculture et les classes agricoles de la Bretagne».

² Sommier, «Histoire de la révolution dans le Jura».

³ «Avis aux pauvres sur la révolution présente et sur les biens du clergé».

⁴ Duval, «Cahiers de la Marche et assemblée de département de Guéret».

Но не думаю, чтобы я мог быть чем-либо полезным г-ну Этерли Джонсу в его похвальном стремлении исполнить свой сыновний долг — собрать сочинения своего отца для переиздания.

Таким образом, поскольку речь идет о Гарни, я вынужден предоставить Вам и г-ну Э. Джонсу действовать так, как Вы сочтете нужным.

Быть может, у меня найдется несколько разрозненных номеров «People's Paper», но я все равно не могу найти их, пока не выберу времени, чтобы привести в порядок свою коллекцию старых газет, брошюр и т. д.

Искренне Ваш

Ф. Энгельс.

54.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 23 февраля 1889 г.

Дорогой Зорге,

Открытку от 19 января и письмо от 10 февраля получил. «Labour Standard» я получаю и статьи Вишневецкой передаю Тусси, которая использует их для предполагающегося нового издания «Labour Movement». Они содержат характерный для Америки материал. Такое пренебрежение мерами безопасности против огня и т. д. в Европе просто было бы невыгодно. Но у вас с этим дело обстоит так же, как с железными дорогами и всем прочим: лишь бы они *существовали*, все равно как, и этого уже достаточно.

Спасибо за заметку об Эплтоне. Зонненшейн на запрос ответил, что продал Эплтону 500 экземпляров дешевого издания.

«Armer Teufel» я не читаю. Это излюбленная литература Моттелера, и в этом ему никто не завидует. Что бы там ни говорилось об Эвелинге, все это просто-напросто ложь¹.

Каутскому я передам твое мнение о Раппопортах. Недостаток в материале и желание быть многосторонним дает возможность проникнуть туда² многим, которым там не место. Каутский находится с июля месяца в Вене и до июля не возвратится.

Я послал тебе *заказным* пакет с книгами, в котором, кроме нескольких французских вещей, находится «Святое семейство». *Только не говори Шлютеру, что получил это от меня*; я ему почти обещал

¹ В «Der arme Teufel» от 26 января 1889 г. появилась заметка лондонского корреспондента, пытавшегося дискредитировать Эвелинга.

² В «Neue Zeit».

свой запасный экземпляр для архива еще до отъезда в Америку, но ты у меня на первом плане. Он придет, вероятно, в марте или апреле.

Далее, в пакете, кроме «Commonweal» и «Gleichheit», еще французские вещи; посылаю все сегодняшней почтой; лекций Лафарга и Девиля здесь больше не достать, а от авторов не добьешься ответа. Но я не перестаю им надоедать.

Номера «Égalité» ты, вероятно, получил. Бланкистам с их «Cri du Peuple» не посчастливилось. Газета была смертельно скучна, и бланкисты оказались вынужденными соединиться с Гэдом, Лафаргом и пр. (Вайян добивался этого с самого начала, но его предложение было провалено.) К ним присоединилось несколько недовольных радикалов. До сих пор эта компания между собой ладит; будем надеяться, что так будет и впредь. В следующий раз пошлю опять несколько номеров.

На последних выборах в Париже POSSИБИЛИСТЫ, агитируя за оппортуниста Жака, страшно оскандалились. Теперь рабочие перестают им доверять. В провинции, которая теперь гораздо лучше Парижа, они потеряли всех своих приверженцев. Попытка организовать с помощью английских трэд-юнионов и Гайндмана, их верного союзника, международный конгресс в Париже, без наших французов, но с бельгийцами, датчанами, голландцами и, как они надеялись, также и с немцами позорно проваливается. Немцы заявили, что не явятся *ни на один* конгресс, если в Париже их будет два. Обе партии приглашены на 28-е на конференцию в Гаагу¹, где будут Либкнехт, Бебель и Бернштейн от немцев, затем голландцы и бельгийцы. Лафарг тоже поедет. При этих условиях POSSИБИЛИСТЫ должны будут либо сдаться, либо восстановить всех против себя.

В Германии атмосфера все больше накаляется. С тех пор как старик Вильгельм умер, а авторитет Бисмарка пошатнулся, филистер не доверяет больше власть имущим. Молодой — тщеславный дурак, «еще более великий, чем старый Фриц» (шутки ради), сам желает быть и императором и канцлером; ультрареакционеры, попы и юнкера прилагают все усилия к тому, чтобы натравить его на Бисмарка и вызвать конфликт, а в это время Вильгельмхен переводит на пенсию всех старых генералов и сажает на их место своих любимцев. Еще три года, и все командование будет в руках нахальных мальчишек, а армия созреет для Иены². Бисмарк это

¹ 28 февраля 1889 г. в Гааге состоялась конференция, которая выработала условия созыва международного социалистического конгресса.

² Полный разгром прусских войск Наполеоном I под Иеной в 1806 г.

видит, и именно это могло бы заставить его в скором времени начать войну, в особенности если этот болтун Буланже станет господином положения. Вот будет прекрасно: союз Франции с Россией, которая заставит французов *отказаться от какой бы то ни было революции*, ибо в противном случае Россия обратится против нее. Надеюсь, однако, что это нас минует.

Сердечный привет твоей жене.

Твой Ф. Э.

55.

Конраду Шмидту

в Берлин.

Лондон, 12 марта 1889 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Уважаемый доктор,

Простите, что на Ваше письмо от 5-го с. м. я могу ответить лишь сегодня. У меня здесь гостила одна семья из Германии¹, и поэтому не было ни одной свободной минуты.

Итак, вслед за университетскими злоключениями следуют злоключения с печатью². Это совсем, как в 1842—1845 годах. Теперь Вы можете себе представить, каково нам тогда приходилось. Впрочем, с тех пор мы все-таки ушли немножко вперед, и козни правительства, хоть и столь же злостные, как тогда, теперь уже так далеко не заходят.

Если Вы обратитесь к Мейснеру, сошлитесь прямо на меня; если же он запросит меня о Вас, я охотно сделаю все от меня зависящее. Я знаю, однако, что он обычно принципиально отказывается от брошюр, и не удивлюсь, если он воспользуется этим предлогом.

Но я хочу предложить Вам еще кое-что: напишите-ка Карлу Каутскому, с которым Вы ведь здесь познакомились, — Igelgasse 13/1, Вена IV, — не может ли он посодействовать тому, чтобы Дитц в Штуттгарте издал Вашу работу. Далее, Вы могли бы запросить д-ра Г. Брауна в Мюнхене, чтобы он указал Вам какого-либо издателя.

Если Вы пожелаете получить от меня на время сессии рейхстага рекомендательные письма к Бебелю, Либкнехту или Зингеру, я охотно их Вам дам.

¹ Повидимому, А. Бебель с семьей.

² Речь идет о неудавшейся попытке К. Шмидта сотрудничать в «Volkszeitung».

Если Ваша работа не слишком длинна, ее, может быть, взял бы Каутский для «Neue Zeit».

Значит и Вы живете на Dorotheenstrasse. Я тоже жил там в 1841 г., на южной стороне, несколько восточнее Friedrichstrasse. Теперь там все, вероятно, сильно изменилось.

Ваше письмо от 18 января я тоже имел удовольствие своевременно получить. Надеюсь, что планы литературных работ, о которых Вы в нем упоминаете, Вы уже осуществляете. Конечно, Вы должны сперва немного приглядеться к этому новому для Вас миру; и если там журналисты — люди такого же склада, как здесь, то Вам едва ли удастся уклониться от кое-каких неизбежных, хотя и не очень желательных, знакомств.

Я видел отчет комитета по вопросу о потогонной системе¹, это — два толстых фолианта (со свидетельскими показаниями), и Вы, думается мне, едва ли почувствуете желание работать над ними. Если, однако, Вы захотели бы предварительно ознакомиться с ними, то Вы найдете их в библиотеке рейхстага; кто-нибудь из депутатов может их Вам достать; а если у Вас явится охота подробнее изучить этот отчет, я с удовольствием пришлю его Вам.

С просьбой принять мой искренний привет и не оставлять меня и впредь без известий о себе остаюсь

Ваш Ф. Энгельс.

58.

Полю Лафаргу
в Париж.

Лондон, 21 марта 1889 г.

Дорогой Лафарг,

Вы оба правы, и Вы, и Бебель; дело очень просто.

В Гааге постановили: в том случае, если POSSIBИЛИСТЫ не примут поставленных условий, бельгийцы и швейцарцы *возьмут на себя инициативу* созыва конгресса в Париже и будет сделана *общая декларация* против POSSIBИЛИСТОВ; конгресс же этот должен был быть созван в конце сентября.

Это решение было вынесено — если Вас в тот момент не было — в присутствии Бонье, который был Вашим немецким переводчиком и должен это знать. Бельгийцы определенно заявили о своем согласии.

¹ Доклад следственной комиссии Палаты лордов по исследованию потгонной системы.

Если теперь бельгийцы и швейцарцы возьмут на себя инициативу, то организация конгресса и вся подготовительная работа будут поручены вашей организации, так что у вас будет все, чего вы требуете, но имейте хоть немного терпения.

Если ваши группы так же безрассудны, как POSSIBИЛИСТСКИЕ, то пусть уж пеняют на себя, когда все кончится победой POSSIBИЛИСТОВ.

Задача состоит в том, чтоб провалить конгресс POSSIBИЛИСТОВ. Дело идет на лад, лишь бы вы не испортили все своим нетерпением.

POSSIBИЛИСТЫ показали всему миру, какой они приносят вред. Смотрите же, не окажитесь и вы в этом положении, не ведите себя так, будто вы собираетесь командовать социалистами других стран.

Бельгийцы либо должны подчиниться, либо они тоже оскандалятся — я попросил бы вас не давать им благовидного предлога для того, чтобы они могли выйти из затруднительного положения.

Если бельгийцы не подчинятся, это вовсе не значит, что все кончено, — таково, по крайней мере, мое мнение; лишь бы вы не испортили свое собственное дело необдуманными поступками.

Несомненно, ваш конгресс не сможет состояться 14 июля, иначе вам придется заседать одним. Я не вхожу в обсуждение преимуществ той или иной даты, но так, очевидно, было постановлено в Гааге, и этого вам не изменить, что бы вы ни делали.

В переговорах нельзя достигнуть всего, чего хочешь. Немцам тоже пришлось уступить в ряде пунктов, чтобы обеспечить совместное выступление. Примите же то, что вам предлагают; это в сущности все, что вы в праве требовать, и если вы не наделаете ошибок, это приведет к исключению POSSIBИЛИСТОВ из международного рабочего движения и к признанию вас единственными французскими социалистами, с которыми стоит поддерживать связи.

Ошибка была в том, что Вам не вручили официально копии постановления, принятого в Гааге по этому поводу. Но, как Вы знаете, такая небрежность на международных конференциях случается не первый раз.

Искренне Ваш

Ф. Э.

Прилагаю номер «Justice».

Мы готовим ответ, в котором разоблачим перед англичанами интриги POSSIBИЛИСТОВ¹. Как видите, мы делаем все, что в наших силах, но все это будет безрезультатно, если вы будете так же упрямы, как POSSIBИЛИСТЫ.

¹ Памфлет Э. Бернштейна, отредактированный Ф. Энгельсом. См. Приложения, стр. 401.

57.

Полю Лафаргу

в Париж.

Лондон, 23 марта 1889 г.

Дорогой Лафарг,

Окончательно установлено, что в Гааге пришли к следующему соглашению: в случае, если POSSИБИЛИСТЫ не подчинятся, то бельгийцы и швейцарцы, обе нейтральные нации, созовут конгресс; *что будет выпущена общая декларация против POSSИБИЛИСТОВ* и что конгресс будет созван в Париже в конце сентября.

Бернштейн мне передал, что он сообщил Вам гаагские решения. Мне вообще кажется невозможным, чтобы столь важное решение могло быть принято и Вы о нем ничего не знали. К тому же, по словам Бернштейна, Бонье присутствовал, если даже Вас и не было.

Если мы теперь хотим довести дело до благополучного конца, то совершенно необходимо, чтобы *все* подчинились принятому решению.

Вы вполне можете предоставить инициативу созыва конгресса бельгийцам и швейцарцам; *международный* конгресс может собраться без особого приглашения со стороны социалистов той страны, в которой он будет происходить. Нет никакого сомнения в том, что настоящая организация и подготовка конгресса будут находиться в ваших руках, и это вас должно удовлетворить. Если вы будете требовать большего, то у вас вообще не будет никакого конгресса, и POSSИБИЛИСТЫ выйдут победителями из борьбы; они созовут на глазах у всей Европы *свой* конгресс, который будет тогда *единственным международным рабочим конгрессом этого года*.

Если бы вопрос еще оставался открытым, я склонился бы к Вашему мнению, что конгресс должен происходить бок-о-бок с конгрессом POSSИБИЛИСТОВ, хотя бы с риском потасовки с ними. Но все другие высказались за его созыв в сентябре, и это было решено. Следовательно, вопрос исчерпан, а если вы будете настаивать на своем, то будете заседать на конгрессе одни, на потеху Европе и к великому удовольствию POSSИБИЛИСТОВ.

С другой стороны, я написал Бебелю, что он не имеет права ставить вам ультиматум и заявлять: если бельгийцы изменят данному слову, мы будем свободны и не явимся на конгресс. Но немцы зашли слишком далеко, чтобы идти таким образом на попятный. Отступление бельгийцев, *если оно и произойдет*, — что нам еще неизвестно, — не освободит остальных от их взаимных обязательств.

Бebelь — человек с очень большим здравым смыслом, и у меня есть все основания предполагать, что он одумается, если только вы не создадите новых затруднений и не станете добиваться пересмотра принятых в Гааге решений.

Дело налажено превосходно, и *испортить его можете только вы*.

Предположим даже, что бельгийцы отступятся; тогда конгресс будет созван одними швейцарцами, и, поскольку они будут действовать от лица других национальностей, успех будет обеспечен.

Но есть только один способ развязать бельгийцам руки или дать им повод нарушить слово: вам, французам, действовать наперекор гаагским решениям и первыми начать поход против них. Если же вы им подчинитесь, я почти уверен, что и бельгийцы им подчинятся. Тогда *поссибилисты окажутся изолированными*, а в этом в конце концов наша главная цель.

Наш ответ на нападки ¹ «Justice» (ставший необходимым с тех пор, как «Sozialdemokrat» переведен в Лондон) уже напечатан, я посылаю его Вам бандеролью этой же почтой в шести экземплярах, из которых — по одному для Лауры, Лонге и Вайяна. В понедельник он разойдется по всему Лондону и будет распространен на всех социалистических собраниях, а также послан в провинцию. Гг. поссибилисты и г. Гайндман, надеюсь, долго о нем будут помнить.

Статья из «Justice» с нападками по нашему адресу должна быть у Вас; я, кажется, послал ее Вам со своим последним письмом.

Итак, повторяю: будьте благоразумны, точно исполняйте то, что было решено, не отнимайте у ваших лучших друзей возможности помогать вам, не требуйте лишнего («give and take»), используйте завоеванную в Гааге позицию как отправной пункт, как первую позицию, отбитую у неприятеля, и как основу будущих успехов. Но не подсовывайте другим нациям то, от чего они наверняка откажутся.

¹ Ф. Энгельс имеет в виду статью «The German «official» Social-Democrats and the International Congress in Paris» («Германские «официальные» социал-демократы и международный конгресс в Париже»), опубликованную в «Justice» № 270 от 16 марта 1889 г. В ответ на эту статью по поручению Энгельса Э. Бернштейн выступил с памфлетом на английском языке «The International working men's congress of 1889. A reply to «Justice»» («Международный рабочий конгресс 1889 г. Ответ «Justice»»), отредактированным Энгельсом. См. Приложения, стр. 401.

Уверяю Вас, вы уже наполовину выиграли сражение; если вы теперь все-таки его проиграете, это будет только вашей собственной виной.

Искренне Ваш
Ф. Э.

58.

Полю Лафаргу
в Париж.

Лондон, 27 марта 1889 г.

Дорогой Лафарг,

Вы знаете, как говорил Гегель: все, что было испорчено, было испорчено с самыми лучшими намерениями. И Ваши парижане всеми силами стараются это доказать.

Вот каково положение.

После того как «Socialiste» прекратил свое существование, ваша партия исчезла с международной арены. Вы ступевались, вы умерли для иностранных социалистических партий. За это полностью отвечают ваши рабочие, не пожелавшие читать и поддерживать один из лучших органов, который партия когда-либо имела. Но после того, как они сами умертвили ваш орган, служивший средством связи с социалистами других стран, они неизбежно должны будут испытать естественные последствия своего образа действий.

Поссибилисты, за которыми осталось поле битвы, использовали положение, которое вы сами им создали; у них были друзья — брюссельцы и лондонцы, при поддержке которых они выставляли себя перед всем светом в качестве единственных представителей французских социалистов. Им удалось привлечь на свой конгресс датчан, голландцев, фламандцев. Вы знаете, каких трудов нам стоило свести на-нет достигнутые ими успехи.

Теперь немцы предоставляют вам случай не только с блеском вернуться на сцену, но и получить признание со стороны *всех организованных партий Европы* в качестве единственных французских социалистов, с которыми они желали бы поддерживать братские связи. Вам предоставляют случай одним ударом стереть последствия всех Вами совершенных ошибок, всех понесенных поражений, восстановить себя в том положении, которого Вы заслуживаете благодаря вашему теоретическому уровню, но которое Вы скомпрометировали своей ошибочной тактикой. Вам предлагают конгресс, на котором будут представлены все подлинно рабочие партии, *даже бельгийцы*, вам дают возможность *изолировать поссибилистов* так,

что они будут вынуждены ограничиться *поддельным* конгрессом, — словом, Вам предлагают гораздо больше того, на что Вы были вправе надеяться в том положении, которое Вы себе создали. И что же — Вы хватаетесь за это обеими руками? Нисколько! Вы ведете себя, как избалованное дитя, Вы торгуетесь, Вы просите большего, а когда, наконец, удастся склонить Вас к тому, что принято всеми, Вы дополнительно предъявляете требования, которые ставят под угрозу все, что было завоевано для вас.

Для вас важно только, чтобы *состоялся конгресс* — и именно в Париже, на котором вы были бы признаны всеми как единственная французская социалистическая партия, интернационально признанная, и чтобы, наоборот, конгресс *поссибилистов* был *поддельным* конгрессом, вопреки всей помпе, какую могут ему придать 14 июля и секретные фонды. Все остальное — второстепенно и более чем второстепенно. Для того чтобы вы снова стали на ноги, необходимо, чтобы ваш конгресс состоялся, и совершенно неважно, что с точки зрения буржуазной публики он будет считаться провалившимся. Чтобы восстановить свое положение во Франции, вам необходимо прежде всего международное признание и международное осуждение *поссибилистов* и т. д. Вам это предлагают, а вы дуетесь!

Я уже говорил Вам, — я считаю, что действительно ваша дата для *Франции* была бы удобнее. Но в таком случае следовало заявить об этом в Гааге. Никто не виноват, что в решительный момент Вы вышли в соседнюю комнату и все произошло без Вас. Я добросовестно изложил Вашу аргументацию Бебелю и просил его продумать ее самым серьезным образом; но я должен был прибавить, что, на мой взгляд, должен быть непременно обеспечен созыв конгресса на какое угодно число и что всякое выступление, которое ставит под угрозу его созыв, было бы ложным шагом. Не забывайте того, что, поднимая вновь вопрос о сроках, вы возбуждаете нескончаемые споры и раздоры и что разве лишь к концу октября можно будет надеяться собрать все голоса за 14 июля, — если только вообще удастся договориться о новой дате без новой конференции, которая безусловно не состоится.

А Вы еще заявляете мне с чисто парижской наивностью: люди с нетерпением ждут *назначения срока* международного конгресса! Но ведь срок-то *был назначен* на конец сентября, и эти самые «люди» (которые «ждут» и т. д.) — эти «люди» хотят теперь отменить этот срок и снова начать дебаты! «Людьми» придется ждать до тех пор, пока остальные не ознакомятся с новыми предложениями этих самых

«людей», не обсудят их и не придут к соглашению, если только такое соглашение окажется возможным!

«Идут также протеста бельгийцев». Но ведь протестовать должны не одни бельгийцы, принята резолюция о всеобщем протесте. Этот протест, вероятно, был бы уже организован, если бы Вы опять не поставили все под вопрос своим требованием изменить срок созыва конгресса. И пока не будет достигнуто соглашение по этому вопросу, ничего не будет сделано.

Примите же то, что вам предлагают; решающее значение имеет только одно: *победа над POSSIBИЛИСТАМИ*. Не ставьте под угрозу созыв конгресса. Не давайте брюссельцам удобного повода выйти из затруднительного положения, влиять и интриговать; не запутывайте того, что для вас уже завоевано. Вы не можете получить всего, что хотите, но вы можете добиться победы. Не доводите немцев, делающих для вас решительно все, до того, что они, наконец, отчаятся в возможности действовать с вами сообща. Возьмите назад свое требование об изменении срока конгресса, действуйте как взрослые люди, а не как избалованные дети, которым хочется и съесть свое пирожное и чтобы оно у них оставалось целым, — а то я опасаясь, что и конгресс вовсе не состоится и POSSIBИЛИСТЫ будут издеваться над вами; и поделом.

Искренне Ваш

Ф. Э.

Я, разумеется, написал Бебелю, что вы *принимаете все гаагские решения*, но он ответит мне, что вы в заключение все снова ставите под вопрос.

Я не нашел Бернштейна, поэтому смогу послать Вам швейцарские адреса только завтра.

Наш памфлет начинает оказывать здесь свое действие.

59.

Вильгельму Либкнехту

в Лейпциг.

Лондон, 4 апреля 1889 г.

Дорогой Либкнехт,

Кроме твоих писем ко мне, передо мной лежат твои письма к Бонье и Эде.

Из них я вижу, что, как обычно, когда дело доходит до действий, мы сильно расходимся.

Тебя с твоей запоздалой вежливостью англичане теперь просто подняли бы на смех.

Твой совет французам найти путь к какому-либо соглашению с бруссистами, т. е. пойти и подставить спину, чтобы получить пинок, естественно взбесил их. Этот совет и твое возмущение тем, что мы, — а памфлет написан по моему настоянию и почти целиком мною отредактирован, — показали POSSИБИЛИСТОВ такими, какими они являются на деле — людьми, находящимися на содержании рептильного фонда оппортунистов, т. е. финансовых тузов; а также твое возмущение тем, что мы этим открыли глаза значительной части англичан на вещи, которые нарочно от них скрывали, — становятся понятными только в том случае, если ты хотел оставить себе лазейку, чтобы даже после полученного вами от POSSИБИЛИСТОВ пинка затеять еще маленькое дельце за страх и риск немецкой партии. Если это соответствует действительности, то я ничуть не огорчен тем, что вставил тебе тут несколько палок в колеса.

Все это, так же как и твое мнение, будто Эде должен был ответить «Justice» заметкой от редакции, т. е., иными словами, в «Sozialdemokrat», по-немецки, что не было бы доступно и понятно англичанам, доказывает, что ты совершенно отстал как от французских, так и от английских условий и судишь, основываясь на устарелых данных и воображаемом положении. Ничего другого, впрочем, и не следовало ожидать, так как ты совсем не получаешь соответствующих газет и не состоишь в постоянной переписке со сколько-нибудь влиятельными лицами Англии и Франции (я имею в виду, конечно, членов социалистических партий). Обо всем этом Эде гораздо лучше тебя осведомлен, и ты бы лучше справился у него, чем поучать его вещам, которые он гораздо лучше тебя знает и должен знать.

Я надеюсь, что мне удастся разъяснить, если не тебе, то, по крайней мере, Зингеру, когда вы приедете, что памфлет был не только величайшей услугой, которую мы могли вам оказать, но и абсолютной необходимостью.

Ясно одно: следующий конгресс можете организовывать сами — я умываю руки.

Гаагскую резолюцию Лафарг прислал мне совершенно определенно для того, чтобы ее опубликовать, а после оскорбительного отказа, полученного вами от POSSИБИЛИСТОВ, ее опубликование было абсолютно необходимо. На этикет мне решительно наплевать, и меня несколько не беспокоит, что, кроме тебя, еще кто-нибудь будет выражать недовольство!

Что касается даты конгресса, то всякое изменение раз принятого решения создаст новые затруднения, так как каждый будет предлагать другую дату. Относительно, например, 10 августа можно будет стовориться лишь 10 октября. Предлагать вам что-либо по этому поводу бесполезно. Я хочу лишь надеяться, что из всей этой возни, — а я из-за этой проклятой истории целых четыре недели не мог написать ни строчки для III тома, — выйдет все-таки хоть что-нибудь путное.

Кланяйся жене и всем остальным, если их увидишь.

Твой Ф. Э.

Что вы хотите избежать драки с POSSИБИЛИСТАМИ — это я понимаю. Эта драка, между прочим, должна была бы произойти с высочайшего соизволения начальства и при защите POSSИБИЛИСТОВ полицией. В благодарность за то, что вы, начиная с 1870 г., стояли за Францию, французы избили бы вас, как пруссаков. Лафаргу я это сказал достаточно ясно.

60.

Вильгельму Либкнехту

в Лейпциг.

Лондон, 5 апреля 1889 г.

Дорогой Либкнехт,

Я не ожидал, когда писал тебе вчера, что уже сегодня смогу представить тебе иллюстрацию к моему примеру.

Наш памфлет, распространенный в 2 000 экземплярах в Лондоне и в 1 000 в провинции, — и притом благодаря Тусси именно там, где нужно, — подействовал, как взорвавшаяся бомба, и пробил колоссальную брешь в гайндманско-бруссосовской сети интриг — и как раз в решающем месте. Здешние люди, понявшие, наконец, настоящее положение вещей, находят, что Гайндман им бессовестно лгал о конгрессе, о французских социалистических партиях, о немцах и о гаагской истории и скрыл от них самое существенное. Бунтарские прогрессивные элементы трэд-юнионов, которые Гайндман как раз собирался затащить к себе, обращаются теперь к Эде и все хотят получить дальнейшие разъяснения. У Гайндмана в его собственном лагере, в Социал-демократической федерации, тоже возникла оппозиция, так что наш памфлет поколебал единственно верных союзников POSSИБИЛИСТОВ — Социал-демократическую федерацию. Результат — прилагаемый здесь просто-таки *никчемный* ответ Гайндмана

в «Justice», подготовляющий отступление в противоположность его прежнему наглому тону. Никогда еще Гайндман не отступал так позорно; эта статья приведет нас к новым успехам. «Sozialdemokrat» одним ударом завоевал себе в Лондоне уважение, для чего в другое время ему понадобились бы годы. Нас, вместо того чтобы ругать, буквально упрашивают не доводить дела до двух конгрессов.

Итак, Эде ответит, что он может говорить только от своего имени, но полагает, что в праве сказать, что если POSSIBILISTY теперь еще, без промедления и безоговорочно, примут гаагские резолюции, то, быть может, объединение еще возможно, и он охотно будет действовать в этом направлении.

POSSIBILISTY и из Испании получают дурные вести: в Мадриде, где все в наших руках, их агента Жели попросту выпроводили; только в Барселоне у них были кое-какие виды на один из профсоюзов. Бельгийцы, повидимому, тоже проявляют большее упрямство, чем POSSIBILISTY ожидали, — поэтому очень возможно, что этот последний удар, от которого заколебался главный их резерв, настроит их на более сговорчивый лад. Чтобы ковать железо, пока оно горячо, было бы хорошо, чтобы ты *по возможности буквально* переписал прилагаемое письмо к Эде и *срочно* отправил ему. Это же письмо я посылаю и Бебелю с той же просьбой. *Но по возможности буквально*, потому что одно единственное, неприемлемое для здешних условий выражение лишило бы нас возможности воспользоваться этим письмом. Возможно, что письма потом будут опубликованы. Дело идет о том, чтобы заставить Гайндмана повлиять на POSSIBILISTY в *нашем* духе; если это удастся, то они, безусловно, сдадутся, и единый конгресс будет спасен.

А теперь по поводу моего вчерашнего письма ты опять в праве сказать, что я величайший грубиян в Европе.

Твой Ф. Э.

На полях. — Обо всем этом мы договорились сегодня с Эде.

Дорогой Эде¹,

Очень рад слышать, что Социал-демократическая федерация проявляет склонность к примирению. Однако вследствие того, что POSSIBILISTY отвергли гаагские резолюции, мы вынуждены действовать самостоятельно и созвать конгресс, на который будет открыт доступ всем и который будет суверенно решать касающиеся его

¹ Проект письма, которое Либкнехт, по настоянию Энгельса, направил Э. Бернштейну, написан Энгельсом.

вопросы. Приготовление к этому уже начаты и не могут быть прерваны.

Если Социал-демократическая федерация серьезно хочет объединения, то она и сейчас еще, быть может, могла бы ему содействовать. Может быть, еще не поздно. Это объединение еще возможно, если POSSИБИЛИСТЫ *примут* гаагские резолюции *без всяких оговорок*, но немедленно, так как после полученного уже однажды отказа мы дольше медлить не можем.

Я не могу говорить здесь от имени немецкой партии, так как фракция не собиралась, и еще менее от имени всех отдельных представленных в Гааге групп. Но одно я охотно обещаю: в том случае, если POSSИБИЛИСТЫ не позже 20 апреля письменно представят бельгийским делегатам, Вольдерсу и Анселю, свое безусловное признание гаагских резолюций, от которых мы не можем отступить ни на йоту, я, со своей стороны, предприиму все, чтобы сделать возможным объединение и присутствие всех на конгрессе, созываемом POSSИБИЛИСТАМИ при условии точного соблюдения гаагских резолюций.

Твой В. Л.

Дата 20 апреля очень важна, так как решение должно быть принято *до бельгийского национального конгресса 21-го числа*.

Прилагаю также вырезку из «Sozialist» — американцы совершенно согласны с Эде.

Больше, чем что бы то ни было, подействовало здесь опубликование гаагской резолюции, о которой Гайндман распространял сплошную ложь и которая произвела огромное впечатление именно тем, что ограничилась лишь само собой разумеющимися требованиями.

61.

Полю Лафаргу

в Париж.

Лондон, 10 апреля 1889 г.

Мой дорогой Лафарг,

Я только что беседовал с Бонье, мы обсуждали создавшееся положение. Как я и представлял себе заранее, ваша просьба отсрочить созыв конгресса натворила много шума. Либкнехт заявляет в берлинской печати, что нечего надеяться на то, что конгресс состоится в этом году в Париже и что лучше было бы созвать его в будущем году в Швейцарии. Швейцарская печать с восторгом поддерживает

эту мысль. Бебелю, кажется, надоели все эти затруднения, и он готов все предоставить на усмотрение Либкнехта. А бельгийцы, как видно, не станут отвечать ни Бебелю, ни Либкнехту.

К счастью мы узнали о тайных замыслах бельгийцев. Ансель — честный человек, и он написал обо всем Бернштейну: бельгийцы намерены резолюции, принятые гаагским конгрессом, передать на рассмотрение своего национального конгресса, который откроется в Жюлимонне 22 апреля, а их национальный совет начнет действовать лишь после того, как получит на это полномочия конгресса. Вот как эти милые брюссельцы собираются выполнять решения об интернациональных действиях.

Игра здесь вполне понятная. Брюссельские POSSИБИЛИСТЫ выигрывают, таким образом, целый месяц, чтобы вести интригу против парижских POSSИБИЛИСТОВ и торговаться с ними. На конгрессе в Жюлимонне парижане преподнесут предложение Брусса и К^о, в котором будут содержаться какие-нибудь незначительные уступки (смехотворные уступки на фоне сложившегося к настоящему времени положения!); бельгийцы эти уступки примут и предложат остальным также удовольствоваться этими значительными, с таким великодушием предложенными, уступками. И так как масса всегда нужна для того, чтобы при ее помощи притти к соглашению, а у малых национальностей после конгрессов шумит в голове, то голландцы, датчане, даже швейцарцы, американцы, кто знает, может быть, также и Либкнехт, выскажутся за объединение и за парижский конгресс 1889 г., лишь бы не пришлось в 1890 г. снова ездить в Швейцарию и снова дебатировать до одури. Однако ясно одно: если мысль о том, чтобы отказаться от созыва в Париже антиPOССИБИЛИСТСКОГО конгресса в 1889 г. будет иметь успех, — POSSИБИЛИСТЫ на этом выиграют, и все потянутся к ним, за исключением разве только одних немцев.

Я говорил вам об этом с самого начала. Вам хотелось добиться всего, а теперь вы рискуете, что у вас ничего не будет.

Правда, остается еще одна возможность спасти положение, и мы за нее ухватились со всей решительностью.

Как я уже говорил Вам, наш памфлет произвел здесь огромное впечатление. Вы, должно быть, получили письмо комитета неподчиняющихся (вопнствующих) трэд-юнионистов¹, которые обратились

¹ Английские трэд-юнионы ежегодно на своих конгрессах избирали так называемый парламентский комитет. В конце 80-х годов среди трэд-юнионистских масс началось недовольство парламентским комитетом; движение это было поддержано неквалифицированными рабочими. В «Justice» начали появляться

Londres, le 10 avril 89

99

Monsieur Lafargue

Je viens de vos nouvelles, non pas de la
côté de la situation.

Comme je m'y attendais, votre demande de changer
la date du Congrès a provoqué le divorce définitif. Liebk, déclaré
sans la présence de Kautsk qui n'y a guère à espérer que le
Congrès se tienne cette année à Paris et qu'on finisse bien
de tenir l'année prochainement. La presse suisse
avait cette fois une entonnoir à l'usage. Pöhl paraît
d'opinion de haut de difficultés, et prêt à abandonner tout
à Liebknecht. Et les Belges à leur tour paraissent pas, ni d'être
mi à l.

Heureusement nous avons le secret des Belges.
Moussé qui est honnête à la fois à Bruxelles et veut sou-
mettre les résolutions de la Haye à leur Congrès national
à Joliment le 22 avril, et leur conseil national à Joliment gagné
autorisation par le Congrès. Voilà comment ces bons Belges
vois entendent l'action internationale.

Le show est transparent. Les possibilistes de Brugges
gagnent ainsi tout en un jour pour travailler et intriguer avec
le parti de Paris; au Congrès de Joliment ils présenteront une
proposition de Prouzet & Co. (offrant quelques concessions
plus ou moins historiques / selon la situation du moment /),
les Polys acceptent et proposeront aux autres de se contenter
de ces grandes et généreuses concessions. Et comme la masse
est toujours pour la ^{initiative} concession, et comme les fédèles relis-
relis sont fâchés après les Congrès, les Hollemais, les
Dauvis, les Indes, même, les Américains, et qui sont tout
deux Liebk aussi, se déclareront en faveur de l'union
et du Congrès de Paris 1889, sauf à aller se griser de

Causes de l'erreur

noncon en dévise au 1890. Car ceci est certain: est l'idée
que le congrès anti-socialiste de Paris 1890 est élanoné,
les poss. ont gain de cause et tout le monde ira chez eux
sans, probablement, les allemands seuls.

C'est ce que je vous ai dit dès le commen-
cement. Vous oubliez tout et vous risquez de m'arriver
rien.

Il y a encore une chance de sauver la situa-
tion, et nous l'avons résoluement dévise.

Notre brochure a fait un effet immense ici
comme je vous l'ai dit. Vous devez avoir reçu une
lettre du Comité des tristes Unionistes rebelles qui
se sont adressés à Bernstein et autres, aussi. Bien qu'ils
penchent vers le congrès poss., ils ont douté encore.
Et dans le S. D. f. il y a des éléments rebelles, sans
cela Hyndman n'aurait pas écrit l'article de samedi
dernier. Nous avons donc ébranlé la réserven
des poss., et il s'agit de poursuivre vers l'avant.

Bernstein a donc écrit à justice que, vu le
style plus conciliant de ce journal, il déclare - en
son nom personnel seul - que peut-être il n'est pas
encore trop tard d'écrire à une entente; que
si la justice désire tout cette entente, elle n'a que
présenter l'aspect d'accepter purement et simplement
les résolutions de la Haye; que mais conditions;
que sur ces deux points: l'admission de tous sur un
pied égal, sans ratification par le congrès, et
l'adourernient du congrès, aucune transaction
n'est possible, c'est à prouver ou à laisser; mais
que, si les poss. acceptent de venir, il fera de son
mieux pour faciliter l'accord général.

также к Бернштейну и другим. Хотя они и склоняются к тому, чтобы созвать антипоссибилистский конгресс, все же у них еще есть сомнения. В Социал-демократической федерации также имеются бунтарские элементы; не будь этого, Гайндман не написал бы статьи¹, опубликованной в субботу.

Итак, мы добились того, что масса поссибилистских резервов заколебалась, — теперь нам остается закрепить успех.

Бернштейн написал «Justice»: учитывая более примирительный тон этой газеты, он заявляет, — но лишь от своего имени, — что может быть еще не поздно прийти к соглашению; если «Justice» так желает этого соглашения, она должна повлиять на поссибилистов, чтобы они *поскорее безоговорочно* приняли гаагские резолюции, приняли *немедленно*. Далее он писал, что невозможны никакие уступки в отношении следующих двух пунктов: принятие всех на равных правах, без ратификации национальным конгрессом и признание суверенности конгресса. Эти два пункта надо либо принять, либо отвергнуть. И если поссибилисты, писал Бернштейн, немедленно эти пункты примут, он сделает все, что в его силах, чтобы облегчить успех общего соглашения.

Бернштейн и Тусси в понедельник вечером отправились к Гайндману для вручения ему этого ответа, который будет опубликован. Они воспользовались случаем, чтобы дать понять Гайндману, что о положении за границей они осведомлены лучше его, а с положением в Англии знакомы ничуть не хуже, чем он, и поэтому все его обычные увертки ни к чему не приведут. Они ему сказали, что если будут созваны два конгресса, то на нашем, кроме немцев, голландцев, бельгийцев и швейцарцев, будут еще австрийцы, датчане, шведы, норвежцы, румыны, американцы и проживающие в Западной Европе русские и поляки. Бернштейн и Тусси сказали Гайндману, что они прекрасно знают, насколько подорвана здесь его позиция благодаря тому, что мы разоблачили его как человека, распространяющего ложные сведения о положении во Франции

заметки и статьи, разоблачающие бездеятельность парламентского комитета. Социал-демократической федерацией был организован ряд митингов и создан Тред-юнионистский комитет протеста против деятельности парламентского комитета в связи с международным рабочим конгрессом в Париже.

¹ В «Justice» № 273 от 6 апреля 1889 г. опубликована статья Гайндмана «The International Workers' Congress of Paris of 1889 and the German Social-Democrats» («Международный рабочий конгресс в Париже в 1889 г. и германские социал-демократы»). Эта статья явилась ответом на памфлет Э. Бернштейна.

и т. д. Они также сообщили ему, что, по их наблюдениям, его же друзья-поссибилисты не раз по различным поводам его обманывали.

Тусси и Бернштейн ушли от него с убеждением, что Гайндман сделает все возможное, чтобы заставить поссибилистов пойти на уступки.

Мы получили также письмо от Либкнехта, в котором он обязуется способствовать примирению при условии, что поссибилисты примут гаагские решения безоговорочно и не позднее 20 апреля. Я жду письма от Бебеля, и тогда мы используем письмо Либкнехта, в котором сказано, что ни в коем случае мы не уступим ни одной запятой в отношении двух основных пунктов.

Гайндман сказал, что поссибилисты опасаются, как бы на их же конгрессе их не выставили за дверь. Крокодиловы слезы! *Вот в чем все дело!*

Вот каким путем мы разбиваем подстроенную брюссельцами интригу: мы с самого начала заявили, что мирное разрешение вопроса невозможно. Если поссибилисты примут наши условия, это будет означать, что мы одержали над ними полную победу, подорвали их позиции, заставили их проглотить пилюлю и этим самым навсегда отбили у них охоту выступать в роли исключительно и единственно признанной французской социалистической партии. У вас есть все, что вам нужно, как нам говорил Бонье, а конгресс довершит остальное, если бы вы могли буквально заполнить, наводнить конгресс делегатами из провинции. Но если поссибилисты откажутся принять условия, то и в этом случае за нами все же останется то преимущество, что весь мир был свидетелем того, что во имя примирения мы делали все, что могли. И тогда на нашей стороне будут все колеблющиеся, и наперекор Либкнехту мы осенью созовем конгресс в Париже, ибо с колебаниями везде уже будет покончено.

Посылаю две газеты со статьями о конгрессе. Можете по ним судить, какую мы развили работу.

Однако было бы лучше всего, если бы нам удалось разбить поссибилистов при помощи их же конгресса.

Либкнехт воображал, что он сможет примирить поссибилистов с собою наперекор Бруссу, против Брусса, через голову Брусса: его преследует идея управлять миром из Борддорфа во славу капитала!

Привет Лауре. Что она подёльывает?

Она не больна?

Преданный Вам

Ф. Э.

62.

Вильгельму Либкнехту

в Лейпциг.

Лондон, 17 апреля 1889 г.

Дорогой Либкнехт,

Я никогда не сомневался в том, что вы — борсдорфские дикари — все-таки хорошие люди; я сказал бы даже — хороши до несправимости.

Ваша гаагская конференция становится все комичнее. Об одной резолюции, содержащей указания о том, что должно произойти в случае отказа POSSIBИЛИСТОВ, ничего не знают присутствовавшие при этом Лафарг и Бонье, а о другой, относительно сохранения решений в тайне, не знают ничего ни Лафарг, ни Бонье, ни Эде. Вот уж, действительно, своеобразный должен был быть президиум и странный секретариат, при которых могло произойти что-либо подобное. Конечно, то, что нам не было известно, мы не могли сохранить в тайне.

Самой собой разумеется, что до отказа POSSIBИЛИСТОВ надо было держать язык за зубами, — да так оно и было. Но после этого необходимо было тотчас же выступить. А тебе, как обычно, не повезло, потому что помешали, так сказать, непредвиденные обстоятельства. Никто другой из вас также не проявил инициативы, а Лафарг прислал мне резолюции именно для того, чтобы их опубликовать. Надо было взять эту ответственность на себя и произвести это вопиющее нарушение этикета, в особенности при создавшемся здесь положении.

Ваш общий протест, — конечно, если бы он вообще появился, — произвел бы совершенно иное впечатление, чем наш памфлет. Почему же его до сих пор нет? Кто же вам, чорт подери, мешает? Ты знаешь не хуже меня, что он либо не появится никогда, либо с опозданием на 6 месяцев.

Твой проект разбить POSSIBИЛИСТОВ моральным воздействием из Борсдорфа и приттп к соглашению с ними через голову Брусса — детские мечты, осуществлению которых, впрочем, наша «ругань» по адресу POSSIBИЛИСТОВ тебе помешать не может. Ты ведь изо всех сил можешь заверять этих господ в своей непричастности к этому. Пока господа, с которыми ты переписываешься, шествуют под знаменем Брусса, они тоже ответственны за его мудрствования. Если бы их изобразили в истинном свете, то это было бы тебе только на-руку. Если все то, что делается здесь по указке Брусса,

превосходно и замечательно, то ведь у вас нет никаких причин выступать против него.

Если Эде, говорящий в памфлете исключительно от своего имени и проводящий в нем ту же линию, что и в самой газете, тем самым льет целые водопады на мельницу прокуроров, то сама газета для вас гораздо опаснее, чем памфлет. Так напишите же, бога ради, здешним людям, чтобы они либо выступали против вас, вместо того чтобы вас защищать, либо, что еще лучше, — закрыли лавочку. Если основа, на которой вы стоите, настолько шаткая, так бросьте прежде всего всякие международные конгрессы и т. д.

Что касается шлезингеровской истории¹, то мы поговорим еще об этом лично. Я этой штуки еще не видел, но так этого оставить нельзя, нельзя допускать, чтобы нечто подобное — даже только рекламное объявление — появлялось под твоей эгидой без протеста с твоей стороны. Что именно я буду принужден предпринять в этом деле, зависит, конечно, от самого содержания этой пачкотни.

Шорлеммер с субботы здесь. Он и Ленхен шлют привет.

Твой Ф. Э.

Твое письмо к Эде *не будет использовано*. Гораздо лучше, если ты в этом духе напишешь Ли.

Для развлечения: в прошлую пятницу Эде был на социалистической вечеринке здешних «образованных» социалистов. И тут господин Сидней Вэбб, профессор политической экономии в Рабочем университете, тоже опровергающий марксову теорию стоимости, сказал ему: в Англии нас, социалистов, всего 2 000, а делаем мы больше, чем все 700 000 социалистов Германии.

63.

Карлу Каутексму

в Вену.

Лондон, 20 апреля 1889 г.

Дорогой Каутский,

Относительно Шлезингера я переговорю с Либкнехтом, когда он будет здесь, т. е. недели через две. На самое важное я ему уже

¹ Речь идет о предпринятом зятем Либкнехта, Гейзером, издании «Volksbibliothek», для которой Либкнехт дал свое имя как один из редакторов. В этой серии в марте 1889 г. начала печататься антимарксистская книга Шлезингера «Социальный вопрос». Это не вызвало никакого протеста со стороны Либкнехта, и он продолжал считаться редактором, чем компрометировал себя и всю партию.

указал. Будь так добр, вышли мне эту штуку, такого рода вещей здесь не достанешь, а я хотел бы сам во всем убедиться.

Что касается Шмидта, то я посоветовал ему послать тебе рукопись¹ и узнать, не сможешь ли ты ее пристроить. Шмидт постепенно сделался марксистом и поэтому потерял всякую надежду на университетскую карьеру; после этого ему отказали в Галле как диссиденту, — этот благородный университет придерживается вероисповедного принципа! — отказали и в Лейпциге как социалисту, а швейцарцы просили пощадить их ради всего святого. Теперь он пытается напечатать свою диссертацию; катедер-социалисты говорят, что она написана слишком по-марксистски, что это недопустимо, к тому же и издателей очень мало. Шмидт пришел к нам самостоятельно, без какого-либо поощрения, несмотря даже на неоднократные косвенные предостережения с моей стороны, пришел просто потому, что не мог устоять против истины. При нынешних обстоятельствах это должно быть поставлено ему в заслугу, притом он держал себя очень мужественно.

Теперь вся суть в том, что именно я *не имею права* читать его работу и давать ей оценку. Он пытается ответить на вопрос, поставленный мною в предисловии ко II тому. Я же до поры до времени не могу выступить с содержанием III тома, и это мешает мне принять непосредственное участие в этом деле. Итак, на этот раз я тебе ничем не смогу помочь.

Он, Шмидт, принялся в Берлине за журналистскую деятельность, но что из этого выйдет, я не знаю. Во всяком случае он выказал больше понимания и энергии, чем я от него ожидал. Для журналиста он на редкость неповоротлив, но в конце концов в Германии это особенного значения не имеет.

Надеюсь, что у Луизы благополучно пройдут оставшиеся шесть недель, а затем она отдохнет. У меня с этим проклятым парижским конгрессом бесконечная возня. Вот неразбериха! Мы с Эде помогаем друг другу, где возможно, а Тусси — нам обоим, иначе был бы сплошной хаос.

Твой обер-лейтенант еще не приезжал, зато Шорлеммер здесь. Погода великолепная. Ним и я были сегодня в Хайгейте, бездельничали целых три часа. Однако пора обедать, а почта отходит в 5 ч. 30 м.

Привет тебе и Луизе от всех нас.

Твой Ф. Э.

¹ Речь идет о работе К. Шмидта «Das Werthgesetz und die Profitrate» («Закон стоимости и норма прибыли»), опубликованной в «Neue Zeit» за 1889 г., стр. 433—442.

64.

Полю Лафаргу

в Париж

Лондон, 1 мая 1889 г.

Дорогой Лафарг,

После того, как я отослал свое вчерашнее письмо, Бернштейн получил от Либкнехта следующее:

«При настоящем положении вещей конгресс может быть спасен только выступлением французов, которое поставит всех перед совершившимся фактом. Пусть же они созовут конгресс одни, так как бельгийская резолюция лишает участников гаагской конференции возможности совместного выступления, и не дожидаясь присоединения немцев, австрийцев, швейцарцев, датчан и др., согласием которых нельзя уже заручиться заранее ввиду недостатка времени.

«Конгресс должен быть назначен на тот же самый день, что и конгресс POSSИБИЛИСТОВ (14 июля), с точным соблюдением установленных в Гааге условий и с определенной оговоркой по поводу даты 14 июля, что инициаторы созыва отнюдь не имеют в виду конкурировать с другим конгрессом, но твердо рассчитывают, что чувство солидарности заставит оба конгресса заседать вместе». (Это сказать было бы глупо: мы тоже рассчитываем, что таков будет результат, но говорить это — значило бы дать большой козырь в руки POSSИБИЛИСТАМ, которые стали бы диктовать нам условия. Вы могли бы, пожалуй, сказать, что оба конгресса сами, заседая бок о бок, сумеют, быть может, разрешить все спорные вопросы.)

«В то же время следовало бы, конечно, вкратце обрисовать создавшееся положение, последние события (конгресс в Труа, в Бордо, переговоры об объединении, конференции и т. д.), но без всякой полемики против POSSИБИЛИСТОВ.

«Далее необходимо сказать: мы просим рабочие и социалистические группы других стран скрепить свое согласие своими подписями под нашим воззванием о созыве конгресса, потому что время не позволило нам заручиться их присоединением заранее.

«Если не будет налицо совершившегося факта, то не будет и конгресса; бельгийская резолюция вернула нашим французским друзьям свободу инициативы. Перед лицом факта на конгресс явятся все».

Вот! В этом — весь Либкнехт! Он способен на героическое решение, но не раньше, чем сам запутает дело так, что иначе из него не выберешься.

Впрочем, я согласен с тем, что он пишет, за исключением указанного выше пункта. Вы должны быть как можно любезнее в вашем приглашении на конгресс, что не мешает вам указать, что причина созыва вами особого конгресса — отказ POSSIBИЛИСТОВ признать полностью и всецело суверенитет конгресса.

После этого письма Либкнехта нет больше ни малейшего основания для колебаний. Итак, действуйте, организуйте ваши национальные конгрессы и, если возможно, соберите всех их делегатов на международный конгресс, который должен последовать вслед за ними.

Как только появится ваш циркуляр, мы начнем агитацию сперва за ваш конгресс, а потом за то, чтобы делегаты, которым мы не можем помешать присутствовать на конгрессе POSSIBИЛИСТОВ (бельгийские и т. д.), получили указания настаивать на объединении обоих конгрессов. Но теперь, когда у вас развязаны руки, перестаньте колебаться, не теряйте ни одного дня. Если мы получим ваш циркуляр в понедельник или даже во вторник утром, он пойдет в «Sozialdemokrat», и о нем будет объявлено в «Labour Elector». Как только день вашего конгресса будет точно установлен, здесь, быть может, можно будет еще кое-что сделать, хотя подлость бельгийцев страшно сильно нам повредила.

Искренне Ваш

Ф. Э.

65.

Полю Лафаргу

в Париж.

Лондон, 2 мая 1889 г.

Дорогой Лафарг,

Ну, дело пошло на лад. Вот что пишет мне Бебель.

«Мы с Либкнехтом решили просить Лафарга и его друзей о немедленном созыве конгресса на 14 июля. Мы действуем так в уверенности, что раз оба конгресса соберутся в один и тот же день, они не смогут заседать отдельно и объединятся через голову POSSIBИЛИСТОВ.

«Я думаю, что и вы будете теперь довольны... Как только циркуляр о созыве конгресса будет опубликован французами, мы обратимся к немцам с открытым воззванием о том, чтобы они выбирали делегатов на конгресс, и укажем, в какой форме это можно сделать (при немецких законах). Я написал в этом же смысле австрийцам; датчане и швейцарцы тоже будут предупреждены. Я надеюсь, что таким

образом нам удастся экспроприировать POSSИБИЛИСТОВ — во всяком случае, их план будет окончательно сорван».

4 ч. 30 м. пополудни. Только что вернулся от Бернштейна, не застал его. Он получил от Либкнехта открытку, в которой тот пишет, что вы можете воспользоваться «их именами» в качестве участников вашего конгресса. «Их имена» — значит, вероятно, имена Бебеля и Либкнехта, потому что *официально* они еще не имеют права говорить от лица немецкой партии. Я этой открытки не видел, но Бонье, который был у меня в мое отсутствие, сказал то же самое Ним.

Надеюсь получить от Вас несколько строк завтра утром, чтобы я мог снова поддать жару Бебелю сообщением о вашей готовности действовать.

Между прочим, не забудьте вернуть мне в расшифрованном виде письмо из Лиона ¹. Я не могу оставить этих рабочих без ответа.

Теперь, когда у вас есть несколько провинциальных органов, выберите себе один из них и сделайте его своей официальной газетой; на время конгресса позаботьтесь о том, чтобы его посылали со всеми вашими публикациями различным партиям. Ниже я сообщаю Вам несколько адресов, остальные последуют позже.

Обнимите Лауру от меня, я напишу ей тотчас же, как только развяжусь с этим проклятым конгрессом.

Искренне Ваш

Ф. Э.

А. Бебель — Hohestrasse, 22, Дрезден-Плауэп, Германия.

В. Либкнехт — Борсдорф-Лейпциг, Германия.

Редакция «Socialdemokraten» — Römersgade, 22, Копенгаген, Дания.

Ф.-Домела Нивенгейс — 96, Malakka Straat, Гаага, Голландия.

Редакция «Recht voor Allen» — Roggeveenstraat, 54, Гаага.

Редакция «Arbejderen» — Nansensgade, 28 A., Копенгаген, Дания.

Редакция «Gleichheit» — Gumpendorferstrasse, 79, Вена, VI, Австрия.

Редакция «Memcitoriul» — Strada Sarariei, 38, Яссы, Румыния.

Редактор «Justice» — 181, Queen Victoria st., E. C., Лондон.

Редакция «Labour Elector» — 13, Paternoster Row., E. C., Лондон.

Редакция «Commonweal» — 13, Farringdon Road, E. C., Лондон.

Адвокат А. Рейхель — Берн, Швейцария

Адвокат Генрих Шеппер — С. Галлен, Швейцария

Редакция «Sozialdemokrat» — 114, Kentish Town Road, N. W., Лондон.

¹ Энгельс получил из Лиона письмо группы рабочих с просьбой выслать им его произведения. Ввиду того, что адрес и подписи были написаны неразборчиво, Энгельс переслал письмо Лафаргу с просьбой расшифровать подписи и адрес.

Редакция «*Volkszeitung*» — почтовый ящик 3560, Нью-Йорк-Сити, США.
 Редакция «*Sozialist*» — 25 East 4th st., Нью-Йорк-Сити, США. (Продолжение следует.)

Американцы (немцы), несмотря на то, что их обрабатывали поссибилисты и Гайндман, высказались все-таки за вас и против поссибилистов. Если они получают циркуляр так называемых марксистов во-время, то я не сомневаюсь, что они присоединятся к вам, но вообще-то они поедут *на любой конгресс*.

«*Arbejderen*» — это радикально-оппозиционная газета Петерсена (который знал Руане и Малона в Париже, но сильно с тех пор изменился) и Трира, переводчика моего «Происхождения семьи». Из тактических соображений Вам не следует посылать им ничего такого, что одновременно не будет посылаться в «*Socialdemokraten*» — орган умеренного большинства.

Адрес П. Христенсена, лондонского делегата — 9, Römersgade, Копенгаген.

Бельгийцы: «*Vooruit*» (редакция), Marché au fil, Гент. По тому же адресу — Ансель. Гентцы заявили на съезде в Жюлимоне, что они не поедут на конгресс поссибилистов, пока те будут настаивать на своих требованиях. Отчет в «*Prolétariat*» полон поссибилистской лжи.

66.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 11 мая 1889 г.

Дорогой Зорге,

Беготня и громадная переписка по поводу этого проклятого съезда не оставляют мне времени ни для чего другого. Это чертовская возня, — ничего, кроме недоразумений, скандалов и неприятностей со всех сторон, причем в конце концов из всего этого ничего не выходит.

Участники гаагской конференции позволили бельгийцам себя одурачить. Вместо того чтобы, как было решено, сейчас же после отказа поссибилистов выступить с протестом и созвать контрконгресс (что должны были сделать швейцарцы и бельгийцы вместе), бельгийцы ничего не сделали, в ответ на все письма упорно отмалчивались и в конце концов разрешились неуклюжей отговоркой: они, мол, должны представить это дело на рассмотрение своего национального съезда 21—22 апреля! После этого остальные тем более ничего не

предпринимали (потому что Либкнехт через швейцарцев завел шашни с несколькими POSSИБИЛИСТАМИ, так как он считал себя именно тем человеком, которому должно удалиться объединение). Таким образом, POSSИБИЛИСТЫ с помощью своих прокламаций завладели общественным мнением, в то время как наши не только молчали, но на запрос некоторых колеблющихся англичан, как обстоит дело с контрконгрессом, давали лишь неопределенные ответы. Эта хитрая политика привела в конце концов к тому, что даже в Германии люди взбунтовались, а Ауэр и Шиппель считали необходимым пойти на POSSИБИЛИСТСКИЙ конгресс.

Это открыло, наконец, Либкнехту глаза, и он написал французам, но уже после того, как я и Бернштейн им это предложили, что они вольны созвать конгресс на 14 июля, как они первоначально и предполагали. Таким образом, осуществилось желание французов, но они по заслугам ругают медлительность и интриги Либкнехта, ответственность за них возлагая на всех немцев.

Но здесь от этого умничанья Либкнехта больше всего страдаем мы. Наши памфлеты подействовали, как удар грома, и доказали, что Гайндман и К^о — лгуны и обманщики; все благоприятствовало нам, и если Либкнехт, что являлось его первейшим долгом, принудил бы бельгийцев к активным действиям или, махнув на них рукой, сам повел бы *переговоры* с остальными и созвал бы конгресс на какое-либо определенное число, либо поручил бы созвать конгресс французам, то здесь масса была бы на нашей стороне, и Социал-демократическая федерация отошла бы от Гайндмана. Но вместо этого были одни лишь уговоры, что нужно-де обождать. А здесь в трэд-юнионах разгорелся спор главным образом о том, надо ли принимать участие в конгрессе, вопреки мнению вождей, или же, согласно их директивам, не посылать своих представителей на конгресс, причем характер конгресса был вопросом совершенно второстепенным, и по существу дело шло о вступлении или невступлении в международное движение. Было совершенно ясно, что люди присоединятся к тем, кто знает свои задачи и цели, а не к тем, кто их не знает. Таким образом, мы снова потеряли только что завоеванную великолепную позицию, и если не случится чуда, то не может быть и речи о том, чтобы на наш конгресс явился хоть один пользующийся влиянием англичанин.

Только что здесь был Бернштейн, задержал меня до закрытия почты, так что нужно кончать.

Вишневецкий у меня не был; не понимаю, чего им надо.

Твой Ф. Э.

67.

Полю Лафаргу

в Париж.

Лондон, 11 мая 1889 г.

Дорогой Лафарг,

У нас не было для вас иного имени, как *«так называемые марксисты»*, и я не знаю, как иначе вас именовать. Если у вас есть другое наименование, столь же краткое, сообщите нам его, и мы охотно будем его применять в надлежащих случаях. Но мы не можем употреблять выражение *«agglomération»*¹, чего никто здесь не поймет, или *«антипоссибилисты»*, что вам также не понравится; к тому же это неточно, так как слишком расплывчато.

Тусси должна была вернуть Вам вчера Ваше письмо в *«Star»*. Как я сообщил накануне, в распоряжении этой газеты уже было переведенное Тусси воззвание о созыве конгресса, и Ваше изложение этого документа не имело никаких шансов на опубликование.

Нам сейчас нужны письма из Парижа, *направленные прямо в «Star»*, на которых имелись бы парижские марки и которые бы содержали *опровержение клеветнической поссибилистской лжи в номерах от субботы и вторника, будто выборы Буле были проведены на деньги буланжистов и что Вайян действовал в союзе с буланжистами, и т. д.*² Мне кажется, вы отлично могли бы это сделать без всякого ущерба для вашего нового сана правоверной и единоспасающей церкви французского социализма.

«Star» — ежедневная газета, наиболее читаемая рабочими и единственная, которая сколько-нибудь нам доступна. Массингэм попал в Париж к А. Смиту, который служил ему проводником и переводчиком и отдал его в руки Брусса и К⁰; те завладели им, не отпускали от себя ни на шаг, спаливали абсентом и вермутом, ухитрились таким образом привлечь *«Star»* на сторону *своего* конгресса и заставить его безропотно переносить всю их ложь. Если вы хотите, чтобы мы были вам полезны здесь, помогите нам хоть сколько-нибудь восстановить наше влияние на *«Star»*, доказав, что ее увлекли на опасный путь, что Брусс и К⁰ в действительности заставили ее лгать. А единственный путь для этого — *послать ей прямо из Парижа* письмо с протестом против этих статей. В противном случае

¹ Буквально — «объединение», «скопление».

² Имеются в виду частичные выборы в палату депутатов в январе 1889 г., когда в Сенском департаменте Рабочая партия выдвинула кандидатуру рабочего Буле.

она всегда сможет нам сказать: в Париже никто не протестовал, значит — это, очевидно, верно.

Кроме «Star» у нас есть еще только «Labour Elector» — газета очень мало известная и очень подозрительная, существующая на деньги из источников, которых не хотят указывать и которые поэтому крайне сомнительны. Для вас, конечно, очень важно проникнуть в английскую печать, поэтому бомбардируйте «Star» протестами Вы, Вайян, Лонге, Девиль, Гэд — словом, все. Но если вы оставите нас без поддержки, то уже не пеняйте, если ни одна газета не заговорит о вашем конгрессе и если на POSSИБИЛИСТОВ будут здесь смотреть, как на единственных французских социалистов, а на вас, как на ничтожную кучку интриганов и простофиль.

Вот уже три месяца, как мы с Тусси почти только то и делаем, что работаем в ваших интересах; первое сражение мы выиграли памфлетом Бернштейна, но бездействие и колебания Либкнехта заставили нас уступать одну за другой все завоеванные нами позиции. Теперь, когда мы вынуждены перейти к обороне и рискуем потерять даже наши прежние позиции, нам очень тяжело, когда и французы покинули нас, между тем как несколько писем, в несколько строк каждое, написанные в надлежащий момент, могли бы произвести огромное впечатление. Если вы непременно хотите потерять всякую возможность выступать в печати здесь, в Англии, в тот самый момент, когда это имело бы для вас величайшее значение, то тут мы ничего не можем поделать; для меня это будет, конечно, хорошим уроком, я вернусь к своему III тому, заброшенному мною в течение трех месяцев, и не слишком буду огорчен, если конгресс окончится ничем.

Очень хорошо, что принимаются меры для приискания квартир и ресторанов для делегатов, — Бебель писал мне об этом; так как в июле Париж будет настоящим муравейником, то это очень важно.

Мы напечатаем английский перевод ¹, сделанный Лаурой. Что касается немецкого текста, то он появился в «Sozialdemokrat», где Бернштейн изменил одну фразу в конце (3-й абзац вашего приглашения), слишком опасную для немцев. Пошлите *французский текст* приглашения, который должен быть подписан *всеми*, Бебелю и Либкнехту, чтобы они указали вам места, под которыми они не могут подписаться, не скомпрометировав себя перед законом, — иначе вы рискуете остаться без немецких подписей. Я буду ждать известий

¹ Текст приглашения см. Приложения.

от Бебеля, прежде чем печатать здесь немецкий перевод, и сообщу Вам заранее изменения, которые он предложит.

За последнее время в POSSИБИЛИСТСКИХ газетах не встречается больше имени ЛАБЮСКЬЕРА, — неужели и он в рядах НЕДОВОЛЬНЫХ? Начало дезорганизации среди POSSИБИЛИСТОВ является для нас, конечно, очень приятным фактом, но наши нападки и созыв конгресса могли бы способствовать вновь их объединению. Во всяком случае разложение среди POSSИБИЛИСТОВ еще не зашло настолько далеко, чтобы оказать какое-нибудь влияние на их внешних союзников.

Прилагаю чек на 20 фунтов. Что касается переворота Ферри, то он едва ли удастся, потому что французский солдат в 1889 г. в гораздо большей степени буланжист, чем он был республиканцем тогда, когда сорвал переворот Мак-Магона. Бравый Буланже не так глуп, чтобы провоцировать призыв к оружию из-за судебного дела, но это еще ничего не доказывает в случае прямого нарушения конституции. Я не сомневаюсь в том, что Ферри без борьбы не выпустит из рук власти, прямо или косвенно. Но это рискованно для него.

Искренне Ваш

Ф. Э.

68.

Полю Лафаргу

в Париж.

Лондон, 16 мая 1889 г.

Дорогой Лафарг.

Посылаю Вам свои замечания по поводу Вашего проекта воззвания, который я обсудил вместе с Бернштейном. Вообще, заявляя, что конгресс в Труа представлял французский рабочий класс *в целом*, вы оказываетесь в вопиющем противоречии с фактами и навлекаете на себя протесты и возражения со стороны иностранцев, — и все это без малейшей надобности. Вашими декретами нельзя уничтожить POSSИБИЛИСТОВ и лишить их большинства в Париже.

Я послал английский текст вашего циркуляра в редакции еженедельных органов; завтра он пойдет в ежедневную прессу, в радикальные клубы Лондона, в социалистические организации и к влиятельным лицам, интересующимся этими вопросами. Это составит около 1 000 экземпляров; у Тусси будет еще 500 и кроме того 600 у Кейр Гарди в Шотландии. Адреса и бандероли уже готовы, все будет разослано завтра, так что в субботу вечером, когда

устраиваются собрания клубов, трэд-юнионов и т. д., текст будет у всех на руках.

В «Star» появилось письмо Бонье.

Клара Цеткин написала превосходную статью в «Berliner Volks-Tribüne»¹; если бы мы имели такое ясное изложение фактов три месяца тому назад, то выиграли бы очень много. Бернштейн увидится завтра с Массингэмом и постарается это использовать. Таковы же события и в 13-м районе², о важности которых нельзя было судить по статье в «Égalité», но о них все подробности известны Бернштейну.

То, что национальный совет собирается не в Париже, это совершенно правильно — раз провинция составляет вашу силу, то и официальное руководство должно находиться там, а не в Париже. Вообще же то, что провинция обогнала Париж, является превосходнейшим предзнаменованием.

Завтра — премьера новой пьесы Эвелинга. Хотя он и не завоевал публику окончательно, но критики уже занялись им, даже те, кто до сих пор участвовал в заговоре молчания.

Стачка шахтеров на моей родине (каменноугольный район начинается в двух или трех лье от Бармена) — событие очень большой важности. Чем бы она ни кончилась, это открывает перед нами область, до сих пор для нас недоступную; отныне у нас на выборах будет на 40—50 тысяч голосов больше. Правительство испытывает отчаянный страх, так как всякая попытка к энергичному действию или, как теперь выражаются в Пруссии, «schneidiges Handeln» (выражение это, впрочем, австрийское), могла бы привести к кровавой неделе, вроде парижской в 1871 г. Отныне шахтеры во всей Германии наши, а это сила.

Что касается Буланже, то надеюсь, что Вы правы и что игра этого шута сорвана. Но пора кончать: время отправлять почту!

Ваш Ф. Э.

Даниельсону я напишу.

¹ Энгельс имеет в виду статью: «Der internationale Arbeiterkongress und die Streitigkeiten unter den französischen Arbeitern» («Международный рабочий конгресс и разногласия среди французских рабочих»), опубликованную 11 мая 1889 г.

² Организация 13-го района Парижа вышла из POSSIBИЛИСТСКОЙ партии, МОТИВИРУЯ ЭТО НЕСОГЛАСИЕМ С ТАКТИКОЙ POSSIBИЛИСТОВ.

69.

Полю Лафаргу

в Париж.

Лондон, 17 мая 1889 г.

Дорогой Лафарг,

Прилагаю 25 экземпляров циркуляра на английском языке¹.

Когда же Вы вернете мне лионское письмо в расшифрованном виде? ² Я не хотел бы быть невнимательным и невежливым по отношению к французским рабочим.

Так как «Sozialdemokrat» и «Berliner Volksblatt» опубликовали немецкие переводы, то теперь уж нет надобности выпускать здесь этот перевод отдельным изданием. Вот важный вопрос. Какой же текст взять за основу:

1) французский ли текст: *Социалистическая лига Англии и датские социалисты...* заранее присоединяются к тем решениям, которые будут приняты;

2) английский текст: *В. Моррис из Социалистической лиги и датчане...* и т. д., и т. д.;

3) или немецкий текст в берлинском переводе (вероятно, Либкнехта): Социалистическая лига и датчане принесли свои извинения, а *Социалистическая лига* заранее присоединяется к решениям и т. д. (согласно этому варианту датчане *не присоединились*).

Так как у POSSIBИЛИСТОВ в Париже есть немецкие друзья, а здесь английские, то возможно, что их могли предупредить об этих расхождениях в тексте. Это было бы очень неприятно; будем надеяться, что этого не случится; но Вы видите теперь, к чему привел бы новый циркуляр, в котором вы говорили бы от лица «всего французского рабочего класса», — тексты переводов снова расходились бы между собой, потому что Либкнехт, будьте уверены, изменил бы это в немецком переводе.

Завтра 100 экземпляров циркуляра на английском языке будут отправлены в Америку.

«Star» еще не напечатала текста циркуляра. Бернштейн не застал вчера Массингэма.

Пьеса Эвелинга прошла удачнее, чем я ожидал. Это превосходно сделанный набросок, но оканчивающийся à la Ибсен, без развязки,

¹ Циркуляр о созыве международного рабочего и социалистического конгресса 14 июля в Париже. См. письмо Ф. Энгельса П. Лафаргу от 20 мая 1889 г. Текст циркуляра см. Приложения.

² См. примечание к письму Ф. Энгельса П. Лафаргу от 2 мая 1889 г.

а здешняя публика к этому не привыкла. После этой пьесы шла другая, написанная Беби Роз и еще кем-то, — очень вольный английский перевод «Conflicto entre dos deberas»¹ Эчегарая. Эту вторую пьесу, сильно приправленную сенсациями, приняли очень хорошо, хотя она тяжела и грубовата — совсем в английском вкусе.

Искренне Ваш

Ф. Э.

70.

Полю Лафаргу

в Париж.

Лондон, 20 мая 1889 г.

Дорогой Лафарг,

Рекомендую Вам две газеты: 1) «Reynold's Weekly Newspaper», которая по просьбе Тусси опубликовала ваш циркуляр, *но без подписей*. Это представляет Вам прекрасный случай написать ему следующее: «Организационная комиссия чрезвычайно обязана Вам за то, что Вы поместили в Вашей газете ее циркуляр о созыве международного рабочего и социалистического конгресса 14 июля в Париже. Так как Вы не указываете нашего адреса, то разрешите сообщить через Вашу газету, что все корреспонденции из-за границы должны направляться к нижеподписавшемуся секретарю по иностранным делам [Организационной] комиссии. Примите и пр. — Ваш П. Лафарг».

Le Perreux, Paris, Banlieue, май — и т. д. или что-нибудь в этом роде.

2) «Sun», новый радикальный еженедельник, поместивший заметку о вашем конгрессе тоже благодаря влиянию Тусси. Попробуем, нельзя ли будет использовать эту газету в дальнейшем, но возможно, что влияние со стороны «Star» может нам помешать.

В «Justice», которую я Вам пришлю, как только получу нужное количество экземпляров, Гайндман испускает торжествующий клич, воображая, что, закрыв нам доступ в «Star», он тем самым лишил нас всякой возможности выступать в печати в Лондоне. Он заявляет, что Вы очень милый и достойный человек, но Вы показали себя в смешном виде, так же как и Бебель, Либкнехт и Бернштейн; далее он высказывает надежду, что мы прекратим, наконец, наши бессильные происки и т. д.

¹ Энгельс имеет в виду пьесу популярного испанского драматурга José Echegaray (Хозе Эчегарая) «Конфликт на почве долга», написанную им в 1882 г.

Видели ли Вы номер «Prolétariat» (или «Parti Ouvrier» № 3), в котором поппублицисты заявляют, что они уверены в датчанах. Безант написала в Германию, чтобы разузнать в чем дело.

Рошфор, едва отряхнув со своих ног прах парижских бульваров, всячески старается выставить себя в смешном виде — в Женеве ссорой со старым Беккером, а здесь тем, что выхватил револьвер в ответ на пощечину, полученную им на Regent Street. Дело будет разбираться сегодня в полиции. Я пришлю Вам газету с отчетом.

Искренне Ваш

Ф. Э.

71.

Карлу Каутскому
в Вену.

Лондон, 21 мая 1889 г.

Дорогой Каутский,

Наконец-то нашлось несколько минут, чтобы написать тебе. Проклятый конгресс и все, что с ним связано, целых три месяца поглощали все мое время; сплошная переписка, хлопоты, дьявольская возня, а в результате — ничего, кроме огорчений, досады и интриг. Со времени С. Галлена brave немцы вообразили, что стоит им только созвать конгресс — и он уж тут как тут: *jehi ôr, vajehi ôr*¹ (пусть Адлер объяснит тебе, что это значит). Они вообразили, что с тех пор, как им удалось уладить свои внутренние распри, во всем социалистическом мире царят любовь и дружба, мпр и благоволение, и они не имели ни малейшего понятия о том, что созыв конгресса означает или подчинение союзу Брусс-Гайндмана или же борьбу с ним. Несмотря на то что сейчас у них накопился уже достаточный опыт, им это, очевидно, не совсем еще ясно; они витают в мечтах об объединении *обоих* конгрессов, как только последние будут созданы, и при этом отказываются от единственного средства борьбы, которое позволило бы справиться с противником, а именно — показать когти Брусс-Гайндману. Кто хоть немного знает этих людей, тому ведь совершенно ясно, что они боятся только силы и рассматривают каждую уступку как признак слабости. Вместо этого Либкнехт требует, чтобы их щадили, обращались с чрезмерной предупредительностью и чуть ли не носили на руках. Либкнехт посадил всех в лужу.

¹ Древне-еврейское библейское выражение: да будет свет, и стал свет.

Гагская конференция, которую Гайндман назвал *saucus*¹, потому что *его* не пригласили (это уже само по себе глупость), могла бы приобрести значение, стать чем-то иным, нежели *saucus*, только в том случае, если бы после неявки POSSИБИЛИСТОВ позаботились о получении подписей других: австрийцев, скандинавцев и т. д. Это повлияло бы и на бельгийцев. Но ничего этого не было сделано, как и вообще ничего не было сделано. В Гааге было положено хорошее начало, но на этом все и кончилось. И вот, бельгийцы после отказа POSSИБИЛИСТОВ затягивают дело, не дают никакого ответа и наконец заявляют, что хотят предоставить решение *своему* конгрессу 21 апреля. Вместо того чтобы послать туда кого-нибудь, кто заставил бы бельгийцев ответить сейчас же: да или нет — и затем согласно этому направил бы действия остальных, — дело это бросили на произвол судьбы. Либкнехт произносит торжественные речи в Швейцарии, а когда мы, в решающий для здешних условий момент, беремся за дело, он начинает ругаться и говорит, что мы нарушили решение держать в тайне гагские резолюции (*после* отказа POSSИБИЛИСТОВ — это было бы нелепостью, и к тому же нам об этом решении *не было известно*); мы будто бы отняли у него возможность перетянуть (!) POSSИБИЛИСТОВ на нашу сторону через голову Брусса и других и так далее. Когда же англичане, которых *мы* растормошили, — недовольные элементы трэд-юнионов, — запрашивают теперь Бельгию, Голландию, Германию, Данию, как обстоит дело с *нашим* конгрессом, они получают лишь ничего не говорящие, неопределенные ответы и, естественно, присоединяются к тем людям, которые знают, чего хотят, т. е. к POSSИБИЛИСТАМ. Так месяцами барахтались и выжидали в то время, как POSSИБИЛИСТЫ наводняли весь свет своими циркулярами, пока, наконец, даже в немецком лагере люди не потеряли терпения и не потребовали присутствия на POSSИБИЛИСТСКОМ конгрессе. Это произвело впечатление, и через 24 часа, после того как мы сказали здесь французам, что они, в силу резолюций бельгийского (партийного) конгресса, вправе поступить, как хотят, и могут тоже созвать свой конгресс 14 июля, подоспел и Либкнехт с этим планом, против которого до сих пор велась такая яростная борьба. Дело в том, что ему нужно непременно сначала основательно сесть в лужу, прежде чем он будет в состоянии принять смелое решение.

¹ В истории американских и английских буржуазных партий *saucus* связывается с представлением о маневрах и ухищрениях избирательных дельцов и о политической коррумпции.

Но сейчас время уже упущено: *здесь* бой по всей линии проигран, потому что в решительный момент нас подвели. Те, кто нам сочувствует, должны были поздравить себя с тем, что были избраны на *другой*, поспбпблистский конгресс. В Бельгии, благодаря брюссельским интригам, поссибилисты фактически победили. Ансель, который, вообще говоря, был вполне приемлем, не хочет, очевидно, доводить дело до разрыва с брюссельцами. Даже датчане, кажется, колеблются, а за ними шведы и норвежцы, которые, хотя еще и не имеют большого значения, но все же это две нации. С ума сойти можно, видя, как Либкнехт скомпрометировал, а, быть может, отчасти и погубил великолепную позицию немцев в международном рабочем движении.

В тесном союзе с немцами и австрийцами: американцы, хотя это пока еще только филиал немецкой партии; датчане; шведы; норвежцы; швейцарцы, так сказать, питомцы немцев; голландцы, — прочное звено для запада; вдобавок повсюду немецкие колонии; не примкнувшие к поссибилистам французы, почти прямо зависящие от этого немецкого союза; славянские колонии и эмигранты на востоке, точно так же тяготеющие к немцам, с тех пор как оскандалился анархизм. Что за великолепная позиция. И все это пошатнулось из-за иллюзии Либкнехта, который думает, что стоит ему только раскрыть рот, как вся Европа заплещет под его дудку, а если он не затрубит поход, то и враг ничего не предпримет. Вследствие же понятного, но достойного сожаления незнакомства Бебеля с заграничными делами у Либкнехта были в достаточной мере развязаны руки. Если дело примет дурной оборот, то виноват будет он, так как он проявил (как сущий интриган) бездеятельность и не выступил публично в тот самый момент, когда последовал отказ¹ поссибилистов, т. е. с начала марта и вплоть до окончания бельгийского конгресса — 22 апреля.

Думаю, впрочем, что все еще уладится, если все с одинаковым рвением примутся за дело. Если удастся уломать датчан, то дело выиграно, но на них можно повлиять только из Германии, т. е. опять-таки через Либкнехта. Но это безобразие, что дело вообще дошло до такого неустойчивого положения, в то время как решительные действия в марте и начале апреля должны были привлечь на нашу сторону всю Европу. Поссибилисты действовали, в то время как Либкнехт не только решительно ничего не делал, но еще мешал действовать всем остальным: ведь французы не смели пошевельнуться, не смели ни принимать какие-либо решения, ни выпу-

¹ Отказ участвовать в конгрессе.

скать циркуляра, ни созывать конгресса, пока Либкнехт, наконец, не заметил, что брюссельцы целых шесть недель водили его за нос и что активность POSSIBИЛИСТОВ в противовес его собственной совершенной бездеятельности привела к тому, что им удалось переманить на свою сторону его собственных немцев.

Вдобавок еще история с мерзавцем Шлезингером¹. Он, Либкнехт, взывает к чувству: малейший шаг, сделанный публично, может-де его совершенно разорить, заставить сделать 6 000 марок долгу, принудит его эмигрировать в Америку. В таком случае я хочу подождать — так, по крайней мере, я полагаю в данный момент, — пока появится вся эта штука, а затем решить, что нужно будет предпринять. Но эта история для него — просто позор, и если он воображает так легко отделаться от того факта, что на этом свинстве стоит его имя, то он жестоко ошибается. Пришли мне, пожалуйста, следующие выпуски. Идиотская надменность этого олуха возможна только ввиду полного его невежества. Ты совершенно прав: если бы на издании не стояло имени Либкнехта, все это было бы просто смешно.

Как поживает Луиза? Все так же усердно занимается вопросами размножения человеческого рода? Надеюсь, что она весела и здорова и благополучно сдала последние экзамены. Кланяйся ей от Ним и от меня; теперь-то она, вероятно, сможет немного отдохнуть.

Мне пришлось отказаться от куренья, потому что оно скверно отражается на нервах и в особенности на сердце, которое, впрочем, до сих пор было в полном порядке. Употребление напитков также пришлось сильно ограничить, так как при теперешнем расстройстве нервов это действует сильнее обычного. Принимаю сульфонал как снотворное, много бываю на воздухе — в Гемпстеде и Хайгейте. На это тоже уходит время. Скорей бы уж прошел этот проклятый конгресс, чтобы не нужно было просматривать такую массу газет. У меня ни на что не остается времени, — если, в конце концов, попадается порядочная книга, то глаза уже настолько утомлены, что приходится заняться другим. Врач говорит, что совершенно излечить зрение мне никогда не удастся, но нет ничего серьезного, только постоянное неудобство, т. е. ограниченное время на чтение и письмо.

Тусси пишет теперь на пишущей машинке.

Сердечный привет от Ним и твоего

Ф. Э.

¹ См. примечание к письму Энгельса В. Либкнехту от 17 апреля 1889 г.

72.

А. Ф. Робинзону

в Лондон.

Лондон, 21 мая 1889 г.

122, Regent's Park Road, N. W.

Милостивый государь,

Так как мне сообщили, что Вы в настоящее время получили хорошее место и можете постепенно выплатить 25 шиллингов, которые я Вам одолжил, а сосед Ваш, м-р Лар, сейчас без работы, то я просил бы Вас выплатить ему вышеуказанную сумму еженедельными возможными для Вас взносами, размер которых Вы установите по взаимному соглашению. Расписки м-ра и миссис Лар в получении этих денег будут иметь ту же силу, что и мои собственные.

Уважающий Вас

Ф. Энгельс.

73.

Полю Лафаргу

в Париж.

Лондон, 24 мая 1889 г.

Дорогой Лафарг,

Умоляю Вас, присылайте скорее Ваш циркуляр с подписями иностранцев! И здесь и повсюду он нам крайне необходим. Содержание не играет роли, пусть оно будет бледно, без громких фраз — вся суть в *подписях*. Если мы получим его через восемь — десять дней, мы одержим здесь победу; в противном случае мы проиграем бой вторично, и на этот раз по вине парижан. Неужели так трудно составить циркуляр, под которым все смогли бы подписаться!

Прилагаю «Justice», в которой напечатан манифест, полный ярости и бесстыдной лжи, что чрезвычайно ярко показывает, какое впечатление, даже сейчас, произвело здесь сообщение о созыве конгресса. Как видите, Социал-демократическая федерация, или, вернее, Гайндман, отлично понимают, что дело идет в такой же мере об их положении здесь, как и о положении POSSIBILISTОВ во Франции. Разумеется, мы ответим. Но если бы мы могли присоединить к нашей листовке сообщение о созыве конгресса с подписями иностранцев, это произвело бы огромное впечатление.

Текст воззвания был опубликован в «Commonweal», и Моррис открыто высказывается за наш конгресс. В «Labour Elector» В. Парнелл, делегат лондонского конгресса, очень славный и способный малый, рабочий, объявляет, что желающие могут получить у него экземпляр воззвания о созыве. Прекрасное приобретение! Гусси устраивает завтра собрание, на котором Бернштейн (мы здесь называем его *Эде*, если это имя сорвется у меня с пера, Вы будете знать, о ком идет речь) встретится с Бернсом, Томом Мэном и другими влиятельными рабочими. Бернс избран своей секцией на конгресс поссибилистов; будет очень хорошо иметь таких людей на поссибилистском конгрессе, раз уж мы не можем иметь их на нашем.

«Star» еще не опубликовала письмо О'Келли, но уже напечатала письмо *Бакса* Вайяну. Но мы ему напомним и о другом письме. Так как он хочет продвинуть продажу своей газеты в Париже, то мы познакомим его с радикал-социалистами муниципального совета: с Лонге, Домà и другими. Каково содержание письма О'Келли? Отрицает ли он *категорически*, что Буле пользовался буланжистскими деньгами? Вы не представляете себе, как важна здесь для нас — да и для вас — эта ежедневная газета, и сколько надо сделать усилий, чтобы вырвать ее из рук Гайндмана.

В манифесте «Justice» сказано, что *Фаржа* голосовал за поссибилистский конгресс (на лондонском конгрессе)¹. Этого не может быть! Я посылаю ему этой же почтой несколько строк с просьбой прислать нам письмо, которое мы могли бы опубликовать. Но у меня нет его адреса. Человек, которого я имел в виду, это Фрежак де Коматр, а не Фаржа. Вы окажете нам, таким образом, большую услугу, если раздобудете для нас это письмо, и притом поскорее, потому что в этом случае нельзя терять времени, не то растеряешь своих людей!

Я написал в Данию, чтобы разузнать из-за чего там произошла задержка, но мой корреспондент принадлежит к радикальной оппозиции, а не к умеренным, которые руководят партией. Поэтому мы написали Бебелю, что очень важно заполучить датчан, за которыми последуют в свою очередь шведы и норвежцы; мы предложили ему, чтобы кто-нибудь из немцев отправился туда лично, если дело там не подвинется.

¹ Энгельс имеет в виду предоставление лондонским международным рабочим конгрессом 1888 г. полномочий поссибилистам на созыв всемирного конгресса в Париже в 1889 г. — так называемый лондонский мандат поссибилистов.

Итак, дорогой Лафарг, поторопитесь с сообщением о созыве, подписанным всеми. Это единственный действительный способ задушить всякую клевету и ложь противников; чрезвычайно важно и в отношении всех еще колеблющихся стран, чтобы воззвание появилось до того, как они примут какое-либо решение. Из-за нерешительности и проволочек Либкнехта мы потеряли не мало выигрышных позиций; не следуйте его примеру; уверяю Вас, что если мы из-за Вашей никому непонятной медлительности проиграем еще один бой, то мы здесь потеряем всякое терпение и сочтем себя вправе предоставить вас самим себе. Нет возможности помочь людям, которые не желают сами себе помочь хоть немножко. Посылайте же иностранным партиям без дальнейших проволочек хоть какой-нибудь циркуляр, который не вызвал бы возражений; соберите подписи и напечатайте его сами или пришлите для этого нам с английским переводом, который должна сделать Лаура, чтобы нам не терять времени на перевод. Шансы на успех превосходны, если только вы все согласитесь выдвинуть самое главное и важное на первый план, отбросив в сторону все мелочное соперничество и все второстепенные вопросы. Не портите свой собственный конгресс, не будьте более немцами, чем сами немцы.

Привет Вам и Лауре.

Ф. Э.

Посылаю Вам «Justice» и «Commonweal».

74.

Полю Лафаргу

в Париж.

Лондон, 25 мая 1889 г.

Дорогой Лафарг,

Из письма Гэда к Бонье я узнал, что воззвание о созыве конгресса с подписями иностранцев уже печатается. Вы можете прибавить следующие имена:

Р. Кеннингем-Грехем, член английского парламента, и, если Вы в *понедельник* не получите иной телеграммы, то также и В. Парнелл, Том Мэн — делегаты лондонского конгресса 1888 г.

У нас еще нет *формального* согласия от двух последних; Бернштейн виделся с ними сегодня утром, а также с Грехемом и Бернсом; последний говорит, что он намерен окончательно порвать с Социал-демократической федерацией, что ему надоели интриги Гайндмана, который так развалил всю организацию, что тираж «Justice» упал с 4 000 до 1 400 экземпляров и т. д. Хотя Бернс и избран своей

секцией на конгресс POSSИБИЛИСТОВ, но действовать будет в нашем духе; переговоры о том, каким образом он сможет это осуществить, еще продолжаются.

Итак, присылайте экземпляры воззвания как можно скорее.

Искренне Ваш

Ф. Э.

Через некоторое время мы получим, вероятно, еще целый ряд подписей.

75.

Полю Лафаргу

в Париж.

Лондон, 27 мая 1889 г.

Дорогой Лафарг,

Этой почтой посылаю Вам отчет об «Альянсе»¹. Не хотите ли также получить и «Мнимые расколы»?²

Пришлите мне статью для русского журнала, я отправлю ее Даниельсону.

Так как Лавров ломается, то обратитесь по адресу: Н. Аксельрод — кефирное заведение³, Hirschengraben, Цюрих, и попросите достать Вам подпись Веры Засулич (поскольку у Вас нет ее адреса), его собственную, а также Г. Плеханова и других русских марксистов. То-то будет изумлен наш бравый эклектик!

Английский текст воззвания уже в типографии, завтра у меня будет корректура, послезавтра разошлем текст.

Парнелл отказывается дать свою личную подпись, но дает ее в качестве почетного секретаря общества «Labour Elector».

Так как Вы должны были получить эту подпись вместе с подписями других членов (Чемпиона, Мэна, Бейтмэна), то я не предупредил Вас телеграммой; Вы, наверное, использовали подписи в том виде, в каком они непосредственно были Вам присланы, не ожидая писем.

¹ Энгельс имеет в виду «Доклад об Альянсе социалистической демократии, представленный Гаагскому конгрессу от имени Генерального Совета». См. Соч. Маркса и Энгельса, т. XIII, ч. II, стр. 492—502.

² Имеется в виду негласный циркуляр Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих «Мнимые расколы в Интернационале»; издан отдельной брошюрой на французском языке в Женеве в 1872 г. См. Соч. Маркса и Энгельса, т. XIII, ч. II, стр. 391—433.

³ В начале 1880-х гг. жена П. Б. Аксельрода Н. И. Аксельрод открыла в Цюрихе кефирное заведение. Все письма П. Б. Аксельроду направлялись по этому адресу.

Дело в том, что Парнелл будет послан делегатом от секции своего трад-юниона (столяров-краснодеревцев) на конгресс POSSIBILITYISTОВ, на котором он и Бернс будут действовать в нашем духе. Возможно даже, что если POSSIBILITYISTЫ выскажутся против их предложения о слиянии, то они порвут с ними и перейдут к нам. Но это еще музыка будущего.

Я торопил Вас, потому что из Парижа приходили разноречивые вести и потому что я не знал, достигнуто или не достигнуто, наконец, соглашение по поводу текста воззвания. Теперь и здесь дело пойдет на лад. Это поразит всех, как удар грома.

Ваша тактика самая правильная, в особенности в такой момент, когда у вас нет своего органа и когда во Франции каждый уже определил свою линию. Но здесь, где не только есть колеблющиеся, но где нужно еще поколебать тех, кто перешел на сторону врага, — а это возможно, — здесь мы должны перейти в атаку.

Завтра, надеюсь, наконец, поработать немножко над статьей против Гайндмана¹; сегодня хлопоты по поводу английского текста воззвания и всякая беготня отняли у меня весь день.

Письмо из Лиона находилось в прилагаемом конверте; я послал его Вам, чтобы Вы разобрали адрес и имя отправителя. Лионцы просят у меня экземпляры моих работ. Вы, вероятно, уже получили мое письмо, которое я послал Вам вместе с тем письмом и в котором просил дать мне эти справки.

Спешу кончить.

Ваш Ф. Э.

Нам непременно нужно знать, голосовал ли Фаржа за или против — быть может, он ушел до голосования?

76.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 8 июня 1889 г.

Дорогой Зорге,

Я почти сожалел, что к Вишневецким ты отнесся настолько серьезно, что пошел на разрыв с ними. Я охотно предоставил им возможность доказать мне высшую степень *их* неудовольствия тем, что *он* не посетил меня. Однако предполагаю, что он вынудил тебя к этому своим некорректным поведением.

¹ См. Приложения — Второй памфлет.

Настроение, под влиянием которого написано твое письмо о конгрессе, владело и мною с середины марта и почти до середины мая. Каким-то чудом удалось спасти положение, что показывает посланный тебе второй циркуляр о созыве конгресса с подписями почти со всей Европы (дополненными в приложении ко второму памфлету Бернштейна ¹, посланному сегодня).

Первый памфлет, подписанный Бернштейном, редактировал я, как и все, что появлялось по этому вопросу на *английском* языке. То, в чем ты мог бы упрекнуть меня, было необходимо, если учесть местные условия, — в особенности разоблачение позиции POSSIBILISTОВ, которое кажется тебе нападками на них. Но более всего необходимо было опубликование гаагских резолюций, которые гаагские мудрецы решили держать *в тайне* и к тому же еще до бесконечности. К счастью, ни здесь, ни в Париже никто не знал об этом мудром решении, и мы их опубликовали, так как POSSIBILISTЫ и их здешние приверженцы изо дня в день выезжали именно на этих резолюциях, распространяя о них невероятную ложь и т. д.

Разумеется, после того как POSSIBILISTЫ отказались, надо было действовать энергично. Но бельгийцы, которые ведь должны были созвать конгресс совместно с швейцарцами, не двигались с места; они хотели дотянуть дело до своего конгресса в Жюлимонне на пасхе и укрыться за принятыми там решениями. А из швейцарцев Шеррер, оказавшийся немного ленивым, тоже бездействовал под тем предлогом, что с соизволения Либкнехта можно будет обеспечить переход *массы* POSSIBILISTОВ на нашу сторону, «через голову Брусса и К^о»!! Либкнехт же держал торжественные речи в Швейцарии, а Бебель слишком слабо был осведомлен об обстоятельствах дела, чтобы самостоятельно предпринять что-нибудь в его отсутствие.

Настоящее поле битвы было *здесь*. Первый памфлет Бернштейна подействовал, как удар грома. Люди увидели, что они были бесстыдно обмануты Гайндманом и К^о. Если бы наш конгресс был созван тотчас же, то все были бы с нами, а Гайндман и Брусс были бы изолированы. Недовольные элементы из здешних трэд-юнионов запрашивали нас, голландцев, немцев, бельгийцев, датчан, но ни от кого не получили ответа, когда, где и при каких обстоятельствах будет созван *наш* конгресс. Для них самое главное было послать делегатов на конгресс, — безразлично на какой, — чтобы стать в оппозицию к Бродгерсту, Шиптону и К^о. Вследствие этого они прикнули к тому конгрессу, *созыв* которого уже был решен.

¹ См. Приложения — Второй памфлет.

Так мы шаг за шагом теряли здесь почву; наша опора в здешней радикальной прессе тоже сильно пошатнулась, а в довершение всего подоспело и решение бельгийского конгресса: послать на *оба* конгресса по одному делегату. И даже в германской партийной прессе Ауэр и Шиппель открыто выступили за то, чтобы принять участие в POSSIBИЛИСТСКОМ конгрессе хотя бы для того, чтобы продемонстрировать отсутствие враждебно-шовинистического подхода к французам. Словом, я считал дело проигрышным, по крайней мере что касается Англии.

Однако я тотчас же написал французам (которые с самого же начала настаивали на том, чтобы конгресс был созван 14—21 июля, *одновременно с POSSИБИЛИСТСКИМ*, иначе, мол, его вообще не стоит созывать), что бельгийское решение возвращает им свободу действий и что они должны тотчас же созвать конгресс в указанный срок. А господин Либкнехт, которого статьи Ауэра и Шиппеля заделали за живое, вдруг понял, что он слишком затягивал дело, что сейчас надо действовать быстро, и дал французам тот же совет. Последовало объявление о созыве конгресса, что произвело, сверх всякого ожидания, прекрасное впечатление. Заявления о присоединении посыпались градом и прибывают по сей день. И даже здесь у нас — нечто большее чем посредственный успех, а опубликование подписей и сейчас оказывает свое действие. Даже здесь целиком за нас все, стоящие вне Социал-демократической федерации (чрезвычайно опустившейся), а сочувствуют нам часть тех, кто еще находится внутри нее. Ведь Джон Бернс, социалистический член совета Лондонского графства ¹, вместе со всей секцией Баттерси ², по всей вероятности, порвет или уже порвал с Социал-демократической федерацией. Он и Парнелл (подписавшийся под нашим циркуляром) уже избраны делегатами на POSSИБИЛИСТСКИЙ конгресс и будут действовать там в нашу пользу.

За исключением Социал-демократической федерации POSSИБИЛИСТЫ *во всей Европе* не имеют на своей стороне *ни одной из социалистических организаций*. Им, следовательно, ничего другого не остается, как вернуться назад к несоциалистическим трэд-юнионам, и они пожертвовали бы всем, чтобы иметь здесь на своей стороне старые трэд-юнионы, Бродгерста и присных, но те считают, что с них

¹ Совет Лондонского графства, созданный законом 1888 г., избирается местными налогоплательщиками на основе принятого в Англии для выборов в местные органы имущественного ценза.

² Баттерси — избирательный округ Лондона, от которого Д. Бернс был избран депутатом в совет Лондонского графства.

уже достаточно того, что было здесь в Лондоне в ноябре ¹. Из Америки к ним прибудет один только делегат от Рыцарей труда.

Суть дела в том, что старый раскол в Интернационале и прежняя борьба в Гааге снова становятся в порядок дня, и в этом основная причина того, что я так горячо взялся за дело. Противник тот же, с той только разницей, что знамя анархистов заменено знаменем POSSIBИЛИСТОВ; та же продажа своих принципов буржуазии за концессии в розницу, а главное за теплые местечки для вожаков (члены городской думы, биржи труда и т. д.). И тактика совершенно та же. Манифест Социал-демократической федерации, явно написанный Бруссом, это — лишь новое издание сонвильерского циркуляра. И Брусс это знает: он все еще атакует авторитарный марксизм, используя ту же ложь и клевету, а Гайндман ему вторит. Основным источником его сведений об Интернационале и политической деятельности Маркса являются здешние недовольные элементы из Генерального Совета — Эккариус, Юнг и К^о.

Союз POSSIBИЛИСТОВ с Социал-демократической федерацией может представить собой ядро нового Интернационала, который должен был быть основан в Париже вместе с немцами, если бы они присоединились в качестве третьего союзника, либо против них. В результате множество маленьких конгрессов, следующих один за другим все чаще и чаще; отсюда и та непримиримость, с которой союзники объявляли все другие французские и английские направления несуществующими; отсюда интриги, в особенности с мелкими нациями, на которые опирался и Бакунин. Действовать в том же духе стало затруднительно, когда немцы, после С. Галленского решения ², совершенно наивно — в абсолютном неведении того, что творится во вне, — включились в движение за конгресс. И так как те людишки охотнее шли против немцев, чем с ними, — ведь их считали слишком уж пропитанными марксизмом, — борьба стала неизбежной. Ты не можешь себе представить, до чего немцы наивны! Мне стоило громадных усилий разъяснить, даже самому Бебелю, в чем, собственно, тут дело, в то время как POSSIBИЛИСТЫ это прекрасно понимают и ежедневно рекламируют свою затею. При наличии всех этих ошибок у меня была слабая надежда на хороший исход — на то, что имманентный разум, постепенно развивающийся

¹ Речь идет о Всемирном конгрессе профсоюзов в Лондоне в ноябре 1888 г., где старые трэд-юнионисты потерпели поражение.

² В 1887 г. в С. Галлене на съезде германской социал-демократии правлению партии было поручено созвать осенью 1888 г. совместно с рабочими организациями других стран международный конгресс.

в этом процессе вплоть до познания самого себя, победит уже сейчас. Тем более радует меня доказательство того, что сегодня все же такие вещи, как в 1873—1874 гг., уже невозможны. Интриганы уже теперь разбиты, и значение конгресса — повлечет он за собой другой или нет — заключается в том, что единодушные социалистических партий Европы будет засвидетельствовано перед всем миром, а несколько интриганов, если они не смирятся, останутся не при чем.

В других же отношениях конгресс имеет мало значения. Я, конечно, не поеду, я не могу снова на долгий срок окунуться в агитацию.

Но люди *хотят* снова играть в конгрессы; и поэтому лучше, чтобы ими руководили не Брусс и Гайндман. Было еще время расстроить их игру.

Любопытно знать, как подействовал второй памфлет Бернштейна. Надеюсь, он будет последним документом этой истории.

В остальном дела здесь так себе. Я должен был отказаться от куренья, так как оно дурно отзывалось на нервах; это стоит мне удивительно мало усилий; курю каждые 2—3 дня лишь треть папирсы; думаю, однако, в будущем году снова начать. Сэм Мур уезжает председателем суда на Нигер в Африку. В будущую субботу он отправляется из Ливерпуля и через полтора года вернется на шесть месяцев; будет переводить там III том. Сердечный привет твоей жене.

Твой Ф. Энгельс.

77.

Конраду Шмидту

в Берлин.

Лондон, 12 июня 1889 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Милостивый государь,

Тысячи извинений за то, что оставил без всякого ответа Ваше письмо от 15 апреля. Вопреки своему намерению я очутился в самой гуще споров о международном конгрессе, и у меня оказалось столько работы, переписки, хлопот и т. д., что я, к сожалению, запустил множество других дел; в том числе — масса писем оставалась без ответа.

Чтобы не заставлять Вас ждать ни минуты дольше, сообщая, что брошюру, о которой Вы спрашиваете ¹, я со времени ее выхода в Кёльне больше не видел, и, насколько мне известно, ее нет и в архиве среди бумаг Маркса. Брошюра появилась незадолго до начала процесса, и о втором ее выпуске я никогда ничего не слышал. Об этом, наверное, появилась бы заметка в «*Neue Rheinische Zeitung*», но там впервые 9 июля 1848 г. помещено только извещение о самой брошюре в одном выпуске, а 5 августа начался процесс; в промежуточных номерах нет никаких сведений о втором выпуске, да его, несомненно, и не было. После оправдательного приговора у Лассалья не было никаких оснований продолжать свою критику, имевшую единственную цель — содействовать этому оправдательному приговору.

Жду с большим интересом Вашей работы, выход в свет которой теперь уже обеспечен. Статью в «*Vossische Zeitung*» о Канте я смогу прочесть только сегодня после закрытия почты, так что пока выражаю Вам лишь свою сердечную благодарность за ее присылку.

Если Вы будете работать в «*Vossische Zeitung*» и Вам поручат там Восточный отдел, то я хочу обратить Ваше внимание на «*Standard*», которая одна из всех лондонских и, быть может, даже всех европейских газет (кроме некоторых венгерских) содержит наилучшие сведения о Востоке в той мере, в какой это интересует *Россию*. Так, несколько дней тому назад в ней сперва появилось: 1) известие о вновь всплывшем на свет русском проекте велико-сербского государства под властью черногорского князя — проекте, продвижение которого русское правительство предоставляет пока панславистскому комитету, чтобы затем, смотря по обстоятельствам, взяться за него самому или опять отложить его на время в сторону; 2) известие о тайном соглашении между царем и шахом, по которому Персия впредь не будет без разрешения России давать каких бы то ни было железнодорожных, навигационных и прочих концессий и в случае войны предоставит в распоряжение русских Хорасан (т. е. сделает для них возможным стратегическое окружение Афганистана). Иной раз проходят месяцы без каких бы то ни было подобных сообщений в «*Standard*», но зато потом разоблачения так и сыплются. Этим материалом снабжают «*Standard*» руссо-

¹ Речь идет о брошюре Лассалья «*Der Criminal-Prozess wider mich wegen Verleitung zum Cassetten-Diebstahl oder: die Anklage der moralischen Mitschuld. Ein Tendenz-Prozess von Lassalle*» («Судебный процесс против меня по поводу подстрекательства к краже шкатулки или обвинение в моральном соучастии. Тенденциозный процесс Лассалья»), изд. W. Grewen, Кёльн, 1848 г.

фобские элементы консервативной партии, армии и индийской бюрократии.

Боюсь, что как только Россия закончит конверсию своего долга и приобретет благодаря этому такую кредитоспособность, какою она прежде никогда не обладала, панславистская партия, с одной стороны, и необходимость отвлечь армию (в которой младшие *образованные* офицеры — все сплошь конституционалисты и, следовательно, гораздо выше пруссаков) от политических заговоров, с другой стороны, толкнут русское правительство на путь войны. Что тогда произойдет, — никто не может предсказать; это, как в изречении старого дельфийского оракула: «...если Крез предпримет войну против персов, то он сокрушит обширное царство...»¹.

Во всяком случае, полетит к чорту очень многое, в том числе, быть может, и германская армия, если некоему высокомерному мальчишке дадут возможность дезорганизовать ее к тому времени.

А ведь последняя стачка углекопов² была также превосходным событием, осветившим, как вспышка молнии, все положение. Это целых три армейских корпуса, переходящих на нашу сторону.

Итак, до следующего раза!

С сердечным приветом преданный Вам

Ф. Энгельс.

78.

Николаю Францевичу Даниельсону
в Петербург.

Лондон, 4 июля 1889 г.

Милостивый государь,

Я передал г. Лафаргу и г. Каутскому все, что Вы любезно сообщили мне по поводу их статей, напечатанных в «Северном Вестнике». Вследствие этого г. Лафарг прислал мне новую статью об эволюции собственности — и поручил переслать ее Вам в надежде, что Вы не откажетесь предложить ее редактору «Северного Вестника» на обычных условиях гонорара и пр. Итак, посылаю ее Вам сегодня *заказной* бандеролью.

¹ См. примечание к письму Энгельса В. Либкнехту от 23 февраля 1888 г.

² Энгельс имеет в виду крупную стачку, начавшуюся в середине мая 1889 г. и охватившую более 50 тысяч горняков Рейнской Вестфалии, Саара, Саксонии и Силезии.

Сообщенные Вами сведения о состоянии здоровья общего друга ¹ очень утешительны и вполне совпадают с тем, что мы знаем из других источников. Человек с такой несокрушимой натурой, без сомнения, выйдет невредимым из всех опасностей, и мы надеемся в один прекрасный день снова увидеть его здесь полным сил и совершенно здоровым.

За последние три месяца III том оставался без всякого движения из-за всякого рода неизбежных помех; так как летний сезон всегда располагает к праздности, то боюсь, что до сентября или октября мне едва ли удастся много поработать над ним. Раздел о банках и кредите представляет значительные трудности. Руководящие принципы изложены и тут достаточно ясно, но весь контекст таков, что предполагает у читателя хорошее знакомство с важнейшими работами в этой области, например с работами Тука и Фуллартона, а так как этого обычно не бывает, то потребуются много пояснительных примечаний и т. п.

У меня, кстати, есть лишний экземпляр книги Фуллартона «О регулировании денежного обращения» — важнейшей работы по этому вопросу; если у Вас этой книги нет, я буду очень рад, если Вы позволите мне прислать ее Вам.

Последний раздел — «О земельной ренте» — потребует, насколько мне помнится, только формального просмотра, так что, когда будет закончен раздел о банках и кредите, а это — одна треть всего тома, то работа над последней третью (рента и различные виды дохода) много времени не отнимет. Но, так как этот заключительный том представляет собой такое блестящее и абсолютно неопровержимое произведение, я считаю себя обязанным выпустить его в таком виде, в котором вся цепь аргументов выступала бы совершенно ясно и выпукло. А при теперешнем состоянии рукописи, представляющей собою в известной мере лишь первый набросок, написанный с частыми перерывами и оставленный в незаконченном виде, это не так-то легко.

Я пытаюсь сговориться с двумя компетентными лицами ² о том, чтобы они переписали для меня те части рукописи четвертого тома, которые состояние моего зрения не позволит мне продиктовать самому. Если мне это удастся, то я вместе с тем научу их расшифровывать те рукописи, которые в настоящее время остаются книгой за семью печатями для всех, кроме меня, привыкшего к почерку

¹ Г. А. Лопатина.

² К. Каутский и Э. Бернштейн.

Маркса и его сокращениям, и таким образом станут доступными и другие рукописи автора вне зависимости от моей жизни и смерти. Надеюсь, что сговориться об этом удастся ближайшей осенью.

Искренне Ваш
Ф. В. Рошер.

Английский переводчик большей части I тома, г. Мур, только что уехал в Африку, куда он назначен председателем суда на территории, принадлежащей Нигерской компании. Таким образом, III том будет переведен, — если не весь, то частью, — на берегах Нигера!

79.

Полю Лафаргу
в Париж.

Лондон, 5 июля 1889 г.

Дорогой Лафарг,

Я отлично понимаю, что съезд делегатов какой-нибудь ассоциации для обсуждения дел, касающихся только членов ее, устраивает закрытые заседания. Это, вообще говоря, даже обязательно. Но чтобы конгресс рабочих и социалистических делегатов, созванный для обсуждения таких общих вопросов, как 8-часовой рабочий день, законодательство о женском и детском труде, отмена постоянных армий и т. д., — чтобы такой конгресс закрыл свои двери для публики и объявил заседания закрытыми, — это, по-моему, лишено всякого смысла. Пойдет на конгресс парижская публика или нет — не играет роли, хотя интерес, проявленный к нему вашей партией, должен был бы обеспечить ему известную аудиторию. Но открытые заседания нисколько, на мой взгляд, не пострадают и в том случае, если праздный обыватель будет блистать на них своим отсутствием. Нам нужно, чтобы печать откликнулась на наш конгресс, а для этого он должен быть открытым; печать может заниматься только такими делами, где допущены ее представители. Что же касается парадных вечерних заседаний, на которых обязателен только французский язык как единственный понятный публике, то они будут мало интересны для делегатов, не владеющих этим языком. После серьезного утреннего или дневного заседания им захочется вечером посмотреть Париж, вместо того чтобы выслушивать непонятные речи. Это не мешает вам устроить одно или два вечерних заседания в каком-нибудь большом зале; но закрывать двери из страха перед разговорами, что зал был наполовину пуст, это значит, по-моему,

придавать слишком уж большое значение парижской публике. Конгресс работает в интересах всего мира, и отсутствие или присутствие нескольких лишних парижан не играет никакой роли. Вы, постоянно твердящие, что POSSИБИЛИСТЫ БЕССИЛЬНЫ, что именно вы представляете французский пролетариат, — вы довели дело до того, что их аудитория больше вашей!

К тому же Бебель пишет мне, что *для них* не может быть и речи о закрытых заседаниях, что полная гласность является для немцев единственной гарантией против новых обвинений в организации тайных обществ. Перед этим аргументом должны будут, по-моему, отступить второстепенные соображения о парижской публике и ее возможном отсутствии.

Он пишет, далее, что придет, вероятно, около 60 немецких делегатов. В Германии энтузиазм, как видно, безграничен.

Социал-демократическая федерация основательно села в лужу. И как Вы думаете, кто спешит ей на помощь? Бедняга Г. Юнг, который на этой неделе заявил в одном письме, что наш конгресс не имеет никакого значения, что это счастливая *семейка* передравшихся врагов, что Лонге не социалист, что Жаклар не социалист, что Либкнехт голосовал за колониальную политику Бисмарка (это ложь!) и т. д. Бедняги, они совсем потеряли голову!

Вы, вероятно, знаете, что Д. Нивенгейс собирается внести предложение о слиянии, «ввиду того что повестка дня обоих конгрессов одна и та же». Так как в действительности повестка дня не одна и та же, то я не представляю себе, кто мог бы голосовать за это предложение. Во всяком случае, я написал Бебелю и обратил его внимание на то, что дело обстоит сейчас далеко не так, как в Гааге; что с тех пор вас уполномочили созвать ваш собственный конгресс; что вся социалистическая Европа к нему присоединилась и что, следовательно, вы вправе ставить новые условия возможного слияния; что страсть к объединению может толкнуть сторонников этого объединения на такой путь, на котором они, в конце концов, окажутся объединенными со своими врагами и разединенными со своими друзьями и союзниками; что, наконец, тут будет множество мелких затруднений. В самом деле, без обсуждения и принятия комитетами обоих конгрессов детально разработанных условий нет, на мой взгляд, ни малейших шансов на плодотворное слияние; без этого объединение обоих конгрессов не продлилось бы и двух часов. Чтобы притти к какому-нибудь решению, потребуется время, так что слияние, если оно вообще возможно, могло бы осуществиться только к концу работы конгрессов.

Ваша статья отослана вчера в Россию *заказным*.

То, что Вы пишете о виноделах Шампани, чрезвычайно интересно — в связи с развитием капитализма разорение крестьянства идет теперь быстрыми шагами!

Очень хорошо, что Либкнехт остановился у Вайяна; я сильно подозреваю, что он и теперь захочет объединиться со «здоровыми элементами» POSSИБИЛИСТОВ «через голову Брусса», как в марте и апреле.

Поцелуйте Лауру от меня и Ним.

Искренне Ваш

Ф. Энгельс.

80.

Николаю Францевичу Даниельсону
в Петербург.

Лондон, 15 июля 1889 г.

Милостивый государь,

Извините, что по рассеянности я не сообщил Вам адреса г. Лафарга. Вот он:

П. Лафарг, 60, Avenue des Champs Elysées, *Le Perreux*, Seine, France.

Книгу Тука и другую важную его работу по тому же вопросу, которая также, по счастью, имеется у меня в двух экземплярах, посылаю Вам завтра.

Искренне Ваш

Ф. В. Рошер.

81.

Фридриху-Альберту Зорге
в Хобокен.

Лондон, 17 июля 1889 г.

Дорогой Зорге,

Наш конгресс заседает. Блестящий успех. Два дня тому назад было 358 делегатов, и все еще прибывают новые. Больше половины иностранцев, из них 81 немец из всех больших и крохотных государств и провинций за исключением Познани. Первое помещение в первый же день оказалось слишком тесным, другое — на второй день, подыскивают третье. Заседания сплошь открытые, согласно единодушному предложению немцев, как единственно верное средство

против шпионов вопреки отдельным возражениям со стороны французов (они думали, что в Париже POSSИБИЛИСТЫ собрали бы больше народу и поэтому лучше проводить закрытые заседания). Представлена вся Европа. «Sozialdemokrat» со следующей почтой доставит в Америку цифровые данные. Шотландские и немецкие горняки из угольных районов впервые собрались для совместного обсуждения вопросов.

У POSSИБИЛИСТОВ 80 иностранцев: 42 англичанина (из них 15 от Социал-демократической Федерации, 17 от трэд-юнионов); 7 из Австро-Венгрии (это просто надувательство; все подлинное движение Австро-Венгрии на нашей стороне); 7 испанцев; 7 итальянцев (3 представителя от итальянских обществ *за границей*); 7 бельгийцев; 4 американца (двое из них, Бовен и Джорджи, из Вашингтона, D. C., были у меня); 2 португальца; 1 швейцарец (сам себя избравший); 1 поляк. Почти все трэд-юнионисты. Затем 477 французов, которые, однако, представляют лишь 136 профессиональных союзов и 77 кружков по изучению социализма. У них каждая маленькая клика может послать по 3 делегата, в то время как у нас каждый из 180 французов является представителем особой организации.

Лихорадочная страсть к объединению, разумеется, очень сильна на обоих конгрессах; иностранцы хотят слияния, а французы обоих лагерей это стремление сдерживают. Объединение при рациональных условиях — очень хорошая вещь, но, когда некоторые из наших кричат об объединении во что бы то ни стало, — это шарлатанство.

Только что узнал в редакции «Sozialdemokrat», что предложение Либкнехта о слиянии действительно принято большинством голосов. К сожалению, из письма нельзя понять, в чем оно состоит, означает ли оно действительное слияние на основе частных переговоров или же только абстрактное желание вступить в переговоры. Немецкое благодушие стоит выше таких мелочей. Однако тот факт, что французы приняли предложение, может служить ручательством, что мы не осрамимся перед POSSИБИЛИСТАМИ. О дальнейшем я смогу узнать после отправки почты — вероятно, только завтра.

Впрочем, ты, по всей вероятности, самое существенное узнаешь не позже меня, так как Эвелинг сговорился с парижским представителем «New-York Herald» относительно информации по телеграфу. Посылаю тебе сегодня «Reynold's Weekly Newspaper» от субботы и «Star» от понедельника; это все, что до сих пор появилось существенного в прессе. Дальнейшее в субботу.

Интриги POSSИБИЛИСТОВ и Социал-демократической Федерации с целью добиться хитростью руководящего положения во Франции

и Англии, во всяком случае, потерпели полное фиаско и тем более их претензии на международное руководство. Если бы наличие двух параллельных конгрессов послужило лишь той цели, чтобы борющиеся силы POSSИБИЛИСТСКИХ и лондонских интриганов, с одной стороны, и европейских социалистов (которые благодаря первым фигурируют в качестве *марксистов*) — с другой, прошли церемониальным маршем и таким образом всему миру было бы показано, где сконцентрировано подлинное движение, а где — обман, — этого было бы вполне достаточно. Разумеется, действительное слияние, если оно состоится, ни в коем случае не воспрепятствует продолжению раздоров в Англии и Франции, напротив: слияние будет лишь означать внушительную демонстрацию перед широкой буржуазной публикой — рабочий конгресс из более чем 900 человек, от самых мирных трэд-юнионов до самых революционных коммунистов. Оно раз навсегда положит конец проискам интриганов на будущих конгрессах, так как на этот раз они убедились, где находится настоящая сила; они увидели, что мы во Франции по силе сравнялись с ними, что на всем континенте мы сильнее их и что их положение пошатнулось также и в Англии.

Письмо Шлютера получил и ответу ему в следующий раз. Надеюсь, что дела его в порядке и что американский климат благотворно действует на здоровье его жены.

Сердечный привет твоей жене. Шорлеммер приезжает сегодня вечером. На той неделе сюда придет из Парижа Адлер (венский).

Твой Ф. Э.

82.

Фридриху-Альберту Зорге

в Маунт-Дезерт.

Лондон, 20 июля 1889 г.

Дорогой Зорге,

В своем последнем письме я забыл попросить тебя, если возможно, запросить Гартмана по поводу статей «Evening News» и «Evening Post». Для нас здесь было бы очень важно получить несколько строк, написанных его рукой и подтверждающих, что вся эта история лжива и что в Европе его тогда не было ¹. Дело вот в чем:

1) Бисмарк пытается привлечь к себе царя раскрытием мнимых покушений на его жизнь.

¹ Л. Гартман с 1884 г. находился в США.

2) Покушения эти готовились будто бы до сих пор в Швейцарии, но так как из Швейцарии выслали всех заговорщиков, то центр этих покушений должен был быть перенесен в Лондон.

3) Для этой цели служит [Бисмарку] шпион Карл Теодор Рейс, который уже раньше снабжал «Evening News» своими враками о динамите.

4) Эта новейшая рейсиада передана из Берлина по телеграфу во все немецкие газеты.

Если бы мы могли прямо разоблачить эту историю, то здесь получился бы недурной скандал.

Вчера вечером получил твое письмо от 7-го. Я лично не требую от Вишневецкого никакого особого удовлетворения за то, что он не посетил меня, — это меня не огорчает. Таким образом, если он извиняется перед тобой, то этого достаточно и для меня. Я не был у его жены, она почувствовала себя оскорбленной, и поэтому он не зашел ко мне. Этим вопрос мог бы быть исчерпан. Если они так именно и смотрят на дело, то меня это вполне удовлетворяет. Конечно, если они требуют *большего*, то я на это пойти не могу. Но так как мне с ней придется вести кое-какие дела, то все же лучше, если у нас будут нормальные отношения, допускающие разговор при встрече; ближе я их к себе так скоро не подпущу, настолько я теперь уже изучил их. Это два тщеславных дурака.

Уф! Пузырь лопнул, надежды на примирение разлетелись в пух и прах. Какое счастье, что поссибилисты и Социал-демократическая федерация, правильно оценивая свое положение, предпочли дать нашим пинка; это положило конец всему надувательству. Это дело было давным-давно подготовлено, что подтверждается целым рядом ставших теперь понятными маневров и заявлений этих господ в продолжение двух месяцев. Тут и старая бакунистская клевета о Гаагском конгрессе, будто мы всегда оперировали фальшивыми мандатами, и т. д. Эта клевета, с 1883 г. постоянно подогреваемая Бруссом, снова была подхвачена, как только они увидели, что покинуты всеми социалистами и могут спастись только при помощи трэд-юнионов. Как обстоит дело с их мандатами, покажет разгорающаяся теперь яростная полемика. Однако этот старый хлам, который не производил уже никакого впечатления в 1873 г., тем более не производит впечатления теперь; но нужно было что-нибудь изобрести, чтобы скрыть колоссальный конфуз, приключившийся с этими господами. А нашей сентиментальной примиренческой братии за все ее дружелюбие было поделом получить грубый пинок в самое мягкое место. Авось, это их вылечит на некоторое время.

Новые газеты я смогу послать тебе лишь следующей почтой (еженедельники, в которых пишет Эвелинг и которые придут сюда лишь сегодня вечером и завтра). Из Парижа я со вторника не получал ни одного письма.

Поздравляю с получением денег Лингенау. В этом виноват был только Либкнехт; Бебель в таких вещах аккуратен и точен. Маунт-Дезерт, наверное, принесет тебе пользу. Я теперь тоже скоро поеду к морю.

Сердечный привет твоей жене и Шлютерам.

Твой Ф. Э.

Шорлеммер уже два дня как здесь и шлет вам обоим сердечный привет.

83.

Фридриху-Альберту Зорге в Маунт-Дезерт.

Истбери, 17 августа 1889 г.
4, Cavendish Place.

Дорогой Зорге,

Письмо от 1 августа получил. Итак, мы оба сейчас на лоне природы, одаряющей нас частыми освежающими дождями.

Газет послать не могу, мне их очень нерегулярно пересылают из Лондона. Я получаю только «Labour Elector». Эта газета приобретает теперь вес. Дело в следующем: она основана Чемпионом против Гайндмана, но содержится на подозрительные средства (либерал-юнионистских кругов); поэтому она явно выражала свое сочувствие тори и была настроена нелепо анти-ирландски, так что нужно по отношению к ней быть настороже. Газета настолько не внушала к себе доверия, имела настолько испорченную репутацию как газета торисоциалистов, что никто не хотел ее покупать. Это и привело к перевороту в редакции. Деньги тори, повидимому, стали подходить к концу, и, таким образом, Чемпион, такой же ненадежный субъект, как и Гайндман, вынужден был после долгих колебаний принять предложение некоего комитета (Бернс, Бейтман — типограф, Мэн — механик, Кеннингем-Грехем), согласно которому этот комитет становится собственником, а Чемпион — лишь редактором по найму в этой газете. Имена членов комитета служат ручательством разрыва с другими партиями и их деньгами, авторитет газеты поднимается не по дням, а по часам, и, говорят, газета почти уже

окупает себя. Не стало в ней торийского и антиирландского идиотизма, а в истории с конгрессом газета оказала нам большие услуги.

План банды Гайндмана и К^о состоял в том, чтобы изобразить мандаты марксистского конгресса подложными, отсюда их неприемлемые условия слияния. Это была старая бакунистская тактика времен царя Гороха и специально рассчитанная на Англию. Ясно было, что дело на континенте не выгорит, но это было им безразлично. Если бы оно удалось даже только здесь, в Англии, то они на некоторое время укрепились бы в своей позиции, а здесь у них были к этому все шансы. Но наше энергичное наступление быстро положило конец этой истории; статьи Бернса и мои (по поводу австрийских мандатов) в «Labour Elector»¹ отбили у них, думается мне, всякую охоту в дальнейшем прибегать к дискредитированию наших мандатов. Поссибилисты сами вели себя так глупо, что лучшего и желать нельзя.

Теперь имеются кое-какие виды на то, что здесь образуется жизнеспособная социалистическая организация, которая постепенно выбьет почву из-под ног Социал-демократической федерации или же поглотит ее. С Лигой ничего не выходит, там все сплошь анархисты, а Моррис в их руках — марионетка. Наш план заключается в том, чтобы агитировать за восьмичасовой рабочий день в демократических и радикальных клубах, являющихся источником вербовки наших последователей, и в трэд-юнионистских организациях и организовать демонстрацию 1 мая 1890 г. Так как вопрос о демонстрации решен был на *нашем* конгрессе, то Социал-демократической федерации придется либо подчиниться, т. е. примкнуть к *нашим* решениям, либо высказаться против и на этом сломать себе голову. Как ты мог видеть из «Labour Elector», движение среди трэд-юнионов, наконец, началось; с Бродгерстом, Шиптоном и К^о скоро, видимо, будет покончено. Думаю, что к началу будущего года мы добьемся здесь больших успехов.

Русские все время усиленно занимаются интригами. Сначала были использованы армянские зверства, потом ужасы на сербской границе, затем было показано сербам в волшебном фонаре великое сербское государство с намеком на необходимость сербской военной конвенции с Россией. Теперь беспорядки на Крите, начавшиеся, как это ни странно, взаимной резней критских *христиан*, пока рус-

¹ Статья Ф. Энгельса в «Labour Elector» от 10 августа 1889 г. «Possibilist Credentials» («Поссибилистские мандаты»). См. Соч. Маркса и Энгельса, т. XVI, ч. I, стр. 328—330. Статья Д. Бернса в той же газете от 3 августа «The Paris International Congress» («Парижский Интернациональный Конгресс»).

скому консулу не удалось примирить их на почве общей резни турок. А тупоумное турецкое правительство посылает на Крит Шакир-пашу, который восемь лет состоял турецким послом в Петербурге и там был подкуплен русскими! Вся эта критская история преследует, между прочим, цель удержать англичан от заключения союза с Пруссией. Поэтому-то она и началась с *приездом сюда Вильгельма*, чтобы Гладстон снова мог разыгрывать грекофила, а либералы распинаться за критских похитителей баранов. Вильгельмхен пожелал «одержать верх» над русскими и преподнести грекам Крит в качестве свадебного подарка своей сестре¹; он хотел с помощью одного только сияния собственной персоны принудить султана отречься от престола. Но русские опять показали ему, что по сравнению с ними он просто круглый дурак: если Греция получит Крит, то лишь по милости *России*.

Спасибо за сообщения о Гартмане. Желательны были бы подробности; мне хотелось бы положить конец этому прусскому гнезду лжи в «Evening News».

Очень разумно, что твой сын собирается поступить на службу. Ничего не имел бы против, если бы и моего племянника Рошера удалось уговорить сделать то же самое. Эти молодые люди воображают, что деньги валяются везде, а мы, старики, просто слишком глупы, чтобы подбирать их. Пока они не научатся понимать положение вещей, приходится платить массу денег.

Сердечный привет тебе и твоей жене. Шорлеммер в среду уехал в Германию.

Твой Ф. Э.

84.

Вильгельму Либкнехту

в Лейпциг.

Истберн, 17 августа 1889 г.

4, Cavendish Place.

Дорогой Либкнехт,

Я отложил ответ на твое письмо от 19 апреля до окончания конгресса, потому что до этого нельзя ведь было рассчитывать на возможность договориться; наши пути тогда постоянно расходились. Да и теперь я обхожу молчанием твои попытки взвалить свои упущения на других.

¹ В октябре 1888 г. состоялось обручение греческого кронпринца с прусской принцессой Софией.

Ты говоришь: упрек в том, что тебе, «как обычно», и в отношении конгресса «непредвиденные обстоятельства» помешали выполнить свой долг; упрек этот больше, чем грубость, это тяжкое оскорбление и т. д.

Ты можешь усмотреть в моих словах оскорбление только в том случае, если перевернешь их смысл, обратив страдательный залог в действительный, т. е. упрек, что тебе всегда мешают какие-то обстоятельства, ты превратишь в обвинение, что ты сознательно создаешь эти обстоятельства. Таким образом, ты превращаешь упрек в слабости, в упрек в злом намерении, и сразу готово оскорбление.

Ты, вероятно, наконец, и сам заметил, что обычно не бываешь дома как раз тогда, когда хотят потребовать от тебя исполнения твоего обещания или получить что-нибудь такое, что, собственно говоря, разумеется само собой. Как обстояло дело с Эвелинговской историей в Америке? Сперва под непосредственным впечатлением подлости, совершенной нью-йоркским комитетом, ты пишешь: «Нью-йоркцы должны дать Эвелингу удовлетворение, я от них этого потребую, а если они встанут на дыбы, то публично выступлю против них». Но потом, когда надо было это обещание выполнить, дело приняло совершенно другой оборот: ты пишешь неопределенное заявление, которое не помогло Эвелингу и не повредило нью-йоркцам. Непредвиденные обстоятельства! И только лишь некоторое давление с моей стороны заставило тебя написать заявление, которое, по крайней мере, отчасти содержало то, что ты обещал раньше.

Даже твое письмо от 19 апреля может послужить новым доказательством этому. Твой зять, прикрываясь твоим именем, издает целый ряд работ. Ты, хорошо его зная, доверяешь ему подбор материалов, редакцию, словом — все руководство. Происходит то, что было неизбежно. *Под прикрытием твоего имени* появляется мерзкая пачкотня какого-то более чем двусмысленного прохвоста, настоящее свинство, в котором этот невежественный прохвост заявляет, что способен поправить Маркса. Так как на титульном листе в качестве редактора стоит твое имя, это свинство рекомендуется немецким рабочим как литература, воспитывающая в духе нашей партии. Что подобное свинство где-либо появится, это, конечно, совершенно безразлично и об этом не стоило бы говорить. Но то, что оно издано *тобой*, появилось под *твоей* эгидой как одобренное и рекомендованное *тобой* (ибо что другое может означать твое имя на нем?), — вот что нетерпимо. Понятно, твой зять тебя обманул, нарочно ты

этого никогда бы не сделал. Но теперь, когда первый твой долг стряхнуть с себя это свинство, заявить, что тебя позорно обманули и что под твоим именем не появится больше ни одного листа этого издания, — что же теперь? Теперь ты пишешь мне целую страницу о непредвиденных обстоятельствах, которые мешают тебе это сделать.

К чему же тогда это нравственное возмущение, если я это обычное поведение называю, наконец, настоящим именем? Впрочем, не я один это заметил. Если в данном случае кто-либо и может считать себя оскорбленным, то уж скорее я, нежели ты.

Я до сих пор не знаю, какие дальнейшие шаги ты предпринял в шлезингеровском деле. Знаю лишь одно: если ты приостановишь издание шлезингеровского свинства, то я могу позволить этому делу заглохнуть. Но если появится продолжение, вернее, окончание *под твоим именем*, то мой долг перед Марксом обязывает меня публично протестовать против этого. Надо надеяться, что ты не допустишь этого; я убежден, что этот навязанный тебе подкидыш камнем висит у тебя на шее. Ты ведь и сам понимаешь, что не можешь позволить г-ну Гейзеру продать твое положение в партии, плод сорокалетних трудов, за чечевичную похлебку.

Я здесь уже две недели и пробуду еще первую неделю сентября. Живу я там же, где жил, когда ты уезжал в Америку.

Сердечный привет.

Твой Ф. Э.

85.

Эдуарду Бернштейну

в Лондон.

Истберн, 22 августа 1889 г.
4, Cavendish Place.

Дорогой Эде,

Кто такой Пауль Фишер? Он хочет перевести для «*Berliner Volks-Tribüne*» мою старую статью из «*Progress*»¹, так как я должен был бы сделать к ней примечания и выступить, следовательно, в «*Volks-Tribüne*» в качестве сотрудника, у меня возникают сомнения, и я воздерживаюсь от ответа до своего возвращения.

¹ Ф. Энгельс имеет в виду статью «*The book of revelation*» («Книга откровения»), опубликованную им в лондонском журнале «*Progress*» № 2 за июнь — декабрь 1883 г. См. Соч. Маркса и Энгельса, т. XVI, ч. I, стр. 159—164.

Ты должен заняться в следующем номере стачкой докеров. Она имеет здесь величайшее значение. Лондонский Ист-Энд утопал до сих пор в болоте пассивной нищеты: его отличительной чертой было отсутствие какого-либо сопротивления у людей, сломленных голодом, потерявших всякую надежду. Тот, кто попадал туда, становился и физически и морально погибшим человеком. Но вот в прошлом году вспыхнула победоносная стачка работниц спичечных фабрик. А теперь — эта гигантская стачка самых отверженных из отверженных доковых рабочих — не постоянных, сильных, квалифицированных, относительно хорошо оплачиваемых и регулярно работающих, но случайно заброшенных в доки людей, неудачников, потерпевших крушение во всех других отраслях, для которых голодать стало профессией, этой массы сломленных, идущих навстречу окончательной гибели созданий, для которых на воротах доков можно было бы начертать слова Данте: «Lasciate ogni speranza voi ch'entrate!»¹. И эта масса отчаявшихся людей, которая устраивает каждое утро при открытии ворот доков форменное побоище, чтобы пробиться к парню, распределяющему работу, — настоящие битвы в конкурентной борьбе излишних рабочих между собой — эта случайная, пестрая, ежедневно меняющаяся масса добилась прочной организации в 40 тыс. человек, которая поддерживает дисциплину и внушает страх могущественным доковым компаниям. Я рад, что дожил до этого. Если *этот* слой способен к организации, то это знаменательный факт. Чем бы ни кончилась эта стачка, — я в таких случаях никогда не бываю оптимистом заранее, — в лице докеров в движение вступают самые глубокие слои рабочих Ист-Энда, и тогда другие, выше стоящие слои, должны будут последовать этому примеру. В Ист-Энде сосредоточено наибольшее количество неквалифицированных рабочих Англии, тех именно, чья работа не требует или почти не требует умения. Если добился организации этот слой лондонского пролетариата, на который профессиональные союзы *квалифицированных* рабочих смотрели до сих пор с презрением, то это хороший пример для провинции.

И больше того: из-за отсутствия организации, из-за пассивного прозябания настоящих рабочих Ист-Энда люмпенпролетариат играл там решающую роль, держал себя бесцеремонно и *считался типом* и представителем миллионов голодающих Ист-Энда. С этим теперь будет покончено. Мелкий торговец и ему подобные оттесняются на

¹ «Оставьте всякую надежду вы, входящие сюда!» (см. Данте, «Ад», песня III).

второй план; рабочий Ист-Энда сможет создать свой собственный тип и путем организации придать ему больший вес, а это для движения имеет огромное значение. Сцены, подобные шествию Гайндмана через Пэл-Мэл и Пиккадилли, станут невозможны, а тот негодяй, который попробует призывать к эксцессам, будет просто убит.

Словом — это событие. А как расценивает это даже подлая «Daily News»! По одному этому можно судить о потрясающем эффекте. Это то же, чем была для нас стачка шахтеров: в движение вступает новый слой, новый армейский корпус. И тот буржуа, который пять лет тому назад ругался бы и проклинал, принужден теперь уныло аплодировать, в то время как он со страху готов наделать в штаны. Ура!

То, что ты в своей статье об анархистах говоришь по поводу парламентаризма и его упадка, единственно правильно. Меня это очень порадовало.

Тут погода так себе: ни то, ни се. Из-за того, что я слишком много ходил, опять чувствую себя неважно и поэтому стал трезвенником вопреки Юлиусу, но чаю мне вечером пить тоже нельзя из-за нервов, так что вместо чая я *все-таки* выпиваю стакан пива — во имя трезвости!

Кланяйся жене, детям и всем друзьям.

Твой Ф. Э.

86.

Герману Энгельсу

в Энгельсвирхен.

Истберн, 22 августа 1889 г.

4, Cavendish Place.

Дорогой Герман,

Выписку из текущего счета получил, благодарю; думаю, что она правильна.

Не будешь ли ты так любезен переслать прилагаемое письмо молодому, или, вернее, теперь уже старому, Каспару; не знаю, где он живет — в Крефельде или Бармене. Как я слышал от Р. Бланка, которого встретил здесь неделю тому назад, материальное положение Каспаров не блестяще; это очень досадно.

Я здесь уже две недели, но, к сожалению, дождя здесь больше, чем нужно. С тех пор как англичане в августе месяце стали производить здесь морские маневры, августовская погода совершенно

испортилась, и вчера претворились в действительность слова старой песни:

Am 21 August soeben
 Kam ein Spion bei Sturm und Regen,
 Schwur's dem Prinzen und zeigt's ihm an u. s. w. ¹

Сегодня мимо нас прошли большие военные суда. Однако мы все еще ждем знаменитой морской битвы, которая должна быть разыграна в водах Канала, на наших глазах.

Я, вероятно, пробуду здесь еще две-три недели, если дождь будет лить не слишком уж злостно, ибо

Nach Hause kann ich auch nicht hin ².

Дело в том, что там орудуют белильщики, обойщики, маляры и прочий народ, так что квартира теперь на три четверти непригодна для жилья, а уж если эти люди заберутся в дом, никто не знает, когда удастся от них отделаться. Это происходит оттого, что в Англии крупная промышленность разрушила ремесло и ничем не смогла его заменить. Немцы давно уже потеряли свою привилегию за хорошие деньги давать скверный товар, лондонцы тоже не отстают от них. Вот в Америке совсем другое дело. Я думаю, что для обыкновенных, повседневных деловых операций, куда не примешивается какая-либо спекуляция, Америка — самая солидная страна на свете — единственная, в которой еще можно получить «хороший товар».

Надеюсь, что вы все здоровы. Сердечный привет Эмме, детям, внукам и всему прочему Энгельскирхену.

Твой старый

Фридрих.

87.

Карлу Каутскому

в Вену.

Лондон, 15 сентября 1889 г.
 122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Каутский,

Пользуюсь воскресным утром, чтобы написать тебе. Я давно уже должен был это сделать, но мне все мешали! Сперва конгресс и опоздавшие к его открытию делегаты, затем Истберн, где отголоски

¹ Как раз 21 августа пришел в дождь и бурю какой-то шпион, поклялся в преданности принцу и донес ему и т. д.

² Домой я тоже не могу.

конгресса преследовали меня в виде груды всякого рода писем; к тому же шесть человек в одной комнате — ни минуты покоя и возможности сосредоточиться. Затем, переехав сюда, я застал здесь Пауля Зингера и Солдата¹ с двумя детьми. Кроме того, стачка докеров и т. д. Сегодня утром выдался, наконец, свободный часок; оба мальчика Лонге, которые сейчас у меня, мне не мешают.

Мы все — Ним, Тусси, Эдуард и я — бесконечно жалеем, что твои отношения с Луизой окончились так печально. Тут уж ничего не изменишь. Только вы оба можете в этом разобраться, и с тем, что вы найдете правильным, мы, посторонние, должны будем примириться. Но чего я не могу понять, — а я в этой истории вообще отказываюсь что-либо понимать, — это то, что ты все время твердишь о «жалости». У тебя-де к Луизе осталось лишь чувство «жалости». Луиза во всей этой истории проявила столько героизма, столько женственности, что мы не переставали восхищаться ею. Если вообще при данных обстоятельствах кто-либо достоин сожаления, то уж во всяком случае не Луиза. Я все же остаюсь при том мнении, что ты совершил поступок, о котором тебе еще когда-нибудь придется пожалеть.

Как я уже говорил Адлеру, эта перемена в ваших отношениях ничего не меняет в том, что я предложил тебе относительно рукописи IV тома. Эта работа должна быть сделана, а ты и Эде — единственные, кому я могу ее доверить. История с архивом², по словам Пауля Зингера, теперь тоже улажена, так что зимою, когда ты снова приедешь, мы сможем договориться о дальнейшем и начать работу. Из-за проклятого конгресса я с февраля совершенно не работал над III томом, а тут еще оказалось необходимым четвертое издание I тома, которое нужно сделать в первую очередь. Это небольшая работа, но если за письменным столом разрешается сидеть лишь по три часа в день, то дело, конечно, затягивается, к тому же предстоит два месяца беспросветного тумана.

Из Петербурга мне писали, что «Revue du Nord» («Sjevernoje Obosrenie»?)³ поместило перевод твоих «Классовых противоречий во Франции» и они будто бы вызвали в России большую сенсацию. Когда ты приедешь сюда, я дам тебе кое-какие указания, как ты мог бы добиться в России денег за свои статьи.

Твои статьи о горняках в Тюрингии — лучшее из того, что ты написал, настоящее исследование, исчерпывающее все основные

¹ Прозвище В. Либкнехта.

² Речь идет о переправке партийного архива Германской социал-демократии из Цюриха в Лондон.

³ «Северный Вестник».

вопросы, и притом ты ставишь себе задачу только изучение фактов, а не подтверждение предвзятого мнения, как это было у тебя в истории с народонаселением или первобытной семьей. Поэтому и получилось нечто существенное. Эта работа освещает значительный период германской истории; кое-где имеются некоторые мелкие недочеты в характеристике процесса развития, но это не существенно. Мне при этом по-настоящему стало понятно (по Зетберу, я понял это недостаточно ясно и определенно), насколько добыча золота и серебра в Германии (а также в Венгрии, благородные металлы которой попадали на Запад через Германию) оказалась последним толчком, поставившим экономически Германию в 1470—1530 гг. во главе Европы и тем самым сделавшим ее средоточием первой буржуазной революции в религиозном облачении, т. е. так называемой реформации. Она оказалась *последним* фактором, когда дело дошло до сравнительно высокого развития цехового ремесла и посреднической торговли, что дало Германии преимущество перед Италией, Францией и Англией.

Либкнехт теперь убедился в том, что из его планов относительно POSSIBИЛИСТОВ ничего не выйдет; когда говоришь с ним, он далеко уже не так *самоуверен*, как обычно, в особенности, когда пишет. Какое счастье, что POSSIBИЛИСТЫ откленили объединение, потому что объединение обоих конгрессов повлекло бы за собой драку, смертный бой и привело бы к необычайному скандалу. Предпринятая POSSIBИЛИСТАМИ и Социал-демократической федерацией кампания с целью вызвать подозрение в правильности наших мандатов провалилась самым жалким образом, и не только потому, что разоблачения Адлера (в здешней «Labour Elector») о POSSIBИЛИСТАХ в Австрии оказались сокрушительными, но и потому, что эти ослы допустили в комиссию по проверке мандатов Бернса, который в «Labour Elector» безжалостно разделался с мандатами Социал-демократической федерации; это подействовало особенно сильно. Гайндман представлял 28 человек! Вся федерация, которая насчитывала якобы 1 925 человек, на самом деле имела едва ли половину!

Конгресс трэд-юнионов был последней победой Бродгерста. Стачка докеров задержала Бернса, Мэна и Бейтмэна здесь, а они единственные люди, которые знали во всех подробностях, в чем обвиняется Бродгерст¹; это оказалось для него выгодным. Конгресс был соответствующим образом подготовлен, все было сделано так,

¹ Бродгерст обвинялся в том, что он участвует в акционерных компаниях и поддерживает на выборах буржуазных кандидатов.

чтобы заполучить трэд-юнионистов старого толка, и на этот раз это оказалось еще возможным. Но, несмотря на это, явные симптомы ликвидации старых порядков налицо.

В Дании старое партийное руководство в вопросе о конгрессе здорово оскандалилось, а оппозиция — Трир, Петерсен и т. д. — приобрела твердую почву под ногами. Вам следовало бы пригласить Трира в качестве корреспондента для «Arbeiter-Zeitung»: Герсон Трир, Алефельдсгаде 16, Копенгаген.

Стачка докеров выиграна. Это величайшее событие в Англии со времени обоих последних биллей о реформе, начало полной революции в Ист-Энде. Всеобщие симпатии прессы и даже филистера объясняются: 1) ненавистью к доковым монополистам, которые, вместо того чтобы списать свой растроченный, несуществующий капитал, обирают судовладельцев, купцов и рабочих и таким образом выжимают для себя дивиденды; 2) сознанием того, что докеры — избиратели и что за ними приходится поневоле ухаживать, если 16—18 депутатов либерального и консервативного толка от Ист-Энда хотят быть вновь избранными (что им не удастся, — на этот раз будут избраны рабочие депутаты). Решили победу 14 тыс. фунтов стерлингов из Австралии; этим австралийские рабочие застраховали себя от внезапного массового импорта английских рабочих. Бернс, Чемпион, Мэн, Тиллет завоевали себе лавры, в то время как Социал-демократическая федерация оказалась пустым местом. Эта стачка является для Англии тем же, чем была для Германии стачка шахтеров: приобщением к рабочему движению нового слоя огромной армии. Если мы теперь избежим войны, то скоро могут наступить веселые времена.

Гэд кандидат в Марселе, Лафарг — в С. Аманде (Шер).

Сердечный привет Адлеру.

Твой Ф. Энгельс.

Так как я не знаю, живешь ли ты еще в своей норе, посылаю это письмо Адлеру, адрес которого я знаю точно. «Arbeiter-Zeitung» получил №№ 1, 4. Жива ли она еще? Получаете ли вы «Labour Elector»? Посылаю тебе один номер.

88.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 26 сентября 1889 г.

Спасибо за «Volkszeitung» и пр. Революция в стакане воды, которая у вас произошла ¹, очень забавна. Возможно, что это начало оздоровления: Немезида шествует медленными, но верными шагами, и ирония истории заключается в том, что те же самые люди, которые, выступая против большинства партии, в особенности на Западе, опирались на нью-йоркцев, теперь свергнуты именно нью-йоркцами.

О русском ² не слышал ни слова. Его открытку пошлю тебе обратно со следующим письмом.

Я пишу только открытки потому, что завален работой. Вернувшись сюда из Истберна, я получил известие, что необходимо четвертое издание I тома «Капитала». Для этого понадобится лишь несколько исправлений и добавочных примечаний, но их надо чрезвычайно тщательно составить и обработать, а также внимательно просмотреть печатный текст, чтобы не вкралось какое-либо извращение смысла. Кроме того, теперь должны быть уточнены ссылки на III том.

Стачка докеров была грандиозной. Тусси очень много работала, и кое-кто проявляет зависть к тому положению, которое она себе, таким образом, завоевала. Посылаю тебе статью Гарни, цитированную в «Labour Elector». Старик живет в 12 милях отсюда, был в августе при смерти, но сейчас ему лучше. Ленхен благодарит за «Календарь» и шлет привет. Во Франции у Гэда есть шансы при перебаллотировке. К сожалению, у меня нет еще точных сведений о выборах. Сердечный привет жене и Шлютерам.

Твой Ф. Э.

«Nationalist» из Бостона (№№ 1—5) получил, благодарю. Это «фабианцы» ³ местного покроя.

¹ Речь идет о создании следственной комиссии для обследования деятельности Исполкома Социалистической рабочей партии Америки.

² Имеется в виду Л. Гартман.

³ Фабианское общество — реформистская организация буржуазной интеллигенции; основано в Англии в 1884 г. Фабианцы отрицали необходимость революционной классовой борьбы и диктатуры пролетариата и считали возможным мирный переход к социализму путем реформ со стороны буржуазного правительства.

89.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 12 октября 1889 г.

Прилагаю, как обычно, «Labour Elector» и «Commonweal». «International Review», говорят, уже лопнула: Гайндман своим хозяйничанием быстро ее доконал. Зато Бакс ведет сейчас переговоры относительно другого журнала; если ему удастся его получить, то Эвелинг будет, вероятно, помощником редактора.

Нью-Йоркская революция становится все забавнее. Попытки Розенберга и К^о во что бы то ни стало удержаться у руководства смешны и, к счастью, бесполезны. Твоя переписка с националистом в «Workman's Advocate»¹ очень меня порадовала, во-первых, потому, что в ней за десять верст узнаешь старого Зорге, а во-вторых, потому, что этим ты снова *публично* заявил о себе.

Не помню, писал ли я тебе, что Сэм Мур отправился в июне в Асабу на Нигере (Африка) в качестве председателя суда в районе английской Нигерской компании. Вчера я получил оттуда первое письмо. Он находит климат очень хорошим и, повидимому, здоровым, жару не особенно сильной, 75° по Фаренгейту по утрам, 81—83° днем, так что по сравнению с Нью-Йорком там даже прохладно. Таким образом, III том «Капитала» будет переведен на английский язык в Африке. Я сейчас работаю над четвертым изданием I тома; все цитаты должны быть проверены по английскому изданию, иначе никак нельзя. А затем — со всей энергией за III том.

Вчера приехал Лонге за своими двумя старшими мальчиками, гостившими у Тусси. Благодаря воздержанию «ошпортунистов» при голосовании он получил 800 голосов, т. е. меньшинство. Из наших избрано человек шесть; Гэд, к сожалению, не прошел.

Твой Ф. Э.

90.

Конраду Шмидту

в Берлин.

Лондон, 17 октября 1889 г.

122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Шмидт,

Ваша работа, за любезную присылку которой я Вам очень благодарен, настолько нас сблизила друг с другом, что я не могу

¹ Речь идет о выступлении Зорге в «Workman's Advocate» против Де Леона.

заставить себя применять к Вам обычное официальное титулование, и, если Вы хотите сделать мне удовольствие, отвечайте мне тем же.

Хоть я и не сказал бы, что Вы разрешили дискутируемую проблему, но все же ход Ваших мыслей и ход мыслей в III томе «Капитала» соприкасаются в некоторых и притом важных пунктах таким образом, что чтение III тома доставит Вам исключительное удовольствие. Подробная критика Вашей работы для меня по понятным причинам сейчас невозможна; она появится в предисловии к III тому. Ваша работа получит там заслуженное ею полное признание, что я сделаю с особенным удовлетворением. До тех пор, следовательно, Вам придется потерпеть. Но одно несомненно уже сейчас: этой работой Вы завоевали себе в экономической литературе такое место, которому могут позавидовать все господа профессора.

Меня лично Ваша работа особенно порадовала и доказала, что стало больше еще одним человеком, умеющим теоретически мыслить. Таких людей среди молодого поколения немцев удивительно мало. Бебелю, обладающему выдающимися теоретическими способностями, партийная работа позволяет проявлять это его лучшее качество только лишь в применении теории к практической деятельности. Бернштейн и Каутский оставались, таким образом, до сих пор пока единственными, занимающимися теоретической работой, но и Бернштейн слишком занят практической деятельностью, чтобы иметь возможность работать и совершенствоваться в теоретической области так, как он хотел бы и мог. А ведь в области теории столько еще нужно сделать, особенно, что касается экономической истории и ее связи с политической историей, с историей права, религии, литературы и культуры вообще, где только ясный теоретический анализ может указать правильный путь в лабиринте фактов. Поэтому можете себе представить, с какой радостью я поздравил себя с новым сотрудником.

Очень хорошо, что Вы сейчас готовите для «Neue Zeit» «Освобождение крестьян» Кнаппа. Превосходный материал по этому вопросу дает «Силезский миллиард» Вольфа из «Neue Rheinische Zeitung» за 1849 г., перепечатанный шестым выпуском I тома Социал-демократической библиотеки. Я буду посылать Вам эту вещь отдельными листами, вкладывая их в английские газеты: это как будто вполне безопасный путь. Каутский тоже будет рад такому дельному сотруднику — ему придется иметь дело с порядочной дрянью.

К III тому я не имел возможности притронуться с самого февраля. Парижский конгресс, чорт возьми, нагрузил меня такой обширной перепиской со всеми частями света, что пришлось отложить

все остальное. Люди, совсем утратив интернациональное чутье, носились с самыми невероятными планами; от избытка доброй воли и из-за недостаточного знакомства друг с другом, с вещами и обстоятельствами могла бы произойти здоровая потасовка; все перессорились бы со своими друзьями и не помирились бы с врагами. Теперь все это, к счастью, прошло, и как раз в это время я был извещен, что необходимо четвертое издание I тома. А так как тем временем успело выйти английское издание и г-жа Эвелинг сличила все цитаты с оригиналом, причем кое-где обнаружили *настоящие* искажения текста, а еще больше — описки и опечатки в цитатах, то я никак не могу выпустить четвертое издание без этих исправлений. Эти исправления и корректура потребуют много времени, — но недели через две я все-таки снова примусь за III том и уже не допущу никаких, решительно никаких перерывов. Я думаю, что самое трудное осталось позади.

Сердечный привет от преданного Вам

Ф. Энгельса.

91.

Максу Гильдебранду

в Берлин.

Лондон, 22 октября 1889 г.

122, Regent's Park Road, N. W.

Милостивый государь,

В ответ на Ваше письмо от 19-го сообщаю, что я познакомился со Штирнером в Берлине приблизительно в начале 1842 г., когда встречался там с Э. Мейеном, Булем, Эдгаром Бауэром, а затем и Бруно Бауэром. Верно, что настоящая его фамилия Шмидт, прозвище Штирнер он получил за свой необыкновенно высокий лоб. В этом кругу он, вероятно, был недолго, так как не знал Маркса, который покинул Берлин, кажется, меньше чем за год до этого и пользовался там большим уважением. Учителем гимназии он тогда уже, по-моему, не был или же вскоре оставил эту деятельность. Кроме вышеупомянутых лиц, я там встречал еще некоего фон-Лейтнера, австрийца К.-Ф. Кеппена, учителя гимназии и близкого друга Маркса, его товарища Муссака, издателя Корнелиуса (фигурирующего в «Festungstid» Фрица Рейтера¹), Мюгге, доктора Ю. Клейна, драматурга и театрального критика, некоего Вахенгузена, доктора Цабеля, впоследствии работавшего в «National-Zeitung»,

¹ «Ut mine Festungstid» («О моем заключении в крепости»), Соч. Ф. Рейтера, ч. IV, стр. 237—476, изд. Мейера, Лейпциг.

Рутенберга, впрочем вскоре уехавшего в Кёльн для сотрудничества в первой «Rheinische Zeitung», некоего Вальдека (не смешивать с юристом и членом верховного суда) и других, которых теперь не припомню. Существовало, собственно говоря, несколько групп, которые время от времени и по различным поводам сталкивались и соприкасались друг с другом. Юнгниц, Шелига и Фаухер появились позже, когда я в ноябре 1842 г., отбыв год военной службы, покинул Берлин. Мы встречались у Штегели, по вечерам — в различных пивных столицы, а если водились деньги, то в одном винном погребеке на Постштрассе, в котором Кеппен был завсегдатаем. Штирнера я знал хорошо, мы были с ним на ты. Он был добрым малым и все же не таким плохим, каким он изображает себя в своем «Единственном»¹, но с легким налетом педантизма, приобретенным в годы учительства. Мы много спорили о гегелевской философии, и он тогда сделал открытие, что гегелевская логика с самого начала базируется на ошибочном положении: *бытие*, которое обнаруживает себя как *ничто* и, таким образом, вступает в противоречие с самим собой, не может быть началом; началом должно быть нечто такое, что само по себе уже есть непосредственное, от природы данное единство бытия и ничто, из которого затем развивается эта противоположность. По мнению Штирнера, началом является «es», порошит, моросит, нечто такое, что одновременно и существует и есть ничто. Впоследствии он, повидимому, понял, что из этого «es» получается такое же ничто, как и из «бытия» и «ничто».

В последнее время моего пребывания в Берлине я встречался со Штирнером реже; вероятно, уже тогда у него начал развиваться тот ход мыслей, который его привел к основной его идее. Когда вышла его книга, наши пути сильно разошлись; два года, проведенные мною в Манчестере, оказали на меня свое влияние. Позже, в Брюсселе, когда Маркс и я почувствовали потребность отмежеваться от последователей гегелевской школы, мы занялись, между прочим, и критикой Штирнера: критика эта по своему объему не уступает критикуемой книге. Никогда не опубликованная рукопись находится еще у меня, если ее не сгрызли мыши².

Возрождению Штирнера способствовал Бакунин, который, кстати, в то время тоже был в Берлине и на лекциях Вердера по логике сидел вместе с 4—5 русскими на скамье впереди

¹ Речь идет о книге М. Штирнера «Der Einzige und sein Eigentum» («Единственный и его собственность»), Лейпциг, 1844 г.

² «Немецкая идеология». См. Соч. Маркса и Энгельса, т. IV.

меня (1841—1842 гг.). Безобидная, чисто этимологическая анархия (т. е. отсутствие государственной власти) Прудона никогда не привела бы к современным доктринам анархизма, если бы Бакунин не вдохнул в нее добрую долю штирнеровского «возмущения». Вследствие этого анархисты стали сплошными «Единственными», до такой степени единственными, что среди них не найдешь двоих, которые уживались бы друг с другом.

Больше я о Штирнере ничего не знаю; о его дальнейшей судьбе я ничего больше не слышал, кроме того, что Маркс рассказывал мне, будто он буквально умирал с голоду; откуда об этом узнал Маркс, — мне неизвестно.

Жену его я здесь видел как-то, она сошлась с бывшим лейтенантом Теховым — «ах, эти душки-военные!» — и, если не ошибаюсь, уехала с ним в Австралию.

Если когда-нибудь впоследствии у меня найдется время, возможно, что я набросаю кое-что об этом, в своем роде очень интересном периоде.

С уважением и преданностью

Ф. Энгельс.

92.

О. А. Элиссену

в Эйнбек (Ганновер).

Лондон, 22 октября 1889 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Милостивый государь,

В ответ на Ваше письмо к сожалению принужден сообщить Вам, что находящаяся в моем распоряжении переписка не разобралась в течение 20 лет; поэтому я не в состоянии выбрать из этой груды немногие письма Ф.-А. Ланге¹, пока у меня не найдется трех-четырёх недель свободного времени, чтобы привести все это в порядок. Как только я, в течение весны, подготовлю окончательную редакцию III тома «Капитала» Маркса, — а я должен сейчас приняться за эту не терпящую отлагательства работу, — я охотно предоставлю упомянутые письма в Ваше распоряжение.

¹ Элиссен просил у Энгельса представить ему письма Ланге, которые ему были нужны для разработки биографии последнего. Биография эта вышла в свет в 1891 г.

Мои письма к Ланге Вы тоже можете напечатать полностью или частично, смотря по обстоятельствам, но в последнем случае я просил бы опубликовать соответствующие места в их общем контексте.

С совершенным почтением

Фр. Энгельс.

93.

Вильгельму Либкнехту

в Лейпциг.

Лондон, 29 октября 1889 г.

Дорогой Либкнехт.

О пророке Готшальке я могу сказать тебе очень немногое: об этом субъекте я давно позабыл. Моисей Гесс, принявший его в союз еще до 1848 г., рассказывал о нем, как о выдающемся феномене. В первых числах марта 1848 г. он в Кёльне разыгрывал рабочего вождя. По условиям *того времени* он был великолепным демагогом, который льстил едва пробуждающимся массам, соглашаясь со всеми их традиционными предрассудками, — но, впрочем, у него совершенно безмозглая голова, как и полагается пророку, почему он и считал себя таковым; при этом как настоящий пророк он был выше всякой щепетильности и поэтому способен был на всякую подлость. Я сомневаюсь, чтобы он ссылался на твои слова, он ведь систематически сочинял легенды о самом себе. Достаточно того, что в начале марта он играл известную роль в Кёльне и строил совершенно невероятные планы, подробности которых я не помню и согласно которым за одну ночь должны были произойти чудеса. Это все было еще до нас. Когда мы в апреле приехали в Кёльн, звезда его уже почти закатилась, а когда мы все вновь съехались туда для окончательного издания газеты, он был почти совершенно забыт. Газета и наши рабочие союзы поставили перед ним вопрос ребром: либо с нами, либо против нас. На его счастье, его и Аннеке в начале июля арестовали, кажется, из-за каких-то выступлений; в конце 1848 г. или в начале 1849 г. их оправдали (я тщетно искал в «*Neue Rheinische Zeitung*»¹ дату и т. д., но поиски эти мне пришлось прекратить, чтобы успеть отправить письмо). Затем пророк Готшальк уехал в добровольную ссылку в Париж в надежде, что мощными демонстрациями его призовут обратно. Но никто и с места не дви-

¹ В «*Neue Rheinische Zeitung*» № 34 от 4 июля 1848 г. опубликовано сообщение из Кёльна об аресте 3 июля 1848 г. Готшалька и Аннеке.

нулся. После того как мы уехали, Готшалк вернулся в Кёльн (возможно, даже незадолго до нашего отъезда), а так как былую свою популярность он завоевал практикой врача среди бедноты, то когда разразилась холера, он снова горячо принялся за дело, лечил бесплатно пацентов-пролетариев, заразился сам и умер. Это все, что я знаю.

Парижские дела, повидимому, снова в порядке. Лафарг вовсе не так плох, как тебе кажется. Журд не буланжист, а с разрешения партийных товарищей лишь пользовался в Бордо маской буланжиста, что я, конечно, решительно осуждаю. Он совершил ошибку, и ему придется за нее ответить, по крайней мере в ближайшем будущем; вообще если он подходящий человек, чего я не знаю, то позже можно будет гнев сменить на милость.

Я очень жалею, что ты потерпел такие убытки с «*Volksbibliothek*». Но можно ведь было предвидеть, что при отсутствии у тебя делового опыта Гейзер тебя подведет. Изданные им плохие работы не стали лучше от того, что на них стояло твое имя, а, кроме того, шлезингериада неизбежно должна была переполнить чашу терпения. Я думаю, что все это объясняется совершенно просто, и тебе вовсе не нужно искать причин в злой воле третьих лиц. Не считаешь же ты партию способной восторгаться *такой* «*Volksbibliothek*»?

У меня дела тоже неважны. Перси обанкротился, вся семья живет у меня, чтобы избежать наложения ареста на остальное имущество; дело еще не решено, ведутся переговоры со стариком, но тот говорит, что сам завяз. Он здорово поглупел. Словом, Августин сел в лужу; о, мой милый Августин, все исчезло, как дым! Чем все кончится, я не знаю.

Сердечный привет от Ленхен и твоего

Ф. Э.

94.

Августу Бебелю

в Берлин.

Лондон, 15 ноября 1889 г.

Дорогой Бебель,

Получил твое письмо от 17 октября в самом разгаре работы над четвертым изданием «Капитала». Работа была не малая, пришлось снова сличать все цитаты, проверенные Тусси для английского издания, и исправлять многочисленные описки и опечатки. Едва покончив с этим, я обязан был опять взяться за III том, который должен

теперь появиться как можно скорей, так как работа маленького Шмидта из Берлина о средней норме прибыли показывает, что паренек успел разнюхать больше, чем следует; это делает ему величайшую честь. Как видишь, я и так завален работой, а тут еще приходится следить за международной партийной прессой и просматривать, а местами даже целиком прочитывать, экономическую литературу, имеющую отношение к III тому. Ты видишь, как я занят и извинишь меня поэтому за то, что я беседую с тобой не так часто, как мне этого хотелось бы.

О французах, при более длительном пребывании среди них и более близком знакомстве с результатами их своеобразных поступков, ты судил бы мягче. Партия находилась там для Франции в положении неслыханном, а для самой партии в *конечном итоге* благоприятном: она была сильна в провинции и слаба в Париже. Речь шла, следовательно, о победе степенной провинции над высокомерным, привыкшим к господству, спесивым и частично развращенным Парижем (коррупция доказана: 1) существованием компании продажных POSSIBИЛИСТСКИХ вождей и 2) тем обстоятельством, что успешное выступление в Париже против коррупции было возможно *лишь в форме буланжистской* оппозиции). К тому же в Париже¹ существовали два Правления: для профсоюзов — в Бордо и для социалистических групп — в Труа. Отсутствовало, таким образом, не только традиционное парижское руководство (и возможность его), но и вообще какое бы то ни было единое принципиальное руководство, руководство с соответствующим кругозором, пользующееся признанием, необходимым для этой роли.

Я понимаю, что при таком междуцарствии положение показалось вам крайне запутанным и неудовлетворительным. Но это лишь временное явление. И если даже при *такой* дезорганизации в их собственной партии и после целого ряда ошибок французы все-таки созвали конгресс в Париже, на котором все это не могло не обнаружиться перед глазами всей Европы, то это было сделано чисто по-французски. Они справедливо полагали, что этот позор был бы сторицей возмещен тем фактом, что на *их* конгрессе была представлена вся Европа, а на конгрессе POSSИБИЛИСТОВ — всего лишь две-три секты.

Расчет на мгновенный эффект у французской публики пользуется большим весом, чем у тебя, у меня и у всей массы немецкой партии; но этот недостаток свойственен не только французам. Здесь, в Аме-

¹ Повидимому, описка. Энгельс имеет в виду не Париж, а Францию в целом.

рике ¹ дело обстоит совершенно так же. Это результат большей свободы и более продолжительного участия в политической жизни. Дело не в одном только Либкнехте, который ведет себя в Германии точно таким же образом (одна из главных причин наших постоянных препирательств); пусть только завтра будет отменен закон против социалистов, и ты увидишь, как быстро эта гнилая установка даст о себе знать с бóльшей силой.

По-моему, ты ошибаешься также, заключая на основании своего опыта на Парижском конгрессе, что рабочих отеснили на задний план те, кого мы называем литераторами. Может быть, на Парижском конгрессе и было нечто подобное, тем более, что там могла отеснять рабочих на задний план невозможность сговориться на чужих языках. Но в действительности французские рабочие придают гораздо большее значение, чем рабочие любой другой страны, полному и именно формальному равенству с литераторами и буржуа, и, если бы ты прочел полученные мною отчеты об агитационных выступлениях Гэда, Лафарга и других в течение последних выборов, ты, наверное, судил бы иначе.

Если Гэд не был избран в Марселе, то виною этому только Прото (см. приложенную прокламацию) ². Во Франции существует общее правило, что при двух кандидатурах одной и той же партии тот кандидат, который в первом избирательном туре оказался в меньшинстве, снимает свою кандидатуру (так как при перебаллотировках число кандидатов не ограничено, но зато решающим является *относительное* большинство). Прото был именно в таком положении, но остался кандидатом и обрушился на Гэда с самыми гнусными инсинуациями. Оба были в Марселе людьми пришлыми, но Прото — старый член Коммуны, и его поддерживали сторонники болтуна Пиа, бывшего депутата от Марселя. Неудивительно, что при таких условиях он получил при перебаллотировке те 900 голосов, которые привели бы Гэда в палату. Лучший избирательный округ Марселя захватил для себя Буайе, который был избран там в прошлый раз; он прошел и теперь.

Итак, у нас теперь семь человек, и отнюдь далеко не самых лучших. Они избрали Гэда своим секретарем и подготовителем своих выступлений. В муниципальном совете Вайян, Лонге и пр. также образуют отдельную группу. Обе группы привлекут Лафарга, Девилья и т. д. и создадут затем центральный комитет объединенных

¹ Повидимому, пропуск. Следует читать: «Здесь, как и в Америке».

² В этой клеветнической прокламации Прото называл Гэда буланжистом и агентом Германской империи.

(или федеративных) бланкистов и марксистов. Так постепенно образуется организация.

Кроме того, трое социалистов избраны как буланжисты и двое как POSSИБИЛИСТЫ; они, разумеется, не будут допущены в организацию и пусть уж сами действуют, как знают.

Мне тоже очень жаль, что Ауэр находится в таком тяжелом состоянии; впрочем, есть уже и более утешительные вести. Относительная слабость молодого поколения представляется мне очень опасной, так же как и слабость его в теоретическом отношении. Но вот появился маленький Шмидт, который прожил здесь год, а я даже не замечал, что в нем таится. Если он и впредь останется таким же скромным, как сейчас, — ведь в наше время мания величия самая роковая и самая распространенная болезнь, — то он сможет дать много хорошего.

Здесь дела идут превосходно. Но тоже не по тому прямому и ясному пути, по которому идут немцы. Для этого нужен народ именно с таким предрасположением к теории. Здесь будет еще достаточно ошибок. Но все равно массы уже *пришли* в движение, и каждая новая ошибка будет вместе с тем новым уроком. Итак, лед тронулся [man tau], как говорят в Нижней Саксонии.

Что поделывает твоя жена и будущая женщина-врач?

Твой Ф. Э.

95.

Д. Г. Джонсону-сыну и Эллису
в Лондон.

Лондон, 15 ноября 1889 г.

Черновик.

Милостивые государи,

Я получил и обдумал Ваше письмо от 7-го с/м.

Мне кажется несколько странным, что Вы, предлагая мне рассматривать заданные Вами вопросы как «конфиденциальные», не обещаете мне того же в отношении моего ответа. Я, разумеется, не могу согласиться на такого рода одностороннее обязательство.

Если я правильно Вас понял, то должен сообщить Вам, и к тому же немедленно, имена тех лиц, от которых исходили дошедшие до меня на борту парохода какие бы то ни было неодобрительные отзывы о циркуляционных насосах «City of New York», будь то пассажиры или кто-нибудь из команды. Если бы кто-нибудь и сделал мне подобное сообщение, то, конечно, ожидал бы, что я как джентль-

мен не поставлю его в затруднительное положение, даже если им и было допущено одно-два неосторожных слова. Поступить иначе значило бы, по-моему, превратиться просто в доносчика. Если я правильно понял Ваше предложение, — а смысл его, по-моему, ясен, — то дело сводится именно к этому; и в таком случае *наивность* этого предложения может сравняться разве только с удивительной невозмутимостью, с которой оно сделано.

Во всяком случае, чтобы успокоить Вас, я сообщаю, что, насколько мне помнится, в моем присутствии никто не позволял себе ни малейшего неодобрительного отзыва о тех безупречных циркуляционных насосах, которые Вы имеете честь представлять в своем лице. Кто распространял эти слухи, я не знаю, да и знать не хочу.

Я не снизойду до того, чтобы просить Вас считать это письмо конфиденциальным. Если бы какой-нибудь континентальный или американский юрист или деловой человек прочел нашу корреспонденцию, он извлек бы из нее некоторые ценные указания о том, как следует вести подобные расследования.

96.

Виктору Адлеру

в Вену.

Лондон, 4 декабря 1889 г.

Дорогой Адлер,

Книгу Авенеля о Клоотсе¹ я предложил тебе *обработать* из следующих соображений:

По-моему мнению (и по мнению Маркса), книга эта дает первое, основанное на изучении архивных материалов, правильное изображение специально *критического периода французской революции*, а именно — времени от 10 августа по 9 термидора.

Парижская коммуна и Клоотс были сторонниками войны для пропаганды революции, считая ее единственным средством спасения, тогда как Комитет общественного спасения занимался дипломатией, боялся европейской коалиции, искал мира посредством расстройств коалиции. Дантон хотел мира с Англией, т. е. с Фоксом и с английской оппозицией, которая надеялась в результате выборов притти к власти. Робеспьер интриговал в Базеле с Австрией и Пруссией и хотел сговориться с *ними*. Оба они вместе были противниками коммуны, чтобы прежде всего свергнуть людей, которые

¹ Имеется в виду книга Georges Avenel «Anacharsis Cloots l'orateur du genre humain» («Анахарис Клоотс, оратор человечества»), Париж, 1865 г.

хотели войны для пропаганды, распространения республиканского строя во всей Европе. Им удалось победить, коммуна (Эбер, Клоотс и др.) была обезглавлена. Но с этого момента стал невозможен мир между теми, кто хотел мира с одной лишь Англией, и теми, кто хотел заключить мир с одними лишь немецкими державами. Английские выборы прошли благоприятно для Питта; Фокс был на годы устранен от власти, это испортило положение Дантона; Робеспьер победил и обезглавил его. Но — и этот пункт Авенель *недостаточно* подчеркнул — в то время террор достиг безумных размеров, он был необходим, чтобы помочь Робеспьеру при наличных внутренних условиях удержать власть в своих руках, но террор стал совершенно излишним после победы при Флерюсе, 24 июня 1794 г. Эта победа не только освободила границы, но передала Франции Бельгию и косвенным образом левый берег Рейна; Робеспьер стал тогда также лишним и пал 24 июля.

На всю французскую революцию огромное влияние оказывала война против коалиции, каждое биение ее пульса зависело от нее: проникает коалиционная армия во Францию — это вызывает преобладание блуждающего нерва [Vagus], сильнее бьется сердце, наступает революционный кризис; армия коалиции должна отступить; получает преобладание симпатический нерв [Sympathicus], сердце бьется медленнее, реакционные элементы снова выступают на первый план, плебеев — предтечу будущего пролетариата, энергия которых только и спасала революцию, — вразумляют и усмиряют.

Трагично то, что партия войны беспощадной, войны за освобождение народов, оказалась права, и республика победила всю Европу, но только уже после того как сама эта партия давно была обезглавлена; и вместо войны, ведущейся для пропаганды, наступил Базельский мир и буржуазная оргия Директории.

Книгу нужно совершенно переработать и сократить — декламацию надо выбросить, факты дополнить и изложить ясно по обыкновенным историческим книгам. Клоотс при этом может отступить совсем на задний план; из «Lundis révolutionnaires»¹ можно вставить самое важное; таким образом, может получиться такая книга о революции, какой до сих пор еще не было.

Объяснение тому, как битва при Флерюсе положила конец господству террора, дано в 1842 г. в «Rheinische Zeitung» (первой)

¹ Имеется в виду книга Georges Avenel «Lundis révolutionnaires 1871—1874. Nouveaux éclaircissements sur la révolution française», Париж, 1875 г.

К.-Ф. Кеппенем в его превосходной критике «Истории французской революции» Г. Лео.

Привет твоей жене и Луизе Каутской.

Твой Ф. Энгельс.

97.

Николаю Францевичу Даниельсону
в Петербург.

Лондон, 5 декабря 1889 г.

41, Burton Road Kilburn, N. W.

Милостивый государь,

Тотчас же по получении Вашего письма от 14 (27) ноября я сообщил г. Лафаргу его содержание. Он ответил мне, что сам уже написал Вам о том, что не получал никаких писем от госпожи, редактирующей «Северный Вестник»¹, и что он предоставляет в ее распоряжение пять статей на выбор; что касается сокращения некоторых мест статьи, о которой в настоящее время идет речь, то мне он ничего об этом не пишет; если же и в письме к Вам он не упоминает об этом пункте, то, мне кажется, ясно, что этот вопрос должен быть предоставлен на усмотрение редактора. Адрес г. Лафарга:

П. Лафарг 60, Avenue des Champs Elysées, Le Perreux, Seine, France.

Посылаю Вам *заказным* экземпляр книги Т. Тука об «Основах денежного обращения», Лондон, 1844 г. Этот экземпляр я купил подержанным; в книге имеется ряд пометок прежнего владельца, сделанных карандашом; по большей части это туманный вздор; кроме того, посылаю две старых газетных вырезки, из них одна, относящаяся к кризису 1847 г., не лишена интереса.

За это время я успел подготовить четвертое немецкое издание I тома, которое находится сейчас в печати; там имеются два-три новых дополнения из французского издания; цитаты сверены по английскому изданию, кроме того, я добавил несколько собственных примечаний; в частности, одно по вопросу о биметаллизме. Как только том выйдет в свет, я пришлю Вам экземпляр.

Искренне Ваш

Ф. В. Рошер.

¹ А. М. Евреинова.

98.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 7 декабря 1889 г.

Дорогой Зорге,

Письма от 8 и 29 октября получил, благодарю. Обстоятельства едва ли сложатся так благоприятно, чтобы Социалистическая рабочая партия была ликвидирована. У Розенберга, кроме Шевича, есть еще масса других последователей, и самонадеянным немецким доктринерам в Америке не хочется, конечно, отказываться от пришедшейся им по вкусу роли учителей «незрелых» американцев. Ведь если бы не это, то они бы совсем ничего собой не представляли.

Здесь мы имеем пример того, что не так-то просто вдолбить что-либо доктринерски и догматически великой нации, даже если обладаешь самой лучшей теорией, которая выросла из собственных жизненных условий этой нации, и если наставники имеются относительно лучшие, чем те, которыми располагает Социалистическая рабочая партия. Рабочее движение, наконец, *сошло* с мертвой точки, и, как мне кажется, окончательно. Но оно не является непосредственно социалистическим, и те люди среди англичан, которые были ближе всего к пониманию нашей теории, стоят вне движения: Гайндман, потому что он неисправимый интриган и завистник; Бакс, потому что он кабинетный ученый. Формально движение — прежде всего трэд-юнионистское, но оно резко отличается от движения *старых* трэд-юнионистов, квалифицированных рабочих — этой рабочей аристократии.

Люди теперь совершенно иначе принимаются за дело, ведут в бой куда более широкие массы, потрясают общество гораздо глубже, выдвигают гораздо более радикальные требования: восьмичасовой рабочий день, всеобщая федерация всех организаций, полная солидарность. Союз рабочих газового производства и чернорабочих *впервые*, благодаря Тусси, добился создания женских секций. При этом они рассматривают свои теперешние требования как временные, им еще не ясна конечная цель, которой они добиваются. Но смутное представление о ней владеет ими настолько глубоко, что заставляет их выбирать *только* среди социалистов. Как и все прочие, они должны учиться на своем собственном опыте, на последствиях своих собственных ошибок. Но так как они, в противоположность старым трэд-юнионам, встречают всякий намек на тождество интересов капитала и труда ироническим смехом, то на это обучение им потребуется не так уж много времени. Надеюсь,

что ближайшие общие выборы произойдут не раньше чем через три года: 1) для того чтобы русский лакей Гладстон не смог оказаться у власти в период острейшей опасности войны, что одно это уже дало бы царю возможность спровоцировать войну; 2) чтобы антиконсервативное большинство настолько возросло, что *действительный* гомруль для Ирландии стал необходимостью, иначе Гладстон снова надует ирландцев, и это препятствие — ирландский вопрос — не будет устранено; 3) чтобы рабочее движение тем самым развивалось бы еще дальше, и в частности в связи с воздействием неблагоприятной коммерческой конъюнктуры, которая наверняка последует за теперешним периодом процветания. Тогда следующий парламент сможет насчитать в своих рядах 20—40 рабочих представителей и, конечно, иного типа, нежели Поттер, Кример и К^о.

Самое отвратительное здесь, — это всосавшаяся в плоть и кровь рабочих буржуазная «респектабельность». Социальное расчленение общества на бесчисленные, бесспорно всеми признанные, градации, из которых каждая в отдельности имеет свой «гонор» и проникнута врожденным ей чувством уважения к «лучшим» и «высшим», столь старо и столь устойчиво, что надувать массы для буржуазии не представляет большого труда. Я, например, далеко не уверен, что Джон Бернс гордится в душе более своею популярностью среди своего класса, чем своею популярностью у кардинала Маннинга, лорд-мэра и вообще у буржуазии. А Чемпион — лейтенант в отставке — еще много лет тому назад вел какие-то делишки с буржуазными и, главным образом, консервативными элементами, а на поповском церковном съезде проповедывал социализм и т. д. И даже сам Том Мэн, которого я считаю среди них самым лучшим, и тот любит рассказывать о том, как он будет завтракать у лорд-мэра. И лишь при сопоставлении их с французами убеждаешься, до чего в этом отношении благотворно влияет революция. Впрочем, буржуа мало выиграют, если им и удастся заманить в свои сети несколько вождей. К тому времени движение настолько окрепнет, что это будет побеждено.

Четвертое издание готово и находится в печати. Раппопорт направлен к Каутскому. При таком ужасном имени поневоле будешь способен на всякую глупость.

Гепнерхен такой умный, такой беспристрастный (в своих собственных глазах) и при этом столь непрактичный человек (то, что евреи называют Schlemihl — неудачник от рождения), что я удивляюсь, как он у вас там давно уж не сел в лужу. Жалко паренька, но ничего не поделаешь.

«Time» куплен теперь Баксом, и с Эвелингом, кажется, все улажено. Однако все зависит от того, что Бакс сделает из этого журнала. При всем его таланте и добрых намерениях на него все же нельзя положиться, — это кабинетный ученый, пустившийся в журналистику и вследствие этого слегка утративший равновесие. К тому же у него еще дурацкая идея о том, что мужчины в наше время порабощены женщинами.

Твой список статей Маркса в «Tribune» погребен, вероятно, под горою писем, неприведенных в порядок. Вырезки статей из «Tribune» у меня имеются, но полностью ли — этого я в настоящий момент сказать не могу. Я нашел их снова лишь осенью.

Абсолютно между нами! Я теперь лишь узнал, будто жена Шлютера перед своим отъездом отсюда сказала, что Каутский якобы выжил Шлютера с места. Если она говорит что-либо подобное там, то это совершенная ложь. Шлютер сам *добровольно отказался здесь от места*, и отказ был принят фракцией в Германши. У него произошла личная ссора с Моттелером, с которым вообще никто не может поладить, но который ввиду своей общепризнанной абсолютной надежности в денежных делах является весьма ценным лицом для партийного руководства. Если в этом случае Эде Бернштейн не поддержал Шлютера в той мере, как последний на это рассчитывал, то это отчасти вина Эде, а отчасти вина *самого Шлютера*. О Каутском в качестве заместителя Шлютера в Архиве зашла речь лишь *после того, как Шлютер отказался* от работы. Я не стал бы надоедать тебе этими сплетнями, но думаю, что теперь это необходимо тебе знать.

Две недели тому назад получил длинное письмо от Сэма Мура. Он находит местность здоровой, местоположение очень красивым, общество сносным, выписывает массу журналов, но, повидимому, снова с удовольствием предвкушает предстоящий в 1891 г. шестимесячный отпуск в Европу.

В Германии дела идут великолепно. Вильгельмхен оказался еще лучшим агитатором, чем Бисмарк; в рурских горняках мы можем быть уверены так же, как и в саарских; Эльберфельдский процесс¹ своими разоблачениями агентов полиции тоже помогает нам. Во Франции в нашей парламентской фракции теперь восемь человек, *из них пять делегатов марксистского конгресса в Париже*; Гэд — их секретарь и подготавливает для них речи. Снова имеются виды

¹ Процесс в Эльберфельде начался 18 ноября 1889 г. См. письмо Энгельса А. Бебелю от 23 января 1890 г.

на ежедневную газету. Решения конгресса фракция внесет в парламент в виде законопроекта. Всюду идут приготовления к 1 мая 1890 г. В Австрии тоже все очень хорошо. Адлер великолепно привел все в порядок; с анархистами там покончено.

Я тоже чувствую себя хорошо, глазам лучше; и если так будет продолжаться до конца января — до окончания периода туманов и коротких дней — я снова смогу усиленной работать. Тусси посвящает много времени стачке в Сильвертауне, которая давно уже окончилась бы, если бы Бернс и К^о не пренебрегали ею.

Сердечный привет твоей жене.

Твой Ф. Э.

99.

Конраду Шмидту
в Берлин.

Лондон, 9 декабря 1889 г.

Дорогой Шмидт,

Большое спасибо за Ваше письмо от 10 ноября. Очень рад слышать, что Вы так быстро подвигаетесь вперед на журналистском поприще; позаботьтесь только о хорошей оплате, иначе это половина дела. Журналистика — в особенности для нас, немцев, всегда несколько неповоротливых по натуре (почему евреи и «обогнали» нас в этой области), — очень полезная школа: благодаря ей становишься более гибким во всех отношениях, лучше узнаешь и оцениваешь свои собственные силы и, главное, привыкаешь делать определенную работу в определенный срок. Но, с другой стороны, та же журналистика толкает к поверхностности, потому что привыкаешь наспех справляться с такими вопросами, о которых сам знаешь, что полностью ими еще не овладел. Кто, однако, подобно Вам, обладает настоящим научным чутьем, тот сохранит при этом и способность различать работу, блестящую по форме, но рассчитанную на данный момент и составленную только с помощью оказавшихся под рукой пособий от научного труда, тщательно выполненного, но внешне, быть может, менее блестящего; хотя и оплата обыкновенно бывает обратно пропорциональна действительной ценности.

Как только Вы завоюете себе положение в журналистике, Вам следовало бы попытаться наладить связи, которые позволят Вам снова приехать на два-три года в Лондон. Для изучения экономических вопросов это ведь почти единственно подходящее место. Как ни благоприятно развилась за последние 25 лет наша немецкая

промышленность, мы все же плетемся по обыкновению в хвосте за другими. Крупные отрасли производства захватила Англия, производство предметов роскоши — Франция; наша промышленность могла поэтому обратиться к производству — для экспорта — почти исключительно таких изделий, которые, как я однажды выразился в парижской «*Égalité*»¹, «слишком мелки для англичан и слишком грубы для французов». Отсюда то удивительное явление, что нынешний промышленный подъем проявляется у нас, главным образом, в *уменьшении* вывоза; дело в том, что при росте внутреннего потребления фабриканты могут продавать больше товаров внутри страны по протекционным монопольным ценам и поэтому сбывают меньшее количество товаров за границу по бросовым ценам. Поэтому все экономические явления у нас выступают, во-первых, вторично и, во-вторых, в форме, искаженной протекционистской системой; они представляют собою, таким образом, всегда лишь особые случаи, и только в виде исключения можно ими пользоваться как примерами для иллюстрации всеобщих законов и фазисов развития капиталистического производства, предварительно очистив их как следует от второстепенных обстоятельств. Свобода торговли более чем когда-либо делает сейчас Англию той классической почвой, на которой следует изучать эти законы, тем более что Англия, абсолютно все еще увеличивающая свое производство, относительно, по сравнению с другими странами, безусловно идет к упадку и быстро приближается к тому, чтобы разделить судьбу бывшего могущества Голландии. Но упадок английской промышленности совпадает, по моему мнению, с хаосом в капиталистическом производстве вообще. И хотя Германия почти несомненно станет той почвой, на которой произойдет окончательный бой, однако исход его будет зависеть, вероятно, от Англии.

Потому-то и хорошо, что как раз теперь и здесь движение началось по-настоящему, и задержать его, как мне кажется, уж невозможно. Рабочие слои, вступающие теперь в движение, гораздо многочисленнее, энергичнее, сознательнее, чем старые трэд-юнионы, составлявшие лишь аристократию рабочего класса. Теперь повеяло совсем иным духом. Тогда как старики все еще верят в «гармонию», молодые высмеивают всякого, кто толкует о тождестве интересов капитала и труда. В то время как старики отрещиваются от каждого социалиста, молодые решительно не желают никаких других

¹ Речь идет о статье Ф. Энгельса «*Le socialisme de M. Bismarck*» («Социализм г-на Бисмарка»), опубликованной в «*L'Égalité*» №№ 7, 10 от 3 и 24 марта 1880 г. См. Соч. Маркса и Энгельса, т. XV, стр. 484—492.

вождей, кроме открытых социалистов. В этом отношении у меня великолепный источник информации в лице Тусси, которая с головой ушла в это движение.

Повторяю, постарайтесь снова вернуться сюда. Имея несколько корреспонденций и работы для «*Neue Zeit*», брауновского «Архива» и двух-трех других журналов, Вы смело можете рискнуть. Все мы, а я в особенности, будем рады снова увидеть Вас здесь.

Сэм Мур сейчас в Африке, в Асабе на Нигере, председателем суда на территории Нигерской компании. Он уехал в середине июня; пишет, что очень доволен, находит местность здоровой и общество сносным. Будем надеяться, что он мирно почивает в объятиях какой-нибудь негритянки.

В общем здесь все приблизительно по-старому. Эвелинг со своими драматическими опытами идет, повидимому, в гору; последняя его пьеса, поставленная две недели тому назад, имела успех. Швейцарские изгнанники мало-помалу привыкают к обстановке. С 1 января начнет выходить ежемесячник «*Time*» под редакцией Бакса.

С сердечным приветом

Ваш Ф. Энгельс.

100.

Герсону Триру
в Копенгаген.

Лондон, 18 декабря 1889 г.

Черновик.

Дорогой господин Трир,

Большое спасибо за Ваше интересное сообщение от 8-го.

Если уж высказать Вам свое мнение по поводу последнего копенгагенского лицедейства, разыгранного для почтеннейшей публики¹, жертвой которого Вы стали, то я начну с того пункта, в котором я с Вами не согласен.

Вы принципиально отвергаете решительно всякое, даже кратковременное совместное выступление с другими партиями. Я в достаточной мере революционер, чтобы при обстоятельствах, когда это является более выгодным или наименее вредным, не зарекаться абсолютно также и от этого средства.

¹ Речь идет об исключении Трира и двух его товарищей из социал-демократической партии за критику оппортунистического руководства, вступившего в блок с буржуазными лево-радикальными партиями.

У нас нет разногласий в том, что пролетариат не может завоевать своего политического господства — единственную дверь в новое общество, без насильственной революции. Для того чтобы пролетариат в решающий момент оказался достаточно сильным и мог победить, необходимо — Маркс и я отстаивали эту позицию с 1847 г., — чтобы он образовал отдельную от всех других партий, противостоящую им самостоятельную классовую партию.

Но это не значит, что эта партия не может в тот или иной момент использовать в своих целях другие партии. И это точно так же и в еще большей степени не значит, что она не может временно поддерживать другие партии в борьбе за мероприятия, которые либо непосредственно выгодны пролетариату, либо представляют собой шаг вперед в направлении экономического развития или политической свободы. Того, кто действительно борется в Германии за уничтожение майоратов и других остатков феодализма, кто борется против бюрократии, покровительственных пошлин, законов против социалистов, против ограничения права собраний и союзов, — того я стал бы поддерживать. Если бы наша немецкая прогрессивная партия или Ваша датская левая (Venstre) партия были действительно радикально-буржуазными партиями, а не состояли бы просто из жалких болтунов, которые при первой угрозе Бисмарка или Эструпа прячутся в кусты, то я ни в коем случае не был бы *безусловно* против решительно любого кратковременного совместного выступления с ними для достижения определенной цели. Когда наши депутаты голосуют за предложение, внесенное другой стороной, а ведь это им приходится делать довольно часто, то ведь и это уже является совместным выступлением. Но я за это лишь в том случае, если та выгода, которая представляется непосредственно для нас или для исторического развития страны по пути к экономической и политической революции, неоспорима и стоит того, чтобы ее добиваться, и все это при условии, если пролетарский классовый характер партии тем самым не ставится под вопрос. И только при таких условиях. Вы найдете изложение этой политики уже в 1847 г. в Коммунистическом Манифесте, мы проводили ее в 1848 г., в Интернационале, повсюду.

Оставляю в стороне вопрос морали — об этом пункте здесь речи нет, и я его поэтому обхожу, — для меня как революционера пригодно всякое средство, ведущее к цели, как самое насильственное, так и то, которое кажется самым мирным.

Такая политика требует проницательности и стойкости, но какая же политика этого не требует? Она подвергает нас опасности

коррупции — говорят анархисты и друг Моррис. Да, если рабочий класс представляет собой общество глупцов, безвольных людей и просто-напросто продажных негодяев, тогда самое лучшее нам сейчас же убираться во-свояси, тогда пролетариату и всем нам нечего делать на политической арене. Пролетариат, как и все другие партии, быстрее всего учится на последствиях своих собственных ошибок, и никто от этих ошибок не может его полностью уберечь.

Следовательно, Вы, по моему мнению, неправы, поднимая вопрос, прежде всего чисто тактический, на высоту принципиального. Для меня в основном здесь существует лишь тактический вопрос. Но тактическая ошибка при известных обстоятельствах может кончиться принципиальным разрывом.

И здесь Вы, насколько я могу судить, правы, выступая против тактики Правления. Датская левая уже давно разыгрывает недостойную оппозиционную комедию и без устали демонстрирует снова и снова перед всем миром свое собственное бессилие.

Она давно упустила случай, — если он когда-либо представлялся, — с оружием в руках покарать нарушителей конституции, и, как видно, все большая и большая часть этой левой стремится к примирению с Эstrupом. С такой партией, мне кажется, действительно пролетарская партия не может идти вместе, не лишаясь на продолжительное время своего собственного классового характера как рабочей партии. Поскольку Вы, таким образом, в противовес этой политике выдвигаете классовый характер движения, я могу с Вами лишь согласиться.

Что же касается образа действий Правления по отношению к Вам и Вашим друзьям, то такого рода огульное исключение оппозиции из партии, правда, происходило в тайных обществах в 1840—1851 гг., но тайная организация делала такое исключение неизбежным. Оно происходило, далее, и довольно часто, у английских чартистов, сторонников физической силы, при диктатуре О'Коннора. Но чартисты были партией, организованной для непосредственной атаки, как показывает уже само название, поэтому они подчинялись диктатуре, и исключение являлось военным мероприятием. Напротив, в мирное время мне известен подобный произвольный образ действий только у лассальянцев из швейцеровской «вышколенной организации»; Швейцеру это было необходимо в силу его подозрительных отношений с берлинской полицией, и этим он лишь ускорил дезорганизацию Всеобщего германского рабочего союза. Из ныне существующих социалистических рабочих партий, конечно, вряд ли какой-нибудь партии пришлось бы в голову, — после того как

г. Розенберг в Америке сам благополучно устранился, — обращаться с возникающей в ее собственных недрах оппозицией по датскому образцу. Жизни и росту каждой партии обычно сопутствует то, что в ее недрах развиваются и борются друг с другом более умеренное и более крайнее направления, и тот, кто без дальнейших особенностей исключает более крайних, содействует только их росту. Рабочее движение основано на острейшей критике существующего общества. Критика является его жизненной стихией, как же может оно само избежать критики, стремиться запретить споры? Неужели же мы требуем от других свободы слова для себя только для того, чтобы уничтожить ее в наших собственных рядах?

Если бы Вы пожелали *полностью* опубликовать это письмо, то я ничего не имел бы против.

Искренне Ваш

101.

Наталии Либкнехт

в Лейпциг.

Лондон, 24 декабря 1889 г.

Дорогая госпожа Либкнехт,

Прежде всего сердечно благодарю Вас и Вашего сына за любезное поздравление ко дню моего рождения. Мы провели этот день очень весело, сидели все вместе до поздней ночи и убили сразу двух зайцев, так как на следующий день — день рождения Эвелинга, который мы тут же и отпраздновали.

Мы очень рады были узнать, что у Вас все здоровы. У нас тоже все более или менее благополучно, только Ним сильно простудилась, и ее замучил ревматизм. Впрочем, при нашем климате этого трудно избежать, — и, пока не становится уж очень скверно, на это не жалуются.

У Рошеров тоже все благополучно за исключением папы — Перси, который в прошлое воскресенье так сильно простудился, что едва не схватил воспаления легких. Но ему уже лучше. Все-таки болезнь испортила ему праздники, так как завтра придется сидеть дома. К тому же у Пумпс сейчас нет прислуги. Последняя сбежала две недели тому назад, когда Пумпс с детьми уходила из дома. Вернувшись, Пумпс нашла квартиру пустой и запертой, а так как у нее не было с собой ключа, то вся компания явилась ко мне, чтобы дожидаться Перси, без которого они не могли

попасть домой. Вы видите, что и здесь случаются всякие мелкие неприятности.

Завтра вечером у нас соберется большое общество, если Пумпс с детьми сможет притти. Кроме них будут Моттелеры, Фишеры, Бернштейны и, конечно, Эвелинги, а Шорлеммер здесь уже со вчерашнего дня. Соберется как раз столько народу, сколько может при изрядной тесноте поместиться за столом. Ним уже принялась готовить и печь, а рождественские пуддинги приготовлены уже неделю тому назад. Это ужасная работа, и все это только для того, чтобы вызвать несварение желудка. Но таков обычай, и ему приходится подчиняться. Будет все-таки весело, даже если на второй день праздника и останутся с похмелья кое-какие неприятные последствия.

Со времени забастовки в доках Тусси, день и ночь работавшая в Комитете, — вся организационная работа проведена там тремя женщинами, — с головой окунулась в стачечное движение. Одновременно со стачкой в доках вспыхнула и небольшая стачка в Сильвертауне¹, на окраине в восточной части Лондона. Бастовало около 3 000 человек. Тусси принимала в этих стачках самое активное участие, создала профессиональную организацию девушек; каждое утро выезжала туда. Но через три месяца стачка окончилась поражением. Теперь она занята стачкой рабочих газовых предприятий в южной части Лондона; выступала в воскресенье в Гайд-Парке. Но это всю ее не поглощает, и у нее остается много свободного времени. Она и Эвелинг работают помощниками редактора в редакции ежемесячника, который Бакс с 1 января взял в свои руки; и там работы достаточно. Кроме того, она секретарь двух женских профессиональных организаций.

Вчера я получил также письмо от Либкнехта. Поблагодарите его, пожалуйста, от моего имени, ведь он завтра, вероятно, будет у Вас. Мы с болью душевной ждем приговора по Эльберфельдскому процессу. Я давно уже потерял последние остатки доверия к прусским судьям. Только бы еще и Бебеля не засадили.

У парижан, кажется, будет, наконец, снова ежедневная газета, но я так часто бывал обманут в этих своих надеждах, что не поверю этому, пока не увижу ее своими собственными глазами. Наша французская фракция, состоящая из восьми человек, пока недурно работает и обнаруживает поразительную дисциплину, в особенности, если

¹ Стачка рабочих, производящих подводные кабели и резиновые изделия. Она продолжалась с 19 сентября по 9 декабря.

учесть, что здесь сошлись люди со всех концов Франции, которые в большинстве случаев друг друга не знают.

Итак, дорогая госпожа Либкнехт, желаю счастья к новому году и веселых праздников Вам, Либкнехту, Теодору и всем остальным детям, не забудьте и госпожу Гейзер. От Шлютеров я получил вчера письмо, у них, кажется, все благополучно.

Сердечный привет от Ним, Рошеров и от меня.

Искренне Ваш

Ф. Энгельс.

102.

Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Лондон, 30 декабря 1889 г.

Дорогой Кугельман,

С новым годом!

Спасибо за рецепт для глаз, хотя он и оказался для меня слишком слабым. В прошлом году и до минувшего августа я употреблял кокаин, а когда он стал слабее действовать (вследствие привычки), то стал применять — $ZnCl_2$, действующий превосходно. Если теперешние короткие дни пройдут для меня благополучно, — последний день здесь падает на 28 декабря, а со вчерашнего утра у нас непрерывная ночь, — то самое тяжелое время останется позади.

Сердечный привет.

Твой Ф. Э.

1890 год.

103.

Сергею Степняку (Кравчинскому)

в Лондон.

Лондон, 3 января 1890 г.

Дорогой Степняк!

Я должен послать Вам свою статью. Верните мне, пожалуйста, как можно скорее немецкий оригинал, чтобы я мог написать вторую статью ¹.

Как часто будет выходить Ваш журнал? ²

Поздравляю с новым годом Вас, госпожу Степняк и всех друзей.

Всегда Ваш

Ф. Энгельс.

104.

Герману Энгельсу

в Энгельскірхен.

Лондон, 9 января 1890 г.

Дорогой Герман,

Сердечно благодарю за поздравления и, в свою очередь, шлю вам свои наилучшие пожелания. Меня радует, что всем вам хорошо живется, да и я тоже не могу пожаловаться. За последний год я прибавился в весе, и мой вес снова 168 английских фунтов — это с давних пор было для меня почти максимумом — причем все это здоровые, крепкие мускулы, а не дряблый жир. Зрение мое тоже улучшается. Период туманов и коротких дней обычно был для меня

¹ Речь идет о статье Ф. Энгельса «Иностранная политика русского царства», опубликованной в «Социал-Демократе» (Женева) №№ 1, 2 за 1890 г. См. Соч. Маркса и Энгельса, т. XVI, ч. II, стр. 3—40, «Внешняя политика русского царизма».*

² «Социал-Демократ» (Женева).

критическим и мне всегда становилось хуже, но на этот раз я перенес его легче, чем в предыдущие годы, надеюсь поэтому, что скоро опять смогу все время посвящать работе. Даже врачи не хотят верить, что мне семьдесят лет; они утверждают, что я выгляжу лет на десять — пятнадцать моложе. Конечно, судя лишь по внешности, а внешность бывает обманчива, так же как и у меня, она скрывает разные мелкие изъяны, а из множества мелочей образуется нечто весьма чувствительное. Но в общем мне жаловаться не приходится, и когда я вижу, как многие портят себе жизнь положительно из-за пустяков, абсолютно без всяких оснований, то я считаю себя счастливым, потому что сохранил непоколебимую бодрость духа и смеюсь над всякой ерундой.

Но теперь, пожалуй, ты уже достаточно узнал о моей драгоценной особе, и мне кажется, что пора прекратить разговор об этом.

Извещение о мальчиках я своевременно получил и тут же в полном одиночестве осушил добрую кружку пива за здравие новых компаньонов¹. Вы очень разумно поступили, сделав их своими компаньонами; ведь на них лежала и основная работа и главная ответственность, когда никого из вас не бывало в Энгельскирхене. Когда их официальное положение в деле будет соответствовать их фактическому положению, у них появится другой стимул для работы. Теперь я советую тебе и Рудольфу использовать вполне заслуженный вами досуг для того, чтобы побольше бывать в движении на свежем воздухе, а летом предпринять путешествие (вы, конечно, не забудете и об осенней охоте). Увидите тогда, как это прибавит вам бодрости.

Из извещения я узнал, что умер Фриц Беллинг, то бишь Август Беллинг. Я думаю, что в его смерти повинен и Фриц Остеррот. Август Беллинг был довольно-таки болезненным пареньком, а дотянул все же до 80 лет; хотя в последнее время он, конечно, многого не мог уже себе позволить. Вот чего умеют добиваться такие люди, мы же, более здоровые, а на старости лет все еще горим, подхватываем какую-нибудь чепуху и гибнем от нее. Но и это тоже неплохо и имеет свои достоинства. Во всяком случае, у тебя то преимущество, что через два-три года ты вырастишь своего собственного доктора; тогда ты сможешь отдать свое тело на его попечение и снять с себя всякую ответственность.

Надеюсь, что новогодняя пирушка принесла Эмме такую же пользу, как мне те многочисленные немецкие пирожки, которые

¹ Герман, Мориц и Эмиль Энгельсы — племянники Ф. Энгельса — были приняты компаньонами в фирму «Эрмен и Энгельс».

я поедал в течение трех недель, кроме обязательного плум-пуддинга, пирожков с мясом и т. д. Дело в том, что у нас теперь газовая плита, так как наша старая печка больше не годится, а хозяин дома новой печи не поставил, — этот переход от трудной стряпни к легкой вызвал в моей старой эконолке настоящий кулинарный энтузиазм, плоды которого я принужден теперь вкушать.

Так называемая инфлуенца, которая как будто представляет собою нечто совершенно иное, чем наш старый, всем известный грипп, распространяется здесь все больше и больше, и многие из моих знакомых уже подхватили ее. В прошлое воскресенье у меня обедал один англичанин, который настолько напуган, что постоянно носит в кармане пузырек хинина с аммиаком. Из этого пузырька он пил за обедом! На здоровье! — но я скорее предпочел бы заболеть гриппом, чем хлебать эту горькую вонючую смесь в промежуток между жарким и овощами и портить себе вкус хорошего вина!

Ну, будьте все здоровы и веселы. Сердечный привет Эмме, детям, семье Рудольфа и тебе самому.

Твой старый

Фридрих.

105.

Герману Шлютеру

в Нью-Йорк.

Лондон, 11 января 1890 г.

Дорогой Шлютер,

Сердечно благодарю тебя и твою жену за ваши дружеские пожелания. Искренне отвечаем вам тем же. Твое письмо от 1 июля я своевременно получил, так же как и «Commonwealth» с Марксом в виде исполинского дерева, вокруг которого расположились обитатели нового коммунистического Иерусалима. Получил также и статью о Г. Веерте, но, к сожалению, только № 1 без окончания.

Относительно Рида я поручил Тусси, переслав ей твоё письмо, чтобы она сделала запрос у Чемпиона («Labour Elector»), но до сегодняшнего дня ответа еще не получил. Люди здесь страшно медлительны во всем, что их непосредственно не интересует, и притом у них работы по горло; возможно, что завтра я кое-что узнаю от Тусси и тогда сообщу тебе ближайшей почтой.

Проект путешествия Джона Бернса в ваши края кажется мне очень сомнительным. Он вряд ли может уехать отсюда, не рискуя

очистить место для своих конкурентов. Кроме того, он обязан присутствовать на заседаниях Совета графства¹, так как только он один является там представителем от рабочих.

Бурный поток рабочего движения прошлого лета постепенно стихает. Но лучше всего то, что испарилась бессмысленная симпатия буржуазной сволочи к рабочему движению, как это было во время стачки портовых рабочих; эта симпатия начинает уступать место гораздо более естественному чувству недоверия и беспокойства. Во время стачки рабочих газовых предприятий в южном Лондоне, насильно навязанной рабочим газовой компанией, рабочие снова оказались совершенно покинутыми всеми этими филистерами. И это очень хорошо, я хотел бы только, чтобы Бернс сам убедился в этом на собственном опыте, когда он, например, сам будет руководить какой-нибудь стачкой, а то он создает себе на этот счет всякие иллюзии.

При этом дело не обходится без всевозможных трений, — как, например, между рабочими газовых предприятий и докерами, — но как можно было ждать иного. Тем не менее массы пришли в движение, и их уже больше не остановить. Чем дольше будет продолжаться застой, тем с большей силой прорвется движение. Эти неквалифицированные рабочие совершенно другие люди, чем педанты чинуши из старых трэд-юнионов: у них нет и следа старого духа формализма, цеховщины, как, например, в союзе машинистов. Наоборот, их всеобщий лозунг — организация всех трэд-юнионов в единое братство для непосредственной борьбы с капиталом. Вот например: во время стачки докеров в Коммерческих доках *три* машиниста поддерживали работу паровой машины. Бернсу и Мэну — оба они машинисты, а Бернс — член Исполнительного комитета трэд-юниона объединенных машинистов, предложили убедить этих людей прекратить работу, но все три машиниста отказались уйти. И Исполнительный комитет союза машинистов ничего против них не предпринял, а отсюда и продолжительность стачки. Далее, на резиновой фабрике в Сильвертауне стачка, продолжавшаяся 12 недель, тоже провалилась из-за машинистов, которые отказались принять в ней участие и даже, *вопреки* правилам своего союза, работали вместо забастовавших рабочих. В чем же тут было дело? Эти дураки, «чтобы приостановить наплыв рабочих», провели постановление, в силу которого в их союз допускается *лишь тот, кто прошел установленный срок обучения*. Этим они создали целую армию конкурентов, так называемых штрейк-

¹ См. примечание к письму Энгельса Ф. Зорге от 8 июня 1889 г.

брыхеров, людей такой же квалификации, как они сами. Те охотно вступили бы в союз, но вынуждены оставаться на положении штрейкбрыхеров и из-за такого педантизма, потерявшего всякий смысл, остаются вне союза.

Машинисты знают, что как в Коммерческих доках, так и в Сильвертауне эти штрейкбрыхеры тотчас стали бы на их место, поэтому они не бросают работу и становятся сами штрейкбрыхерами. Теперь ты видишь разницу: новые союзы выступают совместно. Во время теперешней стачки рабочих газовых предприятий матросы, пароходные кочегары, грузчики, угольщики и т. д. выступали вместе, а машинисты, конечно, снова к ним не примкнули; они продолжают работать!

Однако с этими старыми зазнавшимися крупными трэд-юнионами скоро будет покончено. Их главная опора — Лондонский совет трэд-юнионов, в котором *новые* союзы все больше и больше одерживают верх, и через два-три года самое большее революционизируется и конгресс трэд-юнионов. Уже на ближайшем конгрессе Бродгерстам здорово достанется.

В вашем американском социалистическом водовороте самое главное то, что вы вышвырнули Розенберга и К^о. Немецкая партия должна в Америке прекратить свое существование, это самое худшее препятствие в развитии движения. Американские рабочие уже выступили, но, как и англичане, они пойдут своим собственным путем. С ними начинать с теории нельзя, но их собственный опыт, их ошибки и печальные последствия этих ошибок, в конце концов, заставят их обратиться к теории, и тогда все будет прекрасно. Самостоятельные нации идут своим собственным путем, и из всех наций англичане и их отпрыски наиболее самостоятельные. Тупое упрямство, свойственное жителям островов, иной раз и раздражает, но оно в то же время порука тому, что раз начатое дело будет доведено до конца.

Я в общем чувствую себя очень хорошо, глазам моим стало, наконец, лучше, но больше трех часов в день (при дневном свете) мне все же писать нельзя. Ним тоже здорова. У Рошеров сперва заболел Перси, затем Пумпс. У Эвелинга инфлуенца. В Кентиш-Тауне ¹ все идет своим чередом, с неизменно повторяющимися нагоняями из Германии. Эде и его семья уже обжились здесь, Фишеры тоже.

Скажи Зорге, что на-днях он получит письмо. Но ты так долго ждал, что был первым. Сердечный привет твоей жене и тебе от Ним и твоего

Ф. Энгельса.

¹ Кентиш-Таун — северная часть Лондона, где жил Э. Бернштейн.

103.

Августу Бебелю

в Берлин.

Лондон, 23 января 1890 г.

Дорогой Бебель,

Поздравляю с оправдательным приговором в Эльберфельде¹, а также и с блестящим проведением процесса, что было достаточно ясно, несмотря на плохие отчеты. Не легко было пробиться через все преграды со свитой из 90 обвиняемых, среди которых был и Реллингоф и, наверное, еще кое-какие сомнительные элементы. Не думаю, чтобы г. Пинов захотел бы еще когда-либо увидеть тебя перед собой на скамье подсудимых. Положительно, этот субъект — наивысшее достижение прусско-немецкой прокуратуры. Он истолковывает законы совершенно так же, как Бисмарк конституцию и точно так же, как студент-корпорант разъясняет на пирушке сущность пивного «устава»: чем нелепее, тем лучше. У французских юристов — не говоря уж об английских — волосы встали бы дыбом.

Сегодня в Берлине, вероятно, уже снова обсуждается закон против социалистов. Мне кажется, ты прав (в своей статье в «Arbeiter-Zeitung»)²: чего Бисмарк не получит от нынешнего рейхстага, он получит от следующего; все прибывающая волна наших голосов переломит хребет всякой и всяческой буржуазной оппозиции. На этот счет я с Эде не согласен. Он и Каутский — оба питают некоторую слабость к «высокой политике» — думают, что на предстоящих выборах нужно добиваться антиправительственного большинства. Как будто среди буржуазных партий Германии еще возможно что-либо подобное! Прогрессисты исчезнут с отменой закона о социалистах; имеющиеся среди них буржуазные элементы перейдут к национал-либералам, а мелкие буржуа и рабочие отойдут к нам. Поэтому всякий раз, когда будет угрожать отмена закона о социалистах, буржуазные партии будут бить отбой. Да и в остальных вопросах Бисмарк всегда получит большинство; если в первый год они еще будут слегка

¹ На процессе в Эльберфельде (Германия), начавшемся 18 ноября 1889 г., обвиняемым, в том числе и Бебелю, инкриминировалась организация тайного общества и распространение нелегальной литературы. После речи прокурора слово было предоставлено Бебелю. Бебель произнес блестящую речь, которая разоблачила обвинителей. Процесс продолжался 6 недель. Было оправдано 43 человека, среди них также и Бебель, остальные приговорены к тюремному заключению со сроком от 14 дней до 6 месяцев.

² Корреспонденция А. Бебеля из Германии в «Arbeiter-Zeitung» № 3 от 17 января 1890 г.

ломаться, то на втором году он с ними справится; ведь с момента выборов они в продолжение пяти лет не предстанут перед своими избирателями! Если же Бисмарк протянет ноги или вообще выйдет из строя, то совершенно безразлично, кто будет сидеть в рейхстаге (я имею в виду буржуа, а не юнкеров); все они при перемене ветра одинаково способны оплевать своих вчерашних богов. Я не вижу никаких оснований к тому, чтобы *не* отплатить на этот раз прогрессистам за их гнусное поведение в 1887 г.¹ и не доказать им, что они держатся только нашей милостью. Решение Парнелла в 1886 г. о голосовании ирландцев по всей Англии против либералов и за тори, т. е. впервые с 1800 г. выступить не в качестве либерального голосующего стада, превратило за шесть недель Гладстона и либеральных лидеров в сторонников гомруля. И если еще можно как-нибудь использовать прогрессистов, то лишь доказав им воочию — на перебаллотировках — их зависимость от нас.

Самые выборы меня очень радуют. Немецкие рабочие опять покажут всему миру, из какой великолепно закаленной стали они выкованы. Возможно, что к вам в рейхстаг прибудет новый элемент: рабочие представители, еще не ставшие социалистами. Движение горняков показательно и для движения в Англии. Тот слой рабочего класса, который до сих пор был индифферентен и по большей части недоступен для агитации, теперь пробужден от летаргического сна борьбой за свои насущные интересы; буржуазия и правительство прямо толкают его на революционный путь, а при настоящем положении вещей и при условии, что мы не будем слишком спешить, он попадет в наши ряды. Здесь дело обстоит совершенно так же; только вместо одной могучей социалистической партии здесь в качестве представителей рабочих выступают расколотые внутри себя клики, руководимые большей частью литературными карьеристами или поэтическими слюнтяями. Но и здесь движение уже нельзя задержать, и именно эти устремляющиеся к нам массы скоро покончат с кликами и создадут необходимое единство. У нас этот новый элемент сделает выборы вдвойне интересными.

Только что получил твою гамбургскую речь², но смогу прочесть ее только после обеда.

¹ На выборах в рейхстаг в 1887 г. прогрессисты предпочли социалистам сторонников Бисмарка — так называемый «картель», в который входили консерваторы, имперская партия и национал-либералы.

² На предвыборном собрании Гамбургского избирательного округа А. Бебель как депутат в рейхстаг от этого округа произнес речь, которая имела большой успех.

Французы собирают деньги на ваши выборы; сомневаюсь, чтобы они собрали много. Основная задача — международная демонстрация.

Если не произойдет чего-либо непредвиденного, мир на этот год, повидимому, обеспечен благодаря гигантскому прогрессу техники, при котором каждое ружье нового образца, каждый новый сорт пороха и т. д. сдается в архив еще прежде, чем его успеет ввести у себя хотя бы только *одна* какая-нибудь армия, а также благодаря всеобщему страху перед теми колоссальными человеческими массами и колоссальными силами разрушения, которые будут теперь пущены в ход и о которых никто не может сказать заранее, как они будут действовать на практике; благодаря также французам, которые с таким треском провалили купленного Россией Буланже (Россия предоставила в его распоряжение 15 млн. франков) и тем самым уничтожили последние шансы на реставрацию монархии (потому что Буланже только для этого и был нужен). Но царь и русская дипломатия не любят ввязываться в дело, в котором они еще не вполне уверены; союз с республикой для них слишком ненадежен, орлеанская династия для этого пригоднее. К тому же затеянная здесь Гладстоном антитурецкая кампания в пользу его русских друзей совершенно не удалась, и так как Гладстон еще не у власти, а торийское правительство настроено решительно германо-австрофильски и антирусски, то царю-батюшке следует пока запастись терпением. Но, конечно, мы живем на заряженной mine, и одной искры достаточно, чтобы ее взорвать.

Парижская ежедневная газета наших друзей, о которой Либкнехт уже оповестил в немецкой печати, еще не родилась, родовые муки еще продолжают. В течение двух-трех недель вопрос, вероятно, разрешится. Во всяком случае, с тех пор, как у нас есть фракция в палате, дело приняло более благоприятный оборот, и со временем мы в Париже, вероятно, опять побьем POSSIBILISTОВ и буланжистов. В провинции из всех социалистов мы одни господствуем совершенно безраздельно.

Из Америки вам тоже едва ли удастся получить много денег. Это, в сущности, хорошо. *Настоящая* американская партия гораздо полезнее для вас и для всего мира, чем те гроши, которые вы получали, тем более что тамошняя так называемая партия, была вовсе не партией, а сектой, к тому же чисто немецкой сектой, ростком немецкой партии на чужой почве, и притом как раз ее специфически лассальянским устарелым элементом. Но теперь клика Розенберга свергнута, и тем самым устранено крупнейшее препятствие на пути развития в настоящую американскую партию.

Сердечный привет тебе и твоей жене.

Твой Ф. Э.

107.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 8 февраля 1890 г.

Дорогой Зорге,

Твое письмо от 14-го и две открытки о Германе Шлютере получил.

По-моему, от перехода ваших официальных социалистов к националистам¹ мы едва ли много потеряем. Если бы из-за этого распалась вся *немецкая* Социалистическая рабочая партия, мы только выиграли бы, но вряд ли обстоятельства сложатся так благоприятно. Действительно здоровые элементы, в конце концов, объединятся, и тем скорее, чем больше отойдет шлага; и этого будет достаточно, чтобы в тот момент, когда сами события двинут американский пролетариат вперед, они взяли на себя руководящую роль в силу своего теоретического и практического превосходства, — и ты тогда убедишься в том, что ваша долголетняя работа не пропала даром.

Ни там у вас, ни здесь, а теперь также и в угольных районах Германии нельзя содействовать развитию движения одними лишь проповедями. Для того чтобы прояснить сознание, нужны факты, а тогда уж движение пойдет более быстрым темпом, и быстрее всего, конечно, там, где часть пролетариата уже организована и теоретически развита, как например в Германии. Горняки принадлежат нам сегодня по необходимости потенциально: в Рурском бассейне движение быстро растет. За ним последуют Аахенская и Саарская области, затем Саксония, Нижняя Силезия и, наконец, поляки, говорящие на смешанном польско-немецком жаргоне, из Верхней Силезии. При положении, в котором находится наша партия в Германии, достаточно будет одного толчка, связанного с экономическими условиями самих горняков, чтобы вызвать в их среде неудержимое движение.

¹ Националистами назывались сторонники американского писателя Беллами. В 1887 г. он опубликовал свой социально-утопический роман «Looking backward 2000—1887» («Взгляд назад 2000—1887»), снискавший ему мировую известность. Роман написан под влиянием книги Бебеля «Женщина и социализм», однако все доводы и планы Беллами носят характер интеллигентско-буржуазных мечтаний. Во многих городах образовались «Клубы Беллами», переименованные в 1888 г. в «Националистические клубы». Эти общества объединились в партию националистов. Под национализмом Беллами понимал национализацию — обобществление промышленности и распределения. Партия националистов принимала слабое участие в политической жизни.

Здесь положение примерно такое же. Движение, которое теперь, по-моему, невозможно раздавить, началось стачкой докеров и вызвано необходимостью самозащиты. Но и здесь почва была настолько подготовлена агитацией в течение последних восьми лет, что рабочие, не будучи сами социалистами, выбирали себе руководителей только социалистов. Теперь они, сами того не замечая, вступают на теоретически правильный путь, их влечет на этот путь. Движение настолько окрепло, что оно, я думаю, без особенного ущерба перенесет неизбежные ошибки и их последствия, а также и трения между различными трэд-юнионами и их руководителями. Об этом подробнее ниже.

Я думаю, что так же обстоят дела и у вас в Америке. Шлезвиг-гольштинцев и их потомство в Англии и Америке одними поучениями не убедишь, — эта упрямая и высокомерная компания должна все испытать на собственном опыте. С каждым годом они все больше и больше обогащаются практикой, но они архиконсервативны именно *потому*, что Америка чисто буржуазная страна, не имеющая даже феодального прошлого и гордится своим чисто буржуазным строем, а потому-то они освободятся от хлама традиционных предрассудков только на собственном опыте. Итак, для того чтобы быть массовым, движение должно начаться с профессиональных союзов, *а поражения будут их вынуждать на дальнейшую борьбу*. Но как только будет сделан первый шаг за пределы буржуазного мировоззрения, движение быстро двинется вперед, как и все в Америке; все возрастающая волна движения подхлестнет обычно столь медлительных шлезвиг-гольштинских англо-саксов, а затем и пришлый элемент больше себя проявит. Я считаю настоящим счастьем распад специфически немецкой партии с ее лассальянством, с ее смехотворной теоретической путаницей и соответствующим этому самомнением. Лишь только будут устранены эти сектантские элементы, снова проявятся плоды вашей работы. Закон против социалистов был несчастьем не только для Германии, но и для Америки, куда перебрались последние невежды. Меня в Америке часто поражало множество встречающихся там подобных личностей, которые давно уже перевелись в Германии, но процветают за океаном.

А здесь снова буря в стакане воды. Ты, вероятно, читал скандальные истории в «Labour Elector» по поводу Парка — второго редактора «Star», прямо обвинявшего в какой-то местной газете лорда Истона в педерастии в связи со скандалами среди здешней аристократии! Статья была гнусная, затрагивающая только личные отношения и дело едва ли было политическим. Но она вызвала большой скандал,

«Star» его подхватил, спровоцировал Бернса, а Бернс вместо того, чтобы посоветоваться с Комитетом, напечатал в «Star» статью. В Комитете «Labour Elector» поднялась буря, все вооружились против Чемпиона, но каждый из них хочет пройти в парламент и соблюдает поэтому свои собственные интересы. Таким образом, не было принято никакого решения, быть может также и потому, что они не чувствовали за собой силы (Чемпион прошлой осенью заявил Тусси, что газета принадлежит Комитету, а он является лишь редактором по найму; но это едва ли соответствовало действительности); словом Бернс и Бейтман из-за этого дела ушли из Комитета, а Бернс также и из-за шовинистической статьи по поводу португальского скандала¹. На этой неделе весь Комитет исчез со столбцов газеты. Теперь Тусси тоже сообщила о своем отказе от работы Чемпиону, которому она до сих пор давала заметки о Франции, Германии, Бельгии, Голландии и Скандинавии (глупости об Испании, Португалии, Мексике и т. д. принадлежат Кеннингему-Грехему — экс-фермеру, очень славному, очень мужественному человеку, но с большой путаницей в голове).

Этот случай доказывает мне только, что Чемпион действительно брал деньги у тори и при открытии парламента должен был расквитаться как-нибудь за полученные суммы. Самую статью, по слухам, написал наш бывший друг по Гааге Мальтман Барри, которого считают здесь агентом тори и о котором Юнг, Гайндман и прочие распространяют удивительные, но совершенно лживые басни. Эти господа все ведут себя глупо, но Чемпион окончательно погубил себя, и на собрании его собственной Рабочей избирательной ассоциации его криками заставили сойти с трибуны, двое полицейских должны были взять его под защиту. Это, конечно, льет воду на мельницу Гайндмана, но я думаю, что обоим этим господам на этом деле крышка. Как дела пойдут дальше — посмотрим. Но движение не сойдет на-нет из-за этого так же, как и из-за поражения стачки рабочих газовых предприятий в южной части Лондона. Люди зазнались, им все давалось слишком легко, и теперь несколько пинков им не помешает.

В Париже наши все еще пытаются организовать ежедневную газету. POSSИБИЛИСТСКАЯ ежедневная газета «Parti Ouvrier», которую поддерживало правительство, провалилась; в этих господах больше не нуждаются.

«Time» Бакса — журнал самого обыкновенного буржуазного пошиба, и он до смерти боится сделать его социалистическим. Дальше

¹ Столкновения между англичанами и португальцами из-за Замбези в связи с посылкой португальцами своих войск в Африку в начале 1890 г.

так продолжаться не может, но с *чисто* социалистическим ежемесячником, в особенности по шиллингу за выпуск, пока ничего не выйдет. Как только там появится что-нибудь интересное, я тебе пришлю.

У нас здесь тоже свои националисты, фабианцы, благонамеренная банда, состоящая из «образованных» буржуа, которые пытались опровергать Маркса на основании гнилой вульгарной экономии Джевонса; она настолько вульгарна, что ее можно толковать как угодно, даже социалистически. Главная цель их, как и в Америке — обратить *буржуа* в последователей социализма и, таким образом, мирным и конституционным путем осуществить социализм. Они опубликовали об этом толстую книгу, написанную семью авторами¹.

Надеюсь, что твое здоровье не ухудшается, а привычка облегчает тебе работу.

С Перси Рошером у меня та же история, что у тебя с Адольфом, только еще хуже. Мальчишка со своей манией спекуляции окончательно сел в лужу. Его семья и я должны были пойти на соглашение с его кредиторами, а теперь он сидит здесь и ищет место. Не рассказывай только Шлютерам об этом, чтобы из этого не вышло сплетни.

Мое зрение, кажется, улучшается; я прибавился в весе на 10 фунтов; но зато из-за бессонницы я почти совершенно бросил курить и нахожу, что алкоголь время от времени вредно на мне отражается. Если бы мне на старости лет пришлось стать трезвенником, то это, действительно, было бы горькой иронией.

Сердечный привет твоей жене.

Твой Ф. Э.

Шорлеммеру тоже запрещено пить.

108.

Августу Бебелю

в Берлин.

Лондон, 17 февраля 1890 г.

Дорогой Бебель,

Карл Каутский передал, что вы собираетесь 20-го² вечером телеграфировать мне о первых результатах выборов, и поэтому я хотел бы сообщить тебе о существующих здесь правилах ночной

¹ «Fabian essays in socialism» («Фабианские исследования о социализме»). Книга издана Бернардом Шоу. Лондон, 1889 г.

² На 20 февраля 1890 г. назначены были выборы в германский рейхстаг.

доставки телеграмм, чтобы из-за вашей неосведомленности мы не получили бы телеграмму лишь на следующее утро. Эде, Фишер и Каутский полагают, что лучше всего телеграфировать *мне*: они все будут здесь в четверг вечером, вероятно придет и Юлиус Моттелер.

Подробности ниже, так как я еще жду ответа на свой запрос.

Мне приходится посылать вам одно поздравление за другим. Прежде всего поздравляю тебя с тонким чутьем, благодаря которому ты в своем предпоследнем письме в Вену предсказал указы молодого Вильгельма еще до их опубликования¹; а всех вас поздравляю с блестящей ситуацией, созданной для вас нашими противниками, — таких благоприятных условий накануне выборов никогда еще не бывало, — и с той новой ситуацией, которая, повидимому, начинает складываться в Германии.

Еще в большей мере, чем «благородный» Фридрих (я видел здесь, между прочим, его портрет, на котором у него совершенно такие же наследственно фальшивые гогенцоллерновские глаза, как и у его двоюродного дяди Вилли, сына принца Августа, брата Фридриха Вильгельма III), молодой Вильгельм издавна казался мне особенно подходящим для того, чтобы потрясти мнимо устойчивую систему в Германии, поколебать веру филистера в правительство и дворянство и вообще привести все в смятение и расстройство из-за своей жажды деятельности (в качестве новой метлы, которая чисто метет) и из-за своего властолюбия, которое неизбежно заставит его скоро вступить в конфликт с Бисмарком. Но что он проделает все это так быстро и блестяще, этого я никак не ожидал. Этого человека мы должны ценить на вес золота; ему-то уж нечего бояться покушений; застрелить его было бы не только преступлением, но и величайшей глупостью. В случае надобности, мы должны были бы организовать для него охрану против анархистских дурачеств.

Положение рисуется мне в следующем виде: христианско-консервативно-социальная партия в глазах Вильгельма одержала верх, а Бисмарк, будучи не в силах помешать этому, предоставляет молодому человеку полную свободу действий, чтобы тот основательно зарвался, а он, Бисмарк, мог бы потом выступить в роли спасителя

¹ 7 февраля 1890 г. в «Arbeiter-Zeitung» № 6 была опубликована корреспонденция А. Бебеля от 4 февраля, в которой он высказывал предположения об изменении политики правительства в области рабочего законодательства. Действительно, 4 февраля 1890 г. Вильгельм II издал два указа; первый предписывал Бисмарку созвать международную конференцию по вопросу рабочего законодательства; во втором — на имя министра труда — Вильгельм II выражал свое желание улучшить положение германского рабочего класса.

и обеспечить себя на будущее от повторения подобных историй. Поэтому Бисмарк хотел бы *наихудшего* состава рейхстага, который вскоре созрел бы для роспуска, а тогда он опять смог бы апеллировать к страху филистера перед угрожающим ростом рабочего движения.

При этом Бисмарк забывает только об одном, что с того момента, как филистер узнает о разногласиях между старым Бисмарком и молодым Вильгельмом, этот самый филистер ускользнет из-под его влияния. Бояться филистер будет попрежнему, даже больше, чем сейчас, именно потому, что он не будет знать, на кого ориентироваться. Трусливое стадо не будет уже больше *единым*, свой собственный страх *разгонит* его в разные стороны. *Доверие пропало*, и в таком виде как прежде, оно уже никогда не вернется.

Все уловки Бисмарка обречены на все больший и больший провал. Он хочет отомстить национал-либералам¹ за их отказ утвердить закон о высылке. Этим он уничтожает свою последнюю слабую опору. Он хочет перетянуть центр на свою сторону, но тем самым он ликвидирует его; католические юнкеры горят желанием соединиться с прусскими юнкерами, но в тот день, когда этот союз осуществится, католические крестьяне и рабочие (на Рейне буржуазия большей частью протестантская) откажут центру в своей поддержке. Этот взрыв центра будет наиболее выгоден нам, он в миниатюре для Германии то же самое, что для Австрии в большем масштабе уничтожение многонациональности: устранение этой партийной организации, основанной не только на чисто экономической базе, — существенный момент в прояснении сознания рабочих, до сих пор идеологически заблуждающихся.

Филистер не может больше верить в Вильгельмхена; ведь тот делает такие вещи, которые филистер не может не считать глупостью; он не может больше верить и в Бисмарка, потому что видит, что его всемогущество полетело к чорту.

Что из этой путаницы выйдет, принимая в расчет крайнюю трусость нашей буржуазии, сказать трудно. Во всяком случае, старое погребено навеки, и воскресить его больше нельзя, точно так же, как каких-нибудь вымерших животных. Жизнь снова забурлила — это все, что нам нужно. На первых порах вам будет лучше, но еще вопрос, не одержит ли, в конце концов, верх Путткамер со своим большим осадным положением. Впрочем, и это было бы успехом: это было бы последнее, самое последнее средство спасения — очень

¹ Национал-либералы — одна из влиятельных буржуазных партий; возникла в 1866 г. из правого крыла прусских прогрессистов. Национал-либералы представляли интересы крупной промышленной буржуазии.

печальное для вас на время его действия, — но в то же время это был бы канун нашей решительной победы. До тех пор, однако, еще не мало воды утечет.

При таких совершенно неожиданных благоприятных условиях предвыборной кампании я боюсь только, что мы получим *слишком много* мест. Всякой другой партии разрешается иметь в рейхстаге столько ослов и делать в их лице столько глупостей, сколько она может оплатить, и никто об этом и не побеспокоится. У нас же должны быть только гении и герои, иначе нас считают оскандалившимися. Но ничего не поделаешь, мы становимся большой партией и должны отвечать за последствия этого.

В Париже буланжисты опять победили. Это хорошо. Париж очень развращен расточительностью многочисленных жуиров-иностранцев и шовинизмом, основанном на великом прошлом этого города (шовинизмом не только общепарижским, но и специально парижским); рабочие там либо поссибилисты, либо буланжисты, либо радикалы; чем больше провинция растет за счет Парижа, — а это как раз и происходит, — тем лучше для дальнейшего развития. Провинция погубила не одно движение, исходившее из Парижа. Париж никогда не погубит движения, исходящего из провинции.

Итак, по поводу телеграммы: я сообщу на здешний центральный почтамт, чтобы на *этой неделе* все телеграммы доставлялись мне на дом в *любой* час ночи. Ваши телеграммы должны быть получены здесь до часу ночи, иначе они потеряют всякий смысл. Значит, если вы телеграфируете в четверг вечером до 11 час. 30 мин., то с учетом разницы во времени, на пересылку останется около часа с четвертью; телеграфировать позднее было бы бесполезно. Итак, в четверг вечером, *не позже* 11 час. 30 мин., из Берлина, Гамбурга, Эльберфельда Эде просит телеграфировать прямо сюда.

Если же до 11 час. 30 мин. в четверг вам еще нечего будет сообщить, то лучше телеграфируйте в пятницу около 12 или часа дня, тогда вы уже, наверное, будете что-нибудь знать, и может быть, *еще раз* в пятницу вечером около 10 или 11 часов; последнее, во всяком случае, желательно.

Далее: сообщайте только названия городов, в которых мы одержали победу или участвуем в перебаллотировках. Если в одном городе несколько избирательных округов, лучше всего писать так: *Гамбург*, т. е. Гбг — все три места; Гамбург один-два — Гбг I и II избирательный округ. Затем: сперва все победы, а потом все перебаллотировки, в которых мы участвуем. Например: победа — Берлин четыре, пять, шесть; Гамбург, Бреславль — один, Хемниц, Лейпциг,

Лейпцигский округ и т. д. Перебаллотировки три — Бреславль две, Дрезден одна, Лейпциг — город и т. д. А во *второй* телеграмме: *итого* столько-то побед, столько-то перебаллотировок.

Это сбережет деньги и время.

Сердечный привет и 1 200 000 голосов.

Твой Ф. Э.

109.

Вильгельму Либкнехту

в Дрезден.

Лондон, 9 марта 1890 г.

Дорогой Либкнехт,

Поздравляю тебя с получением 42 000 голосов, доставивших тебе пальму первенства в Германии. Если теперь опять какой-нибудь Кардорф, Хальдорф или еще какой-нибудь Юнкердорф посмеет перебить тебя своим окриком, ты сможешь ему ответить: Замолчите! Я один представляю столько же избирателей, сколько дюжина молодцов вроде вас!

Мы здесь постепенно отрезвляемся, хоть и без похмелья, после длительного опьянения победой. Я рассчитывал на 1 200 000 голосов и был признан всеми большим оптимистом; теперь, однако, оказывается, что я был еще слишком скромн. Наша молодежь вела себя великолепно, но это только начало, ей предстоят еще более тяжелые бои. Наши достижения в Шлезвиг-Гольштейне, Мекленбурге и Померании обеспечивают нам теперь огромные успехи среди сельскохозяйственных рабочих на востоке. Теперь, когда мы владеем городами и молва о наших победах проникает в отдаленнейшие помещичьи имения, мы можем зажечь в деревне такой пожар, который будет резко отличаться от коротких вспышек, происходивших 12 лет тому назад. В три года мы можем завоевать сельскохозяйственных рабочих, и тогда в наших руках будут основные полки прусской армии. Воспрепятствовать этому можно только беспощадной пальбой и жестоким террором. Это пока единственный пункт, на котором еще сходятся Вильгельмхен и Бисмарк. Для этого они воспользуются любым предлогом, и стоит лишь «пушкам» Путткамера ударить шрапнелью по улицам нескольких больших городов, как по всей Германии будет объявлено осадное положение, филистер опять испугается и станет слепо следовать по указке сверху, а мы будем парализованы на многие годы.

Этого мы не должны допускать. Мы не можем позволить сбивать себя с толку на нашем победоносном пути, мы не должны мешать

нашим врагам работать на нас. Я согласен с тобой, что в *данный момент* мы должны выступать, насколько возможно, мирно и легально и избегать предлогов для столкновений. Но без сомнения, твои филиппики против насилия в любой форме и при всяких обстоятельствах я нахожу неприемлемыми, во-первых, потому, что ни один противник тебе в этом все равно не поверит, — ведь не настолько же они глупы, — а, во-вторых, потому, что, по твоей теории, я и Маркс тоже оказались бы анархистами, так как мы никогда не собирались, подобно добрым квакерам, подставлять левую щеку, если бы кому-нибудь вздумалось ударить нас по правой. На этот раз ты, несомненно, хватил немного через край.

Я считаю, что Нивенгейс, пожалуй, не повинен в той статье, на которую ты отвечаешь. Кролль — вот тот забияка, который, как нам пишут, не оставляет тебя в покое; он, говорят, склочник первого сорта. Эти обитатели мелких государств — наш крест в международных делах; они предъявляют огромные претензии, требуют, чтобы с ними всегда обращались очень предупредительно, а сами позволяют себе любую грубость, постоянно чувствуют себя обойденными, потому что не всегда в состоянии играть первую скрипку. Вся канитель и грызня во время прошлого конгресса и до него произошли только из-за них — сначала швейцарцы, вообразившие, будто они смогут переманить поссибилистов, потом брюссельцы, а затем голландцы. Но теперь наша победа в Германии, может быть, одернет их немножко и позволит нам быть великодушными.

Сообщи мне, пожалуйста, заранее, когда ты намерен переплыть канал и приехать к нам. У нас свободна только одна комната, а весною ее иногда занимают — на пасхе, например, Шорлеммер; возможно также, что приедут Лафарги или Луиза Каутская, так что придется, пожалуй, принять кое-какие меры, чтобы сохранить ее для тебя.

Так как ты сообщаешь *специально свой дрезденский адрес*, я понял, что писать нужно туда.

«Nineteenth Century» наряду с «Contemporary Review» наиболее видные из здешних журналов, но так как я их всегда путаю, то смогу сообщить тебе подробности лишь позже, когда придут Эвелинги. Пока замечу только следующее: 1) требуй *хорошей* оплаты; 2) по действующему здесь праву отданная статья *принадлежит* журналу, и редакция при желании может внести в статью любые изменения, если ты заранее не оговоришь обратное. Я в подобных случаях ставлю условием: 1) что авторское право остается за мной; 2) никакие изменения не могут быть сделаны без моего прямого согласия.

Вечером. «Nineteenth Century» принадлежит г-ну Ноулсу; Гладстон пишет иногда в этом журнале и в «Contemporary», принадлежащем Перси Бентингу, к которому ты заходил с Шак. Больше нечего прибавить. Ноулс настоящий делец, так что будь осторожен.

Привет от Ним, Эвелингов, семьи Эде, д-ра Цадека и г-жи Ромм-Цадек; Пумпс и Перси тебе тоже кланяются, они все здесь.

Твой Ф. Э.

110.

Антонио Лабриола

в Рим.

Лондон, 30 марта 1890 г.

Черновик.

Многоуважаемый господин профессор,

Позвольте мне поблагодарить Вас за любезно присланные мне брошюры. Первую брошюру «О социализме» я прочел с большим интересом, вторую — «О философии истории» я тщательно просмотрю на будущей неделе, когда, надеюсь, у меня окажется немного свободного времени. Это та тема, которой издавна особенно интересовались и я и Маркс; поэтому новая работа, написанная в отечестве Вико ученым, основательно знающим и наших немецких философов, может рассчитывать на мое внимание. Беру на себя смелость послать Вам в благодарность свою небольшую работу о Фейербахе.

Кроме того, я чрезвычайно обязан Вам за Ваши любезные хлопоты по поводу П. Мартиньетти, которые, к общему удовольствию, уже увенчались первым большим успехом. Я переписываюсь с господином Мартиньетти с 1884 г. и внутренне убежден, что он неповинен в приписываемых ему деяниях, что он стал жертвой подлой интриги¹. При случае поблагодарите, пожалуйста, от моего имени господина адвоката Лоллини за его усердную, талантливую и успешную защиту Мартиньетти. Надеюсь, что благодаря великодушному вмешательству вас обоих удастся защитить его от незаслуженного позора и разорения.

Простите, что пишу Вам по-немецки, но так как за последние годы мне очень редко приходилось пользоваться Вашим прекрасным языком, то я, к сожалению, сильно отстал в своих познаниях и поэтому не решаюсь коверкать итальянский язык перед таким мастером.

С глубоким уважением преданный Вам

Ф. Э.

¹ Мартиньетти обвинялся в 1888 г. в уничтожении документов и похищении денег.

III.

Карлу Каутскому
в Штуттгарт.

Лондон, 1 апреля 1890 г.

Дорогой Каутский,

Я только что получил номер русского «Социал-Демократа» и прочел свою статью¹. Сравнивая ее с текстом, опубликованным в «Neue Zeit», я обнаружил, что г. Дитц имел наглость произвести без спросу ряд изменений в различных местах, *не подчеркив их даже красными чернилами*. Ни к одному из этих мест нельзя придаться с точки зрения уголовного кодекса и ни одно из них не может возбудить подозрений с точки зрения закона против социалистов, все же они оказались слишком сильными для филистерской души.

А ведь я был лоялен до пределов возможного, помог ему придать статье безопасный вид, насколько это вообще возможно. Но подобной цензуры за моей спиной я не разрешу ни одному издателю. Поэтому я сейчас же пишу Дитцу и *категорически запрещаю* ему печатать остальную часть статьи без просмотренной мною корректуры, и притом *слово в слово*. Как я буду действовать дальше, видно будет. Но во всяком случае Дитц лишает меня возможности сотрудничать в журнале, в котором подвергаешься такому обращению.

Твой Ф. Энгельс.

III.

Иоганну Дитцу
в Штуттгарт.

Лондон, 1 апреля 1890 г.

Господину И. Г. В. Дитцу в Штуттгарте.

Я только что убедился, что Вы без моего согласия и без согласия редакции позволили себе внести различные изменения в мою статью о русской политике. К этим изменениям Вас не обязывают ни статьи уголовного кодекса, ни закон против социалистов.

Я в этом деле вел себя по отношению к Вам, насколько возможно, лояльно. Я просил Каутского, чтобы он предложил Вам в корректуре подчеркнуть все те места, которые покажутся Вам предосудительными; многие из подчеркнутых мест я тогда изменил и поручил просить Вас, в случае если Вы сочтете желательным дальнейшие

¹ Речь идет о статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма».

изменения, сообщить об этом, указав причины. Так как дальнейших заявлений не последовало, то я мог рассчитывать, что статья будет напечатана без изменений.

Вместо этого Вы изменяете места, которых даже не подчеркивали.

Так как я не привык к такого рода отношению к себе со стороны издателей, то *настоящим письмом я запрещаю Вам печатать конец статьи, если она не будет соответствовать слово в слово исправленной мною корректуре*. Я оставляю за собой право предпринять все прочие меры, которые сочту нужными.

Само собой разумеется, что в будущем я поостерегусь писать для журнала, в котором подвергаешься подобному обращению.

Преданный Вам

Ф. Энгельс.

113.

Вере Засулич
в Женеву.

Лондон, 3 апреля 1890 г.

Дорогая гражданка,

Сейчас же по получении Вашего письма я передал Степняку конец статьи (корректуру)¹, и так как корректура местами была несколько искажена, я передал также соответствующую часть рукописи для сверки. Надеюсь, что Вы все уже получили.

Степняк передал мне также экземпляр журнала², за который я Вам очень благодарен; предвкушаю большое удовольствие от чтения Вашей статьи и статей Плеханова.

Вы совершенно правы: в таком издании каждый номер должен содержать только такие статьи, из которых каждая представляет собой законченное целое, без всякого продолжения в следующем номере. Я так бы и сделал, если бы у меня в настоящее время не было такой спешки.

Вполне согласен с Вами, что необходимо везде и всюду бороться против народничества³ — немецкого, французского, английского или русского, но все же я полагаю, что было бы лучше, если бы те мысли, которые должен был сказать я, были бы высказаны каким-нибудь русским. Впрочем, я признаю, что, например, вопрос о разделе Польши выглядит совершенно иначе с русской точки зрения,

¹ Речь идет о статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма».

² «Социал-Демократ» (Женева).

³ В оригинале «народничество» по-русски.

чем с польской, сделавшейся точкой зрения Запада. Но, в конце концов, я должен в равной мере считаться и с поляками. Если поляки претендуют на территории, которые русские вообще считают приобретенными навсегда из-за национального состава населения, то не мне решать этот вопрос. Я могу только сказать, что, по-моему, заинтересованное население должно само определить свою судьбу — совершенно так же, как эльзасцы сами должны будут выбирать между Германией и Францией. К несчастью, говоря о русской дипломатии и ее влиянии на Европу, я не мог не упомянуть о вещах, которые современное поколение русских считает внутренними делами¹; и неудобство, по крайней мере на первый взгляд, заключается в том, что говорит об этом не русский, а иностранец. Но это было неизбежно.

Если Вы считаете полезным сделать от моего имени небольшое примечание об этом, то прошу Вас поместить его там, где Вы найдете это наиболее удобным.

Надеюсь, что опубликование моей статьи на английском языке произведет некоторое впечатление. В настоящий момент вера либералов в освободительный пыл царя сильно поколеблена вестями из Сибири², книгой Кеннана³ и последними университетскими волнениями в России. Вот почему я и поспешил с опубликованием; нужно ковать железо, пока оно горячо. Петербургская дипломатия рассчитывала, что в ее очередном походе на Восток ей поможет приход к власти царя Гладстона, поклонника «величественной фигуры Севера», как он называл Александра III. Прежде всего были пущены в ход критяне и армяне, затем могла бы последовать диверсия в Македонии; при раболепстве Франции перед царем и благожелательности Англии можно было бы, пожалуй, рискнуть на новый шаг и даже завладеть Царьградом без войны с Германией, которая не осмелилась бы воевать при таких неблагоприятных условиях. А в случае завоевания Царьграда можно было ожидать длительного периода шовинистического опьянения, подобно тому как это было в Германии после 1866 и 1870 гг. Вот почему возобновившееся среди английских

¹ В оригинале «внутренние дела» по-русски.

² В первой книге «Социал-Демократа» (февраль 1890 г.) опубликовано известие об избиении политических ссыльных в Якутске. В «Листке Социал-Демократа» (2 апреля 1890 г.) сообщается об истязании в Карской (Восточная Сибирь) тюрьме политической ссыльной Сигиды, которой по приказу генерал-губернатора Корфа дали 100 розог. Сигида умерла от истязаний и потрясения. Это издевательство над политическими ссыльными в Карской тюрьме повлекло за собой еще шесть смертей и пятнадцать покушений на самоубийство.

³ Д. Кеннан опубликовал в 1889—1890 гг. свои очерки о политической ссылке в Сибири в журнале «Century Magazine».

либералов антицаристское движение представляется мне чрезвычайно важным для нашего дела; как хорошо, что Степняк здесь и имеет возможность его поддержать.

С тех пор как существует революционное движение в самой России, ничто уже больше не удастся этой когда-то непобедимой русской дипломатии. И это очень хорошо, потому что эта дипломатия — самый опасный враг, как ваш, так и наш. Это пока — единственная непоколебимая сила в России, где даже сама армия ускользает из рук царей, как об этом свидетельствуют многочисленные аресты среди офицеров, доказывающие, что русское офицерство по своему общему развитию и моральным качествам бесконечно выше прусского. И как только у вас появятся сторонники и преданные люди в рядах дипломатии — у вас или хотя бы только у конституционалистов, — ваше дело будет выиграно.

Дружеский привет Плеханову.

Преданный Вам

Ф. Энгельс.

114.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 4 апреля 1890 г.

Очень спешу. Посылаю «Time» с моей статьей¹. *Предостерегаю* против *немецкой перепечатки* из «Neue Zeit»: она позорно извращена. В майском номере статья будет снова перепечатана, но уже в *настоящем* виде. Сообщите, пожалуйста, Шлютеру, чтобы оттиск с ошибками не был использован в «Volkszeitung» или кем-нибудь другим. В Германии становится весело, разгром начался, и Вильгельмхен позаботится о том, чтобы застоя не было. Шорлеммер здесь и шлет сердечный привет тебе и твоей жене, к чему присоединяюсь и я.

115.

Фердинанду-Домела Нивенгейсу

в Гаагу.

Лондон, 9 апреля 1890 г.

Уважаемый товарищ,

Боюсь, что здесь не удастся найти для Вашего сына места ученика в механической мастерской. 30—40 лет тому назад владельцы машиностроительных предприятий брали таких учеников; мой брат

¹ «Внешняя политика русского царизма».

был учеником в течение целого года в Бэри близ Манчестера. Ему пришлось уплатить за учење сто фунтов стерлингов; он был записан в трэд-юнион механиков как ученик и через некоторое время получал 15 шиллингов в неделю. Но с тех пор как на континенте, и в особенности в Германии, в производстве машин стали конкурировать с Англией, последняя, как правило, вообще не принимает иностранцев в качестве учеников. Я еще раз наведу справки в Манчестере и, если получу более благоприятные сведения, сейчас же Вам сообщу.

Рад узнать, что и у вас дела идут на славу; здесь же, после подъема движения прошлым летом, вновь наступило какое-то затишье, которое в Англии сопровождается расцветом личных, местных и прочих дряг. Однако такой практичный народ, как англичане, который движется вперед лишь шаг за шагом, должен учиться уму-разуму на своих собственных ошибках, иным путем здесь ничего не добьешься; кроме того, движение проникло теперь в очень широкие слои рабочих, и в результате всех дряг англичане испытают не просто временное замедление, а нечто большее.

Третий том «Капитала» тяжким бременем лежит на моей совести; некоторые разделы находятся в таком состоянии, что их нельзя опубликовать без тщательной проверки и частичной перестановки материала, а Вы понимаете, что в такой грандиозной работе я могу это сделать лишь после самого зрелого размышления. Когда я справлюсь с пятым разделом, то оба последующих доставят меньше труда; первые четыре просмотрены окончательно и готовы к печати. Если бы я мог на год совершенно отойти от текущего международного движения, не читать газет, не писать писем, ни во что не вмешиваться, то легко закончил бы работу.

С дружеским приветом Ваш

Ф. Энгельс.

116.

Карлу Каутскому
в Вену.

Лондон, 11 апреля 1890 г.

Дорогой Каутский,

Пишу тебе наспех несколько строк до закрытия почты. Прежде всего сердечно поздравляю тебя с помолвкой. Ты пережил тяжелое время, и твоя помолвка доказывает, что все это уже прошло. Желаю тебе найти то счастье, которого ты ищешь.

Шорлеммер и Ним тоже искренне желают тебе счастья.

Твое письмо из Штуккерта ¹ получил, благодарю; получил также вчера письмо от Дитца, которому тотчас же ответил, что я вполне удовлетворен, и подтвердил свое согласие, как я тебе уже раньше об этом сообщал, на переиздание «Происхождения и т. д.» в качестве выпуска Международной библиотеки; обещал также сделать некоторые добавления.

Что же касается плана Дитца перетащить тебя в Штуккерт, то это, собственно говоря, вы сами должны решить. Шорлеммер и я были сегодня в Кентиш-Тауне, но Эде уже не застали, поэтому до воскресенья я едва ли смогу посоветоваться с ним. Лично я могу только сказать, что предпочел бы, чтобы ты был здесь, но если твое присутствие в Штуттгарте действительно необходимо и ты и впредь сможешь наезжать сюда на двз-три месяца в году, то мне волей-неволей придется этим удовольствоваться. «Neue Zeit» стал теперь такой крепостью, которую стоит удерживать в своих руках до последней крайности, и возможность влиять через нее на все издательство Дитца, которое отныне делается еще более сильным рычагом в жизни партии, чем во время гнета, — тоже ведь важное соображение. Натурализоваться и обосноваться в Германии — вещь обоюдоострая, так как это означает подвергнуть себя риску изгнания из Австрии. Милый Штуккерт с его удовольствиями ты тоже знаешь. Я еще поразмыслю об этом деле, нет ли тут еще какого-нибудь менее заметного подвоха, и в воскресенье переговорю об этом с Эде.

А пока я хотел тотчас же написать тебе эти несколько строк. Однако уже 5 час. 25 мин., следовательно, почта закрывается.

Твой Ф. Э.

117.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 12 апреля 1890 г.

Дорогой Зорге,

Письмо от 3—6 марта получил, благодарю.

Дело с письмами Микеля обстоит не так просто. Вильгельм ² тоже охотно бы их использовал, чтобы выскочить с ними в самое неподходящее время и этим навеки-вечные лишит нас возможности

¹ Штуттгарта.

² Либкнехт.

воздействовать на Микеля. Ведь после скандала Микелю на нас наплевать. Но, по-моему, гораздо важнее при помощи этих документов хоть немного держать этого молодчика в руках, чем затевать бесполезный шум; это только освободило бы его и сверх того доставило бы ему радость от того, что ему удалось все это пережить. И без того всему свету известно, что он был членом Союза.

Но теперь я на американской журналистике приобрел такой великолепный опыт, что меня не проведешь. Если бы и «*Volkzeitung*» знала, что эти письма находятся в Америке, то эти любители сенсации не успокоились бы до тех пор, пока не заполучили бы их, а этому искушению и мучению я никого не хочу подвергать. Кроме того, кто может мне гарантировать, как долго Шлютер продержится еще в «*Volkzeitung*» и не поставят ли ему условием пребывания там именно выступление с этими письмами?

Словом, впутываться в такую историю я ни в коем случае не хочу.

В Германии события развиваются как нельзя лучше. Молодой Вильгельм положительно *сошел с ума*. Он точно создан для того, чтобы привести в полнейший беспорядок старый строй, лишить все имущие классы, юнкеров и буржуа, последних остатков доверия и подготовить для нас почву так, как не мог бы этого сделать даже либеральный Фридрих III. Его рабочелюбивые настроения чисто бонапартистски-демагогического характера, хотя и переплетаются с путанными мечтами о божественной миссии монарха, но на наших людей они не производят ровно никакого впечатления. Это результат закона против социалистов. Еще в 1878 г. этим можно было бы *чего-нибудь* добиться, можно было бы внести кое-какой беспорядок в наши ряды, но сейчас это невозможно. Нашим пришлось слишком сильно испытать на себе тяжесть прусского кулака. Некоторые неустойчивые элементы, как например господин Блос, и затем кое-кто из семисот тысяч человек, пришедших к нам за последние три года, быть может, в этом отношении слегка и поколеблются; но их голоса потонут в хоре других голосов, и не пройдет и года, как Вильгельм окончательно разочаруется в своей власти над рабочими: любовь превратится в ярость, ласка — в преследование. Отсюда — наша политика: избегать теперь всякого шума до 30 сентября, пока не истечет срок действия закона против социалистов. Ведь добиться нового исключительного закона от рейхстага, у которого нет внутреннего единства, едва ли удастся. Если же у нас снова будут обычные гражданские права, то тебе

доведется увидеть новый подъем движения, который затмит 20 февраля ¹.

Так как «рабочелюбие» Вильгельмхена дополняется его военнодиктаторскими поползновениями (ты видишь, как вся нынешняя коронованная сволочь волей-неволей становится бонапартистской) и он при малейшем сопротивлении собирается уничтожить всех и вся, то нам приходится позаботиться о том, чтобы не дать ему для этого никакого повода. На выборах мы имели возможность убедиться, что наши успехи в деревне огромны, в особенности там, где существует крупное землевладение и рядом с ним, по крайней мере, самое *заситочное* крестьянство, следовательно — на Востоке. В Мекленбурге — три перебаллотировки, в Померании — две! Прирост в 85 000 голосов между первым официальным подсчетом (1 342 000) и вторым (1 427 000) произошел за счет сельских округов, где мы, по общему мнению, вообще не должны были получить ни одного голоса. Имеются, следовательно, виды на то, что теперь мы в недалеком будущем завоюем сельский пролетариат восточных провинций, а тем самым — и солдат прусских «образцовых полков». Тогда все старое пойдет прахом, и мы сделаемся господами положения. Но прусские генералы должны были бы быть гораздо большими ослиами, чем я мог бы предположить, если бы они не знали этого так же, как и мы, и поэтому *должны* сгорать от нетерпения обезвредить нас на некоторое время надлежащей стрельбой. Следовательно, у нас две причины вести себя внешне спокойно.

Третья причина: успехи выборов вскружили голову массам, в особенности вновь пришедшим к нам, и они воображают, что штурмом могут теперь провести решительно все. Если их не сдерживать, то будет сделано немало глупостей. А буржуа, т. е. владельцы угольных копей, стараются изо всех сил поощрять и провоцировать эти глупости, и, кроме прежних поводов к этому, у них есть еще и новый: они надеются таким образом покончить с «рабочелюбием» Вильгельмхена.

Те места, которые отчеркнуты наверху, на полях, прошу Шлютеру *не* сообщать. Он буквально обуреваем жаждой подвигов, а, кроме того, я хорошо знаю господ из «*Volkszeitung*», которые бесцеремонно используют для газеты все, что только можно. Но это не должно попасть в печать ни там, ни здесь, по крайней мере в немецкую печать. И уж, во всяком случае, не как материал, исходящий от меня.

¹ День выборов в рейхстаг в Германии, окончившихся поражением Бисмарка.

Таким образом, если наша партия в Германии в ближайшее время, а также и в отношении 1 мая будет внешне вести себя до некоторой степени спокойно, то причины этого будут тебе ясны. Для нас не секрет, что генералы охотно использовали бы 1 мая для того, чтобы открыть по нас стрельбу. Такие же планы лелеют в Вене и Париже.

В «Arbeiter-Zeitung» (венской) заслуживают особого внимания корреспонденции Бебеля из Германии. В том, что касается германской партийной тактики, я обычно не принимаю решения ни по одному пункту, прежде чем не узнаю мнения Бебеля: или из «Arbeiter-Zeitung» или из письма. У него удивительно тонкое чутье. Жаль, что он по личным наблюдениям изучил одну только Германию. Им же написана статья, появившаяся на этой неделе: «Германия без Бисмарка»¹.

«Time» с моей первой статьей о русской политике (послана неделю тому назад) ты, вероятно, получил.

С тех пор как я стал почти трезвенником, нервы мои снова несколько успокоились. Мне придется придерживаться такого режима еще до осени. Шорлеммер все еще настоящий трезвенник. Он, как и я, шлет сердечный привет тебе и твоей жене. Пасху он проведет здесь, а в понедельник уедет в Манчестер. Сэму Муру в Африке живется хорошо, через год он приедет сюда в шестимесячный отпуск.

Твой Ф. Э.

118.

Конраду Шмидту

в Берлин.

Лондон, 12 апреля 1890 г.

Дорогой Шмидт,

На Ваши письма от 25 февраля и 1 апреля сегодня, за недостатком времени, могу ответить лишь очень коротко, но так как второе письмо требует срочного ответа, то пишу все же сегодня.

Уж год тому назад я убедился, что в работе над рукописями Маркса мне нужна будет помощь; поэтому я предложил Эде Бернштейну и Каутскому помочь мне в этом деле, разумеется, не безвозмездно, и оба они согласились. Пока я получил от Каутского

¹ Статья А. Бебеля «Deutschland ohne Bismarck» опубликована в «Arbeiter-Zeitung» № 14 от 4 апреля 1890 г.

в переписанном виде лишь часть рукописи IV книги, упомянутой в предисловии ко II тому. Он довольно хорошо разбирает почерк и посвящает все свое свободное время этой работе. Возможно, что скоро он покинет Лондон на несколько лет. В таком случае, согласно нашей договоренности, его место займет Эде, но положение Бернштейна тоже может измениться, если закон против социалистов не будет продлен, даже если он и не вернется тотчас же в Германию. Таким образом, при *настоящем* положении вещей я не могу обещать Вам этой работы; но через полгода может произойти много перемен, и я с большим удовольствием буду помнить о Вашем любезном предложении, так как для меня очень важно ознакомиться с почерком Маркса возможно большее количество достаточно подготовленных людей. Это неосуществимо без учителя, единственный же учитель в этом деле — я. Ведь когда я отправлюсь на тот свет, — что может случиться каждый день, — эти рукописи останутся книгой за семью печатами, их будут скорее разгадывать, чем действительно разбираться в них. Поэтому, если я лишусь своих теперешних сотрудников, я сейчас же обращусь к Вам и надеюсь, что у Вас к тому времени охота к этому делу не пропадет. Впрочем, Вам, быть может, удастся приехать сюда, и мы здесь легко уладим все, что издали кажется сложным.

Наша избирательная победа была, поистине, поразительна, и впечатление, произведенное ею на внешний мир, грандиозно. Успехи Бисмарка заставили уважать нас, т. е. немцев вообще, как солдат, но уважение к нашему личному характеру, как немцев, они скорее уменьшили; подхалимство буржуазии довершило остальное: немцы дерутся, мол, хорошо, когда ими хорошо командуют; командовать ими необходимо, но о самостоятельности, о твердости характера, о способности сопротивления тирании не может быть и речи. Со времени последних выборов картина изменилась. Люди увидели, что немецкие буржуа и юнкеры отнюдь не представляют собой всего немецкого народа; блестящая победа рабочих после десятилетнего гнета и *под* этим гнетом произвела более внушительное впечатление, чем Кениггрец и Седан; весь мир знает, что именно мы свергли Бисмарка, и социалисты всех стран почувствовали теперь, — довольны они этим или нет, — что центр тяжести движения переместился в Германию. На основании своего личного опыта я нисколько не сомневаюсь, что наши рабочие справятся с этим новым положением. Вновь примкнувшие элементы, правда, еще не вполне твердо усвоили правильную тактику, но они скоро к этому привыкнут, и чего не сделают старшие боевые товарищи,

о том уж позаботится премудрое правительство. Поведение всей нашей печати в вопросе о пресловутых указах¹ показывает, какую службу сослужил в этом отношении закон против социалистов. Обжегшись на молоке, дуешь и на воду. То, что еще в 1878 г. могло на короткое время несколько расстроить движение, теперь уже совершенно не имеет никакого значения. Я отлично знаю, что есть люди, даже в новой фракции, которые охотно дали бы себя обмануть рабочелюбивыми тенденциями сверху, чтобы итти на компромиссы, но лишь только они рот откроют, избиратели их провалят. Путткамер был совершенно прав: закон против социалистов имел огромное «воспитательное значение» — но только не в том смысле, как он воображал.

Видели ли Вы в «Jahrbücher» Конрада рецензию Ахилла Лориа (из Сиенны) на Вашу книгу? Мне прислали ее из Италии, вероятно, по инициативе самого Лориа. Я знаю этого Лориа; он был здесь, переписывался с Марксом, говорит и пишет по-немецки так, как написана его статья, т. е. плохо, вообще это самый заядлый карьерист, какого я когда-либо встречал. В то время он видел спасение мира в мелком крестьянском землевладении — думает ли он так же и сейчас, я не знаю. Он пишет книгу за книгой и ворует чужие мысли с таким бесстыдством, которое невозможно нигде, кроме Италии, невозможно даже в Германии. Так, несколько лет тому назад он издал книжонку, в которой трезвонит о марксовом материалистическом понимании истории как о *своем* новейшем открытии и присылает эту штуку *мне!*

После смерти Маркса он написал статью² и прислал ее мне. В этой статье он утверждает, что: 1) Маркс построил свою теорию стоимости на сознательном софизме и 2) Маркс вовсе не писал и никогда не собирался писать III том «Капитала», а ссылаясь на него только для того, чтобы поиздеваться над читателями, великолепно зная, что дать обещанное им разрешение вопросов просто невозможно! Несмотря на все мои резкости и грубости, я не уверен, не полезет ли он снова ко мне со своими письмами или посылками: бесстыдство этого субъекта не знает никаких границ.

С сердечным приветом Ваш

Ф. Энгельс.

¹ См. примечание к письму Энгельса А. Бебелю от 17 февраля 1890 г.

² Статья Лориа появилась в «Nuova Antologia», март — апрель 1883 г.

119.

Осипович.

Лондон, 17 апреля 1890 г.

Многоуважаемый гражданин,

Когда я прочел статью Бека¹, я подумал, что Вы и Ваши друзья могут быть очень недовольны, и сказал Бернштейну, что на его месте я не напечатал бы такого набора слов. Но он возразил, что не считал себя вправе не помещать статьи, в сущности выражающей мнение определенной части русской молодежи, у которой нет другого печатного органа, чтобы иметь возможность ответить читателям «Sozialdemokrat» на опубликованную перед тем статью, и что, главным образом, он стремился дать Вам повод ответить на эту критику. Бернштейн сказал, далее, что он, конечно, с большим удовольствием напечатает любой Ваш ствет.

Позиция «Sozialdemokrat» в отношении живущих в Западной Европе русских довольно затруднительна. Вас здесь, без сомнения, считают союзниками и особыми друзьями германского движения. Но ведь и остальные социалистические фракции имеют право на определенное уважение. Чтобы иметь возможность говорить с германскими рабочими, им приходится обращаться в «Sozialdemokrat»; следует ли отказывать им в гостеприимстве? Это было бы вмешательством во внутренние дела русских, а этого надо как раз избегать во что бы то ни стало. Возьмите, к примеру, внутреннюю борьбу датских и французских социалистов; пока это было возможно, «Sozialdemokrat», когда он сам не был вовлечен в это дело, сохранял нейтралитет в отношении POSSИБИЛИСТОВ, а в отношении двух дат-

¹ В № 12 «Der Sozialdemokrat» от 22 марта 1890 г. была напечатана статья «Aus der russischen Bewegung» (за подписью Zkw.), в которой шла речь о предисловии Г. В. Плеханова к изданной в 1889 г. брошюре «Речь Петра Алексеева». Г. В. Плеханов в этом предисловии писал: «Теперь между революционерами из «интеллигентной молодежи» есть даже много таких господ, что прямо говорят против рабочего класса. Одни уверяют, что будто и нет его совсем в России; другие соглашаются, что он есть, но прибавляют, что все рабочие очень глупы и необразованны, а потому и внимания на них обращать не стоит» (Соч. Г. В. Плеханова, изд. 2-е, т. III, стр. 115). Против Г. В. Плеханова выступил Бек в своей статье «Erwiderung» (№ 14 «Sozialdemokrat»), считая его доводы о позиции «интеллигентной молодежи» необоснованными. В ответ на эту статью в № 17 «Sozialdemokrat» от 26 апреля 1890 г. появилась статья за подписью Осиповича «Über die Propaganda unter den russischen Arbeitern» с обвинениями Бека в неправильном толковании и извращении предисловия Г. В. Плеханова.

ских партий он сохраняет нейтралитет и теперь, несмотря на то, что все его симпатии — на стороне «революционеров». То же самое и в отношении русских. У Бернштейна нет и намека на недоброжелательное отношение к Вам, за это я Вам ручаюсь. Но он хочет быть всегда ко всем справедливым и беспристрастным; чтоб не оказаться *один раз* несправедливым к врагу или к человеку, который ему несимпатичен, он скорее *десять раз* будет несправедлив к своим друзьям и союзникам; все его друзья упрекают его в этой преувеличенной беспристрастности, которая превращается в предвзятое отношение к своим союзникам. Именно эта черта Бернштейна приводит к тому, что при разборе сложных случаев он всегда более снисходителен к врагу.

Прибавьте к этому, что группировки, существующие среди русских, живущих в Западной Европе, довольно часто меняются, и мы рискуем в любой момент попасть впросак. Бернштейн знает больше, так как он, по крайней мере, мог кое к чему приглядеться в Цюрихе; я же, наоборот, не знал даже о существовании и названии газет, о которых Вы упоминаете. Бернштейн говорит, что письмо Бека он счел за выражение мыслей сторонников Лаврова; я не знаю, прав он или нет, но это было одной из причин, побудивших его напечатать письмо.

Бернштейн сказал мне также, что он просил прислать ему из Парижа перевод предисловия Плеханова, чтобы напечатать его полностью. Перевод этот получен и будет напечатан при первой возможности. Все это Бернштейн организовал немедленно по получении письма Бека, и это может служить доказательством, что он хотел опубликовать это письмо, чтобы снова дать слово Плеханову. Теперь я прошу Вас составить ответ Беку; если желаете, можно написать его по-французски и послать либо мне, либо непосредственно в «Sozialdemokrat» (адрес Бернштейна: 4 Corinne Road, Tufnell Park, London, N.), потому что Вы знаете этого г-на Бека, а вне русской среды его не знают; и несмотря на то, что вы считаете для себя в некотором роде унижением входить с ним в полемику, это одна из тех неприятностей, через которые довольно часто приходится перешагивать. Я это хорошо знаю по собственному опыту.

Я по опыту также знаю, какого рода движение происходит внутри маленькой русской колонии в Западной Европе. Все друг друга знают, все находятся друг с другом в личных дружеских или враждебных отношениях, и, следовательно, все развитие этого движения, и без того сопровождаемое разногласиями, расколами, полемикой, приобретает в высшей степени личный характер. Это свойственно

всякой политической эмиграции, и в период 1849—1860 гг. у нас тоже всего этого было достаточно. Но вместе с тем я тогда же убедился, что партия, обладающая достаточной моральной силой, чтобы первой стать выше этой личной атмосферы, чтоб не поддаваться влиянию этих распрей, такая партия именно благодаря этому приобретает большое преимущество перед другими партиями. Чем менее чувствительны Вы будете к этим булавочным уколам, тем больше времени и сил Вы сохраните для великой борьбы. В конце концов, какое Вам дело, что статья Бека или кого-либо иного появилась в «Sozialdemokrat», раз у Вас есть уверенность, что Вы сможете ответить со всей прямою? Ведь невозможно будет всю социалистическую печать Запада сделать недоступной для ваших врагов. А разве само русское движение не выиграет от того, что оно будет более открыто происходить на глазах у широкой западноевропейской общественности, вместо того чтобы ютиться в маленьких рассеянных по всему свету кружках и этим самым благоприятствовать интриганству и заговорам?

Как только Маркс видел, что против него плетутся тайные интриги, он пускал в ход самое сильное и чаще всего применявшееся им средство: вытаскивал своих противников на солнышко и публично вел на них атаку. Если Вы хотите отбить у Ваших противников всякую охоту становиться в позу перед немецкими социалистами, лучшим средством будет Ваше активное сотрудничество в «Sozialdemokrat» и в «Neue Zeit». Как только будет установлено и признано совпадение Ваших принципов с принципами немцев, другие пусть говорят, что им угодно, никто на это не будет обращать внимания. Я уверен, что Ваши сообщения были бы приняты с распростертыми объятиями, и был удивлен, когда узнал, что статья Плеханова¹ (Чернышевский²) появится только в «Neue Zeit», а не и в «Sozialdemokrat».

Сердечный привет Плеханову и не меньший привет Вам.

Преданный Вам

Ф. Энгельс.

Бернштейн — прекрасный парень, и умный, и с хорошим характером. Но мерилом уважения к человеку у него является число нападок на авторов, которых он в «Sozialdemokrat» печатает. Чем больше он Вас уважает, тем больше он стремится быть к Вам беспристрастным, — это его особенность.

¹ Статья Г. В. Плеханова «Н. Г. Чернышевский» опубликована в «Neue Zeit» за 1890 г., стр. 353—404.

² Написано по-русски: (Чернышевский).

120.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 19 апреля 1890 г.

Дорогой Зорге,

«Nationalist» я получаю регулярно, но, к сожалению, читать в нем нечего. Это — копия здешних фабианцев. Мелкие и гнилые, как Dismal swamp¹, фабианцы страшно много воображают о своем чрезвычайном великодушии, с которым они, «образованные» буржуа, снисходят до эмансипации рабочих; в награду за это рабочие должны смиренно молчать и беспрекословно слушаться «образованных» чудаков с их «измами». Пусть себе забавляются, в один прекрасный день подлинное движение все это сметет. В этом у нас, жителей континента, преимущество: мы совершенно иначе испытали на себе влияние французской революции, и у нас что-либо подобное невозможно.

Посылаю тебе сегодня также и «The People's Press», которая в деле публикации отчетов о новых трэд-юнионах заменила собой «Labour Elector». «Labour Elector», как ты, вероятно, заметил, не помещает больше никакого фактического материала, потому что рабочие просто-напросто больше не хотят иметь с ней дела. Это не мешает Бернсу, Мэну и другим (в особенности из докеров) втихомолку очень часто встречаться с Чемпионом и находиться под его влиянием. «People's Press» редактирует некий Делл — молодой фабианец, второй вождь — поп Моррис; оба как будто порядочные люди и идут навстречу рабочим газовых предприятий. Во главе рабочих газовых предприятий (негласно) стоит Гусси, и союз их, повидимому, один из лучших. Докеров развратили пожертвования филистеров, и они не хотят портить отношений с буржуазной публикой. К тому же секретарь докеров Тиллет — смертельный враг рабочих газовых предприятий, секретарем которых он тщетно пытался сделаться. Докеры и рабочие газовых предприятий, собственно, должны быть в одном союзе. Очень многие из них летом докеры, а зимой рабочие газовых предприятий. Поэтому последние предложили договор: состоящий членом одного союза одновременно является членом другого и при перемене работы не обязан вступать в другой союз. Докеры до сих пор это предложение отклоняли; они требуют, чтобы рабочий

¹ Dismal swamp — мрачное болото.

газовых предприятий, переходящий весной на работу докера, вносит также и в их союз вступительные и членские взносы. Отсюда — всякие неприятности. Вообще докеры слишком много позволяют своему центральному комитету. Союз рабочих газовых предприятий и чернорабочих принимает всех неквалифицированных рабочих, а в Ирландии добиваются приема и сельские поденщики. Отсюда недовольство Девитта, который не пошел дальше Генри Джорджа и видит в этом угрозу своей ирландской местной политике, хотя без всякого основания. Здесь, в Лондоне, к югу от Темзы, рабочие South Metropolitan Gas Company потерпели сильное поражение. Это очень хорошо: они слишком зазнались и решили, что все могут взять штурмом. Та же история повторилась с ними и в Манчестере. Теперь они стали осторожнее, сначала укрепляют организацию и пополняют кассу. В Союзе Гусси представляет женщин и девушек Сильвертауна (India Rubber etc. Works), стачкой которых она руководила, и в ближайшем будущем, вероятно, будет представлять их в Лондонском совете трэд-юнионов.

В такой стране, где политическое и рабочее движение существует уже давно, всегда остается целая куча традиционного хлама, который необходимо постепенно устранять. Таковы предрассудки квалифицированных союзов — механиков, каменщиков, плотников, столяров, наборщиков и пр., и это необходимо преодолевать; здесь и мелочное соперничество между отдельными профессиями, которое руководители доводят до настоящей вражды и борьбы; здесь сталкиваются друг с другом и вожди с их честолюбивыми претензиями и интригами: один стремится в парламент, другой тоже; этот хочет попасть в Совет графства или школьный совет, а тот собирается провести всеобщую централизацию рабочих; один желает основать газету, другой — клуб и т. д. и т. п. — словом, ссора за ссорой. А тут еще Социалистическая лига, которая относится свысока ко всему, что не непосредственно революционно (что означает здесь, в Англии, так же как и у вас, все, что не ограничивается фразеологией и бездельем). Также и Федерация, которая делает вид, будто помимо нее существуют лишь ослы и шарлатаны, хотя ей-то, именно благодаря новым веяниям в движении, снова удалось приобрести кое-каких последователей. Словом, может показаться, что кругом разброд и личные дразги. Но движение идет вперед *под* поверхностью, захватывает все более широкие слои и притом большей частью среди неподвижной доселе *самой нижней* массы, и не далек уже день, когда эта масса *найдет сама себя*, когда ей ясно станет, что именно она сама является этой колоссальной двигающейся

массой, и в тот день будет покончено со всей этой пакостью и дрязгами.

Разумеется, приведенные выше подробности о личностях и временных неурядицах я сообщаю только тебе, но они ни в коем случае не должны попасть в «*Volkszeitung*». *Это раз навсегда.* Дело в том, что у меня была возможность убедиться, что Шлютер иной раз слишком легкомысленно относится к такого рода вещам.

С нетерпением жду 1 мая. В Германии фракция рейхстага обязана выступать против всяких чрезмерных требований. Буржуа, политическая полиция, у которой дело идет теперь «о хлебе насущном», господа офицеры — все они охотно выступили бы и открыли пальбу; они пользуются всяким предлогом, чтобы доказать Вильгельму, что у него нет достаточной решимости отдать приказ о стрельбе. Но это все испортило бы. Сперва нам надо избавиться от закона против социалистов, т. е. переждать 30 сентября. А затем обстановка в Германии будет для нас так благоприятна, что мы не должны вредить себе пустой болтовней. Прокламация фракции, составленная Либкнехтом, никуда не годится. Бессмыслица о «всеобщей стачке» здесь совершенно не нужна. Но как бы то ни было 20 февраля вызвало такой подъем, что людей необходимо сдерживать, чтобы они не наделали глупостей.

Во Франции 1 мая может стать поворотным пунктом, по крайней мере для Парижа, если оно образумит массу рабочих, перешедших там к буланжизму. В последнем наши товарищи сами виноваты. У них никогда не было мужества выступить против анти-немецкой травли, и вот теперь, в Париже, они побеждены шовинизмом. В провинции дела, к счастью, обстоят лучше. Но за границей считаются только с Парижем.

Если бы французы прислали мне свои работы, то я переслал бы их тебе. Думаю, однако, что они сами их стыдятся. Это во французском духе, они не выносят поражений. Как только у них будут кое-какие виды на успех, все сразу переменится.

Сердечный привет тебе и твоей жене, а также и Шлютерам.

Твой Ф. Э.

Шорлеммер в прошлый понедельник уехал обратно в Манчестер. Мы оба строгие трезвенники поневоле. Какой ужас!

121.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 30 апреля 1890 г.

Дорогой Зорге,

Если в Лондоне в будущее воскресенье состоится грандиозная демонстрация за восьмичасовой рабочий день, то этим мы будем обязаны Тусси и Эвелингу. Тусси делегировали сильвертаунские работницы в Совет союза рабочих газовых предприятий и чернорабочих, и она в этом совете пользуется такой популярностью, что ее называют не иначе, как *our mother* (наша мать). Союз рабочих газовых предприятий — лучший из новых союзов — горячо сочувствует демонстрации за 8-часовой рабочий день, так как этот союз сам добился было для себя 8-часового рабочего дня, но убедился, как непрочно подобное завоевание, которое было отнято капиталистами при первом же удобном случае; для них, как и для горнорабочих, самое главное — установление *законом* 8-часового рабочего дня.

Итак, союз рабочих газовых предприятий и Блумсберийское социалистическое общество (лучшая секция, порвавшая с Социалистической лигой два года тому назад, в которой состоят Лесснер, Тусси и Эвелинг) возбудили этот вопрос и приобрели массу сторонников среди более мелких трэд-юнионов и радикальных клубов, которые все больше распадаются на социалистические рабочие клубы, с одной стороны, и буржуазно-гладстоновские — с другой. Действуя вполне лояльно, они предложили Лондонскому совету трэд-юнионов принять участие в предполагаемой демонстрации в Гайд-Парке. Совет трэд-юнионов, состоящий преимущественно из представителей *старых, квалифицированных* трэд-юнионов (в будущем году мы его тоже завоюем), видя, что им уже не удастся уклониться, попытался овладеть положением захватническим путем.

Совет вошел в соглашение с Социал-демократической федерацией (Гайндман) и закрепил у комиссара труда *Гайд-Парк* за собой на 4 мая, чего другие еще не успели сделать. Дело в том, что о каждом более или менее крупном митинге, который проводится в Гайд-Парке, нужно заранее заявить комиссару, и последний определяет количество трибун, которое необходимо установить, и т. д. Так как в постановлении оговорено, что в один и тот же день, в одно и то же время *двух* митингов проводить *нельзя*, то эти господа вообразили, что они теперь хозяева положения и могут, монополи-

зировав парк, распоряжаться в ранее созданном комитете по проведению демонстрации. Они захватили семь трибун и уступили две из них Социал-демократической федерации, предполагая этим сохранить *видимость* беспристрастности по отношению к социалистам, вдобавок к социалистам-союзникам.

Таким образом, они решили, что *выйдут со знаменами и выдвинут ораторов только* производственные общества, а не политические союзы (следовательно, клубы исключаются). Из резолюции они вычеркнули установление *законом* 8-часового рабочего дня и отредактировали ее так, что речь шла только о завоевании 8-часового рабочего дня трэд-юнионами. Они наметили порядок шествия, маршрута и пр. и только тогда созвали делегатское собрание исключительно от производственных обществ. Когда дело дошло до собрания, то: 1) не допустили присутствовать на нем Тусси, потому что она сама не работает в том производстве, которое представляет (а господин Шиптон, председатель Совета трэд-юнионов, уже лет 15—16 и не прикасался к работе по своей специальности!!); 2) не допустили даже обсуждения о внесении в резолюцию вопроса об установлении *законом* 8-часового рабочего дня — *вопрос, мол, уже разрешен*; 3) делегатам ясно дали понять, что Совет трэд-юнионов — *хозяин положения*; парк на 4 мая принадлежит ему, а если-де им это не нравится, они могут убираться. Удивление, гнев и ярость охватили делегатов первого комитета! Но на следующий день положение совершенно изменилось. Эвелинг отправился к комиссару и заявил, что если их комитету также *одновременно* не будет предоставлено достаточное количество трибун, то произойдет скандал; к счастью, у власти тори (либералы вывернулись бы, наврав что-нибудь, и ничего не дали бы), которым при их положении невыгодно увеличивать число врагов среди рабочих. Эвелинг получил разрешение на семь трибун, и тут настала пора господам из Совета трэд-юнионов понизить тон, потому что конфликт обнаружил бы *теперь* с полной ясностью, насколько они слабы.

Наш комитет начал энергично действовать, разработал подробно свои планы, маршруты и немедленно же их опубликовал, так что опередил Совет трэд-юнионов. Вчера Эвелинг и Шиптон встретились и договорились, и в воскресенье митинг будет одним из самых больших, когда-либо происходивших здесь.

Это ты можешь опубликовать в «*Volkszeitung*», а также и в «*Workman's Advocate*»; я был бы очень доволен, если бы вся эта история из Америки снова попала к этим господам *на английском языке*.

Посылаю тебе несколько номеров «*Star*», которые после сказанного выше будут тебе понятны. (N.B. В каждой статье обычно имеются сведения как с нашей стороны, так и с другой, а к тому же еще и сведения, полученные от репортеров, все помещено подряд, без разбору.)

Затем посылаю «*Time*» за май, кроме того, пакет с номерами «*Combat*» (принадлежит нам — Гэд главный редактор) и в нем же — венская «*Arbeiter-Zeitung*». Содержащиеся в корреспонденции Бебеля угрозы об исключении относятся к Шиппелю — главному интригану и очень искусному плуту, которого Либкнехт много лет тому назад обнаружил и ввел в партию, а теперь смертельно ненавидит. Шиппель, к счастью, такой же *трус*, как и Гайдман.

Это наша первая крупная победа в Лондоне; она доказывает, что массы и здесь идут с нами, на нашей стороне четыре больших секции Социал-демократической федерации, у которой две собственные трибуны; они имеют представителей в нашем комитете. То же самое происходит и во многих союзах квалифицированных рабочих: старые вожди идут с Шиптоном и Советом трэд-юнионов, а массы — с нами. Весь Ист-Энд идет с нами. Массы здесь еще не стали социалистическими, но они на пути к этому и настолько приблизились к социализму, что руководителей *требуют только социалистических*. Совет трэд-юнионов — это единственная достойная внимания рабочая организация, которая до сих пор еще настроена антисоциалистически, но и там уже есть социалистическое меньшинство, а как только туда войдут рабочие газовых предприятий, которых до сих пор с помощью всяких мелких уловок не допускали туда, то дело быстро двинется вперед. Я убежден, что *после четвертого мая* движение здесь приобретет совершенно иной характер, и ты тогда услышишь в печати гораздо больше о деятельности Тусси. Интриганам из Совета трэд-юнионов и Социал-демократической федерации мы показали, что с их хитростями и подвохами мы можем справиться; как бы ни ненавидели нас эти люди, но против фактов ничего не поделаешь. Теперь, наконец, английский пролетариат вступает, повидимому, в движение всей массой, и если это действительно так, то в течение одного года мелким кликам, мелким интриганам, плутам и выскочкам будет указано подобающее место, либо же они будут сметены движением.

Новое издание «Манифеста» печатается. Прежде чем исчезнет закон против социалистов, мы хотим перебросить в Германию 5000 экземпляров.

Прекрасный весенний день. Через восемь дней появятся гвоздика, боярышник, раkitник, золотой дождь и зацветет яблоня, а вишня цветет вот уже пятый день.

Желаю здоровья тебе и твоей жене. Сердечный привет вам обоим.

Твой Ф. Э.

Ты знаешь, что «Labour Elector» лопнул во время стачки докеров. У него был тираж в 23 000 экземпляров, но деньги торп все сгубили.

122.

Августу Бебелю
в Берлин.

Лондон, 9 мая 1890 г.

Дорогой Бебель,

Благодарю тебя за последние сообщения — очень рад, что и по этому вопросу у нас, в конце концов, одинаковое мнение. *Твое* подтверждение было для меня особенно важно: в подобных вопросах нам приходится делать заключения, не имея достаточных сведений, так что для дальнейших выводов, а тем более действий хотелось бы получить подтверждение от компетентного человека.

Сердечно поздравляю тебя и твою жену с обручением вашей дочери. Для вас, конечно, очень тяжело, что это приведет к переселению в Америку, но для меня это могло бы иметь одно приятное последствие: мы смогли бы когда-нибудь съездить вместе с тобой в Америку. Как ты думаешь? Я почти уверен, что через два-три дня ты избавился бы от морской болезни и, вероятно, навсегда. А как средство от переутомления такая поездка неоценима: я все еще чувствую благотворное влияние экскурсии, которую я совершил почти два года тому назад. К тому же Цадек утверждает, что у него есть верное средство от морской болезни (антипилин будто бы очень хорошо помогает), и, по медицинским данным, из всех людей только 2—3 процента не способны привыкнуть к качке за два-три дня. Итак, подумай об этом.

Если ты находишь в моей статье¹ недостаток логики, то это скорее моя собственная вина, нежели вина Блоса. Изложить такой большой и сложный вопрос на неполных двух листах — очень труд-

¹ Речь идет о статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма», корректуру которой правил Блос.

ный фокус, и я знаю, что во многих местах связь осталась неясной и мотивировка недостаточной. Для позднейшей, несколько более полной обработки той же темы (имеющей для нас огромное значение) твои критические замечания были бы мне крайне желательны хотя бы в виде кратких указаний, *где и в каком отношении ты считаешь*, что нить изложения прерывается или запутывается.

Буржуазия всего мира, вероятно, уже успела притти в себя от страха, пережитого ею перед 1 мая, и отстирать свое загаженное по этому случаю белье. Берлинский корреспондент «Daily News», один из самых рьяных крикунов, жаловался в день 1 мая, что рабочие сыграли со всем миром первоапрельскую шутку; и только через четыре дня он сообразил, что рабочие неоднократно заявляли о своем намерении устроить *мирную* демонстрацию, но им никто не поверил!

Вы поступили вполне правильно, организовав дело так, чтобы не было никаких коллизий. После 20 февраля немецким рабочим нет больше нужды подымать шум попусту. В этих условиях Германия *должна была* 1 мая выступить скромнее, чем другие, и никто ни здесь, ни во Франции вас за это не осуждает. Но из шипшелевщины¹, думается мне, вы можете извлечь урок: в следующий раз надо позаботиться, чтобы в период междуцарствия, т. е. между перевыборами и открытием рейхстага, правление фракции было либо уполномочено продолжать свою работу, либо официально утверждено на время междуцарствия в своих функциях вновь избранными депутатами. Тогда оно сможет уверенно вмешаться и, в случае надобности, действовать и не позволит самодовольно важничать господам из Берлина, которым очень хотелось бы играть на парижский лад роль *прирожденных* вождей партии. Все это при условии, если после 1 октября² организация останется такой же, как сейчас.

Здесьняя демонстрация четвертого мая была прямо-таки *грандиозна*, и это вынуждена признать даже вся буржуазная пресса. Я был на четвертой трибуне (большая грузовая платформа) и мог охватить взглядом лишь пятую или восьмую часть всей массы. Видно было одно сплошное море голов. Присутствовало 250—300 тысяч человек, из них свыше трех четвертей составляли демонстрировавшие рабочие. Эвелинг, Лафарг и Степняк говорили с моей трибуны — я был только зрителем. Лафарг, с его превосходной, хоть и не лишенной

¹ М. Шиппель принимал участие в полуанархической оппозиции «молодых».

² День отмены исключительного закона против социалистов.

резкого акцента, английской речью и южной живостью, вызвал настоящую бурю восторга. Степняк также. Эде, говорившего с трибуны, на которой была и Тусси, тоже великолепно приняли. Семь трибун находились на расстоянии 150 метров одна от другой, последняя из них была расположена в 150 метрах от конца парка, так что *наш* митинг (за установление законом 8-часового рабочего дня в международном масштабе) охватил площадь свыше 1 200 метров в длину и около 400—500 метров в ширину, и все было битком набито; а по другую сторону находились шесть трибун Совета трэд-юнионов и две трибуны Социал-демократической федерации, но народу там было вдвое меньше, чем у нас. В общем это было самое грандиозное собрание из всех когда-либо здесь происходивших.

Притом это блестящая победа, особенно для нас. С подробностями ты, вероятно, уже ознакомился из корреспонденции Эде в «*Volksblatt*»¹. Совет трэд-юнионов и Социал-демократическая федерация воображали, что им удалось отнять у нас парк на этот день, но остались в дураках. Эвелинг добился у министра общественных работ разрешения для нас на семь трибун в парке, *что в сущности является нарушением правил*. Но, к счастью, у кормила власти стояли тори, и их удалось запугать: он заявил, что иначе наши возьмут штурмом другие трибуны. И наш митинг оказался самым многочисленным, наиболее организованным, самым воодушевленным.

Широкие массы здесь уже сейчас стоят за закон о 8-часовом рабочем дне. Эвелинг и в особенности Тусси все это дело организовали, и с тех пор у них совершенно иное положение в движении, чем прежде. Союз рабочих газовых предприятий и чернорабочих — самый лучший из новых профессиональных союзов — здорово их поддержал; без него ничего не вышло бы. Теперь все дело в том, чтобы сохранить комитет, организовавший наш митинг и состоящий из делегатов трэд-юнионов, радикальных и социалистических клубов, и сделать его ядром движения. Этому будет положено начало сегодня же вечером.

Несомненно одно: рабочие, буржуазия, лидеры старых гнилых трэд-юнионов и многочисленных политических и социальных сект и секточек, карьеристы, искатели теплых местечек и писаки, стремящиеся эксплуатировать движение, знают теперь точно, что *настоящее массовое социалистическое движение началось четвертого мая*.

¹ Корреспонденция Э. Бернштейна в «*Berliner Volksblatt*» №№ 103, 104 от 6 и 7 мая 1890 г.

Массы, наконец, раскачались и после некоторой борьбы и небольших колебаний покончат с проявлениями личного честолюбия, с эксплуататорскими стремлениями карьеристов, с соперничеством отдельных сект, как в свое время покончили со всем этим в Германии, и поставят каждого на надлежащее место. Массовое движение всегда поднимает интернациональный дух, и вы скоро увидите, какого нового союзника вы приобрели. Англичане всей своей манерой действовать, агитировать и организовывать нам гораздо ближе, чем французы, и как только здесь все войдет в колею, как только удастся преодолеть неизбежные на первых порах внутренние трения, вы отлично зашагаете в ногу с этими людьми.

Чего бы я не дал за то, чтобы Маркс дожид до этого пробуждения; он так зорко следил за малейшими его симптомами именно здесь, в Англии! Вы не можете себе представить ту радость, которую я пережил за эти последние две недели. Это сплошная удача. Сначала февраль в Германии, затем 1 мая в Европе и Америке и, наконец, это воскресенье, когда впервые после 40 лет вновь раздался голос английского пролетариата. Я сошел со старой платформы с высоко поднятой головой.

Привет твоей жене и Зингеру.

Твой Ф. Э.

123.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 29 мая 1890 г.

Дорогой Зорге,

Письма от 30 апреля и 15 мая, а также и «Volkszeitung» с отрывком из моего письма получил. Твое заявление¹ появится в «Sozialdemokrat», но, когда я вчера зашел в редакцию с вашим заявлением, оно было уже там, напечатанное в «Berliner Volksblatt»; Шлютер, следовательно, отослал его уже раньше. Это именно то, что я называю шлютеровской жаждой подвигов и что ставит нас в неприятное положение, когда приходишь в редакцию с рукописью, как с чем-то совершенно новым, и вдруг, оказывается, она уже напечатана в дру-

¹ Заявление Зорге и Шлютера по поводу книги проф. А. Sartorius v. Waltershausen, «Der moderne Sozialismus in den Vereinigten Staaten von Amerika» (А. Сарториус фон Вальтерсгаузен, «Современный социализм в Соединенных штатах Америки») опубликовано в «Sozialdemokrat» № 22 от 31 мая 1890 г.

гом месте. На другие проявления нескромности с его стороны с тех пор, как он в Америке, мне жаловаться не приходится, но я его знаю с прежних времен.

А теперь я должен тебе рассказать еще кое-какие сплетни о Шлютере, которые я вообще считал бы не стоящими внимания. Но Моттелер, заклятый враг Шлютера, который тоже повинен в его отъезде, рассказал *свою* версию сплетен *Ионасу*, и поэтому необходимо, чтобы ты знал действительное положение вещей.

Моттелер постоянно закусывает удила; с ним трудно ладить. Притворщик, шваб, непризнанный гений, он почувствовал себя обойденным, потому что раньше он *один* ведал управлением «Sozialdemokrat» и заграничными делами партии, а затем, когда дело расширилось, к нему в помощь посадили других людей. Однако он не только заслуживает полного доверия в денежных делах, но, что еще более ценно, вся партия *признала* за ним это качество, и никто не смеет в этом сомневаться. На посту казначея партии за границей он чрезвычайно ценный человек, и все должны быть благодарны за то, что он так долго избавлял их от этой ответственности. Прекрасно; но стоит лишь появиться кому-нибудь, кто ему не понравится, начинаются ссоры и непрерывные придирки. Так было сперва с Деросси, затем со Шлютером. Он их выжил. Против Шлютера он выдвигает два обвинения.

Первое: Шлютер утаил деньги. Для такого утверждения нет никаких оснований, кроме того, что Моттелер нашел один счет на 150 марок трехлетней давности, уже *утвержденный ревизорами*, к которому Шлютер не приложил оправдательного документа, т. е. квитанции получателя. Этому пункту никто, кроме Моттелера, ни здесь, ни в Германии не придает никакого значения, так как статьи расходов самого Моттелера будто бы подтверждаются часто только его записями в книгах, а ведение дел у таких людей хотя и невероятно педантично, как все, что делает Моттелер, но ни в коем случае не отличается ни деловым характером, ни точностью. Возможно, что Шлютер был неаккуратен и допускал мелкие ошибки, но всегда устраивал так, что *сам* при этом не терпел убытка. Ничего большего утверждать нельзя.

Второе: Шлютер чрезвычайно любит женщин; повидимому, установлено, что он ухаживал за одной или двумя переплетчицами, работавшими в Цюрихе, и даже соблазнил их. Но так как здесь в конторе девушек нет, то этот вопрос и не возникал, так что у Моттелера не было поводов, кроме непреодолимой антипатии к Шлютеру, затевать с ним скандал. Вот и вся история; если бы

Шлютер как следует огрызнулся на Моттелера, то все, быть может, уладилось. Никто не придавал этому никакого значения, так как история с девицами давным-давно миновала. Моттелер сам же отказался объясняться со Шлютером в присутствии партийных ревизоров, и как будто эта история тоже ликвидировалась.

Значит, если Ионас станет распускать сплетни, то теперь тебе известны подлинные факты.

Ионас явился также и ко мне слегка смущенный, но застал Тусси и Эдуарда Эвелинга (это было как раз после митинга в Гайд-Парке), которые приняли его очень холодно (Эвелинг сказал Ионасу в Центральном комитете, когда тот зашел за корреспондентским билетом на митинг, что отчеты «*Volkszeitung*», можно надеяться, будут более правдивы, чем были до сих пор). Ионас вскоре ушел вместе с Бернштейнами, которые собрались домой из-за детей. Чем эlegantнее этот субъект старается одеваться, тем вульгарнее он выглядит.

Теперь еще одно. Для нового издания «*Происхождения и т. д.*» мне нужна последняя работа Моргана¹; с самого утра не могу отвоевать себе у читателей романов местечко в Британском музее. Посылаю тебе, следовательно, письмо, адресованное соответствующему департаменту, и два экземпляра книги. Вопрос лишь в том, как лучше переслать эти вещи — письмо и один экземпляр книги — прямо в департамент или через третье лицо, рекомендуемое меня. Эвелинг полагает, что Эли в Балтиморе охотно бы это сделал. Ты его знаешь лучше, поэтому я предоставляю тебе поступить так, как ты сочтешь нужным. На тот случай, если ты остановишься на посреднике, я посылаю для него второй экземпляр. Прилагаю также несколько строк для Эли, если ты найдешь более благоразумным воспользоваться его посредничеством.

Очень рад, что «*Volkszeitung*» и «*Workman's Advocate*» напечатали историю подготовки митинга в Гайд-Парке. Этим они снова сделали возможным сближение Эвелинга с американцами. Даже господин Ионас убедился, какую ошибку он сделал, когда, без всяких оснований, подпевал Исполнительному комитету против Эвелинга.

Впрочем, дело не ограничится историей с митингом. Из последнего номера «*People's Press*» ты, вероятно, увидел, что Центральный комитет продолжает существовать и организует Лигу борьбы за установление законом 8-часового рабочего дня и Международную рабо-

¹ Последняя работа Моргана «*Houses and houselife of the American aborigines*» («Дома и домашняя жизнь американских туземцев»), Вашингтон, 1884 г.

чую лигу. Имеется уже проект устава, который будет представлен на обсуждение собранию делегатов 22 июня; приглашены все лондонские рабочие организации, радикальные клубы и т. д. Устав требует: 1) проведения в жизнь решений Парижского конгресса, поскольку они еще не стали в Англии законом; 2) проведения дальнейших мероприятий для полной эмансипации рабочих; 3) организации самостоятельной рабочей партии со своими собственными кандидатами на выборах повсюду, где имеются шансы на успех. Это ты можешь опубликовать.

Я напечатал большую статью о здешних событиях в венской «Arbeiter-Zeitung»¹ (пошлю следующей почтой).

Сердечный привет твоей жене.

Твой Ф. Энгельс.

124.

Паулю Эрнсту

в Берлин.

Лондон, 5 июня 1890 г.

Черновик.

Милостивый государь,

К сожалению, я не могу исполнить Вашей просьбы и написать Вам письмо, которое Вы могли бы использовать против г. Бара. Это втянуло бы меня в открытую полемику с ним, для чего у меня буквально нет времени. Поэтому то, что я Вам пишу, предназначено только для Вас лично.

К тому же я совершенно не знаком с тем, что Вы называете женским движением на Севере; я знаю только несколько драм Ибсена и абсолютно не представляю себе, в какой мере можно считать Ибсена ответственным за более или менее истерические полунощные бдения буржуазных и мещанских карьеристок.

Да и вся область, которую привыкли называть женским вопросом, так обширна, что в пределах письма невозможно сказать о ней ничего исчерпывающего и даже хотя бы сколько-нибудь удовлетворительного. Но одно несомненно, что Маркс никогда не мог «стоять на точке зрения», которую ему приписывает г. Бар. Он еще с ума не сходил.

Что касается Вашей попытки подойти к вопросу материалистически, то прежде всего я должен сказать, что материалистический

¹ Статья Ф. Энгельса «Der 4. Mai in London» («4 мая в Лондоне») опубликована в «Arbeiter-Zeitung» № 21 от 23 мая 1890 г. См. Соч. Маркса и Энгельса, т. XVI, ч. II, стр. 54—60.

метод превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроют и перекраивают исторические факты. И если г. Бар полагает, что поймал Вас на этой ошибке, то мне думается, что тут он до известной степени прав.

Всю Норвегию и все, что там происходит, Вы подводите под одну категорию — мещанство, а затем это норвежское мещанство преспокойно подменяете своим представлением о немецком мещанстве. Но тут поперек дороги встают два факта.

Во-первых, когда победа над Наполеоном во всей Европе оказалась победой реакции над революцией и когда революция только на своей родине, во Франции, еще внушала такой страх, что вернувшаяся легитимная монархия была вынуждена дать буржуазно-либеральную конституцию, — в это время Норвегия сумела завоевать себе конституцию гораздо более демократическую, чем все существовавшие тогда в Европе.

И, во-вторых, за последние двадцать лет Норвегия пережила такой подъем в области литературы, каким не может похвалиться за этот период ни одна страна, кроме России. Мещане они или не мещане, но эти люди творят гораздо больше, чем другие, и налагают свою печать также и на литературу других народов, не в последнюю очередь и на немецкую.

На мой взгляд, эти факты обязывают нас точнее исследовать особенности норвежского «мещанства».

И тут Вы, вероятно, обнаружите сами весьма существенное различие. В Германии мещанство есть плод неудавшейся революции, плод прерванного и задержанного развития; благодаря Тридцатилетней войне и последовавшему за ней периоду оно приобрело свойственный ему крайне резко выраженный характер трусости, ограниченности, беспомощности и неспособности к какой бы то ни было инициативе, между тем как почти все другие крупные народы как раз в это время переживали быстрый подъем. Этот характер немецкое мещанство сохранило и впоследствии, когда Германия была снова подхвачена потоком исторического развития; этот характер был достаточно устойчив, чтобы в большей или меньшей мере наложить отпечаток и на все остальные общественные классы Германии в качестве общенемецкого типа, пока наш рабочий класс не прорвал, наконец, эти узкие рамки. Немецкие рабочие потому-то главным образом и «не имеют отечества», что они целиком стяхнули с себя немецкую мещанскую ограниченность.

Таким образом, немецкое мещанство — вовсе не нормальный исторический этап, а доведенная до крайности карикатура, своего рода вырождение, совершенно так же, как польский еврей — карикатура на еврея. Английский, французский и всякий другой мелкий буржуа отнюдь не стоит на одном уровне с немецким.

Напротив, в Норвегии мелкое крестьянство и мелкая буржуазия с небольшой примесью средней буржуазии — примерно так же, как было в Англии и во Франции в XVII веке, — есть нормальное состояние общества в течение многих столетий. Здесь и речи нет о насильственном отбрасывании назад в условия отжившего прошлого из-за неудавшегося крупного движения или из-за какой-нибудь Тридцатилетней войны. Вследствие своей изолированности, а также вследствие природных условий страна отстала, но общее ее состояние вполне соответствует ее производственным условиям и поэтому является нормальным. Лишь в самое последнее время в стране спорадически появляются кое-какие начатки крупной промышленности, но для сильнейшего рычага концентрации капиталов, для биржи, там нет места; к тому же огромный размах морской торговли оказывает как раз консервирующее влияние. Ибо если во всех других странах пароход вытесняет парусные суда, то Норвегия в огромной степени увеличивает свое парусное судоходство и обладает если не самым большим в мире, то, наверное, вторым по величине парусным флотом, составляющим по большей части собственность мелких и средних судовладельцев, как это было, скажем, в Англии около 1720 г. Но все же старое застойное существование пришло тем самым в движение, и это движение выражается также и в подъеме литературы.

Норвежский крестьянин никогда не был крепостным, и это дает всему развитию, подобно тому как в Кастилии, совсем другой фон. Норвежский мелкий буржуа — сын свободного крестьянина, и вследствие этого он *настоящий человек* по сравнению с опустившимся немецким мещанином. И каковы бы ни были недостатки, например, ибсеновских драм, они отображают перед нами хотя маленький и среднебуржуазный, но совершенно несоизмеримый с немецким мир — мир, в котором люди еще обладают характером и инициативой и действуют, хотя зачастую с точки зрения иноземных понятий довольно странно, но самостоятельно. Подобные вещи я предпочитаю основательно изучить, прежде чем высказывать о них свое суждение.

Возвращаясь снова к тому, с чего я начал, т. е. к г. Бару, я должен сказать, что меня удивляет, до чего в Германии люди

ужасно торжественно относятся друг к другу. Остроумие и юмор, повидимому, запрещены более строго, чем когда бы то ни было, скука сделалась гражданским долгом. Иначе Вы, несомненно, несколько внимательнее рассмотрев «Женщину» г. Бара, увидели бы, что она лишена всех «исторически развившихся» черт. Исторически развилась ее кожа, ибо она должна быть белой или черной, желтой, коричневой или красной, — следовательно, у нее не может быть общечеловеческой кожи. Исторически развились ее волосы — курчавые или волнистые, кудрявые или прямые; черные, рыжие или белокурые. Следовательно, в общечеловеческих волосах ей отказано. Что же останется, если отнять у нее вместе с кожей и волосами все исторически сложившееся? Перед нами предстанет женщина как таковая? Просто-напросто обезьяна *anthropopithecus*¹; пусть г. Бар берет ее — «легко осязаемую и прозрачную» — к себе в постель вместе с ее «естественными инстинктами».

125.

Николаю Францевичу Даниельсону

в Петербург.

Лондон, 10 июня 1890 г.

Милостивый государь,

Я получил Ваши любезные письма от 18 декабря, 22 января, 24 февраля и 17 мая, а также и статью г. Лафарга, возвращенную ему обратно редакцией. Я сообщил ему, что Вы писали ему дважды — в марте и апреле, — но не имеете положительного ответа о получении им двух Ваших писем. Его жена, которая находится сейчас здесь, не помнит точно, получил ли он эти письма. Она очень сожалеет о переходе «Северного Вестника» в другие руки и просит меня поблагодарить Вас от своего имени и от имени ее мужа за Ваши хлопоты в их интересах.

Что касается четвертого издания I тома «Капитала», то я уже сдал в печать 39—42-й корректурные листы. Во всем томе будет менее 50 листов, так как шрифт на этот раз хотя и крупнее, но строчки теснее. Как только книга выйдет из печати, я сейчас же пошлю ее Вам.

Я снял копии на пишущей машинке со всех писем к Вам нашего автора², так любезно предоставленных Вами в мое пользование

¹ Самка обезьяночеловека предполагаемой переходной формы между человекообразной обезьяной и человеком.

² К. Маркса.

(их перепечатала младшая дочь автора). Поэтому я могу вернуть их Вам теперь же заказным письмом, если Вы ничего не имеете против этого способа отправки.

Я очень благодарен Вам за Ваши постоянные интересные сообщения об экономическом положении Вашей великой страны. Под гладкой поверхностью политического спокойствия в ней совершается такая же великая и такая же важная экономическая перемена, как и во всякой другой европейской стране, и наблюдать за ходом этой перемены представляет величайший интерес. Рано или поздно последствия этой экономической перемены непременно разовьются и в других направлениях.

Мы здесь узнали о смерти Н. Г. Чернышевского, по поводу чего выражаем свою глубокую скорбь и соболезнование. Но, может быть, для него это было лучше.

Большое спасибо за Ваши поздравления с победой 20 февраля: событие этого дня порадовало здесь не одного человека.

Я был так чрезмерно занят, и мое зрение, хотя и улучшается, но так сильно утомляется чтением русской печати, что я все еще не мог прочесть указанной Вами статьи в «Ежегоднике», но я непременно сделаю это в первую свободную минуту. Отмеченное Вами неправильное употребление экономических терминов является обычным недостатком в литературе всех стран. Здесь, в Англии, термин *рента* одинаково обозначается как плата за землю английского фермера-капиталиста лендлорду, так и плата за землю ирландского бедняка-фермера, который уплачивает настоящую дань, слагающуюся, главным образом, из вычетов из его продовольственного фонда, предназначенного для его собственного содержания, заработанного им собственным трудом, и состоящую лишь в самой ничтожной степени из настоящей ренты. Точно так же и в Индии англичане превратили земельный налог, платившийся райотом (крестьянином) государству, в «ренту» и вследствие этого, по крайней мере в Бенгалии, превратили земиндара (сборщика налогов в пользу индийского государя) в лендлорда, владеющего землей в силу номинального пожалования от короны, подобно тому как это происходит в Англии, где король считается номинальным собственником всей земли, а крупные дворяне — ее действительные собственники, в силу юридической фикции — являются лишь ленными владельцами по пожалованию короля. То же самое произошло в Северной Ирландии, когда ее в начале XVII столетия рассматривали как непосредственную часть английских владений. Английский юрист сэр Джон Дэвис застал там сельскую общину с общим владением землей,

переделявшейся периодически между членами клана, платившими известную подать главе своего клана; он сразу же объявил эту подать «рентой». Так, шотландские лэрды (lairds), т. е. главы кланов, после восстания 1745 г. поспешили воспользоваться этим юридическим смешением подати, уплачивавшейся им членами клана, с «рентой» за землю, находившейся в их владении, для того чтобы превратить всю землю клана в свою личную собственность, в частную собственность лэрдов. Если бы они не были лендлордами, заявляли юристы, то как могли они получать ренту за эти земли? Таким образом, это смешение подати с рентой послужило основой для конфискации всех общинных земель в шотландских горных округах в пользу немногочисленных глав кланов, которые вскоре после этого изгнали прежних владельцев, членов клана, с их земель и заменили их овцами, как это описано в «Капитале», гл. 24, 3 (стр. 754, третье издание).

С приветом искренне Ваш

Ф. В. Рошер.

126.

Герману Шлютеру
в Нью-Йорк.

Лондон, 14 июня 1890 г.

Дорогой Шлютер,

Спешу сообщить тебе в двух словах, что я очень охотно даю согласие на опубликование биографии Маркса, но мне некогда ее составить. Материал можно найти, между прочим, в некрологе о Марксе в марте 1883 г. в «Sozialdemokrat».

Поздравляю со званием «руководителя»¹.

Здесь все пока в порядке, в Германии тоже; Вильгельмхен грозит отменить всеобщее избирательное право — ничего лучшего для нас не могло бы произойти! Но мы и без того достаточно быстро идем навстречу или мировой войне, или мировой революции, или и тому и другому.

Сердечный привет твоей жене; очень рад, что там она чувствует себя лучше, чем здесь.

Твой Ф. Э.

¹ Речь идет о временном назначении Шлютера главным редактором «New-Yorker Volkszeitung».

127.

Вильгельму Либкнехту
в Берлин.

Лондон, 19 июня 1890 г.

Дорогой Либкнехт,

Каждую минуту перемена декорации. Шорлеммер приглашает меня проехаться по морю в июле; есть и другие проекты на выбор. Мой врач советует мне уезжать как можно скорее и летом подлечиться, чтобы зимой не хворать. Я сам замечаю, что бессонница мешает мне работать, и я как можно скорее должен сделать перерыв. Поэтому было бы неблагоприятно отказаться от этого плана.

С другой стороны, Лаура настаивает, чтобы Ленхен провела с ней две недели в Париже; во время моего отсутствия это было бы вполне приемлемо и принесло бы старушке большую пользу.

Вдобавок и ваш рейхстаг еще заседает, а за две недели вперед нельзя предвидеть, будет ли он распущен и когда именно.

Итак, очень возможно, что дней через десять я исчезну отсюда недели на три. К 25—26 июля я во всяком случае уже вернусь, а Ленхен, вероятно, еще несколько раньше. Если ты сможешь устроить свою поездку так, чтобы приехать сюда, скажем, после 21 или 22 июля, то для тебя все будет приготовлено, а через несколько дней я и сам уже буду на месте.

Все это, разумеется, пока только предварительные соображения, а что-либо определенное я смогу сообщить тебе лишь через несколько дней, но считаю более удобным уведомить тебя об этом теперь же; еду я почти наверняка, но подробности еще не выяснены. Несомненно только, что я вернусь в Лондон до конца июля, а Ленхен до меня. Ни один из проектов не задержал бы меня дольше 26-го.

Итак, Гельголанд, повидимому, должен перейти к Германии. Я заранее радуюсь воплям бравых гельголандцев, которые будут отбиваться руками и ногами от присоединения к великому казарменному отечеству. И они будут совершенно правы; тотчас же после аннексии их остров будет превращен в большую крепость для господства над расположенной на северо-востоке от него якорной стоянки; бедняги подвергнутся лишению имущества по суду, как если бы они были обыкновенными ирландскими арендаторами или шотландскими овцами, уступающими место оленям. О нет, о нет, отечество немца должно быть великим, но ни одному немцу, живущему вне

пределов Германии, возвращаться туда не хочется. Шлезвиг-гольштинский Эльзас на море! Этого еще не хватало для немецкой имперской комедии!

Твой Ф. Э.

128.

Вильгельму Либкнехту

в Берлин.

Лондон, 30 июня 1890 г.

Ответ ¹, написанный мною от твоего имени, только спровоцировал бы г. Гайндмана на такого рода возражение: нас интересует не мнение г. Энгельса, а показание самого Либкнехта. И к тому же это здесь совсем не принято. Ты видишь, что г. Ф. Гиллес занялся этим делом, чтобы нажить на этом капитал. Итак, если ты не хочешь писать прямо в «Justice», то ответь в «The People's Press» (редактор Ричард Делл), 1 Hare Place, Fleet street, Лондон, Е. С. Посылаю тебе последний номер этой газеты.

Искать квартиру в Берлине, действительно, должно быть приятное занятие!

Твой Ф. Э.

129.

Герману Энгельсу

в Энгельскирхеп.

Дронтгейм, 8 июля 1890 г.

Перед самым отплытием к Нордкапу не могу не подать о себе весточки из Дронтгейма. Я только что съел самого лучшего омара, какого мне когда-либо доводилось отведать, запил его прекрасным пивом и любовался громадным водопадом. В 9 часов я отправляюсь сперва в Тромсе, оттуда к Нордкапу, затем обратно в норвежские фиорды, а 26 июля буду опять на Темзе. Погода пока довольно хорошая; только вчера было пасмурно, но сегодня опять небо прояснилось. Люди здесь мне очень нравятся; девушки носят на голове платок, как и у нас, и кажется, будто с ними уже встречался когда-то

¹ Речь идет о выступлении В. Либкнехта против кампании, предпринятой в «Justice» Гиллесом в июне 1890 г. Передавая якобы имевшее место интервью Либкнехта с французским журналистом, Гиллес приписал Либкнехту заявление: «мы не революционеры».

на Зибенгебирге или на Эйфеле. Однако перо отвратительное, и мне лишь с трудом удалось нацарапать эти строки. Привет Эмме, детям, Рудольфу, Матильде, Гедвиге и всем остальным.

Твой Фридрих.

130.

Вильгельму Либкнехту

в Берлин.

Бергенский рейд, яхта «Цейлон»,

22 июля 1890 г.

Дорогой Либкнехт,

Благополучно возвратившись под цивилизованные широты из нашего путешествия к Нордкапу, — мы с Шорлеммером отплыли из Лондона 1 июля, — спешу сообщить тебе, что в субботу, 26-го с./м., мы, очевидно, будем в Лондоне и хотим тебя видеть как можно скорее. Приезжай, если можешь, обязательно до нашего приезда, так как мы, вероятно, поедem еще к морю и думаем соблазнить и тебя на поездку с нами; хорошо, если у тебя останется время на все необходимые в Лондоне хлопоты.

Первое известие, полученное нами из внешнего мира, мы прочли сегодня на корабле, оно гласит: германская социал-демократия с 1 октября начнет перестраиваться и разрабатывает план организации, который будет передан на обсуждение и утверждение съезда в октябре. Кроме этого — ничего особенного, но забавно, что с первого же шага тебя встречает именно *это* известие.

Так как молодой Вильгельм осчастливил Норвегию своим посещением одновременно с нами, то я сохранял свой маршрут в строгой тайне, чтобы избежать полицейских придирок. На обратном пути мы в Мольде встретили германский флот, но «подающего надежды молодого человека» там не было: он отправился прогуляться на миноноске и незаметно проехал мимо нас в Гейрангерфьорде, к великой досаде находившейся на нашем судне английской буржуазной шайки, которая охотно покричала бы «ура» живому императору.

Из всего флотского экипажа одни лишь матросы — настоящие молодцы, а молодые офицеры и гардемарины «истые гвардейцы». У прапорщиков в ходу все те же выражения, что и при царе Горохе, старшие же офицеры, которых мы в отеле встретили в штатском платье, были уже совершенно иными, — они ничем не отличались от обыкновенных штатских. Преобладает старопрусский диалект. Невероятно смешны были два жирных адмирала, которые, втиснувшись в маленькую норвежскую колясочку (в ней едва хватало места на одного),

объезжали город с визитами (весь Мольде дважды уместился бы в Primrose Hill); сзади видны были лишь эполеты и треуголки.

Поездка была очень приятной и интересной, а норвежцы мне очень понравились. В Тромсе мы посетили лапландцев с их оленями, в Гаммерфесте видели целые горы трески — я подумал было, что это дрова — у Нордкапа любовались пресловутыми белыми ночами. Но ничто так не надоедает, как этот вечный дневной свет; всегда ложишься спать при ярком свете.

Пиво мы добросовестно отведали вплоть до 71° широты, оно не плохое, но хуже немецкого, и повсюду в бутылках. Только в Дронтгейме мы достали пиво из бочек. Между прочим, здесь усиленно пытаются ввести закон об умеренном потреблении алкоголя, и бисмарковская водка будет находить тут все меньший сбыт. Имеется ли в Бергене пивная, в которой можно получить пиво из бочки, это мы, вероятно, сегодня же разузнаем.

По железной дороге из Воссевангена в Берген поезд проходит 108 километров в 4½ часа — 2¼ километра в час! Но, правда, ехать приходится среди всевозможных скал, почти весь путь проложен с помощью взрывов.

На севере, в Свартисене, представляющем собой огромную поверхность ледника, мы взобрались на глетчер, отделенный от моря только низкой мореной и поднимающийся, следовательно, приблизительно до 100 футов над уровнем моря.

Однако пора завтракать; кончаю, чтобы тотчас же после завтрака сдать письмо на почту.

Сердечный привет твоей жене и детям, а также тебе самому от Шорлеммера и твоего

Ф. Энгельса.

131.

Фридриху-Альберту Зорге

в Маунт-Дезерт.

Лондон, 30 июля 1890 г.

Мы с Шорлеммером вернулись из очень приятного и интересного путешествия к Нордкапу и по Норвегии. С субботы я снова примусь за корреспонденцию и наверстаю упущенное. Моргана получил; очень тебе благодарен, тем более что ты обошелся без посредничества Эли. Всегда неприятно быть обязанным такому посреднику. Письма, о которых идет речь, я тоже получил и уничтожил.

«People's Press» также, вероятно, недели через две прекратит свое существование. С ее помощью фабрианцы пытались пролезть к руководству движением. Два главные дельца обнаруживали благие намерения, но в гораздо большей степени отсутствие делового опыта и опыта в журналистике, так что все пошло вкривь и вкось. Опять наступит неприятный перерыв, который приведет, надеюсь, к созданию органа новых союзов.

Обе битвы в Лидсе были великолепны ¹. Это было лучшей новостью для нас по возвращении.

В Бергене тоже существует социал-демократическая организация, но у меня не было ни времени, ни возможности посетить ее. Я видел лишь по газетам, что у них собственное помещение и они возбудили ходатайство о разрешении им открыть пивную.

Наша поездка была очень удачна. Тусси и Эдуард тоже едут на будущей неделе в Норвегию. Привет от Шорлеммера и горячий привет твоей жене от твоего

Ф. Э.

132.

Вильгельму Либкнехту
в Лейпциг.

Лондон, 4 августа 1890 г.

Дорогой Либкнехт,

До 15 августа я, к сожалению, не могу оставаться здесь, в конце будущей недели мы, вероятно, поедem к морю; куда именно — я тебе напишу, как только этот вопрос будет разрешен ко всеобщему удовлетворению. Твое заявление было напечатано в «People's Press», что не помешает «Justice» продолжать свои мелочные нападки: эти люди неисправимы, они хотят заставить вас и меня ползать на коленях перед ними и POSSIBILITYстами, но этого им не дожидаться. Теперь они приобрели союзника в лице великого Гиллеса. — Поздравляю!

Твой Ф. Э.

133.

Иоганну Дитцу
в Штуттгарт.

Лондон, 5 августа 1890 г.

Многоуважаемый г. Дитц,

У Фишера новые возражения против *немедленного* переиздания «Происхождения». Я в сущности этому рад, потому что собираюсь

¹ См. письмо Энгельса — Н. Либкнехт от 2 декабря 1891 г.

еще поехать к морю, где о работе и думать нечего, да к тому же работа отнюдь не была бы для меня теперь полезна. Итак, подожду, пока все это не разрешится ко всеобщему удовлетворению.

С содержанием прилагаемой записки к К. Каутскому ознакомьтесь, пожалуйста, до того, как отошлете ее, и, в случае надобности, примите необходимые меры.

С наилучшим приветом

Ваш Ф. Энгельс.

134.

Карлу Каутскому

в Штуттгарт.

Лондон, 5 августа 1890 г.

Дорогой Каутский,

Твое письмо от 3 июля пролежало здесь, пока мы с Шорлеммером разгуливали по Норвегии, кстати сказать, с большой пользой для здоровья.

Так как я не знаю, куда писать, то посылаю это письмо Дитцу, и притом незапечатанным, чтобы в новый проспект «*Neue Zeit*», который Эде показывал мне в воскресенье, можно было тотчас внести соответствующие изменения, если они будут желательны.

Ты можешь обещать от моего имени статью «Из последних исследований»¹, а я, в свою очередь, действительно обещаю ее тебе и свое обещание намерен выполнить, частью даже выполнил, так как добрая половина статьи уже готова. Однако, когда она будет готова полностью, зависит от обстоятельств — либо очень скоро, либо очень не скоро, — может быть, и в будущем году.

Если Бебель будет вести еженедельный обзор так же хорошо, как он писал до сих пор свои корреспонденции в «*Arbeiter-Zeitung*» Виктора Адлера, то вы, действительно, можете себя поздравить. Я имею, конечно, в виду прежде всего *Германию*.

Адрес Зорге: Ф.-А. Зорге, Хобокен, Н. Д. (т. е. Нью-Джерси), Соединенные Штаты Америки. Он самый подходящий человек для вас. Я тоже напишу ему по этому поводу. Конечно, ему вы должны будете платить *исключительно высокий гонорар*, иначе он предпочтет давать уроки музыки. Затем вы едва ли заставите его давать *регу-*

¹ Статья Энгельса «Из последних исследований» была закончена им в 1894 г. и опубликована под названием «*Zur Geschichte des Urchristentums*» («К истории раннего христианства») в «*Neue Zeit*» за 1894—1895 гг., ч. I, стр. 4—13, 36—43. См. Соч. Маркса и Энгельса, т. XVI, ч. II, стр. 407—431.

лярные корреспонденции, да этого и не нужно. Иногда проходят месяцы без важных событий, а иной раз каждую неделю приходится сообщать о серьезных событиях.

В нашей исследовательской экспедиции мы добрались до Нордкапа, где ели треску собственного улова. Целых пять суток не видели ночи — только сумерки, но зато повидали лапландцев. Это маленькие опрятные человечки, очень смешанной расы; с темными, черными волосами и даже светлорусыми; черты лица в среднем монгольские, но с отклонением от американских индейцев (на каждого индейца приходится примерно по шести лапландцев) вплоть до германцев. Эти человечки, живущие еще на три четверти в каменном веке, очень интересны.

Привет.

Твой Ф. Э.

• 135.

Конраду Шмидту
в Берлин.

Лондон, 5 августа 1890 г.

Дорогой Шмидт!

Ваше письмо путешествовало в моем кармане до самого Нордкапа и по полдюжине норвежских фьордов; я хотел ответить на него в пути, но на судне, на котором Шорлеммер и я проделали все путешествие, невозможно было писать. Поэтому наверстываю упущенное сейчас.

Большое спасибо за сообщения о Ваших делах, которые меня всегда очень интересуют. Статью о Кнаппе Вам все-таки следует написать, это очень важный вопрос. Дело идет о том, чтобы уничтожить прусскую традицию в одном из основных ее пунктов — старом хвастовстве.

Обработать английские Синие книги для Архива навряд ли может тот, кто не живет в Лондоне и не в состоянии *сам* судить о теоретическом и практическом значении отдельных документов. Количество публикуемых парламентом документов так велико, что к ним издаются специальные ежемесячные каталоги; таким образом, Вы были бы вынуждены искать иголку в стоге сена и, в конце концов, наткнуться на булавку. Однако, если бы Вы все же захотели предпринять что-либо в этом направлении, — это по большей части египетская работа, если делать ее как следует, — то я охотно приду Вам на помощь. Впрочем, если Браун хочет иметь для этого дела

постоянного человека, то он не мог бы придумать ничего лучшего, как обратиться к Э. Бернштейну (его адрес: 4 Corinne Road, Tufnell Park). Эде Бернштейн, как только освободится от «Sozialdemokrat», собирался изучать положение дел в Англии, так что это было бы и для него, вероятно, кстати. Сегодня или завтра он уезжает на несколько недель к морю, поэтому я не смогу теперь же спросить его об этом.

Отзыв о книге Пауля Барта¹, написанный злополучным Морицом Виртом, я читал в венском «Deutsche Worte». Эта критика, а также и сама книга произвели на меня неблагоприятное впечатление. Я просмотрю ее, но должен сказать, что если Морицхен цитирует правильно то место, где Барт утверждает, будто он во всех сочинениях Маркса смог найти всего лишь один пример зависимости философии и т. д. от экономики, именно тот, что Декарт объявляет животных машинами, то во мне просто возбуждает жалость человек, который может писать подобные вещи. И если этот человек еще не понял, что признание материальных условий существования является первопричиной, что не исключает возможности обратного, вторичного воздействия идеологии на материальные условия, если это ему неясно, то он ни в коем случае не мог понять и того предмета, о котором пишет. Но, повторяю, ведь это все из вторых рук, Морицхен же — роковой друг. Материалистическое понимание истории имеет теперь множество таких друзей, для которых оно служит предлогом, чтобы не изучать истории. Это подобно тому, как Маркс сказал о французских марксистах конца 70-х годов: «Я знаю только одно, что я не марксист».

В «Volks-Tribüne» тоже происходила дискуссия о том, будет ли распределение продуктов в будущем обществе соответствовать количеству труда или построено по иному принципу. К вопросу подошли сугубо «материалистически» в противоположность известным идеалистическим фразам о справедливости. Но, как ни странно, никому не пришло в голову, что способ распределения существенным образом зависит от количества распределяемых продуктов и что это количество, конечно, меняется вместе с прогрессом производства и общественной организации; а следовательно, должен был бы меняться и способ распределения. Но у всех участников дискуссии «социалистическое общество» оказывается не чем-то постоянно меняющимся и прогрессирующим, а раз навсегда установленным и определенным и

¹ П. Барт, «Die Geschichtsphilosophie Hegels und der Hegelianer bis auf Marx und Hartmann» («Философия истории Гегеля и гегельянцев до Маркса и Гартмана включительно»), изд. 1890 г.

должно, следовательно, иметь раз навсегда установленный определенный способ распределения. Здравомысленно рассуждая, можно только: 1) попытаться открыть способ распределения, с которого следует *начать*, и 2) постараться отыскать общее *направление*, по которому идет дальнейшее развитие. Но об этом я во всей дискуссии не нахожу ни слова.

Вообще, для многих молодых писателей в Германии слово «материалистический» служит просто в качестве фразы, которую они применяют к разным вещам, не давая себе труда заняться дальнейшим изучением, т. е. приклеивают этот ярлычок и считают, что этим все исчерпывается. Но наше понимание истории есть главным образом руководство к изучению, а не рычаг для конструирования на манер гегельянства. Всю историю надо начать изучать заново. Надо исследовать в деталях условия существования различных общественных формаций, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частно-правовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. воззрения. В этом отношении сделано до сих пор очень мало, потому что очень немногие люди серьезно этим занимались. В этом отношении нам нужна большая помощь, область бесконечно велика, и тот, кто хочет работать серьезно, может многое создать и отличиться. Но вместо этого у многих немцев из молодого поколения фраза об историческом материализме (все можно ведь превратить в фразу) служит только для того, чтобы возможно скорее систематически сконструировать свои собственные, относительно весьма скудные исторические знания (экономическая история ведь еще в пеленках!) и затем с гордостью смотреть на свой подвиг и казаться самим себе великими. И тогда может явиться какой-нибудь Барт и начать наступление на то, что в его среде, во всяком случае, сведено уже к пустой фразе.

Но все это выравнивается. Мы в Германии теперь достаточно сильны, чтобы вынести многое. Одной из величайших услуг, оказанных нам законом против социалистов, было то, что он освободил нас от навязчивости немецкого студента с социалистическим налетом. Теперь мы достаточно сильны, чтобы переварить и немецкого студента, который снова очень уж заважничал. Вы сами действительно уже кое-что сделали и должны знать, как мало среди молодых литераторов, приставших к партии, таких, которые дают себе труд изучать экономику, экономическую историю, историю торговли, промышленности, земледелия, общественных форм. Многие ли из них знают о Маурере больше, чем одно только его имя! Самомнение журналиста должно все преодолеть, а этому соответствуют

и результаты. Эти господа сплошь и рядом воображают, что для рабочих все годится. Если бы они знали, как Маркс считал свои лучшие вещи все еще недостаточно хорошими для рабочих, как он считал преступлением предлагать рабочим что-нибудь не самое лучшее.

Нашим рабочим и только им я безусловно доверяю после блестяще выдержанного ими с 1878 г. испытания¹. Как и всякой большой партии, им не избежать отдельных ошибок, возможно даже и больших. Массы учатся ведь только на последствиях своих собственных ошибок, приобретая опыт на своей собственной шкуре. Но все это будет преодолено, и у нас гораздо легче, чем где бы то ни было, потому что наша молодежь действительно обладает несокрушимым здоровьем, и, кроме того, еще и потому, что Берлин, который едва ли скоро освободится от своего специфического берлинства (Berlinertum), является у нас, подобно Лондону, центром лишь формально, а не тем, чем Париж для Франции. Я очень часто сердился на французских и английских рабочих, несмотря на то, что понимал причины их ошибок, а на немцев с 1870 г.² — никогда: правда, приходилось сердиться на отдельных лиц, говоривших от их имени, но никогда — на массы, которые все опять вводили в колею. И я готов биться об заклад, что на них сердиться мне никогда не придется.

Ваш Ф. Энгельс.

Я посылаю на адрес «Volks-Tribüne», так как не знаю, годится ли еще Панков³.

136.

Фридриху-Альберту Зорге

в Маунт-Дезерт.

Лондон, 9 августа 1890 г.

Дорогой Зорге!

На прошлой неделе, в среду, я послал открытку, в которой сообщал тебе с благодарностью о получении Моргана. Сегодня ограничусь несколькими строками, поскольку для этого осталось время до закрытия почты.

¹ 1878 г. — год введения в Германии исключительного закона против социалистов.

² 1870 г. — начало франко-прусской войны. См. Энгельс — Предисловие к «Крестьянской войне в Германии». Соч. Маркса и Энгельса, т. XV, стр. 141.

³ Предместье Берлина.

Поездка к Нордкапу пошла нам обоим на пользу, и если я еще недели три-четыре проведу у моря, куда мы едем на будущей неделе (меня задержали здесь всякие домашние дела), то я надеюсь снова совершенно восстановить свое здоровье. На вид я совершенно здоров; на нашем пароходе (паровая яхта в 2 200 тонн), на котором мы проделали все путешествие туда и обратно, заходя во все норвежские фиорды, наши три врача никак не хотели поверить, что мне в этом году стукнет 70 лет. Сплю я тоже без сульфонала, но долго ли это протянется?

Тусси и Эвелинг в среду также уехали в Норвегию; удивляюсь, как такие горячие поклонники Ибсена могли до сих пор удержаться от посещения новой обетованной земли. Но не испытают ли они опять разочарования, как в Америке? Во всяком случае, как Америка в общественном отношении, так Норвегия по своим природным данным является основой того, что филистер называет «индивидуализмом». Через каждые две-три английские мили можно видеть на скалах рыхлую землю, плодами которой могла бы, *пожалуй*, кормиться целая семья; и действительно, на этих местах живут семьи, которые отрезаны от всего мира. Люди здесь, т. е. в деревне, красивые, сильные, смелы, ограничены и фанатически религиозны. Города похожи на голландские или немецкие приморские городки. В Бергене существует социал-демократическое товарищество, которое, к ужасу господствующих там трезвенников, требует для себя права продавать в своем клубе пиво. Я читал в «Bergensposten» статью, полную возмущения этим фактом.

В Германии подготавливается маленький скандалчик к съезду¹. Господин Шиппель, возвращенный Либкнехтом, и другие литераторы хотят устроить нападение на партийное руководство и организовать против него оппозицию. После падения закона против социалистов помешать этому будет невозможно. Партия настолько велика, что необходима абсолютная свобода обмена мнений внутри партии. Иначе нельзя вовсе ассимилировать и воспитать множество новых элементов, пришедших к ней за последние три года; многие из них представляют собой совершенно незрелый, сырой материал. Новому приросту в 700 тыс. человек за три года (считая только избирателей) нельзя вдалбливать, как школьникам; тут необходимы дискуссии и даже небольшой скандал, что было бы полезно на первых порах. Возможности раскола совершенно не приходится опасаться; эту

¹ Съезд Германской социал-демократической партии, происходивший с 12 по 18 октября 1890 г. в Галле.

опасность устраняет существующий в течение 12 лет гнет. Но эти нахальные литераторы, страдающие манией величия, изо всех сил интригуют и умничают, чем причиняют руководству партии столько необычных хлопот и огорчений и вызывают гораздо большее раздражение против себя, чем они того заслуживают. Вследствие этого партийное руководство вело борьбу крайне неумело. Либкнехт то и дело угрожает «вышвырнуть вон»; даже Бебель, обычно такой тактичный, в пылу раздражения опубликовал далеко не умное письмо¹. А господа литераторы кричат теперь о подавлении свободы критики и т. д. Главными органами этой новой оппозиции являются: «Berliner Volks-Tribüne» (Шиппель), «Sächsische Arbeiterzeitung» (Дрезден) и «Magdeburger Volksstimme». Кое-какие последователи у них имеются в Берлине, Магдебурге и т. д., в особенности среди новых членов партии, которых еще легко можно подкупить фразами. Я увижусь здесь с Бебелем и Либкнехтом еще до конгресса и постараюсь убедить их в неразумности всяких выбрасываний, которые основаны не на доказательстве вредных для партии поступков, а только на обвинении в оппозиции. Самая большая партия в государстве не может существовать без того, чтобы в ней не проявлялись всякого рода оттенки, и надо избегать даже *видимости* всякой диктатуры à la Швейцер. С Бебелем мне не трудно будет сговориться, но Либкнехт до такой степени поддается минутным влияниям, что способен пренебречь всеми обещаниями, хотя, как всегда, из самых лучших побуждений.

Здесь у нас летнее затишье. Только Гайндман в ответ на мою майскую статью в венской «Arbeiter-Zeitung»² снова напоял убил меня в своей «Justice», назвав меня «великим ламой» с «Regent Park Road».

Лафарг пишет, что во Франции все генералы в министерстве, в сенате и палате решительно высказываются против всякой войны. И они правы. Если бы дело дошло до войны, можно было бы держать пари на три против одного, что после нескольких сражений Россия вошла бы в соглашение с Пруссией за счет Австрии и Франции, так что каждая из них пожертвовала бы союзником.

Статья Лафарга в «Neue Zeit»³ о французском движении очень хороша и очень легко написана, но я предпочел бы, чтобы ее

¹ Письмо А. Бебеля опубликовано в газете «Berliner Volksblatt» № 173 от 29 июля 1890 г.

² См. примечание к письму Энгельса Ф.-А. Зорге от 29 мая 1890 г.

³ Статья П. Лафарга «Der Sozialismus in Frankreich» («Социализм во Франции») опубликована в «Neue Zeit» за 1890 г., стр. 337—353.

перевел Эде Бернштейн вместо Каутского; последний слишком тяжеловесен.

Только что получил экземпляры нового немецкого издания «Манифеста», посылаю тебе один.

Сердечный привет твоей жене, тебе и Шлютерам от Шорлеммера, а также и твоего

Ф. Энгельса.

137.

Вильгельму Либкнехту

в Лейпциг.

Лондон, 10 августа 1890 г.

Дорогой Либкнехт,

Я задержался здесь, потому что дом, в котором я живу, переходит к другому владельцу; мы сможем, вероятно, выехать только в четверг, очевидно, в Фолькстон. Наш адрес я оставляю здесь на почте, в Кентиш-Тауне, а также сообщу его тебе в Лейпциг. Надеюсь, что ты тотчас же по приезде посетишь нас у моря. Ты пишешь, что не сможешь приехать сюда *до* 15-го, я осмеливаюсь поэтому сделать вывод, что ты не выберешься и сейчас же *после* 15-го, по крайней мере по аналогии с последними отсрочками. Таким образом, если бы ты приехал к первому сентября или немного позже, то мог бы побыть некоторое время у нас, *вместе* с нами вернуться в Лондон (около 11 сентября) и остановиться у нас.

В наше отсутствие дома будет ремонт. В этом году нужно снять ковры, а также переменить обои и побелить потолки. Кроме того, неприятный опыт в денежных расходах заставил меня на время нашего отсутствия заплатить прислуге не только жалование, но и оплатить стоимость ее питания; такой порядок, конечно, неудобен потому, что невозможно будет не только принимать гостей, но и самому ночевать дома. Если ты приедешь раньше, то тебе, конечно, придется принять приглашение Моттелера. Но я думаю, что ты устроишься так, как я предлагаю выше.

Во всяком случае, надеюсь увидеть тебя до съезда. В вашем проекте ¹ целый ряд недостатков; самый большой из них, которым вы совершенно зря, по-моему, даете повод для вечных нареканий, заключается в том, что правление *сами* для себя назначает оклады, хотя и с согласия фракции. Я получил сегодня «Sächsische

¹ Речь идет о проекте устава Германской социал-демократической партии.

Arbeiterzeitung», в которой господа литераторы критикуют ваш проект. Многое в этой критике чистейшее ребячество, но отдельные слабые места в программе они почуяли инстинктивно. Например, то, что *каждый* избирательный округ может послать до трех представителей. Какой-нибудь Бальман или Гехберг мог бы, значит, если бы только рискнул затратить деньги, выставить по три представителя в округах, в которых за нас будет подана едва тысяча голосов. Конечно, денежный вопрос в общем всегда будет фактором, косвенно регулирующим состав делегации. Но, по-моему, не умно ставить в зависимость исключительно от этого вопроса соотношение между числом делегатов и числом представляемых ими партийных товарищей.

Далее, согласно § 2 — по *буквальному его смыслу* — какая-нибудь захолустная группка в три человека может исключить тебя из партии, пока правление партии тебя не реабилитирует; наоборот, съезд партии никого не может исключить, а может действовать только как апелляциянная инстанция.

Во *всякой* активной партии, имеющей парламентских представителей, фракция представляет собой очень большую силу. Она обладает этой силой независимо от того, признана она уставом или нет. В таком случае, спрашивается, умно ли ее ставить в уставе в такое положение, при котором она безусловно господствует над правлением, как это сделано в §§ 15—18. Наблюдение над правлением — очень хорошо, но, пожалуй, лучше всего было бы подавать жалобы в независимую комиссию, за которой оставалось бы решающее слово.

Завосемь лет у вас массовый прирост в миллион голосов. Эти новые люди не могли при законе против социалистов в достаточной мере пользоваться литературой и подвергаться достаточному воздействию агитации, чтобы быть на уровне старых членов партии. У многих из них нет ничего, кроме доброй воли и благих намерений, которыми, как известно, вымощен ад. Было бы чудом, если бы они не пылали рвением всех новообращенных. Они представляют собой поэтому людей, которые могут легко поддаваться влиянию, а также и злоупотреблениям со стороны назойливых литераторов и студентов, стоящих в оппозиции к вам, как мы это видим, например, в Магдебурге. В этом заключается опасность, которую нельзя недооценивать. Ясно, конечно, что на этом съезде вы справитесь с этой опасностью шутя. Но позаботьтесь о том, чтобы не были посеяны семена для затруднений в *будущем*. Не создавайте ненужных мучеников, докажите, что у вас царит свобода критики, и *если* уж необходимо

кого-либо исключить, то только в том случае, когда имеются действительно яркие и вполне доказанные *факты* — явные факты низости и предательства! Таково мое мнение. Подробности устно.

Твой Ф. Э.

Привет твоей жене и Теодору.

138.

Вильгельму Либкнехту

в Лейпциг.

Фолькстон, 15 августа 1890 г.

Дорогой Либкнехт,

Мы временно устроились здесь в отеле Бельвью, St. John's Road, Фолькстон, и ждем известий от тебя, или еще лучше — тебя самого.

Вероятно, в течение недели, самое большее двух, мы подыщем себе более подходящую квартиру, но, во всяком случае, до следующего четверга, 21-го, мы будем здесь. О перемене адреса сейчас же тебе сообщу. Если ты приедешь раньше, то в Кентинш-Тауне всегда известно мое местопребывание.

Итак, приезжай поскорее. Сердечный привет тебе и твоей жене от Ним, Пумпс и твоего

Ф. Э.

139.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобовен.

Фолькстон, 27 августа 1890 г.

Открытки от 9 и 13 августа получил. К нашему отъезду столько надо было сделать, что кое-что могло быть упущено. К тому же я должен был сохранять в тайне конечный пункт своего путешествия, так как молодой Вильгельм как раз тоже был там, и у меня совсем не было охоты портить себе удовольствие полицейскими придирками.

Кто теперь редактор «*Volkszeitung*»? Тусси на одном митинге в Лондоне встретила Шевича; он сказал ей, что слышал в Нью-Йорке, будто бы я очень враждебно о нем отзывался. Это, однако, совершенная ложь. Не распространяет ли эти слухи А. Ионас?

Маленький студенческий бунт в Германии был быстро ликвидирован Бебелем¹. Этот бунт имел свои *хорошие стороны*. Он показал, чего мы можем ожидать от литераторов и берлинцев.

Твой Ф. Э.

На полях: «Neue Zeit» предложит тебе писать об Америке и будет хорошо платить.

140.

Шарлю Карону
в Париж.

Лондон, вторая половина
сентября 1890 г.

Черновик.

Уважаемый гражданин,

В ответ на Ваше письмо от 17-го сообщаю, что не могу дать требуемого Вами разрешения, не получив разъяснения по ряду вопросов.

Прежде всего я считаю, что при всяком переиздании брошюр их следует выпускать отдельными целыми книжками, а не давать в журнале, где в каждом номере собраны вне всякой связи отрывки по большей части противоречащих друг другу работ. Я хотел бы поэтому прежде знать мотивы, которые заставили Вас предпочесть именно эту форму.

Далее: не намерена ли Рабочая партия переиздать значительную часть тех же произведений в «Социалистической библиотеке»? В таком случае издательству партии надо отдать преимущество перед частным.

Наконец, Вы затеваете дорого стоящее дело. Издание одних только шести брошюр, которые должны начать печататься в Вашем первом номере, отнимет у Вас от четырех до шести месяцев. Если бы журнал из-за отсутствия средств пришлось закрыть, не закончив ни одну из вещей, на переиздание которой я дал бы свое согласие, на меня легла бы серьезная ответственность.

¹ Студенческим бунтом Энгельс называл полуанархическую, оппортунистическую оппозицию «молодых» против руководства партии. Во главе оппозиции стояли П. Эрнст, П. Кампфмейер, Г. Мюллер, Бруно Вилле и М. Шиппель. Борьбой против оппозиции руководил А. Бебель. Позиция «молодых» обсуждалась на собраниях, происходивших 10—25 августа 1890 г. в Дрездене, Магдебурге и Берлине.

Располагаете ли Вы необходимыми средствами?

Есть еще и другие вопросы, которые необходимо обсудить.

Для окончательного разрешения вопроса я попросил бы Вас обратиться к гражданину Лафаргу, которому я посылаю копию настоящего письма.

Я был бы Вам очень признателен, если бы Вы в будущем, прежде чем публично использовать мое имя, обращались сперва ко мне. И даже на этот раз я оставляю за собой право, если найду нужным, также сделать соответствующее публичное заявление.

141.

Карлу Каутскому в Штуттгарт.

Лондон, 18 сентября 1890 г.

Дорогой Каутский,

Твои письма от 22 августа и 9 сентября получил. На первое я ответил бы уже из Фолькстона, где пробыл четыре недели, но упустил из виду твое сообщение, что 25 августа ты собираешься поехать в Штуккерт, и поэтому не знал, куда писать.

Маленькая студенческая склока быстро ликвидирована. К. Шмидт сумел остаться в стороне; Бебель пишет, что он вел себя очень хорошо. Вообще же ты знаешь об этой ерунде больше меня.

Ты действуешь уж очень по-редакторски, желая втянуть меня в вашу дискуссию о программе. Но ты ведь сам знаешь, что у меня нет времени. Ничего ¹!

Теперь, когда идет страпня великого множества проектов, которые сейчас, сменяя друг друга, поневоле составляются в Германии, было бы бессмысленно, с моей стороны, отвечать на последний сообщенный тобою план, иначе чем указанием, что я здесь никого не знаю, кого бы мог рекомендовать для «Neue Zeit» и швейцарской «Tagwacht». Шмидт едва ли захочет уехать из Берлина. Не может ли Бебель подыскать тебе кого-нибудь?

В Ливерпуле был нанесен превосходный удар, и ирония истории такова, что благородный Брентано должен был сам находиться на трибуне, чтобы собственными глазами убедиться в провале своего утверждения, возвещенного им так самоуверенно и с таким пафосом, будто английские трэд-юнионы — лучшая защита против социализма.

Борьба сейчас в полном разгаре. Установление законом 8-часового рабочего дня — вот что являлось критическим поворотным

¹ В рукописи: «Niéego».

пунктом; с принятием этого требования рухнуло царство старого, стоящего на почве капиталистических отношений, консервативного рабочего движения. Обобществление земли, рудников, средств транспорта признается всеми; за обобществление остальных средств производства — значительное меньшинство. Словом, дело двинулось, и первое—четвертое мая сильно этому способствовали. Четвертое мая было объявлением войны; Ливерпульский съезд — первым сражением.

Бельгийцы воспользовались съездом, чтобы пригласить англичан на следующий международный конгресс в Бельгию. Очень коварный маневр; делегаты молодых ливерпульских союзов, только что воодушевившиеся идеей международного выступления, с энтузиазмом приняли предложение бельгийцев. Но так как пока бельгийцы сами могут приглашать в Бельгию *только* на POSSIBИЛИСТСКИЙ конгресс, то это с их стороны маневр с целью связать нам руки. Англичане *на этот раз* серьезно себя связали из-за сумасбродства наших парижских решений о месте и сроке созыва следующего конгресса. Эти решения обрекли *нас* на бездействие, в то время как другие действуют энергично.

Здесь надо что-то предпринять; переговорив тут кое с кем, я написал во Францию и, как только выяснится что-нибудь определенное, ты, вероятно, узнаешь об этом от Эде или же от меня. Пока необходима *абсолютная сдержанность*, а также осторожное отношение к действиям бельгийцев, чтобы не возникло лишних препятствий (пока лучше всего просто лишь регистрировать эти действия в печати). Поедешь ли ты 12 октября в Галле?

В последнем номере «Sozialdemokrat» появится моя статья ¹, которая у вас в Германии будет многим весьма неприятна. Но, ударив по банде литераторов, я не мог не нанести удара и по тем филистерским элементам в партии, которые дали повод ко всей этой склоке. Конечно, задеты они будут только косвенно — для прямого нападения юбилейный номер не подходит. Поэтому я доволен, что литераторы заставили меня разделаться с ними *раньше* ².

От Сэма Мура из Африки мы все время получаем хорошие вести. Один раз в шесть-восемь недель он по два-три дня болеет лихорад-

¹ «Прощальное письмо читателям газеты «Sozialdemokrat»». Опубликовано в газете «Sozialdemokrat» № 39 от 27 сентября 1890 г. См. Соч. Маркса и Энгельса, т. XVI, ч. II, стр. 68—71.

² Энгельс имеет в виду «Ответ редакции газеты «Sächsische Arbeiter-Zeitung», опубликованный в № 37 «Sozialdemokrat» от 13 сентября 1890 г. См. Соч. Маркса и Энгельса, т. XVI, ч. II, стр. 61—63.

кой, но болезнь протекает очень легко и не остается никаких последствий.

Шорлеммер вчера вечером вернулся сюда из Манчестера. После норвежского путешествия у него появился шум в ушах и глухота, упорный катарр ушей; сейчас ему несколько лучше, но весь его шестинедельный отпуск испорчен.

Молодой Вильгельм, по мнению англичан, должен ездить только в Норвегию, потому что там он может разыгрывать моряка, не рискуя заболеть морской болезнью. Действительно, из Скудеснеса на юг до Нордкапа едешь все время без качки, только в двух-трех местах можно заболеть на два-три часа морской болезнью. А фьорды замечательны! Там такая тишина, что даже самое маленькое альпийское озеро по сравнению с ними — бурный океан. Там так же легко быть сухопутным адмиралом, как при путешествии из Шарлоттенбурга в Потсдам. Вдобавок наш молодой человек при переезде из Гейрангерфьорда в Зундальсфьорд был на миноноске. Она совсем незаметно прошла мимо нас. Высадившись в Мольде, мы с Шорлеммером поднялись на Мольдегай, возвышенность приблизительно в 1 300 футов высоты (та самая, которая фигурирует в пьесе Ибсена «Женщина с моря»). На вершине мы встретили с полдюжины молодых лейтенантов флота, стоянка которого находилась внизу, — они были в штатском. Мне казалось, что я снова в Потсдаме. Все тот же старый «гвардейский» язык, все те же столь любимые прапорщиками остроты и те же лейтенантские выкрутасы. Зато потом мы встретили компанию инженеров — очень милые, порядочные люди. А матросы — молодцы ребята, с которыми нигде не стыдно показаться. Но адмиралы, вот нагуляли себе жиру!

Твой Ф. Э.

142.

Иосифу Блоху

в Кенигсберг.

Лондон, 21—22 сентября 1890 г.

Милостивый государь,

Ваше письмо от 3-го мне переслали в Фолькстон; так как я не имел там под рукой нужной книги, то не мог Вам немедленно ответить. Вернувшись домой 12-го, я нашел такую массу неотложной работы, что только сегодня собрался написать Вам несколько строк. Вот чем объясняется мое запоздание, за которое прошу извинить.

Во-первых, из стр. 19 «Происхождения» Вы усматриваете, что процесс вызревания семьи пуналуа происходит настолько постепенно, что даже еще в нашем веке в королевской семье на Гавайских островах встречались браки между братом и сестрой (от одной матери). И на протяжении всей древней истории мы встречаем примеры таких браков, например еще у Птоломеев. Здесь, однако, — и это во-вторых, — следует различать между братьями и сестрами с *материнской* или только с *отцовской* стороны; слова ἀδελφός, ἀδελφή — *брат, сестра* происходят от слова δελφός — *матка* и означают, следовательно, первоначально только братьев и сестер с *материнской стороны*. А со времен матриархата еще долго сохранялось представление, что дети от одной матери, хотя бы и от разных отцов, ближе друг другу, чем дети от одного отца, но от различных матерей. Форма семьи пуналуа исключает только браки между первыми, но отнюдь не между последними, которые по соответствующему представлению ведь вообще даже *не родственники* (так как имеет силу матриархальное право). Но встречающиеся в античной древности случаи браков между братом и сестрой ограничиваются, насколько мне известно, такими браками, в которых супруги либо происходят от различных матерей, либо же их происхождение от различных матерей не установлено, но и не исключено, а потому не относятся к тем случаям, когда возможность брака исключена. Следовательно, эти браки отнюдь не противоречат обычаям пуналуа. Вы упустили из виду, что между эпохой пуналуа и греческой моногамией произошел скачок от матриархата к патриархату, это значительно меняет все дело.

В своей истории Греции Вакмут¹ пишет, что в героический век у греков «нет и следа каких-либо сомнений относительно слишком близкого родства супругов, за исключением родства родителей и детей» (III, стр. 157). «Жениться на родной сестре не считалось в Крите предосудительным» (там же, стр. 170). Последнее замечание по Страбону, книга X; я только не могу найти сейчас это место, потому что текст не разделен на главы. Под *родной* сестрой я здесь подразумеваю, пока не доказано противное, сестру с отцовской стороны.

Я определяю Ваше первое основное положение так: согласно материалистическому пониманию истории, в историческом процессе определяющим моментом в *конечном счете* является производство

¹ Речь идет о книге В. Вакмута «Hellenische Alterthumskunde», Галле. 1826—1830 гг.

и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если кто-нибудь это положение извратит в том смысле, что будто экономический момент является *единственно* определяющим моментом, тогда утверждение это превращается в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение, это — базис, но на ход исторической борьбы оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты — конституции, установленные победившим классом после одержанной победы, и т. п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм. Тут имеется налицо взаимодействие всех этих моментов, в котором, в конце концов, экономическое движение, как необходимое, прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей (т. е. вещей и событий, внутренняя связь которых настолько отдаленна или настолько трудно определима, что мы можем забыть о ней, считать, что ее не существует). В противном случае применять теорию к любому историческому периоду было бы легче, чем решать самое простое уравнение первой степени.

Мы делаем нашу историю сами, но, во-первых, мы делаем ее при весьма определенных предпосылках и условиях. Среди них экономические являются в конечном счете решающими. Но и политические условия и т. д., даже традиции, живущие в головах людей, играют известную роль, хотя и не решающую. Прусское государство возникло и развивалось также благодаря историческим и в конечном счете экономическим причинам. Но едва ли можно, не сделавшись педантом, утверждать, что среди множества мелких государств Северной Германии именно Бранденбург был предназначен для роли великой державы, в которой воплотились экономические различия, различия в языке, а со времени реформации — и религиозные различия между севером и югом, причем это было предопределено именно только экономической необходимостью, а другие моменты не оказывали также влияния (прежде всего тут сказалось то обстоятельство, что Бранденбург, благодаря обладанию Пруссией, был втянут в польские дела и вследствие этого в международные политические отношения, которые явились решающими также и при образовании могущества Австрийского дома). Едва ли удастся кому-нибудь, не сделавшись смешным, объяснить экономически существование каждого маленького немецкого государства в прошлом и в настоящее

время или объяснить экономически происхождение верхненемецкого передвижения согласных, которое географическое разделение, образованное горной цепью от Судетов до Таунуса, расширило до настоящей трещины, проходящей через всю Германию.

Во-вторых, история делается таким образом, что конечный результат получается от столкновений множества отдельных волей, причем каждая из этих волей становится тем, чем она является опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит один общий результат — историческое событие. Этот исторический результат можно опять рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое, *бессознательно* и невольно. Ведь то, чего хочет один, встречает препятствие со стороны всякого другого, и в конечном результате появляется нечто такое, чего никто не хотел. Таким образом, история, как она шла до сих пор, протекает подобно естественно-историческому процессу и подчинена, в сущности, тем же самым законам движения. Но из того обстоятельства, что воли отдельных людей, которые хотят каждый того, к чему их влечет их физическая конституция и внешние, в конечном счете экономические, обстоятельства (или свои собственные, личные или общесоциальные), что эти воли достигают не того, чего они хотят, но сливаются в нечто среднее, в одну общую равнодействующую, — из этого не следует заключать, что эти воли равны нулю. Наоборот, каждая воля участвует в равнодействующей и постольку включена в нее.

Далее, я прошу Вас изучать эту теорию по первоисточникам, а не из вторых рук — это в действительности гораздо легче. Маркс не написал ничего, в чем бы эта теория не играла роли. В особенности великолепным образцом ее применения является «*18 брюмера Луи Бонапарта*», точно так же множество указаний и в «*Капитале*». Затем я могу, конечно, указать на мои сочинения: «Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом» и «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», в которых я дал самое подробное, насколько мне известно, из всех существующих изложение исторического материализма.

Маркс и я были виноваты отчасти в том, что молодежь иногда придавала больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отрицали, и не всегда находилось достаточно времени, места и поводов отдавать должное и остальным

моментам, участвующим во взаимодействии. Но как только дело доходило до изображения какого-либо исторического периода, т. е. до практического применения, дело менялось, и тут уже не могло быть никакой ошибки. К сожалению, сплошь и рядом полагают, что новую теорию вполне поняли и могут ее применять сейчас же, как только усвоены основные положения, да и то не всегда правильно. В этом я могу упрекнуть многих новейших «марксистов»; и благодаря этому также возникала удивительная путаница.

Я нашел еще вчера (пишу это 22 сентября) следующее решающее место, окончательно подтверждающее сказанное мною выше, у Шемана в его «Греческих древностях», Берлин, 1855 г., I, стр. 52: «Известно, однако, что браки между братьями и сестрами *от различных матерей* не считались в поздней Греции кровосмешением».

Надеюсь, что невероятные вводные периоды, которые я вставлял, стремясь быть кратким, не слишком Вас напугают.

Преданный Вам

Ф. Энгельс.

143.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 27 сентября 1890 г.

Дорогой Зорге,

Оба твои письма от 10 с./м. получил.

Сегодня, помимо обычных газет, я посылаю несколько экземпляров последнего номера «Sozialdemokrat». Ты, вероятно, захочешь сохранить несколько лишних экземпляров этого исторического номера.

По поводу Шевича¹ твое сообщение, очевидно, правильно. Будучи здесь проездом, он встретился на одном митинге с Тусси и рассказал ей, что ему передавали, будто я очень враждебно о нем отозвался, и поэтому он-де предпочитает меня не посещать. Я написал это благородному Ионасу, но возможно, что это было лишь уловкой нечистой совести. Это — старая история, столь свойственная многим русским: буйная юность и пресыщенная старость, как выразился один из них.

Грунциг — беллетрист. А бунтовщики-студентики в Германии тоже беллетристы (больше *triste* [жалкие], чем *belle* [прекрасные]),

¹ Шевич подавал прошение о помиловании царю и был помилован.

которые хотят революционизировать всю литературу. Этим объясняется вся история со статьей в «*Volkszeitung*»; в теплую компанию этих господ входит также и Грунциг. Впрочем, когда носишь такое имя, как Грунциг [хрюкающий] или Грейлих [ужасный], то лучше уж покончить счеты с жизнью.

Половину августа и сентября я провел в Фолькстоне близ Дувра; этот добавочный отдых после путешествия к Нордкапу принес мне большую пользу: я снова бодр и в хорошем настроении, но у меня масса работы, — все обращаются теперь ко мне.

Предстоящие съезды многое теперь выяснят; 9 октября конгресс французской рабочей партии (нашей) в Лилле, 13 октября конгресс французских профессиональных союзов в Калэ, а самый значительный съезд состоится 12 октября в Галле. В виду имеется следующее (это я сообщаю *только тебе*, в печать абсолютно ничего не должно попасть):

Брюссельцы, которым POSSIBИЛИСТЫ поручили созвать в Бельгии *их* конгресс, пригласили Ливерпульский конгресс трэд-юнионов, принявший это приглашение с восторгом. Англичане, таким образом, связали себя, а для нас создалось безвыходное, в известном смысле, положение. Посоветовавшись здесь с товарищами, я предложил сначала французам, а затем и немцам подготовить почву для объединения обоих конгрессов 1891 г., разумеется, если можно будет добиться приемлемых условий, а именно: суверенитет конгресса, в чем прошлый раз POSSIBИЛИСТЫ нам отказали, созыв конгресса *обоими* уполномоченными обоих конгрессов 1889 г., предварительная выработка условий представительства и еще кое-какие мелочи. Французы и немцы выразили согласие. Но так как в Галле все равно съезжаются представители различных иностранных партий, то я предложил созвать там предварительную конференцию, чтобы провести предварительные переговоры. Это дело уже налажено. Я, однако, предполагаю, что, несмотря на это, там все-таки наделают всяких глупостей. Тусси будет, по всей вероятности, там и многое предотвратит, но все же эти люди поступают настолько необдуманно в международных делах, — где это как раз совершенно неуместно, — что дело может пойти не так, как я его начал. Я, по крайней мере, к этому готов. Думаю, однако, что все пойдет хорошо.

Во-первых, мы на своем собственном конгрессе в 1889 г. показали малым государствам (бельгийцам, голландцам и пр.), что мы не позволим им водить себя за нос, и в следующий раз они будут осторожнее.

А во-вторых, поссибилисты, повидимому, находятся в состоянии полного распада. Брусс, который верховодит кликой поссибилистских членов муниципалитета, а через них и биржей труда, открыто враждует с Аллеманом, стоящим во главе парижских синдикатов и, что знаменательнее всего, высказывающимся за мирные отношения с нашими. Аллеман хочет войти в палату на место умершего Жоффрена. Брусс хочет провести туда Лави или Жели. Вражда между ними настолько обострилась, что Брусс не осмелился появиться на похоронах Жоффрена, где главную роль играл Аллеман. С немногими своими приверженцами в провинции они тоже в ссоре. И, наконец, своим выступлением против первомайской демонстрации они чрезвычайно уронили себя в глазах бельгийцев и голландцев. Брусс и Аллеман публично ссорятся также и на столбцах своих газет.

Условия, следовательно, весьма благоприятны; помимо сильно возросшего морального значения немцев, которое они приобрели победой на выборах, и дальнейшие события — падение Бисмарка и отмена закона против социалистов — сделали их ведущей партией Европы, так что даже при тактических ошибках мы можем надеяться, что победим. Итак, либо слияние удастся на рациональной основе, и тогда немецкие и французские марксисты будут задавать тон на конгрессе, либо ошибочность взглядов поссибилистов и их немногих сторонников станет настолько очевидной, что даже англичане (новые трэд-юнионы) от них отвернутся. А *тогда* мы могли бы снова начать здесь кампанию, как весной 1889 г., и с еще большим успехом.

Очень рад, что ты собираешься писать для «Neue Zeit». Если тебя не удовлетворяют условия оплаты, — ты должен требовать, конечно, американский гонорар, — не стесняйся предъявить свои требования и сошлись на меня. «Neue Zeit» может стать очень влиятельным органом. Бернштейн будет писать отсюда ¹, Лафарг — из Парижа. Бебель возьмет на себя еженедельное обозрение по Германии, а что он великолепно с этим справится, он доказал уже в венской «Arbeiter-Zeitung». Я никогда не составлял себе окончательного мнения о событиях в Германии, не прочитав сперва корреспонденции Бебеля по данному вопросу. Он мастерски пишет — у него ясное объективное понимание фактов, его изложение свободно от предвзятого мнения.

«Sozialdemokrat» оставил после себя большую брешь. Но

¹ Из Лондона.

не пройдет и двух лет, как дело у нас дойдет до открытого скандала с Вильгельмхеном, а тогда пойдет потеха.

Привет тебе и жене от меня и Шорлеммера, он теперь здесь.

Твой Ф. Э.

Первый том четвертого издания «Капитала», я жду на-днях; ты сейчас же получишь экземпляр. Предисловие могло бы послужить материалом для «Volkszeitung».

144.

Наталии Либкнехт

в Лейпциг.

Лондон, сентябрь 1890 г.

Многоуважаемая г-жа Либкнехт,

Я сказал, что Вы в Лейпциге одиноки и почти отвержены, ссылаясь только на Ваши слова, так как Вашего мнения для меня вполне достаточно. Я мог сделать из Ваших слов только один вывод, что Лейпциг для Вас невыносим, и рад узнать, что это не соответствует действительности.

Вообще же сопоставлять преимущества Лейпцига и неприятные черты Берлина я не могу уже потому, что первых не знаю вовсе, а вторые знаю только по старым воспоминаниям, Берлин же, по словам берлинцев, с тех пор стал гораздо благоустроеннее. Впрочем, охотно Вам верю, что для домашнего хозяйства в Лейпциге гораздо больше возможностей, чем в столице бранденбургской Сахары.

Все это, как я писал Зингеру и Либкнехту, такие вопросы, которые каждый должен решать сам со своей семьей, с партией и при обсуждении которых нам, посторонним, следует молчать. Могу только сказать, что и по-моему.....¹ Либкнехт, вероятно, слышал об этом¹ если Правление партии и партийный орган будут переведены туда². Произойдет последнее или нет, зависит не от меня, я могу лишь высказать свое необязательное мнение. Но *если* это произойдет и Либкнехт останется в Лейпциге, то он сам низведет себя до уровня партийного лидера второго ранга, перейдет, так сказать, на пенсию и очутится в таком положении, что в важнейших вопросах нельзя будет ни запрашивать его, ни при-

¹ Строчка в рукописи стерта.

² Речь идет о переезде Правления и ЦО в Берлин в связи с отменой исключительного закона против социалистов.

слушиваться к его мнению. Словом, это будет первым шагом к отставке, а этого вы едва ли захотите.

Политика швыряет нашего брата самым причудливым образом. Когда Лассаль в 1858 г. задумал вместе с Марксом и со мной издавать в Берлине газету, мы тоже не могли отказаться и готовы были переехать в столицу Германии, — к счастью, из этих переговоров ничего не вышло. А ведь для меня это значило бы тогда расторжение деловых договоров, а для нас обоих — переезд посложнее, чем из Лейпцига в Берлин. Если бы поэтому создались такие условия, при которых.....¹ стало бы неизбежным, то Вы, наверное, как-нибудь с этим примирились бы и, конечно, нашли утешение не только в запоздалом открытии, что, в конце концов, можно жить и там, но также и в том, что благодаря этому переезду Либкнехт занял принадлежащее ему по праву место в партии и находится на посту, на котором он может целиком выполнить свой долг.

Во всяком случае, этот вопрос теперь, вероятно, уже скоро разрешится, и я надеюсь, что какое бы ни было принято решение, Вы, в конце концов, примиритесь с любым исходом.

Сердечный привет от Ним, г-жи Лафарг, Рошеров и дружески преданного Вам

Ф. Энгельса.

145.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 4 октября 1890 г.

В своем последнем письме я забыл упомянуть о том, что послал к тебе обоих Роммов с рекомендательным письмом, это может быть не совсем удобно; с моей стороны это просто было забывчивостью. Роммы — с ними я лично не знаком — вращались в Берлине в лучшем партийном кругу и пользовались полным доверием; они во всяком случае смогут порассказать тебе много интересного о положении дел в Берлине. Как я уже сказал, она приходится свояченицей Эде Бернштейну, который показал себя в качестве редактора «*Sozialdemokrat*» одним из лучших представителей молодого поколения; ее литературная работа, установившая связь между передовой русской литературой и немцами, заслуживает всемерного признания. Все личное, — каким образом и почему они поехали в Америку, — они, вероятно, тебе сами расскажут.

¹ Строчка в рукописи стерта.

«Socialiste» снова выходит: я напишу Лафаргу, чтобы они тебе его посылали.

Дело с конгрессом идет хорошо. Между немцами и французами царит полное согласие. Гэд, Нивенгейс, Тусси, один бельгиец и один швейцарец едут 12-го в Галле и, вероятно, все уладят. У социалистов — публичный скандал: на будущей неделе¹ у них дело дойдет до потасовки.

Ним благодарит за «Календарь»; она, Шорлеммер и я шлем вам обоим сердечный привет.

Твой Ф. Э.

На полях: Об ударах Тусси² мы здесь ничего не знаем. Что это значит?

146.

Вильгельму Либкнехту

в Берлин.

Лондон, 7 октября 1890 г.

Дорогой Либкнехт,

«Volksblatt» с первого по четвертое и семь экземпляров за пятое, а также письмо получил; благодарю.

Я охотно буду сотрудничать в «Volksblatt», если только позволит время и представится к этому случай. Но сейчас я вынужден снова отложить на некоторое время всякую журналистскую деятельность. III том должен быть, наконец, закончен.

Как в «Neue Zeit», так и в других журналах я ставлю два условия: 1) в подписанных мною статьях без моего согласия не вносить никаких изменений, 2) гонорар, если полагается, передавать в партийную кассу в качестве моего взноса.

Первое, что нужно устранить из «Volksblatt», это царящий в нем смертельно скучный тон. Рядом с ним «Hamburger Echo» — прямо светская газета; там сухи только передовицы, вообще же господствует столичный, светский тон, между тем как в «Volksblatt» преобладает сонливый, и Ленхен утверждает, что даже «Sankt Johann-Saarbrücker Zeitung» интереснее. «Volksblatt» всегда дей-

¹ На конгрессе в Шателе 9—14 октября 1890 г. произошел раскол социалистов. См. письмо Энгельса Ф.-А. Зорге 18 октября 1890 г.

² Под «ударами Тусси» Зорге подразумевает нежелание руководителей трэд-юнионов допустить Э. Эвелинг-Маркс на конгресс трэд-юнионов в Ливерпуле.

ствовала на нас усыпляюще. Неужели это отвечает вкусам острымных берлинцев? Это же безобразие!! Итак, постарайся внести оживление в газету, а то наш официоз составит слишком уж невыгодную конкуренцию прусско-немецкому — не можем же мы брать за образец именно его.

Кроме французских газет, посылаю тебе еще «Daily Chronicle» с ее последней панической болтовней о том, что несколько ретивых генералов хотели послать отряд в 700 человек в Бектон (на Темзе к востоку от Ист-Энда). По этому одному ты можешь судить, что это за газета.

Очень рад, что вы уже обжились в Берлине.

Тусси, вероятно, придет к вам из Лилля вместе с Гэдом.

Твой Ф. Э.

Сердечный привет твоей жене и детям.

147.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 18 октября 1890 г.

Дорогой Зорге,

«Календарь» получили, Ленхен благодарит!

Сегодня послал тебе целый пакет всякой всячины о конгрессах. POSSИБИЛИСТАМ — конец. Аллеман, Клеман, Фейо и прочие — большинство парижской рабочей партии — исключили из партии Брусса, а Брусс, в свою очередь, исключил их. Значит — раскол. У Брусса остаются одни только вожди, которые зависят от него (из-за разоблачительных материалов о подлостях каждого из них), следовательно, — члены городского муниципалитета и состоящие на жаловании чиновники биржи труда, а также господин Гайндман, который к величайшему моему удовольствию солидаризировался в последнем номере «Justice» с Бруссом. Во всяком случае, обе фракции теперь погибли, они находятся в состоянии полного распада, чему, я надеюсь, наши не повредят своим вмешательством. Зато наши конгрессы прошли великолепно. Сперва в Лилле конгресс французских «марксистов» как партии, потом в Калэ — конгресс синдикатов под их руководством; затем — венец всего — Галле. Тусси присутствовала в Лилле и в Галле, Эвелинг — в Лилле и Калэ. У меня еще нет сведений

о том, как прошли интернациональные переговоры в Галле. Во всяком случае, мы всю эту неделю были для прессы всего мира *первой из великих держав*.

Сердечный привет.

Твой Ф. Э.

148.

Вильгельму Либкнехту

в Берлин.

Лондон, 25 октября 1890 г.

Посылаю тебе в редакцию сегодняшней номер «Justice» со статьей А. С. Хидингли (он же Адольф Смит), в которой он вас, и в особенности тебя, клеймит кличкой POSSIBILISTОВ. Автор — англичанин, уроженец Парижа, вульгарнейший литератор; был во время Коммуны в Париже, потом приехал сюда с передвижной панорамой Парижа и Коммуны; полного провала этой спекулянтской затеи он никогда не мог нам простить, потому что рассчитывал, что Генеральный Совет Интернационала будет каждый вечер барабанным боем созывать ему публику. Таким образом, он сделался своим человеком во Французской секции¹, в которой сгруппировались все шпионы и прохвосты, вроде Везинье, Кариа и т. д.; они стали издавать на средства французского секретного фонда листки с грязной клеветой против Генерального Совета. Последние шесть-восемь лет он состоит здесь главным агентом Брусса и посредником между ним, здешней Социал-демократической федерацией и всякого рода бельгийцами (он постоянный переводчик на съездах POSSIBILISTОВ и международных конгрессах горнорабочих). Теперь тебе ясны и его злостные намерения и его глупость, — эти люди совершенно не понимают принятого в Галле решения и думают, что они смогут в Германии спасти POSSIBILISTОВ, которые сами себя губят во Франции. Бедняги!

Твой Ф. Э.

149.

Полю Лафаргу²

в Париж.

Лондон, 27 октября 1890 г.

За последние два—три года множество студентов, литераторов и других деклассированных молодых буржуа устремилось в партию.

¹ См. примечание к письму Энгельса Ф.-А. Зорге от 12 января 1889 г.

² Отрывок, опубликованный в «Le Socialiste» № 115 от 24 ноября 1910 г.

Они пришли как раз во-время, чтобы занять большинство мест в редакциях новых газет, распространившихся в огромном количестве; они, как водится, смотрят на буржуазный университет, как на социалистическую Сен-Сирскую школу, дающую им право вступать «в ряды партии» с офицерским, если не генеральским чином. Все эти господа занимаются марксизмом, но такого сорта, с которым Вы достаточно ознакомились во Франции десять лет тому назад и о котором Маркс говорил: «В таком случае я знаю только одно, что сам я не марксист!». И, вероятно, он сказал бы об этих господах то же самое, что Гейне говорил о своих подражателях: «Я сеял драконов, а сбор жатвы дал мне блох».

Беспомощность этих людей может сравниться только с их нахальством...

150.

Конраду Шмидту
в Берлин.

Лондон, 27 октября 1890 г.

Дорогой Шмидт,

Пользуюсь первой свободной минутой, чтобы Вам ответить. Я полагаю, что Вы поступите правильно, приняв предложение работать в газете «Züricher Post». Вы там можете научиться многому в области экономики, в особенности, если будете все время помнить, что Цюрих — это только денежный и спекулянтский рынок третьего разряда, и поэтому все впечатления, получающиеся там, ослаблены и даже сознательно фальсифицированы благодаря двойному и тройному отражению. Но Вы на практике познакомитесь со всем механизмом и вынуждены будете следить за биржевыми отчетами из Лондона, Нью-Йорка, Парижа, Берлина, Вены и т. д. из первых рук. Тогда мировой рынок откроется Вам во всестороннем отражении, как рынок денег и ценных бумаг. С экономическими, политическими и другими отражениями дело обстоит так же, как и с отражениями в человеческом глазу. Они проходят через призму и поэтому представляются в перевернутом виде — вниз головой. Только отсутствует тот нервный аппарат, который для нашего представления поставил бы их снова на ноги. Биржевик видит движение промышленности и мирового рынка только в перевернутом отражении денег и ценных бумаг, и поэтому следствие становится для него причиной. Это я наблюдал еще в 40-х годах в Манчестере: лондонские биржевые отчеты были совершенно непригодны для того, чтобы составить по ним представление о ходе промышленности и ее периодических макси-

мумах и минимумах, потому что эти господа хотели объяснить все явления кризисами денежного рынка, которые ведь по большей части сами являлись всего лишь симптомами. Тогда дело шло поэтому о том, чтобы отрицать происхождение промышленных кризисов из временного перепроизводства, и все дело поэтому имело к тому же еще и тенденциозную сторону, побуждающую прибегать к извращениям. Теперь этот пункт, для нас по крайней мере, раз навсегда отпадает, и к тому же несомненным фактом является то обстоятельство, что денежный рынок сам может иметь также свои собственные кризисы, при которых прямые расстройства в области промышленности играют лишь подчиненную роль или даже не играют никакой роли. Здесь надо многое еще установить и исследовать, особенно исторически за последние 20 лет.

Там, где существует разделение труда в общественном масштабе, отдельные процессы труда становятся самостоятельными друг от друга. Производство является в последнем счете решающим. Но как только торговля продуктами обособляется от производства в собственном смысле, она следует своему собственному движению, над которым в общем и целом господствует производство, но в отдельных частностях и внутри этой общей зависимости, она (торговля) все же следует своим собственным законам, которые присущи природе этого нового фактора. У этого движения есть свои собственные фазы, и, в свою очередь, оно оказывает обратное действие на движение производства. Открытие Америки было вызвано жадной золотом, которая еще до этого гнала португальцев в Африку (сопоставьте: Зетбер — «Производство драгоценных металлов»), потому что европейская промышленность, столь могуче развившаяся в XIV и XV вв., и соответствовавшая ей торговля требовали больше орудий обмена, которых Германия — великая страна серебра в 1450—1550 гг. — дать не могла. Завоевание Индии португальцами, голландцами, англичанами с 1500 по 1800 г. имело целью *вывоз* из Индии. О вывозе туда ни один человек не думал. И все же какое колоссальное обратное действие оказали на промышленность эти открытия и завоевания, вызванные чисто торговыми интересами. Только потребность *вывоза* в эти страны создала и развила крупную промышленность.

Так и с денежным рынком. Как только торговля деньгами отделяется от торговли товарами, так она приобретает свое собственное развитие и, при известных условиях, внутри границ, вытекающих из производства и торговли товарами, имеет особые законы и фазы, определяющиеся ее собственной природой. Если к этому еще

прибавить, что торговля деньгами в своем дальнейшем развитии расширяется в торговлю ценными бумагами, что эти ценные бумаги не только государственные бумаги, но что к ним еще присоединяются и акции промышленных и транспортных предприятий и торговля деньгами завоевывает, таким образом, прямое господство над частью производства, которое в общем и целом все же господствует над нею, то обратное действие торговли деньгами на производство становится еще сильнее и сложнее. Банкиры являются собственниками железных дорог, шахт, рудников и т. д. Эти средства производства приобретают двойкий характер; их деятельность должна приспособляться то к интересам непосредственного производства, то к потребностям акционеров, поскольку они же являются банкирами. Самый яркий пример этого — северо-американские железные дороги. Все производство их зависит в данное время от биржевых операций некоего Джей Гульда, Вандербильта и т. д. — операций, совершенно чуждых деятельности отдельной дороги и ее интересам как средства передвижения. И даже здесь, в Англии, мы наблюдали десятилетиями продолжавшуюся борьбу различных железнодорожных обществ из-за разграничения их территорий, борьбу, в которой растрачивались колоссальные деньги не в интересах производства и транспорта, а исключительно в силу соперничества, преследовавшего лишь цель облегчить биржевые операции банкиров, владеющих акциями.

В этих нескольких замечаниях о моем понимании отношения производства к торговле товарами и их обоих к торговле деньгами я в основном уже ответил на Ваши вопросы об историческом материализме вообще. Это легче всего понять с точки зрения разделения труда. Общество порождает известные общие функции, без которых оно не может обойтись. Предназначенные для этого люди образуют новую отрасль разделения труда *внутри общества*. Вместе с тем они приобретают особые интересы также и в противоположность тем, кто их уполномочил; они становятся самостоятельными по отношению к ним, и появляется государство. А затем происходит то же, что и при торговле товарами и позднее при торговле деньгами. Новая самостоятельная сила в общем и целом должна следовать за движениями производства, но она, в свою очередь, оказывает воздействие на условия и ход производства в силу присущей ей или, вернее, однажды полученной и постепенно развивавшейся дальше относительной самостоятельности. Это есть взаимодействие двух неравных сил: экономического движения, с одной стороны, и, с другой стороны, новой политической власти, стремящейся к возможно

большей самостоятельности, политической власти, одаренной также и самостоятельным движением, так как она уже возникла. Экономическое движение в общем и целом проложит себе путь, но оно должно испытывать на себе также и обратное действие от политического движения, которое оно само для себя создало и которое обладает относительной самостоятельностью. На экономическое движение оказывает влияние, с одной стороны, движение государственной власти, а с другой — одновременно с ней порожденной оппозиции. Как в денежном рынке отражается в общем и целом, и с указанными выше оговорками, движение промышленного рынка, и, конечно, отражается *превратно*, так и в борьбе между правительством и оппозицией отражается борьба уже до этого существовавших и борющихся классов — и точно так же превратно: уже не прямо, а косвенно, не как борьба классов, а как борьба за политические принципы, и притом так превратно, что потребовались тысячелетия для того, чтобы мы смогли разгадать, в чем дело.

Обратное действие государственной власти на экономическое развитие может быть тройкого рода. Она может действовать в том же направлении, тогда дело идет быстрее; она может действовать против экономического развития, — тогда в настоящее время у каждого крупного народа она терпит крах через известный промежуток времени; или она может ставить экономическому развитию в определенных направлениях преграды и толкать вперед в других направлениях. Этот случай сводится, в конце концов, к одному из предыдущих. Но ясно, что во втором и третьем случаях политическая власть может причинить экономическому развитию величайший вред и может породить растрату сил и материала в массовом количестве.

Кроме того, имеются еще случаи завоевания и грубого уничтожения экономических ресурсов, в силу чего прежде при известных обстоятельствах могло гибнуть целиком все экономическое развитие данной местности и данной нации. Теперь подобные факты имеют по большей части противоположные результаты, во всяком случае у великих народов. Победенный в итоге выигрывает иногда и в экономическом, и в политическом, и в моральном отношениях более, чем победитель.

С правом то же самое. С возникновением потребности в новом разделении труда, создающем юристов по профессии, сейчас же открывается опять-таки новая самостоятельная область, которая при всей своей общей зависимости от производства и обмена все же обладает особой способностью обратно воздействовать на эти об-

ласти. В современном государстве право не только должно соответствовать общему экономическому положению, не только быть его выражением, но также быть его выражением *внутренне согласованным*, которое не било бы само себя по лицу в силу внутренних противоречий. А для того чтобы этого достичь, точность отражения экономических отношений страдает все более и более. Подобное явление встречается тем чаще, чем реже случается, что кодекс законов представляет собою резкое, несмягченное, правдивое выражение господства одного класса. Это противоречило бы «правовой идее». Чистая последовательная правовая идея революционной буржуазии эпохи 1792—1796 гг. уже в Кодексе Наполеона фальсифицирована во многих отношениях, а то, что в нем воплощено, должно испытывать ежедневно всяческие смягчения благодаря возрастающей силе пролетариата. Но это не мешает тому, что Кодекс Наполеона является тем сводом законов, который лежит в основе кодификаций всех частей света. Таким образом, ход «правового развития» состоит по большей части только в том, что сначала пытаются устранить противоречия, вытекающие из непосредственного перевода экономических отношений в юридические принципы, и установить гармоническую правовую систему, а затем влияние и принудительная сила дальнейшего экономического развития опять постоянно ломают эту систему и запутывают ее в новые противоречия. (Я здесь говорю пока только о гражданском праве.)

Отражение экономических отношений в виде правовых принципов необходимо является точно так же стоящим вверх ногами. Это отражение совершается так, что этот процесс не доходит до сознания действующего; юрист воображает, что действует с апрорными положениями, а это всего лишь экономические отражения. Таким образом, все стоит на голове. А что это извращение, создающее, пока оно еще не раскрыто, то, что мы называем *идеологическим воззрением*, в свою очередь оказывает обратное действие на экономическую основу и может ее в известных пределах изменить, — это мне кажется само собой разумеющимся. Основа наследственного права — экономическая, надо брать одинаковую ступень развития семьи. Несмотря на это, будет очень трудно доказать, что, например, в Англии абсолютная свобода завещаний, а во Франции сильное ее ограничение во всех деталях имели только экономические причины. Но и то и другое очень сильно действует на экономику тем, что оказывает влияние на распределение имуществ.

Что же касается тех идеологических областей, которые еще выше парят в воздухе, — религии, философии и т. д., то у них имеется

предисторическое содержание, находимое и усваиваемое историческим периодом, содержание, которое мы теперь назвали бы бессмыслицей. Эти различные ложные представления о природе, о существовании самого человека, о духах, волшебных силах и т. д. имеют по большей части лишь отрицательно-экономическую основу; низкое экономическое развитие предисторического периода имело в качестве своего дополнения, а порой даже в качестве условия и даже в качестве причины, ложные представления о природе. И все же, хотя экономическая потребность была и с течением времени все более становилась главной пружиной двигающегося вперед познания природы, все же было бы педантством искать для всех этих первобытных бессмыслиц экономических причин. История наук это есть история постепенного устранения этой бессмыслицы или замены ее новой, но все же менее нелепой бессмыслицей. Люди, которые этим занимаются, принадлежат к особым областям разделения труда, и им кажется, что они обрабатывают независимую область. И, поскольку они образуют самостоятельную группу внутри общественного разделения труда, постольку их произведения, включая и их ошибки, оказывают обратное влияние на все общественное развитие, даже на экономическое. Но при всем том они опять-таки сами находятся под господствующим влиянием экономического развития. В философии, например, это можно всего легче доказать для ее буржуазного периода. Гоббс был первым современным материалистом (в смысле XVIII века), но он был сторонником самодержавия в то время, когда абсолютная монархия переживала свой период расцвета во всей Европе и в Англии вступила в борьбу с народом. Локк был в религии, как и в политике, сыном классового компромисса 1688 г. Английские деисты и их более последовательные продолжатели — французские материалисты были настоящими философами буржуазии, французы были даже философами буржуазной революции. В немецкой философии от Канта до Гегеля проглядывает немецкий буржуазный обыватель то положительно, то отрицательно. Но, как особая область разделения труда, философия каждой эпохи располагает в качестве предпосылки определенным мыслительным материалом, который передан ей ее предшественниками и из которого она исходит. От этого получается такое явление, что страны, экономически отсталые, в философии все же могут играть первую скрипку: Франция в XVIII веке по отношению к Англии, на философию которой французы опирались, а затем Германия по отношению к первым двум. Но как во Франции, так и в Германии философия и всеобщий расцвет литературы явились в ту эпоху результатом экономического подъема. Преобла-

дание экономического развития в конечном счете также и над этими областями для меня неоспоримо, но оно имеет место в рамках условий, которые предписываются самой данной областью: в философии, например, воздействием экономических влияний (которые опять-таки оказывают действие по большей части только в своем политическом и т. п. одеянии) на имеющийся налицо философский материал, доставленный предшественниками. Экономика здесь ничего не создает заново, но она определяет вид изменения и дальнейшего развития имеющегося налицо мыслительного материала, но даже и это она производит по большей части лишь косвенным образом, между тем как важнейшее прямое действие на философию оказывают политические, юридические, моральные отражения.

О религии я сказал самое необходимое в последней главе брошюры о Фейербахе.

Следовательно, если Барт полагает, что мы отрицали всякое обратное влияние политических и т. д. отражений экономического движения на само это движение, то он просто сражается с ветряными мельницами. Ему следует заглянуть лишь в «18 брюмера» Маркса, где только почти и идет речь о той *особой* роли, которую играют политические битвы и события, конечно, в рамках их *всеобщей* зависимости от экономических условий: или «Капитал», например, отдел о рабочем дне, где так решительно действует законодательство, которое ведь есть политический акт; или отдел, посвященный истории буржуазии (24-я глава). К чему же мы тогда бьемся за политическую диктатуру пролетариата, если политическая власть экономически бессильна? Насилие (т. е. государственная власть) это есть тоже экономическая сила!

Но у меня уже теперь не остается времени критиковать самую книгу¹. Сначала должен выйти III том [«Капитала»], да к тому же это может сделать отлично, например, Бернштейн.

Чего всем этим господам не хватает, так это диалектики. Они постоянно видят здесь причину, там — следствие. Они не видят, что это пустая абстракция, что такие метафизические, полярные противоположности в действительном мире существуют только во время кризисов, что весь великий процесс происходит в форме взаимодействия (хотя взаимодействующие силы очень не равны: экономическое движение среди них является гораздо более сильным, первоначальным, решающим), что здесь нет ничего абсолютного, а все относительно. Для них Гегеля не существовало.

¹ См. письмо Энгельса К. Шмидту 5 августа 1890 г.

Что касается партийной склоки, то господа из оппозиции насильно меня в нее вовлекли, так что мне волей-неволей пришлось принять в ней участие.

Манера, с какой обошелся со мной господин Эрнст, не поддается никакому описанию, если не назвать ее просто мальчишеской. О том, что этот человек болен и принужден писать, чтобы жить, я очень сожалею. Но тот, кто обладает такой богатой фантазией, что не может прочесть ни строчки без того, чтобы не вычитать совершенно противоположного сказанному, тот может применять свою фантазию в другой области, а не в области социализма. Пусть пишет романы, драмы, художественную критику и прочее в этом роде; этим он повредит лишь буржуазному образованию и принесет пользу нам. Быть может, он тогда настолько усовершенствуется, что в состоянии будет дать что-нибудь и на нашем поприще. Должен, однако, сказать, что такой кучи незрелой ерунды и абсолютной глупости, какую показала эта оппозиция, мне еще никогда и нигде не приходилось встречать. И эти зеленые юнцы, не видящие ничего, кроме своего безграничного самомнения, хотят предписывать партийную тактику! Из одной единственной корреспонденции Бебеля в венской «Arbeiter-Zeitung» я узнаю больше, чем из всей чепухи этих господ. И они воображают, что стоят большего, чем этот ясный ум, так изумительно правильно воспринимающий обстоятельства и так убедительно рисующий их в двух словах! Все это беллетристы-неудачники, но даже и удачливый беллетрист мало приятный субъект.

Мне было бы очень жаль, если бы «Volks-Tribüne» перестала существовать. Под Вашим руководством как редактора выяснилось, что такой еженедельник, более теоретического, нежели злободневного содержания, может уже кое-что дать, а я ведь знаю, что у Вас за сотрудники! Правда, наряду с «Neue Zeit», с тех пор как он стал еженедельным, сомнительно, пожалуй, сможет ли он удержаться. Во всяком случае, Вы будете рады сложить с себя все радости и горести редактора и найти время для других занятий, кроме чисто журналистских. Да и в Берлине в ближайшее время будут еще всякие отголоски последнего скандала, и притом для того, кто стоит среди всего этого, ничего хорошего не получается.

Опубликование отрывка из моего письма не повредило бы, но этого все-таки лучше не делать. В письмах пишешь по памяти, быстро, не проверяя и т. д., и всегда может проскользнуть выражение, к которому прицепится кто-нибудь из тех, кого у нас на Рейне называли Korinthenscheisser [мелкий пакостник], и выведет из него бог знает какую чепуху.

Спасибо за поздравления, присланные мне заранее к моему семидесятилетию; до него еще добрый месяц. Я пока чувствую себя довольно хорошо, только глаза все еще надо беречь и не писать при газовом освещении. Будем надеяться, что положение не изменится.

Пора, однако, кончать.

С сердечным приветом Ваш

Ф. Энгельс.

151.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 5 ноября 1890 г.

Сегодня я должен сообщить тебе печальное известие. Вчера днем, после непродолжительной и не очень мучительной болезни, тихо скончалась моя дорогая, верная Ленхен. Мы прожили с ней в этом доме семь счастливых лет. Мы с ней были последними из старой гвардии до 1848 г. Теперь я снова одинок. Если в течение долгих лет Маркс, а в эти семь лет я мог спокойно работать, то этим мы значительно обязаны ей. Что будет теперь со мною — не знаю. Мне также сильно будет недоставать ее исключительно тактических советов в партийных делах. Передай привет жене и сообщи это известие Шлютерам.

Твой *Ф. Э.*

152.

Карлу Каутскому

в Штуттгарт.

Лондон, 5 ноября 1890 г.

Наша дорогая Нимми тихо скончалась вчера днем, в половине третьего. Она была недолго больна, сильных болей, а под конец вообще каких-либо болей, не было.

Твой *Ф. Э.*

153.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 26 ноября 1890 г.

Дорогой Зорге,

После того как я сообщил тебе о смерти моей дорогой Ленхен, ко мне на некоторое время приехала Луиза Каутская — разведенная, а не номер второй, и этим снова внесла в мой дом луч

солнечного света. Она прекрасная женщина, и Каутский был, вероятно, не в своем уме, когда с ней разволился.

Я начинаю уже получать поздравления ко дню моего семидесятилетия, наступающего послезавтра; Зингер, Бебель и Либкнехт сообщили о своем намерении посетить меня. Мне хотелось бы поскорее избавиться от всего этого, у меня далеко не именинное настроение, а к тому же еще эта совершенно ненужная шумиха, которой я и без того терпеть не могу. Да и в конце концов я ведь большей частью только пожинаю славу Маркса!

Партейтаг в Галле прошел великолепно. Тусси, присутствовавшая на нем, в полном восторге от делегатов, но не особенно довольна фракцией, в которой много всякого рода филистеров. Но теперь уже позаботились о том, чтобы этого не повторилось на ближайших выборах. Пока же эти господа в рейхстаге поддерживают дисциплину лучше, чем можно было ожидать, и — молчат, иначе неизбежны были бы ляпсусы.

Наша кампания за объединенный конгресс в 1891 г. удалась. Ты, вероятно, читал принятые на международной конференции в Галле решения: конгресс состоится в Брюсселе при условии признания полного его суверенитета. Это все, чего мы требовали, и бельгиец Ансель сам внес предложение, чтобы швейцарцы и бельгийцы, уполномоченные *обоих* конгрессов 1889 г., сообща созвали конгресс. Но так как поссибилисты пребывают к тому же в состоянии безнадежного разложения и ведут между собой открытую войну, а при распаде парижского буланжизма находящиеся в нем социалистические элементы примкнут *к нам*, а не к поссибилистам, то мы, как говорят, опередим наших противников, бесспорно окажемся победителями. Гайндман совершил непостижимую глупость, объединившись с Бруссом против Аллемана, и это ему здорово повредит.

Немцы, по всей вероятности, охотно войдут в сношения с Американской федерацией труда¹, я переговорю здесь с ними и постараюсь повлиять на Фишера, члена правления партии. Фишер — один из лучших, он очень умен, читает по-французски и по-английски и знает движение обеих стран. Он сумеет уравновесить одностороннее влияние Либкнехта в международных делах.

В «Neue Zeit» ты начал очень хорошо, продолжай в том же духе, и ты скоро снова освоишься с работой журналиста. Гонорар приблизительно вдвое больше гонорара здешних сотрудников (по 5 марок

¹ Американская федерация труда — самое крупное объединение профессиональных организаций в Америке, существующее с 1881 г. Во главе федерации со дня ее основания до 1924 г. стоял С. Гомперс.

за страницу); если ты снова войдешь в колею, то при более быстрых темпах работы убедишься в том, что оплата не так уже низка. Мне хотелось бы узнать подробнее о том, что говорил тебе Шлютер. Верно то, что я и остальные получаем в «Neue Zeit» по 5 марок за страницу и что это обычный у них гонорар. Я сам писал Каутскому, что тебе надо было бы предложить больше, Шлютер болтает иной раз не подумав. Конечно, по американским условиям 2 доллара за страницу это немного, и если ты находишь, что можешь требовать такой же гонорар, как в Америке, ты вправе поступить именно так. Но Каутский, который безусловно сделает для тебя все, должен все-таки считаться с Дитцем, потому что платит последний, и я бы не хотел, чтобы из-за этого обстоятельства пришлось открыть доступ в «Neue Zeit» кому-нибудь из «Volkszeitung» или «Sozialist». Обдумай это дело еще раз и, если ты настаиваешь на прибавке, напиши мне, я запрошу по этому поводу Каутского, и, таким образом, дело будет улажено.

Бойкот против меня был объявлен еще Розенбергом и К^о, и если теперь националисты пошли по той же дорожке, так поделом мне. Почему я не отказываюсь от классовой борьбы! Именно так вели себя по отношению ко мне и Марксу фабианцы, которые тоже хотят смастерить освобождение рабочих с помощью «образованных».

Статьи о Джордже в «Labour Standard» я отложил, пока у меня не найдется времени их прочесть, сейчас мне некогда. Ты не представляешь себе, сколько мне присылают газет, брошюр и пр.

Первый том «Капитала» вышел на польском языке у Каспровича, в Лейпциге, его прислали мне из Варшавы.

Сердечный привет твоей жене.

Твой Ф. Энгельс.

154.

Фердинанду-Домела Нивенгейсу

в Гаагу.

Лондон, 3 декабря 1890 г.

Уважаемый товарищ,

Сердечно благодарю за Ваши поздравления к благополучно миновавшему дню моего семидесятилетия. Я принимаю их как от Вас лично, так и от имени голландской рабочей партии, которой и желаю наилучшего успеха, а Вам лично — здоровья и сил, чтобы Вы могли исполнить ту выдающуюся роль, которая Вам в ней выпала. Прошу Вас передать мою благодарность и наилучшие пожелания местным товарищам.

Что касается вопроса насчет выкупа Вашего сына от военной службы, то принципиально я не нахожу в этом ничего непристойного. Преимущества, предоставленные современным государством привилегированным слоям общества, мы имеем право, вообще говоря, использовать и для себя, точно так же как нам приходится и мы *принуждены* жить продуктом труда других, а, стало быть, косвенно и эксплуатацией других, пока экономически мы сами не стали производителями. Если же это пойдет на пользу рабочей партии, то я счел бы это даже долгом. К тому же класс, из которого рекрутируются заместители, большей частью не подлинный рабочий класс, а тот слой, который явно уже переходит в люмпенпролетариат. И если один из них за деньги продает себя на несколько лет в армию, то это всего лишь значит, что безработный нашел средства к существованию.

Но в данном частном случае решающим должно быть то, какое впечатление произведет подобный поступок с Вашей стороны на партийных товарищей, а затем и на всю, стоящую еще вне партии, рабочую массу; останется ли общественное мнение рабочих равнодушным к этому или же это восстановит его против социал-демократии. А это вопрос, который может быть разрешен только на месте и притом человеком, основательно знающим местные условия, а поэтому я здесь воздерживаюсь от всякого суждения.

Так же мало знаком я с положением солдат в голландской армии, а от этого тоже зависит многое. В Германии наши люди — лучшие солдаты.

Сердечный привет от Вашего

Ф. Энгельса.

После Вашего билефельдского дела¹ Вам, вероятно, не скоро захочется вновь навестить священную Германскую империю прусской нации!

155.

Людвигу Шорлеммеру

в Дармштадт.

Лондон, 4 декабря 1890 г.

Дорогой господин Шорлеммер,

Только лишь сегодня собрался я поблагодарить Вас за Ваши дружеские поздравления. Со здоровьем дела мои не так уж плохи, если бы только зрение позволяло мне больше работать за письменным столом; иначе и скучно, и томительно, но с этим приходится

¹ Нивенгейс был приговорен в начале 1887 г. к одному году тюремного заключения.

мириться. Курить я могу себе разрешать только редко, Ваши прекрасные трубки стоят на камине и смотрят на меня: что с тобой сделали, старина?

Сердечный привет Вашей матушке, братьям и сестрам, их семьям и всем партийным товарищам от Вашего старого

Ф. Энгельса.

156.

Петру Лаврову

в Париж.

Лондон, 5 декабря 1890 г.

122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой друг Лавров!

Большое спасибо за Ваше любезное письмо от 27 ноября и за поздравления как Ваши, так и Ваших соотечественников-социалистов, от имени которых Вы пишете. Повторяется старая история. Львиная доля тех почестей, которыми засыпали меня в прошлую пятницу, принадлежит не мне, и никто не знает этого лучше меня. Разрешите мне поэтому почтить память Маркса большей частью того внимания, которым Вы любезно удостоили меня и которое я могу принять лишь как продолжатель его дела. Что касается той небольшой доли, которую могу без хвастовства отнести за свой счет, то я приложу все силы к тому, чтобы быть достойным ее.

В конце концов, мы с Вами не так еще стары. У нас есть надежда жить и видеть. Мы видели подъем, величие и падение Бисмарка; почему же нам не увидеть, после величия, упадок (уже начавшийся) и окончательное падение нашего общего врага — русского царизма?

Искренне Ваш

Ф. Энгельс.

157.

Вильгельму Либкнехту

в Берлин.

Лондон, 8 декабря 1890 г.

Дорогой Либкнехт,

Брентано¹ получит по башке сильнее, чем ожидает, — только спокойствие и терпение! Спасибо за заметку о Гладстоне, но ты понимаешь, что мне нужен в оригинале номер «Deutsches Wochenblatt», содержащий то, что говорят Брентано и Гладстон. Короткая

¹ Речь идет о работе Энгельса «In Sachen Brentano contra Marx wegen angeblicher Citatsfälschung. Geschichtserzählung und Dokumente» («Брентано contra Маркс по поводу мнимой фальсификации цитаты. История вопроса и документъ»), опубликованной в 1891 г. отдельной брошюрой в Гамбурге. См. Соч. Маркса и Энгельса, т. XVI, ч. II, стр. 149—237.

заметка только сбита бы меня с толку, и на это я не могу согласиться. Если тебе некогда раздобыть для меня этот номер, то попроси Фишера, он это, наверно, тотчас же сделает.

Предоставь Брентано мне. Ты останешься доволен. Но без этого *нового* материала я не могу довести дело до конца.

Твой Ф. Э.

Так как письма Гладстона помечены 22 и 28 ноября, то не может быть сомнений насчет того, в *каком* номере журнала напечатана эта ерунда.

158.

Виктору Адлеру
в Вену.

Лондон, 12 декабря 1890 г.

Дорогой Адлер,

Я только собирался поблагодарить тебя и твою жену за телеграмму, как получил твое письмо от 9-го с отосланным обратно чеком Эвелинга. Посылаю тебе прилагаемый чек на местное отделение того же банка, на 10,4 фунта, включая издержки; этот чек обратно уже не пойдет¹.

У Эвелинга это беспорядочность литературной богемы; вот что получается, когда богема вздумает завести текущий счет в банке. «Так молод и уже богемец», можно сказать по этому случаю. Впрочем, оба они только что пришли к нам обедать, поэтому я смогу намылить ему голову за это ротовейство, а ей попадет за то, что она выше всякой меры расхвалила меня в «*Sozialdemokratische Monatschrift*»². Верно только то, что борода у меня курьезно обращена в одну сторону — впрочем, по вполне достаточным основаниям; но этим я тебе надоедать не стану.

Большое спасибо за твои указания о Луизе. Мне тоже хотелось бы, чтобы она осталась у меня; если из этого ничего не выйдет, мне будет очень тяжело расстаться с ней. Но меня постоянно угнетало бы тяжелое чувство, если бы я знал, что ради меня она пожертвовала другими своими планами и обязанностями. Ну, через одну-две недели все, вероятно, выяснится. Если она останется у меня,

¹ Энгельс посылал В. Адлеру деньги, необходимые для переезда Л. Каутской из Вены в Лондон.

² В «*Sozialdemokratische Monatschrift*» №№ 10—11 от 30 ноября 1890 г. опубликована статья Э. Эвелинг-Маркс «*Friedrich Engels*» («Фридрих Энгельс»).

то этой зимой ей, во всяком случае, надо будет еще раз съездить в Вену, чтобы привести все в порядок.

Что же касается опасности переутомления, то в Вене, мне кажется, эта опасность ей, действительно, сильно угрожала. Зато здесь едва ли может идти речь об этом. Хозяйством ей заниматься не нужно — хотя бы из-за прислуги, которая тогда не считала бы ее настоящей леди. Ее дело только распоряжаться и наблюдать. Кроме того, она берет на себя работу секретаря: я диктую ей или даю переписывать, так что берегу этим свое зрение, затем я занимаюсь с ней по разным предметам, прежде всего химией, потом французским языком; она хочет изучать также и латынь; и в этом я тоже могу ей помочь. После обеда мы отдыхаем, а вечером от 11 до 12 играем в карты, чтобы дать моим глазам отдых от чтения и чтобы я с пустой головой лучше уснул. Впрочем, мне известна ее страсть приносить себя в жертву другим, и именно *поэтому* я не решаюсь особенно уговаривать ее остаться у меня. Мы подробно обсуждали это третьего дня вечером, и главным препятствием, повидимому, является ее мать, которой она лишь вчера сообщила о своем намерении остаться здесь. Конечно, ее ответ будет играть решающую роль. Но как бы я себя чувствовал, если бы должен был сказать себе: я лишил Луизу нового подходящего и многообещающего поприща и этим поставил ее в положение, при котором она постоянно чувствовала бы свою вину перед матерью?

Итак, я отнюдь не осуждаю тебя за твои замечания по этому поводу; наоборот, я за это тебе очень благодарен. Лишь в одном случае Луизу покидает ее постоянная искренность, когда ей нужно скрыть свое самопожертвование. Поэтому все мы обязаны зорко следить за ней.

Сердечный привет жене и детям, о которых Луиза рассказала мне много забавного, а также и тебе от Луизы и твоего

Ф. Энгельса.

159.

Неганну Дитцу

в Штуттгарг.

Лондон, 13 декабря 1890 г.

Многоуважаемый господин Дитц,

Я должен еще искренне поблагодарить Вас за роскошный подарок, который Вы прислали ко дню моего рождения. Картины Рейнике особенно порадовали меня: мне впервые приходится видеть немецкие жанровые картины из столичной жизни, в которых нет

ни малейшей чопорности и жеманства, так упорно сопровождающих произведения большинства немецких мастеров жанровой и исторической живописи. У Рейнике же нет никакой позы, все дышит подлинной жизнью.

Как добросовестно мы пировали в день моего семидесятилетия, Вы, вероятно, уже слышали от трех волхвов¹ после их возвращения на Восток. А что в Германии дела идут превосходно, — это я вижу и слышу ежедневно, и это лучше всего.

С сердечным приветом Ваш

Ф. Энгельс.

160.

Карлу Каутскому

в Штуттгарт.

Лондон, 13 декабря 1890 г.

Дорогой Каутский,

Сердечно тебе благодарен за оба твои письма и за посвященную мне статью, к сожалению только — слишком лестную. День своего рождения я благополучно выдержал; если на дворе и не было тумана, то в половине четвертого, когда я ложился спать, он был у меня в голове. Со мной было почти то же, что с тобою в день моего рождения в 1883 г., когда во время моей болезни выпивка происходила у моей постели.

Прилагаю кое-какой предварительный материал относительно Брентано, который ты, надеюсь, дашь, если это будет возможно, в ближайшем же номере «Neue Zeit»; уж он меня поблагодарит! Он хотел бы держать письма Гладстона в резерве до моего ответа, но мы ему покажем.

В следующий раз ты получишь от меня кое-что из литературного наследства Маркса, нечто совершенно новое и к тому же в высшей степени своевременное и актуальное. Рукопись уже переписана, но мне еще придется просмотреть ее и, может быть, написать несколько вступительных строк². Но прошу тебя этого пока не разглашать: я по горло занят получаемой корреспонденцией и ответами на многочисленные письма и не могу указать определенного срока.

¹ Приезжавшие к Энгельсу в Лондон: Либкнехт, Зингер, Бебель.

² Речь идет об опубликованной в «Neue Zeit» № 18 за 1890 г. статье Маркса «Zur Kritik des sozialdemokratischen Parteiprogramms», стр. 561—575. См. Соч. Маркса и Энгельса, т. XV, стр. 265—287, «Критика Готской программы».

Тетради IV тома Маркса я ни в коем случае не могу и не должен доверять ни почте, ни другим посредникам. Пока ты после второй тетради ничего нового не получишь. Это вызвано еще и тем, что в дальнейших тетрадях есть различные экскурсы и зачеркнуты длинные места, которые, возможно, и не нужно будет переписывать, но все время необходим обмен мнений. Таким образом, эта работа может быть сделана только здесь. Позже, когда ты снова как-нибудь сюда приедешь, а я смогу лучше ориентироваться в рукописи, мы решим, что дальше делать. Разумеется, то, что у тебя уже есть, ты подготовишь.

Ты очень обяжешь меня, если пришлешь еще шесть экземпляров 8-го выпуска ¹, этого, пожалуй, будет достаточно.

Теперь, однако, пора кончать. Прилагаю еще несколько строк для Дитца, которые прошу ему передать.

Твой старый

Ф. Энгельс.

161.

Вильгельму Либкнехту

в Берлин.

Лондон, 18 декабря 1890 г.

Дорогой Либкнехт,

Имена ты отгадал правильно.

Я никак не могу понять, для чего нужна перепечатка этой путаной переписки, непонятной в наше время из-за ее гегельянского языка. Означает ли это, что ты хочешь напечатать все, подписанное именем Маркса, или же это начало задуманного тобою вместе с Паулем Эрнстом «Полного собрания» в брошюрах или выпусках.

Против этого я здесь уже протестовал и буду и впредь протестовать.

Я охотно даю свое согласие на издание в виде брошюр отдельных вещей Маркса, понятных в наши дни без примечаний и комментариев, я согласен именно на их *простую перепечатку без каких-либо примечаний и комментариев*. Если же ты собираешься привести в исполнение этот план, который ты мне здесь излагал, то я немедленно выступлю против этого.

¹ В «Neue Zeit» № 8 за 1890 г. опубликована статья Ф. Энгельса «Umrisse zu einer Kritik der Nationalökonomie» («Очерки критики политической экономики»), стр. 236—254. См. Соч. Маркса и Энгельса, т. II, стр. 293—320. В этом же номере опубликована статья «Friedrich Engels. Zu seinem siebenzigsten Geburtstag» («Фридрих Энгельс. К семидесятилетию со дня рождения»), стр. 225—235.

Предисловие я написать не могу. В предисловии к переписке я мог бы в крайнем случае указать на неоднократные заявления Маркса, что переписку редактировал Руге и внес туда много чепухи.

Если бы вы не дергали меня все время и дали мне закончить III том, я сам мог бы сделать что-нибудь основательное. Я уже сказал тебе, что прошло то время, когда я был в состоянии выполнять работу специально по твоему заданию. Я не возьму на себя решительно ничего нового, хотя бы и трех строк, пока не развяжусь с кучей дел, уже начатых мною.

Когда можно писать только при дневном свете и к тому же самое большее три, а зачастую лишь два часа в день, да и то с перерывами, то ты понимаешь, что каждое лишнее письмо отнимает лучшие часы. А тут еще целых двенадцать дней не было никакого дневного света.

Так что сделай, наконец, одолжение и дай мне спокойно поработать.

Место из Зибеля, несмотря на все поиски, я не могу сейчас найти. Оно, как нарочно, так запряталось, что сколько ни перелистывай, ничуть не помогает. Впрочем, при твоих занятиях Бисмарком тебе было бы совсем не вредно самому просмотреть этот важный источник, и тогда ты сам нашел бы это место в IV или V томе¹.

Сердечный привет от моих твоим и пожелание веселых праздников.

Твой Ф. Э.

На полях: Сегодня Дитц опять напоминает мне о новом издании «Происхождения». Как мне справиться со всем этим, если мне не дадут покоя?

162.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 20 декабря 1890 г.

Дорогой Зорге,

Твои письма, включая письмо от 9-го, получил. Мои письма можешь использовать по своему усмотрению. Очень рад, что ты справился у Шлютера по поводу гонорара и все теперь в порядке. По немецким условиям тебе предложили очень приличный гонорар. Впрочем, Шенланк, который это писал, совершенно никчемный

¹ Генрих фон-Зибель «Die Begründung des deutschen Reiches durch Wilhelm I» («Основание Германского государства Вильгельмом I»), 7 томов. Мюнхен—Лейпциг, 1889—1890 гг.

субъект, действительно не стесняющийся использовать всякую возможность, чтобы выжать деньги у партии. На конгрессе в Галле он это снова доказал.

Я чрезвычайно утомлен работой, поэтому пишу сегодня лишь эту открытку. У меня на очереди еще господин Брентано, и его надо «начисто и безусловно» отделать.

Луиза Каутская решила *совсем* у меня остаться. Я, разумеется, бесконечно этому рад и от всего сердца благодарен этой милой девочке. Она многим для меня жертвует, но я, к счастью, в состоянии, с своей стороны, тоже кое-что ей предложить, чего она не могла бы иметь в Вене. Кроме хозяйства, на ней лежит еще добрая доля секретарской работы, а в этом именно я нуждался больше всего. Ты видишь, следовательно, что я пока не могу принять вашего любезного приглашения и переехать в Хобокен и снова арендовать дом на следующие три года.

Надеюсь, что при получении этого письма твоя жена будет уже здорова. Шорлеммер из-за упорного катарра ушей на это рождество тоже не сможет приехать, иначе он рискует окончательно оглохнуть. Итак, в следующий раз напишу больше. Желаю веселых праздников.

Твой старый

Ф. Э.

1891 год.

163.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 3 января 1891 г.

Дорогой Зорге,

Прежде всего поздравляю с новым годом тебя и твою жену.

Дату моей последней открытки с ответом на самые неотложные вопросы, заданные тобой в письме, я, к сожалению, не записал.

Большое спасибо за прекрасную фотографию твою и твоей жены. Я охотно послал бы тебе свою, если бы у нас с 25 ноября не было непрерывного снега и тумана, так что нельзя было сделать ни снимка, ни репродукции с негатива. Как только снова будет подходящее освещение, я снимусь, чтобы знать, как я выгляжу в 70 лет, и ты тогда немедленно получишь фотографию.

Луиза Каутская остается у меня. За ту жертву, которую приносит мне это милое дитя, я ей очень благодарен. Я снова смогу спокойно работать и лучше, чем когда бы то ни было, так как она в то же время будет и моим секретарем. Для нее у меня найдется достаточно дела, тогда как для постороннего человека не нашлось бы ничего. Таким образом, все неожиданно обернулось к лучшему; стало уютно, и солнце снова светит в моем доме, если даже на дворе и стоит такой же, как теперь, туман.

Я, кажется, уже писал тебе, что ты можешь использовать мои письма по своему усмотрению. Но зато *ты* должен просвещать *нас* об Америке!

Твой протест¹ срочно переслал в Париж. Поможет ли он? Деловитостью они похвалиться не могут.

Сэм Мур, председатель суда в Асаба на Нигере, по последним сведениям, нездоров. Он так хорошо переносил климат, а тут вдруг—

¹ Заявление с неаккуратном получении почты.

понос, лихорадка и прилив крови к печени и селезенке; с нетерпением жду следующей почты, послезавтра. Он в апреле снова собирался сюда в шестимесячный отпуск.

Самое важное событие в Европе за последние три месяца это — убийство Селиверстова Падлевским и бегство последнего, что вполне соответствовало *желанию* правительства. Это доказывает, что Париж — штаб русских шпионов за границей, что шпионаж и гнусные услуги Французской республики царю являются первым условием союза с Россией и, наконец, смелый поступок Падлевского, чувствительно ударивший по всем струнам лучших французских традиций, — все это переполнило чашу. Франко-русский союз умер прежде, чем был доношен и рожден (Луиза Каутская — акушерка, отсюда это сравнение), и не потому, что буржуазные республиканцы не согласились бы на него, — они согласились бы охотно еще и сегодня, а потому, что в Петербурге убедились в том, что в решительный момент союз этот отказывается служить и не стоит поэтому ни гроша. Для всеобщего мира это огромный выигрыш.

Туман, темно — пора кончать.

Большой привет твоей жене и тебе самому.

Твой Ф. Э.

164.

Карлу Каутскому

в Штуттгарт.

Лондон, 7 января 1891 г.

Дорогой Каутский!

Вчера я послал тебе *казным* рукопись Маркса ¹, которая, надо полагать, доставила тебе удовольствие. Сомневаюсь, чтобы она могла появиться в священной Германской империи *в таком виде*. Посмотри ее с этой точки зрения и, где это возможно, вычеркни сомнительные места, заменив их точками. Там же, где контекст этого не допускает, отметь, пожалуйста, такие места в корректуре и сообщи мне, по возможности, в двух-трех строках *причины* твоих сомнений; а я тогда сделаю, что будет возможно. То, что будет изменено, я заключил бы в таком случае в скобки, а в своем введении объяснил бы, что это — *измененные* места. Поэтому присылай, пожалуйста, корректуру в гранках!

Возможно, однако, что, кроме полицейского начальства, опубликование этого материала не понравится и еще кое-кому. Если ты

¹ «Критика Готской программы».

находишь нужным считаться с этим, то я попросил бы тебя переслать рукопись *заказным* письмом Адлеру. Там, в Вене, ее, вероятно, можно будет полностью напечатать (за исключением, к сожалению, великолепного места о религиозных нуждах), *и во всяком случае она будет напечатана*. Я думаю, впрочем, что это мое *весьма решительное* намерение, о котором я сообщаю тебе этим письмом, совершенно обезопасит тебя от каких бы то ни было нареканий. Раз вы все равно не сможете воспрепятствовать опубликованию рукописи, то ведь гораздо лучше, чтобы она появилась в самой Германии, и именно в специально основанном для таких вещей партийном органе — в «*Neue Zeit*».

Я прервал работу о Brentano, чтобы приготовить для тебя эту рукопись. Дело в том, что в работе о Brentano мне нужно использовать места о железном законе заработной платы, и поэтому было бы бессмысленно не подготовить заодно к печати всю рукопись. Я рассчитывал закончить работу о Brentano в течение ближайших недель, но тут опять было столько помех и столько корреспонденции, что едва ли это удастся.

Итак, в случае каких-нибудь препятствий будь настолько любезен известить меня. .

Здесь все еще стоят сильные морозы. Старик Шорлеммер простудился и на время потерял слух, так что не смог приехать на рождество. Сам Мур в Асабе серьезно болен. Я с тревогой жду дальнейших известий о нем.

Твой Ф. Энгельс.

Привет Таушеру.

165.

Карлу Каутскому
в Штуттгарт.

Лондон, 15 января 1891 г.

Дорогой Барон!

Из прилагаемых корректур ты убедишься, что я не бесчеловечен и в введении подбавил даже еще несколько капель морфия и брома для успокоения, что, надеюсь, произведет надлежащее болеутоляющее действие на элегическое настроение нашего друга Дитца. Бебелю напишу сегодня же. Раньше я его не посвящал в это дело, не желая ставить его в неловкое положение по отношению к Либкнехту. Бебель *обязательно* должен был бы вступить с Либкнехтом в переговоры, а Либкнехт, который, судя по его

программной речи в Галле¹, сделал для себя ряд выписок из рукописи, пустил бы в ход решительно все, чтобы помешать ее опубликованию.

Если неудобно оставить в тексте фразу «отправлять свои религиозные, *как и телесные* нужды», — то опусти три подчеркнутых слова и замени их точками. Намек станет тогда еще тоньше и все-таки будет достаточно понятен. Тогда, пожалуй, это место не вызовет сомнений.

В остальном я сделал все так, как ты и Дитц этого требовали, и, как видишь, даже *больше*.

Мендельсоны приехали из Парижа сюда. При его освобождении судья *запретил* ему выезжать из Франции. Министр же *Констан*, наоборот, *приказал* ему уехать добровольно, пригрозив в противном случае высылкой. *Констан* поручил Лабрюйеру, который, как известно, теснейшим образом связан с полицией, убрать Падлевского. Если бы Падлевский предстал перед судом присяжных, то шашни с Россией привели бы к кризису: подвиги русских полицейских шпионов в Париже нельзя было бы изъять из процесса, и Падлевский мог бы быть *оправдан*. Он поэтому был чрезвычайно неудобен правительству, и его нужно было убрать. Пусть Лафарг напишет тебе статью о том, как Падлевский взорвал франко-русский союз. Либкнехт смотрит на это дело, как и на все заграничные дела, совершенно ошибочно.

Сюда Мендельсоны приехали без всяких адресов и попали в руки Смита-Хидингли и Гайндмана; те потащили их на какой-то митинг и т. д. Наконец, они явились ко мне; я дал им адрес Эде, и, когда я, из дипломатических соображений, нанес им официальный ответный визит, в дверях показался г. Смит-Хидингли. Я воспользовался этим случаем, чтобы в присутствии поляков выразить ему холодное презрение; это, повидимому, произвело надлежащее впечатление. В воскресенье они были здесь. Сегодня у меня к обеду будут они, Эде и Эвелинги; надеюсь, что интриги, затеянные в интересах Брусса, Гайндмана и К^о, будут, таким образом, сорваны. Жаль, что тебя не будет с нами, мы начнем с устриц.

Твой Ф. Э.

¹ Доклад В. Либкнехта о программе партии на съезде Германской социал-демократии в Галле 15 октября 1890 г.

166.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 17 января 1891 г.

Дорогой Зорге,

Прилагаю четвертое издание «Капитала» (заказным) и пачку газет. Так как Сэм Мур находится, вероятно, уже на обратном пути с Нигера в Европу, — он пользуется шестимесячным отпуском каждые два года, — то ты сможешь получать многое из того, что до сих пор посылалось ему: «Berliner Volks-Tribüne», которой маленький Конрад Шмидт придал достаточно правильное направление, а Пауль Эрнст до сих пор не успел еще испортить; «Cri du Travailleur», передающую основное содержание «Le Socialiste», затем номер «Vorwärts» с нашими разоблачениями по поводу господина Рейса.

С 25 ноября у нас непрерывно идет снег, и все замерзло. Пять дней тому назад замерзли водопроводные трубы под землей, и с водой у нас просто мучение. Семнадцатый номер «Neue Zeit» произведет впечатление взорвавшейся бомбы: в нем появится критика Маркса проекта программы 1875 г. Тебе это доставит удовольствие, но в Германии это у многих вызовет гнев и возмущение.

Привет жене, Шлютерам и Роммам, если ты их увидишь.

Твой Ф. Э.

167.

Станиславу Мендельсону

в Лондон.

Лондон, 18 января 1891 г.

Воскресенье.

Дорогой гражданин Мендельсон,

Вчера вечером, после беседы с г-жей Мендельсон, я нашел в парижском «Socialiste» статью¹, содержащую сообщения, на основании которых Вы могли бы, я думаю, обратиться с письмом в английскую прессу по поводу того дела, о котором говорили мне г-жа Мендельсон и гражданин Иодко.

Я обсудил этот вопрос с Эвелингом и его женой. Они будут у Вас завтра утром. И я прошу Вас условиться с Эвелингом отно-

¹ Статья Гэда от 14 января 1891 г., в которой он сообщает о посылке русской охранкой 84 агентов за границу. Мендельсон на этом основании опубликовал в английской прессе (в «Justice» от 24 января 1891 г.) предостережение о действиях русской охранки.

сительно часа, когда вы оба могли бы доставить мне удовольствие своим посещением, тогда мы отредактировали бы письмо и обсудили возможности появления его в печати.

Привет г-же Мендельсон и гражданину Иодко.

Искренне Ваш

Ф. Энгельс.

168.

Герману Шлютеру

в Хобокен.

Лондон, 29 января 1891 г.

Дорогой Шлютер,

Наконец-то у меня нашлось время, чтобы ответить на твое письмо от 19 ноября. Благодарю за твои и твоей жены поздравления. Жалко, что вас не было с нами. Мы кутили до половины четвертого утра и поглотили, кроме красного вина, шестнадцать бутылок шипучего.

Приглашением Зорге я, к сожалению, воспользоваться не могу. Я пустил здесь, в Европе, такие прочные корни и у меня так бесконечно много дела, что об отступлении в Америку можно было бы говорить лишь в случае крайней необходимости. К тому же, с тех пор как у меня живет Луиза Каутская, мое хозяйство снова в полном порядке.

Очень благодарен за «Календарь».

Статьи в «Энциклопедии»¹ частью написаны Марксом, частью мною, и почти все на военные темы, — биографии полководцев, статьи об артиллерии, кавалерии, фортификации и т. п. Все это писалось исключительно ради заработка, и их спокойно можно оставить.

О том, что у вас с социалистической рабочей партией дело обстоит все хуже, достаточно ясно говорит ее братание с националистами, по сравнению с которыми здешние фабианцы — тоже буржуа — являются еще радикальными. Не думаю, что «Sozialist», объединившись с «Nationalist», может стать еще скучнее. «Nationalist» мне присылает Зорге, но, как я ни стараюсь, я не могу найти никого, кто согласился бы его читать.

Я не понимаю ссоры с Гомперсом. Его федерация, насколько мне известно, является ассоциацией трэд-юнионов и только. Поэтому эти люди имеют *формальное право* отводить всякого, кто приходит к ним в качестве представителя рабочего союза, *не являющегося* трэд-юнионом, а также отводить делегатов объединений,

¹ Статьи К. Маркса и Ф. Энгельса в «Новой американской энциклопедии» за 1858—1861 гг. См. Соч. Маркса и Энгельса, т. XI, ч. II, стр. 363—644.

в которые допущены такие союзы. Полезно ли было в интересах *пропаганды* подвергать себя опасности такого отвода, об этом я отсюда, конечно, судить не берусь. Но что отвод этот должен был последовать, это было вне всяких сомнений, и я, по крайней мере, ни в коем случае Гомперса не могу упрекнуть.

Но, когда я думаю о международном конгрессе¹ в Брюсселе в будущем году, мне кажется, что все же следовало бы сохранить хорошие отношения с Гомперсом, за которым все же стоит больше рабочих, чем за Социалистической рабочей партией, а также обеспечить возможно большее представительство из Америки, в том числе и *его* сторонников. Они увидят в Брюсселе много такого, что собьет их с усвоенной ими ограниченной трэд-юнионистской точки зрения. К тому же, где же еще Вы рассчитываете найти источник пополнения своих рядов, если не в трэд-юнионах?

Большое спасибо за историю о серебре. Если ты сможешь мне найти что-нибудь о современной *добыче серебра* в Соединенных Штатах, я буду тебе очень благодарен. Европейские ослы — сторонники биметаллизма одурачены американскими производителями серебра и охотно таскали бы для них каштаны из огня. К сожалению, напрасно; из этого мошенничества ничего не выйдет. Посмотри мое примечание о благородных металлах в четвертом издании «Капитала».

Сообщи мне более точные подробности об упомянутой речи Маркса о покровительственных пошлинах. Я только помню, что, когда в Брюссельском немецком рабочем союзе прения стали несколько вялы, мы с Марксом сговорились повести мнимую дискуссию, в которой он защищал бы свободную торговлю, а я — покровительственные пошлины; я вижу перед собой, как сейчас, удивленные лица присутствующих, когда они увидели, как мы вдруг напали друг на друга. Возможно, что эта речь была напечатана в «*Deutsche Brüsseler Zeitung*». Другой речи я не припомню.

Ведь ты едва ли сможешь поехать в Германию в течение ближайших нескольких лет. Правда, Таушера выпустили, но только потому, что против него ничего не удалось установить. Зато при этом выяснилось, что по отношению к вам срок давности до сих пор регулярно нарушался.

Сердечный привет тебе и твоей жене от Луизы Каутской и твоего

Ф. Энгельса.

¹ Второй конгресс II Интернационала состоялся в Брюсселе 16—22 августа 1891 г.

Моттелер еще здесь, он ликвидирует дела в № 114 Kentisch Town Road. Что он станет делать после того, как 25 марта эту квартиру надо будет освободить, — а он сможет заниматься ликвидацией дел только дома, — я не знаю. Но он решительно не хочет возвращаться в Швейцарию, хотя мы знаем, что это можно было бы легко осуществить. Эде живет хорошо, работает, как лошадь, и пишет очень хорошие вещи в «Neue Zeit».

169.

Карлу Каутскому

в Штуттгарт.

Лондон, 5 февраля 1891 г.

Дорогой Каутский,

Ты думаешь, что нас здесь бомбардируют письмами по поводу статьи Маркса?¹ Совсем наоборот, мы ничего не слышим и не видим.

Когда в субботу² мы не получили «Neue Zeit», я прежде всего подумал, не случилось ли опять чего-нибудь. В воскресенье пришел Эде и показал мне твое письмо. Я решил, что маневр с запрещением статьи все-таки удался. Наконец, в понедельник прибыл номер «Neue Zeit», а через некоторое время я обнаружил перепечатку статьи и в «Vorwärts»³.

Так как административные меры в духе закона против социалистов не удалось, то лучшее, что эти люди могли сделать, был этот смелый шаг. К тому же он имеет и ту положительную сторону, что благодаря ему в значительной степени исчезла та трудно переходимая пропасть, о которой под влиянием первого испуга говорит Август. Этот испуг во всяком случае был вызван больше всего опасением: а как используют это наши противники? Появление статьи в официальном органе притупляет жало враждебных выступлений и дает нам возможность сказать: смотрите, как мы сами себя критикуем, мы — единственная партия, которая может себе это позволить; попробуйте-ка последовать нашему примеру! И это есть именно та правильная точка зрения, на которую следовало встать с самого начала.

¹ «Критика Готской программы».

² 31 января 1891 г.

³ «Vorwärts» №№ 27 и 28 от 1 и 3 февраля 1891 г.

Предпринять репрессивные меры против тебя также будет нелегко. Моя просьба в случае надобности переслать рукопись Адлеру должна была, с одной стороны, воздействовать на Дитца, а с другой — снять с тебя ответственность, так как я поставил тебя до известной степени в безвыходное положение. Я написал также и Августу, что всю ответственность беру на себя одного.

Если же ответственность и падет на кого-нибудь еще, то только на Дитца. Он знает, что в таких случаях я по отношению к нему всегда очень сговорчив. Я не только исполнил все его пожелания насчет смягчения отдельных мест, но смягчил даже кое-что и сверх того. Если бы подчеркнутых мест было больше, я принял бы и их во внимание. Но почему же мне было не оставлять того, в чем не нашел ничего предосудительного Дитц!

Вообще же, когда пройдет первый испуг, почти все, кроме Либкнехта, будут мне благодарны за опубликование статьи. Она уничтожает возможность всякой половинчатости и пустой фразеологии в будущей программе и приводит неотразимые аргументы, которые большинство из них¹ едва ли решилось бы выдвинуть по собственной инициативе. Им не ставят в укор, что они не изменили плохой программы во время действия закона против социалистов, так как они не могли этого сделать. Теперь же они сами от нее отказались. А что 15 лет тому назад, при объединении², они вели себя по-дурачки и позволили Гассельману и другим сесть себе на шею, в этом они, право же, могут теперь признаться без всякого стеснения. Во всяком случае три составные части программы: 1) специфическое лассальянство, 2) вульгарный демократизм в духе Народной партии, 3) бессмыслица — не стали лучше от того, что они целых 15 лет мариновались в качестве официальной программы партии. И если мы не решимся высказать это открыто сегодня, то когда же?

Если узнаешь какие-нибудь новости, сообщи, пожалуйста, нам.
Сердечный привет.

Твой Ф. Э.

¹ Эйзенахцы.

² Речь идет об объединении лассальянцев и эйзенахцев, происшедшем на съезде в Готе 22—27 мая 1875 г. От лассальянцев присутствовало 73 делегата, представлявших 15 322 члена партии, эйзенахцев — 56 делегатов от 9 121 члена партии. Доклад по вопросу о программе делали В. Либкнехт (от эйзенахцев) и Гассельман (от лассальянцев).

170.

Фридриху-Альберту Зорге
в Хобокен.

Лондон, 11 февраля 1891 г.

Дорогой Зорге,

Письмо от 16 января я получил.

Я *очень* доволен, что ты прекращаешь высылать мне «Nationalist». Я не могу найти здесь решительно никого, кто стал бы читать эту газету; у меня же самого не хватает времени для просмотра мудрых изречений различных чванливых выскочек. Я давно уже просил бы тебя об этом, но думал: если Зорге мне ее посылает, то должно же в конце концов в ней хоть что-нибудь быть.

Фотографии скоро будут готовы. Генрих Шей хочет выгравировать мой портрет на дереве, и поэтому мне недавно снова пришлось сесть перед аппаратом. Из семи снимков один, вероятно, окажется удачным.

Надеюсь, что к моменту получения этого письма твоя жена снова будет уже здорова, так же как и ты.

Об американском издании «Капитала» я ничего не могу тебе написать, так как никогда его не видел и не знаю, что он собой представляет. Что они там *имеют право* перепечатывать наши работы, это известно, а то, что они *пользуются* этим правом, доказывает, что это дело для них выгодно; это очень приятно, хотя для наследников и убыточно. Но мы должны рассчитывать на это, как только сбыт в Америке значительно увеличится.

Четвертое издание ¹ ты теперь, вероятно, уже получил.

Статью Маркса в «Neue Zeit» ² ты читал. В Германии она среди социалистических властителей вызвала сначала ужасный гнев, который теперь, кажется, понемногу начинает уже остывать. В самой же партии, напротив, — за исключением старых лассальянцев, — она принята с большой радостью. Берлинский корреспондент венской «Arbeiter-Zeitung», которую ты получишь со *следующей* почтой, буквально благодарит меня за услугу, оказанную мною партии (я предполагаю, что это Адольф Браун, зять Виктора Адлера и помощник редактора у Либкнехта в «Vorwärts» ³). Либкнехт, конечно, рвет и

¹ Четвертое издание I тома «Капитала».

² «Критика Готской программы».

³ В сборнике писем: «Briefe und Auszüge aus Briefen von Joh. Phil. Becker, Jos. Dietzgen, Friedrich Engels, Karl Marx und A. an F. A. Sorge und Andere» (Издание Дитца, 1906 г., Штуттгарт), опубликованном при жизни Зорге, как и в последующих изданиях, вместо этих слов в скобках

мечет, так как вся критика направлена была специально против него и именно он вместе с педерастом Гассельманом произвел на свет эту гнилую программу. Мне понятен ужас, охвативший в первый момент людей, до сих пор всегда добивавшихся того, чтобы «товарищи» обращались с ними только крайне деликатно, когда к ним теперь подходят без церемоний и их программа разоблачается как чистейшая бессмыслица. Как мне пишет К. Каутский, который во всей этой истории держал себя очень отважно, фракция намеревается вынести решение, в котором будет сказано, что статья Маркса была опубликована без ее ведома и одобрения. Это удовольствие они могут себе доставить. Возможно, впрочем, что и из этого ничего не выйдет, если число партийных товарищей, одобряющих публикацию, будет увеличиваться и если они увидят, что крики о том, что «это — оружие, которое мы даем врагу против нас же самих», немногого стоят.

Тем временем эти господа меня бойкотируют, что мне очень кстати, так как это избавляет меня от излишней траты времени. Все равно, долго это продолжаться не будет.

После смерти Бредлоу Эвелингу было предложено выставить свою кандидатуру в Нортгэмптоне, да еще местной секцией Социал-демократической федерации, т. е. номинально сторонниками Гайндмана! В связи с всеобщим подъемом движения за последние 18 месяцев в Федерации наблюдается сильный прирост. Эти люди охотно предоставляют Гайндману и К⁰ внешнюю политику (интриги с социалистами и т. д.), в которой они сами ничего не понимают: они и не знают решительно ничего о прежних склоках и интригах этих господ в Ирландии и, наверное, охотно сложили бы с себя всякую ответственность за это. На самом деле, этого прироста удалось достигнуть только потому, что Гайндман и К⁰ воздерживались с тех пор от атак внутри партии. Отсюда этот шаг нортгэмптонцев, который страшно рассердил Гайндмана, в особенности из-за того, что секция тут же довела это решение до центрального органа. Затеяли склоку, но напрасно. Эвелинг отправился туда и был там великолепно принят; до официального выставления кандидатуры оставалось только даны следующие: «полагаю, что это писал Август Бебель» (ich denke, es ist August Bebel). Однако в фотокопии с оригинала рукописи, хранящейся в архиве ИМЭЛ, написано: «ich denke es ist Adolf Braun, Victor Adlers Schwager und Liebknechts Unterredacteur beim «Vorwärts»», что и воспроизведено в настоящем томе сочинений. Эта искажающая текст Энгельса переделка была сделана, повидимому, с целью выгородить Бебеля и приписать ему положительное отношение к опубликованию Энгельсом «Критики Готской программы», в то время как в действительности он был против ее опубликования.

четыре дня, в течение которых нужно было еще внести залог на расходы по выборам в размере 100 фунтов. 20 рабочих гарантировали эту сумму каждый по пяти фунтов, и нашелся человек, согласившийся под эту гарантию ссудить деньги. Но когда это дело расследовали, то оказалось, что человек этот был главным агентом консерваторов. Тогда Эвелинг отказался от этих денег и ушел демонстративно, выразив при этом свое возмущение. Это должно было вдвойне разозлить Гайндмана, который лет пять тому назад вместе с Чемпионом взял у тори на избирательную кампанию 250 или 350 фунтов. Во всяком случае, Эвелинг теперь постоянный кандидат рабочих от Нортгэмптона и имеет прекрасные шансы на увеличение числа голосов. На этот раз он получил бы от 900 до 1000 голосов.

Рекомендованный тебе молодой человек ¹, вероятно, уже был у тебя. Впрочем, Роммы лично знают его. Мне об этом не было известно.

Французы сильно разгневаны тем, что немцы на этот раз будут праздновать не 1, а 3 мая. Все это глупости; празднование 1 мая в прошлом году у гамбургцев, забастовавших в этот день, повлекло за собой локаут (которого жаждали не имевшие заказов фабриканты), обошедшийся гамбургским рабочим в 100 тыс. марок, — не считая взносов со стороны, — сломивший силу их лучше всего организованных профессиональных союзов и надолго парализовавший их деятельность. В настоящее время перепроизводство во всех отраслях промышленности сделалось в Германии хроническим, а так как всеобщее празднование 1 мая по всей Германии возможно только при нарушении договоров, то оно повлекло бы к всеобщему локауту, опустошению всех наших касс, упадку всех наших профессиональных союзов и, вместо воодушевления, вызвало бы упадок настроения и было бы вообще безумием. Правда, наши на Парижском конгрессе были настолько воодушевлены 1 мая, что теперь это будет похоже на отступление. К тому же воззвание фракции — жалкая, бесцветная болтовня.

Здесь, в Англии, день демонстрации будет установлен в будущее воскресенье. Гайндман и К^о, поняв свою прошлогоднюю ошибку, на этот раз хотят добиться руководящей роли. Итак, 1 мая найдет здесь много сторонников. Но так как и здесь капиталисты усердно ищут всякого предлога, чтобы взорвать самые ненавистные им трэджюнионы — докеров и в особенности, руководимый Тусси, трэджюнион

¹ Речь идет о С. Падлевском.

рабочих газовых предприятий и чернорабочих. Но Тусси приложит все усилия к тому, чтобы не дать здесь предлога к нарушению договоров, и предложит провести праздник 3 мая, в воскресенье.

Рабочие газовых предприятий представляют собой теперь самую мощную организацию Ирландии; на следующих выборах они выступят со своими собственными кандидатами, не заботясь ни о Парнелле, ни о Мак-Карти. Если Парнелл теперь выступает столь дружелюбно по отношению к рабочим, то этим он обязан именно встрече с рабочими газовых предприятий, которые без всякого стеснения высказали ему всю правду. И Майкл Девицца, который сперва стоял за независимые ирландские трэд-юнионы, они тоже научили умозуму. Имеющаяся у них конституция дает им вполне свободное самоуправление. Им принадлежит та заслуга, что они первые дали толчок рабочему движению в Ирландии. Многие их секции состоят из сельскохозяйственных рабочих.

Сердечный привет твоей жене.

Твой Ф. Э.

171.

Карлу Каутскому

в Штуттгарт.

Лондон, 11 февраля 1891 г.

Дорогой Каутский,

Большое спасибо за оба твои письма. Возвращаю тебе письма Бебеля и Ш.¹

Берлинцы все еще не перестали бойкотировать меня, я не имею от них никаких писем. Очевидно, они не приняли еще никакого решения. Зато в «Hamburger Echo» появилась весьма приличная передовая, если принять во внимание, что эти люди находятся еще под очень сильным лассальянским влиянием и непоколебимо верят в систему приобретенных прав². Из этой статьи, а также из «Frankfurter Zeitung» я заключил, что атака враждебной прессы достигла полного размаха, если уже не сошла на-нет. Выдержав этот натиск, — а до сих пор он был, насколько я могу судить, совсем не страшен, — люди быстро оправятся от первого испуга. Зато берлинский кор-

¹ Повидимому, речь идет о М. Шиппеле.

² Книга Ф. Лассалья «Das System der erworbenen Rechte» («Система приобретенных прав»), Лейпциг, 1861 г.

респондент Адлера (А. Браун?) буквально благодарит меня за опубликование рукописи. Еще два-три таких выступления, и сопротивление будет парализовано.

Что рукопись от Бебеля в мае—июне 1875 г. спрятали¹ и что утаили ее умышленно, это мне сразу стало ясно, как только он сообщил мне, что день его освобождения из тюрьмы пришелся на 1 апреля. Я и писал ему, что он *должен был бы* ее видеть, если только не произошло «ничего неладного». На этот вопрос я, если понадобится, попрошу в свое время дать мне ответ. Документ долгое время находился у Либкнехта, от которого Бракке лишь с большим трудом получил его обратно: Либкнехт собирался совсем оставить его у себя, с тем чтобы использовать при окончательном редактировании программы. А как использовать — это мы знаем.

Статью Лафарга² пришли мне заказной бандеролью в рукописном виде, а я уж приведу ее в порядок. Между прочим, его статья о Падлевском³ вполне удовлетворительна и была очень полезным средством против извращений «Vorwärts» насчет французской политики. В этом отношении Вильгельму Либкнехту вообще не везет. Он всегда расхваливает Французскую республику, а его корреспондент Гэд, им же самим специально приглашенный, всюду ее разносит.

К подготовляемому фракцией заявлению, о котором оповестил Ш. ⁴, я отношусь в высшей степени безразлично. Если им угодно, я готов подтвердить, что не привык спрашивать у них разрешения. По нраву им эта публикация или нет, мне решительно все равно. Я охотно оставляю за ними право высказывать свое неодобрение по тому или другому поводу. Если обстоятельства не сложатся так, что я буду безусловно вынужден как-нибудь реагировать, то я и не подумаю на это отвечать. Итак, будем ждать.

¹ В 1873—1875 гг. Бебель, приговоренный по лейпцигскому процессу 1872 г. о государственной измене, отбывал 22-месячное тюремное заключение, закончившееся 1 апреля 1875 г. «Критика Готской программы», отправленная Марксом 5 мая, была адресована члену комитета Германской социал-демократической партии Бракке с просьбой передать ее для ознакомления остальным членам комитета — Гейбу, Ауэру, Бебелю и Либкнехту.

² Речь, очевидно, идет о статье П. Лафарга «Der Mythos von Adam und Eva» («Миф об Адаме и Еве»), опубликованной в «Neue Zeit» №№ 34 и 35 за 1891 г., ч. II, стр. 225—232, 263—271.

³ Статья П. Лафарга «Der Schuß Padlewsky's» («Выстрел Падлевского») опубликована в «Neue Zeit», 1891 г., ч. I, стр. 593—599.

⁴ Повидимому, М. Шинпель.

Бebelю я и по этому поводу писать не стану, так как, во-первых, он должен сперва сам сказать мне, каково его окончательное мнение об этом деле, а во-вторых, ведь каждое постановление фракции подписывается всеми независимо от того, голосовал ли за него каждый из них или нет. Впрочем, Бebelь ошибается, думая, что я позволю вовлечь себя в неприятную полемику. Для этого они должны были бы сначала сунуться ко мне с лживыми заявлениями и т. д., которые я не мог бы оставить без внимания. Наоборот, я прямо-таки заражен примирительными чувствами; у меня ведь нет никаких оснований гневаться, и я горю желанием перекинуть какой угодно мост — pontонный, на быках, железный, или каменный, или даже золотой — через ту бездну или пропасть, которая мерещится Бebelю издалека.

Странно! Теперь Ш.¹ пишет о многих старых лассальянцах, гордящихся своим лассальянством, — а когда они были здесь, то все в один голос заявляли: в Германии нет больше лассальянцев! Но ведь это и было одной из главных причин, заставивших меня отбросить кое-какие сомнения. А теперь и Бebelь находит, что многие из лучших товарищей тяжко оскорблены. Но в таком случае нужно ведь было ознакомить и меня с действительным положением вещей.

Впрочем, если не сметь говорить прямо о теоретических глупостях Лассалья и его притязаниях на звание пророка теперь, через 15 лет, — то когда же можно будет об этом говорить?

Но сама партия, ее Правление, фракция и все прочие защищены законом против социалистов от любых упреков, кроме упрека в том, что они приняли такую программу (а этого не обойдешь). Пока действовал этот закон, не могло быть и речи о каком-либо пересмотре. А как только его отменили, пересмотр программы ставится в порядок дня. Итак, что же еще требуется?

Но необходимо также, чтобы товарищи перестали, наконец, вечно подходить к партийным чиновникам — своим собственным слугам — в лайковых перчатках, перестали относиться к ним, словно к непогрешимым бюрократам, с величайшим послушанием вместо критики.

Твой Ф. Э.

О кандидатуре Эвелинга в Нортгэмптоне вместо Бредлоу ты, вероятно, слышал. Его пригласила местная секция Социал-демократической федерации и рабочие газовых предприятий. Он явился и выступал с большим успехом: 900—1000 голосов ему было обеспечено.

¹ Повидимому, М. Шиппель.

Но у него не оказалось залога, необходимого для покрытия издержек по выборам, и, когда один торийский агент предложил ему денег, он с возмущением от них отказался. В результате его кандидатура не была выставлена, но он является отныне постоянным рабочим кандидатом по Нортгэмптону.

172.

Карлу Каутскому

в Штуттгарт.

Лондон, 21 февраля 1891 г.

Дорогой Каутский!

Прежде всего сердечно поздравляю тебя с появлением малыша. Надеюсь, что он сосет во-всю и что послеродовой период протекает легко и нормально. Передай мои сердечные поздравления твоей жене. Да принесет вам ваш мальчик большую радость.

Отсылаю тебе обратно письмо Бебеля. Сегодня я читал корректуру первого листа «Анти-Брентано», иначе я успел бы написать тебе письмо. Теперь же тебе придется подождать.

Итак, всего наилучшего до завтра или послезавтра.

Твой Ф. Э.

173.

Карлу Каутскому

в Штуттгарт.

Лондон, 23 февраля 1891 г.

Дорогой Каутский!

Мое спешное поздравление, посланное тебе третьего дня, ты, вероятно, уже получил. А теперь вернемся опять все к тому же, к письму Маркса.

Опасение, что оно даст оружие в руки врагов, оказалось необоснованным. Злостные инсинуации можно, конечно, распространять по всякому поводу, но в общем и целом эта беспощадная самокритика произвела на врагов совершенно ошеломляющее впечатление и вызвала у них такое чувство: какой же внутренней силой должна обладать та партия, которая может сама себе преподносить подобные вещи! Это ясно видно из газет противников, присланных тобою (большое спасибо!) и полученных мною из других мест. Откровенно говоря, и я тоже думал об этом, когда опубликовывал этот документ. Я знал, что он должен был в первый момент кое-кого затронуть весьма неприятно. Но избежать этого было невозможно, и само

содержание документа, по моему мнению, перевешивало это с избытком. Я знал, что партия была достаточно крепка, чтобы выдержать это, и был уверен, что и в настоящее время она так же выдержит тот откровенный язык, каким это было высказано 15 лет тому назад; что можно будет с заслуженной гордостью сослаться на эту пробу сил и сказать: где найдется другая такая партия, которая бы осмелилась сделать что-либо подобное? Между тем сказать это представили саксонской и венской «Arbeiter-Zeitung» и «Züricher Post».

Если ты в № 21 «Neue Zeit» берешь на себя ответственность за публикацию, то это очень похвально с твоей стороны, но не забудь, что первый толчок дал все-таки я и что к тому же я до известной степени принудил тебя действовать. Поэтому я сохраняю главную ответственность за собой. Что касается подробностей, то на этот счет можно всегда придерживаться различного мнения. Я вычеркнул и изменил все, против чего ты и Дитц возражали, и если бы Дитц вычеркнул еще больше мест, я и тут был бы по возможности стоворчив, как это я вам всегда доказывал на деле. Но что касается главного, то *моим долгом* было опубликовать этот документ, как только программа была поставлена на обсуждение. К тому же после доклада Либкнехта в Галле, в котором он частью беззастенчиво использует как свою собственность свои выписки из марксовой «Критики», а частью полемизирует против нее, не называя самого документа, Маркс непременно противопоставил бы этой переработке свой оригинал, и я был обязан сделать это вместо него. К сожалению, у меня тогда еще не было под рукой самого документа; я его нашел только гораздо позже, после долгих поисков.

Ты говоришь, что Бебель писал тебе о том, что оценка Лассалья Марксом вызвала раздражение у старых лассальянцев. Очень может быть. Эти люди не знают ведь действительной истории, и неплохо их в этом отношении просветить. Если этим людям неизвестно, что все величие Лассалья основывалось на том, что Маркс позволял ему в течение долгих лет украшать себя результатами марксовых научных исследований, как своими собственными, и вдобавок извращать их из-за своей недостаточной экономической подготовки, то это не моя вина. Но я являюсь литературным душеприказчиком Маркса, и это возлагает на меня определенные обязанности.

Вот уже 26 лет, как Лассаль принадлежит истории. Если в период исключительных законов его не подвергали исторической критике, то теперь наступает, наконец, время, когда она должна вступить в свои права и выяснить истинное положение Лассалья по отношению к Марксу. Ведь не может же стать символом веры партии

легенда, прикрывающая истинный образ Лассалья и превозносящая его до небес. Как бы высоко ни оценивать заслуги Лассалья перед движением, его историческая роль в нем остается двойственной. За Лассалем-социалистом по пятам следует Лассаль-демагог. Сквозь Лассалья-агитатора и организатора всюду проглядывает адвокат, ведущий гатцфельдовский процесс¹: тот же цинизм в выборе средств, та же склонность окружать себя подозрительными и продажными людьми, которых можно использовать как простое орудие, а затем выбросить вон. Будучи до 1862 г. на практике специфически-прусским вульгарным демократом с сильными бонапартистскими наклонностями (я только что просмотрел его письма к Марксу), он, по причинам чисто личного характера, внезапно переменял фронт и начал свою агитацию. И не прошло двух лет, как он уже начал добиваться, чтобы рабочие стали на сторону королевской власти против буржуазии, и завел такие интриги с родственным ему по характеру Бисмарком, что это неизбежно должно было привести к фактической измене движению, если бы он на свое счастье не был во-время застрелен. В его агитационных сочинениях то правильное, что он заимствовал у Маркса, настолько переплетено с его собственными, лассалевскими, и, как правило, неверными рассуждениями, что почти нет возможности отделить одно от другого. Та часть рабочих, которая чувствует себя оскорбленной критикой Маркса, знает Лассалья только по двум годам его агитации, да и на это смотрит сквозь розовые очки. Но перед такими предрассудками историческая критика не может навеки застыть в почтительной позе. Моим долгом было раз навсегда вскрыть, наконец, подлинное отношение между Марксом и Лассалем. Это теперь сделано. Этим я могу пока что удовлетворяться. К тому же сам я занят сейчас другими делами. А опубликованное беспощадное суждение Маркса о Лассале уже само по себе произведет нужное действие и придаст мужество другим. Но если бы обстоятельства заставили меня выступить, то у меня не осталось бы выбора: я должен был бы раз навсегда покончить с легендой о Лассале.

Поистине великолепно, что во фракции раздался голос с требованием установить цензуру над «Neue Zeit». Что это — призрак диктатуры фракции² времен исключительного закона (диктатуры, которая была тогда необходима и превосходно проводилась), или это воспоминания о былой строго вышколенной организации фон-Швейцера? Это в самом деле блестящая мысль — после освобожде-

¹ Речь идет о бракоразводном процессе графини Гатцфельд, который Лассаль вел в качестве адвоката в 1845—1854 гг.

² Речь идет о социал-демократической фракции германского рейхстага.

ния немецкой социалистической науки от бисмарковского закона против социалистов подчинить ее новому закону против социалистов, который само социал-демократическое партийное начальство должно сфабриковать и проводить в жизнь. Впрочем, сама природа позаботилась о том, чтобы деревья не росли до небес ¹.

Статья в «Vorwärts» ² меня мало трогает. Я подожду, пока Либкнехт расскажет всю историю по-своему, и тогда уж, пожалуй, отвечу сразу и на то и на другое по возможности в дружественном тоне. В статье в «Vorwärts» придется только исправить некоторые неправильные утверждения (например, что мы якобы не желали объединения, что события якобы доказали неправоту Маркса и т. д.) и подтвердить то, что само собою разумеется. Этим ответом я думаю со своей стороны закончить настоящую дискуссию, если только новые выпады или неправильные утверждения не вынудят меня к дальнейшим шагам.

Скажи Дитцу, что я занят работой над «Происхождением» ³. Но вот сегодня пришло письмо от Фишера, который тоже хочет получить от меня три новых предисловия!

Твой Ф. Э.

174.

Карлу Каутскому
в Штуттгарт.

Лондон, 23 февраля 1891 г.

Между нами.

Дорогой Каутский,

Так как ты прислал мне письмо Бебеля и на любезность надо отвечать любезностью, то я придал прилагаемому письму такой

¹ «Es ist dafür gesorgt, dass die Bäume nicht in den Himmel wachsen» — немецкая пословица, означающая, что всем вещам положена определенная мера. До известной степени к общему смыслу этой пословицы приближаются такие русские поговорки, как «руки коротки» и «выше своей головы не прыгнешь».

² Редакционная статья в «Vorwärts» «Der Marx'sche Programm-Brief» («Письмо Маркса о программе») в № 37 от 13 февраля 1891 г. выражала официальную позицию Правления партии по отношению к марксовой «Критике». Статья резко осуждала марксову оценку Лассалья и ставила партии в заслугу, что она приняла проект программы вопреки критике Маркса. Было в этой статье и такое заявление: «Немецкие социал-демократы не являются ни марксистами, ни лассальянцами, они — социал-демократы».

³ Речь идет о подготовке Энгельсом четвертого издания «Происхождения семьи, частной собственности и государства», опубликованного в издательстве Дитца в 1891 г.

характер, чтобы и ты мог послать его Бебелю, *если ты в интересах мира тоже считаешь это желательным*. Я целиком предоставляю это на твое усмотрение.

Твои примечания к статье в «Vorwärts»¹ очень хороши — так же как и твое намерение напомнить Бебелю о том безразличии, с каким были встречены нападки Шрамма на Маркса.

Очень спешу — до закрытия почты осталось пять минут.

Твой Ф. Э.

175.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 4 марта 1891 г.

Дорогой Зорге,

Твое письмо от 19 февраля получил. Ты за это время, вероятно, уже многое слышал о великом негодовании социал-демократической фракции по поводу опубликования в «Neue Zeit» программного письма Маркса. Возбуждение, вызванное этим документом, все еще не улеглось. Я пока не мешаю этим людям срамить себя, а Либкнехт в «Vorwärts» особенно преуспел в этом отношении. В свое время я, конечно, отвечу ему, но без излишней ругани, хотя без легкой иронии дело едва ли обойдется. Разумеется, все те, с кем в теоретическом отношении можно считаться, на моей стороне, — мне приходится исключить лишь Бебеля, который, в сущности не совсем без основания, чувствует себя мною задетым; но это было неизбежно. Я уже целых четыре недели не имел возможности просматривать «Volkszeitung», так как перегружен работой, и поэтому не знаю, нашло ли это отклик в Америке. В Европе остатки лассальянцев в бешенстве, а этого добра у вас ведь достаточно.

Мне предстоит теперь закончить три брошюры в новом издании: 1) «Гражданская война во Франции» — обращение Генерального Совета по поводу Коммуны, которое будет мною пересмотрено и дополнено двумя обращениями Генерального Совета о франко-прусской войне, в настоящий момент более чем когда-либо своевременными. Кроме того, дам к этому предисловие. 2) «Наемный труд и капитал» Маркса, который я должен поднять на высоту «Капитала», потому что иначе он вызовет в рабочих кругах смущение из-за не

¹ Энгельс имеет в виду замечания к статье «Der Marx'sche Programm-Brief» («Письмо Маркса о программе»), опубликованные в «Vorwärts» № 38 от 14 февраля 1891 г.

вполне точной терминологии (например, продажа труда вместо рабочей силы и т. д.); для чего тоже понадобится мое введение. 3) Мое «Развитие социализма», только это последнее, будет изложено, по возможности, популярнее.

Эти брошюры издает партия, тираж каждого издания 10 000 экземпляров. Так что с *этой* стороны я тоже буду спокойней. Но я должен был взять на себя это дело, потому что необходимо выступить против вечной перепечатки лассальянской чепухи. К счастью, *новое* издание Лассалья выйдет с примечаниями и т. д. и этим займется Бернштейн (но это *между нами!*).

Чтобы мой протеже ¹ не оказался на мели, я посылаю тебе в этом письме чек на 10 фунтов стерлингов, из которых ты можешь по своему усмотрению выдать ему некоторую сумму либо для переезда в какой-нибудь большой город внутри страны, — а это было бы для него лучше всего, — либо же для того, чтобы просто поддержать его там.

Гайндман опять беснуется против меня: это случается с ним каждые полгода, но пусть он становится хоть на голову и вверх ногами пройдетя по всему Лондону, — я все равно ему не отвечу. Он также ополчился против Эвелинга и снова вытаскивает на свет американскую историю ². Считаешь ли ты возможным теперь, после того как выбросили Розенберга, получить от американской партии удовлетворительное разъяснение? Мне только хотелось бы знать твое мнение; я не уполномочен предъявлять какие-либо требования.

Французы неистовствуют, что немцы и англичане будут праздновать 1 мая в воскресенье 3-го, вместо пятницы 1-го числа. Но иначе никак нельзя. Прошлогоднее празднование 1 мая в Гамбурге привело партию к стачке (или, вернее, к локауту) и обошлось гамбургцам в 100 тыс. марок, а теперь дела пошли еще хуже, и буржуа жаждут предлога приостановить работы. Докеров же здесь постепенно настолько прижали, что они не смеют пикнуть, иначе весь их трэд-юнион взлетит на воздух. Это, конечно, отчасти результат их собственной глупости. Рабочие же газовых предприятий только при величайшей осторожности в состоянии избежать стачки, которая разбила бы и их также. Превращение рабочих газовых пред-

¹ Речь идет о С. Падлевском.

² Речь идет о кампании против Эвелингов со стороны Розенберга, секретаря Исполнительного комитета Социалистической рабочей партии Америки, во время пребывания Эвелингов в 1887 г. в Америке; Эвелингу приписывалось представление подложных счетов в Исполнительный комитет, хотя проверка самого Комитета подтверждала, что счета были правильные.

приятий в городских служащих привело прежде всего к тому, что филистеру хочется получить возможно большую чистую прибыль, чтобы этим понизить городские налоги. Та точка зрения, что рабочие газовых предприятий именно потому, что они рабочие, должны хорошо оплачиваться городом, еще не усвоена. Что касается рабочих газовых предприятий и докеров, то здесь разгромлены все новые трэд-юнионы, сорганизованные за последние два года, «старые», консервативные трэд-юнионы, *богатые* и именно потому трусливые, остаются одни на поле битвы.

Французы кое в чем правы. На конгрессе все горячо стояли за 1 мая. Но почему же именно французы, у которых так часто за громкими словами следуют мелкие дела, теперь вдруг возмущаются тем, что другие немножко отступают от формы? После краха POSSIBILISTОВ наше положение во Франции теперь исключительно благоприятно, и если бы 1 мая имело одновременно успех во всем мире, то POSSIBILISTОВ это могло бы уничтожить окончательно. Но это и без того случится.

Итак, до следующего раза. Сердечный привет твоей жене, она, надеюсь, уже выздоровела.

Твой Ф. Э.

Луиза Каутская шлет вам горячий привет.

176.

Карлу Каутскому
в Штуттгарт.

Лондон, 17 марта 1891 г.

Дорогой Каутский,

Спасибо за письмо от 9-го — шесть тетрадей Дана отправлены тебе вчера посылкой. Я усердно взялся было за «Происхождение», но явился Фишер и потребовал нового издания в 10 000 экземпляров: 1) «Гражданской войны во Франции», 2) Маркса «Наемный труд и капитал», 3) «Развития социализма и т. д.» Таким образом, мне пришлось написать введение к «Гражданской войне» и отослать его в субботу, при этом нужно было основательно отредактировать текст и приложить оба воззвания Генерального Совета о франко-прусской войне¹; к счастью, их взялась перевести Луиза. Тем не

¹ Оба воззвания были включены Энгельсом в подготовленное им третье издание «Гражданской войны во Франции», опубликованное издательством «Vorwärts» в Берлине в 1891 г. Введение Энгельса к этому изданию см. Соч. Маркса и Энгельса, т. XVI, ч. II, стр. 83—94.

мнее я потерял немало времени. Дело в том, что в «*Наемном труде и капитале*» Маркс пользуется терминологией, употреблявшейся еще до того, как была создана теория прибавочной стоимости, а теперь, при издании пропагандистской книги в 10 000 экземпляров, этого так оставить нельзя; мне придется, стало быть, перевести все на современный язык и предпослать этому обоснование. Наконец, мне хотелось бы также пересмотреть «*Развитие*» и по возможности сделать его несколько более популярным. 10 000 экземпляров не шутка. Откуда же в таком случае взять время на что-нибудь другое? И именно теперь я не имею права воздержаться от выступления, чтобы не оставить поле брани за лассалевскими брошюрами. Но как только сбуду с рук эту работу, примусь за «*Происхождение*». Подготовительную работу я более или менее закончил. Тут кстати подвернулся некий француз, г. Равэ, который предлагает свои услуги в качестве переводчика, — он перевел «*Женщину*» Бебеля; не скажу, чтобы уж очень хорошо; он хотел бы, чтобы я присылал ему по возможности чистые листы или корректуру. Но это еще нерешенный вопрос.

Поздравляю Пешеля с переводчиком. Надеюсь, что я окажусь счастливее.

«*Анти-Брентано*» выйдет у Мейснера, $4\frac{1}{2}$ печатных листа; я перепечатаваю *все* документы, включая и Седли Тейлора, и предисловие к четвертому изданию. Книга уже почти готова.

Кстати, получили ли в редакции «*Neue Zeit*» экземпляр четвертого издания («*Капитала*») для рецензии? Если не получили, *напиши мне сейчас же* (открытку); *я ведь особенно на этом настаивал*. Если же книга получена, мне хотелось бы, чтобы ты написал по этому поводу маленькую заметку. В связи с моим предисловием ты мог бы в ней слегка задеть Брентано.

Свое введение к «*Гражданской войне*» — около 9—10 страниц формата «*Neue Zeit*» — я не мог переписать для тебя за недостатком времени: у нас дома все очень заняты. Анни выходит замуж, и Луиза должна позаботиться о новой прислуге и т. д. А тут еще берлинцы насаждают. Но я попросил Фишера прислать мне чистые листы или же, если корректура окажется удовлетворительной, я пришлю ее тебе, чтобы ты мог, если захочешь, сперва ее использовать. Если это по той или иной причине тебе не подойдет, тоже не беда.

От Августа ни строчки. Мне не к спеху. Зорге находит, что мне нечего обращать внимание на «великолепную» статью в «*Vorwärts*». Как ты думаешь? Я, пожалуй, начинаю к этому склоняться.

То место в моем письме к тебе, где я говорю об ответственности, было написано *исключительно для Августа*; если бы я мог предположить, что оно хоть сколько-нибудь тебя заденет, я бы этого не написал; что-либо подобное мне никак не могло притти в голову. О твоём примечании к указу фракции я *совершенно не думал*. Я лишь счел своим долгом перед берлинцами — на тот случай, если бы ты послал туда мое письмо, — снять, насколько возможно, ответственность с тебя и переложить ее на себя. Вот и все.

Спасибо за «*Volkszeitung*» и «*Critica Sociale*». Первую мне прислал Зорге, а вторую Турати (по поручению наглого хвастуна Лориа); они продолжают их регулярно присылать. За это время в «*Volkszeitung*» появилась инспирированная Зорге статья Шлютера, но в еще более решительном тоне.

Я тоже все больше и больше убеждаюсь в том, что эта история не вызвала в самой партии решительно никакого возмущения и что только господа берлинцы по тем или иным мотивам чувствуют себя задетыми. Но и они замечают, повидимому, что стрелы «*Vorwärts*» не произвели никакого действия, не попали в цель, как говорят французы. Иначе я непременно бы их почувствовал.

Твои жалобы на эту «*Vorwärts*» (кстати, с каких пор название этой газеты стало употребляться в мужском роде) встречают здесь сочувственный отклик. Давно уже не существовало подобной газеты. Интересно знать, как долго это будут терпеть.

Перси с семьей в ближайшем будущем переселятся в Райд, остров Уайт, где Перси собирается учредить и вести агентуру для своих братьев.

Сердечный привет от твоего

Ф. Э.

177.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 21 марта 1891 г.

Дорогой Зорге,

Содержание твоего письма по поводу Анны ¹ сообщил друзьям и затем сделал все, как ты просил. Посылаю письмецо и для нее с нравоучением и указанием, что неоднократно адресованная ею сюда просьба снова послать ей денег попала на неблагоприятную почву. Меня просят сообщить тебе следующее: здесь считают, что

¹ Речь идет о С. Падлевском.

для нее теперь, как здесь, так и там, уже достаточно сделано, и она отныне сама должна позаботиться о своем существовании; этого, мол, лучше всего можно было бы достигнуть в деревне, на земледельческой работе, к которой она привыкла. На это я возразил, что нечто подобное возможно лишь в местности, где она могла бы обойтись без английского языка, но так как такие места есть и в Америке, то все это можно устроить. Во всяком случае, Нью-Йорк, и столица вообще, повидимому, совершенно неподходящая почва для женщины ее типа, и если она хочет чего-нибудь добиться, то ей необходимо уехать настолько далеко, чтобы ей уже крайне трудно было вернуться обратно.

Ты за это время успел уже, вероятно, получить мое письмо с переводом на 10 фунтов и употребить их с пользой, сообразно обстоятельствам. Между нами говоря, я полагаю, что в случае нужды я мог бы раздобыть еще раз такую же сумму, но это уж, надеюсь, в последний раз. Вас тоже просят быть в денежных делах *построже*, чтобы эта особа поняла, наконец, что тунеядство не может продолжаться вечно.

Кроме венской «Arbeiter-Zeitung», «Volks-Tribüne», «Figaro» (парижский митинг), я посылаю тебе сегодня итальянский перевод «Манифеста». «People's Press» и «Commonweal» прекратили свое существование.

Я еще не знаю, отвечу ли на статью в «Vorwärts», но начинаю казаться склоняться на твою сторону. Некоторых вопросов мне, собственно, следовало бы коснуться, но, быть может, удастся найти иной путь.

Мне надо подготовить новые издания и написать новые предисловия к: 1) «Гражданской войне во Франции», 2) «Наемному труду и капиталу» Маркса и 3) «Развитию социализма». Немецкая партия издает их тиражом в 10 000 экземпляров каждое издание.

Мой ответ Брентано появится у Мейснера дней через 8—10, ты сейчас же получишь экземпляр.

Затем я должен еще подготовить новое издание «Происхождения семьи и т. д.» (5 000 распродано); после этого я энергично и без всяких задержек примусь за III том.

Сэм Мур прибыл третьего дня в Ливерпуль; через неделю он будет, вероятно, здесь. На рождестве он перенес отвратительную болезнь, но после нее совершенно оправился.

Надеюсь, что твоя жена снова уже на ногах. Сердечный привет ей и тебе.

Твой Ф. Э.

178.

Герману Шлютеру
в Хобокен.

Лондон, 21 марта 1891 г.

Дорогой Шлютер,

Твое письмо от 10-го прибыло третьего дня. Большое спасибо за сообщения о положении дел у вас; они были тем более кстати, что при тамошних журналистских приемах, хотя и знаешь, что газетам верить нельзя, как раз и не представляешь себе действительного положения вещей.

Точно так же очень тебе благодарен за книги о серебряных и минеральных ресурсах. Такой же интерес для меня представит книга о золоте и серебре за 1890 г., когда она появится в свет. Но что для меня важнее всего — это сводка *переписи 1890 г.* (одинадцатой), которая должна выйти после переписи этого года; я унаследовал от Маркса двухтомную сводку 10-й переписи 1880 г., которая, однако, вышла только в 1883 г.; но это ничего не значит; на этот раз, вероятно, дело так долго не затянется.

Вторая речь Маркса совершенно испарилась у меня из памяти, и я не могу вспомнить ее содержание. Если эти несколько страничек стоят того, чтобы затратить на них труд, было бы, пожалуй, лучше всего, если бы ты напечатал их в «*Volkszeitung*» и прислал мне несколько экземпляров.

Ты совершенно прав, марксова критика программы уж пробьет себе путь; в расчете на это я ее и опубликовал. Однако гнев «руководящих кругов» партии, повидимому, ужасен; кроме Фишера, который был обрадован «Критикой», мне никто не пишет. К счастью, я легко это переношу.

Если твоя жена приедет в Европу, то мы, надеюсь, увидим ее здесь в Лондоне; пусть она убедится, что мы еще крепко стоим на ногах.

Рошеры скоро переезжают на остров Уайт, где Перси организует агентуру для своих братьев. Они третьего дня оставили свою квартиру и поселились пока у его родителей, неподалеку от меня.

Прилагаемое передай, пожалуйста, немедленно Зорге.

Юлиус Моттелер, как обычно, не сумел своевременно (к 25 с. м.) переехать из № 114 на Kentish Town Road; они продлили срок найма еще на половину квартала. Эде усердно пишет для «*Vorwärts*» и «*Neue Zeit*» и сильно пошел в гору. Эвелинги живут хорошо. Так как «*People's Press*» прекратила свое существование, то вам

следовало бы обратить внимание на «*Daily Chronicle*»; газета эта, правда, либерально-юнионистская и как таковая связана с тори, однако она лучше всех информирует о рабочем движении в стране и печатает все отчеты. Движение за 8-часовой день протекает великолепно (смотри сообщения Эде в письмах в «*Vorwärts*» и «*Neue Zeit*») ¹. Совет трэд-юнионов пошел на уступки; на этот раз демонстрация будет огромная и к тому же *единодушная*. Для англичан агитация за установление законом 8-часового рабочего дня — это путь к социалистическому движению. Раз они проведут билль о 8-часовом рабочем дне для всех, также и для мужчин (а они очень близки к этому), то они уж больше ни перед чем не остановятся: это означает разрыв со старыми буржуазными фритредерскими воззрениями.

Сердечный привет твоей жене и тебе самому от Луизы и твоего

Ф. Э.

179.

Максу Оппенгейму

в Прагу.

Лондон, 24 марта 1891 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Глубокоуважаемый господин Оппенгейм,

Прежде всего должен извиниться перед Вами за то, что я лишь сегодня, спустя почти четыре месяца, отвечаю на Ваше любезное письмо от 26 ноября прошлого года. Но если бы Вы знали, как бесконечно много работы и всякой корреспонденции у меня было за это время и что при этом мне из-за слабого зрения можно было писать лишь три часа в день, да и то при дневном свете, то Вы, конечно, извинили бы меня.

Итак, сердечно благодарен за Ваши дружеские пожелания, которые, повидимому, сбываются, так как я в общем относительно говоря вполне здоров, и все утверждают, что на вид я моложе своих лет. Будем надеяться, что так будет и впредь.

Далее, Вы затрагиваете несколько сложных тем, которые даже отчасти нельзя исчерпать в коротком письме. Несомненно, это было бы успехом, если бы рабочие Товарищества могли непосред-

¹ Речь идет о корреспонденциях Э. Бернштейна «*Arbeiterschutz-Gesetz-Reformen in England*» («Реформы законов по охране труда в Англии»), опубликованных в 1891 г. «*Vorwärts*» в №№ 56, 64, 67, и «*Briefe aus England*» («Письма из Англии») — «*Neue Zeit*» № 25 за 1890—1891 гг., ч. I, стр. 792—798.

ственно и от имени всех вести переговоры с предпринимателями относительно договоров о заработной плате. Здесь, в Англии, к этому стремятся в течение почти 50 лет, но капиталисты слишком хорошо понимают свои интересы, чтобы согласиться на это без принуждения. Этого удалось достигнуть во время большой стачки докеров в 1889 г., по временам это кое-где удавалось и до этого и после, но при первой возможности эти господа освобождаются от этой «невыносимой тирании» Товариществ и заявляют, что недопустимо, чтобы третьи лица, никем непрошеные, вмешивались в патриархальные отношения между ними и их рабочими. Это старая история; при благоприятной конъюнктуре спрос на рабочую силу вынуждает этих господ к уступчивости, а в период застоя они используют избыток рабочей силы для того, чтобы от этих уступок отказаться. Но по мере роста организованности рабочих их сопротивление крепнет; а это приводит к тому, что жизненный уровень рабочих в среднем несколько повышается, и никакой кризис не сможет снова довести положение рабочих на продолжительное время *ниже* или даже до уровня того *самого низкого пункта*, до которого они были доведены во время предыдущего кризиса. Но что произойдет, если нам когда-нибудь придется пережить длительный, хронический, *всеобщий* промышленный кризис продолжительностью в пять-шесть лет, сказать трудно.

Предоставление работы излишней рабочей силе государством или общинами и огосударствление торговли продуктами питания — это вопросы, которые, на мой взгляд, должны были быть поставлены шире, чем это сделано в Вашем письме. Сюда относится не одна только *торговля*, но также и *производство* продуктов питания, производимых внутри страны. Каким же образом Вы предполагаете предоставить работу излишней рабочей силе? Ведь эти рабочие именно потому являются излишними, что для их продуктов нет сбыта. Но здесь мы подошли к вопросу об экспроприации земельной собственности, а это уже значительно больше того, на что могло бы пойти современное немецкое или австрийское государство. И к тому же ни тому и ни другому мы не можем доверить разрешение подобной проблемы. Как это проводится и что из этого получается, когда экспроприация юнкеров должна быть проведена юнкерами же, — это можно наблюдать здесь, в Англии, где, несмотря на наличие средневековых форм, господствует более современный государственный строй, чем по правую и левую сторону от Рудных гор. Большой вопрос именно в том, что, пока у власти остаются имущие классы, всякое огосударствление является не уничтожением

эксплуатации, а только изменением ее формы; и это во французской, американской и швейцарской республиках ничуть не в меньшей мере, чем в монархической центральной Европе и на деспотическом европейском Востоке. А для того чтобы отстранить имущие классы от власти, нам прежде всего нужен переворот в сознании рабочих масс, который, без сомнения, хоть и сравнительно медленно, уже сейчас происходит; для того же, чтобы открыть пути этому перевороту, нужны еще более быстрые темпы переворота в методах производства, больше машин, большее вытеснение рабочих, большее разорение крестьян и мелкой буржуазии, большая осязательность и более массовый характер неизбежных результатов существования современной крупной промышленности. Чем быстрее и резче будет осуществляться этот экономический переворот, тем скорее станут неизбежными мероприятия, якобы предназначенные только для смягчения внезапно выросших до огромных и невыносимых размеров бедствий, но применение которых подрывает самые корни существующего способа производства; рабочие же массы, добившись всеобщего избирательного права, заставят себя слушать. *Какие* именно мероприятия окажутся тогда необходимыми в первую очередь, зависит от условий места и времени, а заранее и в общих чертах об этом ничего сказать нельзя. Но я считаю, что мероприятия, действительно ведущие к освобождению, станут возможными лишь тогда, когда экономический переворот приведет широкую массу рабочих к осознанию своего положения и тем самым откроет им путь к политическому господству. Другие классы способны лишь на заплату или лже-реформы. И этот процесс прояснения сознания рабочих теперь с каждым днем идет все быстрее вперед, и лет через пять-десять различные парламенты приобретут совершенно иной вид.

За III том я снова примусь, как только проклятые случайные мелкие работы и бесконечная переписка со всевозможными странами оставят мне для этого время. Но тогда уж я устрою революцию, запру двери и больше не позволю, чтобы мне мешали. Надеюсь в этом году справиться; эта работа не дает мне покоя, и я *должен* ее закончить.

Не приедете ли Вы еще раз в Англию? Туссп чувствует себя очень хорошо, она очень счастлива замужем и очень пополнила.

С совершенным почтением Ваш

Ф. Энгельс.

180.

Августу Бебелю

в Берлине.

Черновик.

Лондон, начало апреля 1891 г.

Дорогой Бебель,

Сегодня не успею ответить тебе на твое письмо от 30-го; ответу в ближайшие дни, как только позволит работа, накопившаяся у меня в огромном количестве, а пока от всего сердца поздравляю тебя и твою жену с вашей серебряной свадьбой. Надеюсь, что в апреле 1916 г. вы оба еще отпразднуете и золотую свадьбу и осушите тогда бокал в память пишущего эти строки старика, который к тому времени уже превратится в дым и пепел.

Но одно я могу тебе сказать: не много найдется людей, которых я столь же искренне и сердечно, как тебя, мог бы поздравить с подобным торжеством. С тех пор как мы начали переписываться, а затем сблизились лично, я постоянно отмечал такое согласие между нами в направлении и образе мыслей, которое, поистине, замечательно между людьми, столь различно развивавшимися. Это, к счастью, не исключает возможности разногласий в некоторых вопросах. Но это всегда такие вопросы, в отношении которых со временем либо само собой восстанавливается единодушие после дискуссии и новых событий, либо расхождения эти вообще не имеют значения на длительное время. Надеюсь, что так будет и дальше. Я не думаю, чтобы когда-нибудь могло случиться, чтобы одному из нас пришлось сделать шаг, непосредственно затрагивающий другого, не посоветовавшись предварительно с другим. О себе могу сказать, что еще и поныне благословляю тот день, когда ты начал регулярно со мной переписываться.

181.

Карлу Каутскому

в Штуттгарт.

Лондон, 2 апреля 1891 г.

Дорогой Каутский,

Пишу наспех о самом необходимом. От Бебеля пришло, наконец, письмо вполне дружелюбное со всевозможными упреками, но в прежнем сердечном тоне и с просьбой забыть об этой истории..

Мейснеру я написал очень решительно по поводу четвертого издания¹ и еще раз предложил послать его тебе. То же самое по поводу пробных листов брентановщины. Если я не получу их в самом непродолжительном времени, то пошлю тебе — впрочем, сделаю это лучше теперь же — пошлю тебе мои контрольные корректурные листы, чтобы ты мог ознакомиться с работой хоть вчерне.

Введение к «Гражданской войне» ты, вероятно, уже получил, оно послано несколько дней тому назад. Предисловие я попросил бы тебя написать.

С Лафаргом все в порядке. Я доказал ему, что его аргументы из Рикардо и А. Смита давным-давно предвосхищены в «К критике» и в моем предисловии ко II тому; он, повидимому, сейчас же на этом успокоился.

Шорлеммер здесь и шлет сердечный привет. Пора обедать, пришел Эвелинг — он соломенный вдовец: Туссп ораторствует в Норвиче. Итак, будь здоров.

Твой Ф. Э.

182.

Ромуальдо Фантуцци

в Милан.

Лондон, 2 апреля 1891 г.

Черновик.

Я охотно разрешу Вам перепечатку и переиздание итальянского перевода (сделанного П. Мартиньетти) моего «Развития социализма от утопии к науке», если только Вы не затянете издание дольше чем на три месяца, считая с сегодняшнего дня, и не разрешите никому писать предисловие, вносить изменения и пересматривать их без моего специального письменного разрешения (можно перепечатать биографию из «Происхождения семьи»).

Что касается переиздания этой последней брошюры, необходимо было бы знать, когда может появиться новое издание. Если это возможно будет сделать в течение этого года, мы могли бы сговориться.

Само собой разумеется, что я рассчитываю на получение 12 *бесплатных* экземпляров каждого из изданий моих работ.

¹ Четвертое издание I тома «Капитала».

183.

Карлу Каутскому

в Штуттгарт.

Лондон, 7 апреля 1891 г.

Дорогой Каутский,

Твое письмо только что получено. Жаль, что ты уже не застал там Шмидта, он был бы самым подходящим для тебя человеком. Мейснер пишет, что он *только теперь* начал рассылать экземпляры четвертого издания для рецензий, *вместе* с «Анти-Брентано», и что *то и другое* отослано в редакцию «Neue Zeit». Ты можешь, следовательно, *сейчас же* приняться за дело; пока твоя статья¹ будет напечатана, ты во всяком случае получишь и то и другое. В противном случае напиши О. Мейснеру и *сошлись на меня* и на мое настоящее сообщение.

Некий эльзасец Анри Равэ, — сейчас он сидит в тюрьме, — который перевел «Женщину» Бебеля, а теперь переводит под наблюдением Лауры Лафарг мое «Происхождение», хочет знать, стоит ли заняться переводом твоего «Т. Мора». Я рекомендовал ему твою книгу, но в то же время написал, что я предложу тебе послать ему один экземпляр, чтобы он мог судить сам. Его адрес: А. Равэ, заключенному, Poitiers (Vienne, France).

Французы теперь по горло заняты своими собственными делами — 1 мая и связанными с ним переговорами с POSSИБИЛИСТАМИ как аллеманистского, так и бруссистского толка, причем наши играют роль третейских судей!! и т. д. и заняты своим «Socialiste». Этим объясняется, почему Поль Лафарг ничего не делает сейчас для «Neue Zeit». Забавно, что по отношению к находящимся в состоянии распада POSSИБИЛИСТАМ французы придерживаются как раз той самой политики, которую Маркс рекомендовал в своем сопроводительном письме в 1875 г. по отношению к лассальянцам, и проводят они ее по настоящее время с успехом, который и будет, вероятно, закреплен бруссельским конгрессом.

Большой привет.

Твой Ф. Э.

¹ Следуя указаниям Энгельса, Каутский поместил в «Neue Zeit» № 32 за 1890—1891 гг., ч. II, стр. 161—170 статью под названием «Wie Brentano Marx vernichtet» («Как Брентано уничтожает Маркса»). Статья эта является рецензией на четвертое издание I тома «Капитала» и на брошюру Энгельса «Brentano contra Marx» («Брентано против Маркса»).

184.

Анри Равэ

в Пуатье.

Лондон, 7 апреля 1891 г.

Черновик.

Если Вы приступите к работе около половины апреля, то сможете послать Лафаргу первую главу¹ к началу мая и, таким образом, посылать ему главу за главой по мере того, как Вы будете их заканчивать. Вы закончите всю работу к концу июня, а в июле, надеюсь, получите корректуру нового издания; это, впрочем, зависит не от меня одного. Следовательно, весьма вероятно, что мы сможем выпустить книгу в сентябре.

185.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 8 апреля 1891 г.

Дорогой Зорге,

Сегодня, наконец, могу послать тебе несколько новых фотографий; две маленькие посылаю вместе с письмом, а одну побольше (так называемую кабинетную) посылаю заказной бандеролью. Снимки сделаны в феврале этого года, так что они более или менее точное мое изображение в настоящий момент.

Что касается твоего лечения по системе Бантинга, то подагра является совершенно естественным последствием усиленного потребления мяса, яиц и других азотистых пищевых продуктов. Последние, собственно, обновляют мышцы и другие содержащие азот составные части тела (фибрин, словом — все белковые вещества) и восполняют то, что расходуется. Если же принимать больше, чем требуется для этого восполнения, эти вещества идут, как обыкновенная пища, на возмещение теплоты, оставляя после горения так называемую мочевую кислоту, которая может оказаться тогда в теле в большем количестве, чем выделяется из почек. Излишек либо задерживается на мускулах, либо кристаллизуется в суставах, и это называют ревматизмом и подагрой. Тебе надо больше двигаться или же изменить диету, употреблять больше хлеба и т. д., меньше мяса и яиц. Пива тебе, во всяком случае, следует избегать.

¹ Перевод работы Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» на французский язык.

Спасибо за ответ об Эвелингах. Вопрос был здесь затронут, не помню уже кем, в виде предположения, чтобы не действовать опрометчиво, поэтому я и решил запросить тебя об этом.

Зингер и Бебель написали мне очень любезно. Немцы все еще никак не могут понять, что должностные и почетные лица не должны претендовать на более деликатное обхождение, чем другие люди. Это в сущности было главной причиной обиды. Так как на либкнехтовскую помпезную мазню я не ответил и вообще не обратил никакого внимания на его наскоки, то Либкнехт может вообразить, что он одержал надо мной крупную победу. Пусть тешится. Он своим редактированием и без того окончательно погубит «*Vorwärts*», все его ругают за это. Но с Либкнехтом ничего не поделаешь, ведь он, кажется, до сих пор интригует с Розенбергом в Америке. Решающая роль в партии все больше и больше переходит к Бебелю, и это очень хорошо.

У Бебеля спокойный, ясный ум, который и в теоретическом отношении совершенно иначе развился, чем у Либкнехта. Но так просто Либкнехта не отстранишь: благодаря своему фразерству и страстности тона на митингах он пользуется еще очень большим влиянием, и в конце концов приходится идти на всевозможные компромиссы.

Здесь все идет великолепно. Нападки Гайндмана на Эвелинга могут ему дорого обойтись. Гайндман не в состоянии правильно соизмерять свои силы. Он рассчитывал расправиться с Эвелингом, а теперь сам сел в лужу. Благодаря Ливерпульскому конгрессу трэд-юнионов настроение большинства Лондонского совета трэд-юнионов изменилось в пользу закона о 8-часовом рабочем дне. Гайндман пытается настроить Лондонский совет против Лиги борьбы за *установление* законом 8-часового рабочего дня. Но это ему не удалось. Его федерация была представлена в комитете Лиги борьбы за 8-часовой рабочий день, но он отозвал своих делегатов и потребовал от Совета трэд-юнионов, чтобы Федерации во время демонстрации в Парке были предоставлены две отдельные ораторские трибуны. Однако, по всей вероятности, Совет трэд-юнионов решительно отклонит это требование, как сделал это уже комитет Лиги, и тогда Гайндман окажется между двух стульев. Эвелинг получит от всех обществ, в которых он работает, вотум доверия; Гайндман же отказывается выступить со своими обвинениями в открытых дебатах; после 1 мая ему придется изменить свою тактику. Он здесь теперь — единственный склочник, стоящий у всех поперек дороги. Он своей деятельностью показывает, как бесполезна платформа — теоретически

почти правильная, если она не связывается с действительными потребностями рабочих масс. Несмотря на то, что действуют здесь англичане, все же они стоят почти вне действительного английского движения, как и Социалистическая рабочая партия в Америке. Движение концентрируется здесь в новых трэд-юнионах, главным образом в трэд-юнионах газовых предприятий и в Лиге борьбы за установление законом 8-часового рабочего дня; во главе обеих организаций стоят Эвелинги. И там и здесь агитацией занимаются многие члены Социал-демократической федерации, но именно эти элементы не находятся под специальным влиянием Гайндмана и относятся к Социал-демократической федерации, как к чему-то совсем постороннему. А если Гайндман доведет свою склоку против Эвелинга до крайности, ему придется иметь дело именно с этими людьми.

В настоящее время во Франции, в частности и в Париже, наши товарищи благодаря расколу среди POSSИБИЛИСТОВ тоже являются хозяевами положения. Сначала аллеманисты (в Париже, по словам Лафарга, у них большинство, в чем я, однако, сомневаюсь) послали делегатов в комиссию по организации майской демонстрации, а за ними и бруссисты; они, стало быть, вынуждены проводить марксистское решение. А так как аллеманисты хотят выкинуть бруссистов, то нашим пришлось выступить в роли защитников одинаковых прав и для бруссистов! Интересно, что наши французы держатся по отношению к POSSИБИЛИСТАМ той же самой тактики, которую Маркс рекомендовал эйзенахцам по отношению к ЛАССАЛЬЯНЦАМ. И пока с успехом.

Парижский конгресс горнорабочих чуть было не провалился из-за бельгийского вздора со всеобщей стачкой. Чтобы избежать этого провала, англичане потребовали голосования по числу представленных рабочих. Это дало бы англичанам почти безусловное большинство, а потому остальные взбунтовались. Мне почти хотелось, чтобы валлонские углекопы, которые на этот раз затеяли всю эту историю со всеобщей стачкой, действительно устроили бы ее в Бельгии, чтобы добиться всеобщего избирательного права, но были бы жестоко побиты, и бессмыслица была бы похоронена. Но зато другим в Германии и Франции пришлось бы расхлебывать всю эту кашу.

Шорлеммер провел здесь неделю; он стал очень чувствителен к перемене погоды, страдает от приступов глухоты при простуде. Ему следовало бы провести одну зиму на юге.

Сэм Мур в Дербишире, жду его со дня на день. Но едва ли он будет здесь работать, ему надо набираться сил на новые 1¹/₂ года

работы на Нигере. Он, впрочем, находит тамошний климат очень приятным и ругает наш.

Сердечный привет твоей жене.

Твой Ф. Э.

Вторая фотография — для Шлютера, которому прошу передать привет.

186.

Карлу Каутскому

в Штуттгарт.

Лондон, 30 апреля 1891 г.

Дорогой Барон!

Твои письма от 5-го и 25-го предо мной. По поводу Brentano: Геркнер, которому я послал один экземпляр, ответил мне, что он, во всяком случае, не настаивает на том, что Маркс лжет, но Маркс якобы в «Капитале», хоть и неумышленно, но все же привел такие выдержки, которые делают неясной подлинную мысль Gladstone, и т. д. — словом, он сказал все, что только мог сказать такой «горячий» ученик Brentano.

Мою открытку по поводу Равэ ты, вероятно, получил. Лаура Лафарг просмотрит и исправит его перевод «Происхождения», иначе я едва ли доверил бы ему это дело. За твоего «Мора», которого он хочет перевести, он возьмется, должно быть, еще не скоро; он говорит что-то о «более выгодных, т. е. более доходных», работах.

Шмидту я не могу поставить в упрек его приват-доцентство, оно издавна было его мечтой и мечтой его родителей. К тому же в Швейцарии теперь и у марксиста есть некоторая возможность успеха. Правда, из-за этого ты лишился самого надежного — хотя и не самого гибкого — соредатора, но авось найдется еще кто-нибудь, кому ты сможешь доверить выполнение технических функций.

Если бы Либкнехт переехал из Берлина в Лейпциг, он в *настоящий момент* доставил бы этим удовольствие очень многим, за исключением тебя. Но я этому не верю. Это было бы равносильно его отставке. Он был бы в Лейпциге — ирония истории! — социал-демократическим Бисмарком в Фридрихсруэ¹, а это привело бы в конце концов к склоке. Да и без того неизвестно, удастся ли хотя бы на время избежать склоки.

¹ Фридрихсруэ — поместье Бисмарка, в котором он жил после отставки.

История Перу очень меня интересует. Ты бы меня очень обрадовал, если бы прислал статьи из «Ausland»¹. Напиши только, *когда* их надо вернуть, и в зависимости от этого я устроюсь с их чтением.

Равэ я написал о твоём «Море» следующее:

««Т. Море» Каутского даёт в общем правильный и во многих отношениях оригинальный очерк периода возрождения в протестантских странах, в особенности в Англии. На фоне этого общего очерка исторических условий того времени выступает личность Т. Мора как сына своей эпохи. Итальянское и французское возрождение, таким образом, в книге стоит лишь на заднем плане. На-днях я буду писать Каутскому и попрошу его прислать Вам свою книгу. Я думаю, что Вы найдёте её заслуживающей перевода».

О женевском меморандуме Маркса² я совершенно позабыл; мы теперь приводим в порядок старые письма и газеты, может быть, я найду его среди них. Но много времени потратить на поиски и дать необходимые примечания я не смогу. Я должен снова засесть за III том, твердо решив: пока не покончу с III томом, буду наотрез отказываться *от всякой новой работы*, хотя бы она и состояла всего из трех строк, — если только она не требует *абсолютной срочности*; переписку также *сокращу до крайности*. До этого еще, конечно, на очереди «Происхождение», за него я предполагаю взяться на будущей неделе. Тем временем Луиза поищет женевский документ. Но это может отнять довольно много времени, материала очень много, а беспорядка еще больше.

Ты, вероятно, заметил, что в вопросе о стачке горняков «Vorwärts» несколько изменила направление. Либкнехт в этих делах беспомощен, на его палитре только две краски, черная и белая, оттенков нет, — что тут поделаешь? Наши в Берлине видят все только со *своей* точки зрения. Поэтому они иногда забывают, что у горняков нельзя предполагать такой же, вызванной законом против социалистов, дисциплины, как у *старых* солдат партии, и что *каждую* новую группу рабочих *приводят к нам* безрассудные, обре-

¹ Речь идет о статьях Г. Кунова в «Ausland» №№ 42—44 за 1890 г. Статьи эти были использованы Энгельсом для нового издания «Происхождения семьи, частной собственности и государства». См. Соч. Маркса и Энгельса, т. XVI, ч. I, стр. 43.

² Речь идет о написанной Марксом инструкции для делегатов временного Центрального совета на Женевский конгресс I Интернационала, состоявшийся 3—8 сентября 1866 г. См. Соч. Маркса и Энгельса, т. XIII, ч. I, стр. 195—204.

ченные на провал, но при данных условиях неизбежные стихийные стачки¹. Я напишу об этом Бебелю. Нельзя брать только приятные стороны движения, приходится мириться иногда и с временными тяжелыми обстоятельствами. Вообще в *большой партии* не может сохраниться прежняя строгая дисциплина секты, это отчасти даже хорошо.

Что касается Лафарга, то не позволяй ему сбивать тебя с толку. Он действительно немного упрям и увлекается своими отнюдь не всегда состоятельными доисторическими теориями. Поэтому его «Адам и Ева» ему дороже всего, и он придает им гораздо больше значения, чем Золя, для очерка о котором он самый подходящий человек. Так как его статью о райских платониках, поумневших лишь после того, как старый Ягве выгнал их вон, задержали сразу же после истории с другой его статьей, экономической, то он недоволен и дуется. Теперь вдруг, оказывается, что «*Neue Zeit*» должен помещать только статьи об Адаме и Еве, как будто такой порядок в журнале был и раньше. Он выскивает теперь несуществующую противоположность между старым и новым «*Neue Zeit*» и ведет себя так, словно прежде в журнале совсем не печатались статьи на актуальные темы. Я нахожу, что «*Neue Zeit*» теперь гораздо лучше, чем был раньше; никто, конечно, не может требовать, чтобы я читал печатающиеся в нем романы. «*Neue Zeit*» добился того, что Шиппель стал, наконец, писать действительно хорошие статьи², которые читаешь с удовольствием; ясно, что еженедельник должен отводить больше места злободневным вопросам, чем ежемесячник; если бы ты мог пристроить куда-нибудь Адама и Еву, то все было бы улажено.

Американская милиционная система *практически* не что иное, как своего рода *национальная гвардия* буржуазии; Гайндман десять лет тому назад писал Марксу из Америки, что там буржуа усиленно занимаются военными маневрами, чтобы обезопасить себя от рабочих. Полная несостоятельность этой системы для борьбы с внешним врагом доказана всеми войнами, которые Соединенные Штаты вели только что сформированными добровольческими полками (навер-

¹ В апреле 1891 г. в Вестфалии и Рейнской области среди горняков начались забастовки с требованием повышения зарплаты и установления 8-часового рабочего дня. 25 апреля была объявлена всеобщая забастовка горняков, но, несмотря на широкий размах, забастовка закончилась в первых числах мая поражением рабочих. См. «*Vorwärts*» № 97 и следующие за 1891 г.

² В «*Neue Zeit*» за 1890—1891 гг., ч. I и II, опубликовано 9 статей М. Шиппеля.

бованных); наиболее ярко это сказалось во время гражданской войны. Милиция совершенно сошла на-нет в этой войне. Еще в Америке я слышал разговоры о том, что дейхгаузы милиционных полков — это настоящие крепости внутри Нью-Йорка. Пока каждый рабочий не будет иметь у себя дома свое магазинное ружье и сотню хороших патронов, до тех пор вся эта система ничего не стоит.

Твой старый

Ф. Э.

Ты знаешь, что мамаша Безант присоединилась к теософам бабушки Блаватской. На воротах ее сада, 19 Avenue Road, написано теперь большими золотыми буквами: Теософская штаб-квартира. Вот что наделал своей любовью Герберт Берроуз.

187.

Августу Бебело

в Берлин.

Лондон, 1—2 мая 1891 г.

Дорогой Бебель,

Отвечаю сегодня на оба твои письма — от 30 марта и 25 апреля. Я с радостью прочел о том, что вы так хорошо провели вашу серебряную свадьбу и что это возбудило в вас желание дожидаться золотой. От всего сердца желаю вам обоим дожить до этого дня. Ты будешь нужен нам еще долге после того, как меня, выражаясь словами старика Дессауэра, давно уже заберут черти.

Я вынужден снова, — надеюсь в последний раз, — вернуться к марксовой критике программы. Что «против самого ее опубликования *никто* не стал бы возражать», — это я отрицаю. Либкнехт добровольно *никогда* не согласился бы на это и сделал бы все возможное, чтобы этому воспрепятствовать. Этой критики он не может переварить с 1875 г., и он вспоминает о ней каждый раз, как только заходит речь о «программе». Вся его речь в Галле вращается вокруг этой критики. Его надутая статья в «Vorwärts» является лишь выражением его нечистой совести по поводу этой самой критики. И действительно, она в первую голову направлена против него. По *гнилым* чертам программы мы видели в нем — а я вижу это и до сих пор — творца объединительной программы. Это-то и было тем пунктом, который заставил меня решиться на мое сепаратное выступление. Если бы я мог обсудить документ только с тобой и затем тотчас же отослать его К. Каутскому для опубликования, мы сговорились бы в течение двух часов. Но в данных условиях я считал, что ты был бы обязан

и лично и с точки зрения партии привлечь к обсуждению также и Либкнехта. И я знал, к чему это приведет. Либо печатание документа не было бы допущено, либо, если бы я все-таки выступил, началась бы открытая грызня, по крайней мере на некоторое время даже с тобой. Что я был прав, доказательством для меня является следующее: так как ты вышел из тюрьмы 1 апреля, а документ помечен 5 мая, то ясно, если не будет дальнейших разъяснений, что его *намеренно утаили* от тебя, и сделать это мог *только Либкнехт*. Но ради сохранения желанного мира ты ведь не возражаешь против его лживого утверждения, будто бы ты потому не видел документа, что сидел в тюрьме. Точно так же и перед тем как напечатать документ, тебе пришлось бы считаться с Либкнехтом, чтобы избежать скандала в Правлении. Я нахожу это естественным, но и ты, надеюсь, совершенно так же отнесешься к тому, что я учел вероятный ход дела в дальнейшем.

Я только что еще раз просмотрел опубликованную рукопись. Возможно, что еще кое-что можно было бы опустить без ущерба для целого. Но во всяком случае *немногое*. Каково было положение? Мы знали не хуже вас и не хуже, например, «Frankfurter Zeitung» от 9 марта 1875 г., которую я нашел, что с принятием проекта уполномоченными лицами *вопрос был решен*. Поэтому Маркс и написал свою критику только для очистки совести, без малейшей надежды на успех, как показывает заключительная строка: *dixi et salvavi animam meam*¹. Поэтому важничанье Либкнехта с его категорическим «нет» является не чем иным, как чистейшим хвастовством, и он сам это знает. Если вы сделали промах в выборе ваших представителей и потом, чтобы не погубить все дело объединения, должны были проглотить программу, — то, право же, вы не можете возражать против того, чтобы теперь, *15 лет спустя*, опубликовать предостережение, полученное вами перед окончательным решением. Это не делает вас ни глупцами, ни обманщиками, если только, конечно, вы не претендуете на непогрешимость своих официальных выступлений.

Правда, ты не читал этого предостережения. Но ведь об этом и заявлено в печати, так что ты находишься в исключительно благоприятном положении по сравнению с теми, которые его читали и все-таки согласились принять проект.

Сопроводительное письмо я считаю очень важным. В нем излагается единственно правильная политика. Совместное действие

¹ Я сказал и спас свою душу.

(parallele Aktion ¹) в течение известного, установленного для испытания срока — это одно только могло спасти вас от торгашества принципами. Но Либкнехт ни за что не хотел отказаться от славы объединителя, и удивительно то, что он в этом случае не зашел в своих уступках еще дальше. Из буржуазной демократии он вынес и навсегда сохранил настоящее объединительное неистовство.

Лассальянцы пришли к нам, потому что были вынуждены к этому; потому, что вся их партия прямо-таки рассыпалась, потому, что их лидеры были прохвостами или ослами, за которыми массы не хотели больше следовать, — это в отменно мягкой форме может быть высказано теперь. Их «строго вышколенная организация» естественным образом пришла к полнейшему разложению. Смешно поэтому, когда Либкнехт извиняет огульное принятие лассальянских догматов веры тем, что лассальянцы пожертвовали своей строго вышколенной организацией, — в то время как им жертвовать было уже решительно нечем!

Ты удивляешься, откуда эти неясные и путанные фразы в программе. Но ведь все они — воплощение Либкнехта; это те самые фразы, из-за которых мы спорили с ним долгие годы, фразы, в которые он влюблен. Никогда у него не было теоретической ясности, а четкость наших формулировок и теперь приводит его в ужас. Зато громкие фразы, которые могут означать все или ничего, он как старый член Народной партии любит до сих пор. Если в то время французы, англичане, американцы, у которых в головах не было еще ясности, говорили об «освобождении труда» вместо освобождения *рабочего класса*, потому что не умели лучше выразиться, и если даже в документах Интернационала приходилось местами говорить на языке этих людей, то для Либкнехта это было достаточным основанием для того, чтобы, употребляя такие выражения, насильно вернуть немецкую партию к этой устарелой, отжившей точке зрения. И ни в коем случае нельзя сказать: «против своей теоретической совести», так как он действительно не знал ничего лучшего, и я не уверен, не находится ли он и сейчас в таком же положении. Во всяком случае, он до сих пор ежеминутно впадает в старую, расплывчатую фразеологию, которой, впрочем, для риторических целей пользоваться, разумеется, легче. А так как основным демократическим требованиям, в которых он считал себя знатком, он несомненно придавал не меньшее значение,

¹ Энгельс имеет здесь в виду указание Маркса, что если в вопросах программы нельзя было договориться, то можно было установить соглашение для совместного действия (Uebereinkunft für Aktion).

чем экономическим положениям, которые он не совсем понимал, то уже, конечно, он вполне честно верил, что сделал блестящее дело, согласившись на лассалевские догмы, чтобы получить в обмен главнейшие демократические статьи.

Что касается атак на Лассалья, это тоже, как я вам говорил, на мой взгляд, очень важно. С принятием *всех* существенных лассальянских экономических фраз и требований эйзенахцы *фактически стали лассальянцами* — по крайней мере, по своей программе. Лассальянцы не пожертвовали ничем, решительно ничем из того, что они в состоянии были бы отстоять. Для полного завершения их победы вы сделали вашим партийным гимном рифмованное морализирующее фразерство, в котором господин Аудорф прославляет Лассалья ¹. В течение 15 лет господства закона против социалистов внутри партии не было, конечно, никакой возможности выступить против культа Лассалья. Но этому нужно было положить конец, и я взялся за это дело. Я не допущу больше, чтобы *за счет Маркса* поддерживали и в дальнейшем продолжали распространять ложную славу Лассалья. Людей, которые еще лично знали Лассалья и обожали его, теперь очень немного; всем остальным культ Лассалья *привит искусственно*, привит благодаря нашему молчаливому согласию терпеть его вопреки собственным убеждениям, так что он не может быть даже оправдан личной привязанностью. Интересы неискушенных и новых членов партии были в достаточной степени учтены тем, что статья Маркса была опубликована в «*Neue Zeit*». Но я вообще не могу согласиться с тем, чтобы — после пятнадцати лет терпеливейшего выжидания — историческая истина в подобных вопросах должна была отступить на задний план перед условными приличиями и возможными препятствиями внутри партии. То, что при этом каждый раз приходится задевать порядочных людей, — неизбежно, равно как и то, что они в ответ начинают ворчать. Если же они заявляют, что Маркс завидовал Лассалю, а немецкие газеты и даже (!) «*Chicagoer Vorbote*» (которая в Чикаго пишется для большего количества специфических лассальянцев, чем их наберется во всей Германии) поддакивают этому, то это беспокоит меня меньше, чем укусы блохи. Нам бросали в лицо и не такие штуки, а мы преспокойно переходили к очередным делам. Тем, что Маркс так сурово обошелся со святым Фердинандом Лассалем, подан пример, и этого пока достаточно.

¹ Речь идет о стихотворении Я. Аудорфа на смерть Лассалья: «*Prolog zur Todtenfeier Ferdinand Lassalle's an 4 September 1876*» («Пролог к годовщине смерти Фердинанда Лассалья 4 сентября 1876 г.»).

И вот еще что: с тех пор как вы попытались насильно воспрепятствовать опубликованию статьи и обратились к «Neue Zeit» с предостережением, что в случае повторения чего-либо подобного ее придется, пожалуй, передать в непосредственное ведение высшей партийной власти и подчинить цензуре, — с тех пор мероприятия партии по овладению всей вашей прессой поневоле представляются мне в своеобразном свете. Какая же разница между вами и Путткамером, если вы в своих собственных рядах вводите закон против социалистов? Мне лично это ведь более или менее все равно: никакая партия никакой страны не может принудить меня к молчанию, если я решил говорить. Но мне хотелось бы навести вас на мысль, не лучше ли было бы вам быть немножко менее обидчивыми, а в поступках своих быть немножко менее пруссаками. Вам, партии, *нужна* социалистическая наука, а она не может существовать без свободы развития. Тут уж приходится мириться со всякими неприятностями, и лучше всего делать это с достоинством, — без истерики. Даже легкая размолвка, не говоря уж о разрыве, между немецкой партией и немецкой социалистической наукой была бы ни с чем не сравнимым несчастьем и позором. Что Правление и лично ты сохраняете и должны сохранять значительное *моральное* влияние на «Neue Zeit» и на все, что вообще печатается, — это само собой разумеется. Но это и есть то, чем вы должны удовлетворяться и можете удовлетворяться. В «Vorwärts» всегда хвастают неприкосновенностью свободы дискуссии, но она что-то не особенно заметна. Вы совершенно не представляете себе, какое странное впечатление производит эта склонность к насильственным мерам здесь, за границей, где люди привыкли видеть, как притягивают к ответу перед партией старейших вождей собственной же партии (например, торийское правительство — лорда Рандольфа Черчилля). И затем вы не должны забывать о том, что в большой партии дисциплина ни в коем случае не может быть столь же крутой, как в маленькой секте, и что закон против социалистов, спаявший воедино лассальянцев и эйзенахцев (правда, по мнению Либкнехта, это сделала его великолепная программа!) и вынуждавший к такому тесному единению, теперь уже более не существует.

Уф! С этим старым хламом как будто покончено; теперь можно поговорить и о другом. В высших сферах у вас, повидимому, веселые дела. Но это хорошо. Это всеобщее расстройство государственной машины может нам пригодиться. Лишь бы только благодаря

всеобщему страху перед исходом войны сохранился мир! Ведь теперь, после смерти Мольтке, отпало последнее препятствие, которое только и мешало дезорганизовать армию произвольным замещением командных постов, и отныне с каждым годом победа будет все более сомнительной, а поражение все более вероятным. И хотя я отнюдь не желаю новых скандалов, но я также не жажду и побед русских и их союзников, даже если они республиканцы или будь у них вообще причины жаловаться на франкфуртский мир.

Вы не напрасно потратили силы на пересмотр промыслового устава. Лучшей пропаганды нельзя себе представить. Мы с большим интересом следили за ходом дела, и удачные речи доставляли нам немало удовольствия. Мне вспомнились при этом слова старого Фрица: «Впрочем, гений наших солдат — в атаке, и это совсем не плохо». Какая партия могла бы выставить при подобном количестве депутатов такое число непоколебимых и умеющих драться ораторов? Браво, ребята!

Стачка рурских углекопов для вас, конечно, очень некстати, но что же поделаешь? Необдуманная стихийная стачка — обычный путь, по которому приходят к нам новые большие слои рабочих. Но на *этот* факт «Vorwärts» при обсуждении вопроса не обратила, по-моему, достаточного внимания. У Либкнехта всегда крайности — у него либо все черно, либо все бело; если он считает своим долгом доказывать всему миру, что наша партия не подстрекала к этой стачке и даже удерживала от нее, то беднякам забастовщикам придется плохо: на них обращают внимания гораздо меньше, чем было бы желательно для того, чтобы возможно скорее привлечь их к нам. Но они к нам все-таки придут. Между прочим, что случилось с «Vorwärts»? Вот уже два дня, как мне недостает моего Либкнехта; он, по всей вероятности, был в отъезде, а 2 мая, сегодня, с шумом появился снова.

2 мая. Впрочем, стачка углекопов, вероятно, скоро сойдет на-нет; она протекает, повидимому, лишь как частичная стачка и отнюдь не соответствует заявлениям и обещаниям на делегатском собрании. Тем лучше. Я ни секунды не сомневаюсь в том, что кое-кому сильно хочется начать стрелять и рубить.

1 мая прошло вполне удовлетворительно. Вена опять на первом месте. В Париже 1 мая прошло более или менее вяло из-за далеко еще не изжитой склоки. Ошибки там были допущены всеми. Наши связали себя в Лилле и Калэ определенной формой демонстрации: посылкой делегации в палату. Бланкистов об этом не запросили.

Аллеманисты вошли в комитет по устройству демонстрации позднее. И тем и другим — бланкистам и аллеманистам — это было неприятно; у бланкистов были в палате отколовшиеся, избранные под покровительством Буланже, у аллеманистов там был один бруссицкий противник, и ни те, ни другие не хотели выступать перед ними в роли просителей. Так же обстояло дело с предложенной нашими посылкой своих кандидатов в 20 парижских мерий, куда собирались созвать городских советников района, чтобы они выслушали там «волю народа». В результате дело дошло до раскола и отступления наших, а тем самым — до распада демонстрации на три-четыре частичные демонстрации. От Лафарга я получил сведения за вторую половину вчерашнего дня; он доволен пока тем, что сделано при данных условиях, но говорит, что Париж будет невыгодно отличаться от провинции. Несомненно, повидимому, лишь то, что страны, остановившие свой выбор на 3-м числе, т. е. Германия и Англия, соберут наиболее внушительные массы, если погода будет не слишком уж плоха. Сегодня здесь очень скверная погода — бурные ливни при сильном ветре, временами короткие проблески солнца.

Фишер получил, вероятно, все нужное для «Наемного труда и капитала». «Развитие» последует через несколько дней. Но после этого всякие требования должны будут прекратиться. Подготовить «Происхождение» для нового издания я обещал год тому назад, это нужно сделать, а затем я *абсолютно ни за что новое не возьмусь*, пока не будет готов в рукописи III том «Капитала». Это *необходимо* сделать. Если поэтому кто-нибудь снова будет претендовать на мое время, заступись, пожалуйста, за меня. Я сведу к минимуму также и всю свою переписку и сделаю только одно исключение — для тебя. Через твое посредство я легче всего буду поддерживать контакт с немецкой партией, и к тому же, откровенно говоря, переписка с тобой для меня наиболее приятна. Как только III том будет сдан в печать, можно будет опять приняться за другое, и прежде всего за переработку «Крестьянской войны». Если я буду совершенно свободен, то справлюсь с III томом, вероятно, еще в этом году.

Сердечный привет твоей жене, Паулю¹, Фишеру, Либкнехту и всем остальным от твоего

Ф. Э.

¹ Зингер.

188.

Францу Мерингу

в Берлин.

Лондон, 5 июня 1891 г.

Написано на визитной карточке.

«Капитал и прессу»¹ получил, благодарю. Желаю наилучших успехов.

Запоздал с ответом, так как не знал Вашего адреса.

189.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 10 июня 1891 г.

Дорогой Зорге,

Я по уши завяз в новом издании («Происхождения семьи и т. д.»), должен был вновь просмотреть всю вышедшую за восемь лет литературу по этому вопросу и квинт-эссенцию всего этого использовать в книге, а это не шутка, в особенности при постоянных перерывах в работе. Все же самое трудное уже позади, и я снова смогу взяться за III том. Мне пришлось сократить всю свою корреспонденцию, иначе я совсем не сдвинулся бы с места.

В Берлине — *это совершенно между нами* — Шлютер не должен знать, что об этом я тебе сообщаю, он не всегда умеет молчать, и, если ты ему об этом расскажешь, он поймет, что ты узнал об этом от меня, — итак: в Берлине люди, наконец, поняли, что у Либкнехта за душой ничего нет, кроме пустой фразы. При создавшемся положении ему *должны* были предоставить пост редактора «Vorwärts» и наряду с этим избрать почетным членом Правления. Для меня давно было ясно, что это должно было привести к кризису; это было неизбежно. Теперь они находят, что он своим редактированием довел газету до гибели 1) тем, что он сам ничего не делает, 2) а людям, которые *могли* бы что-либо делать, — мешает. Возмутительно, что он позволяет своему зятю Гейзеру, — тому самому Гейзеру, которого в С. Галлене морально выкинули из партии, — стряпать в газете передовицы, полные пустопорожнего высокомерия и невероятно скучные из-за его совершенной неспособности; никто другой

¹ Брошюра Ф. Меринга «Kapital und Presse» («Капитал и пресса»), Берлин, 1891 г.

не мог бы так писать. Чем это дело кончится, в настоящий момент предвидеть еще трудно. Либкнехту предложили другое поле деятельности, где он мог бы выступать как агитатор и в своей прежней роли независимого журналиста, но он понял это как отставку. Теперь они не знают, как предложить ему приличную пенсию и в такой форме, чтобы он ее принял, — ведь, в конце концов, к этому сводится все дело. Комичней всего то, что все находят, будто Либкнехт с тех пор, как он променял свое одиночество в Борсдорфе на Берлин, — уже не прежний Либкнехт, т. е. не тот, каким *они* себе его представляли, между тем как *за* то время, пока действовал закон против социалистов, препятствовавший обнаружению этого конфликта, он почти совсем не изменился, а самое большее — развивался дальше в старом направлении. Все дело в том, что *другие* пошли дальше и теперь вдруг заметили разницу. Они думают, что *они* остались прежними, а это неверно.

Теперь о другом. Станислав Мендельсон пишет мне, что Анна¹ обратилась за деньгами в Париж и кое-что уже получила или получит; такие попытки вымогательства уж слишком, мол, несосны, и об этом надо бы написать в Америку, чтобы там ради этой дамочки не производили дальнейших бесполезных трат. Он, мол, уже писал тебе по этому поводу и просит меня о том же. Он называет поступки этой Анны просто вымогательством.

Сегодня у нас, наконец, нечто похожее на летний день, деревья не распускались целый месяц, и в этом отношении у нас еще настоящая весна, хотя собственно весны мы и не видели.

Спасибо за американское пиратское издание². Шлютер писал мне о нем забавные вещи. Поблагодари его, пожалуйста, за обстоятельное письмо; я, к сожалению, сейчас ответить не могу.

Здесь движение протекает очень хорошо. Союз рабочих газовых предприятий и чернорабочих, благодаря, главным образом Тусси, все больше и больше выдвигается на первое место. Движение идет на английский лад, систематически, шаг за шагом, но уверенно. Комично то, что здесь, как и в Америке, люди, выдающие себя за ортодоксальных марксистов и превратившие идею нашего движения в окостенелую догму, которую надо заучивать наизусть, — что эти люди здесь, как и у вас, представляют из себя всего-навсего лишь секту. Но еще знаменательнее то, что эти люди у вас — ино-

¹ Речь идет о С. Падлевском.

² Перепечатка английского перевода I тома «Капитала» Маркса, вышедшая в Нью-Йорке в 1890 г.

странцы — немцы, а здесь это коренные англичане, Гайндман и К°. Как раз пришла Тусси, кончаю.

Привет тебе, твоей жене и Шлютеру от нее, Луизы и твоего старика.

Ф. Э.

Тусси мне только что рассказала, что когда она на троицу уезжала в Дублин на съезд рабочих газовых предприятий, то получила от Анны такое же письмо, как и парижане. Она, конечно, оставила его без внимания.

190.

Карлу Каутскому

в Штуттгарт.

Лондон, 13 июня 1891 г.

Дорогой Каутский,

Статью о Перу получил, благодарю. Позволь мне оставить ее у себя, пока я не справлюсь со вторым изданием «Происхождения».

Введение к новому изданию «Происхождения» готово, я вышлю его на будущей неделе, если у тебя есть охота использовать его сперва для «Neue Zeit». В таком случае я попросил бы тебя прислать корректуру, и притом в трех экземплярах, третий экземпляр я отправлю Равэ для французского перевода; перевод этот, поскольку он делается со старого издания, уже готов. Между прочим, Равэ, хоть он и страсбуриец, недостаточно знает немецкий язык; он наделал таких ошибок, что Лауре Лафарг пришлось страшно много возиться. Удивляюсь только, что она вообще взялась за эту работу.

Итак, можешь сообщить Дитцу, что ему теперь долго ждать не придется. Но пусть он все-таки даст мне знать, которым по счету будет это новое издание. Отпечатанными в Цюрихе 5 000 экземпляров распоряжались так, что я уже теперь совершенно не знаю, какое теперь выйдет издание — второе, третье, четвертое или еще какое-нибудь.

Гонорар за письмо Маркса получил и уже распределил его. Благодарю. Относительно гонорара за новое издание «Нищеты философии» (*а также и за первое*, так как мы ничего за него не потребовали) сговорись, пожалуйста, с Дитцем. Если ты мне, кроме того, скажешь, какой процент *всего гонорара* за *новое* издание приходится на вашу долю, твою и Эде, и сколько остается *наследникам Маркса*, то мне легче будет ориентироваться. Вы оба тоже

должны получить то, что вам полагается. Грилленбергеровщину нужно прекратить, во всяком случае, надо заставить его уплатить гонорар. Если он напечатает речь Маркса о свободе торговли¹ в вашем переводе, то ты, Эде, также Клара Цеткин должны будете потребовать оплаты, и я сделаю то же самое от имени наследников из принципиальных соображений.

Необходимость просмотреть всю литературу во время работы над «Происхождением» меня очень задержала. Трудно себе представить более откровенное общество взаимного страхования, чем эти исследователи доисторической эпохи. Это отъявленные прохвосты, занимающиеся кумовством и кастовым бойкотом в международном масштабе, что возможно лишь благодаря тому, что число их относительно невелико. Но теперь в лице сравнительной юриспруденции появился новый элемент, который, хотя и имеет свои дурные стороны, однако прорвет, быть может, старую спешущую компанию.

Эде показал мне вчера письмо Бебеля к тебе. С Симоном ты хорошо разделался²; некоторая многословность неизбежна, когда хочешь действовать «мягко», но удары все-таки попали в цель. Смешно, когда этот человек делает вид, будто не один, а все 100% медиков на его стороне.

Что значит твое «освобождение» четвертого *том* по сравнению с «освобождением от феодальных кресел»³, попавшим в новое берлинское издание моего «Развития социализма»? Посмотрели бы вы на «Развитие социализма», если бы оно выходило в Берлине. Пусть берлинцы занимаются своей программой. Бебель уж позаботится о том, чтобы старые либкнехтовские вульгарно-демократические и *вульгарно-социалистические* фразы в нее не попали. Очень хорошо, что они в Берлине сперва обсуждают этот вопрос между собой, их проект будет, во всяком случае, лучше старого, а, кроме того, ведь можно будет обсудить его после. Очень комично разочарование наших друзей, которым через 13 лет приходится опять встретиться лицом к лицу с Либкнехтом и работать вместе с ним. В период закона против социалистов он сидел в Борсдорфе и не думал ни о чем, кроме своей переписки. Теперь, через 13 лет, его находят

¹ «Речь о свободе торговли» произнесена К. Марксом по-французски 9 января 1848 г. на открытом собрании Демократического общества в Брюсселе.

² В «Neue Zeit» за 1890—1891 гг., ч. I—II, опубликованы статьи К. Каутского и д-ра Ф. Симона об алкоголизме.

³ Энгельс пишет об опечатках: Bandes — тома, вместо Standes — сословия. Sesseln — кресла, вместо Fesseln — оковы.

совершенно изменившимся. Но, наоборот, *он* остался прежним, а *они* выросли и увидели пропасть между ним и собою. Теперь уж не обойдется без грызни; теперь все находят, что Либкнехт своим редактированием доводит газету до гибели. В «Volksstaat» и т. д. он работал не лучше, но тогда другие помогали ему поддерживать газету на высоте, а теперь они заняты другими делами, и в результате у них в газете Либкнехт в совершенно чистом виде, т. е. Либкнехт *со всей семейкой!*

Предложенное Лафаргом толкование библии очень мило; незрело, но оригинально; оно порывает, наконец, с устаревшим теперь немецко-рационалистическим, филологическим методом. Большого для начала нельзя и требовать.

Стачка омнибусов¹ выиграна! По крайней мере, в основном. Лондон без омнибусов был и остается смешным. Эде должен был бы послать тебе описание этой стачки в виде фельетона; я завтра скажу ему об этом. Он переносит свое соломенное вдовство с мужественной покорностью судьбе, в чем мы его поддерживаем.

Сердечный привет.

Твой Ф. Э.

191.

Карлу Каутскому
в Штуттгарт.

Лондон, 16 июня 1891 г.

Дорогой Барон,

Прилагаю рукопись. Напечатаешь ли ты ее *целиком* или только со второй страницы, после черты, откуда собственно и начинается статья, — это я полностью предоставляю на твое усмотрение. Заглавие можно было бы дать такое: К истории первобытной семьи — Бахофен, Мак-Леннан, Морган. Ф. Э.² — или что-нибудь в этом роде, а затем примечание: введение к такому-то изданию «Происхождения» и т. д.

Так как из-за частых перерывов в работе рукопись вышла очень неразборчивой, то *очень* прошу прислать мне корректуру и, кроме того, как я уже говорил, отдельный экземпляр для Рава, который ждет его с величайшим нетерпением.

¹ Сообщения о стачке рабочих, обслуживающих омнибусы, опубликованы в «Justice», июнь—июль 1891 г.

² Статья Ф. Энгельса — «Zur Urgeschichte der Familie» («К истории первобытной семьи»), опубликована в «Neue Zeit» № 41, ч. II, 1891 г., стр. 460—467. См. Соч. Маркса и Энгельса, т. XVI, ч. II, стр. 117—128.

За просмотр самой книги возьмусь, как только позволит мне переписка; это дело не терпит отлагательства.

Я почти желал бы, чтобы берлинцы не приняли введения Эде к Лассалю; он мог бы тогда обработать эту тему для «Neue Zeit» полнее и свободнее. В том, насколько мало немцы знают *настоящего* Лассалья, я убедился именно на Эде. Однако письма Лассалья к Марксу, какими бы невинными они кое-кому ни казались, и необходимость дать оценку Лассалю в целом, все же открыли ему — Эде — глаза и заставили его видеть все в новом свете. Но берлинцы хотят прежде всего *спокойствия* в партии, а это со свободой критики совместить трудно. Им это вдвойне неприятно, потому что они в то же время грызутся с Солдатом и не видят еще выхода. Но в таком случае пусть уж они откажутся от новых изданий Лассалья. Впрочем, все, в конце концов, снова войдет в колею.

Твой Ф. Э.

192.

Карлу Каутскому

в Штуттгарт.

Райд, 29 июня 1891 г.

Дорогой Каутский,

Я на несколько дней сбежал сюда, к Пумпс; слишком уж много навалилось на меня работы. Счастливый и довольный я только что засел за групповой брак, как на голову мне обрушилась партийная программа. И я должен был ею заняться. Я хотел было сперва сделать несколько более сжатой вводную часть, но из-за недостатка времени это мне не удалось; к тому же я счел более важным разобрать частью устранимые, а частью и неизбежные недостатки политического раздела, так как это дало мне повод ударить по миролюбивому оппортунизму «Vorwärts» и по бодро-скромно-весело-свободному¹ «врастанию» старого свинства в «социалистическое общество». Тем временем, оказывается, ты предложил им новое введение, — тем лучше.

Партия напечатает письма Лассалья к Марксу и ко мне с моими примечаниями (причем я не допущу никакой партийной цензуры). Этим я займусь осенью, одновременно с III томом. (Это *между нами*.)

¹ Девиз спортивного общества, организованного в начале XIX в.: frisch-fromm-fröhlich-frei.

Я укрылся сюда, чтобы иметь возможность написать кой-какие письма. В четверг еду домой и тогда снова начну работать над групповым браком. Я так хорошо работал, чорт бы побрал эти перерывы.

С «Нищетой философии» дело обстоит следующим образом: раз Дитц откупается 450 марками, и нам остается только сговориться между собой, тогда все в порядке, мы уж это уладим. О том, чтобы вы оба отказались от *всякого* гонорара за второе издание, не может быть и речи.

План Дитца относительно тома небольших работ Маркса провалился. Либкнехт уже давно носится с этим проектом; его последний протезе — Пауль Эрнст должен был взяться за это дело и, кроме того, издать еще кое-что из работ Маркса, причем предполагалось, что Эрнст приедет для этого на несколько месяцев сюда и я ему помогу. Затем это должно было выйти в берлинском издательстве от имени партии, словом, наряду с изданием Лассалья также и издание Маркса. Я тотчас же решительно отклонил этот план и не могу поступить иначе также и с Дитцем. Я *разрешил* партии напечатать некоторые небольшие работы Маркса в виде отдельных брошюр без примечаний и предисловий. Дальше этого я пойти не могу. Я не могу допустить, чтобы позднейшее полное издание, которое я обязан выпустить, было бы у меня отнято по частям подобным образом.

Пока не будет готов III том, я точно так же не могу думать сейчас о новом издании «Положения» и т. д. В свое время я охотно переговорю об этом с Дитцем, но должны же люди понять, что я не могу начинать решительно ничего нового, пока III том не сдан в печать. В то время, когда он будет печататься, можно будет подготовить издание чего-нибудь нового. Но до тех пор я буду отбиваться от *всех посягательств* и проектов как Дитца, так и всех остальных. Должно же, наконец, у людей хватить ума, чтобы избавить меня от подобных вещей, заставляющих только вести бесполезную, отнимающую много времени, переписку. Как только закончу переработку «Происхождения», возьмусь опять за III том, а тогда уж, что бы ни случилось, я буду неумолим, все будет отброшено прочь.

Речь Фольмара¹ с ее совершенно излишней предупредительностью по отношению к нынешним официальным лицам и с еще более

¹ Речь Фольмара на открытом социал-демократическом собрании в Мюнхене 1 июня 1891 г. См. «Vorwärts» № 142 от 21 июня 1891 г.

излишним заявлением, на которое его к тому же никто не уполномочил, что социал-демократы в случае нападения на отечество пойдут в бой, т. е. *будут отстаивать* аннексию Эльзас-Лотарингии, — эта речь привела наших противников здесь и во Франции в полный восторг. Если это так оставить, то нашим в Брюсселе ¹ придется проглотить пренеприятную пилюлю. Поссибилисты и гайндмановцы используют это на свой лад, и, пока Фольмар каким-нибудь авторитетным заявлением не будет лишен права говорить от имени партии, до тех пор мы здесь бессильны; Гайндман прикрывался Баксом, который написал об этом в «Justice» ², я его статьи еще не видел.

Митинг беременных женщин в Гайд-Парке здесь и в Лондоне всех необычайно развеселил, а англичан еще больше, чем немцев, из-за игры слов (*demanding a reduction of the hours of labour*): сокращение часов труда, что также означает сокращение часов родовых мук рожениц.

Адрес Равэ: Faubourg Rochereuil, Poitiers, France.

Пумпс живет теперь здесь. Перси работает агентом у своих братьев. Их домик the Firs находится около Brading Road, ровно в одной английской миле от города; небольшой, но хорошенький домик, при нем сад с огородом и фруктовыми деревьями. Старик Гарни был четыре недели назад в Вентноре и опять заболел там подагрой и ревматизмом, в субботу мы перевезли его сюда, а в четверг он, вероятно, уедет вместе со мной и опять вернется в свой штаб, в Ричмонд; он сильно хромает и очень мучается.

Шорлеммер, вероятно, скоро приедет; он, как ты знаешь, очень скуп на слова в переписке. Сэм Мур болел здесь африканской малярией, но теперь поправляется. В августе или сентябре он опять поедет на Нигер; я думаю, он втайне уже тоскует по тамошнему чудесному климату, несмотря на приступы лихорадки, повторяющиеся с необычайной регулярностью.

Как ты только мог подумать, что для меня имеет хоть какое-нибудь значение видеть свои статьи в «Neue Zeit» на первом месте? Поступай так, как тебе удобней.

Сердечный привет от всех.

Твой Ф. Э.

¹ Речь идет о Брюссельском конгрессе II Интернационала.

² Статья Б. Бакса «The German Party. Its misfortunes and its faults» («Неудачи и ошибки германской партии») опубликована в «Justice» № 389 от 27 июня 1891 г.

193.

Карлу Каутскому
в Штуттгарт.

Райд, 1 июля 1891 г.

Дорогой Барон,

Третьего дня я забыл ответить тебе на вопрос по поводу Бонье. Прочти в «Socialiste» английские и немецкие обзоры за подписью «Б» и «Бернар» и ты сам сможешь решить, насколько его можно использовать¹. Бонье честнейший парень, но его немецкое образование немного заглушило в нем француза; я уже не раз наблюдал это явление у его соотечественников. Он живет в мире книг, и поэтому ему трудно разобраться в фактах живого движения. Кроме того, он торчит в Оксфорде, совершенно оторванный от движения, и вдобавок полон несокрушимой веры в Гада. Иллюзии и оптимизм Гада в самом движении во многих отношениях очень ценны, так же как иллюзии и оптимизм Либкнехта; оба они никогда не отчаиваются, но для обзоров текущих событий эти свойства мало пригодны. Впрочем, благодаря своему природному уму Бонье мало-помалу выправится. Но я уже давно не встречал статей за его подписью. Если все другие перегружены работой в газете, то для тебя, пожалуй, нет иного выхода, — разумеется, при том условии, что и Бонье не так уж завален там² работой.

Пумпс и Перси шлют привет.

Твой Ф. Э.

Завтра я возвращаюсь в Лондон.

194.

Конраду Шмидту
в Цюрих.

Райд, остров Уайт, 1 июля 1891 г.

Дорогой Шмидт,

Я сбежал сюда на несколько дней. Пумпс живет теперь здесь, ее муж взял на себя здесь агентуру, а у меня было столько работы, что я приехал к ним сюда на несколько дней, чтобы немного подышать свежим воздухом и разделиться с самой неотложной корреспонденцией. Завтра уезжаю в Лондон.

¹ В «Neue Zeit».² В «Le Socialiste».

Передо мной оба Ваши письма, от 5 марта и 18 июня. Окончание Вашей работы о кредите и денежном рынке Вам лучше всего отложить до выхода III тома; там Вы найдете много нового и еще больше неразрешенного по этому вопросу, следовательно, наряду с новыми решениями — новые проблемы. Как только пройдет летний отдых, III том без всяких задержек будет закончен. Второй Ваш план — переходные этапы к коммунистическому обществу — стоит того, чтобы над ним поразмыслить, но я бы Вам посоветовал не спешить; это самый трудный из всех вопросов, какие только существуют, так как условия непрерывно изменяются, они меняются в зависимости от каждого вновь возникающего треста, и через каждые десять лет могут совершенно переместиться исходные пункты.

Ваши последние злоключения в Цюрихском университете в высшей степени курьезны¹. Эти господа повсюду одинаковы. Ну, желаю Вам добиться успеха назло всей этой клике и чтобы Вас, наконец, оставили в покое.

Книга Барта² меня очень разочаровала. Я ожидал найти в ней гораздо меньше пошлостей и опрометчивых выводов. Человек, который судит о каждом философе не по тому, что тот вносит в науку, не по прогрессивному, что было в его деятельности, но по тому, что было неизбежно преходящим, реакционным, судит по *системе*, такой человек лучше бы молчал. По его мнению, вся история философии — это просто «куча развалин» неоправдавших себя систем. Как высоко стоит старик Гегель над этим своим мнимым критиком! И он воображает, что критикует Гегеля, то тут, то там нападая на след ошибочных скачков, с помощью которых Гегель, как и всякий другой систематик, должен был построить свою систему! Подумать только, какое грандиозное открытие, что Гегель часто сваливает в одно противоположные и противоречивые положения. Но если бы стоило тратить труд, то я показал бы Барту еще и не такие приемы! Барт — это то, что мы на Рейне называем Korinthscheisser; он все превращает в мелочи и пока от этого не отучится, то, говоря словами Гегеля: «от ничего, через ничто придет ни к чему».

Его критика Маркса действительно потешна. Сначала он стряпает материалистическую теорию исторического развития человеческого общества в том виде, какой она, по его мнению, *должна была быть* у Маркса, а затем делает открытие, что в сочинениях

¹ К. Шмидта не допускал к работе в Цюрихском университете профессор политической экономии Ю. Вольф ввиду того, что Шмидт редактировал «Volks-Tribüne».

² См. примечание к письму Энгельса К. Шмидту от 5 августа 1890 г.

Маркса дело обстоит иначе. Из этого он не делает вывода, что он, Барт, искажил Маркса, а, наоборот, делает вывод, что Маркс противоречит себе и не умеет применять свою собственную теорию! «О, если бы эти люди хоть *читать*-то умели!» — обычно восклицал Маркс в связи с такой критикой.

У меня здесь нет этой книги. Если бы у меня было время, я бы Вам указал еще сотню ошибок. А это жаль. Видно, что человек может кое-что сделать, если бы не был так поспешен в своих окончательных выводах. Надеюсь, что он напишет еще что-нибудь, что вызовет более резкие нападки; если всыпать ему как следует, то это принесет ему большую пользу.

Мне в общем живется довольно хорошо; я чувствую себя лучше, чем в прошлом году в это же время, и думаю, что, отдохнув немного, снова буду вполне здоров. Только бы меньше приходилось отрываться от работы. Два-три месяца тому назад я приступил к работе над новым изданием «Происхождения семьи и т. д.» и справился бы в две недели, но тут подвернулся новый проект программы, который надо было подвергнуть критике, а потом на континенте — целый ряд ошибок, которые затрудняют здесь, в Англии, нам работу по подготовке Брюссельского конгресса, где почва благоприятна, но требует очень осторожного обращения и т. д. Все это снова выбивает меня из колеи, отрывает от работы; и все же эту работу необходимо не только в большей своей части вновь отредактировать и отделать, но и *закончить*, чтобы я смог приняться за III том. Ну, ладно, в конце концов все будет сделано, потому что должно быть сделано.

Здесь иной раз кажется, что находишься в Пруссии. В воскресенье я встретил нескольких матросов со «Стоша» — славные ребята, которые не уступили бы английским матросам с военных кораблей, — а сегодня утром слышен непрерывный грохот пушек и треск гранат на учебной стрельбе Портсмутского форта.

Привет от Пумпс, Перси и Вашего старого

Ф. Энгельса.

195.

Густаву Фогту

в Лейпциг.

Лондон, 8 июля 1891 г.

122, Regent's Park Road, N. W.

Милостивый государь,

Я не отвечал на Ваши любезные письма от 20 июня и 5-го с. м. лишь потому, что я все еще тщетно ждал известий от Либкнехта,

на которого Вы сослались. Через Рихарда Фишера, его товарища по Правлению партии, я специально просил мне написать. Жду тем более, что Бебель с Вами только что познакомился, тогда как Либкнехт знает Вас давно.

Исполнение Вашей просьбы¹ зависит не от меня одного. Решающее слово принадлежит наследникам Маркса, которых я представляю, а также издателю «Капитала». Что касается издателя, то, мне кажется, я могу с уверенностью сказать, что он ни в коем случае не даст своего согласия на подобное предприятие. От наследников Вы также вряд ли получите более благоприятный ответ. Ни одна из обеих оставшихся еще в живых дочерей Маркса не согласится на то, чтобы сочинения их отца были переведены с его собственного немецкого языка на немецкий язык другого писателя. На мой запрос мне уже ответили именно в этом смысле.

Я лично тоже не могу со спокойной совестью поддержать Ваше предложение. Вы были столь любезны, что прислали нам свои работы, излагающие новую систему естествознания. Так как естественными науками я могу заниматься лишь в свободные часы, то понадобится все же довольно продолжительное время, прежде чем я смогу позволить себе вынести свое суждение по поводу Вашей точки зрения. Как только мне позволит время, я займусь изучением Ваших работ, за присылку которых Вам чрезвычайно благодарен. Даже если они не покажутся мне достаточно убедительными, то все же я, наверное, немало из них почерпну. Однако Ваши сочинения не дают совершенно никаких оснований предполагать у Вас столь глубоких познаний в политической экономии, которые являются первым условием для предполагаемой Вами работы.

Поэтому, оставляя в стороне прочие сомнения и препятствия, я мог бы в крайнем случае дать свое согласие лишь при условии, что я буду редактировать Вашу работу. Но тем самым она стала бы более или менее *моей* работой; это Вас не устроит да и меня также, так как каждая минута у меня рассчитана; я сильно перегружен работой.

Следовательно, я не вижу абсолютно никаких путей, чтобы Вы могли получить согласие всех заинтересованных лиц и достичь своей

¹ Фогт после беседы с Бебелем и Либкнехтом, как он указывал в письме к Энгельсу 20 июня 1891 г., обратился с просьбой разрешить ему сделать перевод «Капитала» «на немецкий язык, понятный для народа», под следующим названием: «Капитал» Карла Маркса, по точному тексту оригинала, изложенный популярно Г. Фогтом».

цели. Не скрою от Вас и того, что Маркс, по-моему, говорит с немцами лучше всего на своем собственном немецком языке. Со временем это поймут и рабочие. Рабочие гораздо сообразительнее и, право же, образованнее, чем о них обычно думают.

С совершенным почтением.

196.

Виктору Адлеру
в Вену.

Лондон, 22 июля 1891 г.

Дорогой Адлер,

Я поручил Дитцу отчислить, выражаясь по-австрийски, половину гонорара за новое издание «Происхождения семьи и т. п.» на твое имя в вашу партийную кассу, чтобы доказать австрийцам более чем академически мои к ним симпатии. Надеюсь, что не понадобится особенно сильного слабительного, чтобы это осуществить. Когда и сколько ты получишь сразу (выплата, быть может, будет производиться в рассрочку), я сказать не могу; он платит по 50 марок за каждую тысячу экземпляров, которые он печатает, — вы из них будете получать по 25 марок.

Если вы отметите получение взноса на вашей печатной квитанции, указав мои инициалы: от Ф. Э. из Лондона столько-то, без каких бы то ни было примечаний, то это было бы мне приятнее всего.

Теперь еще одно: Луиза согласилась, если ты добудешь ей мандат, что, вероятно, нетрудно, поехать на Брюссельский всемирный парад¹. Но при этом имелось в виду одно неперемное условие, а именно: что она привезет с собой в Лондон на несколько дней тебя и Бебеля или, по крайней мере, одного тебя. И я надеюсь, что это ей удастся. К тому времени я уже снова вернусь сюда и буду ждать вас с величайшим нетерпением. Кто знает, на что вы заставите меня еще согласиться в будущем году. Итак, не раздумывай же долго и приезжай вместе с женой!

Твой старый Ф. Энгельс.

¹ Второй конгресс II Интернационала.

197.

Эмме Адлер

в Вену.

Лондон, 22 июля 1891 г.

Дорогая госпожа Адлер,

К сожалению, из моей поездки на континент в этом году, вероятно, ничего не выйдет, а мне очень хотелось бы поехать хотя бы для того, чтобы посетить Вас в Лунце и убедить в том, что и я могу есть австрийские блюда и даже с большим аппетитом; это может подтвердить Вам Луиза, которая приготовляет мне салат только по-венски. Но если я к Вам и не попаду, то существует еще и другая возможность. Быть может, Вы поедете с Виктором в Брюссель, и тогда мы могли бы с таким же успехом познакомиться и в Лондоне. Ведь от Брюсселя до Лондона — рукой подать. Что Вы думаете обо всем этом? Если же Вы в Брюссель не поедете, то не могли бы Вы приказать Вашему мужу отдохнуть здесь несколько дней после тягот всемирного конгресса? Все это страшно утомительно, и несколько дней отдыха в Лондоне будут ему очень полезны.

Только что пришел африканский главный судья, Сэм Мур, и я принужден прервать письмо. Пожалуйста, приезжайте, Луиза Вас, наверное, будет уговаривать, — но если Вы не сможете приехать, пришлите своего представителя!

Поцелуйте, пожалуйста, за меня Ваших милых деток, о которых Луиза так много мне рассказывала.

Искренне Ваш

Ф. Энгельс.

198.

Фридриху-Альберту Зорге

в Маунт-Дезерт.

Райд, остров Уайт, 9—11 августа 1891 г.

Дорогой Зорге,

Оба твои письма от 14 и 20 июля мне переслали сюда. Вот уже две недели, как я, вместе с Шорлеммером, здесь, у Пумпс, муж которой является здесь агентом своих братьев; приблизительно через неделю собираюсь обратно.

Большое спасибо за информацию о Рыцарях труда; мне придется просматривать такую кучу газет, что без такой информации мне зачастую трудно бывает ориентироваться. Спасибо и за сообще-

ние по поводу Гомперса и Саниаля ¹. Это очень важно, если придется встретиться с ними в Лондоне. Анне ² надо подумать о том, как ей встать материально на собственные ноги; это идиотство превосходит всякие границы.

На Брюссельском конгрессе POSSИБИЛИСТСКО-ГАЙНДМАНОВСКОЕ надувательство вскрыется. Раскол POSSИБИЛИСТОВ в Париже выбил у Брусса почву из-под ног. В провинции они — ноль, а в Париже масса идет за Аллеманом *против Брусса*. Это привело к тому, что POSSИБИЛИСТЫ *обоих толков* потеряли влияние в последней своей главной опоре — Бирже труда. Так пишет «Socialiste» от 24 июля. Брюссельцы, которые сами в глубине души POSSИБИЛИСТЫ и держались за них до последней возможности, совершенно переменили фронт; они хотят стать Генеральным Советом нового Интернационала и ухаживают за «марксистами», превзошедшими всех. Отсюда курьезные вопли их парижских и лондонских друзей, которых они оставили с носом. Боюсь, очень боюсь, что господин Гайндман перестанет быть нашим официальным «врагом» и захочет действовать как наш «друг». Это было бы плохо; нам некогда постоянно и повсюду следить за таким интриганом.

Тусси, Эвелинг, Торн и другие из Союза рабочих газовых предприятий, Сандерс (секретарь Джона Бернса) и другие англичане из наших едут в Брюссель. Как обстоит дело со *старыми* трэджюнионами, — я не знаю.

Докеры на краю гибели. Они выиграли стачку единственно только благодаря 30 000 фунтов стерлингов, полученных из Австралии, это их поддержало. Они, однако, полагают, что добились бы победы и самостоятельно и делают поэтому ошибку за ошибкой; последняя ошибка состояла в том, что они закрыли списки, перестали принимать новых членов, а это значит воспитывать штрейкбрехеров из своей же среды. Потом они отказались от объединения с рабочими газовых предприятий. Многие из них летом — докеры, а зимой — рабочие газовых предприятий. Рабочие газовых предприятий предложили, чтобы при такой перемене работы членский билет *одного* союза был бы действителен для обоих союзов; это предложение было отвергнуто. До сих пор рабочие газовых предприятий, несмотря

¹ Речь идет о сообщении Зорге в письме от 14 июля 1891 г. о вражде между Саниалем — делегатом Социалистической рабочей партии и Гомперсом — делегатом Американской федерации труда на Брюссельский конгресс II Интернационала. Зорге высказывал опасения, что Гомперс использует эту вражду на конгрессе в своих политических целях.

² Речь идет о С. Падлевском.

на это, признавали членские билеты докеров. Однако неизвестно, как долго это будет еще продолжаться. Затем докеры подняли крик против переселения иностранных пауперов (русских евреев). Из их вождей Том Мэн хороший парень, но безгранично слаб, а избрание его членом Королевской комиссии труда наполовину лишило его рассудка; Бен Тиллет — честолюбивый интриган. Денег нет; члены Союза уходят целыми группами; дисциплина исчезла.

Из Петербурга мне писали неделю тому назад: мы накануне голода. Вчера это известие подтвердилось запрещением вывоза ржи из России. Это, во-первых, на год обеспечивает нам мир; при голоде в стране царь будет, правда, бряцать оружием, но не рискнет объявить войну. Но *если* в будущем году здесь к власти придет Гладстон, что очень вероятно, то попытаются склонить Англию и Францию согласиться на закрытие Дарданелл для флота *всех* стран, т. е. попытаются лишить султана возможности искать помощи против русских. Вот какую форму принимает, таким образом, в ближайшее время восточный вопрос.

Во-вторых, запрещение вывоза ржи из России означает *перенесение голода в Германию, потребляющую рожь*. Покрыть колоссальный дефицит ржи в Германии может только Россия. Но это означает окончательное крушение хлебной таможенной политики Германии, что, в свою очередь, влечет за собой не поддающиеся учету политические потрясения. Например, дворянство, владеющее латифундиями, не откажется от своих покровительственных пошлин, не поколебав при этом и промышленные пошлины буржуазии. Протекционистские партии теряют кредит, вся ситуация меняется. *А наша партия гигантски растет*. Этот неурожай подвинет нас на пять лет вперед, не говоря уже о том, что он помешает войне, которая стоила бы в сотни раз больших жертв.

Обе эти точки зрения будут, по-моему, господствовать в европейской политике в первую очередь, и если Шлютер захотел бы обратить на это внимание в «*Volkszeitung*», то это было бы очень полезно. Как только кончится конгресс, я выступлю с этим в европейской печати. Только я, конечно, не могу брать на себя ответственность за то, как другие используют эти мои сообщения.

Очень рад, что Маунт-Дезерт, как всегда, приносит тебе пользу. И мне морской воздух очень полезен. Только погода сейчас в Европе так непостоянна, что не позволяет предпринять ничего интересного. Привет от Шорлеммера. Я еще не заканчиваю письма, завтра, возможно, найдется что добавить.

11 августа. Запрещение вывоза ржи из России официально еще не проведено, но оно безусловно будет: надо подождать официального объявления.

В Восточной Пруссии были выборы двух депутатов в рейхстаг — огромный прирост наших голосов. Итак, сельские округа, наконец, открыты нашему влиянию, дело идет вперед. С помощью дороговизны нам до 1900 г. еще доведется кое-что пережить, если только мы доживем до тех пор.

Луиза Каутская сейчас в Вене, едет с венским мандатом в Брюссель и оттуда приедет в Лондон с Адлером, а, может быть, и с Бебелем, которому я писал в Швейцарию, но ответа еще не получил. Отчет Тусси Брюссельскому конгрессу от имени рабочих газовых предприятий и рабочих других предприятий очень хорош, я его тебе пришлю. Тусси едет в Брюссель с мандатом Дублинского конгресса рабочих газовых предприятий и чернорабочих и представляет, таким образом, 100 000 человек. У Эвелинга тоже три-четыре мандата. Повидимому, на этот раз *старые* трэд-юнионы будут слабо представлены — тем лучше!

Привет от меня и Шорлеммера твоей жене.

Твой старый

Ф. Э.

199.

Николаю Францевичу Даниельсону
в Петербург.

Лондон, 2 сентября 1891 г.

Милостивый государь!

Сегодня я возвращаю Вам еще шесть писем, т. е. все, что было писано Вам Марксом до 1878 г. Остальные письма вышлю в ближайшее время.

Ваше предсказание насчет голода оправдалось даже слишком скоро. И нам здесь, в Англии, тоже предстоят тяжелые испытания. Урожай в общем обещал быть прекрасным, но дней десять тому назад, как раз к началу жатвы в наших южных округах, наступила ужасная погода, произведшая страшное опустошение и среди сжатых и среди несжатых хлебов. Говорят, от 20 до 30 процентов урожая сильно повреждено, если не погибло совсем. В результате такого бедствия есть лишь одно преимущество: невозможна какая-либо война в ближайшие 20 месяцев; а при нынешнем состоянии всеобщих вооружений и взаимного недоверия — это настоящая благодать.

Вы позволите мне возвратиться при другом случае к Вашим крайне интересным сообщениям от 1 мая. А сегодня я нахожусь накануне отъезда, и главная цель этих строк заключается лишь в том, чтобы попросить Вас посылать впредь Ваши письма через г-жу Каутскую по такому адресу:

M-rs Kautsky, 122, Regent's Park Road, N. W. London.

Письма будут пересылаться мне нераспечатанными, а потому нет никакой необходимости в двойных конвертах. Дело в том, что мне придется теперь очень часто отлучаться из Лондона, и я боюсь, чтобы письма, адресованные обычным способом, не стали затериваться, так как мне пришлось бы положиться в этом случае на сообразительность и аккуратность прислуги.

Мое здоровье в общем превосходно, но оно требует от меня раз в год полной недели на восемь и основательной перемены воздуха. Морское путешествие всегда оказывается для меня самым лучшим лекарством. Если через месяц я буду чувствовать себя так хорошо, как я предполагаю, то немедленно засяду за III том, который *должен* быть доведен до конца. Но, пожалуй, лучше не делать никаких обещаний касательно срока.

Искренне ваш

Ф. В. Рошер.

200.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 2 сентября 1891 г.

Дорогой Зорге,

Я сообщил содержание твоего письма по поводу жены Шлютера Луизе Каутской, которая заслуживает безусловного доверия и знакома с обстоятельствами дела. Она считает, что это со стороны жены Шлютера просто холостой выстрел, и если Шлютер не позволит себя запугать, то она, в конце концов, вернется. Далее, она полагает, что не нужно было посторонних влияний, чтобы побудить жену Шлютера к такому решению. Она в Цюрихе не раз уже проделывала подобные вещи. Правда, Шлютер своими неоднократными изменами давал ей повод к возмущению, но она каждый раз снова все ему прощает и сажает этим в лужу тех, кто принимает всерьез ее гнев и громкие фразы. Луиза во всяком случае не стала бы выступать в защиту Шлютера и не попыталась бы даже его извинить: она и все мы великолепно знаем, какого мнения о нем нам следует придерживаться в подобных случаях. Его измены — дело обычное.

Но жена его постоянно угрожает разрывом, а в решительный момент все-таки снова падает в его объятия, и тут уж посторонним лицам совершенно нечего делать.

Сегодня Бернштейны возвращаются из Истберна. Саниаль и Мак-Вей здесь, зайдут ко мне завтра. Я провел четыре недели в Райде у Пумпс, вместе с Шорлеммером, который снова уехал в Манчестер. При каждой простуде он страдает сильной глухотой, но помочь этому невозможно, кроме этого он ни на что не жалуется. Я чувствую себя хорошо, но мне необходимо было бы еще уехать отсюда на некоторое время, чтобы окончательно притти в себя. Адлер из Вены и Бебель провели здесь три дня. Они в превосходном настроении и довольны конгрессом.

Я послал тебе кучу документов, также и «Weekly Dispatch» с интервью Либкнехта в Париже¹, составленном мамашей Крауфорд. Это интервью вызовет скандал. Либкнехт наговорил, конечно, невероятной ерунды. Судя по тому, что я о нем слышал, он очень похудел, плохо выглядит и со всеми, кажется, разругался; в Брюсселе держался совсем особняком от немцев и австрийцев. С другой стороны, лучшие из наших товарищей удивлены тем, что он почти по всем вопросам придерживался взглядов, совершенно противоположных взглядам партийной массы. Он отвратительно редактирует «Vorwärts», ничего не делает, позволяет Гейзеру писать в этом органе передовицы, защищает самые странные взгляды, — словом, готовится катастрофа, и это интервью может ее ускорить.

Старые препирательства с бруссистами и т. д. прекратились, бруссисты в Брюсселе вовсе не были представлены, а Гайндман тоже не посмел туда явиться, посланные им люди перессорились между собой и оскандалились; теперь он ищет поддержки у сошедшего с ума Нивенгейса, но песенка его спета.

Марксисты, и принципиально и тактически, одержали победу по всей линии; исподтишка еще будут продолжаться интриги, а в «Justice» появятся, вероятно, еще нападки на меня, Эвелинга и др., но открытой оппозиции против нас, как массы, больше не существует.

Самый подробный отчет о конгрессе помещен в «Volks-Tribüne».

Из нового издания «Происхождения семьи и т. д.» я прочел уже шесть листов корректуры. Кроме нового введения будут большие дополнения в главе третьей (семья), а затем и еще кое-какие.

¹ «Weekly Dispatch» от 30 августа 1891 г.

Брюссельский конгресс еще раз подтвердил гаагские решения¹, снова выкинув анархистов. Это должна была бы отметить пресса. С другой стороны, он широко раскрыл двери перед английскими трэд-юнионами, лучшие из них скоро этим воспользуются. Вот два важнейших решения. Поистине великолепно, что англичане оказались теперь самыми реакционными, и ради них приходится притупить острие вопроса! Но это можно себе позволить, потому что всего через каких-нибудь несколько месяцев, самое большее через один-два года, они к нам примкнут. Правда, ближайший конгресс трэд-юнионов попытается отменить ливерпульское решение² о законе о 8-часовом рабочем дне, но если это и удастся с помощью текстильщиков, которые горой стоят за 10-часовой рабочий день, то это еще больше раздует пламя. Дело идет вперед — тут ничего не поделаешь.

Сердечный привет твоей жене.

Твой Ф. Э.

201.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Геленсбёро, Шотландия, 14 сентября 1891 г.

Дорогой Зорге,

Мы с Пумпси Луизой Каутской предприняли небольшую поездку; вот уже восемь дней, как мы путешествуем то по горам, то по воде, и мне это очень полезно. Через неделю снова будем дома.

Шлютерам ничем не поможешь. Он не может отказаться от погони за каждой юбкой, а она, после того как доводит кризис как будто бы до крайней степени, не может отказаться от примирения и прощения. Если же она на этот раз все-таки останется в Германии, чему, однако, я не особенно верю, то это произойдет в результате уговоров находящихся там товарищей.

Господин Фердинанд Гиллес — литератор, негодяй, перешедший к нам от прогрессистов, которого мы в Германии не хотели принимать, — сошелся в Лондоне с Гайндманом и К⁰, у него есть группа

¹ На Гаагском конгрессе I Интернационала (2—7 сентября 1872 г.) были исключены из Интернационала Бакунин и Гильом и принято решение о несовместимости анархистских взглядов с пребыванием в Интернационале.

² В 1890 г. на конгрессе трэд-юнионов в Ливерпуле социалисты внесли предложение об установлении 8-часового рабочего дня законодательным порядком.

сторонников и в Немецком коммунистическом союзе. Из верного, но не подлежащего оглашению источника нам сообщили, что этот человек — полицейский шпион. Чем, в противном случае, объясняются его денежные средства (на основанную здесь Луизой Мишель школу он ежегодно дает шесть фунтов)? Во время Брюссельского конгресса этот субъект пытался распространять среди немцев сплетни об Эвелинге, которые втихомолку нашептывали Гайндман, мамаша Безант, ее возлюбленный Герберт Берроуз и пр. Эвелинг-де, когда женился на Тусси, якобы покинул в страшной нужде жену и троих детей, и его теще собирался будто бы проломить ему голову. (Но Эвелинг больше восьми лет тому назад разошелся со своей женой по обоюдному согласию, она взяла назад свое состояние, приносящее ежегодного дохода свыше 500 фунтов; детей у них никогда не было, а теще давно умер.) Так как это не имело успеха, он попытался пристроить эти сплетни у корреспондентов буржуазных газет, что ему, конечно, удалось. Вся печать подхватила эту историю. В Брюсселе Эвелинг ничего не мог предпринять, чтобы не дать этим повода бельгийской полиции помешать созыву конгресса. Но, вернувшись в Лондон, он изложил нам все это дело, и мы единодушно сошлись на том, что Гиллеса надо отколотить. После неудачной попытки осуществить это намерение в Немецком союзе Эвелинг в прошлый вторник, 8 сентября, с Луизой Каутской в качестве свидетельницы, чтобы тот не мог вывернуться при помощи уловки, будто на него напало двое мужчин, отправился к нему на дом и дал ему две здоровенных пощечины. Это, пожалуй, подействует сильнее. Имела ли эта история дальнейшие последствия, я не знаю, так как мы в тот же день уехали и никаких известий получить не могли.

Эвелинг тотчас же сообщил Либкнехту обстоятельства дела для опубликования в «Vorwärts»¹. Таким образом, об этом заговорят, вероятно, и в Америке.

Из американских делегатов я виделся здесь с Мак-Вейем и Абрамом Каганом — иудейским апостолом; оба мне очень понравились.

В конце концов конгресс — наша блестящая победа, бруссисты совершенно отсутствовали, а гайндмановцам пришлось спрятать свою оппозицию в карман. Самое лучшее то, что они выставили анархистов, точь-в-точь как на Гаагском конгрессе. На чем оборвалась деятельность старого Интернационала, новый, неизмеримо

¹ Письмо Эвелинга в редакцию опубликовано в «Vorwärts» № 212 от 11 сентября 1891 г.

больший по масштабам и провозгласивший себя марксистским, тем именно и начал.

Конгресс трэд-юнионов в Ньюкестле — тоже блестящая победа. *Старые* союзы, с текстильщиками во главе, и все реакционные элементы в рабочем классе приложили все силы к тому, чтобы признать недействительным решение 1890 г. о восьмичасовом рабочем дне. Они провалились и добились лишь совершенно ничтожной временной уступочки. Это имеет решающее значение. Путаницы еще немало, но дело неудержимо двинулось вперед, и буржуазные газеты с ужасом, воем и скрежетом зубовным полностью признают поражение *буржуазной рабочей партии*. В особенности шотландские либералы, самые интеллигентные и самые классические буржуа в стране, единодушно вопят о большой беде и о том, что рабочие безнадежно испорчены.

Сердечный привет тебе и твоей жене.

Твой Ф. Э.

202.

Карлу Каутскому

в Штуттгарт.

Лондон, 28 сентября 1891 г.

Дорогой Каутский,

Я как раз собирался написать тебе сегодня по поводу программы, как вдруг пришло твое письмо.

Твой проект программы¹ *значительно лучше* официального, и я с удовольствием узнал, что Бебель собирается предложить его на утверждение. Я поддерживаю его в этом. Один недостаток твоего первого проекта, заключавшийся в том, что он был слишком длинен, ты устранил и по краткости превзошел официальный проект. Замену, однако, следующее:

1-й раздел, стр. 785—86, «*Neue Zeit*», абзац 2-й, строка 3-я: рост *продукта* прибавочного труда, а не дохода. Маркс указал, насколько двусмысленно слово «*доход*» (*Ertrag*). Оно может означать как самый продукт, так и его стоимость или даже *вырученную* случайную цену.

Далее: «Полная частная собственность на средства производства» (*Privateigentum an den Produktionsmitteln durchweg*) — ведь имеется ли в виду совокупность всех общественных средств про-

¹ «Der Entwurf des neuen Parteiprogramms» («Проект новой партийной программы») опубликован в «*Neue Zeit*» №№ 49, 50, 51, 52, ч. II, 1891 г.

изводства или же средства производства какого-либо определенного работающего лица, крестьянина или ремесленника, — в том и другом случае речь идет о совершенно определенных средствах производства¹.

Артикль *den*, следовательно, необходим. Пропуск артикля (*den*) вносит смысловую неясность, так, по крайней мере, я это понимаю.

2-й раздел: «*Neue Zeit*», стр. 788, абзац 1-й несколько слабо отредактирован: «страдающие при современных условиях» — это слишком бесцветно. Следовало бы сказать, что вследствие классового противоречия господствующие классы тоже уродуются и интеллектуально и морально, и притом в большей степени, чем угнетенный класс. Внеси это в текст, если ты со мной согласен. Бесцветна также и заключительная фраза, гласящая, что пролетариат — единственный класс, *интересы которого и т. д. ... побуждают*. Я сказал бы примерно так: освобождение которого невозможно без обобществления средств производства, или что-нибудь в этом роде.

Абзац 2-й: ... Не обладая политическими правами, он не может вести свою экономическую борьбу и *организоваться как борющийся класс*. (Для своей экономической борьбы и для своей организации, как борющегося класса, ему необходимы возрастающая вместе с его успехами политическая свобода и равноправие.) Остальное, как в тексте.

Ограничусь этими краткими указаниями, на большее у меня, к сожалению, нет времени, я завален всевозможной работой.

Статью Эде² я даже не успел еще прочесть.

В своей первой статье ты тоже немножко увлекаешься «утопией». Где та страна, где и когда произошло то, о чем ты пишешь на стр. 726 и вплоть до стр. 730? («одновременно с этим переворотом произошел другой»). По-моему, здесь, ради удобства, сильно перетасованы эпохи, страны, и различные направления. Но это ничего, широкая масса твоих читателей этого не заметит, и каждый может выбрать для себя ту шапку, которая ему по голове.

Спасибо за газеты. Хорошо, что партия достаточно сильна, чтобы без вреда для себя пропускать речи Либкнехта; важнее то, что в газете ведь тоже скоро произойдут изменения. Должен сказать, что меня изумляет до чего старик отстал. Но мы теперь — сила и поэтому можем тащить за собой это наследство и доставить

¹ По-немецки *Produktionsmittel* (без артикля) означает средства производства вообще, любые средства производства, а с артиклем «*die Produktionsmittel*» — определенные.

² См. примечание к письму Энгельса А. Бебелю от 29 сентября 1891 г.

Либкнехту удовольствие тешиться тем, что он уладил все на свете, найдя какую-нибудь фразу, которая в каждом данном случае успокаивает его.

Господин Ю. Вольф тоже прислал мне свою стряпню¹. Я не читая положил ее в шкаф и решил не трогать до предисловия к III тому. Но вот пришло пересланное тобою письмо из Ней-Мюнстера. Оно гласит буквально следующее:

«Цюрих, 20 сентября 1891 г. Милостивый государь, в последнем выпуске «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik» Конрада брюннский еврей Вольф, профессор здешнего политехникума, имеет наглость обвинять Вас в том, что Вы извратили марксову теорию стоимости и хотите поэтому утаить III том. Дадите ли вы ему пощечину? Ваш почитатель».

Ну, до пощечины дело не дойдет, но посмотреть эту дрянь все-таки придется.

Что решение Конрада Шмидта не марксово решение, я написал ему тут же, но в книге его² вообще столько превосходного, что я считаю ее самым значительным достижением экономической мысли после смерти Маркса. Однако теперь, как только я покончу с текущими делами, я непременно примусь за III том, а все остальное отброшу в сторону.

Конрад Шмидт был в Берлине; во время каникул вполне удовлетворительно редактировал «Vorwärts», а теперь займет, вероятно, место приват-доцента, которое, наперекор профессорам, выхлопотал ему Штессель.

Ты правильно поступаешь, что едешь на съезд. На «Neue Zeit» будет много нареканий, без этого не обойдется. Тебе следует все выслушать, как можно меньше отвечать и затем идти своим путем. Пока во главе стоит Бебель, все снова войдет в колею.

Гиллесаду мы здесь используем как следует. Гайндман и К^о, видевшие жалкий провал всей своей широко задуманной международной интриги с POSSИБИЛИСТАМИ, конечно, рвут и мечут и являются вдохновителями всей этой истории. Что они отождествляют себя с Гиллесом, нам, конечно, на-руку; к сожалению, они уже идут на попятный. Ты ведь знаешь, что храбрость отнюдь не силь-

¹ Работа Юлиуса Вольфа «Das Rätsel der Durchschnittsprofitrate bei Marx» («Загадка средней нормы прибыли у Маркса») опубликована в «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», 1891 г.

² К. Шмидт. «Die Durchschnittsprofitrate auf Grundlage des Marx'schen Wertgesetzes» («Средняя норма прибыли на основе закона ценности Маркса»), издание Дитца, Штуттгарт, 1889 г.

ная сторона некоторых из этих господ, а получать пощечины совсем не сладко.

Привет от Луизы.

Твой Ф. Э.

203.

Августу Бебелю

в Берлин.

Лондон, 29 сентября 1891 г.

Дорогой Август,

Твоя статья о русских в «Vorwärts»¹ нам всем очень понравилась, она окажет благотворное влияние. Наши мнения сходятся в вопросе об угрожающей военной опасности именно со стороны России, а в случае ее осуществления как раз мы, в наших собственных интересах, должны будем всеми силами добиваться разгрома России. Разногласие лишь в том, что, по-твоему, русские хотят войны, а я думаю, что они только угрожают, без определенного намерения начать нападение, но в то же время сознают, что дело может все-таки дойти и до драки.

Методы и обычаи русской дипломатии, как в современной истории, так и в истории прошлого, я изучал годами и знаю, что для нее война всегда означает дипломатическое поражение, так что война для нее почти всегда нежелательна. Во-первых, успешное дипломатическое запугивание дешевле и безопаснее, а, во-вторых, каждая новая война только доказывает степень слабости русской армии для завоевательных целей. Военщина в России так невероятно кичится своей боевой готовностью, что если даже сбавить 30%, то дипломатия все еще будет чересчур высоко оценивать боеспособность армии. Из всех факторов, которые она должна принять в расчет, линейные войска меньше всего поддаются учету. Русская дипломатия охотно вступает в войну только в том случае, если за нее приходится сражаться другим (1813—1814 гг.).

Если у власти станет Гладстон, то русская дипломатия окажется в наиболее благоприятном положении, на какое только может рассчитывать в течение ближайших десятилетий. Франция в качестве активной союзницы, Англия, сохраняющая благожелательный нейтралитет, — это уже очень много. Я не сомневаюсь, что при таких условиях русские туго натянут свой лук. Но если они действительно спустят стрелу, то это случится против их воли.

¹ Статья А. Бебеля «Die russische Anleihe» («Русский заем») опубликована в «Vorwärts» № 226 от 27 сентября 1891 г.

Не подлежит никакому сомнению, что заключенный заем — в то же время и военный заем. Но это показывает только, что эти господа готовятся ко *всяким* случайностям. Все остальные признаки, на которые ты указываешь, — запрещение вывоза ржи, учебные десанты в Черном море и т. д., — по-моему, лишь подтверждают это. Они рассчитывают на то, что в решительную минуту Европа, и в частности тройственный союз, побоится войны больше, чем это входит в расчеты России; тогда Россия сорвет куш на Востоке, а французские шовинисты останутся в дураках.

По твоему мнению, внутренние затруднения *заставят* Россию выступить. Я этого не думаю — по крайней мере, в том смысле, в каком это, вероятно, понимаешь ты. В России страдают три класса: дворяне-землевладельцы, крестьянство и возникающий пролетариат. Последний еще слишком слаб для революции, а дворянство уже бессильно для нее; крестьяне же не пойдут дальше бесплодных местных восстаний, пока победоносное восстание городских центров не даст им недостающей спайки и опоры. Зато молодая буржуазия процветает, как нигде; она постепенно подходит к тому моменту, когда неизбежен будет ее конфликт с бюрократией, но до этого может пройти еще много времени. Русская буржуазия образовалась из откупщиков водочных заводов и военных подрядчиков-казнокрадов. Всем своим существованием она обязана государству: покровительственные пошлины, субсидии, казнокрадство, тягчайшая эксплуатация рабочих с разрешения и под защитой государства. Нелегко будет дождаться, пока эта буржуазия, по гнусности далеко превосходящая нашу, посягнет на господствующую власть.

Если внимание к интересам *этой* буржуазии благоприятствует войне, то только потому, что она перевела панславизм на язык материализма или, вернее, открыла его материальную основу — расширение внутреннего рынка при помощи аннексий. Отсюда славянофильский фанатизм, отсюда дикое германофобство — ведь еще 20 лет тому назад торговля и промышленность России были почти исключительно в руках немцев, — отсюда травля евреев. Эта подлая и невежественная, не видящая дальше своего носа буржуазия, несомненно, хочет войны и подстрекает к ней в печати. Но из страха перед революцией внутри царь *теперь* не станет начинать войну. Это нужно было бы в 70-х годах, когда разоряющееся дворянство в земствах осознало свое одинаковое повсюду положение и начало выражать недовольство. Теперь это дворянство уже слишком опустилось, распродало свои имения буржуазии, стало уже совершенно бессильным перед ее денежной мощью, а последняя составляет но-

вый оплот царизма как раз в столицах, откуда только и могла бы угрожать опасность. Дворцовый переворот или удачное покушение могли бы теперь привести к власти только буржуазию независимо от того, кто начнет. Во всяком случае, буржуазия способна была бы ринуться в войну скорее даже, чем царь.

Впрочем, это второстепенное обстоятельство. Опасность войны мы видим оба, и, несмотря на голод в России, который ты, безусловно, недооцениваешь, у власть имущих могут выпасть вожжи из рук, и на этот случай мы тоже должны быть готовы. Я посмотрю, нельзя ли сделать что-нибудь во Франции; нужно обратить внимание французов на некоторые вещи, но это должны сделать *сами французы*. Люди должны понять, что война против Германии в союзе с Россией является вместе с тем войной против самой сильной и боеспособной социалистической партии в Европе и что нам не остается ничего другого, как всеми силами обрушиться на каждого нападающего, который будет помогать России. Тогда либо мы будем побеждены, и социалистическое движение в Европе замрет на 20 лет, либо мы сами придем к власти, и тогда слова Марсельезы будут относиться к французам: «*Quoi, ces cohortes étrangères feraient la loi dans nos foyers?*»¹. Современный режим в Германии ни в коем случае не выдержит войны, так как оборона потребует слишком огромного напряжения сил и революционных средств.

Ты прав, если дело дойдет до войны, то мы вынуждены будем требовать всеобщего вооружения народа, но на основе уже существующей или подготовленной на случай войны организации. Итак, *набор еще необученных людей* в запасные войска и ландштурм, и прежде всего немедленное *обучение* самому необходимому наряду с вооружением и набором постоянных кадров.

Обращение к французам надо будет составить в несколько иной форме. Русские дипломаты не так уж глупы, чтобы перед лицом всей Европы провоцировать войну. Напротив, они будут действовать так, чтобы провоцирующей стороной оказалась либо Франция, либо тройственный союз. Подобные поводы к объявлению войны у русских всегда имеются в портфеле целыми дюжинами; а ответ в данном конкретном случае будет зависеть от выдвинутого предлога к войне. Мы, во всяком случае, должны заявить, что с 1871 г. всегда были готовы к мирному соглашению с Францией; что когда наша партия придет к власти, она не будет в состоянии пользоваться

¹ Строфа из Марсельезы: «Как, эти чужеземные полчища нам предписать закон посмеют?»

этой властью, не предоставив Эльзас-Лотарингии права свободно распоряжаться своим будущим; но если нам будет навязана война, и к тому же еще в союзе с *Россией*, то мы будем усматривать в этом угрозу нашему существованию и должны будем защищаться всеми средствами, используя все имеющиеся в нашем распоряжении позиции, а следовательно и Мец и Страсбург.

Что касается самого ведения войны, то решающее значение прежде всего приобретают два обстоятельства: Россия слаба в наступлении, но сильна численностью в обороне; нанести ей решительный удар невозможно. Франция сильна в наступлении, но после двух-трех поражений она теряет способность наступать, перестает быть опасной. Так как австрийские военачальники и итальянские солдаты, по-моему, немногого стóят, то нашей армии придется и нанести и принять главный удар. Задержать русских и в то же время разгромить французов — вот с чего должна была бы начаться война. Обезвредив наступление французов, можно будет перейти к захвату Польши до Двины и Днепра, — раньше это едва ли будет возможно. Это должно быть осуществлено путем применения *революционных* средств и, в случае надобности, с отдачей восстановленной Польше части Прусской Польши и всей Галиции. Если это пройдет благополучно, то во Франции, вероятно, последует перелом. Одновременно мы должны будем настаивать, чтобы французам в качестве залога мира предложены были по меньшей мере Мец и Лотарингия.

Но едва ли все обойдется так гладко. Французы так просто не позволят себя разгромить, их армия *превосходна* и вооружена лучше нашей, а наши достижения в области военного командования тоже не таковы, чтобы можно было рассчитывать на значительные результаты. Французы научились проводить мобилизацию, что и доказали этим летом; они доказали также, что и офицеров у них достаточно для *первой действующей армии*, которая сильнее нашей. Лишь с появлением на сцену второочередных войск скажется наше превосходство в командном составе. К тому же прямой путь между Берлином и Парижем с обеих сторон хорошо защищен крепостями. Словом, в самом благоприятном случае это выльется вернее всего в борьбу с переменным успехом, причем с обеих сторон будут привлекаться все новые подкрепления вплоть до истощения одной стороны или до активного вмешательства Англии, которая при создавшихся условиях сможет просто, отрезав подвоз хлеба, *обречь на голод* и принудить к миру ту сторону, против которой она выступит, — Германию или Францию. А что тем временем произойдет на русской

границе, будет зависеть главным образом от военных операций австрийцев и, следовательно, не поддается учету.

Одно только мне представляется несомненным: если мы будем разбиты, то шовинизм и идея войны-реванша на долгие годы получат в Европе полный простор. Если же победим мы, то наша партия придет к власти. Победа Германии будет, следовательно, победой революции, и мы должны в случае войны не только желать этой победы, но и добиваться ее всеми средствами.

Статья Эде¹ должна была послужить ответом *Фольмару* и для этого случая была бы вполне уместна. Но Эде провозился так долго, что его статья явилась ответом на кронштадтское братание², а для этой цели она, разумеется, совершенно не годится; следовало выдвинуть совершенно иную точку зрения. Тут непременно надо было сказать, что если Франция по отношению к Германии *формально* представляет собою революцию, то Германия стоит благодаря своей рабочей партии *материально* во главе революции, и что это должно ясно обнаружиться во время войны, когда мы, и вместе с нами революция, либо будем задушены, либо придем к власти.

Кстати, я слышал, что на съезде партии ты собираешься защищать программу партии с обоснованием принципиальных вопросов, данных К. Каутским. Я тоже считаю ее в теперешней формулировке («*Neue Zeit*» № 51) более удовлетворительной, чем ваш проект. Только в абзаце, напечатанном на стр. 788, я посоветовал ему изменить некоторые места. Над этим он, очевидно, много думал и не без успеха. Статью Эде о частичных требованиях я еще не успел прочесть. О Лейбфрид—Куно напишу в ближайшие дни.

Привет от Луизы и твоего

Ф. Э.

204.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 30 сентября 1891 г.

Дорогой Зорге,

Мы с Пумпе и Луизой Каутской провели две недели в Шотландии и Ирландии; после этого я подготавливал корректуру нового

¹ Повидимому, речь идет о статье Э. Бернштейна «*Briefe aus England*» («Письма из Англии») за подписью Э. Б., опубликованной в «*Neue Zeit*», 1891 г., ч. II, стр. 759—763.

² Любезный прием, оказанный русским правительством французскому флоту в Кронштадте 11 июля 1891 г.

издания «Происхождения семьи»; теперь отвечаю на некоторые залежавшиеся письма и работаю над III томом.

Между прочим, прилагаю деловую записку для мамыши Вишневецкой; надеюсь, что ты передашь ее по назначению. Кроме деловых отношений я, конечно, не желаю иметь с ней ничего общего.

Судя по твоему письму от 15-го я понял, что тебя, к сожалению, мучает подагра. Во всяком случае, очень хорошо, что ты употребляешь меньше азотистой пищи и больше двигаешься.

Брюссельский конгресс прошел все же удачнее, чем ты думаешь; из немцев только Либкнехт вел себя очень неловко, но его самым грубым поповско-иезуитским образом провоцировал Нивенгейс. Луиза, представлявшая венских работниц, говорит, что гнусные нападки и инсинуации Нивенгейса были просто отвратительны.

Конгресс трэд-юнионов тоже был для нас успехом. «Старики» изо всех сил старались добиться отмены ливерпульского решения о восьмичасовом рабочем дне, и то, что им удалось достигнуть лишь маленькой уступочки, является уже поражением для них и их буржуазных союзников. Ты бы почитал либеральные газеты, в особенности шотландские: как они горевали о заблуждениях английских рабочих, вставших в социализм.

На «People» смотреть противно. Такой нелепой лоскутной газеты я давно уже не встречал. Кто переводил мое «Развитие»? Ионас?

Перевод в «Socialiste» я приготовлю и сообщу об этом.

В Лилле выставили кандидатуру Лафарга; это дает ему право выйти из тюрьмы на время пятинедельного предвыборного периода и заняться агитацией. Его едва ли выберут, но при всеобщих выборах его избрание в Северном департаменте обеспечено.

Гиллес, при помощи Гайндмана, все еще пытается обливать Эвелинга грязью, но это, пожалуй, даже хорошо: во-первых, потому, что Гиллес такой невероятный негодяй, а во-вторых, потому, что нам еще лучше удастся вывести Гайндмана на чистую воду.

Со следующей почтой снова напишу о всякой всячине.

Сердечный привет твоей жене и тебе самому.

Твой Ф. Э.

205.

Августу Бебелю

в Берлин.

Лондон, 1 октября 1891 г.

Я собирался сегодня отправить написанное выше ¹, как вдруг пришло твое письмо от 29-го. Мое письмо ², опубликованное в «Socialiste», ты, надеюсь, прочел в оригинале, перевод в «Vorwärts» отвратительный и местами совершенно бессмысленный. Где, черт возьми, Либкнехт берет таких ужасных переводчиков? Ведь ясно, как день, что близится час, когда мы в Германии — *при условии сохранения мира* — будем в большинстве или во всяком случае единственной партией, достаточно сильной, чтобы стать у власти. И именно поэтому мне не хотелось бы, чтобы этот непрерывный процесс развития был прерван кризисом, который может, правда, сократить его на 2—3 года, но точно так же и удлинить на 10—20 лет.

Что касается моих замечаний по поводу того, что вы придаете слишком большое значение суждению противников, то ты сам виноват в этом; в своем письме ты говоришь по поводу заметки Эде ³: «И противники действительно уже нападают на эту работу ⁴ как на тенденциозно враждебную Лассалю». Когда по каждому поводу неизменно слышишь от вас этот аргумент о противнике, приходится волей-неволей сказать, что на противников нам наплевать. Вообще мы с Марксом еще в 1848 г. спрашивали себя: какую же мы сделали глупость, что противники нас *хвалят*? Как видишь, совсем, как ты.

Гейзера вы ни в коем случае не должны допускать в «Vorwärts». Ведь в С. Галлене ему торжественно был вынесен вотум недоверия, *ему-то* во всяком случае в редакции не место. Блос тоже боится всего на свете и вдобавок скучен. Что касается шестой передовицы Либкнехта, то это вам забот не причинит. Держу пари, что через три недели у него испарится писательский пыл по части передовиц, и

¹ Повидимому, это письмо было отправлено Энгельсом вместе с предыдущим от 29 сентября 1891 г.

² Письмо Энгельса к Лафаргу опубликовано в «Le Socialiste» № 51 от 12 сентября 1891 г. См. Соч. Маркса и Энгельса, т. XVI, ч. II, стр. 144—146.

³ Речь идет, повидимому, о статье Бернштейна «Selbst-Anzeige» («Самообвинение»), опубликованной в «Neue Zeit» № 44 за 1890—1891 гг., ч. II, стр. 556—560.

⁴ Речь идет о предисловии Э. Бернштейна к сочинениям Ф. Лассалья «Ferd. Lassalle's Reden und Schriften» («Речи и произведения Ферд. Лассалья»), изданным «Vorwärts» в 1892 г. в Берлине.

он снова скажет, как в 1866 г. в Лейпциге: надо не понимать эпохи, чтобы вообразить, что теперь время писать передовицы.

«Das Wiener Arbeiterinnenblatt» вызовет, вероятно, немалое возмущение среди ваших сотрудниц женских газет. Все они еще сильно заражены предрассудками и хотят какого-то особого женского движения, а не удовлетворяются просто женской стороной рабочего движения. Но именно эту точку зрения венская газета защищает с огромной энергией, и если наши женщины действительно встали, как ты говоришь, на правильный путь, то борьба за какие-то особые женские права — чисто буржуазная игра — будет скоро отеснена на задний план. И если тогда нынешние руководительницы будут устранены самими же женщинами, то это не беда, за венской газетой останется та слава, что она первая из всех женских газет восприняла эту точку зрения и защищала ее.

Тем, что вы отказались поместить разъяснения Эвелинга о Гиллесе, вы лишний раз доказали, что в каждом немце сидит бюрократ, который тотчас выпирает наружу, как только займет какое-нибудь официальное местечко. Эвелинг считает, что его честь будет затронута, если утверждение Гиллеса, будто последний оскорбил также его, Эвелинга, действием, без возражений обойдет немецкую печать. Он просил Луизу засвидетельствовать фактическое положение вещей, и оба они подписались под заявлением. Во всякой другой стране сказали бы: это такое дело, в котором заинтересованные стороны сами должны знать, как им поступить; я, редактор, могу не одобрять их поведение, но должен признать за ними право защищать свои интересы по своему усмотрению. У вас же, наоборот, редакция берет на себя роль цензора, считает себя раз навсегда самым компетентным судьей и запрещает им вести свое собственное дело. Редакция вправе полагать, что она с Гиллесом покончила и что она имеет основания больше о нем, со своей стороны, не упоминать, но если Эвелинг и Луиза выступают от своего собственного имени, то она не имеет права придерживаться *этой* точки зрения и тем самым лишать слова своего *друга*. Кстати сказать, я отнюдь не разделяю прочих ваших сомнений, я даже сам составил заявление Луизы.

Гиллес снова опубликовал прилагаемую записку. Ответ Эвелинга ты получишь через несколько дней. История с Бредлоу была колоссальной глупостью со стороны Эвелинга, но по существу он не виноват. В то время Эвелинг в денежных делах и политических переговорах был абсолютно наивным, зеленым, невероятно глупым молодым поэтом. Бредлоу это знал и эксплуатировал его самым гнусным образом; они основали естественно-научную школу с лабо-

раторией, причем Бредлоу взял на себя коммерческую сторону дела, а на Эвелинга взвалили не только всю работу, но, в конце концов, и всю финансовую ответственность. Когда Эвелинг стал социалистом и женился на Тусси, Бредлоу клеветнически обвинил его в сомнительных денежных операциях; Эвелинг оказался в чрезвычайно трудном положении, совершенно не будучи виновным, единственно из-за своей невероятной глупости. А когда Бредлоу опубликовал свой циркуляр, Эвелинг имел глупость не ответить и даже постепенно выплатил 200 фунтов этому Бредлоу, обокравшему Эвелинга! Это старая история, и Бредлоу уже нет в живых, а так как Бредлоу поостерегся выдвинуть определенные обвинения, то Эвелингу не остается теперь ничего другого, как рассказать при случае в печати, как действительно было дело. Это и произойдет, как только господин Гайндман, который первый вытащил на свет всю эту ерунду, примет вызов Эвелинга публично выступить против него. История с чикагской телеграммой тоже с начала до конца вымышлена и тоже исходит от Гайндмана. Наша цель схватить *его* за шиворот, потому что Гиллес только его рупор.

Сердечный привет от Луизы и меня твоей жене и тебе.

Твой Ф. Э.

206.

Августу Бебелю

в Берлине.

Лондон, 6 октября 1891 г.

Дорогой Август,

Прилагаю все необходимое об инциденте Куно—Лейбффрид.

По-моему, вам не следует больше бомбардировать бедного Эде письмами по поводу Лассалья; он страшно волнуется из-за них и совсем запутался в том, чего, с одной стороны, требуете *вы*, а с другой, что считает своим долгом *он*; это может только повредить делу, и он, в конце концов, начнет говорить противоположное тому, что думал. В том, что примечание ¹ *осталось в книге*, *вы так же виноваты, как и Эде*, и осудить всю его прекрасную работу из-за одного этого паршивого примечания все же несправедливо. Я сказал ему, чтобы он не позволял сбивать себя с толку и не снимал бархатной перчатки со своего железного кулака; в конце концов, вы же будете ему благодарны за то, что он так раскритиковал Лассалья. Ведь для меня совершенно ясно, что если вы *теперь* снова про-

¹ Косвенный намек на заболевание Лассалья сифилисом.

чете работы Лассалья, то сами удивитесь тому, что там найдете, а также и своей вере в этого лже-героя, которую вы в период закона против социалистов из вежливости сами себе навязали, общаясь с лассальянцами. Я убежден, что вы и вообще целый ряд лиц, которые еще держатся за лассалевскую традицию, даже не знаете, что этот человек говорил и писал (и притом большей частью говорил и писал то, чего сам не знал); и поэтому новое издание Лассалья будет очень полезным и для вас, если вы будете читать самого пророка так же прилежно, как и его критика.

Лафарг еще не вышел из тюрьмы, и если правительство *не* выпустит его во время избирательной кампании, он, вероятно, будет избран в Лилле. Перспективы вполне удовлетворительны: Делорп был бы избран уже на последних выборах, если бы разбитый теперь в пух и прах буланжизм не перехватил большого количества рабочих голосов.

В Париже не исключена возможность министерского кризиса. У Рувье репутация хуже, чем это допустимо; Констан после провала Буланже уже не нужен; Карно его ненавидит, потому что тот хочет стать его преемником. Фрейсине и К^о тоже хотят избавиться от Рувье и Констана, и в результате, когда 15-го соберется палата, легко может произойти разрыв.

С удовольствием узнал, что Дитц выплатил вам мой гонорар.

Луиза просит передать тебе, что фотографии получены, мы все сердечно благодарим тебя за них. Луиза оставила себе одну из двух одинаковых, а я — снимок в профиль.

Сердечный привет твоей жене и тебе от Луизы и твоего

Ф. Э.

207.

Августу Бебелю

в Берлин.

Лондон, 13 октября 1891 г.

Дорогой Август,

Сегодня я успею ответить тебе только о русских, это действительно единственно важный вопрос, с остальным хламом покончено.

Что касается возможности войны этой весной, то в России имеют значение три течения. Во-первых — дипломатия. О ней я попрежнему утверждаю, что она ищет успехов, стараясь обойтись без военных издержек и военного риска; но именно поэтому *она все подго-*

товляет к войне, чтобы использовать до последней крайности исключительно благоприятную оборонительную позицию России. И это происходит каждый раз; это дает возможность предъявлять гнусные требования, настаивать на них до последней минуты и потом, не доводя дела до потасовки, извлекать максимальную выгоду из того, что противник, рискуя многим, боится войны. Во-вторых, наряду с дипломатией существует армия, которая в России, несмотря на частые поражения в боях, чрезвычайно уверена в своих силах и крайне хвастлива — хвастливее, чем где бы то ни было. Эта армия рвется в бой. И, в-третьих, молодая буржуазия 90-х годов смотрит на расширение рынка как на свое прямое назначение, как на основную задачу России, призванной освободить славян и греков и господствовать над восточным континентом. Со всеми этими тремя факторами приходится считаться; до сих пор при Александре III дипломатия всегда побеждала. А теперь вдобавок еще и голод, свирепствующий на востоке и юго-востоке. Все, что лежит к востоку от линии, соединяющей Одессу с Нижним-Новгородом и Вяткой, поражено острым голодом; к западу от этой линии урожай постепенно улучшается; на крайнем западе урожай пшеницы местами был сносен; урожай ржи повсюду плох. Картофель в России не является основным продуктом народного питания. Необычайно острый голод в Поволжье показывает, до чего все еще жалки в России пути сообщения. Поэтому для меня ясно, что ты напрасно рисковал бы, поверив заявлениям нашей военной клики, постоянно вымогающей деньги, которая определенно рассчитывает на войну этой весной. Подобно тому как русской дипломатии свойственно тем усерднее готовить войну, чем меньше она рассчитывает ее вести, точно так же обязательно для представителей генерального штаба уговаривать вас в рейхстаге, что война наверняка разразится в апреле 1892 г. Очень хорошо, что ты так тщательно следишь за всеми этими сообщениями, и я буду тебе очень благодарен за проверенные сведения по этому вопросу, но у этих людей имеются к тому же и побочные цели.

Этот вопрос не так академичен, как кажется; он приобретет большое значение, как только в рейхстаге будут оглашены испрашиваемые правительством кредиты. Если мы убеждены, что весной заварится каша, то мы в *принципе* едва ли сможем быть против кредитов. А это поставило бы нас в довольно роковое положение. Все лизоблюдствующие партии в восторге завопили бы тогда, что они были правы и что мы вынуждены теперь сами попрасть нашу двадцатилетнюю политику. А такой неподготовленный поворот

вызвал бы колоссальные трения также внутри партии, да и в ее международных отношениях.

Но ведь, с другой стороны, весной война все-таки *может* начаться. Какова будет тогда наша позиция в вопросе о кредитах?

На мой взгляд, тут возможна только одна позиция. Во-первых, для перевооружения времени уже нет. Если мир будет сохранен до тех пор, пока мы введем новые пушки и новые винтовки еще более мелкого калибра, тогда мир, вероятно, и вообще не будет нарушен. Значит, это пустой предлог. Во-вторых, то же в еще большей мере следует сказать о новых кадрах постоянной армии; я имею в виду требование формирования новых *полков*. Те две-три новых единицы, которые можно создать сейчас при нынешних гигантских армиях, в счет не идут, если же они предназначаются в качестве *учебных* кадров, чтобы можно было набирать и обучить большее количество людей, то с этой задачей они справились бы только в течение долгих лет мира и, следовательно, для войны этой весной они излишни. В-третьих, что касается всех требований, имеющих целью приблизить современную армию ко всеобщему вооружению народа, исключительно усилить *оборону*, обучить и вооружить непринятые до сих пор в армию контингенты *всех* возрастов от 17 до 60 лет, сформировать из них постоянные кадры, *не увеличивая при этом придилок при проверке*, для этого мы можем втиривать кредиты. В минуты военной опасности мы не можем требовать перемены в существующей организации вооруженных сил, но если всю массу годных к военной службе, но необученных людей хотят теперь обучить как можно лучше и включить в кадры для настоящей борьбы, а не для парадов и муштры, то это приближение к нашей народной милиции, на которое мы можем только согласиться.

Если военная опасность усилится, мы можем сказать правительству, что готовы поддержать его против внешнего врага, — если нам дадут эту возможность подобающим обращением с нами, — при том условии, что правительство будет вести беспощадную войну всеми, в том числе и революционными, средствами. В случае нападения на Германию с востока и запада любое средство защиты будет оправдано. Дело идет о существовании нации, а для нас также о сохранении той позиции и тех видов на будущее, которые мы себе завоевали. Чем революционнее будет вестись война, тем более она будет вестись в нашем духе. И может статься, что в противовес трусости буржуа и юнкеров, которые захотят спасти свою собственность, *мы* окажемся единственной действительно энергичной военной партией. Может, конечно, случиться и то, что нам придется взять

власть и разыграть 1793 год¹, чтобы вышвырнуть русских и их союзников.

Кончаю, чтобы успеть отправить это письмо заказным (после пяти часов прием заказных писем прекращается). Что первая армия будет втихомолку значительно усилена, в этом я, на основании прежнего опыта, был вполне уверен, но нам хотелось бы, чтобы это подтвердилось из официального источника. Что касается австрийцев, то их солдаты *превосходны*, унтер-офицеры храбры, но с очень неровной боевой подготовкой, а на начальников абсолютно нельзя полагаться. Там командование армией может получить человек в награду за своднические услуги Францу-Иосифу.

Я напишу что-нибудь для французов по вопросу о войне, но чертовски трудно не принести при этом больше вреда, чем пользы: уж очень они чувствительны.

Констан чисто прусскими придирками, сам не замечая того, продвигает кандидатуру Лафарга. Во Франции это не удастся.

Как, однако, можно будет проводить подобную военную политику с Либкнехтом в качестве руководителя иностранной политики? Его иностранная политика — Парнелл, праздник в честь Гарибальди в Ницце и т. д. — ниже всякой критики. При его преклонении перед «Республикой» как таковой может произойти большой скандал.

По-моему, вопрос о войне, — раз ты так уверен, что она начнется весной, — надо будет обсудить на съезде партии² хотя бы предварительно в узком кругу.

Привет от Луизы и твоего

Ф. Э.

208.

Карлу Каутскому
в Штуттгарт.

Лондон, 14 октября 1891 г.

Дорогой Каутский,

В тексте твоего проекта, напечатанного в «Vorwärts», я нахожу, к великому моему удивлению, неожиданно выплывшую «одну реакционную массу». Пишу тебе об этом сейчас же, хотя боюсь, что уже поздно. Эта агитационная фраза как резкий диссонанс нарушает

¹ Энгельс имеет в виду борьбу якобинцев с контрреволюционной интервенцией и контрреволюцией.

² Речь идет об Эрфуртском съезде германской социалдемократии (14—20 октября 1891 г.).

весь аккорд кратко и четко формулированных научных положений. Ведь это агитационная фраза, да еще крайне односторонняя, и поэтому в той категорической абсолютной форме, в какой она только и производит впечатление, совершенно неверна.

Она неверна, так как превращает правильную самое по себе историческую тенденцию в совершившийся факт. В тот момент, когда произойдет социалистический переворот, все остальные партии станут по отношению к нам реакционной массой. Возможно, что они уже и теперь таковы, что они утратили всякую способность к какому бы то ни было прогрессивному действию, хотя это и не обязательно. Но в настоящий момент мы не можем этого сказать с той уверенностью, с какой мы высказываем другие положения программы. Даже в Германии условия могут сложиться так, что левые партии, несмотря на все свое убожество, вынуждены будут выбросить вон часть того антибуржуазного, бюрократического и феодального хлама, который еще существует там в таком огромном количестве. А при этом условии они уже не были бы реакционной массой.

До тех пор, пока мы не достаточно сильны, чтобы взять власть в свои руки и осуществить наши принципы, не может быть, строго говоря, и речи об одной реакционной массе по отношению к нам. Иначе вся нация делилась бы на реакционное большинство и бессильное меньшинство.

Неужели люди, уничтожившие в Германии систему мелких государств, предоставившие буржуазии свободу действия для развития промышленного переворота и установившие единые условия обращения как для вещей, так и для человеческого труда, что в свою очередь вынудило их предоставить большую свободу движения и нам, — неужели они сделали все это, будучи «одной реакционной массой»?

Французские буржуазные республиканцы, которые в 1871—1878 гг. окончательно победили монархию и господство духовенства, которые дали Франции неслыханную до тех пор, в нереволюционные времена, свободу печати, союзов, собраний, которые ввели обязательное начальное обучение, сделали обучение общим достоянием и поставили его на такую высоту, что мы в Германии могли бы у них поучиться, — разве они действовали как реакционная масса?

Англичане, деятели обеих официальных партий, которые чрезвычайно расширили избирательное право, впятеро увеличили число избирателей, сделали равными избирательные округа, ввели обязательное школьное обучение и улучшили систему преподавания,

которые и сейчас еще в каждую парламентскую сессию голосуют не только за буржуазные реформы, но и за постоянно новые уступки рабочим, — они идут вперед медленно и вяло, но ни один человек не может попросту заклеить их как «одну реакционную массу».

Словом, мы не имеем права выставлять постепенно осуществляющуюся тенденцию как уже совершившийся факт, тем более что в Англии, например, эта тенденция *никогда* не осуществится до конца. Когда здесь наступит переворот, буржуазия все еще готова будет пойти на всякие мелкие реформы. Только когда система будет уничтожена в корне, эти пустяковые реформы потеряют всякий смысл.

Лассалевская фразеология в агитации имеет при *известных обстоятельствах* свое оправдание, хотя и у нас ею невероятно злоупотребляли, например, с 1 октября 1890 г.¹ в «Vorwärts». Но в программе ей не место, тут она и обманчива и абсолютно фальшива. Тут она так же нужна, как жена банкира Бетмана на балконе: «Если вы мне сделаете балкон, там сядет моя жена и испортит мне весь фасад!»

О других изменениях в тексте, напечатанном в «Vorwärts», я не могу сейчас говорить, я куда-то засунул этот номер, а письмо уже пора отправлять.

Съезд партии открылся в славный день 14 октября² — годовщину битв при Иене и Ауэрштедте, когда рухнула старая, дореволюционная Пруссия. Пусть 14 октября 1891 г. станет для Германии первым днем предсказанной Марксом «*внутренней Иены*».

Твой Ф. Э.

209.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 24 октября 1891 г.

Дорогой Зорге,

Твои письма от 15 сентября 2 и 9 октября предо мною.

О бегстве Барондеса (повидимому, с кассой?) ты должен был бы все-таки сообщить мне кое-какие подробности на тот случай, если этот человечек вынырнет здесь.

¹ 1 октября 1890 г. — отмена исключительного закона против социалистов в Германии.

² 14 октября 1806 г. в окрестностях Иены и Ауэрштедта между армией Наполеона и прусской армией под командой герцога Брауншвейгского произошло сражение, закончившееся полным разгромом прусской армии.

Умоляю тебя, сделай одолжение и не посылай мне регулярно *никаких* американских ежемесячников. Я изнываю от желания снова получить возможность читать *книги*; несмотря на то, что я в состоянии внимательно просмотреть лишь треть посылаемых мне газет, они поглощают все мое время, — ведь движение приняло теперь такие гигантские размеры, а я должен быть в курсе дела. Взамен этого присылай мне. . .¹

Я верю вполне, что в вашем движении снова наступил отлив. У вас во всем ходе развития то сильные приливы, то сильные отливы. Но каждый прилив ведет, в конце концов, к захвату территории, и, таким образом, в итоге движение все же идет вперед. Так, несмотря на все превратности судьбы, мощный подъем движения Рыцарей труда, как и стачечного движения 1886—1888 гг., все же в общем подвинул нас вперед. Массы живут теперь совершенно иной жизнью, чем прежде. В следующий раз завоевания будут еще значительнее. Но при всем том жизненный уровень коренного американского рабочего значительно выше, чем жизненный уровень даже английского рабочего, и этого одного достаточно, чтобы еще на некоторое время он оставался в арьергарде. К этому присоединяется еще и конкуренция эмигрантов и многое другое. *Когда* назреет момент, дело у вас двинется вперед с огромной быстротой и силой, но до этого может пройти еще немало времени. Чудес нигде не бывает. А тут еще беда с этими высокомерными немцами, которые желают играть роль сразу и наставников и начальников в одном лице и этим отбивать у коренного населения охоту перенимать у них даже самое хорошее.

В «Socialiste» я деньги пошлю, как только узнаю, на чье имя посылать. Лафарг, как ты знаешь, сидит, и ответа я еще не получил.

«Развитие социализма» будет издано здесь на английском языке в переводе Эвелинга и под моей редакцией (в зонненшейновской социальной серии). Наряду с этим авторизованным переводом американское пиратское издание² в отвратительном английском переводе будет более или менее обезврежено. Оно к тому же и неполное; то, что для них слишком трудно, они попросту выкидывают.

Мамаша Вишневецкая, конечно, с удовольствием согласилась напечатать у Зонненшейна «Положение и т. д.» в своем переводе. Гонорар, однако, должна будет получить г-жа Фостер-Эвери. Это

¹ В рукописи не хватает одной строки. Из письма Энгельса к Зорге от 29 октября 1891 г. видно, что Энгельс имеет в виду прессу о женском движении.

² Речь идет об издании Социалистической рабочей партией Америки этой работы в переводе Де Леона и Г. Фогта.

мне совершенно безразлично. Вообще она, кажется, очень рада снова поработать: сообщает, как плохо им живется и т. д.

Биографию Бакунина мне хотелось бы получить: из нее можно узнать, как преподносят этого мессию современные анархисты.

Письмо от 12-го я тоже получил. Спасибо.

В Эрфурте все сошло благополучно. Я пошлю тебе официальный протокол, как только он появится. Бебель говорит, что речи в отчетах сильно извращены. Оппозиция нахальных берлинцев вместо того, чтобы выступить в качестве обвинителей, немедленно сама угодила на скамью подсудимых, вела себя невероятно трусливо, и теперь ей придется действовать *вне* рядов партии, если это ей угодно. Среди них безусловно имеются *полицейские элементы*; другая часть — *замаскированные анархисты*, которые собирались втихомолку вербовать себе сторонников среди наших; наряду с ними — ослы, задирающие нос студенты и провалившиеся кандидаты, всякого рода выскочки, воображающие себя гениями. В общей сложности не наберется и 200 человек. Точно так же и господин Фольмар должен был сдаться; но этот гораздо опаснее, чем те, он хитрее и выдержаннее, тщеславен до сумасшествия и желает во что бы то ни стало играть роль. Бебель вел себя очень хорошо, а также Зингер, Ауэр и Фишер (последний сотрудничал здесь в «Sozialdemokrat», очень дельный парень, к тому же истый баварец). На долю Либкнехта выпала горькая участь предложить проект программы Каутского; проект этот, при моей и Бебеля поддержке, был положен *в основу* теоретической части новой программы. К нашему удовлетворению, марксова критика одержала полную победу. Удалены также, последние остатки лассальянства. За исключением некоторых слабовато отредактированных мест (которые, однако, лишь выражены бледно и обще), против программы, по крайней мере при *первом* чтении, возразить больше нечего.

Что в Лилле выставлена кандидатура Лафарга¹, ты, вероятно, читал. Результаты завтрашних выборов ты узнаешь задолго до этого письма. Если он не пройдет, то на следующих общих выборах ему обеспечен мандат от Северного департамента.

Несмотря на голод в России, опасность войны все увеличивается. Русские хотят в дипломатическом отношении быстро и основательно использовать новый союз с Францией. Хоть я и уверен, что русская дипломатия не хочет войны, которая вследствие голода

¹ В 1891 г. от города Лилля в палату депутатов была выдвинута кандидатура П. Лафарга.

была бы безумием, но милитаристские и панславистские течения (поддерживаемые ныне *очень сильной* промышленной буржуазией ради расширения рынка) могут получить перевес. Да к тому же и в Вене, Берлине или Париже могут быть наделаны разные глупости, ведущие к объявлению войны. По этому поводу мы переписывались с Бебелем и пришли к заключению, что если русские начнут войну с нами, то немецкие социалисты ударят изо всех сил, атакуют русских и их союзников, кто бы эти последние ни были. Если Германия будет задушена, то и мы вместе с ней. В случае же благоприятного поворота борьба примет такой ожесточенный характер, что Германия сумеет держаться лишь революционными мерами, почему мы, легко возможно, и будем вынуждены встать у кормила правления и разыграть 1793 год. Бебель произнес на эту тему в Берлине речь, которая вызвала большую бурю во французской прессе. Я попробую разъяснить французам смысл этого на их собственном языке, хотя это и будет нелегко. Правда, я считаю очень большим несчастьем как эту возможную войну, так и то, что последняя может привести нас слишком рано к власти, все же, я думаю, к такому случаю нужно быть готовым, и меня радует, что в этом вопросе я имею на своей стороне Бебеля — самого дельного из наших товарищей.

На будущей неделе принимаюсь за III том.

Сердечный привет твоей жене и тебе самому.

Твой Ф. Энгельс.

210.

Августу Бебелю

в Берлин.

Лондон, 24—26 октября 1891 г.

Дорогой Бебель,

Большое спасибо за открытки и присланные материалы, без которых нам трудно было бы следить за ходом событий в Эрфурте. Все прошло великолепно: ты, Ауэр, Зингер, Фишер покрыли себя славой; единственно, на что вы могли бы пожаловаться, — это на убожество оппозиции: сражаться с такой мелюзгой — не большое удовольствие. Во всяком случае, эти господа будут теперь проявлять свои способности вне партии; там они безвредны, а лучшим элементам из молодых дан теперь срок одуматься. Если господин фон-Фольмар сообразовал отказаться от поддержки нового курса

Каприви¹ в армии, хотя и «без личных выпадов», то для настоящего момента, право, это лучше, но с ним вы еще далеко не разделались, и чем напряженнее положение, тем внимательнее нужно за ним следить. Впрочем, в каждой большой партии бывает *один* главный интриган, и если бы вы избавились от одного, все равно появился бы другой.

Нас очень порадовало веселое настроение, которое царило среди вас. Мы много смеялись, — ведь незадачливая оппозиция и исполненный достоинства Фольмар лишь нагоняют сон.

При первом чтении программа производит прекрасное впечатление, кроме нескольких вялых бесцветных мест, на которые я уже раньше указывал К. Каутскому. Для Либкнехта было горькой пилюлей, что именно *он* должен был сделать доклад о новой программе, из которой вытравлены последние остатки не только ласальянства, но и его излюбленных фраз в духе народной партии. Его речь, если верить отчету «Vorwärts», вероятно им же составленному, также носит на себе болезненные следы этого. К тому же еще у него неприятности из-за предложения Кунерта по поводу его зятя. Я надеюсь, что найдется достаточно удобная наклонная плоскость, по которой Либкнехт постепенно сможет скатиться на положение пенсионера, — он поразительно устарел для партии.

Понедельник, 26 октября. — Сегодня утром получил твое письмо. Охотно верю, что Фишер нажил себе врагов². Я знаю это по собственному опыту; я в молодости, точно так же, как и он, любил дерзить в неподходящем месте и в неподходящее время, да и вообще редко бывает, чтоб недостатки, какие я нахожу у молодых, не были бы в свое время в большей или меньшей степени также моими недостатками. Это постепенно сглаживается, особенно, если время от времени получаешь оплеуху, и притом самому приходится признать, что по заслугам.

Не знаю, сможете ли вы в будущем обойтись без публичного обсуждения такого рода вопросов. Я считаю, что *так* лучше, несмотря на некоторый вред и значительные личные неприятности. Но одно несомненно: если ваш центральный орган не изменится, то лучше было бы совсем передать его берлинской партийной

¹ Канцлер германского правительства Каприви (1890—1894 гг.) внес в рейхстаг законопроект об увеличении мирного контингента армии и сокращении срока военной службы до двух лет для усиления пропускной способности армии.

² Речь идет о резком выступлении Фишера на Эрфуртском съезде германской социал-демократии против оппозиции.

организации, а для себя создать еженедельный вестник, который, однако, можно и нужно было бы редактировать уже как следует.

Очень разумная мысль — потратить эти 400 марок¹ на выборы Лафарга. Они к перебаллотировке будут *очень кстати*. Так как союзы и партия у вас отделены друг от друга, то вполне естественно, если французские и т. п. стачки поддерживаются в Германии *непосредственно союзами*, а партийные средства используются для политических целей. Правда, следовало бы позаботиться и о том, чтобы союзы сделали что-нибудь для стекольщиков. Здесь для них сделали сравнительно много.

Положение Лафарга крепко. Он получил 5 005 голосов, оппортунист Депасс, правительственный кандидат — 2 928, второй оппортунист *Бэр* — 1 246, а радикал *Рош* — 2 272. *Последний снимает свою кандидатуру в пользу Лафарга*. Таким образом, Депасс, действительный конкурент при перебаллотировке, может пройти только в том случае, если все голосовавшие за Роша воздержатся и прибавится еще около 1 000 голосов из резервов воздержавшихся монархистов, или же свыше 3 000 не голосовавших ранее монархистов значительно превысят — 5 005 и 2 272. Я не знаю, сколько имеется зарегистрированных избирателей, и не могу поэтому судить, но во всяком случае положение лучше, чем мы могли надеяться.

Гиллес преуспевает. Этому субъекту, очевидно, хорошо жпвется на средства полиции. Он *купил* себе большинство в Коммунистическом союзе, дав Союзу денег взаймы, так что те не *смеют* вышвырнуть его оттуда. Ввиду того, что этот субъект утверждает здесь, будто является *членом этого Союза* и уже тем самым и *членом германской партии*, то, спрашивается, захотите ли вы терпеть подобного «товарища»? Средства, которые находятся в его распоряжении и которые он раздает в долг и тратит на свои циркуляры, — это стоит здесь недешево, — он может получать только от посольства.

О магдебургском собрании я ни в «Vorwärts», ни в «Echo» до сих пор ничего не нашел. Что «Vorwärts» умолчит о берлинском собрании оппозиции, я предполагал заранее на основании всей прежней практики этой газеты. Но это невероятно глупо.

Посылаю тебе статью великого Поля Брусса, из которой ты увидишь, как этот архисключник, архипроныра и архивластолюбец, будучи теперь совершенно разбит и сведен к нулю, начинает про-

¹ Повидимому, речь идет о гонораре, причитающемся Энгельсу за его изданные работы.

поведывать вам мир и объединение, после того как он годами боролся против вас как против своих главных врагов на континенте.

Прилагаю несколько газетных вырезок о голоде в России, который распространяется на запад еще дальше, чем я предполагал. Подобные известия встречаются в здешней прессе ежедневно. Положение действительно скверное, и на запад продолжают посылать еще большее количество войск, чтобы прокормить их, как мне вчера подтвердил это Мендельсон. Русские должны быть просто сумасшедшими, чтобы начать войну, но военная партия везде состоит из сумасшедших, а русская буржуазия ограничена, глупа, невежественна, шовинистична и до крайности жадна. Если война *должна* разразиться, то пусть уж лучше поскорее: русским тогда станет яснее положение дела.

Считая нужным откровенно сказать французам всю правду о том, какое мы займем положение, если дело дойдет до войны, — задача во всех отношениях чертовски трудная, — я написал статью по-французски¹ и послал ее Лауре. Сегодня она мне пишет, что как она, так и Поль в совершенном восторге от статьи; это, мол, именно то, что нужно французам и т. д. Если Гэд будет того же мнения, — он сейчас еще в Лилле, где выступает как представитель Лафарга перед избирателями, — то статья, вероятно, будет опубликована. Первоначально она предназначалась для французского социалистического календаря, но, возможно (а, по-моему, — вероятнее всего), что она окажется слишком резкой для участвующей в нем пестрой компании; тогда она пойдет в «Socialiste», которую ты, надеюсь, читаешь. Я говорю французам: мы почти с абсолютной уверенностью можем сказать, что лет через десять получим власть в свои руки; мы не смогли бы ни получить власти, ни удерживать ее, не исправив грехов наших предшественников по отношению к другим национальностям, т. е. 1) искренне приступить к восстановлению Польши, 2) предоставить населению северного Шлезвига и Эльзас-Лотарингии свободно решить вопрос, в какое государство они войдут. Между социалистической Францией и социалистической Германией эльзас-лотарингского вопроса вообще не может существовать. Следовательно, нет никакого основания для войны из-за Эльзас-Лотарингии. Но если все-таки французская буржуазия начнет войну и для этой цели пойдет на службу к русскому царю, который является также и врагом всей западно-европейской *буржуазии*, то это будет

¹ Статья Энгельса «Le socialisme en Allemagne» («Социализм в Германии») опубликована на французском языке в «Almanach du Parti Ouvrier pour 1892», стр. 93—105. См. Соч. Маркса и Энгельса, т. XVI, ч. II, стр. 239—254.

отрицанием революционного призвания Франции. Наоборот, мы немецкие социалисты, мы, которым при сохранении мира в течение десяти лет удастся достичь власти, мы должны отстоять завоеванное нами положение во главе рабочего движения не только против внутреннего, но и против внешнего врага. Если победит Россия, — мы будем раздавлены. Итак, если Россия начнет войну, — вперед, на русских и их союзников, — *кто бы они ни были*. Тогда уж наше дело позаботиться о том, чтобы война велась всеми революционными средствами, и всякое правительство, отказывающееся от этих средств, сделалось бы невозможным; а в нужный момент мы сами должны стать во главе. Мы еще не забыли славного примера французов в 1793 г., и если нас к тому вынудят, то может случиться, что мы отпразднуем столетний юбилей 1793 г., показав, что немецкие рабочие 1893 г. достойны санкюлотов того времени, и если французские солдаты перейдут нашу границу, то мы их встретим возгласом:

Quoi, ces cohortes étrangères
Feraient la loi dans nos foyers? ¹

Таков общий ход мыслей. Как только текст будет окончательно установлен (я ожидаю, разумеется, что будут предложены отдельные небольшие изменения) и приступлено к печатанию, я переведу статью на немецкий язык, а там, посмотрим, что с ней делать. Я не уверен, будет ли статья приемлема в Германии в условиях вашей прессы, может быть, если вы сделаете кой-какие оговорки, это будет возможно, — там видно будет. Ведь *мои* статьи, к счастью для обеих сторон, все равно не связывают *партию*: хотя Либкнехт и воображает, будто меня это огорчает, но мне это и в голову не приходит.

В отзывах о статье мне приписывают слова, что будто я предсказывал крушение буржуазного общества в 1898 г. Это ошибка. Я сказал только: возможно, что мы около 1898 г. уже достигнем власти. Если этого *не* произойдет, старое буржуазное общество может продолжать еще свое существование до тех пор, пока толчок извне не разрушит гнилого здания. Такое прогнившее старое сооружение может еще десятки лет сохраняться после того, как уже в сущности наступила его смерть, при условии, если воздух остается спокойным. Я бы, конечно, остерегся предсказывать что-нибудь подобное наперед. Наоборот, возможность того, что мы получим

¹ Строфа из Марсельезы: «Как, эти чужеземные полчища нам предписать закон посмеют?».

власть, является простым вычислением вероятности по математическим законам.

Все же я надеюсь, что мир будет сохранен. Мы теперь в таком положении, что нам вовсе не нужно рисковать, — война же нас к этому принудит. А через десять лет мы будем подготовлены совсем иначе. Вот в чем дело.

Для того чтобы овладеть производительными силами и пустить их в ход, нам нужны технически подготовленные люди и множество таких людей. Их у нас нет, мы даже до последнего времени радовались тому, что по большей части избавлены от так называемой «образованной» публики. Теперь — другое дело. Теперь мы достаточно сильны, чтобы быть в состоянии переварить любое количество образованного сора, и я предвижу, что в ближайшие 8—10 лет к нам примкнет достаточно молодых техников, врачей, юристов и учителей, чтобы организовать управление фабрик и крупных поместий руками партийных товарищей для нужд нации. Тогда взятие власти явится совершенно нормальным и произойдет относительно гладко. Но если в результате войны мы придем к власти раньше, чем будем подготовлены, то техники будут нашими принципиальными врагами и будут обманывать и предавать нас, как только смогут; нам придется прибегать к устранению их, и нас все-таки будут обманывать. Так было *всегда* с французскими революционерами, они вынуждены были занимать основные должности в управлении, а второстепенные, но ответственные должности предоставляли старым реакционерам, а те мешали и все тормозили. Поэтому я надеюсь и желаю, чтобы наше великолепное развитие, совершающееся со спокойствием и неуклонностью естественного процесса, продолжало идти старым путем.

Сердечный привет твоей жене и тебе.

Твой Ф. Э.

211.

Карлу Каутскому

. в Штуттгарт.

Лондон, 25—26 октября 1891 г.

Дорогой К. К.,

Поздравляю с принятием твоего проекта программы в Эрфурте и с устранением из ее текста «одной реакционной массы». У меня еще не было времени сравнить в подробностях окончательно принятую программу с твоим проектом.

Я предложил Дитцу сразу же поделить гонорар за 2-е издание «Нищеты философии» между всеми 5 участниками — 240 марок трем наследникам и 160 марок двум переводчикам, если общая сумма составляет 400 марок, или с соответствующими изменениями, если эта сумма будет иной. Надеюсь, что ты на это согласишься, чтобы разделаться, наконец, с этим вопросом. На *весь* гонорар за это издание наследники не имеют права.

Далее я просил Дитца передать тебе от моего имени экземпляр нового издания «Происхождения» в переплете.

В Эрфурте все прошло прекрасно. Мы особенно много смеялись, читая речи Ауэра и Фишера. Эти двое добились, наконец, своего и сорвали зло на «оппозиции». Когда баварец схватится с берлинцем, от берлинца вряд ли что-нибудь останется. Но по поведению и этих господ и Фольмара видно, как сильно ошибалась эта публика в своих силах. Ведь подобное отступление беспрецедентно. Это произвело впечатление и за границей, а *здесь* было основательным поражением Гайндмана, который сперва публично протезировал Гиллесу, очевидно, поверив его сплетням о крахе германской партии; теперь, если бы это было возможно, он охотно отошел бы от этого проходимца. Впрочем, «Figaro» провозгласила Гиллеса великим человеком!

Можешь сообщить, если хочешь, в «Neue Zeit», что в «Social Series» Свана Зонненшейна и К⁰ выйдут: 1) мое «Положение рабочего класса» в переводе Вишневецкой, 2) мое «Развитие социализма» в переводе Эвелинга, 3) Предисловие Эде к сочинениям Лассалья в переводе Тусси.

Луиза обратила мое внимание на то, что было бы полезно регулярно посылать один экземпляр «Neue Zeit» редактору «Review of Reviews» по адресу: W. T. Stead, Mowbray House, Norfolk, street Strand, W. C., Лондон. Этот журнал расходуется в 10 000 экземпляров и даже больше, в нем даются выдержки из журналов всех стран и содержание (заглавие статей) всех журналов — немецких, например, не меньше 23, в том числе: «Deutsche Revue», «Ueber Land und Meer», «Gartenlaube», «Nord und Süd», «Preussische Jahrbücher» и т. д. и т. д. Приведены главные пункты проекта программы, взятые из «Economic Journal». Стед, хотя и сумасброд, но блестящий делец; он сможет использовать присылаемые ему экземпляры «Neue Zeit» и при известных условиях произвести огромный эффект, ибо там, где только пахнет какой-нибудь сенсацией, он уж тут как тут и хватается за все без разбора, причем ему все равно, что он берет и откуда. Для вас его журнал также был бы крайне полезен, он стоит

всего 6 пенсов в месяц и содержит массу материала. Тебя он избавит от чтения всех остальных английских журналов.

Теперь мне надо подышать немного свежим воздухом, скоро придут к обеду Эвелинги и Эде с женой.

Твой Ф. Э.

Понедельник¹. Посылаю тебе номер «Review of Reviews», в котором Стед увлекает мамашу Безант в лоно христианства. Он явно хочет заслужить славу человека, вернувшего ее к Иисусу. Для этого существует один путь: мамаша Безант всегда исповедует религию того мужчины, который ее *покорил*. — Эде и Тусси согласны с моим планом распределения гонорара.

Лафарг получил в Лилле 5 005 голосов, оба оппортуниста вместе — 4 174, радикал Рош — 2 272; последний снял свою кандидатуру в пользу Лафарга. Следовательно, чтобы проташить одного оппортуниста, *за него* при перебаллотировке должны были бы голосовать 3 000 воздержавшихся ранее монархистов. Как видишь, дела превосходны!

212.

Николаю Францевичу Даниельсону
в Петербург.

Лондон, 29—31 октября 1891 г.

Милостивый государь,

Когда Ваше письмо от 21 сентября прибыло сюда, я путешествовал по Шотландии и Ирландии и только сегодня нашел время и досуг, чтобы ответить на него.

Ваше письмо от 20 января действительно пропало, о чем я сожалею вдвойне: во-первых, потому, что содержащиеся в нем интересные сведения так долго не доходили до меня, а во-вторых, потому, что эта пропажа заставила Вас взять на себя труд написать его для меня еще раз. Очень благодарю Вас за это.

«Разведение миллионеров», как выражается Бисмарк, повидимому, действительно идет в Вашей стране гигантскими шагами. Такие барыши, какие обнаруживает ваша официальная статистика, просто неслыханы в наши времена в английских, французских и немецких текстильных мануфактурах. 10, 15, самое большее 20 процентов средней прибыли, а в очень, очень исключительные годы процветания 25—30 процентов — считаются здесь *хорошей*

¹ 26 октября.

прибылью. Только во времена детства современной промышленности некоторые предприятия с самоновейшими и наилучшими машинами, производившие свои товары с значительно меньшими затратами труда, чем требовалось по условиям того времени, были способны доставлять такие нормы прибыли. В настоящее время такие барыши создаются иногда только в результате удачных спекулятивных предприятий, при эксплуатировании какого-нибудь нового изобретения, да и то в одном таком предприятии из ста, когда остальные оказываются по большей части жалкими неудачами.

Единственная страна, в которой такие или приблизительно такие прибыли возможны и в настоящее время, и притом в главных и постоянных отраслях промышленности, это — С.-А. Соединенные Штаты. Здесь покровительственный тариф, введенный после междоусобной войны, а теперь Мак-Кинлеевский тариф, привели к подобным же результатам, а потому здешние промышленные прибыли должны быть и действительно бывают просто чудовищными. Тот факт, что это положение вещей зависит исключительно от тарифного законодательства, которое может неожиданно измениться во всякую минуту, вполне достаточен, чтобы помешать вторжению в эти отрасли промышленности *иностранного* капитала в сколько-нибудь крупных размерах (крупных по сравнению с размером вложенного в них отечественного капитала), а вместе с этим устраняется главный источник конкуренции и понижения прибылей.

Ваше описание перемен благодаря росту новейшей промышленности в жизни народных масс, а именно — постепенной гибели домашних промыслов, покоившихся на *непосредственном потреблении продуктов самими производителями*, а затем мало-по-малу и тех промыслов, которые велись в расчете на скупщиков-капиталистов, живо напоминает мне главу нашего автора «о создании внутреннего рынка», равно как и то, что было в большей части Центральной Западной Европы между 1820 и 1840 гг. Французский и немецкий крестьянин-собственник живуч и упорно борется за свое существование: он упрямо будет прозябать еще два или три поколения в руках ростовщика, прежде чем достаточно созреет для того, чтобы продать окончательно свою землю и дом, по крайней мере в тех местностях, которыми еще не овладела вполне новейшая промышленность. В Германии крестьянство поддерживают на поверхности всякого рода мелкие кустарные промыслы, ведущиеся за счет капиталистов, вроде производства трубок, игрушек, корзин и т. п. Крестьянин считает ни во что то досужее время, которое остается у него после обработки его маленького поля; а потому всякая копейка, получае-

мая им за добавочный труд в это досужее время, кажется ему чистым барышом; отсюда — разорительно низкая заработная плата и баснословная дешевизна продуктов таких промыслов в Германии.

У вас имеется сопротивление общины внешнему натиску (хотя мне кажется, что это сопротивление должно значительно ослабевать в постоянной борьбе с новейшим капитализмом), затем у вас имеется лишний ресурс в аренде земель от соседних крупных землевладельцев, как это описывается в Вашем письме от 1 мая; правда, эта аренда обеспечивает землевладельцу получение прибавочной стоимости, но в то же время она помогает продолжению прозябания крестьянина, его дальнейшему существованию *как крестьянина*; наконец, у вас имеются кулаки, которые, насколько я вижу, тоже предпочитают лучше держать крестьянина в своих когтях *как предмет эксплуатации*, чем разорить его раз навсегда и приобрести себе принадлежащую ему землю; из этого я заключаю, что русский крестьянин, там, где он не требуется в качестве рабочего на соседнюю фабрику или в город, тоже очень живуч и тоже долго и упорно будет бороться со смертью, так что нужно много колотить его, прежде чем он наконец умрет.

Громадные барыши, добываемые молодой русской буржуазией, и зависимость этих барышей от благоприятного урожая, так хорошо выясненная в Вашем исследовании, объясняют мне много вещей, которые иначе казались бы очень неясными. Так, например, как должен был бы я растолковать себе нижеследующее утверждение, прочитанное мною сегодня утром в корреспонденции из Одессы в одной из лондонских газет: русские коммерческие классы, повидимому, находятся в эту минуту под властью одной господствующей идеи, а именно, что война есть единственное действительное лекарство от того состояния угнетенности и отсутствия кредита, которым страдают в эту минуту все отрасли русской промышленности. Как должен был бы я понять и объяснить себе эту фразу, если бы не знал этой полнейшей зависимости искусственно созданной тарифами промышленности от внутренних рынков, а следовательно и от урожая в земледельческих округах, так как от него зависит покупательная сила единственных покупателей продуктов этой промышленности. А раз этот рынок ускользает вследствие плохого урожая, то что может быть естественнее для наивных людей, как не добиваться расширения рынка путем успешной войны?

Очень интересны Ваши заметки по поводу того кажущегося противоречия, что у вас хороший урожай не означает обязательного понижения хлебных цен. Когда мы изучаем, таким образом, реальные

экономические отношения в различных странах и на различных ступенях цивилизации, то какими странно ошибочными и недостаточными кажутся нам рационалистические обобщения XVIII века — хотя бы, например, доброго старого Адама Смита, который принял условия, господствовавшие в Эдинбурге и окрестных шотландских графствах, за нормальные для целой вселенной. Ваш Пушкин уже знал это, как и то,

..... и почему
 Не нужно золота ему,
 Когда простой продукт имеет.
 Отец понять его не мог
 И земли отдавал в залог.

Искренне Ваш
 Ф. В. Рошер.

В будущий понедельник я снова приступлю к III тому и надеюсь не отрываться больше от этого дела, пока не покончу с ним совсем. Это письмо затянулось до сегодня, 31 октября, вследствие случайного перерыва.

213.

Фридриху-Альберту Зорге
 в Хобокен.

Лондон, 29 октября 1891 г.

Мое письмо от субботы 24 октября мне пришлось прервать как раз в тот момент, когда я хотел попросить тебя посылать мне время от времени газету или журнал, посвященные *женскому движению*, — разумеется, буржуазному женскому движению. Луиза принуждена следить и за этим хламом в интересах немецкого, австрийского и здешнего движения *работниц*, и поэтому ей хотелось бы ознакомиться *при случае* с тем, что делают у вас эти дамочки. У Лафарга прекрасные шансы: 5 005 голосов, Депасс — оппортунист имеет 2 928, Бэр — тоже оппортунист — 1 246, Рош — радикал — 2 272. Последний отказался в пользу Лафарга, за которого стоят также крайние радикалы из палаты. — В Германии все подчиняются партийному съезду. Несколько выкинутых из партии интриганов потянут за собой лишь несколько заносчивых студентиков — скатертью дорога.

Привет твоей жене.

Твсй Ф. Э.

214.

Конраду Шмидту

в Цюрих.

Лондон, 1 ноября 1891 г.

Дорогой Шмидт,

Прежде всего поздравляю Вас с обручением и надеюсь в недалеком будущем с браком. Сообщите мне, когда настанет решительный день, чтобы мы могли выпить за Ваше здоровье и за здоровье Вашей молодой невесты: пока же мы предварительно за обедом выпьем за Вас по рюмке портвейна.

Поздравляю Вас также с заключением договора с Гуттентагом; над этой работой¹ стоит потрудиться, но она потребует времени. На следующей неделе я принимаюсь за III том (вот почему я Вам так скоро отвечаю, я должен до этого покончить со всей корреспонденцией) и думаю, что не оставлю этой работы, пока не доведу ее до конца. Таким образом, и Вы сумеете выполнить намеченное.

Без Гегеля, конечно, обойтись невозможно, и притом нужно время, чтобы его переварить. Краткая логика в Энциклопедии — это прекрасное начало. Но Вы возьмите II том собрания «Сочинений», а не отдельное издание Розенкранца (1845), так как в первом имеется гораздо больше поясняющих добавлений, хотя для осла Геннинга они часто оставались непонятными.

В введении Вы найдете § 26 и т. д., прежде всего критику вольфовской обработки Лейбница (метафизика в историческом смысле). Затем англо-французский эмпиризм, § 37 и т. д., затем — Канта, § 40 и следующий, наконец, мистицизм Якоби, § 61. В отделе первом («Бытие») Вы не останавливайтесь чересчур долго на «Бытии» и «Ничто». Последние параграфы — «Качество», затем «Количество» и «Мера» — гораздо лучше. Но главная часть — это учение о «сущности». Раскрытие отвлеченных противоречий во всей их несостоятельности, причем, как только собираешься ухватиться крепко за одну сторону (противоречия), так она незаметно превращается в другую. Вы можете уяснить себе это постоянно на конкретных примерах. Например, яркий образец неразделимости тождества и различия Вы как жених найдете в себе самом и в Вашей невесте. Совершенно невозможно установить, является ли половая любовь радостью оттого, что тождество в различии или различие в тождестве?

¹ Речь идет о предполагавшейся работе К. Шмидта «Karl Marx, seine Lehre und seine Stellung in der Wissenschaft» («Карл Маркс, его учение и его позиция в науке»).

Откиньте здесь различие (в данном случае полов) или тождество (человечность обоих), и что же у Вас останется? Я припоминаю, как меня вначале мучила как раз эта неотделимость тождества и различия, хотя мы не можем и шагу ступить, чтобы не наткнуться на это.

Но Вы не должны читать Гегеля так, как читал его г-н Барт, именно для того, чтобы открывать в нем паралогизмы и передержки, которые ему служили рычагами для построений. Это работа школьника. Гораздо важнее отыскать под неправильной формой и в искусственной связи справедливое и гениальное. Переходы от одной категории к другой или от одного противоречия к следующему почти всегда произвольны. Часто это происходит при помощи остроты, как, например, положительное и отрицательное — § 120 — оба гибнут, буквально идут ко дну, к основе — «zu Grunde gehen», чтобы Гегель мог перейти к категории основания «des Grundes». Раздумывать об этом много — значит просто терять время.

Так как каждая категория у Гегеля представляет собой ступень в истории философии (как он по большей части ее приводит), то Вы сделаете хорошо, если просмотрите лекции по истории философии (одно из гениальнейших произведений). Для отдыха могу Вам порекомендовать «Эстетику». Когда Вы уже несколько работаетесь, то будете поражены.

Извращение диалектики у Гегеля основано на том, что она должна быть у него «саморазвитием мысли», и потому диалектика вещей — это только ее отблеск. А на самом-то деле ведь диалектика в нашей голове — это только отражение действительного развития, которое совершается в мире природы и человеческого общества и подчиняется диалектическим формам.

Сравните хотя бы у Маркса развитие от товара к капиталу с развитием у Гегеля от бытия к небытию, и у Вас будет прекрасная параллель: с одной стороны, конкретное развитие, как оно происходит из фактов, и, с другой стороны, абстрактная конструкция, в которой в высшей степени гениальные мысли и местами очень важные переходы, как, например, качества в количество и обратно, перерабатываются в кажущееся саморазвитие идеи из одной в другую. Таких примеров можно привести еще дюжину. Благородный Вольф¹ послал мне свое произведение в отдельном оттиске. Но я еще не заглянул в него, несмотря на то, что какой-то анонимный «почитатель» меня спрашивает, не собираюсь ли я дать «пощечину» этому молодцу. Всегда будет время разделаться с таким профессором.

¹ См. примечание к письму Энгельса Каутскому от 28 сентября 1891 г.

Съезд прошел очень хорошо. Длительная возня с «оппозицией» совсем не повредила: филистеры могут радоваться этому сколько их душе угодно, но на партию это произвело благотворное влияние.

Бебель и Адлер пробыли здесь несколько дней после Брюссельского конгресса. Нам было очень весело. На английском языке выходит очень хорошее предисловие Бернштейна к Лассалю.

Надеюсь, что на Вашем первом курсе будет изрядное количество студентов и студенток.

С приветом Ваш

Ф. Энгельс.

Госпожа Каутская также сердечно поздравляет Вас и Вашу невесту.

215.

Августу Бебелю

в Берлин.

Лондон, 9—10 ноября 1891 г.

Дорогой Август,

Спасибо за письмо от 29 октября и несколько коротких писем, а также за открытку от 30 октября.

Итак, Лафарг одержал победу. Это целое событие: во-первых, из-за того, какое влияние оно окажет непосредственно во Франции, а оно обещает быть очень значительным, во-вторых, потому, что здесь действительно шли вместе *все* социалистические фракции, в том числе и поппилисты, хотя иной раз и с кисловатой миной, и, в-третьих, потому, что г. Констан своей глупой хитростью и грубостью, достойной Бисмарка, сумел превратить простые дополнительные выборы в торжественное зрелище, поколебавшее министерство.

Министерство имело две основные точки опоры: 1) победу над общей опасностью — Буланже, 2) демонстративное афиширование интимных отношений с Россией. К этому присоединилась 3) удачная, по крайней мере и в глазах толпы, демонстрация восстановленной военной мощи Франции на больших сентябрьских маневрах. С помощью этих трех пунктов правительство принудило крайнюю левую к поддержке его, все республиканцы образовали большинство против всех монархистов, буланжистов и в большей или меньшей степени также против социалистов. Но вот Констан, вопреки практике 1869 г., не освобождает Лафарга, выдвинутого в качестве кандидата для участия в выборах. С этим радикалы не могли примириться. Отсюда 31 октября в связи с интерпелляцией Роша больше прения

и пиррова победа министерства — 240 голосов за него, 160 против, однако при 170 *воздержавшихся монархистах*, следовательно, действительное большинство в 90 голосов против министерства. Таким образом, отпадение клерикалов означает падение кабинета, как только монархисты захотят и будут голосовать вместе с радикалами. После голосования радикалы были, конечно, напуганы не меньше самого министерства, особенно, когда последнее пригрозило роспуском и дало понять радикалам, что избиратели будут более дружелюбно настроены к министерству, чем нынешняя палата, — а это весьма вероятно. Словом, поведение Константа показало «республиканской» массе, что после исчезновения противника, объединившего ее, остаются внутренние вопросы, безнадежно ее разъединяющие. Разрыв существует, его ничем не замазать, и теперь, когда Констант продолжает держать Лафарга в St. Pélagie¹, попирая тем самым всякое республиканское достоинство, положение еще более обострится. Не скажу, чтобы в результате отхода радикалов я рассчитывал на скорое падение министерства; наоборот, после одержанных ими невольных побед они еще не раз будут ползать на брюхе и просить у правительства прощения. Но в самом министерстве идет открытая война между Фрейсине и Рибо, с одной стороны, и Константином и Рувье — с другой, и повторение сомнительного вотума может довести эту войну до кризиса, вызвать раскол и тем самым смену министерства, возобновить неустойчивость министерств. Это значит, что Россия перестанет искать дружбы Франции, так как царю нужна во Франции *твердая* правительственная власть; в результате это может привести к перевыборам при изменившихся обстоятельствах и с иными результатами.

Пока Либкнехт торжествующе распевает в «Vorwärts», что во Франции нет шовинизма, парижская пресса, за которой я внимательно следил во время выборов, и в особенности «La Justice» Клемансо, которую и Либкнехт, вероятно, ежедневно читает, убедила меня, что блок «республиканцев» против Буланже (оппортунисты, радикалы, POSSИБИЛИСТЫ) имел своей тайной основой следующее: правительство должно в проявлении патриотизма перещеголять правительство самого Буланже, восстановить союз с Россией, продемонстрировать перед всем миром боеспособность армии, бряцать оружием и, если этим удалось бы вызвать войну-реванш, бодро и энергично вести ее, т. е. возможно более открыто провоцировать войну-реванш, эту заветную мечту всех французских буржуа.

¹ Название тюрьмы.

Подобно тому как республика 1849 и 1871 г. была той формой, которая легче всего объединила монархистов, так война-реванш — это тот пункт, вокруг которого *все* республиканцы, т. е. *буржуазные* республиканцы, — рабочие среди них ведь только голосующее стадо — могут объединиться; и в действительности это единственный пункт, на основе которого, после завоевания и укрепления республики, могло бы осуществиться объединение. Реванш был секретом буланжистского успеха — так провозгласим же и мы реванш. Возврат Эльзас-Лотарингии! Если ты сравнишь «Justice» добуланжистского и буланжистского периода с теперешней «Justice», то едва ли придешь к другому выводу. Но это противоречит принципу Либкнехта. Во Франции *не должно* иметь места сильное шовинистическое течение, это противоречит вечным принципам, и потому это отрицается. По мере развития событий эта политика «Vorwärts» может дорого вам обойтись, и тогда вам придется расплатиться за дальтонизм вашего политического руководителя в области иностранной политики. Не знаю, что думает сейчас по этому поводу Гирш, прежде у него также и насчет Франции бывали иногда странные взгляды: впрочем, с ним можно будет, вероятно, сговориться.

10 ноября. Итак, Лафарг свободен. Он освобожден на время сессии парламента, и даже Мейер Опперт фон Бловиц сомневается, чтобы по окончании сессии Лафарга опять посадили в St. Pélagie. Это было бы новым поражением Констана. Он и стоящие за ним оппортунисты хотели сперва оставить Лафарга в тюрьме, но уверенность в том, что тогда радикалы и монархисты добьются его освобождения, образовав большинство *против* правительства, вынудила этих господ уступить. Таким образом, крайняя левая была вынуждена дважды отмежеваться от правительства. Вообще вся французская парламентская политика совершенно непонятна всякому, кто забывает о том, что правительство и оппортунисты бесстыдно пользуются своим господством для личного обогащения и что в этом замешана и *заинтересована* также масса радикалов, только выжидающая того момента, когда *она* сама окрепнет настолько, чтобы встать у руля и снимать сливки, которые теперь достаются оппортунистам.

Какая тупая ярость овладела французским правительством; за несколько дней до лилльской перебаллотировки в Фурми был произведен набор рекрутов, и тридцать молодых людей были посланы в стоящий в Мобеже батальон 145-го полка, *который 1 мая* стрелял в Фурми в этих же самых людей; среди этих тридцати был также брат Мари Блондо, а тот 1 мая был убит этим же батальоном! Совсем как в Пруссии. «Vorwärts» обо всем этом ничего не знает!

Ваши победы в Берлине и жестокое поражение Фольмара в Мюнхене ¹, столь для него неприятное, очень нас обрадовали. Теперь, я думаю, вы отдохнете и от дальнейших расколов и от исключений; а тем временем ряды партии пополнятся настолько, что оппозиции от такого метода придется, вероятно, вообще отказаться. Насколько вам будет приятно, если свора интриганов станет держаться внутри законных рамок, это, конечно, вопрос другого порядка.

Цюрихская история ² лишний раз доказывает, каким бременем для вас являются союзы за границей. Не можете ли вы воспользоваться этим случаем, чтобы раз навсегда расчитаться с этой пайкой? «Vorwärts» превосходно отделал Ганса Мюллера, но это не избавило вас от намерения дураков за границей вынести вам порицание. Так же обстоит дело со здешним Союзом и Гиллесом. Если вы, в ответ на заявление Гиллеса, не заявите *публично*, в каких отношениях здешний Союз находится к партии, то протестовать в частных письмах бесполезно. Пока вы молчите, *здесь* на вас прямо возлагают ответственность за тупоумие этой шайки, а историческое прошлое Союза это вполне оправдывает.

Эпизод «Штольп-Лауенбург» ³ и твоя статья о нем в «Vorwärts», вполне совпадающая с моим мнением, очень нас порадовали. Ост-эльбские батраки (так же как и английские) в массе своей настолько еще закрепощены, что нашей прямой пропагандой мы не можем добиться среди них многого, пока они не пройдут подготовительной школы прогрессистов. В этом состоит призвание прогрессистов — подготовить для нас почву, и они это сделают с успехом. Если прогрессистов, по сравнению с нашей партией и при их расхлябанности, в Берлине можно было бы отнести к реакционной массе, то в деревне они стоят пока еще значительно выше такого положения. Правда, это будет продолжаться недолго.

Продление полномочий рейхстага на пять лет, вероятно, все-таки не удастся. Если давление будет продолжаться, произойдет рас-

¹ 26 октября 1891 г. в Мюнхене на собрании социал-демократии выступил Фольмар с речью, в которой сожалел об исключении оппозиции. Собрание, однако, приняло единогласно резолюцию, в которой одобрило действия партийного съезда об исключении оппозиции. Резолюция Фольмара была отвергнута.

² На собрании социал-демократии в Цюрихе после Эрфуртского съезда была принята резолюция, в которой собрание возражало против исключения оппозиции.

³ В «Vorwärts» в № 256 от 1 ноября 1891 г. была опубликована передовая под названием «Die Reichstags-Wahl in Stolp-Lauenburg» («Выборы в рейхстаг в Штольп-Лауенбурге»).

пад большинства, и правительство *должно будет* прибегнуть к роспуску рейхстага, потому что у него не будет другого выхода. А если разразится война, то тем более. Вы еще этой зимой можете стать свидетелями презабавных вещей.

Рад узнать, что уже сейчас в технически образованных кругах наблюдается такое тяготение к нам. Но на примере французских республиканцев, которые ведь тоже были буржуа, я в 1848 г., 1870—1871 гг. уяснил себе наглядно, как недалеко уйдешь с такими союзниками и сочувствующими в минуту опасности и как страшно можно с ними оскандальиться, что поневоле захочется в интересах такого важного дела, как обобществление крупной промышленности и крупного сельского хозяйства, присмотреться повнимательней в течение нескольких лет к способностям и характеру этих господ. Это не только избавит нас от трений, но в критический момент может отратить от нас неизбежное в противном случае решительное поражение. И без того сделано будет множество колоссальных промахов; без этого ведь не обойтись. Сам же ты говоришь, что среди предлагающих свои услуги людей много таких, у которых больше претензий, чем таланта и знаний; и я не забываю, как в разговоре о Нонне Зингер говорил мне о студентах, которых толкает к социал-демократии страх перед экзаменами. Однако тот факт, что они *к нам идут*, является знамением близкого будущего.

Голод в России принимает ужасающий характер. В Симбирске взбунтовавшихся голодающих засекают до смерти 500 ударами кнута. На юге из-за засухи озимые либо совсем нельзя было засеять, либо их побил ранним морозом. Таким образом, обеспечен голод и в будущем году. Мне кажется, что русские значительно успокоились (поездка Гирса в Милан) и, кроме того, слегка попридержали слишком рвущихся вперед французов и что *именно поэтому* царь счел возможным позволить себе проехать через Германию и не нанести визита молодому Вильгельму, а ведь это тяжкое оскорбление величества. И стоит еще зашататься теперь французскому министерству, ты увидишь, каким миролюбивым станет царь, конечно, не прекращая своих захватнических действий на Востоке и в Средней Азии.

Сольсбери заявил вчера ослам и мошенникам из Сити, что на горизонте мира нет ни облачка. Это может быть скверным предзнаменованием: в 1870 г. Гренвиль, министр иностранных дел, говорил то же самое за две недели до войны.

Французские маневры в сентябре с четырьмя армейскими корпусами были сплошным надувательством. Сэр Чарльз Дилк, коллега

Парнелла по нарушению супружеской верности, хотя и на другой основе, описал их в восторженно франкофильском тоне, но его же статья доказывает, что многое никуда не годится, а кое-что осталось без перемен с 1870 г. Особенно плохи офицеры. Когда начнется мобилизация в большом масштабе, обнаружатся еще бóльшие неполадки.

Привет от Луизы.

Твой Ф. Энгельс.

216.

Фридриху-Альберту Зорге
в Хобобен.

Лондон, 14 ноября 1891 г.

Дорогой Зорге,

Спешу набросать несколько строк до закрытия почты. О победе Лафарга ты узнал, вероятно, из телеграммы. Ее подготовил господин Констан, который так же глупо хитер и неуклюж, как Бисмарк, если не больше. 1) В скандальном тенденциозном процессе он возлагает ответственность за стрельбу правительства в Фурми на Лафарга и засаживает его на год в тюрьму; 2) создав Лафаргу в результате этого огромную популярность в Северном департаменте, и, после того как кандидатура Лафарга при первой же вакансии выставляется в Лилле, Констан, вопреки действующему уже 22 года и *введенному даже* империей обычаю, задерживает его в тюрьме, вместо того чтобы освободить его на время выборов; 3) когда Лафарг при первом туре выборов получает 5 005 голосов, т. е. лишь на 780 голосов меньше абсолютного большинства, Констан все-таки не освобождает его, несмотря на то, что получил от палаты здоровую пощечину. Но так как кандидат радикалов Рош, получивший 2 272 голоса, отказался в пользу Лафарга, то победа Лафарга бесспорна.

Но лучше всего, однако, то, что дурак Констан, кроме того, сделал из выборов Лафарга событие и этим основательно распатал свое собственное положение. Дело в следующем: когда 31 октября Мильеран потребовал в палате освобождения Лафарга, то формула перехода к очередным делам была принята 240 голосами против 160 радикалов. *Но это произошло лишь потому, что не голосовали 170 монархистов. Впервые со времени буланжиады радикалы голосовали против правительства* и доказали, таким образом, что совместное голосование радикалов и монархистов может в любой момент свергнуть правительство. И когда 9 ноября, *после избрания*

Лафарга, снова было внесено предложение об его освобождении, правительство под угрозой одной лишь возможности объединенного голосования принуждено было отказаться от своего намерения оставить его в тюрьме.

Но в кабинете существуют крупные раздоры — Фрейсине охотнее составил бы себе большинство *при помощи* радикалов, Констан же — *при помощи монархистов против радикалов*. Констан своим поведением, начиная с 1 мая, стал ненавистен рабочим, а его друг Рувье пользуется самой дурной репутацией и считается продажнейшим человеком в министерстве. Далее, Карно терпеть не может Констана, потому что тот пытается стать его преемником на посту президента республики. Таким образом, все эти шатания в парламенте имеют большое значение, ибо возобновление неустойчивости французского министерства является новой гарантией мира, так как царь поостережется начать войну рука об руку с парижским правительством, теряющим со дня на день все больше и больше почву под ногами.

С другой стороны, эти симптомы важны вследствие внутреннего положения Франции. Значительная часть радикалов — Мильеран, Овелап, Моро и т. д. — понимает, что без рабочих, во всяком случае, ничего не выйдет и что шутовская комедия правительства, которое вносит в палату для видимости благоприятные для рабочих законопроекты и в то же время заботится о том, чтобы эти законопроекты проваливались в сенате, больше уже никого не обманет. Но если пройдет Лафарг и тем самым маленькая социалистическая группа в 7—8 человек, теперь ничтожная и не способная к инициативе, получит руководителя, то скоро можно будет рассчитывать на нечто другое. Но, конечно, лишь при том условии, что наш Поль Лафарг не позволит восторжествовать $\frac{1}{8}$ или $\frac{1}{12}$ своей негритянской крови.

В Германии дела идут хорошо. Фольмар потерпел в Мюнхене еще более решительное поражение, чем даже в Эрфурте. Оппозиция практически равна нулю и скоро совершенно перейдет в полицейский фарватер. Все отчеты газет, утверждающие обратное, вымышлены, в особенности те, которые передаются вам по телеграфу, — я видел великолепные образцы.

Что будет с «Vorwärts» — не знаю. Он стал лучше, но Гирш там работать не будет. Это, по-моему, едва ли можно считать несчастьем.

Привет твоей жене.

Твой Ф. Э.

217.

В редакцию «Daily Chronicle»

в Лондон.

Редактору «Daily Chronicle»

Лондон, 17 ноября 1891 г.

Черновик.

Милостивый государь,

Я требую, чтобы Вы, ради исторической правды, напечатали приложенное к этому письму опровержение ¹ одной из самых гнусных клеветнических выдумок, когда-либо пущенных в оборот.

Мне очень жаль, что «Daily Chronicle», оказавшая такие ценные услуги рабочему классу Англии, позволяет своим заграничным корреспондентам распространять клеветнические слухи о рабочем движении на континенте и его вождях.

Искренне Ваш

218.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 21 ноября 1891 г.

Дорогой Зорге,

Письмо от 6 и открытку от 8 ноября получил.

Когда Адлер заезжал сюда из Брюсселя вместе с Бебелем, он обещал регулярно высылать тебе венскую «Arbeiter-Zeitung», а венцы слово держат. Теперь, когда австрийское движение приобретает все большее значение, мне приходится сохранять эту газету для себя.

«Der Arme Teufel» очень всех рассмешил. Первую адольфинаду ² взял с собою Адлер, вторую я послал Бебелю.

Само собой разумеется, что ты можешь опубликовать письма Маркса к тебе, когда найдешь нужным, не спрашивая ни меня, ни кого-либо другого. Как только все твои статьи об американском ра-

¹ Текст опровержения опубликован в Соч. Маркса и Энгельса, т. XVI, ч. II, стр. 148.

² В «Der Arme Teufel» писал под псевдонимом Адольфин (Adolfin) некий Герике, друг и соратник Розенберга. В настоящем письме речь идет, очевидно, о двух его анонимных статьях: в № 41 от 5 сентября 1891 г. «Amerikas Gastfreundschaft» («Американское гостеприимство») и в № 44 от 26 сентября «Deutsch-amerikanische Dummheit. Amerikanische Tugenden» («Немецко-американская глупость. Американские добродетели»).

бочем движении будут напечатаны, тебе следовало бы издать их отдельной книжкой — например в Интернациональной библиотеке Дитца, — чтобы они были объединены в одно целое. Если хочешь, я могу переговорить с Дитцем обо всем необходимом. Он, конечно, должен будет заплатить за это отдельно.

Биографию Бакунина получил, благодарю. Я ее еще не просматривал.

В одном из своих писем я просил тебя не посылать мне американских буржуазных журналов — *лучшие* из них я могу достать здесь, у Мьюди, если в них появится что-либо интересное; за этим следит Тусси. Зато я хотел обратиться к тебе с другой просьбой, но меня прервали, и я запечатал письмо, ничего не добавив. Дело в следующем: я просил бы тебя посылать мне время от времени отдельные номера какого-либо феминистского органа; Луиза просматривает иногда этот хлам, чтобы таким образом самой быть и меня держать в курсе этого шарлатанства.

В Берлине и других городах новые победы на муниципальных выборах. В Берлине число голосов *утроилось*.

Молодые конституировались и издают наглую и глупую газетку «Der Sozialist». В ней нет ничего, кроме сплетен и лжи. Было бы, конечно, легче бороться с ними, если бы Либкнехт не делал столько ошибок и не редактировал «Vorwärts» так скверно.

Итак, госпожа Шлютер все-таки возвращается. Точь-в-точь как мы здесь предполагали.

Здесь на муниципальных выборах мы тоже одержали небольшие победы. В Вест-Геме (называется Вест, потому что это западная часть Ист-Энда) избран Виль Торн, секретарь союза рабочих газовых предприятий, прекрасный парень, и т. п. и т. д.

Сердечный привет твоей жене и тебе

от твоего Ф. Энгельса.

219.

Августу Бебелю

в Берлин.

Лондон, 25 ноября 1891 г.

Дорогой Бебель,

Поглощенный работой над III томом, который быстро подвигается вперед, я пытался найти время, чтобы ответить на твое письмо от 15-го, как вдруг пришло известие, заставляющее меня писать немедленно. Лафарг будто бы заявил на одном собрании в Бордо

22-го, что он по-своему послужил стране, сообщив г. Ранку планы, которые, будь они приняты во внимание, могли бы совершенно изменить положение вещей. Эти планы были ему переданы *братьями по Интернационалу в Германии, среди которых находилось несколько офицеров германской армии*¹. Этого Лафарг никак не мог сказать, но я абсолютно не могу себе представить, *что* же именно он сказал. Между тем, все это настолько бессмысленно и обвинение так ужасно, что вам, быть может, придется на него ответить прежде, чем вы узнаете, *что* сказал Лафарг. Я тотчас же написал вчера и еще раз сегодня Лауре, а также ему самому, чтобы узнать, как обстояло фактическое положение вещей, потому что вам, вероятно, придется сейчас же выступить с протестом, и чтобы он уже не пенял на вас, если вы при этом абсолютно не будете с ним считаться. Иного отношения он в сущности и не заслуживает, но я все-таки попросил бы вас не действовать в раздражении — при таком состоянии всегда делаешь глупости, как это часто случалось и со мной, — но по возможности считаться с необходимостью сохранять единую или хотя бы параллельную линию действия с французскими рабочими. Естественно, вы заявите, что это нелепое утверждение не имеет к вам ровно никакого отношения; это само собой разумеется. Вы ни непосредственно сами, ни косвенным образом не посылали французскому правительству в Бордо никаких военных известий или планов немецких офицеров, потому что, насколько мне известно, вы не имели тогда абсолютно никаких связей с офицерами. Итак, чем энергичней вы отведете это попросту сумасшедшее обвинение, тем лучше; я хотел бы только напомнить, что надо протестовать *только против сообщения* как такового, не возлагая пока ответственности за него на Лафарга; это будет гораздо лучше и избавит в дальнейшем от неприятных последствий. Не исключена возможность дополнительного заявления с вашей стороны, когда вы ознакомитесь с буквальным текстом его выступления, который я вам сообщу тотчас же, как только его получу.

Для меня совершенно непонятно, что мог Лафарг сказать и что он имел в виду. Ведь и здесь, в Генеральном Совете Интернационала, у нас не было абсолютно никаких связей с немецкими офицерами, так что мы просто не могли даже передавать ему «планы» этих господ. Если же он вообще приобрел такого рода связи во Франции, куда он вернулся в 1868 г., кажется после своей женитьбы (или в 1869 г., точно сейчас не помню), то он скрывал их от нас так

¹ Сообщение появилось в «Matin» 17 и 23 ноября 1891 г.

тщательно, что об этом ничего не было известно ни до его возвращения во Францию в 1880 г., ни позже.

Во всяком случае, он сделал совершенно непростительную глупость — либо солгал, либо зря сболтнул, пусть он сам это решит, а вас поставил в такое положение, при котором может пропасть желание поддерживать интернациональные связи. Я предвижу тот поток клеветы, который *хлынет* на вас, и не нахожу способов воспрепятствовать этому. Я могу только предположить, что $\frac{1}{8}$ или $\frac{1}{16}$ негритянской крови, текущей в жилах Лафарга, которая по временам берет верх, толкнула его на это совершенно необъяснимое безумие: это, мягко выражаясь, — совершенно непостижимая глупость.

Так как многие из бывших немецких офицеров переселились в 1848—1849 гг. и позже за границу, то вполне возможно, что он кое-что узнал, но сваливать это на братьев в Германии поистине чудовищно.

Если хотите я в любую минуту готов засвидетельствовать, что Генеральный Совет Интернационала во время войны никогда не имел возможности передавать через вас во Францию какие бы то ни было сообщения, кроме тех, которые появлялись в ваших собственных газетах. Вообще я готов сделать любое заявление, которое могло бы снять с вас какую бы то ни было ответственность за подобную нелепость. Если даже нечто подобное действительно *происходило*, то вы-то виноваты в этом не больше, чем ребенок в утробе матери.

Вслед за этой чертовски досадной историей пришло, однако, вчера вечером и радостное известие в «Evening Standard» об избирательной победе в Галле. Это доказывает, что, несмотря на все глупости отдельных лиц, мы в общей массе своей продвигаемся вперед.

Кстати. Слова на открытке русские, я думаю, что их там кто-нибудь разберет: да здравствует Берлин ¹.

Однако нужно отправить сейчас письмо на почту, чтобы оно ушло заказным, — так будет вернее, — поэтому о твоём письме поговорим в следующий раз. Русские собираются, повидимому, спрятать когти, парижский заем не прошел у банкиров: целую треть объявленной суммы русское правительство должно было взять обратно, не сумев разместить ее. То, что деньги не имеют отечества, на этот раз обернулось своей лучшей стороной.

Я вынужден отказаться от удовольствия написать твоей жене; письмо Луизы она, вероятно, уже получила.

Твой Ф. Э.

¹ В рукописи слова: «Да здравствует Берлин» написаны Энгельсом порусски латинскими буквами.

220.

Полю Лафаргу

в Париж.

Лондон, 28 ноября 1891 г.

Дорогой Лафарг,

После того как Вы официально опровергли все пункты отчета о Бордо, против которых я имел право протестовать, мне остается лишь взять обратно все резкости, произнесенные мною по Вашему адресу, и официально попросить у Вас извинения.

Но вместо всех извинений я обрисую Вам положение, в котором я находился. Вечером в «Evening Standard» появилась телеграмма Рейтера, о которой Вы знаете. На следующий день вечером — пакет с газетами, в котором Лаура послала мне: 1) номер «Intransigeant» с отчетом, о котором идет речь ¹, 2) вариант того же отчета, вырезанный из другой парижской газеты. Все три варианта в основном вопросе сходятся. Таким образом, я мог заключить из этого, что Лаура читала эти отчеты, и если она посылает мне их без единого слова объяснения, то они по существу правильны. Следовательно, Поль, очевидно, сказал что-либо подобное.

Затем в этих отчетах были вещи, которые — независимо от того, правильны они или нет — могли быть сказаны только Вами или Ранком. Если бы это сказал Ранк, Вы, конечно, не замедлили бы сообщить мне об этом факте, который мог бы отразиться на положении немецких социалистов?

И действительно, для наших друзей в Германии дело шло, в лучшем случае, о восстановлении закона против социалистов, который неистово приветствуют все шовинисты наших правящих классов; о запрещении всех наших газет и собраний; об упразднении всей нашей литературы и — в случае войны — об аресте всех вождей именно тогда, когда они были бы нам особенно нужны, чтобы использовать приближающийся революционный момент. Дело шло, кроме того, об элементах недоверия и раздорах между французскими и немецкими рабочими в тот момент, когда их единство было особенно необходимо.

Благодаря глупости наших врагов об этих отчетах в немецкой прессе до сих пор не упомянуто. Но посольство наверняка воспользовалось ими в своих отчетах канцлеру. И хотя Ваше опровержение,

¹ Корреспонденция репортера Ф. Дюбуа «La dernière bêtise de Constant» («Последняя глупость Констан»), опубликованная в «L'Intransigeant» от 16 ноября 1891 г.

немедленно переданное в Берлин, сняло с меня огромную тяжесть, остается все же опасность, что германское правительство прибережет это обвинение, чтобы в момент войны бросить в тюрьму наших лучших людей и уничтожить их обвинением, вдвойне ужасным в условиях разнузданных шовинистических страстей. Тогда Ваш отказ защитил бы их лишь наполовину и вот почему.

Вы говорите, что репортер написал, воспользовавшись одной из статей Ранка. Но это было бы невозможно, если бы на канве Ранка не было соответствующего узора. Этой канвы я никогда не видел. Будьте добры прислать мне либо статью, либо хотя бы копию соответствующих мест, либо сообщите мне название газеты и дату того номера, в котором статья была напечатана, чтобы я мог отыскать ее здесь. Тогда мы будем знать, с чем имеем дело и против каких нападков мы должны защищаться.

221.

Хоровому кружку лондонского Коммунистического рабочего просветительного союза.

Лондон, 28 ноября 1891 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Уважаемые товарищи,

Г-жа Каутская только что сообщила мне, что мой друг Лесснер уведомил ее о вашем намерении устроить мне сегодня вечером музыкальное чествование по случаю моего семьдесят первого года рождения. Но я еще раньше условился с одним из моих друзей провести этот вечер у него, и так как туда приглашены также и другие, то я абсолютно не могу теперь от этого отказаться. Поэтому, как я об этом ни сожалею, сегодня вечером не смогу быть дома.

Итак, уважаемые товарищи, настоящим я вынужден лишь письменно выразить вам свою искреннюю благодарность за ваше любезное и столь почетное для меня намерение, а также и сожаление по поводу того, что я не был заранее уведомлен о нем. И Маркс, и я, мы всегда были против всяких публичных демонстраций по отношению к отдельным лицам, за исключением только тех случаев, когда это имело какую-либо значительную цель; а больше всего мы были против таких демонстраций, которые при нашей жизни касались бы лично нас. Поэтому, если бы я хоть в малейшей степени подозревал, что мне готовится такая честь, я поспешил бы заблаговременно обратиться с покорнейшей, но самой настоятельной просьбой, чтобы товарищи-певцы отказались от исполнения этого намерения. К сожалению, я узнал об этом лишь сегодня, и если я невольно поставлен

в необходимость помешать вашему столь дружескому и почетному для меня намерению, то я могу, насколько это возможно, заглазить это только заверением, что те немногие годы, на которые я могу еще рассчитывать, и все те силы, которыми я еще располагаю, попрежнему будут безраздельно посвящены великому делу, которому я служу вот уже почти пятьдесят лет, — делу международного пролетариата.

Искренне Ваш

Ф. Энгельс.

222.

Августу Бебелю

в Берлин.

Лондон, 1 декабря 1891 г.

Дорогой Август,

Наконец-то, после трехдневной праздности, именинное настроение выветрилось у меня, кажется, настолько, что я в состоянии написать более или менее рассудительное письмо. Итак, история с Лафаргом улажена. Лаура пишет мне сегодня — Лафарг уехал в Лион и только в субботу задержался на несколько часов в Париже для проверки мандата: «Поль уполномочил меня сказать: 1) что он подтверждает свое письмо к тебе (см. ниже); 2) что собрание в Бордо, на котором он выступал, носило *частный* характер. Это было закрытое собрание членов Рабочей партии, на которое не был допущен ни один репортер, и не существует никакого официального протокола; 3) *инкриминируемые ему выражения представляют собою вымысел* какого-то репортера, *вышивавшего по канве текста опубликованной статьи Ранка* (и еще разукрасившего содержание статьи); 4) Поль сказал следующее: «Я настаивал на продолжении войны, потому что по имевшимся у меня сведениям Германия не в состоянии была еще долго держаться». Лаура к этому добавляет: «*О планах, доставленных немцами, либо через их посредство, не было и речи*»; вообще Поль заявляет, что он во время войны не получал из Германии решительно никаких сообщений. Далее он говорит, что *подписывается под твоими требованиями* и не только подписывается, но он *потянет к ответу за всякое возражение против его вышеприведенного заявления* (Le Regneux, 28 ноября; получено только сегодня).

Что касается его письма ко мне (Лион, 26 ноября), то в нем он говорит, что содержание его речи было вот какое: секции Интернационала во всех странах в 1870 г. считали своим долгом воспрепятствовать подавлению французской республики бисмарковскими вой-

сками; в то время как интернационалисты других стран сражались под командой Гарибальди, немцы протестовали против продолжения войны и захвата Эльзас-Лотарингии.

Мои требования, под которыми он подписывается, заключались в безусловном и безоговорочном отказе от приписанных ему выражений и их содержания. Теперь вам мои требования известны, и вы можете их *использовать как угодно*.

Итак, *этот* камень мы, кажется, благополучно свалили с плеч. Благодаря колоссальной глупости наших противников их попытки вызвать скандал не увенчались успехом. Если бы теперь и случилось еще что-нибудь, вы хорошо вооружены, и оскандалились бы именно нападающие. Но мы здорово все тут попотели, доложу я тебе, пока были в неизвестности: не придерется ли какая-нибудь продажная душа к случаю, прежде чем мы узнаем, что отвечать и *как* изобличить ложь. Какие ослы! Тусси еще в воскресенье сказала: если бы *нам* попало такое известие о противниках, мы его уж использовали бы!

Случай с Вильгельмом II в Потсдаме я проглядел. Что там произошло? Во всяком случае, события разворачиваются, повидимому, с возрастающей быстротой, и тут интересен, конечно, каждый симптом. В здешних газетах пишут, что ваш кайзер ввиду невежливого проезда Александра¹ через его страну хочет отказаться от всех почетных командных чинов в русской армии. Мне думается, что русские хотят спровоцировать его на опрометчивый шаг таким образом, чтобы *он* оказался нарушителем мира. Тогда они при их относительной неуязвимости смогут довести дело до крайности и потом заставить противника добиться сохранения мира лишь ценой уступок. Я не допускаю, чтобы они действительно собирались воевать. Французский заем провалился — вместо 20 миллионов фунтов стерлингов едва 12; голод распространяется с неожиданным размахом и силой; из-за недостатка семян и неблагоприятной погоды озимые пропали почти совершенно; в плодороднейших губерниях из-за отсутствия кормов — повальный падеж или убой скота и лошадей, что парализует земледелие на целых два года. Все это вместе взятое в такой полуварварской стране, как Россия, лишает армию каких бы то ни было видов на успехи. Но все это не мешает русским вести такую политику, будто они готовятся к войне; их стратегическое положение и та легкость, с какой они предают своих друзей, позволяют им это. Этот маленький план может, конечно, сорваться, и отсюда все это массовое вооружение и концентрация войск, которые

¹ Русский царь Александр III.

ведь и в случае мирного исхода действуют как орудие дипломатического давления.

Божественно! Тройственному союзу, основанному «на сохранении нынешних границ», Россия и Франция противопоставляют двойственный союз, опирающийся на гораздо более возвышенный принцип: сохранение договоров. Так пишут газеты. Значит, Франция, которая хочет нарушить франкфуртский договор, заявляет о своем намерении поддерживать его с помощью России, а Россия, имеющая обыкновение нарушать все договоры, заключает союз с этой самой Францией в целях их нерушимого соблюдения. Какой же безмозглой считают *эти* люди ту публику, к которой они обращаются.

Твоя речь о бюджете была блестяща, судя по «Vorwärts»¹; пришли же нам стенографический отчет. Упоминание о *наших* солдатах было вполне уместно. К чему молчать о вещах, которые нашим противникам известны так же, как и нам?

Что Карл Гирш не приходит, по-моему, это не беда. Я не хотел ничего говорить, раз дело уже было улажено, но тогда же сказал здесь, что из этого ничего хорошего не выйдет. Гирш не только упрям, но и без основания ожесточен; он думает, что его несправедливо лишили поста редактора «Sozialdemokrat», причем он зол за это больше на Маркса и меня, чем на вас. Помнишь, ведь он хотел, чтобы *мы* уговорили его взяться за это дело, а нам это и в голову не приходило. Во всяком случае, он тогда тотчас же отстранился от всякой деятельности и, наверное, накопил с тех пор столько озлобления и капризов, что уже по одному этому я считал бы более желательным, чтобы он сначала излечился от этого запора где-нибудь в другом месте, тогда к нему вернется нормальное настроение и он опять сможет работать. Но я несколько не сомневаюсь, что Либкнехт и он не проживут без ссоры и шести недель. У Шенланка тоже свои причуды; насколько я могу судить, он слишком дряблый человек, чтобы оказать нужное сопротивление, и скоро получил бы столько нагоняев, что в главном редакторе почувствовал бы *настоящее* начальство. Впрочем, посмотрим, как обернется дело, хуже едва ли будет.

Вы все постоянно сравниваете положение в Германии с положением во Франции в 1847 г., со скандалами, приведшими к падению Луи-Филиппа: подкупленный министр Тест, герцог Прален, убивший свою жену, королевский адъютант, уличенный в шулерстве во время картежной игры в Тюильрийском дворце, Фульд, подкупив-

¹ Речь А. Бебеля на заседании рейхстага 28 ноября 1891 г. опубликована в «Vorwärts» № 280 от 29 ноября 1891 г.

ший высокопоставленных лиц, чтобы получить орден почетного легиона, и т. д. и т. д. Комично, что у вас болтают о каком-то банковском кризисе: две-три потерпевшие крах жалкие фирмы стояли ведь совершенно вне настоящего мирового оборота; это были банковские посредники для чиновников, офицеров, дворян-помещиков, мелких буржуа — словом, посредники по каким угодно делам, но только не по крупной торговле. Вот лопнут Ангальт и Вегенер, Дисконто-Коммандит, Германский банк и т. д., тогда можно будет говорить о банковском кризисе. Впрочем, и то, что уже есть, очень приятно, и раз падает плащ, то скоро за ним последует и герцог.

То, что ты мне пишешь о появляющихся теперь «товарищах» нового сорта, очень интересно и показательно для всего положения. Люди замечают, что мы становимся «фактором» в государстве (выражаясь языком рептилий), а так как евреи умнее остальных буржуа, то они замечают это первыми — особенно под гнетом антисемитизма — и первыми к нам приходят. Нам это может быть только приятно, но именно *потому*, что эти люди умнее и, так сказать, предопределены и выдрессированы вековым гнетом для карьеризма, к ним нужно относиться с осторожностью.

Пожалуйста, передай фракции от моего имени мою большую благодарность за ее дружескую телеграмму от 28-го. Как только получу фотографии, я постараюсь отблагодарить за все оказанное мне внимание.

Эде говорит, что ты предложил ему чаще ходить в Союз¹. Я твердо убежден, что каждая минута, которую бы он там проводил, не только была бы совершенно потеряна, но являлась бы прямым позором для нашей партии. Ведь ему пришлось бы там встречаться с Гиллесом, а это просто невозможно. Но в обществе англичан ему действительно следовало бы бывать, лично знать их и лично осведомлять о германских делах, между тем как теперь он сидит дома и судит о здешних делах по отчетам *одной* или, в крайнем случае, *двух* газет, потому что кафе и читален поблизости от него нет.

В заключение могу тебя уверить, что, согласно твоей настоятельной просьбе, Луиза выполнила возложенное на нее поручение с достоинством, присущим по меньшей мере какому-нибудь председателю рейхстага; отпускать плохие остроты ей не пришлось, потому что я все время перебивал ее своими собственными. Вообще же все эти дни мы необычайно веселились, между прочим, и по поводу твоего псевдо-поклонника, который на последней странице оказывается

¹ Немецкий Коммунистический рабочий просветительный союз.

«молодым» и хочет перевести тебя на стариковское положение. Этот парень просто не оценит со своим высокопарным стилем.

Сердечный привет госпоже Юлии и тебе от Луизы и твоего

Ф. Э.

223.

Наталии Либкнехт

в Берлин.

Лондон, 2 декабря 1891 г.

Дорогая госпожа Либкнехт,

Примите мою сердечную благодарность за Ваши дружеские пожелания ко дню моего рождения; на сегодня, по крайней мере, Ваши пожелания приблизительно исполнились, так как я вполне здоров физически и бодр духовно и, надеюсь, что так это будет и впредь. Мы провели этот день очень весело, поздравления прибывали со всех сторон; когда мы сидели за утренней кружкой пива, супруги Моттелеры также посетили нас, а вечером мы отправились к Тусси, где были и Вернштейны. Из-за этого не состоялась серенада, которую хотели спеть в мою честь члены рабочего хорового кружка, о чем я узнал только в субботу утром, так что не мог, к сожалению, предупредить их раньше. В сущности я, пожалуй, доволен, что так получилось; у меня закоренелое отвращение к такого рода демонстрациям, от которых нельзя уклониться, когда приходится быть агитатором, оратором или членом рейхстага, чего я до сих пор благополучно избегал и надеюсь избежать и дальше.

Вообще же у нас здесь ничего нового. Тусси пользуется заслуженной репутацией руководительницы Союза рабочих газовых предприятий и чернорабочих и на позапрошлой неделе уезжала на восемь дней в северную Ирландию для агитации. Но что за великолепные парни эти рабочие газовых предприятий! Их Союз самый передовой из всех, и при этом они настолько хорошо поняли смысл «легальной» агитации, что полтора года тому назад в Лидсе одержали победу в двух настоящих боях — сперва с полицией, а затем с полицией и драгунами, принудив к капитуляции муниципальный совет, которому принадлежит газовый завод. Как старый солдат я могу выдать командиру этих боев, Виллю Торну, являющемуся генеральным секретарем Союза, свидетельство в том, что не нашел ни малейших недочетов ни в его стратегических, ни в тактических распоряжениях.

В общем мы теперь живем несколько тише, чем в те времена, когда здесь выходил «Sozialdemokrat». Кроме Эвелингов и Бернштейнов мы мало кого видим. Моттелеры редко ходят в гости, Мендельсоны проводят воскресные вечера в своем польском клубе, а Пумпс с семьей живет с прошлого года в Райде, на острове Уайт, где у ее мужа агентура. Я время от времени бываю у них, в июле гостил там с Шорлеммером четыре недели, как раз в то время, когда там стоял французский флот; французские броненосцы новейшей конструкции я, между прочим, предпочитаю английским, поскольку можно судить по внешнему впечатлению. Пумпс очень мило устроилась; она живет в небольшом домике, приблизительно в двадцати минутах ходьбы от города, в совершенно деревенских условиях, что, конечно, чрезвычайно полезно для детей. Жизнь там ей очень нравится, и если, на что можно надеяться, ее муж будет преуспевать, то перемена лондонского климата на морской окажется для них только выгодной. Остров Уайт очень приятное и даже красивое место; на пароходе его можно объехать кругом за семь часов — очень приятная поездка с риском для любителя заболеть на 2¹/₂ часа морской болезнью.

Передайте, пожалуйста, Либкнехту прилагаемые заметки и поблагодарите его и Вашего сына от моего имени за их поздравления.

Надеюсь, что Вы и впредь останетесь довольны Берлином и что Ваше здоровье позволит Вам всесторонне использовать прелести «имперской столицы». Не забывайте

искренне преданного Вам

Ф. Энгельса.

Луиза также шлет сердечный привет Вам, Либкнехту и всей Вашей семье.

224.

Карлу Каутскому

в Штуттгарт.

Лондон, 3 декабря 1891 г.

Дорогой Каутский,

На твое письмо от 30 октября я долго не отвечал; причиной этому III том, за который я снова засел. Я перехожу сейчас к самой трудной части, к последним главам (примерно, 6—8) о денежном капитале, банках, кредите и т. д.; и тут уж мне придется основательно поработать, не допуская никаких перерывов, придется снова просмотреть литературу, словом, быть совершенно в курсе дела,

вероятно, для того, чтобы, в конце концов, оставить почти все в том виде, как оно есть, но зато в полной уверенности, что я не сделал ни прямо, ни косвенно ни одной ошибки.

Большое спасибо за сообщения об Эрфурте, они во многих отношениях очень ценны для меня; особенно интересны прения в программной комиссии. Ты называешь проект Правления проектом его — Либкнехта. Бебель прислал мне весь материал по истории развития этого проекта, из чего я заключил, что на каждой стадии его развития значительная часть первоначальной работы Либкнехта отпадала, уступая место бевелевским положениям, так что, в конце концов, от нее почти ничего не осталось, или, во всяком случае, — очень немного. Но то, что осталось, из-за деликатного отношения к работе Либкнехта, это — отсутствие связи и слабая координация отдельных положений; это именно и дало преимущество твоему проекту — преимущество, которое каждый должен был признать с первого же взгляда. Открыто признанное Бебелем, оно тотчас же было подтверждено и другими.

Новейшие исследования, делавшие марксову главу об исторической тенденции капиталистического накопления якобы устаревшей, принадлежат, конечно, Гейзеру, которого в Бреславле считают ведь настоящим научным авторитетом. Но возможно также, что Либкнехт, очутившись в затруднительном положении (он, очевидно, не знал, что эти положения взяты из *«Капитала»*), наговорил первые подвернувшиеся ему на язык «глупости», если употребить его собственное обычное выражение.

Во всяком случае, теоретическая часть программы теперь вполне приемлема; ведь главное — чтобы в ней не было ничего теоретически спорного, а это в основном достигнуто. Практические требования не совсем безупречны, некоторые, в применении к современным условиям, выглядят по-мещански; но при нашей нынешней прочной позиции на это можно справедливо возразить, что их, наверное, нельзя будет провести, пока мы не придем к власти; а тогда они приобретут совершенно иной характер. Так, например, требование о бесплатной судебной защите. Пункт о 6-часовом рабочем дне до 18-летнего возраста, несомненно, следовало бы включить, так же как и запрещение ночной работы для женщин и отпуск по меньшей мере за четыре недели до и шесть недель после родов.

Мне жаль Либкнехта, так как ему пришлось все-таки расхваливать новую программу, в составлении которой он, как это было ясно для всех, не принимал ровно никакого участия. Но он сам избрал для себя эту роль — что тут поделаешь?

Твое замечание о речи Тельке ¹ для меня ново и очень интересно. Работа Эде подхлестнула к активному выступлению старо-лассальянцев, после того как письмо Маркса уже вывело их из состояния душевного равновесия — обязательного культа Лассалья.

Яков Аудорф, открывший смелый путь, которым вел нас барон Итциг (как Маркс обыкновенно называл Лассалья), в воскресной болтовне в «Hamburger Echo» тоже разразился негодующим боевым кличем. Но все это уже не производит впечатления. Вообще Эде волновался по поводу критических замечаний Бебеля и т. п. гораздо больше, чем следовало; Бебель поступил очень разумно и требовал лишь соблюдения *формы*, чтобы с самого начала не отпугнуть публику, по традиции почитающую Лассалья, и не дать старо-лассальянцам повода для справедливых нареканий. Но как на грех Эде вставил действительно совершенно излишнее примечание о сифилисе (так как словечко «вероятно» превратило это просто в сплетню), берлинские же господа цензоры *это примечание проглядели*, а потом уж было слишком поздно. То обстоятельство, что прозевали *они*, в первое мгновение возбудило в них, конечно, великий ахиллесов гнев, и тут Эде пришлось расплачиваться получением нескольких возмущенных писем за этот *свой*, но еще больше *их* промах. Я, разумеется, во всем этом деле поддерживал его по мере сил.

Враждебная нам печать *живет* тем, что противопоставляет *национального* Лассалья *не имеющим отечества* социал-демократам, поэтому она поостережется использовать книгу, в которой легенда о национальном Лассале разрушена до основания.

Работа Эде действительно превосходна и очень меня порадовала; она со временем будет иметь в Германии большое влияние, а когда все издание будет закончено, ее следовало бы напечатать также и отдельно, причем Эде мог бы развить ее дальше и лишить специфических черт предисловия. К этому времени мы настолько шагнем вперед, что это будет вполне возможно. И здесь она будет очень полезна; здешние буржуа с социалистическим налетом тоже пытаются сотворить о Лассале легенду, направленную против Маркса.

Письмо Лабриолы к Тусси я просмотрю еще раз. Мне кажется, что его лучше *не* печатать. Лабриола очень недоволен ходом событий в Италии; быть может, это результат разочарования в том, что *его* вступление в движение не привело тотчас же к перелому и подъему. Насколько я помню, это письмо вызвало множество возражений. В Италии в самом деле происходят странные вещи.

¹ Речь старого лассальянца Тельке на Эрфуртском съезде германской социал-демократии с нападками на предисловие Э. Бернштейна к сочинениям Лассалья.

Ты еще пожалеешь о том, что Лафарга выпустили из Pélagie в палату. Из-за этого ты потеряешь не одну хорошую статью.

До свидания.

Твой Ф. Э.

Статьи Плеханова превосходны¹.

225.

Карлу Каутскому

в Штуттгарт. •

Лондон, 27 декабря 1891 г.

Дорогой Барон,

Пишу наспех несколько строк. Из-за тумана, стоявшего у нас целых девять дней, опять немного пострадало мое зрение (отчасти, впрочем, и от выпивки), поэтому я сильно запустил все дела, а тут еще вдобавок:

1) Корректурa английского перевода «Положения рабочего класса» — до сих пор остались не прочитанными 6 листов!

2) Просмотр перевода Эвелинга «Развития социализма», который должен *быть безукоризненным*; так как я живу в том городе, где он печатается, то за малейшую ошибку я несу суровую ответственность.

3) Огромная и вдобавок сильно увеличившаяся из-за праздников переписка.

И при всем этом сильно сокращенный рабочий день из-за необходимости беречь зрение.

Ты ведь понимаешь, что так как к III тому надо снова приступить как можно скорее и довести его до конца без *перерывов*, то твою рукопись я в состоянии просмотреть лишь очень бегло; но все, что будет возможно, я охотно сделаю.

Новое о меновой стоимости и стоимости в третьем издании «Капитала» взято из рукописных добавлений Маркса; к сожалению, их мало, да и те написаны были во время тяжелой болезни. Маркс долго не мог найти правильной формулировки и много раз исправлял.

Что касается Фиремана, то, конечно, вполне ясно, что если на практике встречается $\frac{v}{c} = \frac{1}{2} = \frac{1}{3} = \frac{1}{4} = \frac{1}{5}$ и т. д., то какая-нибудь *одна* из этих дробей должна соответствовать отношению, при котором прибыль и прибавочная стоимость (грубо говоря, так

¹ Статьи Г. В. Плеханова «Zu Hegel's sechzigstem Todestag» («К шестидесятилетию со дня смерти Гегеля»), опубликованные в «Neue Zeit» №№ 7, 8, 9 за 1891—1892 гг.

как тут еще нужны всякие оговорки) совпадают друг с другом. Тем не менее нельзя не признать, что Фиреман напал на эту мысль. Если он ничего не имеет против, пришли мне, пожалуйста, его статью. Правда, ей придется пролежать без движения в моем столе до тех пор, пока я не дойду до предисловия к III тому, в котором смогу упомянуть о ней наряду с другими попытками решения проблемы, *если она действительно того стоит*. Бóльшего я сделать не могу, этим удовольствовался и Шмидт. Если он возражает против этого, то пусть напечатает свою статью и ждет дальнейшего.

Что бедному Р. Мейеру под конец приходится искать прибежища у нас — это почти трагично. Бедняга, ему не везет: у него диабет, он чувствует, чего можно ждать ему от своих консервативных друзей во всех странах.

После того как Эвелинг дал Гиллесу пощечину, он тем более не может отвечать на его листовки. В здешней прессе Гиллесу, разумеется, никогда не удастся пристроить эту дрянь, а подать на него в суд за клевету и истратить несколько сот фунтов на процесс — причем Гиллес испарится накануне судебного разбирательства — этого никто не может требовать. «Подавали ли вы когда-нибудь в суд за клевету?» — спросил адвокат истца у обвиняемого в клевете Лабушэра. — «Нет, я никогда не был настолько глуп», — ответил последний, а судьи и адвокаты засвидетельствовали, что он один из первых авторитетов в области законодательства о клевете.

Во время забастовки наборщиков¹ наши берлинцы или, по крайней мере, Либкнехт, нас здесь опозорили. Господин Деблин, приехавший сюда для оказания помощи наборщикам с рекомендательными письмами от Либкнехта к целому ряду лиц, но *только не ко мне и не к Эде*, не только игнорировал германскую партию, но свысока третиловал ее и по меньшей мере *косвенно* ее оклеветал. Деблин сказал при Бернсе, что партия *ничего* не сделала для наборщиков, между тем как в действительности она дала 25 000 марок. Когда же присутствовавший при этом Сандерс спросил его, не выступала ли в их защиту вся партийная пресса, он должен был с этим согласиться. А Либкнехт пишет мне, чтобы я сделал для наборщиков все, что в моих силах, но не сообщает при этом, что сделали он и партия, и даже не извещает меня о том, что здесь находится представитель наборщиков. Разумеется, я ничего не мог сделать; о происходящем я узнал только из здешней печати, и не настолько же я глуп, чтобы

¹ Забастовка наборщиков началась в октябре 1891 г. в Берлине и затем перекинулась в другие города. 8 ноября бастовали уже печатники и наборщики Берлина, Лейпцига, Аугсбурга, Ганновера.

навязываться человеку, который тщательно избегал общения с партийными товарищами и вел переговоры непосредственно с советом трэд-юнионов. Можешь себе представить, как это льет воду на мельницу Гайндмана и Гиллеса. Вот видите, мол, за прославленной германской партией нет решительно никого, сами рабочие не хотят ее знать и поносят ее! И сразу, на этой же неделе — результаты: Гиллес в «Justice» открыто становится на сторону независимых. Это еще счастье. Гайндман таким образом скомпрометирует себя и провалится вместе с немецкими независимыми совершенно так же, как провалился в свое время с Бруссом и К^о.

Если немецкие предприниматели не ослы, то они введут теперь линотипную печатную машину, которая применяется и здесь и в Нью-Йорке всеми большими газетами.

Бернс пришел в ужас, когда услышал, что немецкие наборщики получают еженедельно 21 марку стачечного пособия, — здесь они никогда не получают больше 10—15 шиллингов; это самое большее!

Раз наборщики кого-то послали, наши берлинцы должны были *настаивать на том*, чтобы посланный действовал здесь в контакте с Эде, как со здешним представителем партии, или же совсем отказаться от всякого сотрудничества. Ведь ничто больше не вынуждает партию опускаться до сношений с этими рабочими аристократами.

У Эде в прошлое воскресенье произошла кража со взломом, стоившая ему 10 фунтов, как ты, вероятно, уже знаешь. У него сильное нервное переутомление, и он нуждается в отдыхе на свежем воздухе.

Спасибо за поздравления. Весь наш дом, включая Тидлумса, желает к новому году счастья и здоровья тебе, твоей жене и твоему малышу. Тидлумс стал большим, величественным котом, султаном всех кошек на Regent's Park Road, страшным врагом всех своих конкурентов и соперников.

Твой Ф. Энгельс.

226.

Эдуарду Бернштейну

в Лондон.

Лондон, 29 декабря 1891 г.

Дорогой Эде,

По своей глупости я вчера совсем не подумал о том, что тебе после воскресного происшествия могут понадобиться деньги, и хоть я и имею некоторое право предполагать, что при виде такого

бестактного упущения с моей стороны ты сам не постеснялся бы заговорить со мной об этом, я все же спешу, осознав все это, по возможности загладить свою ошибку и прошу тебя располагать моими средствами как находящимися в банке, так и наличными. У меня есть около 5 фунтов стерлингов дома, а завтра утром — если не помешает туман — я достану еще.

Сердечный привет всем вам.

Твой Ф. Э.

В пятницу Кэте могла бы переночевать у нас, если для вас это удобнее. Нас это нисколько не стеснит.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПЕРВЫЙ ПАМФЛЕТ,

редактированный Ф. Энгельсом.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РАБОЧИЙ КОНГРЕСС 1889 г.

ОТВЕТ ГАЗЕТЕ «JUSTICE».

В номере от 16 марта 1889 г. «Justice» (орган социал-демократии) нападает на позицию, которую заняли в отношении вышеназванного конгресса те, кого она называет «официальные немецкие социал-демократы» (что бы это ни означало), вообще и в частности «официальный орган немецких социал-демократов» — иными словами — лондонская газета «Sozialdemokrat».

«Sozialdemokrat» перестал быть «официальным» органом с тех самых пор, как решением Верховного суда Германской империи наши немецкие друзья были лишены возможности издавать такой официальный орган без того, чтобы быть обвиненными в принадлежности к «тайному обществу». С тех пор газета, как и показывает ее название, претендует на роль даже не «органа социал-демократии», а всего лишь «одного из органов социал-демократов, говорящих по-немецки». Тем не менее мы горды сознанием, что «Sozialdemokrat» пользуется полным доверием немецкой социал-демократической партии, партии, численность которой далеко не исчерпывается 770 000 ее членами, участвовавшими в выборах 1887 г.

По мнению «Justice», «немецкие социал-демократы, не только в Великобритании, но также и в Америке, затрудняют пропаганду нашего дела, издавая свою газету на языке, понятном в лучшем случае одному из каждых десяти тысяч окружающих их людей, хотя сами они, в Соединенных Штатах во всяком случае, обязаны изучить английский язык. Более того, они выступают исключительно в своих национальных клубах».

Упрек совершенно беспримерный! По мнению «Justice» выходит, что немцы, живущие в чужой стране, должны отказаться от родного языка, единственного доступного им орудия пропаганды среди своих соотечественников, и превратиться всего лишь в придаток любого движения, какое могло возникнуть в избранной ими для проживания стране.

«Sozialdemokrat» — немецкая газета, предназначенная для читателей, говорящих по-немецки. Девять десятых ее тиража отсылается непосредственно в Германию. Печатается она в Англии только потому, что чрезвычайное законодательство хуже того, которое Англия применяет по отношению к Ирландии, вынудило редакцию перенести свою деятельность за границу, а швейцарское правительство под давлением Бисмарка изгнало весь штат ее работников из пределов Швейцарии.

«Londoner Freie Presse» — местная газета на немецком языке. Она существует уже более трех лет, что служит достаточным доказательством необходимости такого рода органа. Впрочем, защиту ее можно предоставить ей самой.

То же можно сказать и об американских немцах. Но для характеристики обвинений, которые выдвигает против них «Justice», мы можем заметить, что у Американской социалистической рабочей партии, состоявшей вначале и даже теперь состоящей главным образом из немцев, имеется целый ряд немецких секций — англо-американская, славянская, скандинавская и т. д.; что помимо своих многочисленных немецких газет, которые все целиком или почти целиком окупают себя, она издает английский орган «Workman's Advocate» и покрывает значительный дефицит, до сих пор имеющийся в его балансе (см. нью-йоркский «Sozialist» от 2 марта 1889 г., отчет Национального исполнительного комитета); что она из собственных средств оплачивает агитатора для англо-американской рабочей аудитории — профессора Гарсайда; что в Америке ей нередко приходится выслушивать о себе мнение как о кучке непрошенных иностранцев, вмешивающихся в американские дела, которые их не касаются и в которых они ничего не смыслят. И такие вещи им говорят несмотря на то, что американские немцы либо уже приняли американское подданство, либо решили принять его и навсегда остаться в Америке. Так вот, если бы немцы, живущие в Англии и в большинстве своем являющиеся там лишь временными гостями, последовали советам, которые дает им «Justice», если бы они стали издавать английские газеты для английских читателей, принимать деятельное участие в публичной агитации среди англичан, вмешиваться в политическую жизнь Англии, выполнять все обязанности англичан и претендовать на все их права, — им в лицо был бы брошен тот же упрек, причем очень возможно, что в хоре обвиняющих голосов был бы и голос «Justice».

Что же касается утверждения, будто американские немцы «обязаны изучить английский язык», то я от души желал бы, чтобы это было так. Но, к сожалению, дело обстоит далеко не так.

Где бы ни проживали немецкие социалисты, они неизменно, в пределах своих возможностей, деятельно и с успехом участвовали в социалистической агитации. Ни в Америке, ни в Швейцарии, ни в восточной и северной Европе социал-демократия не занимала бы нынешнего своего положения, если бы не работа пресыщающихся в этих странах немцев. Везде и всегда они первые устанавливали связь между социалистами различных национальностей, а немецкий Рабочий просветительный союз (ныне помещающийся на 49, Tottenham Street, Tottenham Court Road) еще в 1840 г. был первой международной социалистической организацией. «Justice» эти факты, повидимому, неизвестны, зато международная полиция и международный капитал отлично о них осведомлены. Из каждых четырех зарубежных социалистов, которых допрашивала, травила или высылала континентальная полиция, трое были немцами; и законопроект о запрещении иммиграции иностранных социалистов, который рассматривает сейчас американский конгресс, направлен, главным образом, против немцев.

«Justice» продолжает: «Теперь поговорим о предстоящем конгрессе. На Парижском конгрессе 1886 г., где немцы имели своих представителей, и на Лондонском конгрессе 1888 г. были единогласно приняты резолюции о том, чтобы организацию конгресса 1889 г. поручить партии POSSIBILISTОВ. Никаких возражений против этого в то время не высказывалось... Поэтому были основания надеяться, что все мелкие личные раздражения последних лет бесследно исчезли.

Однако с тех пор и до настоящего времени официальный орган немецких социал-демократов упорно высмеивает и чернит POSSИБИЛИСТОВ, и нападки его закончились тайным сговором, состоявшимся 28 февраля в редакции «Recht voor Allen» и сильно напоминающим презренные интриги, которые развалили старый «Интернационал». На этой неделе «Sozialdemokrat» опять взялся за свое, — он цитирует из нью-йоркского «Der Sozialist» нападки на наших французских товарищей. Но это уж, действительно, слишком. Мы призываем вашего товарища Ракова и всех независимых немецких социал-демократов объединиться с нами в честной попытке положить конец этим мелочным и злобным пререканиям и проискам».

Чтобы понять всю вышеприведенную тираду, следует знать кое-какие факты из истории французского социалистического движения после 1871 г. Французские социалисты, разбитые в 1871 г. в дни Коммуны, постепенно оправились и снова выступили на сцену на Марсельском конгрессе 1879 г., где они организовались в Рабочую партию; но в 1882 г., на конгрессе в С. Этьенне, в партии произошел раскол. Сами себя обе фракции называли Французской рабочей партией (Parti ouvrier), однако их удобнее всего обозначить названиями, которые они дали друг другу, а именно: POSSИБИЛИСТЫ и МАРКСИСТЫ. Помимо этих двух групп существовала еще группа БЛАНКИСТОВ, имевшая свою отдельную организацию, хотя вначале она обычно действовала совместно с Рабочей партией, а после раскола — с так называемыми марксистами. В сфере влияния каждой из этих группировок находился целый ряд профессиональных организаций (chambres syndicales) и других рабочих объединений. В общем POSSИБИЛИСТЫ имели наибольшее влияние в Париже, тогда как в провинции работу вели почти исключительно так называемые марксисты. Оценкой разногласий этих группировок я сейчас не намерен заниматься; достойно сожаления, что эти разногласия существуют. Но ни английские социалисты, тоже разделенные на несколько групп, ни немецкие социалисты, объединившиеся лишь в 1875 г., не имеют права ставить французам в упрек такой недостаток единства.

POSSИБИЛИСТЫ, чтобы добиться признания в качестве единственной во Франции подлинной рабочей партии, стали созывать международные конференции и конгрессы — в Париже в 1883 г., затем в 1884 г. (когда из иностранных делегатов присутствовали главным образом представители английских трэд-юнионов) и в 1886 г., когда среди участников было также несколько делегатов и из других стран. На этой последней конференции было решено созвать в Париже в 1889 г. международный конгресс, и организация его была доверена POSSИБИЛИСТАМ. Но ни *немецкий делегат* Гимпе, ни австрийский делегат не голосовали за эту резолюцию. Так или иначе это постановление конференции, на которой, кроме POSSИБИЛИСТОВ и английских трэд-юнионистов, присутствовала только горсточка бельгийцев, один австралиец, один немец, один делегат от немецкого общества в Лондоне, один швед и один австриец, имеет значение лишь как пожелание. Что люди, представленные на этой конференции, все же считали для себя обязательными принятыми на ней резолюции, доказали английские трэд-юнионы, когда они частично отменили их на своем конгрессе в Гулле.

В сентябре 1887 г. в С. Галлене, в Швейцарии, состоялось собрание делегатов — членов Германской социал-демократической партии. На этом собрании было, между прочим, принято решение о созыве в 1888 г. международного рабочего конгресса. Когда, примерно, в то же самое время, трэд-юнионы объ-

явили о созыве Лондонского конгресса, Германская рабочая партия изъявила готовность отказаться от собственного конгресса, если ее членов допустят — только допустят! — на конгресс в Лондоне.

Созывая свой конгресс, трэд-юнионы объявили, что присутствовать на нем могут только официальные делегаты официальных рабочих организаций. Но ведь в Германии при нынешних чрезвычайных законах правительство немедленно разогнало бы всякую профессиональную организацию, рискнувшую избрать делегата и отправить его в Лондон, и конфисковало бы ее фонды. Условие, поставленное Советом трэд-юнионов, было равносильно закрытию доступа на конгресс всем немецким делегатам. Тогда Германская рабочая партия делегировала в Лондон А. Бебеля, нашего известного члена рейхстага, в сопровождении автора этой статьи. Он побывал у секретаря парламентской комиссии Совета трэд-юнионов и беседовал с представителями Социал-демократической федерации и Социалистической лиги. Затем последовала долгая переписка, путем которой немцы пытались добиться изменения условий участия в конгрессе. Однако решение парламентской комиссии Совета трэд-юнионов осталось в силе, и, таким образом, в праве присутствия на конгрессе нам было сознательно отказано. После этого Исполнительный комитет нашей партии опубликовал протест против такого конгресса.

Конгресс состоялся. Никогда еще в истории рабочего движения рабочий конгресс не был обставлен так унижительно. Все ранее созывавшиеся рабочие конгрессы считали себя суверенными. Организаторы их могли выработать предварительные правила, но каждый делегат был вправе не согласиться с ними, и тогда окончательное решение по этому вопросу принимал сам конгресс. На этот же раз условия участия, устав, регламент, способ голосования, темы, подлежащие обсуждению, — все было заранее продиктовано парламентской комиссией, этим антисоциалистическим органом антисоциалистического лондонского Совета трэд-юнионов. И все же делегаты социалисты пошли на такое унижение потому, что иначе Совет трэд-юнионов, оплачивавший помещение, попросту выгнал бы их и потому, что они считали — и правильно считали, — что главная их задача — доказать миру существование в рядах английских профессиональных организаций сильного социалистического меньшинства. Но им надлежало выразить протест, а они этого не сделали.

Решения такого конгресса едва ли могут считаться обязательными даже для тех, кто посылал на него представителей, и сами инициаторы его — парламентская комиссия — отреклись от этих решений, когда отказались провести в жизнь хотя бы одно из них (доклад от ноября 1888 г., стр. 2). Считать их обязательными для людей, которые не только не были представлены на конгрессе, но сознательно были исключены и протестовали против этого, просто смешно. Как бы там ни было, конгресс постановил, что в 1889 г. в Париже созывается международный конгресс, и поручил организацию его парижским POSSИБИЛИСТАМ.

Одновременно с Лондонским конгрессом в Бордо заседал конгресс французских профессиональных союзов, связанных с французскими так называемыми марксистами, который тоже постановил организовать в 1889 г. в Париже международный рабочий конгресс. Из Бордо на Лондонский конгресс был послан делегат, но он попал в Лондон лишь к самому концу.

Далее, французские POSSИБИЛИСТЫ думали созвать свой, национальный рабочий конгресс в Труа в декабре прошлого года. Но местные организаторы —

члены их же партии — заявили, что считают своим долгом пригласить на такой конгресс делегатов от *всех* социалистических и рабочих организаций Франции. Тогда POSSИБИЛИСТЫ отказались от мысли о собственном конгрессе, и конгресс без их участия был организован так называемыми марксистами и бланкистами, которые подтвердили принятую в Бордо резолюцию о созыве международного конгресса в Париже в 1889 г. Это было сделано просто в порядке самозащиты, ибо они не сомневались в том, что Лондонский конгресс, доверяя организацию *своего* Парижского конгресса POSSИБИЛИСТАМ, фактически, хоть и не сознавая того, подготавливал исключение из числа его участников всех французских рабочих, не находящихся под влиянием POSSИБИЛИСТОВ.

Таким образом, в Париже в 1889 г. должны были собраться два конгресса-соперника. И хотя «Justice» держала своих читателей в полном неведении относительно того, что осенью 1888 г. в Бордо и Труа происходили внушительные собрания французских рабочих (в Бордо 03 делегата представляли 250 местных объединений Марселя, Лилля, Лиона, Рубэ и других городов; в Труа 36 делегатов представляли 327 различных организаций, местных профессиональных союзов и социалистических кружков) и что эти рабочие постановили созвать конгресс, где и они были бы представлены, — факты эти все же дошли до сведения Германской социал-демократической партии. Тогда немцы сочли своим долгом приложить все усилия к тому, чтобы предотвратить созыв этих двух конгрессов-соперников, зная, что они будут враждовать друг с другом и оба обречены на провал, а также попытаться создать из этих двух куцых конгрессов один настоящий.

С этой целью немцы — члены рейхстага, из которых состоит Исполнительный комитет нашей партии, — решили созвать международную конференцию и пригласили на нее обе фракции французских социалистов, а также все другие немецкие социалистические организации, с которыми они поддерживали отношения и переписку. Эта конференция состоялась в Гааге (Голландия) 28 февраля, и я присутствовал на ней не как делегат, а лишь в качестве гостя. Как уже сказано, приглашены были обе французские партии, но POSSИБИЛИСТЫ на конференцию не явились. Марксистов представлял Лафарг. Среди делегатов были два немца (Бебель и Либкнехт), два голландца (Домела Нивенгейс и Кролль), два бельгийца (Ансель и Вольдерс) и два швейцарца (Рейхель и Шеррер).

Надлежало решить три основных вопроса: во-первых, мероприятия для созыва объединенного конгресса; во-вторых, выработка таких условий участия в нем, при которых не могла бы быть отстранена ни одна из групп, пожелавших быть на нем представленными; в-третьих, суверенность конгресса в отношении его внутренних дел. Надо сказать, что POSSИБИЛИСТЫ, следуя по стопам парламентской комиссии трэд-юнионов, уже заранее опубликовали инструкции и правила, которыми они собирались связать конгресс. Мало того, что был подробно разработан порядок дня, но еще имелось, между прочим, правило, что проверять и утверждать мандаты делегатов должен не конгресс в целом, а та или иная национальная группа. Впоследствии конгресс мог принять и этот порядок дня и этот способ проверки мандатов; но право конгресса дать или не дать свое согласие, во всяком случае, следовало за ним сохранить, тем более что способ проверки мандатов, предписанный POSSИБИЛИСТАМИ, фактически давал им возможность не допустить на конгресс ни одного из нежелательных им французских делегатов. Вспомним, что несколько английских социалистов — делегатов на Лондонский конгресс — чуть не были исключены комиссией по вы-

работке регламента, в которой английские трэд-юнионы имели совсем незначительное большинство по сравнению с иностранцами. А Париж является оплотом POSSIBИЛИСТОВ, которые к тому же намерены обратиться к парижскому муниципальному совету с просьбой о предоставлении им для нужд конгресса 50 000 франков (2 000 фунтов стерлингов).

Итак, Гагская конференция единогласно приняла следующую резолюцию:

«Мы, нижеподписавшиеся, предлагаем федерации социалистических рабочих Франции (т. е. POSSIBИЛИСТСКОЙ федерации), в силу полномочий, данных ей Лондонским конгрессом 1888 г., созвать Парижский международный конгресс в согласии с рабочими и социалистическими организациями Франции и других стран.

Извещение о конгрессе, подписанное всеми представителями рабочих и социалистических организаций, следует возможно скорее довести до сведения рабочих и социалистов Европы и Америки.

В этом извещении будет сказано:

1) что Парижский международный конгресс должен открыться 14 июля и продолжаться до 21 июля 1889 г.;

2) что рабочие и социалисты всех стран могут участвовать в нем, сообразуясь с политическими условиями страны, в которой они живут;

3) что конгресс будет суверенным в отношении проверки мандатов и установления порядка дня.

Для обсуждения намечаются следующие вопросы:

а) международное рабочее законодательство — установление законом нормального рабочего дня (дневная работа, ночная работа, работа в праздничные дни, труд взрослых мужчин, женщин и детей);

б) инспекция фабрик и мастерских, а также домашней промышленности;

с) пути и средства, гарантирующие выполнение этих требований».

Гаага, 28 февраля 1889 г.

Делегаты от Германии: А. Бебель, В. Либкнехт.

» » Швейцарии: А. Рейхель, Г. Шеррер.

» » Голландии: Ф.-Д. Нивенгейс, К. Кролль.

» » Бельгии: Э. Ансель, Ж. Вольдерс.

» » Франции: Поль Лафарг.

Таким образом, конференция всячески пошла на уступки POSSIBИЛИСТАМ. В полном согласии с решением Лондонского конгресса подготовка и организация конгресса поручалась им, и соперничающая с ними фракция была отстранена от этой работы. Единственное, о чем их просили, это подписать совместное извещение о созыве конгресса, которое подписали бы также все другие заинтересованные стороны, причем в этом извещении предлагалось указать: 1) срок созыва конгресса; 2) основные условия участия в нем и 3) суверенность конгресса в части регламента и порядка дня. Такая форма общего извещения, связывающего между собой все подписавшие его организации, являлась лучшим, вернее сказать, единственным средством обеспечить действительно всеобщий и международный характер конгресса. Предложенные в нем основные условия участия исключали возможность отстранения немецких, австрийских и русских делегатов, в силу чего пролетарское движение наших дней было так неполно отражено на Лондонском конгрессе. Требование особо отметить суве-

ренность конгресса в отношении всех его внутренних дел стало необходимым, после того как парламентская комиссия попыталась создать прецедент и поссибиллисты последовали ее примеру. Справедливость этого требования была самоочевидна, и оно ни в какой мере не отнимало у поссибиллистов полномочий, возложенных на них Лондонским конгрессом, ибо Лондонский конгресс никого в мире не уполномочил и не мог уполномочить устанавливать правила, обязательные для последующих конгрессов.

Гагская резолюция была принята вовсе не из желания насолить Лондонскому конгрессу; это доказывает то обстоятельство, что двое из делегатов, согласившихся с ней и подписавших ее, — Ансель из Гента и Кролль из Гааги, — были также делегатами в Лондоне в декабре 1888 г., и притом не просто делегатами, а членами президиума. Это доказывается также тем, что оба немца, не допущенных на Лондонский конгресс, и те из французов, которые не были на нем представлены, согласны предоставить поссибилистам все права, какие они там получили и могли получить. Они требуют одного: чтобы им была обеспечена возможность участия в Парижском конгрессе на равных правах с другими делегатами и чтобы, когда этот конгресс соберется, он сам мог решать свои внутренние дела. И за то, что Гагская конференция отважилась действовать в таком примирительном духе, «Justice» называет ее «тайным сговором»!

Поссибиллисты отказались от сотрудничества, которое им предлагали. Они согласны, чтобы извещения о конгрессе подписали вместе с ними иностранные социалисты, но ни одной подписи французского социалиста, не состоящего в их партии, они не потерпят. Тем самым они провозглашают себя *единственной* социалистической организацией Франции и рассчитывают на то, что мы, иностранцы, признаем их таковой. Кроме того, они не согласны предоставить конгрессу в целом установить способ проверки мандатов; существуют инструкции и правила, выработанные поссибилистами, и конгресс должен беспрекословно им подчиниться.

Раз дело обстоит так, совершенно очевидно, что конгресс, резолюция о созыве которого была принята в ноябре прошлого года в Лондоне и организация которого была поручена поссибилистам, будет лишь пародией на конгресс. Посмотрим же, что предпримут теперь группы, представленные в Гааге; во всяком случае, они твердо решили действовать сообща.

Что же касается «Sozialdemokrat», то «Justice» утверждает, будто бы она после Лондонского конгресса «упорно высмеивает и чернит поссибиллистов». «Justice» призывает всех независимых немецких социал-демократов «объединиться с нами в честной попытке положить конец этим мелочным и злобным пререканиям и интригам».

«Justice» в особом, присущем ей тоне уже много лет критикует слова и поступки немецких социал-демократов, однако «Sozialdemokrat» ни разу не жаловалась на насмешки и поклепы или на мелочные и злобные пререкания и интриги. Мы, немцы, привыкли проводить очень откровенную критику как внутри нашей партии, так и по отношению к другим национальным секциям пролетарского движения. Мы прекрасно понимаем, что превратить это движение в общество взаимного восхваления или в страховую корпорацию агитаторов друг за друга значило бы как нельзя более удачно сыграть наруку нашим врагам. Поэтому мы теперь достаточно толстокожи и можем, не дрогнув, стерпеть вышады «Justice». Но ведь не для того мы приехали в Англию, чтобы отказаться

от права свободной критики, которое мы сохранили наперекор Бисмарку и которое англичане завоевали в славных революционных боях прошлых лет, чем они и гордятся с полным на то основанием; и всякий раз, как это покажется нам нужным, мы будем высказывать свое мнение о «пререканьях и интригах» французских, а если на то пошло, так и английских социалистов.

Политика, которую последнее время проводят POSSIBILISTY, отнюдь не всегда встречает одобрение со стороны социал-демократов других национальностей; а позиция, занятая ими во время последних парижских выборов, просто непростительна. Под предлогом спасения республики от Буланже они объединились с самыми продажными элементами буржуазного республиканизма, с оппортунистами, которые вот уже десять лет обогащаются тем, что сосут кровь Франции; они ратовали и голосовали за кандидата правительства, винокура-капиталиста, «скверного кандидата — французского Джона Джемсона» («Justice» от 19 января 1889 г.). А когда рабочий и социалист Буле, тот, который организовал недавно внушительную забастовку землекопов, выступил и против Буланже и против Жака, они присоединились к хору буржуазии: «Не сейте раздора в рядах великой Республиканской партии!» В этих же словах великая либеральная партия здесь, в Англии, не раз выражала свой протест против кандидатов, выдвинутых «Justice»; как будто борьба против Буланже не будет успешнее, если дать рабочим возможность голосовать за своего же представителя, вместо того чтобы предоставлять им выбор — голосовать либо за Буланже, либо за одного из тех капиталистов, чье стремление перекачать богатство Франции себе в карман (как очень правильно заметил г. Гайндман в «Justice» от 2 февраля 1889 г.) только и могло сделать Буланже тем, чем он сейчас является.

Надо отдать справедливость «Justice», она не пыталась оправдать ни этот поступок POSSIBILISTY, ни «их в известной мере компрометирующую связь с буржуазной партией» («Justice» от 28 января); но она также ни словом не обмолвилась своим читателям о том, что орган POSSIBILISTY «Parti Ouvrier» в своей ярости на Буланже требовал чрезвычайных мер против «чудовищной свободы печати»¹ и свободы союзов. «Justice» приняла все меры к тому, чтобы утаить от своих читателей и этот факт, и борьбу за кандидата от рабочих, и то, что он все же получил 17 тыс. голосов. И за то, что мы открыто говорим об этих позорных действиях POSSIBILISTY, газета, не осмеливающаяся защищать поступки своих друзей — POSSIBILISTY, утверждает, что мы «высмеиваем и черним» и занимаемся мелочными и злобными пререканиями и интригами.

Дело в том, что POSSIBILISTY представляют собою сейчас самую настоящую правительственную партию — «министерских социалистов» и пользуются всеми выгодами этого положения. В то время как конгресс в Бордо был запрещен властями, подвергался преследованиям полиции и мог состояться лишь благодаря тому, что нашел себе приют в ратуше близлежащего городка с революционно настроенным мэром; в то время как на конгресс в Труа полиция совершила несколько налетов с целью заставить его участников убрать красный флаг, — в газетах POSSIBILISTY не нашлось места ни для осуждения этих поступков, ни даже для упоминания о них; сами эти «глубоко порядочные» социалисты отлично сумели спеться с парижскими Чарльзами Уорренами. И когда

¹ «Мы должны неустанно повторять, что в переживаемое нами критическое время эту свободу печати следует отменить» — «Parti Ouvrier» от 18 марта 1889 г. (вот так так!) (примечание автора).

парижские власти запретили демонстрацию за восьмичасовой рабочий день, подготовленную профессиональными союзами и независимыми социалистами, они не только не протестовали, но открыто *приветствовали* этот шаг.

Итак, если в Париже в этом году состоятся два конгресса, одному из них обеспечена не только защита, но и покровительство со стороны полиции. На него будут благосклонно взирать правительство, власти департамента, парижский муниципальный совет. Его будут чествовать и всячески улаживать. На него распространятся все выгоды и преимущества, какими пользуются в буржуазной республике официальные гости из-за границы.

Другого конгресса благонамеренные республиканцы будут сторониться, власти будут зорко за ним следить, и в лучшем случае его оставят в покое, потому что если на нем будут присутствовать английские делегаты, они в один прекрасный день рискуют, не покидая Парижа, очутиться на своем родном Трафальгар-сквере.

ВТОРОЙ ПАМФЛЕТ,

редактированный Ф. Энгельсом.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РАБОЧИЙ КОНГРЕСС 1889 г.

II.

ОТВЕТ НА «МАНИФЕСТ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Этот манифест, опубликованный в «Justice» от 25 мая 1889 г., ставит себе целью сообщить всему миру «очевидные истины», касающиеся вышеназванного конгресса. Ответственность за эти «очевидные истины» взяли на себя Международная комиссия Социал-демократической федерации и Генеральный совет Социал-демократической федерации. Нам неизвестно, какие лица входят в состав этих двух органов. Под манифестом не стоит ни одной подписи. И это кажется странным, если принять во внимание, что авторы его горько жалуются на гаагский «тайный сговор», участники которого, во всяком случае, ни от кого не скрывали своих имен. Но совет или комиссия Социал-демократической федерации — вообще явления совершенно непонятные. Кое-кто, возможно, помнит, что 23 октября 1888 г. Генеральный совет Социал-демократической федерации большинством семи голосов против двух вынес вотум порицания г. Гайндману за то, что он «протестирует» «Justice»; г. Гайндман отнесся к этому вотуму с полным презрением («Justice» от 27 октября 1888 г.), назвал его «случайным» и скоро добился его отмены таким же, если не еще более значительным, большинством голосов. После этого нечего удивляться, что Генеральный совет не приводит имен, рискуя даже тем, что его самого назовут «тайным сговором»; и, в сущности, после этого не так уж и важно, приведены имена или нет.

Манифест начинается так:

«Решение одной из групп наших товарищей, французских социалистов, действующих в согласии с другими, несоциалистами, — созвать в Париже конгресс в противодействие тому, который созвали и организуют наши товарищи из POSSИБИЛИСТСКОЙ партии, — требует разъяснения истинного положения вещей со стороны Социал-демократической федерации, самой многочисленной и самой мощной социалистической организации в Великобритании».

Кто такие упомянутые здесь «несоциалисты» — это скрывается столь же тщательно, как и имена людей, перу которых принадлежит вышеприведенное утверждение; поэтому невозможно определить, в какой мере оно является или не является «очевидной истиной». Но такое утверждение — либо сознательный поклеп, либо оно вообще лишено смысла, и странно слышать его от представителей организации, состоящей в тесном наступательно-оборонительном союзе с POSSИБИЛИСТАМИ, которым никогда еще не удавалось собрать конгресс без

помощи «других, несоциалистов». На первой их конференции в Париже, в 1883 г., присутствовали из зарубежных делегатов только лидеры английских трэд-юнионистов во главе с самим г. Броджерстом; и г. Броджерст был чрезвычайно доволен всеми произнесенными речами и принятыми резолюциями. Вторая их конференция по своему составу мало чем отличалась от первой, а Лондонский конгресс 1888 г. был даже созван парламентской комиссией Совета трэд-юнионов, члены которой, как известно, «не социалисты», а совсем наоборот.

Но оставим это. Авторы манифеста пользуются случаем напомнить нам, что Социал-демократическая федерация является «самой многочисленной и самой мощной социалистической организацией в Великобритании». Эта новость уже почти шесть лет из недели в неделю сообщается нам в каждом номере «Justice», и все же находятся люди, достаточно циничные, чтобы усомниться в величии и мощи Социал-демократической федерации; они даже решаются утверждать, что эти заверения в собственном величии и мощи становятся особенно частыми, громогласными и назойливыми как раз в такие периоды, когда действительное величие и сила Социал-демократической федерации находятся на ущербе. Они ссылаются на тот факт, что в конце прошлого года формат «Justice» уменьшился наполовину «только на время праздников», но праздники эти длятся и по сей день; и есть среди них люди, отлично знакомые с положением дел в газете, утверждающие, будто бы тираж этой газеты, превышавший 4 000 экземпляров, сейчас едва достигает трети этого количества; что некоторые отделения Федерации никогда не собираются даже для проформы, а в ряде больших промышленных городов эту газету вообще не читают. И нужно сказать, что такие отчеты, как отчет Болтонского отделения («Labour Elector» от 28 мая 1888 г.), — не анонимный, подобно разбираемому нами манифесту, а подписанный восемью членами Федерации, — пожалуй, подтверждают эти заявления. Можно отстаивать или отрицать целесообразность сообщения противнику преувеличенных данных о собственных силах, но не может быть двух мнений в оценке этой военной хитрости, когда она применяется с целью пустить пыль в глаза своим же союзникам и товарищам. И право же, только с диогеновым фонарем можно найти в Соединенном королевстве человека, который дал бы себя убедить этим приевшимся хвастливым заверениям Социал-демократической федерации.

Мне очень жаль, что я вынужден говорить в таком тоне об организации, за которой числится много хороших дел, за которой их могло бы числиться еще больше и в составе которой имеются прекрасные элементы. Но пока она будет допускать, чтобы ею помыкали так, как сейчас, ей нечего и надеяться занять место, на которое она претендует.

Далее, авторы манифеста заявляют, что они приложили все усилия к тому, чтобы достигнуть соглашения, но поскольку это им не удалось, они теперь решили ограничиться «изложением очевидных фактов, которых никто никогда не оспаривал». Этих очевидных фактов насчитывается четырнадцать.

1. «Французская POSSИБИЛИСТСКАЯ партия... была уполномочена Парижским международным конгрессом трэд-юнионов 1886 г. созвать... международный конгресс рабочих в Париже в 1889 г. Представителем немцев на этом Парижском конгрессе 1886 г. был Гримпе».

Этот «очевидный факт» действительно никем не оспаривается; только собрание 1886 г. в то время скромно именовалось «конференцией», теперь же, чтобы придать ему вес, его превратили в целый «конгресс». Затем имеется одно важное упущение: Гримпе не голосовал за эту резолюцию, и поэтому его

присутствие на конференции ни в коем случае нельзя отождествить с согласием «немцев» на выданный POSSИБИЛИСТАМ мандат.

2. «Парламентская комиссия Совета английских трэд-юнионов совершила большую несправедливость, не допустив представителей от немцев и австрийцев на Лондонский международный конгресс трэд-юнионов в 1888 г. После этого немцы назвали конгресс «куцым», и Бебель, Либкнехт и др., в настоящее время подготовляющие параллельный конгресс в Париже, стали призывать представителей других национальностей не принимать участия в Лондонском конгрессе, потому что сами они не были на него допущены».

Против этого возражений нет.

3. «Лондонский международный конгресс трэд-юнионов 1888 г. тем не менее состоялся и прошел очень удачно. Имеющиеся во Франции особо близкие союзники парламентских немецких социалистов, так называемые марксисты или гэдисты, были представлены Фаржа. Этот конгресс *единогласно* уполномочил POSSИБИЛИСТОВ созвать и подготовить международный конгресс рабочих в Париже в 1889 г. Фаржа вместе с остальными голосовал за эту резолюцию, так же как и Ансель, представитель бельгийцев, и Кролль, представитель датчан. Несмотря на это, и Ансель и Кролль приняли участие в гаагском сговоре».

Утверждение, что Фаржа представлял «так называемых марксистов или гэдистов», не точно. Фаржа был послан в Лондон конгрессом французских профессиональных союзов, открывшимся в Бордо за несколько дней до Лондонского конгресса. 250 местных союзов, представленных в Бордо 63 делегатами, можно назвать «марксистскими или гэдистскими» только, если понимать под этим названием всех французских рабочих, не являющихся POSSИБИЛИСТАМИ. Конгресс в Бордо тоже *единогласно* постановил «созвать и подготовить Международный конгресс рабочих в Париже в 1889 г.», причем сделал он это за несколько дней до того, как была вынесена резолюция Лондонского конгресса. Но поскольку люди, представленные в Бордо, были все до одного отвергнуты POSSИБИЛИСТАМИ, которые обошлись с ними, как с врагами, им в голову не могло прийти поручить созыв конгресса этим самым POSSИБИЛИСТАМ; поэтому утверждать, будто «Фаржа голосовал за эту резолюцию», просто глупо, так же глупо, как заявлять, что «марксисты» должны считать себя связанными этим голосованием Фаржа, который вовсе и не голосовал и мог голосовать только по ошибке, а, следовательно, это не связывает даже его самого.

То обстоятельство, что Ансель и Кролль, голосовавшие за вышеупомянутую лондонскую резолюцию, все же «приняли участие в гаагском сговоре», действительно может показаться невероятным всякому, кто удовольствовался бы «очевидными истинами» и «неоспоримыми фактами» разбираемого нами манифеста. Но из приложения к настоящему ответу видно, что Ансель и Кролль нашли нужным не только поехать в Гаагу, но и вовсе отстраниться от конгресса POSSИБИЛИСТОВ и оказать поддержку организации контр-конгресса; так поступили, кроме Анселя и Кролля, еще многие из лондонских делегатов, а вместе с ними огромное большинство представителей европейского социализма. «Очевидные истины» манифеста были им всем давно известны, и все же — такова извращенность человеческой природы! — они сделали выводы как раз обратные тем, которые так усердно навязывали им органы Социал-демократической федерации.

4. «Получив один за другим эти два мандата, POSSIBILISTES, представляющие собой безусловно сильнейшую социалистическую партию Франции как в Париже (где они получили 50 000 голосов), так и в провинции, приступили к порученному им делу — созыву и организации международного конгресса рабочих, намечая его на конец июля 1889 г.»

На муниципальных выборах POSSIBILISTES действительно получили 50 000 голосов, многие из которых были поданы их противниками коллективистами (так называемыми марксистами), потому что у этих последних всегда хватало благородства, где только возможно, забывать о фракционных разногласиях. Но утверждение, будто POSSIBILISTES представляют собою «безусловно сильнейшую социалистическую партию Франции, как в Париже, так и в провинции», есть очевидное извращение истины. Даже в Париже, который, как известно, является их главным оплотом, положение POSSIBILISTES сильно ухудшилось с тех пор, как они открыто вступили в союз не только с буржуазными радикалами, но также с оппортунистами, этой партией биржевых спекулянтов, воплощающих в себе всю продажность нынешних официальных кругов Франции. Тот факт, что POSSIBILISTES, под предлогом борьбы с Буланже, побратались с теми самыми людьми, чьи должностные преступления только и создали Буланже популярность, что они вынудили сотни тысяч людей из всех классов сказать: «Лучше Буланже, лучше сам черт, только не эта продажная система, высасывающая всю нашу кровь!», — этот факт отпугнул многих, ранее бывших их искренними последователями; а когда они на январских выборах поддержали буржуа Жака (неизменно голосовавшего в муниципальном совете против всех резолюций, благоприятных для рабочего класса) и открыто выступили против кандидата от рабочего класса Буле, признаки недовольства в их рядах стали множиться. Одного из их ораторов, Ретге, ратовавшего за Жака на собрании, рабочие, сторонники Буле, забросали вопросами и замечаниями; он в ярости покинул трибуну, воскликнув: «Да! Я буду голосовать за Жака, но я отомщу тем, кто заставил меня совершить эту низость!». И Буле, несмотря на неистовое противодействие POSSIBILISTES, все же получил голоса 18 тысяч рабочих.

После этого не приходится удивляться, что в партии POSSIBILISTES в Париже появились симптомы распада. 16 апреля группа 14-го парижского района была исключена советом делегатов, из которых против исключения высказалось только двое. Но, когда Аллеман 23 апреля внес предложение потребовать у двух членов партии выдачи некоторых писем, которые в противном случае могли быть использованы во вред кое-кому из лидеров, это предложение было поставлено на голосование в 26 группах. Но 15 групп высказались против него, а три воздержались, и вследствие этого важнейшие организации 13-го района вышли из федерации, заявив, что «союзники Ферри, Клемансо и Ранка больше не вправе претендовать на место в партии, которая основывает свою деятельность на классовой борьбе. Они дезертировали из этой партии, изменив своим обязательствам перед рабочим классом; сейчас они не более как подпорки правящей буржуазии». И хотя это еще только начало, можно не сомневаться в том, что даже в Париже влияние POSSIBILISTESких лидеров сильно пошатнулось.

Что же касается утверждения, будто POSSIBILISTES являются «безусловно сильнейшими» в провинции, то оно не только не является «очевидной истиной» или «никем не оспоренным фактом», — оно просто нелепо. Во всех больших городах и промышленных центрах Франции социалистические организации не входят в состав федерации POSSIBILISTES и враждебны ей. Возьмем к примеру Лион

(5 членов городского совета — социалисты), Марсель (1 член окружного совета — социалист), Рубэ (2 члена городского совета), Армантьер (5 членов городского совета), Монлюсон (2 члена городского совета), Коммантри (все члены городского совета и мэр — социалисты), Калэ (2 члена городского совета), Лилль (4 тыс. голосов за социалистов непоссибилистов на последних муниципальных выборах), Бурж, Вьерзон, Роанн, Бордо, Нарбонна, Алэ и пр. и пр. Среди членов этих городских и окружных советов нет ни одного поссибилиста. Все социалистические и рабочие организации во всех этих городах бесспорно держат в руках их противники.

За последние годы поссибилисты не рискуют показываться в провинции. В 1887 г., когда они выбирали место, где могли бы устроить свой национальный конгресс хоть с какими-то шансами на успех, им пришлось остановить свой выбор на глухом городке в Арденнах, который вряд ли кто сумеет отыскать на карте. А прошлой зимой, когда они объявили о созыве своего конгресса в Труа, где они, как им казалось, могли положиться на представителей местных рабочих, местный комитет заявил, что на этот раз доступ на конгресс будет действительно, а не только на словах, предоставлен всем социалистическим и рабочим организациям Франции. Когда лидеры поссибилистов в Париже поняли, что это не шутка, они предпочли *отказаться от собственного конгресса*, лишь бы не встречаться с коллективистами и бланкистами, которые съехались в Труа и провели конгресс, созданный поссибилистами, но позорно ими брошенный и, в сущности, вырванный у них из рук.

Итак, «очевидную истину», что поссибилисты безусловно являются сильнейшими, нужно расценивать так же, как и громогласные заявления манифеста о величии и мощи Социал-демократической федерации.

Однако, вне зависимости от того, сильны они или нет, «им было поручено созвать конгресс в Париже».

Здесь будет уместно разобрать вопрос о действительности предоставленных им полномочий.

На Парижской конференции 1886 г. присутствовало так мало делегатов от других стран, — вообще ее трудно назвать собранием представителей, — что ее резолюция является не более как пожеланием; она могла быть обязательной в лучшем случае для тех, кто голосовал за нее, т. е. для поссибилистов и английских трэд-юнионистов. Эти последние разделились с парижскими резолюциями уже на своем ближайшем конгрессе в Гулле. Следовательно, остается фактом лишь то, что в Париже в 1886 г. поссибилисты уполномочили самих себя созвать в 1889 г. конгресс в Париже.

Перейдем теперь к Лондонскому конгрессу.

Лондонский конгресс не был общерабочим конгрессом, это был конгресс трэд-юнионов, созданный трэд-юнионами и принципиально не включивший в число делегатов никого, кроме трэд-юнионистов. Как могут решения такого конгресса быть обязательными для рабочих, не являющихся трэд-юнионистами, или для всех социалистов, — это для меня тайна. Конгресс трэд-юнионов может созвать другой конгресс трэд-юнионов, но ничего более. Созывая конгресс рабочих, он превысил свои полномочия; сам по себе этот поступок мог бы вызвать с нашей стороны сочувствие, поскольку он знаменовал собою победу над устарелыми трэд-юнионистскими предрассудками; но как бы там ни было созыв конгресса не входил в компетенцию лондонских делегатов и поэтому имеет лишь значение пожелания.

Несомненно, что и конгресс в Бордо был всего лишь конгрессом профессиональных союзов, а следовательно, и его решение созвать международный рабочий конгресс в той же мере недействительно. Но в декабре того же года это решение было утверждено социалистическим конгрессом в Труа, против резолюций которого вряд ли пристало возражать даже POSSИБИЛИСТАМ, ибо они сами его созвали, и если они на нем не присутствовали, то виноваты в этом они сами.

Что из-за сознательного недопущения на Лондонский конгресс делегатов от Германии и Австрии — двух стран, в которых имеется примерно столько же социалистов, как во всей остальной Европе, — конгресс получился куцый, это «очевидная истина», действительно «никем не оспоренный факт»; даже манифест его не оспаривает, он только жалуется, что немцы дали ему это название, назвали вещь своим именем.

К тому же куцый конгресс (меньшинство которого, впрочем, оказало большие услуги делу социализма в Англии) не был свободен в своих действиях. При первом же серьезном разногласии между английскими шиптонистскими трэд-юнионами и социалистами шиптонисты устами самого Шиптона заявили, что, если так пойдет дальше, они закроют конгресс; это сделать в их власти, потому что помещение снято ими. Таким образом, социалистам с самого начала дали почувствовать, что они находятся в положении ирландских арендаторов и что их лендлорд Шиптсн готов, если понадобится, осуществить свое право выселения с помощью вооруженных сил ее величества.

Социалисты подчинились и при сложившихся обстоятельствах поступили правильно; но они не выразили формального протеста, и это было ошибкой. Однако они не забыли, какому обращению подвергли их в награду за проявленное ими доверие, и, как явствует из приложения к этой статье, они твердо решили, что подобный случай не повторится.

Кроме того, парламентская комиссия заблаговременно подготовила для конгресса свод правил и инструкций, с помощью которых трэд-юнионисты надеялись заткнуть социалистам рот и удержать их в повиновении. Проверка мандатов, порядок дня, способ голосования — весь регламент был заранее выработан шиптонистами и навязан участникам конгресса под угрозой немедленного изгнания. Лондонский конгресс не был свободен, как не свободен рабочий, нанимающийся на работу к капиталисту, или ирландский фермер, арендующий три-четыре акра земли у кровососа-лендлорда и стоящий перед выбором: либо принять его условия, либо умереть с голоду. Достаточно позорно уже и то, что конгресс, проведенный в такой обстановке, вообще фигурирует в анналах рабочего движения; но допустить, чтобы на таких же или подобных условиях был созван еще один конгресс, — ни за что!

Несмотря на все препятствия, социалистическое меньшинство на конгрессе так отделало шиптонистское большинство, что парламентская комиссия быстро охладела к этой затее. Она ясно доказала, что считает резолюции конгресса и, в первую очередь, революцию о созыве Парижского конгресса, не более как клочком бумаги.

Итак, мандат, полученный POSSИБИЛИСТАМИ от Лондонского конгресса, был порочен, во-первых, потому, что он был дан конгрессом трэд-юнионов, который не властен связать обязательствами рабочих, не входящих в трэд-юнионы, и социалистов в целом; во-вторых, потому, что Лондонский конгресс, на который не были допущены немцы и др., был куцым конгрессом; в-третьих, потому, что

он действовал из-под палки и, в-четвертых, потому, что лица, созвавшие конгресс и составлявшие его большинство, первые аннулировали этот мандат.

Я не стал бы обсуждать этот вопрос, если бы POSSИБИЛИСТЫ и их союзники из Социал-демократической Федерации не твердили нам постоянно о мандате Лондонского конгресса как о чем-то священном и безупречном. Этот мандат ставится превыше всего; он, разумеется, сводит на-нет ранее принятое решение конгресса в Труа; он обязателен не только для тех, кто голосовал за него, но и для тех, кто не присутствовал на конгрессе, и даже для тех, кто не был на него допущен. Вот когда выдвигаются такие претензии, установление истинной ценности этого мандата становится уже безусловно обязательным.

Надо сказать, что, хотя лондонский мандат по самой сути своей был недействителен, хотя он явился откровенной пощечиной для остальных французских социалистов и для конгресса в Бордо, — пусть пощечиной непреднамеренной со стороны большинства тех, кто голосовал за него, — все же, как мы увидим, люди, не причастные к его вручению, отнеслись к нему с величайшим уважением, и, в конце концов, он был бы принят всеми, если бы не беспринципное поведение самих POSSИБИЛИСТОВ.

Первый же циркуляр, в котором POSSИБИЛИСТЫ объявляли о созыве конгресса, показал, что они не только не осуждают способ, каким парламентская комиссия связала свободу Лондонского конгресса, но придали этому самоуправству значение *прецедента* и претендуют на те же права, которые самовольно присвоила себе парламентская комиссия. Они заранее установили порядок дня, способ голосования и проверки мандатов, причем проверять мандаты поручалось каждой национальной группе в отдельности. Ни слова не было сказано о том, что все это лишь ориентировочные указания, подлежащие утверждению конгресса.

Но Лондонский конгресс не мог дать POSSИБИЛИСТАМ полномочий, которых сам не имел. Никакой конгресс не может вынести резолюций, которых последующий конгресс был бы не властен отменить. Следовательно, Лондонский конгресс не имел права уполномочить POSSИБИЛИСТОВ выработать правила и инструкции, обязательные для Парижского конгресса. Да он этого и не сделал. Но POSSИБИЛИСТЫ претендовали на такие полномочия. Эти-то бессовестные притязания POSSИБИЛИСТОВ и вызвали все последующие разногласия и споры, а их нежелание в ясных и четких выражениях отказаться от этих притязаний привело к расколу и созыву второго конгресса. Большинство европейской социалистов не желает вторично — и на этот раз с открытыми глазами — попасть в ловушку.

Итак, предметом недовольства является не столько лондонский мандат, — тут было бы не трудно сговориться, — сколько способ использования его POSSИБИЛИСТАМИ, их стремление диктовать законы, обязательные для конгресса, и тем самым возвести самовольные действия парламентской комиссии по отношению к Лондонскому конгрессу в прецедент для всех последующих конгрессов.

5. «Марксисты, хотя и связанные голосом Фаржа, протестовали против этого и подбивали на протест немцев, потому что, по их словам, у POSSИБИЛИСТОВ было намерение не допустить своих противников к участию в конгрессе и использовать его в собственных целях. Это обвинение было ими высказано, хотя до сих пор POSSИБИЛИСТЫ никогда не отстраняли от участия в каком бы то ни было конгрессе ни одной группы социалистов, и ничего решительно не указывает на их намерение поступить так в дан-

ном случае. Извещения о созыве конгресса были разосланы всем социалистическим организациям».

Эта «очевидная истина» нами в основном уже опровергнута. Но утверждение, будто бы «до сих пор POSSIBИЛИСТЫ никогда не отстраняли от участия в каком бы то ни было конгрессе ни одной группы социалистов, и ничто решительно не указывает на их намерение поступить так в данном случае», — это либо грандиозная сознательная ложь, либо доказательство того, что авторы манифеста пребывают в счастливом неведении относительно того, о чем пишут. На третьем областном конгрессе Федерации центра (Франции), в мае 1882 г., POSSIBИЛИСТЫ объявили, что доступ на конгресс открыт всем социалистам. Но когда, поверив этому заявлению, на конгресс явилось 30 делегатов от коллективистов (так называемых марксистов), их безжалостно изгнали под тем смехотворным предлогом, что они, назвавшись «*Fédération du Centre*», вступили в нечестную конкуренцию с POSSIBИЛИСТСКОЙ «*Union Fédérative*». Когда на восьмой областной конгресс той же Федерации, в 1887 г., приехали 12 делегатов от коллективистов, руководившихся все тем же снова и снова повторяемым заявлением, что приглашаются все социалисты, их встретили свистками и насмешками; они были вынуждены покинуть конгресс, и последний вынес решение «никогда не допускать марксистов ни на один из своих конгрессов». И еще того лучше: в 1888 г., когда местный комитет, которому была поручена организация национального конгресса POSSIBИЛИСТОВ в Труа, пригрозил на этот раз претворить в жизнь вечно повторяемую фразу о допущении на конгресс всех социалистов, POSSIBИЛИСТЫ, как мы уже видели, предпочли покинуть свой собственный конгресс, лишь бы только не выполнить своих хвастливых обещаний.

Надо ли после всего этого удивляться уверенности коллективистов в том, что «у POSSIBИЛИСТОВ было намерение не допускать их к участию в конгрессе и использовать его в собственных целях».

6. «Как бы там ни было Лафарг, Гэд и другие марксисты, действуя в согласии с немцами из партии рейхстага и их друзьями, созвали конференцию в Нанси. POSSIBИЛИСТЫ были приглашены на эту конференцию последними всего за неделю до того, как она должна была собраться».

Конференция в Нанси была созвана немцами, а не Лафаргом, который как раз возражал против времени и места ее созыва и сделал все возможное, чтобы добиться ее отмены, что ему и удалось. POSSIBИЛИСТЫ были приглашены не «последними», а одновременно со всеми остальными. Таким образом, очевидная истина № 6 — ложь с начала до конца; но даже если бы все это было правдой, что бы это доказывало?

7. «Конференция в Нанси не состоялась, а вместо нее была созвана конференция в Гааге. На нее POSSIBИЛИСТЫ тоже были приглашены последними. В ответ на приглашение они написали несколько писем, в которых задавали ряд весьма важных вопросов. Ответов на эти письма не последовало, и конференция была проведена немедленно и без их участия».

И снова утверждение, будто POSSIBИЛИСТЫ были приглашены последними, является ложью. Они были приглашены одновременно со всеми остальными; мы нарочно тщательно выяснили этот вопрос, хотя сам по себе он не имеет большого значения. Конференция была назначена на 28 февраля, и POSSIBИЛИСТЫ 17 февраля на собрании своего национального комитета уже имели не только приглашение, но также ответ Либкнехта на их письма, содержащие «ряд весьма важных вопросов», т. е. на те самые письма, на которые, по словам манифеста, «ответа

не последовало». Они сами говорят, что Либкнехт «не ответил на их вопросы относительно порядка дня конференции». Насколько мне известно, он сообщил им, что ответ на эти вопросы они получают на самой конференции. POSSИБИЛИСТАМ, возможно, желательно было бы затеять длинную переписку о предварительных условиях и тем оттянуть конференцию до конца самого конгресса; но тем, кто серьезно стремился к соглашению, одинаково почетному для всех заинтересованных сторон, это было совсем нежелательно. Так или иначе, POSSИБИЛИСТЫ после этого решили не являться на конференцию, почему ее и пришлось провести действительно без их участия.

8. «Эта конференция состоялась при отсутствии представителей от Великобритании, Италии, Испании и еще нескольких стран. Социал-демократическая федерация даже не была поставлена в известность о ее созыве. Приглашение получили только лица, заведомо враждебные POSSИБИЛИСТАМ. Единственным делегатом от Франции был сам Лафарг, хотя у него с POSSИБИЛИСТАМИ имела жестокая долготелая распря личного характера. Полный отчет о конференции не был опубликован ни в то время, ни впоследствии».

9. «Такая конференция, бесспорно, является явным саусисом, преследующим, как нам сдается, недобрые цели. С прискорбием сообщаем, что наш благородный товарищ Домела Нивенгейс говорит в своем письме Социал-демократической федерации, что она была задумана как *тайная* конференция».

Поскольку Гагская конференция была созвана немцами, они пригласили тех из иностранных социалистов, с которыми поддерживали постоянную связь, т. е. голландцев, бельгийцев, датчан и швейцарцев, а также обе французские партии, между которыми им предстояло выступить в качестве посредника. Социалистическая лига в лице В. Морриса была приглашена Лафаргом, и точно так же POSSИБИЛИСТЫ могли пригласить Социал-демократическую федерацию; во всяком случае, здесь, в Лондоне, никому не было известно, кто приглашен, а кто не приглашен, и кто был уполномочен кого пригласить. Что приглашены были только лица, заведомо враждебные POSSИБИЛИСТАМ, — неправда. Бельгийцы годами поддерживали с ними дружеские отношения и на своем конгрессе, состоявшемся в прошлом году на пасхе, доказали, что меньше всего желают чем-либо вызвать их неудовольствие. Голландцы, датчане и швейцарцы тоже не относятся к ним враждебно и уж, во всяком случае, не «заведомо». Если Лафарг оказался единственным представителем Франции, то повинны в этом исключительно POSSИБИЛИСТЫ, не пожелавшие принять приглашения. Неправда, что «жестокая долготелая распря» Лафарга с POSSИБИЛИСТАМИ была личным делом. Лафарг, Гэд, Девиль и многочисленная группа социалистов и профессиональных организаций откололись от большинства партии потому, что оно отрелось от своей программы и предпочло основать партию, *вовсе не имеющую программы*.

Единственное правильное положение в §§ 8 и 9 это то, что конференция была тайной, т. е. не открытой. Публика и представители печати действительно не были на нее приглашены. Если она оказалась «тайной» для POSSИБИЛИСТОВ, то лишь потому, что они не сочли нужным на нее явиться. Но резолюции конференции были вынесены специально для того, чтобы POSSИБИЛИСТЫ о них узнали и немедленно были им сообщены Вольдерсом. Что же в таком случае означает это брюзжание о «тайной» конференции? Она, бесспорно, была куда менее «тайной», чем собрания двух загадочных органов, взявших на себя ответственность

ва манифест. Миру известны не только резолюции ее, поскольку они могут интересовать публику, но даже фамилии делегатов. А пригласить представителей печати на конференцию, ставившую себе целью посредничество между двумя несогласными группами социалистов, было бы по меньшей мере нелепо.

10. «Эта конференция-саусус, заседавшая при закрытых дверях, приняла ряд резолюций, не вызывающих серьезных возражений. Однако Вольдерс был направлен в Париж, чтобы навязать ее решения POSSIBИЛИСТАМ, словно это были по меньшей мере указы Вселенского собора, а Бернштейн писал в том же духе в Лондоне. Письма немецких лидеров, которые мы, надо надеяться, не будем вынуждены опубликовать, также написаны в очень злобном и властном тоне и содержат угрозу созвать параллельный конгресс в случае, если их приказания не будут немедленно исполнены».

После всех этих зловещих инсинуаций по поводу подтасованного состава конференции-тайного саусус'а читатель имеет все основания ждать потрясающих разоблачений относительно позорных преступлений и гнусных злодеяний этого сборища заговорщиков, «преследующих, как нам сдается, недобрые цели». А к чему все это свелось? В Гааге был принят «ряд резолюций, не вызывающих серьезных возражений!» Неужели у Международной комиссии и у Генерального совета Социал-демократической федерации не осталось ни капли чувства юмора?

Вполне понятно, что наши авторы упоминают об этих резолюциях лишь очень вскользь. Ведь в них содержалось гораздо больше уступок, чем POSSИБИЛИСТЫ могли надеяться получить. Немцы, которые не были допущены на Лондонский конгресс, французы, которых он демонстративно игнорировал, дружно согласились *признать лондонский мандат*, допустить, что в силу этого аннулируются решения, принятые в Бордо и Труа, и сохранить за POSSИБИЛИСТАМИ их полномочия по созыву и организации конгресса при условии, что они в ясных и четких словах откажутся от своего намерения диктовать правила, обязательные для этого конгресса, и «использовать его в своих целях». Все же необходимо отметить, что даже манифест не смог придаться к гаагским резолюциям.

Но ведь главное-то зло таится не в самих резолюциях, а в том, как POSSИБИЛИСТЫ пытались заставить их принять. Здесь опять начинается вымысел. Вольдерс был послан в Париж, чтобы «навязать эти решения POSSИБИЛИСТАМ». Вольдерс, которого направили туда потому, что он энергичнее всех других делегатов Гаагской конференции выступал в их защиту! То, что «пишет Бернштейн», не обязательно ни для кого, кроме его самого, и авторам манифеста пора бы это знать. И хотя я не имею права говорить от имени «немецких лидеров», я глубоко убежден, что они не отrekliсь бы от меня, если бы я предложил Социал-демократической федерации и ее парижским союзникам — пусть-ка осмелятся опубликовать любое полученное от них письмо!

Гаагские решения обнародованы, и POSSИБИЛИСТЫ были предупреждены, что если они им не подчинятся, то организации, представленные на конференции, созовут другой конгресс, тот самый, о созыве которого были вынесены резолюции в Бордо и Труа. Это могло показаться POSSИБИЛИСТАМ «очень злобным и властным», но это был единственный шанс заставить их одуматься.

А дальше следует самое лучшее — поистине перл всего манифеста.

11. «Тем не менее POSSИБИЛИСТЫ беспрекословно признали все резолюции, вынесенные и предложенные им вышеуказанным образом».

12. «Несмотря на это признание и на то, что конгресс, созываемый POSSИБИЛИСТАМИ, будет и при всех обстоятельствах был бы суверенным

в отношении своих внутренних дел, несмотря на то, что обе стороны могут представить любой спорный случай на разрешение всего конгресса, сторонники гаагского сговора объявили о созыве в Париже второго конгресса».

Участники Гаагской конференции заявили, что они готовы присоединиться к сговору POSSIBИЛИСТОВ на двух условиях.

Во-первых, POSSIBИЛИСТЫ должны созвать конгресс в согласии с рабочими и социалистическими организациями Франции и других стран, делегаты которых должны вместе с POSSIBИЛИСТАМИ подписать извещение о созыве. Выполнить это условие POSSIBИЛИСТЫ отказались наотрез; пусть подписывает кто угодно, только не представители враждебной им французской группы. Если авторы манифеста не знают об этом, пусть обратятся за справкой к редактору «Justice», которому это очень хорошо известно.

Второе условие гласило, что конгресс должен быть суверенным в части проверки мандатов и установления регламента. Этому условия POSSIBИЛИСТЫ тоже не признали ни «беспрекословно», ни как-либо еще. Вначале они постановили, что проверять мандаты будет каждая национальная группа в отдельности. На заявление противной стороны, что решение по этому вопросу следует представить конгрессу в целом, POSSIBИЛИСТЫ ответили, что исключительные случаи можно будет передавать на разрешение конгрессу, ни словом не пояснив, какие случаи будут считаться исключительными. Нет, они продолжают пререкаться о том, какие права дать конгрессу, а каких не давать, и, только получив циркуляр о созыве «конгресса-соперника», они, наконец, оказались вынужденными четко и без обиняков пояснить, что конгресс будет разрешать все случаи, вызвавшие разногласия в национальной группе. Заяви они об этом своевременно, главная трудность давно была бы разрешена; теперь же, конечно, слишком поздно.

К подобным уверткам они прибегали и в вопросе регламента. Они не смотрели на себя как на людей, уполномоченных наметить для облегчения работы конгресса временные мероприятия и правила, которые конгресс будет волен утвердить или отвергнуть; напротив того, они действовали как носители некоей мистической и в сущности неограниченной власти над будущим конгрессом, причем частью своих прав они, если будет на то их воля, могли поступиться из любезности к иностранным организациям, которые за это должны были признать их власть над конгрессом по всем остальным статьям. Взять хотя бы их самые последние резолюции от 13 мая, когда циркуляр о созыве контр-конгресса уже был ими получен (смотри «Justice» от 25 мая). Они все еще торгуются с датчанами о порядке дня, словно они или датчане имеют право решать вопрос, входящий в компетенцию только самого конгресса. Затем они милостиво соглашаются принять предложение комитета протеста английских трэд-юнионов о включении в порядок дня правил созыва и организации будущих конгрессов. К этому «Justice» наивно добавляет, что, если даже и есть еще основания для недовольства, «наши немецкие и другие товарищи раз в жизни могут ведь с этим примириться». Сделайте по-нашему «раз в жизни», а в следующий раз можете поступать, как хотите, — предложение, конечно, заманчивое, но, к сожаленью, такую же линию пытались проводить в прошлом году в Лондоне, и этого «раза в жизни» оказалось более чем достаточно.

POSSIBИЛИСТАМ стоило сказать лишь одно слово, и соглашение было бы достигнуто, — им следовало вставить во все свои правила и инструкции слово

«временный», «подлежащий утверждению конгресса». Но этого-то и не удалось от них добиться никакими силами, и, таким образом, второй конгресс стал насущно необходим всем, кто не желал быть вторично ошпигоненным.

Поскольку большая часть этой дискуссии велась на страницах «Justice», совершенно очевидно, что люди, подписавшиеся от имени Социал-демократической федерации под содержанием § 12, либо не читают своего собственного официального органа, либо умышленно искажают факты.

13. «Они назначили для своего конгресса то же самое время, что и POSSIBИЛИСТЫ; между тем в Гааге они единогласно вынесли резолюцию, где говорится, что конец июля — чрезвычайно неподходящее и неудобное время для организации рабочего конгресса в Париже; между тем Ансель в письме к Социал-демократической федерации утверждал, что, если второй конгресс будет создан, он состоится в сентябре, а Либкнехт говорил, что он состоится либо в этом году, либо в будущем».

Выходит, следовательно, что гаагские делегаты дали POSSIBИЛИСТАМ торжественное обещание созвать свой конгресс не в июле, а «в сентябре» или «либо в этом году, либо в будущем». Но ведь третья неделя июля безусловно приходится «в этом году», так что Либкнехта, во всяком случае, упрекнуть не в чем. Из уважения к нашим читателям мы воздержимся от обсуждения таких ребяческих претензий. Впрочем, я могу сказать, что время от 14 до 21 июля было выбрано, во-первых, чтобы удовлетворить единогласное требование французов, а во-вторых, потому, что единственное еще не испробованное средство добиться слияния обоих конгрессов, если таковое вообще возможно, — это заставить их засесть одновременно.

14. «Главными зачинщиками гаагского сговора и параллельного Парижского конгресса являются Лафарг, Гэд, г-жа Элеонора Маркс-Эвелинг (на сестре которой, дочери Маркса, женат Лафарг), Бернштейн (редактор газеты «Sozialdemokrat») и Либкнехт. Полное одобрение их образу действий высказывает Фридрих Энгельс».

В этой последней «очевидной истине» действительно есть, наконец, доля истины. Никто не оспаривает того факта, что сестра г-жи Элеоноры Маркс-Эвелинг — дочь Карла Маркса и жена Лафарга; moreover, авторы манифеста сформулировали эту мысль так, что можно понять, будто г-жа Лафарг — дочь Карла Маркса, а ее сестра — нет. И хотя абсолютно неверно, что Бернштейн или кто-либо еще в Лондоне в какой бы то ни было мере являются «зачинщиками гаагской конференции», к созыву и выбору участников которой они не имели ни малейшего отношения, зато ни одно из перечисленных выше лиц не будет, я думаю, отрицать, что идея созыва «параллельного Парижского конгресса» принадлежит им, но идея эта возникла лишь после того, как поведение POSSIBИЛИСТОВ создало необходимость в этом мероприятии. Авторам манифеста, вероятно, известно, что г-жа Э. Маркс-Эвелинг и Бернштейн побывали у г. Гайндмана в начале апреля, как только тон «Justice» стал немного менее «зловным» и «личным», с целью заручиться его поддержкой в деле устранения существующих разногласий, и г. Гайндман обещал им эту поддержку.

В конце манифеста имеется небольшое примечание:

«Вышеприведенный текст будет переведен на несколько европейских языков и разослан во все страны».

Подписи под приложением доказывают, что почти во всех странах Европы вопрос, в сущности, уже решен. Огромное большинство континентальных

социалистов высказалось за конгресс, созываемый коллективистами и бланкистами, и против конгресса, созываемого POSSИБИЛИСТАМИ. Единственной страной, где социалисты и вообще рабочие до сих пор еще расходятся во мнениях, является Англия. Поэтому настоящий ответ не будет переведен ни на один иностранный язык.

Резюмирую:

1. В 1889 г. в Париже должны были состояться два конгресса: первый — по решению конгресса французских профессиональных союзов в Бордо в октябре — ноябре 1888 г., утвержденному на рождестве конгрессом французских социалистов в Труа; второй — по решению, вынесенному неделей позже Лондонским международным конгрессом трэд-юнионов, причем организация его была поручена POSSИБИЛИСТАМ.

2. Слияние этих двух конгрессов осуществилось бы почти беспрепятственно, если бы POSSИБИЛИСТЫ уже в первых извещениях о созыве конгресса не стали претендовать на полномочия, которых Лондонский конгресс не имел сам, а следовательно, и не мог дать им, именно — на право руководить внутренними делами конгресса, заранее предписывать способ проверки мандатов, порядок дня и весь регламент, т. е. на те же права, на которые претендовала и которые осуществляла парламентская комиссия на Лондонском конгрессе.

3. Когда образ действий POSSИБИЛИСТОВ в прошлом и в настоящее время совершенно лишил остальные группы французских социалистов возможности участвовать в созванном ими конгрессе, немецкие социалисты — депутаты рейхстага попытались посредничать между обеими партиями с помощью руководителей тех национальных рабочих партий, с которыми они поддерживали постоянную связь. Так возникла Гаагская конференция (28 февраля), резолюция которой, даже по мнению разбираемого нами манифеста, «принципиально не вызывают серьезных возражений».

4. В этих резолюциях мандат, выданный POSSИБИЛИСТАМ Лондонским конгрессом, был полностью признан и утвержден с условием, однако, что POSSИБИЛИСТЫ откажутся от своих притязаний на руководство будущим конгрессом. Бельгийцы, голландцы, немцы, швейцарцы и даже французы — НЕПОSSИБИЛИСТЫ выразили готовность участвовать в конгрессе, созванном POSSИБИЛИСТАМИ, лишь бы только знать, что они участвуют в *свободном* конгрессе. Таким образом, они поставили всего одно условие, но разумность его была самоочевидна и бесспорна.

5. Однако POSSИБИЛИСТЫ отказываются признать эти резолюции и в последующих циркулярах предлагают пойти лишь на формальные уступки, в действительности сводящиеся к нулю. По основному вопросу — о суверенности конгресса в отношении его внутренних дел — они стоят на своем; переговоры ведутся до конца апреля, но ни к чему не приводят.

6. Наконец, видя, что POSSИБИЛИСТЫ не желают дать ясного и обязывающего ответа, который гарантировал бы от повторения скандального обращения инициаторов Лондонского конгресса с его участниками, французские коллективисты, с полного одобрения нескольких национальных организаций и согласно решениям в Бордо и в Труа, созывают конгресс на 14 июля.

7. Как явствует из приложения, за этот конгресс высказалось значительное большинство социалистических организаций и представителей социалистов Европы, не пожелавших вторично явить миру печальное зрелище — рабочий конгресс, заседающий с чьего-то милостивого разрешения и скованный правилами, навязанными ему его организаторами.

Лондонский мандат, признанный Гаагской конференцией, разорвали в клочки сами POSSИБИЛИСТЫ, пожелавшие не только организовать конгресс, но и полновластно им руководить.

А теперь разрешите закончить словами манифеста:

«Товарищи и сограждане, факты вам известны. Вам самим надлежит позаботиться о том, чтобы вашему делу, делу рабочих всего мира, не нанесли сознательного ущерба люди, которые первые должны были бы поступиться личными счетами ради Социализма».

1 июня 1889 г.

ИЗВЕЩЕНИЕ О СОЗЫВЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РАБОЧЕГО КОНГРЕССА.

Рабочие и социалисты Европы и Америки!

Рабочий конгресс в Бордо, в составе делегатов от более чем 200 профессиональных союзов из всех промышленных центров Франции, и конгресс в Труа, в составе делегатов от трехсот рабочих и социалистических групп, представляющих французский рабочий класс и революционный социализм в целом, постановили созвать в Париже во время выставки Международный конгресс, в котором могли бы принять участие рабочие всего мира.

Это решение с радостью приветствовали социалисты Европы и Америки, ввиду того что таким образом представлялся случай собраться и ясно сформулировать требования рабочего класса в области международного рабочего законодательства. Этот же вопрос будет обсуждаться на конференции в Берне, созываемой представителями европейских правительств в сентябре.

Капиталисты приглашают богачей и власть имущих на Всемирную выставку любоваться достижениями рабочих, обреченных на нищету среди величайшего богатства, каким когда-либо владело человеческое общество. Мы, социалисты, стремящиеся к освобождению труда, к отмене системы наемного рабства и созданию такого общественного строя, при котором все рабочие, без различия пола и национальности, будут иметь право на богатства, созданные их совместным трудом, — мы приглашаем подлинных производителей этих богатств встретиться с нами 14 июля в Париже.

Мы призываем их скрепить братский союз, который, поддерживая пролетариев всех стран в их борьбе, ускорит начало нового мира.

«Рабочие всех стран, соединитесь!»

А в с т р и я: от Социалистической рабочей партии — *И. Попп, В. Адлер, Э. Кралик, А. Циннрам, Н. Гофманн, И. Крейцер, И. Винниг, Г. Поппер* (Вена), *И. Макарт, Г. Флекингер, К. Замс* (Иннсбрук), *А. Вейгуни, И. Зигль* (Линц), *А. Фримель, В. Винер, Т. Гейнц, А. Бошек* (Штирия), *К. Шнеевейс, А. Сobotка, А. Клофак, И. Гибес* (Брюнн), *В. Штурц, Ф. Досек, Т. Немечек* (Прага), *Т. Зедничек, Р. Захольто* (Просниц), *А. Герин, К. Гикар, И. Лакс* (Триест), *И. Донилюк* (Львов), *Т. Аденан* (Клагенфурт), *Е. Ригер* (Брацца), *И. Циммерманн* (Егерндорф).

Б е л ь г и я: от Социалистической рабочей партии Гента — *Э. Ансель, Е. Ван-Беверен*.

Франция: от Федерации профессиональных союзов и рабочих организаций Франции — *Р. Лавинь*; от социалистической федерации Франции — *Ж. Батисс*.

Великобритания: *Р. Б. Кеннингем-Грехем*—член парламента; от Социалистической лиги — *Вильям Моррис*, *Ф. Китц*; от общества «Labour Elector» — *В. Парнелл* (почетный секретарь), *Дж. Бейтман*, *Г. Чемпион*, *Том Мэн*; от Эрширского союза горняков — *Дж. Кейр Гарди*.

Германия: от Социал-демократической рабочей партии Германии, члены рейхстага — *Бебель*, *Фроме*, *Гриллаенбергер*, *Гарм*, *Кюн*, *Либкнехт*, *Мейстер*, *Забор*, *Зингер*, *Шумахер*.

Голландия: от Голландской социал-демократической рабочей партии—*Домела Нивенгейс*, *Кроль*.

Венгрия: от Социалистической рабочей партии — *Лео Франкель* (член Парижской Коммуны 1871 г.).

Италия: от революционных социалистических организаций — *Амилькаре Чиприани*.

Польша: от польских социалистов — *С. Мендельсон*, сотрудник журнала «Walka Klas» («Классовая борьба»), *Л. Анелевский*, член Варшавского рабочего комитета.

Португалия: от социалистических рабочих обществ — *Карвальго*.

Россия: *Степняк*.

Испания: от Испанской социалистической рабочей партии — *Пабло Иглесиас*, *Х. Диего*.

Швейцария: *Брандт*, вице-председатель союза Грютли; от Швейцарской социалистической рабочей партии — *А. Рейхель*, *А. Штек*.

Организационная комиссия Конгресса.

От Федерации парижских профессиональных союзов — *Буле*, *Бессе*, *Мансо*, *Руссель* и *Фелин*.

От социалистических организаций Парижа — *Вайян*, *Гэд*, *Девиль*, *Жаклар*, *Крепен* и *Лафарг*.

От социалистической группы Парижского муниципального совета — *Домд*, *Лонге*, *Вайян* и *Шовьер*—члены муниципалитета.

От социалистической группы Палаты депутатов — *Ферруль* и *Планто*—депутаты.

Секретарь для Франции — *Бессе*, (Биржа труда, Rue J. J. Rousseau, Париж).

Секретарь для связи с другими странами — *Поль Лафарг* (Le Perreux, Paris-Banlieue), которому и направлять все сообщения.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РАБОЧИЙ КОНГРЕСС.

Национальный союз французских рабочих профессиональных союзов. — Национальный совет в Бордо, 1889 г. — Исполнительный комитет Национального социалистического рабочего конгресса в Труа, 1888—1889 гг. — Международный социалистический рабочий конгресс, с 14 по 21 июля, Париж, 1889 г.

ВОЗЗВАНИЕ К РАБОЧИМ И СОЦИАЛИСТАМ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ.

В октябре 1888 г. в Бордо состоялся национальный конгресс, на котором были представители более чем от 200 рабочих профессиональных союзов — рабочих синдикальных палат и корпоративных групп. Этот конгресс принял решение, что во время Всемирной выставки должен состояться Международный рабочий конгресс.

Такое же решение было принято на конгрессе, состоявшемся в Труа в декабре 1888 г., на котором были представители от всех фракций социалистической партии Франции.

Национальному совету, избранному на конгрессе в Бордо, и Исполнительному комитету, избранному на конгрессе в Труа, было поручено сговориться относительно совместной организации Международного конгресса и пригласить на него всех рабочих и социалистов Европы и всего мира, стремящихся к освобождению труда. Это было выполнено.

28 февраля 1889 г. состоялась Международная конференция в Гааге, на которой были представители от социалистов Германии, Швейцарии, Бельгии, Голландии и Франции, в то время как английская Социалистическая лига и датские социалисты отказались присутствовать, заранее заявив о своем полном согласии со всеми решениями.

Гаагская конференция постановила:

1. Что Парижский международный конгресс должен открыться 14 июля и продолжаться до 21 июля 1889 г.;
2. Что рабочие и социалисты всех стран могут участвовать в нем, сходясь с политическими условиями страны, в которой они живут;
3. Что конгресс будет суверенным в отношении проверки мандатов и установления порядка дня.

Для обсуждения намечаются следующие вопросы:

а) Международное рабочее законодательство — установление законом нормального рабочего дня (дневная работа, ночная работа, работа в праздничные дни, труд взрослых мужчин, женщин и труд детей);

б) Инспекция фабрик и мастерских, а также домашней промышленности;

в) Пути и средства, гарантирующие выполнение этих требований.

В силу полномочий, данных нам конгрессами в Бордо и Труа, и в согласии с решениями Международной конференции в Гааге:

1) Мы созываем Международный конгресс в Париже, который должен состояться 14 и продолжаться до 21 июля 1889 г;

2) Порядок дня — согласно предложению Гаагской конференции;

3) Мы приглашаем социалистические организации и все рабочие организации Европы и Америки на этот конгресс, который положит начало объединению всех рабочих и социалистов обеих частей света.

Мы назначили в Париже Исполнительный комитет, которому поручена окончательная организация конгресса и который должен подготовить все для приема иностранных делегатов.

Шлем наш братский привет рабочим и социалистам мира.

Да здравствует всеобщее освобождение рабочих!

От Национального совета в Бордо:
Генеральный секретарь *Р. Лавинь*,
16, Rue Sullivan, Бордо.

От Исполнительного комитета в Труа:
Генеральный секретарь *Ж. Батисс*,
Rue de la Grande Planché 22,
St. André, около Труа.

П а р и ж с к и й И с п о л н и т е л ь н ы й к о м и т е т :

От объединения парижских профессиональных союзов:

Буле, Бессе, Мансо, Руссель, Фелин.

От социалистических организаций Парижа:

Вайян, Гэд, Девиль, Жаклар, Крепен, Лафарг.

От социалистической группы парижского муниципалитета:

Домд, Лонге, Шовьер, Вайян — муниципальные советники.

От социалистической группы Палаты депутатов:

Ферруль, Планто — депутаты.

Адреса: Бессе, секретарь для Франции, Биржа труда, Бюро профессионального союза сапожников, Rue J. J. Rousseau, Париж.

Поль Лафарг, секретарь для связи с другими странами, Le Perreux 60,
Avenue des Champs Elysées, Seine (Banlieue de Paris).

Опубликовано в «Berliner Volksblatt»
10 мая 1889 г.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абдул-Гамид II (1842—1918) — турецкий султан с 1876 по 1909 г. — 141, 334.

Август (August), прусский принц — брат Фридриха-Вильгельма III, прусского короля — 187.

Август — см. Бебель, Август.

Авенель (Avenel), *Жорж* (1828—1876) — французский историк радикального направления; автор книги «Anacharsis Cloots l'orateur du genre humain» («Анахарис Клоотс, оратор человечества») и сборника «Lundis révolutionnaires» («Революционные понедельники»), написанных на основании изучения архивных материалов — 68, 161, 162.

Адлер (Adler), *Виктор* (1852—1918) — основатель и лидер австрийской социал-демократии, врач, фабричный инспектор; в 1884 г. примкнул к социалистическому движению; с 1887 г. редактировал социал-демократическую газету «Gleichheit»; организатор объединительного съезда австрийской социал-демократии в Гайнфельде (1889); с 1889 г. редактор центрального органа партии «Arbeiter-Zeitung», впоследствии представитель реформизма во II Интернационале; в период первой империалистической войны центрист — 83, 117, 137, 147, 148, 149, 161, 167, 230, 268, 276, 282, 283, 287, 331, 332, 335, 337, 373, 380.

Адлер (Adler), *Георг* (1863—1908) — германский буржуазный экономист, социал-реформист — 8.

Адлер (Adler), *Эмма* — жена Адлера В. — 163, 268, 269, 331, 332.

Адольф — см. Зорге, Адольф.

Аксельрод, *Надежда Исаковна* — жена Аксельрода П. Б. — 124.

Аксельрод, *Павел Борисович* (1850—1928) — социал-демократ, меньшевик; в 70-х годах народник; в 1883 г. совместно с Плехановым и др. основал

марксистскую группу «Освобождение труда»; в 1900 г. член редакции «Искры»; на II съезде РСДРП (1903) защищал формулировку § 1 «Устава», предложенную Мартовым; в дальнейшем ликвидатор; в период первой империалистической войны шовинист. Злейший враг Великой Октябрьской Социалистической революции и сторонник вооруженной интервенции против СССР — 124.

Александр III (1845—1894) — русский император (1881—1894) — 20, 32, 77, 78, 130, 137, 165, 182, 195, 275, 334, 344, 345, 353, 363, 374, 377, 379, 387.

Аллеман (Allemane), *Жан* (род. в 1843 г.) — французский оппортунист, бывший типографский рабочий, участвовал в республиканском и рабочем движении; после Парижской Коммуны сослан в Новую Каледонию; вернувшись по амнистии 1880 г. во Францию, примкнул к правому крылу Рабочей партии; после раскола на конгрессе в С. Этьене (1882) стал на сторону POSSИБИЛИСТОВ; исключенный со своими сторонниками (аллеманистами) из партии POSSИБИЛИСТОВ в 1890 г. основал оппортунистическую, так называемую «Рабочую социально-революционную партию»; член палаты депутатов 1901—1902 и 1906—1910 гг. — 249, 253, 264, 333.

Анна — см. Падлевский Станислав.

Аннеке (Anneke), *Фриц* (1818—1866) — бывший прусский лейтенант артиллерии, член кельнской общины Союза коммунистов; участник революции 1848—1849 гг. в Германии; впоследствии эмигрировал в Швейцарию, а затем в Америку — 156.

Анненков, *Павел Васильевич* (1812—1887) — русский журналист, литературный критик и мемуарист, умеренный либерал; в 40-х годах жил за границей; был знаком и переписывался с К. Марксом (1846—1847) — 61.

Анни — прислуга *Ф. Энгельса* — 296.
Ансель (Anseele), *Эдуард* (род. в 1856 г.) — бельгийский социал-демократ, оппортунист, один из основателей бельгийской рабочей партии (1885); основатель гентского рабочего кооператива «Voogruit» («Вперед») и впоследствии крупнейший деятель кооперативного движения в Бельгии; председатель «Banque du Travail» («Рабочий банк»); член коалиционных правительств после первой империалистической войны — 72, 99, 100, 109, 119, 264.
Аудорф (Audorf), *Якоб* (1835—1898) — германский социал-демократ, ранее лассальянец; один из основателей лассальянского Всеобщего германского рабочего союза; в 1868 г. эмигрировал в Россию, в 1887 г. вернулся в Германию и был одним из редакторов «Hamburger Echo» — 315, 393.
Ауэр (Auer), *Игнац* (1846—1907) — германский социал-демократ, рабочий-сидельщик; в 1870 г. примкнул к эйзенахской партии; в 1874—1877 гг. секретарь Правления объединенной партии; в 1877—1878 гг. редактор «Berliner Freie Presse»; реформист; с 1890 г. секретарь Правления партии; депутат рейхстага в 1877—1878, 1880—1881, 1884—1887 и 1890—1907 гг. — 110, 127, 160, 359, 360, 366.

Б

Бабев (Babeuf), *Франсуа Ноэль*, по прозвищу *Гракх* (1760—1797) — французский революционер, коммунист-утопист эпохи французской буржуазной революции конца XVIII в., организатор «заговора равных»; казнен в 1797 г. — 82.
Бакс (Bax), *Эрнст Бельфорт* (1854—1926) — английский социалист, философ-электик; в 1881 г. вместе с Гайндманом создал Демократическую федерацию, вскоре переименованную в Социал-демократическую федерацию; один из редакторов «Justice» и «То-Дау»; в 1884 г. временно порвал с Гайндманом и был одним из организаторов Социалистической лиги; впоследствии один из лидеров Британской социалистической партии; во время первой империалистической войны шовинист — 78, 83, 122, 151, 164, 166, 169, 173, 185, 326.
Бакунин, *Михаил Александрович* (1814—1876) — русский анархист; злейший враг марксизма; основатель анархистской организации «Альянс социалисти-

ческой демократии»; вел ожесточенную борьбу против Генерального Совета и прежде всего — Маркса; вел подрывную деятельность для дезорганизации I Интернационала, но был разоблачен К. Марксом и Ф. Энгельсом; на Гаагском конгрессе (1872) исключен из Интернационала — 128, 154, 155, 359, 381.
Бальзак (de Balzac), *Оноре, де* (1799—1850) — знаменитый французский писатель, один из создателей реалистического романа — 28, 68.
Бальман (Bahlman) — германский социал-демократ — 238.
Бальфур (Balfour), *Артур Джэмс* (1848—1930) — лидер английской консервативной партии; министр по делам Ирландии в консервативном кабинете Сольсбери (1887—1891), ввел в Ирландии суровый полицейский режим; с 1891 г. первый лорд казначейства — 20.
Банья (Banga), *Янош* (1817—1868) — венгерский журналист, эмигрант; в 1848—1849 гг. полковник венгерской революционной армии, начальник тайной полиции у Кошута; разоблачен К. Марксом как шпион — 12.
Бантинг (Banting), *Вильям* (1797—1878) — предложил метод исключения углеводов из пищи при одновременном ограничении применения жиров, но научно его не обосновал — 306.
Бар (Bahr), *Герман* (1863—1934) — австрийский писатель - импрессионист, критик, драматург и романист; популяризировал различные модные течения в европейской философии и литературе — 219, 220, 221, 222.
Бардорф (Bardorf), *Иосиф* — австрийский социал-демократ — 83.
Баринг (Baring), лорд — владелец английского банковского дома «Baring Brothers and Co» — 78.
Барон — прозвище К. Каутского.
Барондес (Barondess), *Иосиф* (1867—1928) — участник рабочего движения в Америке, впоследствии сионист — 357.
Барри (Barry), *Мальтман* (1842—1909) — английский радикальный журналист; в 1871—1872 гг. член Генерального Совета I Интернационала, делегат Гаагского конгресса — 185.
Барт (Barth), *Пауль* (1858—1922) — германский социолог-идеалист; с 1897 г. профессор в Лейпциге — 232, 233, 261, 328, 329, 372.
Баттенберг (Battenberg) (принц *Баттенбергский*), *Александр* (1857—1893) — русский ставленник на болгарском

- престоле (1881—1886); в 1886 г. в связи с заговором против России бежал из Болгарии — 32.
- Бауэр** (Bauer), **Бруно** (1809—1882) — один из виднейших представителей младогегельянства в Пруссии, позднее консервативный публицист — 50, 68, 153.
- Бауэр** (Bauer), **Эдгар** (1820—1886) — брат Бруно Бауэра, публицист, младогегельянец — 153.
- Бахофен** (Bachofen), **Иоганн-Якоб** (1815—1887) — швейцарский юрист и этнолог, профессор римского права в Базеле; автор книги «Das Mutterrecht» («Материнское право»), 1861 г., в которой он доказывал, что патриархальной форме семьи предшествовали более примитивные ее формы — 323.
- Бebel** (Bebel), **Август** (1840—1913) — виднейший представитель международного рабочего движения, один из основателей и вождей германской социал-демократии и II Интернационала; в 1869 г. Бeбeль и В. Либкнехт, под влиянием которого Бeбeль стал приближаться к марксизму, основали Социал-демократическую партию эйзенахцев; в 1875 г. произошло ее слияние с лассальянцами; Бeбeль выступал против бернштейнианства и оппортунизма в германской социал-демократии и во II Интернационале, но в то же время допускал ошибки примиренческого характера по отношению к оппортунистам; к концу жизни занял центристскую позицию; Бeбeль неоднократно избирался в рейхстаг — 16, 23, 30, 43, 44, 60, 65, 87, 88, 89, 91, 92, 94, 95, 98, 100, 102, 107, 108, 112, 113, 116, 119, 122, 126, 128, 134, 139, 152, 157, 173, 180, 186, 201, 212, 213, 230, 236, 240, 241, 249, 262, 264, 270, 276, 281, 282, 286, 287, 288, 289, 290, 292, 293, 296, 297, 303, 305, 307, 311, 312, 322, 330, 331, 335, 337, 340, 342, 343, 349, 351, 352, 359, 360, 373, 380, 381, 386, 392, 393.
- Бeбeль** (Bebel), **Фрида** — дочь Августа и Юлии Бeбeль, впоследствии жена Симона Ф. — 33, 88, 160, 213.
- Бeбeль** (Bebel), **Юлия** (1843—1910) — жена Бeбeля А. — 33, 160, 182, 213, 216, 303, 318, 351, 352, 365, 383, 390.
- Беван Филлипс** (Bevan Phillips) Г. — английский статистик-экономист; автор книги «A Handbook to the Industries of the British Isles and the United States» («Справочник британской и американской промышленности»), 1882 г. — 57.
- Безант** (Besant), **Анни** (род. в 1847 г.) — английская писательница; участница атеистического и радикального движения, пропагандистка неомальтузианства; одно время состояла в Социал-демократической федерации, затем вошла в Фабианское общество, впоследствии теософка — 17, 37, 117, 312, 339, 367.
- Бейтман** (Bateman), **Джордж** — английский типограф, деятель Социал-демократической федерации — 124, 139, 148, 185.
- Бек**, **Григорий** — участник народо-вольческих кружков в России и за границей. Позднее отошел от революционной деятельности — 204, 205, 206.
- Беккер** (Becker), **Иоганн-Филипп** (1809—1886) — немецкий революционер, по профессии шеточник; участник революции 1848 г.; в эмиграции в Женеве один из организаторов секции I Интернационала; сподвижник и друг К. Маркса и Ф. Энгельса — 117.
- Беллинг** (Boelling), **Август** — племянник Ф. Энгельса, сын его сестры Гедвиги — 176.
- Бентинг** (Bunting), **Перси** — основатель журнала «The Contemporary Review» — 192.
- Бернс** (Burns), **Вильям** — племянник жены Ф. Энгельса — 42, 43.
- Бернс** (Burns) — жена Бернса В. — 43.
- Бернс** (Burns), **Джон** (род. в 1858 г.) — механик; один из лидеров Социал-демократической федерации и руководитель движения безработных и стачки докеров в 1889 г.; с 1892 г. член парламента; в 1893 г. вступил в Независимую рабочую партию; с конца 90-х годов окончательно порвал с социализмом — 11, 21, 122, 123, 125, 127, 139, 140, 148, 149, 165, 167, 177, 178, 185, 207, 333, 395, 396.
- Бернштейн** (Bernstein), **Регина (Гина)** — жена Бернштейна Э. — 40, 75, 76, 145, 173, 192, 218, 337, 367, 390, 391.
- Бернштейн** (Bernstein), **Эдуард** (1850—1932) — германский социал-демократ; с 1881 по 1890 г. редактор нелегального органа германской социал-демократической партии «Sozialdemokrat»; после смерти Ф. Энгельса Бернштейн выступил с ревизией марксизма по основным вопросам теории и тактики в статьях в «Neue Zeit» и в книге «Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie» («Предпосылки социализма и задачи социал-демократии»), 1899 г.; в дальнейшем вождь и теоретик оппорту-

- низма, ренегат; в годы первой империалистической войны центрист. — 12, 26, 37, 40, 52, 54, 55, 58, 59, 75, 76, 83, 87, 91, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 108, 110, 112, 113, 114, 115, 116, 122, 123, 126, 129, 132, 143, 147, 152, 166, 169, 173, 179, 180, 187, 189, 192, 198, 201, 202, 204, 205, 206, 215, 218, 230, 232, 237, 242, 249, 251, 261, 277, 281, 294, 299, 300, 321, 322, 323, 324, 337, 341, 347, 349, 351, 366, 367, 373, 389, 390, 391, 393, 395, 396.
- Берроуз** (Burrows), **Герберт** (1845—1923) — английский теософ — 312, 339.
- Бетман** (Bethmann) — банкир — 357.
- Бисмарк** (Bismarck), **Отто** (1815—1898) — канцлер Германской империи (1871—1890); автор исключительного закона против социалистов (1878—1890); злейший враг рабочего движения — 5, 8, 9, 10, 11, 13, 16, 20, 24, 31, 32, 33, 35, 36, 52, 53, 72, 73, 76, 77, 78, 87, 134, 137, 138, 166, 170, 180, 181, 187, 188, 190, 201, 202, 249, 267, 272, 291, 309, 367, 373, 378.
- Бисмарк** (Bismarck), **Герберт** — сын Бисмарка О. — 53.
- Блаватская, Елена Петровна** (1831—1891) — русская писательница - теософка, основательница теософского общества в Нью-Йорке в 1875 г. — 312.
- Бланк** (Blank), **Рудольф** — племянник Ф. Энгельса, сын его сестры Марии и Карла-Эмиля Бланка — 145.
- Бленд** (Blend), **Губерт** (род. в 1856 г.) — английский журналист; один из основателей Фабианского общества, член его исполнительного комитета — 18.
- Блондо** (Blondeau), **Мари** — рабочий; убит 1 мая 1891 г. правительственными войсками, стрелявшими по распоряжению правительства в рабочую демонстрацию в Фурми — 375.
- Блос** (Blos), **Вильгельм** (1849—1927) — германский социал-демократ, журналист и историк, один из представителей правого крыла социал-демократической партии; до 1872 г. участник южно-германского демократического движения; в 1872—1874 гг. вместе с А. Гепнером редактировал «Volksstaat»; в 1877—1878 гг. и с 1890 г. член рейхстага; в годы первой империалистической войны шовинист — 199, 213, 349.
- Блох** (Bloch), **Иосиф** — редактор журнала «Sozialistische Monatshefte» — 243.
- Блум** (Blum), **Роберт** (1807—1848) — немецкий демократ, один из лидеров левой Франкфуртского национального собрания, участник венского восстания 1848 г.; расстрелян австрийской контрреволюцией — 71.
- Бовен** (Bowen) — американский делегат на парижском конгрессе POSSIBILITY-тов 1889 г. — 136.
- Бомарше** (Beaumarchais), **Пьер Огюстен Карон**, де (1732—1799) — французский драматург и памфлетист, один из литературных представителей «третьего сословия» накануне буржуазной революции во Франции — 81.
- Бонапарт** — см. Наполеон I.
- Бонье** (Bonnier), **Шарль** (род. в 1863 г.) — французский социалист, писатель и журналист, гэдист; с 1889 г. член французской Рабочей партии, делегат на Брюссельском (1891) и Лондонском (1896) конгрессах II Интернационала; сотрудник «Socialiste», «Neue Zeit» — 89, 91, 95, 99, 102, 103, 108, 114, 123, 327.
- Бракке** (Bracke), **Вильгельм** (1842—1880) — германский социал-демократ, издатель и книготорговец в Брауншвейге; с 1865 г. член Всеобщего германского рабочего союза; в 1869 г. один из основателей и руководителей эйзенахской партии; в 1870 г. заключен в крепость за выпущенный комитетом партии манифест против войны; в 1875 г. высказался против Готской объединительной программы; в 1877 г. член рейхстага — 287.
- Браун** (Braun), **Адольф** (1862—1929) — германский социал-демократ, журналист; принимал участие в объединительном съезде австрийской социал-демократии в Гайнфельде (1889); после отмены исключительного закона в Германии член Правления социал-демократической партии; с 1920 г. член рейхстага; принадлежал к правому крылу партии — 283, 287.
- Браун** (Braun), **Генрих** (1854—1927) — германский социал-демократ, брат Адольфа Брауна, писатель; в 1888 г. основал «Архив социального законодательства и статистики»; в 1903—1907 гг. член рейхстага; ревизионист — 69, 88, 231.
- Бредлоу** (Bradlaugh), **Чарльз** (1833—1891) — английский буржуазный политический деятель; с 1860 г. вместе с А. Безант издавал газету «National Reformer»; в 80-х годах сторонник Генри Джорджа, президент Лиги

- аграрной реформы; с 1880 г. член парламента — 17, 284, 288, 350, 351.
- Брентано** (Brentano), *Луио* (1844—1931) — немецкий буржуазный экономист, катедер-социалист, профессор нескольких германских университетов; в одной из своих работ обвинял Маркса в фальсификации цитат; Ф. Энгельс выступил с резкой отповедью Брентано в предисловии к четвертому изданию I тома «Капитала» и разоблачил его в своей работе «Брентано contra Маркс по поводу мнимой фальсификации цитаты. История вопроса и документы» — 58, 241, 267, 268, 270, 273, 276, 296, 298, 309.
- Брисме** (Brismée), *Дезире* (1821—1888) — деятель бельгийского рабочего движения, бакунист, владелец типографии в Брюсселе; член I Интернационала, участник Брюссельского, Базельского и Гаагского конгрессов—35.
- Бродгерст** (Broadhurst), *Генри* (1840—1911) — один из лидеров английских трэд-юнионов — 34, 126, 127, 140, 148, 179.
- Брун** (Bruhn), *Карл* (род. в 1803 г.) — член Союза справедливых, а затем Союза коммунистов; из последнего исключен в 1850 г.; в 60-х годах ласальенец, редактор «Nordstern» в Гамбурге — 12.
- Брусс** (Brousse), *Поль* (1844—1912) — французский мелкобуржуазный социалист, врач; после падения Коммуны эмигрировал в Швейцарию, примкнул к анархистской Юрской федерации; по возвращении во Францию в 1880 г. один из организаторов Рабочей партии; после раскола ее — во главе поссибилистов; с 1885 г. муниципальный советник в Париже — 100, 102, 103, 111, 117, 118, 126, 128, 129, 135, 138, 249, 253, 254, 264, 277, 333, 362, 396.
- Буаен-Шампо** (Boivin-Champeaux), *Луи* (1823—1899) — французский историк; работал главным образом в области истории Нормандии — 84.
- Буае** (Boyer), *Антид* (1850—1918) — французский анархист, впоследствии буржуазный радикал, член парламента — 159.
- Буланже** (Boulangier), *Жорж-Эрнест* (1837—1891) — французский генерал, участник войн Наполеона III и подавления Парижской Коммуны; в 1886—1887 гг. военный министр; германофоб, вдохновитель реакционно-шовинистического движения, получившего название буланжизма; после неудав-
- шегося заговора (1889) бежал из Франции и покончил жизнь самоубийством — 33, 36, 53, 66, 67, 73, 76, 88, 113, 114, 182, 318, 352, 373, 374.
- Буле** (Boulé) — рабочий; кандидат во французскую палату депутатов от социалистов в 1889 г. — 71, 111, 122.
- Буль** (Buhl), *Людвиг* (1814 — ум. припл. 1880) — немецкий радикальный публицист, младогегельянец; корреспондент «Rheinische Zeitung» и других радикальных газет и журналов — 153.
- Бэр** (Beer) — французский политический деятель, умеренный республиканец — 362, 370.

В

- Вайян** (Vaillant), *Эдуард* (1840—1915) — французский социалист, бланкист, член Коммуны; в 1871—1880 гг. эмигрант в Лондоне; член Генерального Совета I Интернационала; в 1881 г. один из руководителей бланкистской организации; в 1884—1893 гг. член муниципального совета Парижа; с 1888 г. редактор газеты «L'Homme Libre»; в 1893—1914 гг. член палаты депутатов; вместе с Ж. Гэдом руководил Социалистической партией Франции; во время первой империалистической войны социал-патриот — 10, 16, 66, 79, 87, 92, 111, 112, 122, 135, 159.
- Ваксмут** (Wachsmuth), *Вильгельм* (1784 — 1866) — немецкий историк, профессор в Лейпциге; автор исторических работ, в частности «Hellenische Alterthumskunde» («Греческие древности»), 1826—1830 гг.; «Geschichte deutscher Nationalität» («История немецкой нации»), 1860—1862 гг.; «Allgemeine Kulturgeschichte» («Всеобщая история культуры»), 1850—1852 гг.; «Geschichte Frankreichs im Revolutionszeitalter» («История Франции в эпоху революции»), 1840—1844 гг. — 244.
- Вальдейер** (Waldeyer), *Вильгельм* (1836—1921) — немецкий анатом; в 1883—1917 гг. профессор Берлинского университета — 32.
- Вальдек** (Waldeck), *Юлиус* — немецкий врач; в начале 40-х годов принадлежал к группе «свободных» в Берлине — 154.
- Вальтер** (Walter), *Ф.* — немецкий переплетчик и книгопродавец — 63.
- Ван-Беверен** (Van Beveren), *Е.* — бельгийский социал-демократ — 72.
- Вандербильт** (Vanderbilt) — американский миллиардер, железнодорожный магнат — 257.

- Варту** (Vartout) — автор работы «Lettre d'un paysan à son curé sur une nouvelle manière de tenir les états généraux» («Письмо крестьянина к своему священнику о новом способе созыва Генеральных штатов»), Сартрувиль, 1789 г. — 83.
- Вахенгузен** (Wachenhusen), **Г.** — немецкий журналист, демократ; автор брошюры «An die deutschen Studenten» («К немецким студентам»); в начале 40-х годов принадлежал к группе «свободных» в Берлине — 153.
- Вебб** (Webb), **Сидней** (род. в 1859 г.) — английский политический и общественный деятель, один из основателей Фабианского общества; в период первой империалистической войны шовинист; известна его книга «History of Trade Unionism» («История трэджюнионизма»); книгу «Industrial Democracy» Вебб написал вместе с женой Беатрисой Вебб в 1897 г. В России эта книга опубликована в переводе В. И. Ленина под названием «Теория и практика английского трэджюнионизма», 1900 г. — 104.
- Веерт** (Weerth), **Георг** (1822—1856) — немецкий поэт и журналист; член Союза коммунистов, член редакции «Neue Rheinische Zeitung»; автор романа в стихах «Жизнь и деяния знаменитого рыцаря Шнаппганского»; Ф. Энгельс называл Веерта «первым и самым значительным поэтом немецкого пролетариата». (Соч. Маркса и Энгельса, т. XVI, ч. I, стр. 155) — 177.
- Везинье** (Vesinier), **Пьер** (1826—1902) — французский журналист, республиканец; после переворота 2 декабря 1851 г. в эмиграции; выступал против Генерального Совета I Интернационала в Лондоне с прудонистских позиций; в 1868 г. исключен из Интернационала; был членом Коммуны; впоследствии снова в эмиграции; инициатор клеветнической кампании против Маркса — 254.
- Вейтлинг** (Weitling), **Вильгельм** (1808—1871) — немецкий представитель утопического коммунизма; в 1837 г. примкнул к Союзу справедливых и по его поручению написал свое первое произведение «Die Menschheit wie sie ist, und wie sie sein sollte» («Человечество, как оно есть и каким оно должно быть»), 1838 г.; в Париже (1835—1841) и в Швейцарии развернул пропаганду коммунистических идей среди ремесленников; в 1842 г. вышло главное его произведение «Garantien der Harmonie und Freiheit» («Гарантии гармонии и свободы»), где он подвергал критике существующее общество и набросал план будущего коммунистического общества. Во второй половине 40-х годов К. Маркс подверг взгляды Вейтлинга резкой критике; в конце своей жизни Вейтлинг отошел от политической деятельности — 60, 61, 62.
- Вердер** (Werder), **Карл-Фридрих** (1806—1893) — немецкий поэт и философ; с 1838 г. профессор философии в берлинском университете — 154.
- Визетелли** (Vizetelly) — 26.
- Вико** (Vico), **Джованни Баттиста** (1668—1744) — итальянский философ, юрист, критик и историк; основная его работа «Principii di una scienza nuova d'intorno alla comune natura delle nazioni» («Новая наука об общей природе наций»), 1725 г. — 192.
- Виктор** — см. Адлер, Виктор.
- Виктория** (Victoria) (1840—1901) — прусская королева и германская императрица (9 марта — 15 июня 1888 г.), жена Фридриха III — 32.
- Вилли** — племянник Фридриха-Вильгельма III — 187.
- Вильгельм** (Wilhelm) **I** (1797—1888) — прусский король (1861—1888) и германский император (1871—1888) — 9, 11, 26, 31, 87.
- Вильгельм** (Wilhelm) **II** (род. в 1859 г.) — германский император и прусский король (1888—1918) — 9, 11, 16, 33, 36, 52, 53, 73, 87, 131, 141, 166, 187, 188, 190, 196, 199, 200, 209, 224, 227, 239, 243, 250, 377, 387.
- Вильгельмхен** — см. Вильгельм II.
- Вирт** (Wirth), **Мориц** (род. в 1849 г.) — немецкий писатель, экономист — 232.
- Вишневецкая-Келли** (Wischnewetzky-Kelly), **Флоренс** (1859—1932) — американская социалистка, член Социалистической рабочей партии США; переводчица книги Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» на английский язык; впоследствии буржуазная реформистка — 15, 17, 29, 36, 38, 39, 45, 46, 53, 72, 73, 86, 125, 138, 348, 358, 366.
- Вишневецкий** (Wischnewetzky), **Лазарь** — русский врач; социалист, член Социалистической рабочей партии США; муж Флоренс Вишневецкой-Келли — 15, 39, 45, 46, 73, 110, 125, 138.
- Вольдерс** (Volders), **Жан** (1855—1896) — бельгийский социалист, вначале либерал, затем в 1885 г. один из основа-

телей и впоследствии вождей Бельгийской рабочей партии, один из руководителей ее органа «Peuple»; участник Парижского конгресса 1889 г. и других конгрессов II Интернационала — 99.

Вольф (Wolff), *Вильгельм* («Лупус») (1809—1864) — немецкий коммунист, член ЦК Союза коммунистов; в 1848—1849 гг. член редакции «Neue Rheinische Zeitung», в 1849 г. поместил статью под названием «Die schlesische Milliarde» («Силезский миллиард»), где резко выступал против эксплуатации силезских крестьян помещиками и правительством; активный участник революции 1848 г., соратник и близкий друг К. Маркса и Ф. Энгельса; в 1851 г. эмигрировал в Англию; Маркс посвятил ему I том «Капитала» — 152.

Вольф (Wolf), *Юлиус* (род. в 1862 г.) — немецкий буржуазный экономист — 342, 372.

Г

Газенклевер (Hasenklever), *Вильгельм* (1837—1889) — германский социал-реформист, лассальянец; после 1871 г. председатель Всеобщего германского рабочего союза; в 1875 г. вошел в комитет объединенной социал-демократической партии в качестве второго председателя; в 1876—1878 гг. вместе с В. Либкнехтом редактировал «Vorwärts»; член рейхстага, в 1874—1887 гг. — 20.

Гайндман (Hundman), *Генри Мейерс* (1842—1921) — английский журналист; один из основателей Демократической федерации, преобразованной в 1884 г. в Социал-демократическую федерацию; редактор ее органа «Justice»; член Международного социалистического бюро II Интернационала в 1900—1910 гг.; во время первой империалистической войны социал-шовинист — 34, 35, 71, 78, 83, 87, 92, 97, 98, 99, 101, 102, 108, 109, 110, 116, 117, 118, 121, 122, 123, 125, 126, 128, 129, 139, 140, 145, 148, 151, 164, 185, 210, 212, 226, 236, 253, 264, 277, 284, 285, 294, 307, 308, 311, 321, 326, 333, 337, 338, 339, 342, 348, 351, 366, 396.

Гарди (Hardie), *Джесем Кейр* (1856—1915) — английский социалист-реформист, основатель Независимой рабочей партии, которую В. И. Ленин называет «независимой от социализма, но независимой от либерализма» (В. И. Ленин, т. XVI, стр. 525) — 113.

Гарибальди (Garibaldi), *Джузеппе* (1807—1882) — вождь итальянского национально-освободительного движения за объединение Италии — 355, 387.

Гаркнесс (Harkness), *Маргарита* (псевдоним «John Law») — английская писательница; член Социал-демократической федерации; автор книг «A City Girl» («Городская девушка») и «Out of Work» («Без работы») — 26.

Гарни (Harney), *Джордж-Джулиан* (1817—1897) — один из вождей левого крыла чартистского движения в Англии, основатель «Общества братских демократов» (1844), редактор главного органа чартистов «Northern Star» в 1848—1849 гг.; в 70—80-х годах жил в Америке — 42, 79, 85, 86, 150, 326.

Гарни (Harney), *Мария* — вторая жена Гарни Д.-Д. — 42.

Гартман, *Лев Николаевич* (1850 — ум. прил. 1911) — народоволец; с 1880 г. в эмиграции; заграничный представитель «Народной Воли»; был знаком с К. Марксом и Ф. Энгельсом — 137, 141, 150.

Гассельман (Hasselmann), *Вильгельм* (род. в 1844 г.) — германский социал-демократ, видный участник лассальянского движения в Рейнской области; член рейхстага в 1874—1876 и 1878—1880 гг.; основал газету «Die Rote Fahne» в Эльберфельде, в которой нападал «слева» на партийное руководство и постепенно перешел на открыто анархистские позиции, за что был одновременно с И. Мостом исключен из партии на Виденском съезде (1880); позднее эмигрировал в Лондон, затем в Америку — 282, 284.

Гегель (Hegel), *Георг-Вильгельм-Фридрих* (1770—1831) — философ, главнейший представитель немецкого классического идеализма, диалектик — 93, 260, 261, 328, 371, 372.

Гейзер (Geiser), *Алиса* (урожд. Либкнехт) — старшая дочь Либкнехта В., жена Гейзера Б. — 174.

Гейзер (Geiser), *Бруно* (1846—1898) — германский социал-демократ, писатель, зять Либкнехта В.; член эйзенахской партии, член рейхстага 1881—1887 гг., один из лидеров правого крыла социал-демократической партии; С. Галленский съезд партии (1887 г.) вынес решение не предоставлять ему в будущем руководящей работы в партии за нарушение

- партийной дисциплины — 142, 143, 157, 319, 337, 349, 392.
- Гейне* (Heine), *Генрих* (1797—1856) — знаменитый немецкий поэт и публицист — 255.
- Генерал* — прозвище Ф. Энгельса.
- Геннинге* (Henning), *Леопольд* (1791—1866) — гегельянец, профессор университета в Берлине; издатель первых трех томов Собрания сочинений Гегеля — 371.
- Генрих* (Henri) IV, *Бурбон* (1553—1610) — король Франции (1589—1610) — 80.
- Гепнер* (Hepner), *Адольф* (1846—1923) — германский социал-демократ; в 1869 г. помощник В. Либкнехта в редакции «Volksstaat»; делегат Гаагского конгресса I Интернационала, противник сближения с лассальянцами; после введения исключительного закона эмигрировал в Америку, где занимался литературно-издательской деятельностью — 165.
- Гепнерсен* — см. Гепнер, Адольф.
- Герберт* — см. Бисмарк, Герберт.
- Геркнер* (Herkner), *Генрих* (1863—1932) — германский экономист; катедер-социалист; профессор в Карлсруэ, Цюрихе и Берлине — 309.
- Герцен*, *Александр Иванович* (1812—1870) — революционер-демократ, социалист-утопист; издатель «Колокола», «Полярной Звезды» — первых органов вольной русской прессы — 6.
- Гесс* (Hess), *Моисей* (1812—1875) — немецкий публицист, представитель «истинного социализма» в 40-х годах XIX века — 61, 62, 156.
- Геффкен* (Geffcken), *Генрих* (1830—1896) — немецкий политический деятель, консерватор; был в оппозиции к О. Бисмарку — 72.
- Гехберг* (Höchberg), *Карл* (1853—1885) — немецкий социалист-реформист, филантроп; примкнув к германской социал-демократической партии, пытался увлечь ее на реформистский путь; издавал и финансировал ряд социал-демократических журналов — 238.
- Гиллес* (Gilles), *Фердинанд* — германский журналист, член социал-демократической партии; в 1891 г. был разоблачен германской социал-демократической печатью как полицейский шпион — 11, 226, 229, 338, 339, 342, 348, 350, 351, 362, 366, 376, 389, 395, 396.
- Гильдебранд* (Hildebrand), *Макс* — народный учитель в Берлине; принимал участие в собирании биографических материалов о М. Штирнере — 153.
- Гильом-Шак* (Guillaume-Schack), *Гертруда* — немецкая анархистка — 21, 192.
- Гина* — см. Бернштейн, Регина.
- Гирс*, *Николай Карлович* (1820—1895) — русский дипломат и государственный деятель; министр иностранных дел в 1882—1895 гг. — 377.
- Гирш* (Hirsch), *Карл* (1841—1900) — германский социал-демократ, журналист, вначале лассальянец; в 1868 г. редактор «Demokratisches Wochenblatt»; в 1870—1871 гг. редактор «Volksstaat»; в 1878—1879 гг. в Бельгии издавал еженедельник «Die Laterne» — 375, 379, 388.
- Гладстон* (Gladstone), *Вильям Юарт* (1809—1898) — известный английский государственный деятель второй половины XIX века, вождь либеральной партии; премьер-министр в 1868—1874, 1880—1885, 1886 и 1892—1894 гг. — 73, 141, 165, 181, 182, 192, 195, 267, 268, 270, 309, 334, 343.
- Гоббс* (Hobbes), *Томас* (1588—1679) — английский философ, представитель механистического материализма — 260.
- Гомперс* (Gompers), *Семюэль* (1850—1924) — один из руководителей профдвижения США, решительный противник социализма и политической борьбы рабочего класса; с 1882 г. бессменный председатель Американской федерации труда; во время первой империалистической войны ярый защитник империалистической политики — 279, 280, 333.
- Готшалк* (Gottschalk), *Андреас* (1815—1849) — врач в Кёльне, член Союза коммунистов; руководил ультра-«левой» фракцией Кёльского рабочего союза; в 1848—1849 гг. вел клеветническую кампанию против Маркса — 156, 157.
- Гох* (Hoch), *Густав* (род. в 1862 г.) — германский социал-демократ, журналист; в 1890 г. осужден за оскорбление величества — 70.
- Грейлих* (Greulich), *Герман* (1842—1925) — немецкий рабочий-переплетчик, один из основателей швейцарской секции I Интернационала; с 1869 г. редактор цюрихской газеты «Tagwacht»; руководитель швейцарской социал-демократической партии со времени ее основания; с 1902 г. член общешвейцарского парламента; один из лидеров правого крыла II Интернационала — 248.

- Гренвилль* (Granville), *Джордж* (1815—1891) — английский политический деятель, либерал; в период франко-прусской войны министр иностранных дел — 377.
- Гренлунд* (Gronlund), *Лауренс* (1846—1899) — датский социал-реформист; с 1867 г. в Америке; с 1888 г. член исполнительного комитета Социалистической рабочей партии США — 17.
- Грехем* — см. Кеннингем-Грехем.
- Гриллиенбергер* (Grillenberger), *Карл* (1848—1897) — германский социал-демократ, слесарь; один из организаторов социал-демократического движения в Баварии, член эйзенахской партии; с 1881 г. член рейхстага; реформист; в 1884 г. вошел в оппортунистическую группу социал-демократических депутатов, боровшихся против Бебеля и др. по вопросу о пароходной субсидии — 322.
- Грунциг* (Grunzig), *Юлиус* (род. в 1855 г.) — германский социал-демократ, писатель; судился за распространение «Sozialdemokrat», за что был выслан из Берлина; в 80-х годах эмигрировал в Америку, где вступил в Социалистическую рабочую партию; сотрудник «New-Yorker Volkszeitung» — 247, 248.
- Грюн* (Grün), *Карл* (1817—1887) — главный представитель «истинного социализма», приверженец Прудона — 61, 62.
- Гульд* (Gould), *Джей* (1836—1892) — американский банкир и железнодорожный магнат — 257.
- Гуттенгаг* (Guttentag), *Иммануил* (1817—1862) — берлинский издатель преимущественно юридической литературы; основатель книгоиздательской фирмы «J. Guttentag» — 371.
- Гюэ* (Guesde), *Жюль* (1845—1922) — в начале своей политической деятельности бакунист, в дальнейшем руководитель марксистского крыла французского рабочего движения; с 1877 г. издавал в Париже социалистическую газету «L'Égalité»; в 1879—1880 гг. вместе с П. Лафаргом и другими основал Рабочую партию; в 80—90-х годах вел борьбу против пошибилистов, решительно выступил против миллеранизма; с 90-х годов стал на путь уступок реформизму; в дальнейшем представитель центристского течения во II Интернационале; во время первой империалистической войны социал-патриот, член правительства в 1914 г. — 79, 87, 112, 123, 149, 150, 151, 159, 166, 212, 252, 253, 287, 327, 363.
- Д
- Дана* (Dana), *Чарльз Андерсон* (1819—1897) — американский журналист; в 40-х годах фурерист, позднее член республиканской партии; редактор газеты «New-York Daily Tribune», в которой сотрудничал К. Маркс — 295.
- Даниельсон, Николай Францевич* (псевдоним Николай—он) (1844—1918) — русский экономист, один из идеологов народничества, перевел I, II и III тома «Капитала» (I том совместно с Г. Лопатиным); снабжал К. Маркса и впоследствии Ф. Энгельса книгами и материалами о России; в 1893 г. издал книгу «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», служившую экономическим обоснованием народничества. В. И. Ленин дал в своих произведениях уничтожающую критику народнических взглядов Даниельсона — 6, 55, 114, 124, 131, 135, 163, 222, 335, 367.
- Данте* (Dante), *Алигьери* (1265—1321) — величайший итальянский поэт, автор «Божественной Комедии» — 144.
- Дантон* (Danton), *Жорж-Жак* (1759—1794) — один из крупнейших деятелей буржуазной революции во Франции конца XVIII века; талантливый оратор; вождь правого крыла монтаньяров — 82, 161, 162.
- Дарвин* (Darwin), *Чарльз Роберт* (1809—1882) — гениальный английский натуралист, создатель эволюционного учения — 58.
- Деблин* (Döblin), *Эмиль* (1853—1918) — германский социал-демократ и профсоюзный деятель; в 1888—1918 гг. председатель Союза типографов — 395.
- Девиль* (Deville), *Габриель* (род. в 1854 г.) — французский социалист, писатель, один из выдающихся деятелей и идеологов Рабочей партии; редактировал вместе с Ж. Гэдом «L'Égalité»; участник конгрессов II Интернационала; в 1883 г. издал изложение I тома «Капитала», которое, несмотря на поверхностность и вульгаризацию, сыграло некоторую роль в популяризации «Капитала» во Франции и России; впоследствии отошел от партии и служил в министерстве иностранных дел — 79, 87, 112, 159.
- Девитт* (Davitt), *Майкл* (1846—1906) — ирландский политический деятель и революционер, член фенианской

- организации, впоследствии сторонник Генри Джорджа; в 1879 г. основатель Национальной земельной лиги; в 1895—1899 гг. член палаты общин; в 1898 г. один из основателей Объединенной ирландской лиги для борьбы против примиренческой политики в ирландском национальном вопросе; в 1906 г. примкнул к английской Рабочей партии, но вскоре умер — 208, 286.
- Декарт* (Descartes), *Рене* (1596—1650) — французский философ, один из основателей новой философии, математик и физик — 232.
- Де Леон* (De Leon), *Даниэль* (1852—1914) — деятель американского социалистического движения — 151.
- Делл* (Dell), *Ричард* — английский журналист, фабианец, редактор «People's Press» — 207, 226.
- Делори* (Delory), *Густав* (род. в 1857 г.) — французский социалист, рабочий-текстильщик; один из видных деятелей Рабочей партии, организатор рабочего движения г. Лилля, делегат конгрессов II Интернационала; с 1896 г. мэр г. Лилля; с 1902 г. член палаты депутатов; во время первой империалистической войны социал-реформист — 352.
- Демут* (Demuth), *Елена* (Ленхен, Ним, Нимми) (1823—1890) — с ранней молодости жила в семье Маркса, близкий друг всей семьи; после смерти К. Маркса жила у Ф. Энгельса — 32, 40, 54, 55, 76, 78, 79, 104, 105, 108, 120, 135, 147, 150, 157, 172, 173, 174, 177, 179, 192, 197, 225, 239, 251, 252, 253, 263.
- Депасс* (Depasse), *Люсьен Гектор* (1843—1911) — французский публицист, умеренный республиканец, муниципальный советник в Париже — 362, 370.
- Деросси* (Derossi), *Карл* — германский социал-демократ; во время исключительного закона работал вместе с Ю. Моттелером по экспедиции «Sozialdemokrat» в Германию, затем эмигрировал в Америку — 217.
- Дессау-Ангальт* (Dessau-Anhalt), *Леопольд* (1676—1747) — князь, прусский фельдмаршал — 312.
- Дессауэр* — см. Дессау-Ангальт.
- Джевокс* (Jevons), *Вильямс Стенли* (1835—1882) — английский философ, экономист, представитель субъективной теории стоимости; профессор логики, философии и политической экономии в Манчестере (1866—1876) и Лондоне (1876—1881) — 7, 56, 186.
- Джонс* (Jones), *Эрнест* (1819—1869) — один из вождей чартизма, адвокат — 86.
- Джонс* (Jones), *Этерли* (род. в 1849 г.) — сын Джонса, Эрнеста — 79, 86.
- Джордж* (George), *Генри* (1839—1897) — американский буржуазный экономист; утверждал, что с передачей земельной ренты государству наступит конец нищеты при капитализме; в книге «Progress and Poverty» («Прогресс и бедность»), 1879 г., изложил эту теорию — 208, 265.
- Джорджи* (Georgii) — вашигтонский делегат на POSSIBИЛИСТСКОМ конгрессе 1889 г. в Париже — 136.
- Джоуль* (Joule), *Джеймс Прескот* (1818—1889) — известный английский физик — 58.
- Дизраэли* (Disraeli), *Бенджамин*, лорд Биконсфилд (1804—1881) — вождь консервативной партии, идеолог и организатор британской колониальной экспансии; премьер-министр в 1868 и 1874—1880 гг. — 19.
- Дилк* (Dilke), *Чарльз Уэнтворт* (1843—1911) — один из ранних провозвестников британского империализма; с 1868 г. член парламента, возглавлял вместе с Джозефом Чемберленом радикальную группу либералов; в 1882—1885 гг. министр по делам местного самоуправления в кабинете Гладстона; в 1885 г. обрывается его политическая деятельность в связи с бракоразводным процессом — 377.
- Дилк* (Dilke), *Эмилия* (1840—1904) — английская журналистка, критик; писала в «Saturday Review» — 24.
- Дитц* (Dietz), *Йоганн-Генрих-Вильгельм* (1843—1922) — германский социал-демократ; с 1881 г. член рейхстага; с 1883 г. издатель журнала «Neue Zeit», «Internationale Bibliothek» и произведений К. Маркса и Ф. Энгельса; основатель и руководитель крупнейшего социал-демократического издательства — 88, 193, 198, 229, 230, 265, 269, 271, 272, 276, 277, 282, 290, 292, 321, 325, 331, 352, 366, 381.
- Дитче* — автор «Сравнительной грамматики романских языков» — 3.
- Домà* (Daumas) — радикал-социалист, член Парижского муниципалитета — 122.
- Дормуа* (Dormou), *Жан* (1851—1898) — французский социалист, рабочий-металлист, гадист; в 1888 г. муниципальный советник в Монлюсоне; с 1892 г. мэр города Монлюсона; предложил

- на конгрессе профсоюзов в Бордо в 1888 г. учредить ежегодный праздник 1 мая — 67.
- Дэвис* (Davies), *Джон* (1569—1626) — английский юрист и поэт — 223.
- Дэнгарт* (Dähnardt), *Мария-Вильгельмина* (род. в 1818 г.) — жена Штирнера М. в 1843—1846 гг. — 155.
- Дюваль* (Duval), *Луи* (род. в 1840 г.) — французский палеограф и историк; автор «Cahiers de la Marche et assemblée de département de Guéret» («Наказ Марша и собрания департамента Гэре»), 1873 г. — 85.
- Дюринг* (Dühring), *Евгений* (1833—1921) — немецкий профессор механики, философ и экономист; в философии — эклектик, непоследовательный механистический материалист; выступал против Гегеля и материалистической диалектики К. Маркса и Ф. Энгельса; Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» подверг его философские и политико-экономические взгляды уничтожающей критике — 68.
- Дюфурни де Вилье* (Dufourny de Villiers) (1739—1796) — политический деятель французской буржуазной революции; член Якобинского клуба и клуба Кордельеров, в дальнейшем выступал против эбертистов и Робеспьера; автор работы «Cahier du quatrième ordre, celui des pauvres journaliers, des infirmes, des indigents, etc., l'ordre sacré des infortunés» («Наказ четвертого сословия, бедных поденщиков, калеки, нищих и т. д., — сословия обездоленных»), 1789 г. — 83.
- Дю Шателье* (Du Chatellier), *Арман Ренэ* (1797—1885) — французский историк; автор книги «L'agriculture et les classes agricoles de la Bretagne» («Сельское хозяйство в Бретани»), 1863 г. — 85.
- Е**
- Евреинова, Анна Михайловна* — издательница «Северного Вестника» с 1885 по 1890 г. — 163.
- Ж**
- Жак* (Jacques), *Эдуард* (род. в 1828 г.) — французский политический деятель, оппортунист; президент Генерального совета Сены; в 1889—1893 гг. член палаты депутатов — 71, 87.
- Жаклар* (Jaclard), *Шарль Виктор* (1843—1900) — французский революционер, бланкист, публицист и преподаватель математики, деятель Парижской Коммуны; после падения Коммуны эмигрировал в Россию; впоследствии вернулся из эмиграции на родину — 134.
- Жели* (Gély), *Андрэ* (псевдоним André Emanuel) — агент POSSIBILITY в Мадриде — 98, 249.
- Жоффрен* (Joffrin), *Жюль* (1846—1890) — французский социалист, рабочий-механик, основатель профсоюза механиков в Париже (1869); участник Коммуны, затем эмигрировал в Англию; после амнистии, вернувшись во Францию, принимал участие в основании Рабочей партии; после раскола 1882 г. один из руководителей партии POSSIBILITY, муниципальный советник в Париже; в 1889 г. член палаты депутатов — 249.
- Журд* (Jourde), *Антуан* (род. в 1848 г.) — французский социалист, бывший бланкист; в 1889—1910 гг. член палаты депутатов — 157.
- Журдан* (Jourdan), *Жан-Батист* (1762—1833) — маршал Франции, полководец эпохи революционных и наполеоновских войн; победитель австрийцев при Ваттиньи (1793) и Флерюсе (1794); при Наполеоне член Государственного совета; в эпоху Реставрации губернатор Гренобля, после революции 1830 г. министр иностранных дел — 82.
- З**
- Засумич, Вера Ивановна* (1851—1919) — в 1878 г. покушалась на жизнь петербургского градоначальника Трепова в связи с издевательствами последнего над политическим заключенным; была оправдана судом присяжных; одна из основательниц народнической группы «Черный передел»; в 1883 г. вместе с Г. В. Плехановым и другими основала группу «Освобождение труда»; после II съезда РСДРП примыкала к меньшевикам, затем к ликвидаторам; во время первой империалистической войны заняла оборонческую позицию; в 1917 г. член плехановской группы «Единство»; по отношению к Великой Октябрьской Социалистической революции занимала враждебную позицию — 124, 194, 204.
- Зетбер* (Soetbeer), *Генрих* — доктор философских наук, профессор в Геттингенском университете; автор книги «Die Stellung der Sozialisten zur Malthus'schen Bevölkerungslehre» («Социалисты об учении Мальтуса о народонаселении»), 1886 г. — 67.

Зетбер (Soetbeer), *Георг-Адольф* (1814—1892) — германский буржуазный экономист, содействовал переходу Германии к золотому денежному обращению; автор «Edelmetallproduktion und Wertverhältnis zwischen Gold und Silber seit der Entdeckung Amerikas» («Производство драгоценных металлов и стоимостные отношения между золотом и серебром со времени открытия Америки»), 1879 г. — 148, 256.

Зибель (Sybel), *Генрих*, фон (1817—1895) — германский историк, ученик Ранке, профессор ряда университетов, директор Прусского государственного архива; национал-либерал — 83, 272.

Зингер (Singer), *Пауль* (1844—1911) — германский социал-демократ, выходец из буржуазной среды; вступил в партию в середине 70-х годов; с 1887 г. член Правления Германской социал-демократии; председатель ряда партийных съездов; с 1884 г. член рейхстага — 16, 33, 43, 63, 88, 96, 147, 216, 250, 264, 270, 307, 318, 359, 360, 377.

Золя (Zola), *Эмиль* (1840—1902) — французский писатель, романист, глава натуралистического направления в литературе; автор серии романов, рисующих жизнь французского общества второй половины XIX века — 28, 311.

Зонненшайн — см. Сван.

Зорге (Sorge), *Адольф* — сын Фридриха-Альберта Зорге — 141, 186.

Зорге (Sorge), *Екатерина* — жена Фридриха-Альберта Зорге — 30, 42, 43, 44, 46, 53, 63, 70, 71, 73, 88, 129, 137, 139, 141, 150, 167, 186, 196, 201, 209, 213, 219, 229, 237, 250, 263, 265, 273, 274, 275, 278, 283, 286, 295, 298, 309, 321, 335, 338, 340, 348, 360, 370, 379, 381.

Зорге (Sorge), *Фридрих-Альберт* (1828—1906) — германский социал-демократ, участник баденского восстания 1849 г.; эмигрировал в Америку, где был одним из руководителей Всеобщего немецкого рабочего союза, примкнувшего к I Интернационалу; после перенесения Генерального Совета в Нью-Йорк — генеральный секретарь I Интернационала; друг К. Маркса и Ф. Энгельса — 8, 15, 17, 30, 37, 39, 41, 42, 43, 44, 52, 63, 70, 86, 109, 125, 135, 137, 139, 150, 151, 164, 179, 183, 196, 198, 207, 210, 216, 228, 230, 234, 239, 247, 251, 253, 263, 272, 274, 278, 279, 283, 293, 296,

297, 299, 306, 319, 332, 336, 338, 347, 357, 370, 378, 380.

И

Ибсен (Ibsen), *Генрик* (1828—1906) — известный норвежский драматург; его произведения: «Кукольный дом» («Нора»), «Пер Гюнт», «Бранд», «Строитель Сольнес», «Доктор Штокман» («Враг народа») и др. — 115, 219, 235, 243.

Иодко-Наркевич (Jodko-Narkiewicz), *Витольд* (1864—1924) — польский политический деятель; в 1885 г. после провала группы «Пролетариат» бежал за границу и сблизился с польскими эмигрантами (Мендельсоном и др.); в 1892 г. один из основателей Польской социалистической партии (P.P.S.), сотрудник «Przedświt», делегат конгрессов II Интернационала; вместе с Пилсудским вождь крайнего правого крыла ППС — 278, 279.

Ионас (Jonas), *Александр* (ум. в 1912 г.) — американский социалист, редактор газеты «New-Yorker Volkszeitung» — 44, 53, 217, 218, 239, 247, 348.

Иринг-Малов (Ihring-Mahlow) — немецкий пролетар — 32.

Истон (Easton) — английский лорд — 184.

К

Каган (Cahan), *Абрам* — делегат из Нью-Йорка на Брюссельском конгрессе II Интернационала (1891) — 339.

Кант (Kant), *Иммануил* (1724—1804) — философ, дуалист, один из виднейших представителей немецкого классического идеализма — 130, 260, 371.

Каприви (Caprivi), *Лео*, граф (1831—1899) — германский генерал и государственный деятель; в 1890—1894 гг. имперский канцлер — 361.

Кардорф (Kardorff), *Вильгельм* (1828—1907) — прусский конкер; с 1868 г. член рейхстага; один из вождей имперской партии — 190.

Кареев, *Николай Иванович* (1850—1931) — русский историк, профессор Петербургского университета; написал работу «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в.», 1879 г.; в вопросах философии истории примыкал к Лаврову; в 90-х годах вел ожесточенную борьбу с марксизмом; в 1906 г. от кадетов избран членом первой

- Государственной думы — 80, 81, 82, 84, 85.
- Кариа* (Caria), *Леополд* и *Октав* — осуждены за грабеж во время Парижской Коммуны — 254.
- Карл* — см. Каутский, Карл.
- Карно* (Carnot), *Сади* (1837—1894) — французский политический деятель, умеренный республиканец; в 1887—1894 гг. президент республики — 352, 379.
- Карон* (Caron) *Шарль* — издатель в Париже — 240.
- Каспар* (Kaspar) — см. Энгельс, Каспар.
- Каспрович* (Kasprovicz), *Е. Л.* — издатель в Лейпциге — 265.
- Каутская* (Kautsky), *Луиза* (урожд. Штрассер) — австрийская социалистка, по профессии акушерка, первая жена Каутского К.; с 1890 г. секретарь Ф. Энгельса, делегат на Брюссельском (1891) и на Цюрихском (1893) конгрессах II Интернационала; с 1893 г. жена венского врача Фрейбергера Л., переселившегося в Лондон — 38, 53, 54, 58, 59, 62, 74, 76, 79, 83, 105, 120, 147, 163, 191, 263, 268, 269, 273, 274, 275, 279, 280, 295, 296, 300, 310, 321, 331, 332, 335, 336, 338, 339, 343, 347, 348, 350, 351, 352, 355, 366, 370, 373, 378, 381, 383, 385, 389, 390, 391.
- Каутская* (Kautsky), *Луиза* (урожд. Роншпергер) — вторая жена Каутского К. (с 1890 г.) — 263, 289, 396.
- Каутский* (Kautsky), *Ганс* (род. в 1864 г.) — брат Каутского К., театральный живописец — 55, 62.
- Каутский* (Kautsky), *Карл* (1854—1938) — теоретик германской социал-демократии и II Интернационала, экономист и историк; редактор теоретического социал-демократического журнала «Neue Zeit»; лучшие работы написаны под руководством Ф. Энгельса: «Томас Мор и его утопия», «Классовые противоречия во Франции в 1789 г.». Вследствии ренегат марксизма, теоретик социал-пацифизма; перед первой империалистической войной создатель теории «ультра-империализма», центрист; после войны один из основателей Венского (2^{1/2}) Интернационала, враг СССР и сторонник интервенции в СССР — 3, 7, 21, 33, 54, 55, 57, 58, 62, 74, 75, 79, 80, 86, 88, 89, 104, 117, 131, 132, 146, 152, 165, 166, 180, 186, 187, 193, 197, 201, 230, 237, 241, 263, 264, 265, 270, 275, 276, 281, 284, 286, 289, 292, 295, 303, 305, 309, 310, 312, 321, 323, 324, 327, 340, 347, 355, 359, 361, 365, 391, 394.
- Каутский* (Kautsky), *Феликс* (род. в 1891 г.) — первый сын Каутского, К. — 289, 396.
- Кейслер*, *Иван Августович* (1843—1896) — русский экономист, занимавшийся исследованием земельного общины; в 1879—1881 гг. редактор газеты «St. Petersburg Herald»; получил степень магистра и доктора политической экономии за свое четырехтомное сочинение: «К истории и критике крестьянской общины в России», 1876—1887 гг., в котором он дает историю русской земельной общины с древнейших времен до 80-х годов — 6.
- Келли-Вишневецкая* — см. Вишневецкая-Келли.
- Кемпбелл* (Campbell), *Елена* — американка, подруга Флоренс Вишневецкой-Келли — 18.
- Кеннан* (Kenan), *Джордж* (1845—1924) — американский журналист, путешественник-этнограф; дважды побывал в Сибири, после чего в лекциях и печатных работах правдиво изобразил невыносимые условия сибирской политической ссылки; большой популярностью пользовалась его книга «Siberia and the Exile System» («Сибирь и ссылка»), 1891 г., издана в России впервые в 1906 г. — 195.
- Кеннингем-Грехем* (Cunninghame-Graham), *Роберт* (род. в 1852 г.) — английский социалист и писатель, выходец из аристократии; в 1886—1892 гг. член парламента — 11, 21, 22, 123, 139, 185.
- Керпен* (Коерпен), *Карл-Фридрих* (1808—1863) — учитель в Берлине; младогегельянец, радикальный публицист и историк; позднее специалист по истории буддизма — 153, 154, 163.
- Киселев*, *Павел Дмитриевич*, граф (1788—1872) — русский государственный деятель; с 1835 г. член секретного комитета по крестьянским делам; с 1837 г. министр государственных имуществ; провел так называемую реформу государственных крестьян; в 1856—1862 гг. русский посол в Париже — 5.
- Клаузиус* (Clausius), *Рудольф* (1822—1888) — выдающийся немецкий физик, профессор физики в Цюрихе и Бонне; особенно ценны его работы в области термодинамики и кинетической теории газов — 58.

- Клейн** (Klein), *Юлиус-Леопольд* (1810—1876) — немецкий врач, драматург и журналист; в начале 40-х годов принадлежал к группе «свободных» в Берлине — 153.
- Клеман** (Clément), *Жан-Батист* (1837—1903) — французский поэт и публицист; участник Парижской Коммуны, после разгрома Коммуны эмигрировал в Англию; в 1880 г. вернулся во Францию, примкнул к Рабочей партии; после раскола 1882 г. POSSИБИЛИСТ, организатор профессионального движения в Арденнах; в 1890 г. исключен из партии POSSИБИЛИСТОВ как аллеманист; один из основателей партии аллеманистов — 253.
- Клемансо** (Clémenceau), *Жорж* (1841—1929) — французский буржуазный политик и журналист, на политическую арену выступил в качестве левого республиканца; с 1875 г. неоднократно член палаты депутатов, затем сенатор; в 80-х годах вождь мелкобуржуазной радикальной партии и впоследствии один из вождей радикал-социалистов; в 1906—1909 гг. и 1917—1920 гг. премьер; один из вдохновителей первой империалистической войны; инициатор интервенции и блокады Советской республики; в 1919 г. председатель Парижской мирной конференции, на которой был принят Версальский договор — 374.
- Клоотс** (Cloots), *Анахарзис* (Жан Батист) (1755—1794) — деятель французской буржуазной революции конца XVIII века, эбертист; сторонник демократической монархии, в дальнейшем проповедывал необходимость установления революционным путем всемирной республики; близость к Эберу и его позиции привела Клоотса к резкому столкновению с Робеспьером; 24 марта гильотинирован вместе с Эбером — 161, 162.
- Кнапп** (Knapp), *Георг-Фридрих* (1842—1926) — немецкий буржуазный экономист, профессор в Лейпцигском, затем в Страсбургском университетах, последователь исторической школы — 152, 231.
- Кон** (Cohn), *Густав* (1840—1919) — германский буржуазный экономист, профессор университетов в Риге, Цюрихе и с 1884 г. в Геттингене — 51.
- Конрад** (Conrad), *Иоганнес* (1839—1915) — германский буржуазный экономист; с 1872 г. профессор политической экономии в Галле; с 1870 г. издатель «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik» («Политико-экономические и статистические ежегодники») и в 1889 г. «Handwörterbuch der Staatswissenschaften» («Настольный политический словарь») — 203, 342.
- Констан** (Constans), *Эрнест* (1833—1913) — французский политический деятель, умеренный республиканец; в 1880—1881 гг. министр внутренних дел; энергично проводил законы против духовных конгрегаций; в 1889—1892 гг. вновь министр внутренних дел; боролся с буланжизмом и одновременно с социалистическим движением — 277, 352, 355, 373, 374, 375, 378, 379.
- Корнелиус** (Cornelius) — книготорговец — 153.
- Кошут** (Kossuth), *Людвиг* (1802—1894) — вождь национально-освободительного движения в Венгрии; в 1848 г. глава Комитета национальной обороны и революционного правительства; после поражения революционных венгерских войск и капитуляции Гергея — в эмиграции в Лондоне; в 50-х годах был связан с Наполеоном III, надеялся при его помощи вновь получить политическую власть в Венгрии — 13.
- Кравчинская**, *Фаина Марковна* (урожд. Личкус) — студентка; в начале 70-х годов участница революционного движения в Петербурге; в 1879 г. эмигрировала за границу, где вышла замуж за Кравчинского С. М.; после смерти мужа издательница его сочинений — 175.
- Кравчинский** (лит. псевдоним Степняк), *Сергей Михайлович* (1852—1895) — русский революционер-нарядник, сторонник террористических методов борьбы; в 1872 г. вошел в кружок чайковцев и в числе первых «пошел в народ»; в 1878 г. убил в Петербурге шефа жандармов Мезенцева и бежал за границу; с 1884 г. поселился в Лондоне, где организовал общество «Друзей русской свободы» — 175, 194, 196, 214, 215.
- Крауфорд** (Crawford), *Эмилия* (род. в 1841 г.) — английская буржуазная журналистка, парижская корреспондентка «Daily News» — 24, 337.
- Крез** — царь Лидии, покоренной царем Персии Киром в 546 г. до н. э.; имя Креза, славившегося своим богатством, стало нарицательным — 20, 131.
- Кример** (Cremer), *Вильям Рейндель* (1838—1908) — один из вождей ан-

- глийских трэд-юнионов, каменщик; с 1864—1866 гг. член и секретарь Генерального Совета I Интернационала; вел борьбу против Маркса в Генеральном Совете; в дальнейшем либерал — 22, 165.
- Кроль* (Crolle), *К.* — голландский социалист; в конце 80-х годов один из редакторов «Recht voor Allen» — 191.
- Кронпринц* — см. Фридрих III.
- Кугельман* (Kugelman), *Гертруда* (урожд. Оппенгейм) — жена Кугельмана Л. — 67.
- Кугельман* (Kugelman), *Людвиг* (1830—1902) — ганноверский врач; участник революции 1848 г., член I Интернационала, друг К. Маркса; с 1862 по 1874 г. вел постоянную переписку с К. Марксом, информируя его о положении дел в Германии, и содействовал изданию и распространению «Капитала» — 67, 174.
- Кугельман* (Kugelman), *Франциска* — дочь Кугельмана Л. — 67.
- Кульман* (Kuhlmann), *Георг* (род. в 1812 г.) — один из последователей В. Вейглинга в Швейцарии, истинный социалист, впоследствии разоблачен как провокатор — 61.
- Кунерт* (Kunert) — 361.
- Куно* (Cuno) — 347, 351.
- Куно* (Cuno), *Теодор* (1847—1934) — инженер, германский социалист; в начале 70-х годов был выслан из Германии и жил в Италии, где принимал участие в организации Миланской секции I Интернационала; на Гаагском конгрессе председатель комиссии, принявшей постановление об исключении Бакунина из Интернационала; в 1872 г. эмигрировал в Америку, где был одним из руководителей Рыцарей труда и сотрудником «New-Yorker Volkszeitung» — 40, 44.
- Кэте* (Käte) — дочь Бернштейн Р. от первого брака — 397.
- Л**
- Лабриола* (Labriola), *Антонио* (1843—1904) — известный итальянский литератор и философ; в конце 70-х годов отошел от либерализма и приблизился к марксизму, находясь под влиянием Ф. Энгельса, с которым он переписывался; написал книгу «Об историческом материализме», которую В. И. Ленин назвал «превосходной»; в этот период Лабриола вел борьбу с различными извращениями марксизма, с ревизионизмом; в последние годы жизни выступал как защитник экспансии итальянского империализма — 192, 393.
- Лабройер* (Labroyère) — французский журналист — 277.
- Лабушье* (Labouchère), *Анри дю-Пре* (1831—1912) — английский либерал, член парламента в 1866—1867 гг.; в 1880—1906 гг. один из владельцев газеты «Daily News» — 395.
- Лабюсьер* (Labusquière), *Жан* (род. в 1852 г.) — французский социалист, журналист, член I Интернационала, впоследствии «независимый социалист»; с 1896 г. муниципальный советник в Париже — 113.
- Лави* (Lavy), *Аманд* (род. в 1850 г.) — французский социалист, учитель; с 1887 г. муниципальный советник в Париже, член палаты депутатов — 249.
- Лавров*, *Петр Лаврович* (1823—1900) — виднейший теоретик народничества, автор «Исторических писем»; в 60-х годах примкнул к организации «Земля и Воля»; в 1873—1877 гг. редактор издававшегося в Цюрихе, а затем в Лондоне журнала «Вперед» — 124, 205, 267.
- Ланге* (Lange), *Фридрих-Альберт* (1828—1875) — немецкий публицист и философ, один из идеологов неокантианства; автор социал-реформистской книги «Die Arbeiterfrage. Ihre Bedeutung für Gegenwart und Zukunft» («Рабочий вопрос. Его значение для настоящего и будущего»), 1865 г. — 155, 156.
- Лар* (Lahr) — 121.
- Лар* (Lahr) — жена Лара — 121.
- Лассаль* (Lassalle), *Фердинанд* (1825—1864) — деятель германского рабочего движения, основатель Всеобщего германского рабочего союза, родоначальник оппортунизма в германской социал-демократии — 130, 251, 288, 290, 291, 294, 313, 324, 325, 349, 351, 352, 366, 373, 393.
- Лаура* — см. Лафарг, Лаура.
- Лафарг* (Lafargue), *Лаура* (1845—1911) — вторая дочь К. Маркса, с 1868 г. жена П. Лафарга; переводчица «Манифеста Коммунистической партии» на французский язык (1886); активная участница французского социалистического движения — 16, 24, 78, 92, 102, 108, 112, 123, 135, 191, 222, 225, 251, 305, 309, 321, 330, 363, 382, 384, 386.
- Лафарг* (Lafargue), *Поль* (1842—1911) — в студенческие годы прудонист, под влиянием К. Маркса стал марксистом; один из вождей марксистского крыла во французском рабочем движении; с 60-х годов участвовал в республиканском движении, член I Интерна-

- ционала; в 1868 г. женился на дочери К. Маркса Лауре; в 1870—1871 г. вел организационную и агитационную работу в Париже и Бордо; после падения Коммуны бежал в Испанию, где боролся за линию Генерального Совета I Интернационала, потом поселился в Лондоне; по возвращении во Францию — один из основателей Рабочей партии; после кровавого 1 мая в Фурми (1891) был приговорен к году тюремного заключения; боролся против реформизма и милитаризма; автор многочисленных пропагандистских произведений и блестящих памфлетов: «Религия капитала», «Право на лень», «Миф об Адаме и Еве», «Пий IX в раю»; в своих литературных работах и политической деятельности допускал ряд ошибок и отступлений от марксизма — 16, 65, 71, 77, 79, 87, 89, 91, 93, 96, 97, 99, 103, 106, 107, 111, 113, 115, 116, 121, 123, 124, 131, 133, 135, 149, 157, 159, 163, 191, 214, 222, 236, 241, 249, 252, 254, 277, 287, 304, 305, 306, 308, 311, 318, 323, 348, 352, 355, 358, 359, 362, 363, 367, 370, 373, 374, 375, 378, 379, 381, 382, 383, 384, 386, 394.
- Лейбниц* (Leibniz), *Готфрид-Вильгельм* (1646—1716) — знаменитый немецкий философ (объективный идеалист), математик и физик — 371.
- Лейбфрид* (Leibfried) — 347, 351.
- Лейтнер* (Leitner) — примыкал к группе «свободных» в Берлине в начале 40-х годов XIX века — 153.
- Лексис* (Lexis), *Вильгельм* (1837—1914) — немецкий буржуазный экономист, профессор нескольких германских университетов — 51.
- Лензен* — см. Демут, Елена.
- Лео* (Leo), *Генрих* (1799—1878) — немецкий буржуазный историк, консерватор, профессор университета в Берлине, с 1830 г. в Галле; написал «Geschichte der französischen Revolution» («История французской революции»), 1842 г. — 163.
- Лесснер* (Lessner), *Фридрих* (1825—1910) — немецкий революционер, портной; с 1847 г. член Союза коммунистов, принимал участие в германской революции 1848 г.; осужден по Кёльнскому процессу коммунистов на три года; с 1856 г. в эмиграции в Лондоне, член Генерального Совета I Интернационала; друг К. Маркса и Ф. Энгельса — 21, 63, 64, 210, 335.
- Ли* (Lee) — издатель речи К. Маркса «О свободе торговли» — 74, 104.
- Либкнехт* (Liebknecht), *Вильгельм* (1826—1900) — один из основателей и вождей германской социал-демократической партии; участник революции 1848 г. в Германии, сторонник Маркса и Энгельса; в 1869 г. один из инициаторов создания социал-демократической партии в Эйзенахе; в 1875 г. при объединении эйзенахцев и лассальянцев допустил ошибки оппортунистического характера, которые подверглись критике Маркса (см. К. Маркс. «Критика Готской программы»); после введения закона против социалистов был настроен примиренчески к оппортунистам; редактор центрального органа Германской социал-демократии «Vorwärts». Маркс и Энгельс подчеркивали, что хотя Либкнехт и был одной из важнейших опор социал-демократии в Германии, но допускал ошибки оппортунистического характера — 10, 19, 23, 26, 33, 36, 43, 65, 87, 88, 95, 97, 99, 100, 102, 103, 104, 106, 107, 108, 110, 112, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 123, 126, 127, 134, 135, 136, 139, 141, 147, 148, 156, 159, 173, 174, 182, 190, 198, 209, 212, 225, 226, 227, 229, 235, 236, 237, 239, 250, 251, 252, 254, 264, 267, 270, 271, 276, 277, 282, 283, 287, 290, 292, 293, 307, 309, 310, 312, 313, 314, 316, 317, 318, 319, 320, 322, 323, 324, 325, 327, 329, 330, 337, 339, 341, 348, 349, 355, 359, 361, 364, 374, 375, 381, 388, 391, 395.
- Либкнехт* (Liebknecht), *Наталия* (1837—1909) (урожд. Ре) — вторая жена Либкнехта В. — 43, 97, 172, 228, 239, 250, 253, 390.
- Либкнехт* (Liebknecht), *Теодор* (род. в 1870 г.) — старший сын Либкнехта В., адвокат в Берлине; после первой империалистической войны назначен Независимой социал-демократической партией Германии; в 1921 г. член прусского ландтага; один из иностранных защитников на процессе эсеров в Москве в 1922 г. — 172, 174, 239, 391.
- Лингенау* (Lingenau), *Фердинанд* (ум. в 1879 г.) — немецкий социалист, участник революции 1848 г., эмигрировал в Америку; оставил свое состояние в наследство Германской социал-демократической партии — 139.
- Ловелл* (Lovell), *Джон* — нью-йоркский издатель; в 1887 г. издал английский перевод «Положения рабочего класса в Англии» Ф. Энгельса — 17.

- Локк* (Locke), *Джон* (1632—1704) — английский философ-сенсуалист, деист, сторонник конституционной монархии — 260.
- Лоллини* (Lollini) — итальянский адвокат, защищавший на суде Мартиньети — 192.
- Лонге* (Longuet), *Шарль* (1833—1903) — французский журналист; прудонист; член I Интернационала и Коммуны, редактор ее официального органа; после падения Коммуны уехал в Лондон, где женился (1872) на дочери К. Маркса Женни; в 1880 г. по возвращении во Францию член Парижского муниципалитета; активный сотрудник газеты Клемансо «La Justice» — 78, 92, 112, 122, 134, 151, 159.
- Лопатин, Герман Александрович* (1845—1918) — народник; с начала 60-х годов участвовал в революционном движении; организовал побег П. Лаврова за границу; в Лондоне сблизился с К. Марксом и в дальнейшем информировал его о русских делах; член Генерального Совета I Интернационала; перевел несколько глав I тома «Капитала»; в 1872 г. пытался организовать побег Чернышевского из ссылки; впоследствии член Исполнительного комитета «Народной Воли»; в 1884 г. был арестован и осужден на пожизненную каторгу, откуда его освободила революция 1905 г. Несмотря на дружбу с К. Марксом и перевод «Капитала», Лопатин остался народником — 8, 56, 132.
- Лориа* (Logia), *Азилл* (род. в 1857 г.) — итальянский буржуазный экономист — 203, 297.
- Луиза* — см. Каутская, Луиза (урожд. Штрассер).
- Луи-Филипп I* (Louis-Philippe) (1773—1850) — французский король (1830—1848) из Орлеанской династии — 388.
- Людовик XIV* (Louis) (1638—1715) — французский король (1643—1715) — 80.
- Люнинг* (Lüning), *Отто* (1818—1868) — немецкий врач и публицист, «истинный социалист»; в период революции 1848 г. издатель демократической газеты «Neue Deutsche Zeitung» во Франкфурте-на-Майне; позднее национал-либерал — 61.
- Мак-Вей* (MacVey) — делегат от Америки на Брюссельском конгрессе II Интернационала — 337, 339.
- Мак-Карти* (MacCarty), *Жустин* (1830—1912) — ирландский буржуазный националист, член английского парламента — 286.
- Мак-Кинлей* (MacKinley), *Вильям* (1843—1901) — президент США, автор протекционистского тарифа (1890 г.) — 368.
- Мак-Леннан* (MacLennan), *Джон-Фергюсон* (1827—1881) — шотландский историк и социолог; Ф. Энгельс в предисловии (под названием «К истории первобытной семьи») к четвертому изданию книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1891) подверг критике его взгляды на историю брака и семьи; основная его работа: «Primitive marriage. Capture of the bride» («Первобытный брак. Похищение невесты») — 323.
- Мак-Магон* (Mac-Mahon), *Мари-Эдмон* (1808—1893) — французский маршал и политический деятель; участвовал в Крымской войне (1853—1856), в войне с Австрией (1859) и во франко-прусской войне (1870—1871), в последней потерял ряд поражений и после битвы при Седане взят в плен; в 1871 г. стал во главе версальских войск, подавивших Парижскую Коммуну; в 1873 г. по воле монархического большинства Национального собрания стал президентом Французской республики; в 1879 г. вынужден был сложить полномочия под напором растущего республиканского движения — 113.
- Малон* (Malon), *Бенуа* (1841—1893) — французский мелкобуржуазный социалист, один из основоположников и идеологов французского реформизма; в 1865 г. член I Интернационала; после падения Коммуны эмигрант в Швейцарии; в 1880 г. издавал в Париже «Revue Socialiste»; один из руководителей POSSIBILISTОВ — 79, 109.
- Маннинг* (Manning), *Генри Эдуард* (1808—1892) — с 1875 г. английский кардинал — 165.
- Маркс* (Marx), *Карл* (1818—1883) — 3, 4, 7, 8, 12, 51, 56, 61, 74, 75, 76, 128, 130, 133, 142, 143, 153, 154, 155, 161, 166, 170, 177, 186, 191, 192, 201, 202, 203, 206, 216, 219, 222, 224, 232, 234, 245, 246, 251, 255, 261, 263, 264, 265, 267, 270, 271, 272, 275, 278, 279, 280, 281, 283, 284, 289, 290, 291, 292, 293,

М

Магон (Mahon), *Джон-Линкольн* — английский рабочий-социалист, член Демократической федерации и Социалистической лиги — 79, 85.

- 295, 296, 298, 299, 305, 308, 309, 310, 311, 313, 315, 321, 322, 324, 325, 328, 329, 331, 335, 340, 342, 349, 357, 372, 380, 385, 388, 393, 394.
- Маркс-Эвелинг** (Marx-Aveling), *Алеонора* (1855—1898) — младшая дочь К. Маркса, активная деятельница английского социалистического движения, жена Эдуарда Эвелинга; организатор лондонского Союза рабочих газовых предприятий и женского рабочего движения; автор обзоров европейского рабочего движения в социалистической прессе (с 1884 г.) и многочисленных переводов социалистической литературы на английский язык; участница конгрессов II Интернационала (1889, 1891 и 1893) — 16, 22, 30, 36, 39, 41, 43, 45, 50, 53, 54, 58, 70, 72, 74, 75, 76, 78, 86, 97, 101, 102, 105, 111, 112, 113, 116, 120, 122, 147, 150, 151, 153, 157, 164, 167, 169, 173, 177, 185, 191, 192, 207, 208, 210, 211, 212, 215, 218, 223, 229, 235, 239, 247, 248, 252, 253, 264, 277, 278, 285, 286, 299, 302, 304, 307, 308, 320, 321, 330, 333, 335, 339, 351, 366, 367, 381, 387, 390, 391, 393.
- Мартинетти** (Martignetti), *Паскаль* — переводчик на итальянский язык работ Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» и «Происхождение семьи, частной собственности и государства» — 78, 192, 304.
- Массингэм** (Massingham), *Генри* — английский журналист; редактор «Star» — 111, 114, 115.
- Матильда** — см. Энгельс, Матильда.
- Маурер** (Maurer), *Георг-Людвиг* (1790—1872) — немецкий юрист и историк, исследователь общественного строя древних германцев, создатель так называемой «общинной теории»; в 1847 г. баварский министр иностранных дел и юстиции; его работа «Einleitung zur Geschichte der Mark-, Hof-, Dorf- und Stadt-Verfassung und der öffentlichen Gewalt» («Введение в историю общинного, подворного сельского и городского устройства и общественной власти»), 1854 г., в русском переводе вышла в России впервые в 1880 г. — 233.
- Мейен** (Meuen), *Эдуард* (1812—1870) — немецкий демократический публицист; левогегельянец — 153.
- Мейер** (Meuer), *Рудольф* (1839—1899) — немецкий «феодалный социалист», экономист и публицист, последователь Родбертуса — 395.
- Мейснер** (Meissner), *Отто* (1850—1930) — гамбургский издатель; издавал «Капитал» К. Маркса — 88, 296, 298, 304, 305, 330.
- Мендельсон** (Mendelson), *Мария* (1850—1909) — польская социалистка; в 1881 г. арестована в Верхней Силезии; с 1889 г. жена Станислава Мендельсона; в 1890 г. вместе с ним выслана из Парижа после покушения Падлевского на генерала Селиверстова и поселилась в Лондоне — 277, 278, 279, 391.
- Мендельсон** (Mendelson), *Станислав* (1858—1913) — польский социалист, журналист, участник первых социалистических кружков в Польше; с 1878 г. эмигрант, в 1879 г. один из основателей первой польской социалистической газеты «Równość» в Женеве и в 1881 г. газеты «Przedświt»; за участие в рабочем движении в Познани осужден (прибл. в 1880 г.) на три года тюремного заключения, затем эмигрировал в Париж; в 1890 г. выслан оттуда после покушения Падлевского на генерала Селиверстова; впоследствии жил в Лондоне, занимался адвокатурой — 277, 278, 320, 363, 391.
- Меринг** (Mehring), *Франц* (1846—1919) — теоретик и историк Германской социал-демократической партии; один из основателей коммунистической партии Германии; после ряда колебаний с 80-х годов стал марксистом; выступал против ревизионизма Берштейна; в период первой империалистической войны стоял на интернационалистских позициях, но не смог окончательно порвать с социал-шовинистами и центристами; член союза «Спартак»; приветствовал Великую Октябрьскую Социалистическую революцию в России — 319.
- Микель** (Miquel), *Иоганн* (1828—1901) — прусский национал-либерал, банкир, адвокат; в молодости член Союза коммунистов; вскоре отошел от революционного движения; в 1859 г. принял участие в создании «Национального союза»; в 1867—1877 и 1887—1890 гг. член рейхстага; в 1890—1901 гг. прусский министр финансов — 198, 199.
- Миллс** (Mills), *Рожер* (1832—1911) — американский государственный деятель, демократ; с 1873 по 1892 г. представитель Техаса на Конгрессе США; с 1892 до 1899 г. член Сената, в 1888 г. принят его законопроект об уменьшении пошлин на 7% — 29.

- Мильеран* (Millerand), *Александр* (род. в 1859 г.) — французский ренегат социализма, заслуживший себе печальную известность тем, что в 1899 г. первым из социалистов вступил в буржуазное министерство — 378, 379.
- Мишель* (Michel), *Луиза* (1830—1905) — активная участница Парижской Коммуны, учительница; была под влиянием Бланки; после поражения Коммуны сослана в Новую Каледонию; в 1880 г. возвратилась в Париж; впоследствии анархистка — 339.
- Мольте* (Moltke), *Гельмут*, граф (1800—1891) — прусский фельдмаршал; в 1858—1888 гг. начальник генерального штаба; организатор прусских побед в войнах 1866 и 1870—1871 гг. — 32, 317.
- Мор* (More), *Томас* (1478—1535) — английский социалист-утопист, автор произведения «Utopia» («Утопия») — 310.
- Морган* (Morgan), *Льюис Генри* (1818—1881) — известный американский ученый-этнолог; свое учение изложил в работе «Ancient Society» («Первобытное общество»), 1877 г.; труды Моргана высоко ценились К. Марксом и Ф. Энгельсом и послужили материалом для работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» — 74, 218, 228, 234, 323.
- Моро* (Moreau) — французский политический деятель, буржуазный радикал — 379.
- Моро де Жоннес* (Moreau de Jonnés), *Александр* (1778—1870) — французский офицер, экономист; автор книги «Etat économique et social de la France depuis Henri IV jusqu'à Louis XIV» («Экономический и общественный строй Франции со времен Генриха IV до Людовика XIV»), 1868 г. — 80.
- Моррис* (Morris), *Вильям* (1834—1896) — английский социалист-утопист, поэт и художник; в 1883 г. примкнул к Социал-демократической федерации; в 1884 г. один из организаторов Социалистической лиги, редактор журнала «Commonweal» — 48, 21, 115, 122, 140, 171, 207.
- Морье* (Morier), *Роберт* (1826—1893) — английский дипломат — 72, 73.
- Мост* (Most), *Иоганн* (1846—1906) — германский социал-демократ, журналист, выходец из рабочих; с 1871 г. редактор социал-демократической газеты «Freie Presse»; с 1876 г. редактор «Berliner Freie Presse»; в 1874—1878 гг. член рейхстара, сторонник Дюринга; после введения закона против социалистов эмигрировал в Лондон, где издавал газету «Freiheit», скоро ставшую на позиции анархизма; в 1880 г. был исключен из социал-демократической партии; в дальнейшем эмигрировал в США, где продолжал вести анархистскую пропаганду — 63.
- Моттелер* (Motteler), *Юлиус* (1838—1908) — германский социал-демократ, один из основателей эйзенаховской партии; в 1873—1878 гг. заведывал лейпцигской кооперативной типографией, в которой печатался «Volksstaat»; в 1879 г. выслан из Германии; в Цюрихе организовал доставку газеты «Sozialdemokrat» контрабандой в Германию, за что получил прозвище «красного почтмейстера»; с 1888 по 1905 г. жил в Лондоне; в 1874—1878 и 1906—1908 гг. член рейхстага — 38, 40, 52, 86, 145, 166, 169, 173, 187, 217, 218, 237, 281, 299, 390, 391.
- Моттелер* (Motteler) — жена Моттелера Ю. — 40, 173, 390, 391.
- Мумма* — прозвище Л. Каутского — секретаря Ф. Энгельса.
- Мур* (Moore), *Семюэль* (1838 — прибл. 1912) — член I Интернационала, друг К. Маркса и Ф. Энгельса, переводчик «Капитала» на английский язык; с 1889 г. судья в Асаба на Нигере (Африка) — 13, 15, 18, 70, 129, 133, 151, 166, 169, 201, 242, 274, 276, 278, 298, 308, 326, 332.
- Муссак* (Mussak) — учитель в Берлине; младогельянец, член кружка «свободных» — 153.
- Мэн* (Mann), *Том* (род. в 1856 г.) — видный деятель английского рабочего движения, механик, лидер нового трэд-юнионизма; Ф. Энгельс характеризовал Мэна как одного из лучших молодых трэд-юнионистских руководителей; в 1896—1898 гг. секретарь Независимой рабочей партии; сыграл крупную роль в развитии рабочего движения Австралии, Новой Зеландии и Южной Африки. Во время первой империалистической войны стоял на антивоенной позиции; в 1920 г. вступил в компартию Великобритании, принимал участие в создании Красного Профинтерна — 122, 123, 124, 139, 148, 149, 165, 178, 207, 334.
- Мюгге* (Mügge), *Теодор* (1806—1861) — немецкий демократический журналист и писатель; в 1848 г. один из основателей «National-Zeitung» — 153.

Мюллер (Müller), *Ганс* (род. в 1867 г.) — германский журналист и писатель; в начале 90-х годов член Германской социал-демократической партии, редактор «*Volksstimme*» в Марддебурге, член полуанархической оппозиции «молодых»; в 1897—1907 г. генеральный секретарь Союза швейцарской потребительской кооперации; в 1908—1913 г. секретарь Международного кооперативного Альянса; впоследствии профессор Цюрихского университета — 376.

Н

Надежде (Nadejde), *Иоан* (род. в 1854 г.) — румынский социал-демократ, профессор Ясского университета, редактор «*Revista sociala*»; перевел в 1885—1886 г. на румынский язык «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса — 3.

Наполеон I (Napoléon), *Бонапарт* (1769—1821) — генерал в начале французской революции, потом консул французской республики (1799—1804), император (1804—1814 и 1815) — 9, 67, 220, 259.

Наполеон III (Napoléon), *Луи Бонапарт* (1808—1873) — французский император (1852—1870) — 33.

Напорра (Naporra) — прусский полицейский комиссар в Берлине; вел провокаторскую деятельность в период исключительного закона против социалистов; разоблачен в 1888 г. — 32.

Наср-эд-Дин (1829—1896) — персидский шах (1848—1896) — 130.

Нивенгейс (Nieuwenhuis), *Фердинанд-Домела* (1846—1919) — голландский анархист, протестантский пастор; в 1873 г. примкнул к социализму, организовал первый социал-демократический союз в Голландии и в 1878 г. его центральный орган «*Recht voor Allen*»; в 1888—1891 г. член парламента; на Парижском конгрессе II Интернационала в 1889 г., а затем и на последующих его конгрессах выступал с ультра-«левой» критикой парламентаризма; в 1896 г. вышел из Голландского социал-демократического союза и перешел в ряды анархистов — 21, 108, 134, 191, 196, 252, 265, 337, 348.

Нивенгейс (Nieuwenhuis) — сын Нивенгейса Ф.-Д. — 196, 266.

Нимми, Ним — прозвище Е. Демут.

Нитцер (Nitzer), *Карл-Август* — 25.

Нонне (Nonne), *Генрих* — прусский полицейский агент в Париже в начале 80-х годов — 377.

Ноулс (Knowles), *Джеймс Томас* (1831—1908) — издатель «*The Contemporary Review*» и «*Nineteenth Century*» — 192.

Нуайяк (Noilliac) — французский памфлетист эпохи буржуазной революции конца XVIII века во Франции — 83.

О

О'Брайен (O'Brien), *Вильям* (род. в 1852 г.) — лидер ирландских националистов — 20.

Овелак (Ovelacque), *Александр* (1843—1896) — французский лингвист, антрополог и левобуржуазный политический деятель; в 1889—1896 г. член палаты депутатов — 379.

О'Келли (O'Kelly) — 122.

О'Коннор (O'Connor), *Фергюс* (1794—1855) — один из крупнейших представителей английского чартизма; в конце 30-х годов вождь «Партии физической силы»; в 1842 г. инициатор подачи петиции в парламент; с 1843 г. проповедывал «возвращение рабочих на землю»; вскоре утерял свое былое влияние на массы — 171.

Оппенгейм (Oppenheim), *Макс* — купец в Праге, брат жены Людвиг Кугельмана — 300.

Опперт де Бловиц (Oppert de Blowitz), *Анри* (род. в 1825 г.) — парижский корреспондент «*Times*» — 375.

Осипович — см. Засулич, В. И.

Остерротт (Osterroth), *Фриц* — дальний родственник Ф. Энгельса со стороны мужа его сестры Марии Карла Эмиля Бланка — 176.

Оуэн (Owen), *Роберт* (1771—1858) — английский социалист-утопист; в 1800—1817 гг. получил широкую известность как предприниматель-филантроп; в 1817 г. впервые выдвинул идею организации коммунистических поселений; хотел мирным путем преобразовать общество на коммунистических началах; один из крупнейших предшественников научного социализма — 27.

П

Падлевский (Padlewski), *Станислав* (1857—1891) — польский социалист; в ноябре 1890 г. убит в Париже русского генерала жандармерии Селиверстова; бежал в Лондон, затем

- в Америку, где покончил жизнь самоубийством — 275, 277, 285, 287, 294, 297, 298, 320, 321, 333.
- Парк** (Parke) — второй редактор «Star» — 184.
- Парнелл** (Parnell), В. — почетный секретарь общества «Labour Elector» — 122, 123, 124, 125, 127.
- Парнелл** (Parnell), Чарльз (1846—1891) — ирландский политический деятель, националист; в парламенте, с целью защиты ирландских интересов, применял тактику obstruction; в результате травли, поднятой против него в правительственных кругах, поводом к которой послужил бракоразводный процесс, был вынужден уйти с поста руководителя партии ирландских националистов — 181, 286, 355, 378.
- Перси** — см. Рошер, Перси.
- Петерсен** (Petersen), Никлай — датский социалист — 109, 149.
- Пешель** (Peschel), Оскар — этнолог, издатель газеты «Das Ausland»; автор работы «Abhandlungen zur Erd- und Völkerkunde» («Исследование о земле и народонаселении»), 1877 г. — 296.
- Пиа** (Puat), Феликс (1810—1889) — французский мелкобуржуазный журналист и писатель; К. Маркс его называл болтуном и филистером; участник революции 1848 г.; вел клеветническую кампанию против К. Маркса; член Коммуны, затем в эмиграции в Лондоне, по амнистии вернулся во Францию; в 1888 г. избран членом палаты депутатов — 159.
- Пинов** (Pinoff) — прусский прокурор; представитель обвинения в Эльберфельдском процессе германских социал-демократов — 180.
- Питт** (Pitt), Вильям Младший (1759—1806) — английский государственный деятель; в 1783—1801 и 1804—1806 гг. премьер-министр; выразитель интересов крупных буржуазных землевладельцев и финансистов; ярый враг французской буржуазной революции — 162.
- Платтер** (Platter), Юлиус (1844—1923) — буржуазный юрист и экономист; с 1879 г. профессор Цюрихского университета — 51.
- Плеханов, Георгий Валентинович** (1856—1918) — в 70-х годах народник; организатор первой русской марксистской группы «Освобождение труда» в 1883 г.; выдающийся пропагандист марксизма. После II съезда РСДРП решил «помириться» с меньшевиками; из прими-
- ренца к оппортунистам-меньшевикам вскоре сам стал меньшевиком — 124, 194, 196, 205, 206, 394.
- Поттер** (Potter), Джордж (1832—1893) — основатель (1861) и редактор газеты «Bee-Hive»; член Лондонского совета тред-юнионов в 60-х годах; основатель (1866) и впоследствии председатель либеральной рабочей организации Лондонской рабочей ассоциации — 22, 165.
- Прален** — см. Шуазель-Прален, Шарль.
- Прото** (Protot), Эжен — французский адвокат, бланкист, член Коммуны; после поражения Коммуны эмигрировал в Англию, затем вернулся во Францию; противник марксизма; в 1889 г. выступил на выборах в Марселе как «независимый социалист» с клеветой на Гада — 159.
- Прудон** (Proudhon), Пьер Жозеф (1809—1865) — французский мелкобуржуазный социалист, анархист — 155.
- Птоломеи** — греко-македонская династия, основавшая в IV веке до н. э. монархию в Египте — 244.
- Пумс** — прозвище М.-Э. Рошер.
- Путткамер** (Puttkamer), Роберт-Виктор (1828—1900) — прусский государственный деятель; в 1881—1888 гг. министр внутренних дел; один из главных организаторов травли социал-демократии в эпоху исключительного закона — 8, 20, 21, 31, 32, 188, 190, 203, 316.
- Пушкин, Александр Сергеевич** (1799—1837) — гениальный русский поэт и прозаик — 370.
- Пфендер** (Pfänder), Карл (1818—1876) — немецкий художник-миниатюрист; член Союза справедливых, Союза коммунистов; впоследствии играл руководящую роль в Лондонском Немецком коммунистическом рабочем просветительном союзе; член Генерального Совета I Интернационала, последователь К. Маркса — 23.
- Пфендер** (Pfänder) — брат Пфендера К. — 23.
- Пфендер** (Pfänder) — вдова Пфендера К. — 21, 23, 33.
- Пфендер** (Pfänder) — старшая дочь Пфендера К. — 21, 23.
- Пфендер** (Pfänder) — вторая дочь Пфендера К. — 23.

P

Равэ (Ravé), Анри — французский журналист; перевел в 1891 г. «Происхождение семьи, частной собственности

- и государства» Ф. Энгельса на французский язык — 296, 305, 306, 309, 310, 321, 323, 326.
- Ранк** (Rank) — репортер «L'Intransigeant» — 382, 384, 385, 386.
- Ранке** (Ranke), **Леопольд** (1795—1886) — немецкий историк, с 1834 г. профессор Берлинского университета; в одном из писем (1864) К. Маркс заметил, что «танцующий карлик Ранке» сводил все великие исторические события к мелочам и пустякам — 57, 82.
- Раппопорт** (Rappoport), **Филипп** — американский социалист; писал в «Neue Zeit» об американском рабочем движении — 86, 165.
- Раппопорт** (Rappoport) — жена Раппопорта Ф. — 86.
- Рейнике** (Reinicke) — немецкий художник — 269, 270.
- Рейс** (Reuss), **Карл-Теодор** — германский журналист; разоблачен в конце 80-х годов как полицейский шпион и провокатор — 21, 138, 278.
- Рейтер** (Reuter) — 384.
- Рейтер** (Reuter), **Фриц** (1810—1874) — немецкий писатель; в 30-х годах XIX века в качестве «демагога» был привлечен к суду и приговорен к смертной казни, замененной 30 годами крепости; освобожден в 1840 г. — 453.
- Рейхель** (Reichel), **Александр** (1853—1921) — швейцарский социал-демократ, адвокат, профессор права и союзный судья — 108.
- Реллингхоф** (Röllinghoff) — полицейский шпион — 180.
- Ремпель** (Rempel), **Рудольф** (1816—1869) — купец в Билефельде; представитель «истинного социализма» — 61.
- Рибо** (Ribot), **Александр** (1842—1923) — французский политический деятель, умеренный республиканец; в 1890—1893 гг. министр иностранных дел, в 1892—1893, 1895 гг. премьер-министр — 374.
- Рисс** (Reeves), **Вильям** — английский издатель социалистической литературы и журнала «To-Day» — 15, 46, 48, 38, 46, 74.
- Рид** (Reid) — 177.
- Рикардо** (Ricardo), **Давид** (1772—1823) — представитель классической буржуазной политической экономии — 304.
- Робеспьер** (Robespierre), **Максимиллиан** (1758—1794) — выдающийся представитель демократии французской буржуазной революции конца XVIII века, вождь якобинцев — 82, 161, 162.
- Робинзон** (Robinson), **А. Ф.** — 121.
- Роз Беби** (Ros Baby) — 116.
- Розенберг** (Rosenberg), **Вильям-Людовиг** (род. в 1850 г.) — немецкий журналист; секретарь Национального исполнительного комитета Социалистической рабочей партии США; в 1889 г. под влиянием марксистов отстранен от работы секретаря — 43, 151, 164, 172, 179, 182, 265, 294, 307.
- Розенкранц** (Rosenkranz), **Карл** (1805—1879) — профессор философии в Галле и Кенигсберге; гегельянец — 371.
- Ромм** (Romm), **Максим** — немецкий социал-демократ, муж Ромм Ю.; с 1890 г. в США — 251, 278, 285.
- Ромм** (Romm), **Юлия** (ум. в 1920 г.) — дочь доктора Цадена, германская социалистка и писательница, свояченица Бернштейна Э., жена Ромма М.; с 1890 г. в США; сотрудничала в «Neue Zeit» и «New-Yorker Volkszeitung»; переводчица русских классиков на немецкий язык — 192, 251, 278, 285.
- Рош** (Roche), **Жюль** (1841—1923) — французский политический деятель, радикал, адвокат и публицист, член палаты депутатов; в 1890—1892 гг. министр торговли — 362, 367, 370, 374, 378.
- Рошер** (Roscher), **Вильгельм** (1817—1894) — немецкий вульгарный экономист; главная его работа: «System der Volkswirtschaft» («Система народного хозяйства»), в пяти томах — 51.
- Рошер** (Roshier), **Мэри-Эллен** (урожд. Бернс), по прозвищу Пумпс — племянница Ф. Энгельса, жена Перси Рошера — 6, 40, 70, 72, 78, 172, 173, 174, 179, 192, 239, 251, 297, 299, 324, 326, 327, 329, 332, 337, 338, 347, 391.
- Рошер** (Roshier), **Перси** — английский коммерсант; муж Мэри-Эллен Ршера — 55, 141, 157, 172, 179, 186, 192, 251, 297, 299, 326, 327, 329, 332, 391.
- Рошер** (Roshier) — отец Рошера П. — 157, 172, 186, 299.
- Рошер, Ф. В.** — один из псевдонимов Ф. Энгельса.
- Рошфор** (Rochefort), **Анри** (1830—1913) — французский публицист и политический деятель; один из вождей французского левореспубликанского движения в период империи; с 1868 г. издавал газету «La Lanterne», в которой подвергал остроумной критике политику империи, императора и его советников; в результате судебных преследований бежал в Бельгию, где

- продолжал издавать «La Lanterne»; с 1880 г. стал во главе радикальной газеты «L'Intransigeant». В 1885—1889 гг. член палаты депутатов; в 1889 г. примкнул к заговору Буланже; в 1898—1900 гг. стал на сторону военно-монархической клики в деле Дрейфуса — 117.
- Руане* (Rouanet), *Гюстав* (род. в 1855 г.) — французский социалист, пошибист, журналист, директор «La Revue Socialiste» и сотрудник «Cri du Peuple»; в 1890—1893 гг. муниципальный советник в Париже; в 1893 г. член палаты депутатов — 109.
- Руве* (Rouvier), *Морис* (1842—1911) — французский политический деятель, умеренный республиканец; в 1887 г. премьер, в 1889—1892 гг. министр финансов — 352, 374, 379.
- Руге* (Ruge), *Арнольд* (1802—1880) — немецкий радикальный публицист, младогегельянец, издатель «Hallische Jahrbücher», «Deutsche Jahrbücher» и в 1844 г., совместно с К. Марксом, «Deutsch-Französische Jahrbücher»; в 1848 г. член Франкфуртского национального собрания; один из лидеров мелкобуржуазного демократического крыла эмиграции в Лондоне; с 1866 г. сторонник Бисмарка — 272.
- Рудольф* (Rudolf) (1858—1889) — австрийский эрцгерцог и кронпринц — 83.
- Рудольф* — см. Энгельс, Рудольф.
- Рутенберг* (Rutenberg), *Адольф* (1808—1869) — учитель, младогегельянец; в 1848 г. редактор «National-Zeitung»; впоследствии сторонник Бисмарка — 154.

С

- Сандерс* (Sanders), *Вильям* (род. в 1871 г.) — секретарь Джона Бернса, член Фабианского общества; секретарь Независимой рабочей партии, участник международных социалистических конгрессов, член Совета лондонского графства — 333, 395.
- Саньяль* (Sanial), *Люсьен* — член Социалистической рабочей партии в Америке, делегат на Брюссельском конгрессе II Интернационала — 333, 337.
- Сван*, *Зонненшайн*, *Лоурей и К^о* (Swan, Sonnenschein, Lowrey and C^o) — издательство в Лондоне, выпустившее английский перевод «Капитала» — 79, 86, 358, 366.
- Селиверстов*, *Николай Дмитриевич* (1831—1890) — русский генерал, шеф жандармов; 18 ноября 1890 г. был убит в Париже С. Падлевским — 275.
- Сен-Симон* (Saint-Simon), *Анри* (1760—1825) — социалист-утопист начала XIX века; ученье Сен-Симона оказало большое влияние на развитие социалистических идей и социологии — 27.
- Симон* (Simon), *Фердинанд* — немецкий врач, муж Фриды Бебель, — 322.
- Смит* (Smith), *Адам* (1723—1790) — крупнейший английский буржуазный экономист, основатель классической школы политической экономии; основной его труд: «Wealth of Nations» («Богатство народов»), 1776 г. — 304, 370.
- Смит-Хидингли* (Smith-Headingley), *Адольф* — английский журналист, член Социал-демократической федерации; выступал с клеветой против Генерального Совета I Интернационала — 71, 111, 254, 277.
- Солдат* — прозвище В. Либкнехта.
- Сольсбери* (Salisbury), *Роберт Сесиль*, маркиз (1830—1903) — английский государственный деятель, представитель землевладельческой аристократии, консерватор; в 1878—1880 гг. министр иностранных дел, в 1885—1886, 1886—1892 и 1895—1902 гг. премьер-министр — 20, 73, 377.
- Сомье* (Sommier) — автор «Histoire de la révolution dans le Jura» («История революции в Юра»); издана в Париже в 1846 г. — 85.
- София* (Sophie) — прусская принцесса, сестра императора Вильгельма II, с 1889 г. жена греческого кронпринца Константина — 141.
- Стед* (Stead), *Вильям Томас* (1849—1912) — английский журналист; издатель и помощник редактора «Pall Mall Gazette» (1883—1890) и с 1890 г. редактор и издатель «Review of Reviews» — 366, 367.
- Степняк* — см. Кравчинский, С. М.
- Степняк* г-жа — см. Кравчинская, Ф. М.
- Страбон* (ок. 63 г. до н. э. — 21 г. н. э.) — древнегреческий географ — 244.
- Султан* — см. Абдул-Гамид II.

Т

- Таушер* (Tauscher), *Леонгард* (1840—1914) — германский социал-демократ, типограф; во время исключительного закона участвовал в издании «Sozialdemokrat» — 38, 40, 52, 169, 276, 280.
- Тейлор* (Taylor), *Седлей* — английский профессор, автор работ по вопросам политической экономии — 296.
- Тельке* (Toelcke), *Карл-Вильгельм* (1817—1893) — немецкий социалист; в 1865 г.

председатель Всеобщего германского рабочего союза — 393.

Теодор — см. Либкнехт, Теодор.

Тест (Teste), *Жан-Батист* (1780—1852) — французский буржуазный политик, адвокат; в 1839—1846 гг. министр юстиции, пэр Франции; в 1847 г. приговорен к тюремному заключению сроком на три года за взяточничество — 388.

Техов (Teshow), *Густав-Адольф* (1813—1893) — прусский офицер; в июне 1848 г. отказался стрелять в народ при штурме цейхгауза; эмигрировал в Швейцарию, в Лондон, а затем в Австралию — 155.

Тиллет (Tillett), *Бенджамин* (род. в 1860 г.) — один из руководителей английских трэд-юнионов; в 1887—1922 гг. секретарь основанного им Союза портовых рабочих; с 1922 г. член правления Союза транспортников; во время первой империалистической войны шовинист; в 1917 г. был избран в парламент; в 1926 г. предал всеобщую забастовку — 149, 207, 334.

Токвиль (Tocqueville), *Алексис* (1805—1859) — французский историк и политический деятель, либерал, правый депутат Учредительного собрания (1848) и Законодательного собрания; в 1849 г. министр иностранных дел; его работа «L'ancien régime et la révolution» («Старый режим и революция»), 1856 г., впервые в историографии французской буржуазной революции XVIII века написана на основании широкого изучения архивных материалов — 80.

Торн (Thorne), *Вильям* (род. в 1857 г.) — деятель английского трэд-юнионистского движения, член Социал-демократической федерации; в 1889 г. основатель и генеральный секретарь Союза рабочих газовых предприятий и чернорабочих; с 1894 г. член Генерального совета трэд-юнионов; участник международных социалистических конгрессов; с 1906 г. член парламента; во время первой империалистической войны социал-шовинист — 333, 381, 390.

Трир (Trier), *Герсон* — датский социал-демократ; переводчик «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса. В годы первой империалистической войны — интернационалист. — 109, 149, 169.

Тук (Tooke), *Томас* (1774—1858) — английский буржуазный экономист и статистик; автор «Enquiry into the

currency principle» («Исследование об основах денежного обращения»), 1844 г., «A History of Prices» («История цен»), 1848 г. — 132, 135, 163.

Турати (Turati), *Филиппо* (1857—1932) — итальянский социалист, адвокат; в 1892 г. один из основателей и в дальнейшем один из лидеров Итальянской социалистической партии; в 1896—1926 гг. член парламента; во время первой империалистической войны сначала центрист, потом шовинист; после раскола в 1922 г. стал во главе Унитарной социалистической партии — 297.

Тусси — прозвище Э. Маркс-Эвелинг.

Тэн (Taine), *Ипполит* (1828—1893) — французский историк, литературовед и искусствовед; его работа «Les origines de la France contemporaine» («Происхождение современной Франции») представляет реакционную фальсификацию истории французской буржуазной революции XVIII века; I том вышел в 1876 г. — 68, 80, 84, 85.

У

Уоррен (Warren), *Чарльз* (1840—1927) — английский генерал-майор; в 1886—1888 гг. комиссар столичной полиции — 11.

Ф

Фантуцци (Fantuzzi), *Ромуальдо* — итальянский издатель — 304.

Фаржа (Farjat), *Габриэль* — французский социалист, рабочий-текстильщик, организатор рабочего движения в Лионе; принимал участие в основании Рабочей партии, член ее Национального совета; в 1886 г. генеральный секретарь Национальной федерации синдикатов Франции — 122, 125.

Фаухер (Faucher), *Юлиус* (1820—1878) — немецкий публицист; в 40-х годах младогегельянец, принадлежал к группе Бруно Бауэра; в 60-х годах представитель немецкого манчестерства, прогрессист, член прусской палаты депутатов — 154.

Фейо (Faillot), *Евгений* (род. в 1840 г.) — французский социалист, участник Парижской Коммуны, затем эмигрант в Брюсселе; после амнистии вернулся во Францию, примкнул к possibilistам; был избран муниципальным советником в Париже; в 1890 г. исключен из партии; один из основателей партии аллеманистов — 253.

- Фейербах** (Feuerbach), *Людвиг* (1804—1872) — один из крупнейших немецких философов-материалистов — 192, 261.
- Ферри** (Ferry), *Жюль* (1832—1893) — французский политический деятель, один из палачей Коммуны; в 1880—1881 гг. и в 1883—1885 гг. премьер-министр; организатор ряда военно-колоннальных экспедиций — 16, 66, 76, 113.
- Фирекк** (Viereck), *Луи* (1851—1921) — германский социал-демократ, журналист; в конце 70-х годов последователь Дюринга; в 1882—1884 гг. редактор газеты «Süddeutscher Postillon» в Мюнхене; в 1884—1886 гг. член рейхстага; оппортунист; в конце 80-х годов эмигрировал в Америку, где отошел от социалистического движения — 25.
- Фиреман** (Fireman), *П.* — буржуазный экономист — 394, 395.
- Фишер** (Fischer) — немецкий врач — 32.
- Фишер** (Fischer), *Пауль* (род. в 1859 г.) — германский социал-демократ — 143.
- Фишер** (Fischer), *Рихард* (1855—1926) — германский социал-демократ, руководитель социал-демократического издательства; в 1877—1878 гг. редактор «Berliner Freie Presse»; в 1878 г. выслан из Германии; в 1890—1893 гг. секретарь Правления партии; в 1893—1918 гг. член рейхстага; в 90-х годах совместно с А. Бебелем боролся против полуанархической оппозиции «молодых» в германской социал-демократической партии — 173, 179, 187, 229, 264, 268, 292, 295, 296, 299, 318, 330, 359, 360, 361, 366.
- Фишер** (Fischer) — жена Фишера Р. — 173, 179.
- Фогт** (Vogt), *Иоганн-Густав* (род. в 1843 г.) — немецкий писатель в области философии и естественных наук; автор «Entstehen und Vergehen der Welt als kosmischer Kreisprozess» («Возникновение и развитие мира как космический круговой процесс») и ряда других работ — 329.
- Фокс** (Fox), *Чарльз Джессе* (1749—1806) — английский политический деятель, член палаты общин, министр иностранных дел; заключил мир с Америкой на основе признания ее самостоятельности; сторонник французской буржуазной революции — 161, 162.
- Фольмар** (Vollmar), *Георг-Генрих*, фон (1850—1922) — бывший офицер; в 70-х годах примкнул к социал-демократии; в 1879—1880 гг. редактор «Sozialdemokrat»; в 1881—1887 и 1890—1918 гг. член рейхстага; в эпоху исключительного закона сторонник революционной тактики; с начала 90-х годов идеолог реформизма; на Эрфуртском съезде (1891) выступил с теорией мирного вращающегося капитализма в социализм; в 1894 г. на Франкфуртском съезде Германской социал-демократии выступил от имени баварской социал-демократии с развернутой реформистской программой, включавшей союз с кулачеством и голосование за государственный бюджет — 325, 326, 347, 359, 360, 361, 366, 376, 379.
- Фостер-Эвери** (Foster-Avery), *Рашиель* — секретарь Национальной женской суффражистской организации в США; содействовала изданию в Америке «Положения рабочего класса в Англии» Ф. Энгельса — 358.
- Франкель** (Frankel), *Лео* (1844—1896) — венгерский социалист, рабочий-ювелир; член Парижской федерации I Интернационала, один из руководителей Парижской Коммуны; после падения Коммуны член Генерального Совета в Лондоне; в середине 70-х годов переехал в Германию, а затем в Венгрию, где был одним из основателей Венгерской социал-демократической партии; участник первых трех конгрессов II Интернационала — 77, 83.
- Франц-Иосиф I** (Franz-Joseph) (1830—1916) — австрийский император (1848—1916) и король Венгрии (1867—1916) — 355.
- Фрежак де Коматр** (Frejac de Comatre) — 122.
- Фрейсине** (Freysinet), *Шарль-Луи* (1823—1923) — французский политический деятель, умеренный республиканец; в 1879—1882, 1886 и 1890—1892 гг. премьер-министр — 352, 374, 379.
- Фрида** — см. Бебель, Фрида.
- Фридрих-Вильгельм** (Friedrich-Wilhelm) III (1770—1840) — прусский король (1797—1840) — 187.
- Фридрих-Вильгельм** (Friedrich-Wilhelm) IV (1795—1861) — прусский король с 1840 г. — 70.
- Фридрих** (Friedrich) III (1831—1888) — сын Вильгельма I, король прусский и император германский (9 марта—15 июня 1888 г.) — 9, 11, 16, 26, 31, 32, 33, 35, 36, 52, 87, 187, 199, 317.
- Фриц** — см. Фридрих III.

Фуллартон (Fullarton), **Джон** (ок. 1780—1849) — английский буржуазный экономист; автор книги «On the Regulation of Currencies» («О регулировании денежного обращения»); К. Маркс в «Капитале» ссылается на эту книгу — 132.

Фульд (Fould), **Ахилл** (1800—1867) — французский государственный деятель, крупнейший банкир Франции; в 1849 г. назначен министром финансов — 388.

X

Хантер (Hunter), **Ал.** — редактор «Weekly Dispatch»; член английского парламента — 24.

Хауэлл (Howell), **Джордж** (1833 — 1910) — английский рабочий-каменщик; один из вождей тред-юнионизма; в 1861—1872 г. секретарь Лондонского совета тред-юнионов; в 1864—1872 г. член Генерального Совета I Интернационала; в своих статьях выступал с клеветой на Генеральный Совет — 22.

Хейлз (Hales), **Джон** — английский тред-юнионист; в 1868 г. член и в 1871 г. секретарь Генерального Совета I Интернационала; после Гаагского конгресса (1872) выступал против Генерального Совета, вел клеветническую кампанию против К. Маркса — 72.

Хидингли — см. Смит - Хидингли, Адольф.

Христенсен (Christensen) — анархист, редактор чикагской «Arbeiterzeitung» — 69, 109.

Ц

Цабель (Zabel), **Фридрих** (1802—1875) — немецкий публицист; в начале 40-х годов примыкал к группе «свободных» в Берлине; в дальнейшем либерал; ответственный редактор берлинской «National-Zeitung» — 153.

Цадек (Zadek), **Игнац** — доктор медицины, социал-демократ — 192, 213.

Царь — см. Александр II.

Цеткин (Zetkin), **Клара** (1857—1933) — крупнейшая деятельница германского революционного рабочего движения, коммунистка; в 70-х годах вступила в рабочее движение; активно выступала против ревизионизма Бернштейна; в 90-х годах редактировала газету германских работниц «Gleichheit», превратившуюся под ее руководством в боевой орган международного женского рабочего движения, стоящий

на марксистских позициях; приняла активное участие в подготовке первого конгресса II Интернационала. Во время первой империалистической войны — интернационалистка; приветствовала Великую Октябрьскую Социалистическую революцию; в 1919 г. вступила в КПГ; в период «кризиса Левы» и «кризиса Брандлера» в КПГ сумела быстро ликвидировать свои оппортунистические колебания и стать на правильные марксистские позиции; на III конгрессе Коминтерна была выбрана членом Исполкома и Президиума Коминтерна; стояла во главе международного женского секретариата Коминтерна до самой своей смерти — 114, 322.

Цион, Илья Фаддеевич (1842—1912) — физиолог и реакционный публицист; профессор Петербургского университета с 1870 г. и Медико-хирургической академии с 1872 г.; в 1875 г. был вынужден уйти из академии вследствие конфликта с профессурой и демонстрацией, устроенной против него студентами — 78.

Цихлин фон Цихлинский (Zychlin von Zychlinski) (1820—1900) (псевдоним Шеллига) — прусский офицер и публицист, левогельянец — 154.

Ч

Чемпион (Champion), **Генри-Хэйд** (1857—1928) — английский социалист, выходец из буржуазной среды; издатель «Labour Elector», член Социал-демократической федерации, организатор безработных и докеров; в 1887 г. за тайную от партии финансовую и избирательную сделку с консерваторами был исключен из Федерации; эмигрировал в Австралию, где вместе с Томом Мэном стоял во главе социалистической партии — 71, 78, 124, 139, 149, 165, 177, 185, 207, 285.

Чернышевский, Николай Гаврилович (1828—1889) — великий русский ученый и критик, публицист, революционный демократ — 206, 223.

Черчилл (Churchill), **Генри-Спенсер**, лорд Рандольф (1849—1895) — английский политический деятель, консерватор, идеолог так называемого «демократического торизма»; в 1885 г. статсекретарь по делам Индии в кабинете Сольсберн; в 1886 г. канцлер назначения — 316.

Чионка (Cionka) — автор румынской грамматики — 3.

Ш

- Шак* — см. Гильом-Шак.
- Шакир-паша* — 141.
- Шах* — см. Наср-эд-Дин.
- Швейхель* (Schweichel), *Роберт* — германский социал-демократ; сотрудничал в «Neue Zeit» — 68.
- Швейцер* (Schweitzer), *Иосанн-Балтист* (1833—1875) — после смерти Лассалля лидер лассальянцев; в 1864—1871 гг. руководитель Всеобщего германского рабочего союза; в 1865 г. основал газету «Sozial-Demokrat», на которую получил субсидию от Бисмарка — 171, 236, 291.
- Шевич* (Schewitsch), *Сергей* — редактор газеты «New-Yorker Volkszeitung» — 164, 239, 247.
- Шей* (Scheu), *Андреас* (1844—1927) — деятель Социал-демократической федерации в Англии — 78.
- Шей* (Scheu), *Генрих* (1845—1926) — австрийский социал-демократ, брат Андреаса Шей; делегат Гаагского конгресса I Интернационала; с 1875 г. эмигрант в Англии — 283.
- Шелига* (Szeliga) — см. Цихлин фон Цихлинский.
- Шеман* (Schömann), *Георг-Фридрих* (1793—1879) — немецкий буржуазный филолог, профессор университета в Грейфсвальде; автор произведения «Griechische Alterthümer» («Греческие древности») — 247.
- Шенланк* (Schönlank), *Бруно* (1859—1901) — германский социал-демократ, журналист; в 1882—1890 гг. редактор-издатель ряда социал-демократических изданий в Мюнхене и Нюрнберге; в 1891—1893 гг. член редакции «Vorwärts»; в 1894—1901 гг. главный редактор «Leipziger Volkszeitung» — 272, 388.
- Шепард* (Shepard) — издатель речи К. Маркса «О свободе торговли», вышедшей в Бостоне на английском языке в 1889 г. — 74.
- Шеррер* (Scherrer), *Генрих* (1847—1919) — швейцарский социал-демократ правого крыла, адвокат, член Швейцарского национального совета — 108, 126.
- Шиппель* (Schippel), *Макс* (1859—1928) — германский социал-демократ, публицист; с 1886 г. член Социал-демократической партии, примыкал к полуанархической группе «молодых»; в 1890—1905 гг. член рейхстага, редактор и сотрудник ревизионистского журнала «Sozialistische Monatshefte»; во время первой империалистической войны социал-шовинист — 110, 127, 212, 214, 235, 236, 286, 287, 288, 311.
- Шиптон* (Shipton), *Джордж* — трэджюнист, либерал, редактор «Labour Standard» — 126, 140, 211, 212.
- Шлезингер* (Schlesinger), *Максимилиан* — германский социал-демократ, журналист; автор антимарксистской книги «Die soziale Frage» («Социальный вопрос»), 1889 г. — 104, 120, 143, 157.
- Шлютер* (Schlüter), *Герман* (ум. в 1919 г.) — германский социал-демократ; после высылки из Дрездена (1883) руководил в Цюрихе книжным издательством «Sozialdemokrat», один из организаторов архива германской социал-демократии; в 1889 г. выслан из Швейцарии, эмигрировал в США, где принял участие в немецком социал-демократическом движении; автор ряда работ по истории английского и американского рабочего движения — 12, 13, 14, 25, 37, 40, 52, 60, 61, 72, 86, 137, 139, 150, 166, 169, 174, 177, 183, 186, 196, 199, 200, 209, 216, 217, 218, 224, 237, 263, 265, 272, 278, 279, 297, 299, 309, 319, 320, 321, 334, 336, 338.
- Шлютер* (Schlüter) — жена Шлютера Г. — 40, 137, 139, 150, 166, 174, 177, 179, 186, 209, 224, 237, 263, 278, 279, 280, 299, 300, 336, 337, 338, 381.
- Шмидт* — см. Штирнер, Макс.
- Шмидт* (Schmidt), *Конрад* (1863—1932) — германский социал-демократ, экономист и журналист; с 1887 г. переписывался с Ф. Энгельсом; редактор «Berliner Volks-Tribüne» (1890), затем доцент Цюрихского университета; впоследствии ревизионист, один из основателей ревизионистского журнала «Sozialistische Monatshefte»; в области философии неокантианец; после революции 1918 г. отошел от политической деятельности; профессор политической экономии в Берлинском политехникуме — 50, 68, 88, 105, 129, 151, 158, 160, 167, 201, 231, 241, 255, 278, 305, 309, 327, 342, 371, 395.
- Шмидт* (Schmidt) — жена Шмидта К. — 371, 373.
- Шорлеммер* (Schorlemmer), *Карл* (1834—1892) — известный химик, социал-демократ, друг К. Маркса и Ф. Энгельса — 10, 39, 41, 42, 43, 44, 50, 53, 54, 70, 104, 105, 137, 139, 141, 173, 186, 191, 196, 197, 198, 201, 209, 225, 227, 228, 229, 230, 231, 237, 243, 250, 252, 273, 276, 304, 308, 326, 332, 334, 335, 337, 391.
- Шорлеммер* (Schorlemmer), *Людвиг* — брат Шорлеммера К. — 266.

- Шорлеммер** (Schorlemmer) — мать Карла и Людвига Шорлеммера — 267.
- Шпейер** (Spreyer), *Карл* (род. в 1845 г.) — столяр; с 1860 г. участник рабочего движения в Швейцарии, Париже и Лондоне; в 1870 г. эмигрировал в Америку; член немецкой секции I Интернационала в Нью-Йорке, член Федерального совета (1872), после Гаагского конгресса член Генерального Совета I Интернационала — 63.
- Шпейер** — жена Шпейера К. — 63.
- Шрамм** (Schramm), *Карл-Август* — немецкий экономист, либерал; с начала 70-х годов участник социал-демократического движения, один из сотрудников реформистского «Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik» («Ежегодник социальных наук и социальной политики»); в 1884—1886 гг. выступил с критикой марксизма; в дальнейшем отошел от социал-демократии — 293.
- Штегели** (Stehely) — владелец кондитерской в Берлине, где собирались радикальные литераторы и журналисты — 154.
- Штейн** (Stein), *Лоренц* (1815—1890) — немецкий юрист, государствовед и историк; сторонник «социальной монархии»; автор «Der Sozialismus und Kommunismus im heutigen Frankreich» («Социализм и коммунизм в современной Франции»), 1842 г. — 62.
- Штессель** (Stössel) — 342.
- Штибер** (Stieber), *Вильгельм* (1818—1882) — директор прусской политической полиции; в 1852 г. организатор Кёльнского процесса коммунистов — 13.
- Штирнер** (Stirner), *Макс* (прозвище Иоганна-Каспара Шмидта) (1806—1856) — немецкий философ, теоретик индивидуалистического анархизма; автор книги «Der Einzige und sein Eigentum» («Единственный и его собственность»); принадлежал к берлинским младогегельянцам, подвергался резкой критике К. Маркса и Ф. Энгельса — 153, 154, 155.
- Штрассер** (Strasser) — мать Каутской Л. — 269.
- Шуазель-Праслен** (Choisel-Praslin), *Шарль* (1805—1847) — французский герцог — 388.

Э

- Эбер** (Hébert), *Жак-Рене* (1757—1794) — политический деятель периода французской буржуазной революции конца

XVIII века; представитель левого крыла монтаньяров, стремившийся провести ряд законопроектов в интересах бедноты; в 1792—1794 гг. член Парижской коммуны; с 1790 по 1794 г. издавал газету «Le Père Duchêne», популярную в среде городской бедноты; за свои крайне революционные взгляды был казнен Робеспьером — 162.

- Эвелинг** (Aveling), *Эдуард* (1851—1898) — английский социалист и писатель, врач, естествоиспытатель, дарвинист и атеист; с начала 80-х годов под влиянием Ф. Энгельса стал приближаться к марксизму; член Социал-демократической федерации, один из основателей Социалистической лиги (1884), активный деятель движения так называемых «неорганизованных» рабочих; в 1893—1895 г. член Независимой рабочей партии; муж Маркс-Эвелинг Э. — 16, 22, 30, 39, 40, 41, 43, 45, 50, 52, 58, 74, 76, 78, 86, 114, 115, 136, 139, 142, 147, 151, 166, 169, 172, 173, 179, 191, 192, 210, 211, 214, 215, 218, 229, 235, 253, 268, 277, 278, 284, 285, 288, 294, 299, 304, 307, 308, 333, 335, 337, 339, 348, 350, 351, 358, 366, 367, 391, 394, 395.

Эвелинг (Aveling) — первая жена Эвелинга Э. — 339.

- Эвербек** (Ewerbeck), *Август-Герман* (1816—1860) — немецкий социалист, врач и писатель; один из руководителей Союза справедливых, затем член Союза коммунистов — 62.

Эд (Eudes), *Эмиль* (1844—1888) — французский революционер, ученик Бланки, руководил вместе с ним восстанием 31 октября 1870 г., затем член ЦК Национальной гвардии, генерал Коммуны; после падения Коммуны эмигрировал в Швейцарию; по возвращении во Францию был одним из организаторов бланкистского Центрального революционного комитета; в 1887 г. редактор газеты «L'Homme libre»; его похороны (8 августа) превратились в грандиозную демонстрацию парижского пролетариата — 66.

- Эде** (Ede) — прозвище Э. Бернштейна.
- Эдуард** (Eduard) — см. Эвелинг, Эдуард.
- Эйзенгартен** (Eisengarten) — секретарь Ф. Энгельса в 1884—1885 гг. — 75.
- Эйхгоф** (Eichhoff), *Вильгельм* — журналист и писатель; в Англии сблизился с К. Марксом и Ф. Энгельсом; в 1868 г. издана его брошюра «Internationale Arbeiter-Assoziation» («Международная ассоциация рабочих») — 26.

- Эккариус* (Eccarius), *Иоганн-Георг* (1818—1889) — портной из Тюрингии, член Союза коммунистов; в 1864—1872 гг. член Генерального Совета I Интернационала; после Гаагского конгресса выступал с клеветой против К. Маркса, склонялся к анархизму; впоследствии участник трэд-юнионистского движения — 35, 128.
- Эли* (Ely), *Ричард-Теодор* (род. в 1854 г.) — профессор политической экономии в Висконсине (США); один из основателей Христианско-социального союза — 218, 228.
- Элиссен* (Ellissen), *Адольф* — учитель гимназии в Эйббеке (Германия) — 155.
- Эмма* — см. Энгельс, Эмма.
- Энгельс* (Engels), *Вальтер* (род. в 1869 г.) — племянник Ф. Энгельса, сын его брата Германа, врач — 176.
- Энгельс* (Engels), *Гедвига* (1830—1904) — сестра Ф. Энгельса — 227.
- Энгельс* (Engels), *Герман* (1822—1905) — брат Ф. Энгельса, фабрикант в Бармене; компаньон фирмы «Эрмен и Энгельс» в Энгельскирхене — 41, 46, 145, 175, 226.
- Энгельс* (Engels), *Герман* — племянник Ф. Энгельса — 176.
- Энгельс* (Engels), *Каспар* (1816—1889) — двоюродный брат Ф. Энгельса — 145.
- Энгельс* (Engels), *Матильда* (1831—1905) — жена Рудольфа Энгельса, брата Ф. Энгельса — 227.
- Энгельс* (Engels), *Мориц* — племянник Ф. Энгельса — 176.
- Энгельс* (Engels), *Рудольф* (1831—1903) — брат Ф. Энгельса, фабрикант в Бармене — 47, 176, 227.
- Энгельс* (Engels), *Эмиль* (1828—1884) — брат Ф. Энгельса, фабрикант, компаньон фирмы «Эрмен и Энгельс» в Энгельскирхене — 196.
- Энгельс* (Engels), *Эмиль* — племянник Ф. Энгельса — 176.
- Энгельс* (Engels), *Эмма* (род. в 1834 г.) — жена Германа Энгельса, брата Ф. Энгельса — 41, 47, 146, 176, 177, 227.
- Эпстон* (Appleton), *Даниель* (род. в 1852 г.) — американский издатель, основатель фирмы «D. Appleton and C» в Нью-Йорке и в Карлсруэ (Германия) — 86.
- Эрст* (Ernst), *Пауль* (1866—1933) — германский драматург и критик; в конце 80-х годов примкнул к социал-демократической партии; редактор «Berliner Volks-Tribüne»; в 1890—1892 гг. один из руководителей полуанархической оппозиции «молодых» — 219, 262, 271, 278, 325.
- Эструп* (Estrup), *Якоб* (1825—1913) — датский государственный деятель, консерватор — 170, 171.
- Эчегарай* (Echegaray), *Хозе* (1832—1916) — испанский драматург — 116.

Ю

- Юлиус* — см. Моттелер, Юлиус.
- Юлия* — см. Бебель, Юлия.
- Юнг* (Jung), *Герман* (1830—1901) — часовщик из Швейцарии; в 1864—1872 гг. член Генерального Совета I Интернационала и секретарь для Швейцарии; со времени Гаагского конгресса вел клеветническую кампанию против К. Маркса и Генерального Совета — 72, 128, 134, 185.
- Юнг* (Young), *Эдуард* — 57.
- Юнгниц* (Jungnitz), *Эрнст* (ум. в 1848 г.) — немецкий публицист и историк, теолог; принадлежал к группе Бруно Бауэра — 154.

Я

- Якоби* (Jacobi), *Абрагам* (род. в 1832 г.) — врач в Кёльне; член Союза коммунистов, участник Кёльского процесса коммунистов — 371.

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

- «*The Academy*» («Академия») — ежемес-
ячный журнал литературы, науки и
искусства; основан в 1869 г. в Лон-
доне; редакторы: Ч. Эплтон, Ч. Дobl,
Д. Коттон — 7.
- «*Arbeiterinnen-Zeitung*» («Газета работ-
ниц») — социал-демократическая двух-
недельная женская газета; осно-
вана в 1892 г. в Вене; редактор
А. Попп, издатель А. Бошек — 350.
- «*Arbeiter-Zeitung*» («Рабочая газета») —
еженедельная газета; центральный
орган австрийской социал-демократи-
ческой партии; основана в 1889 г.
в Вене; редакторы: В. Адлер, Л. Брет-
шнейдер — 149, 180, 201, 212, 219,
230, 236, 249, 262, 283, 290, 298,
380.
- «*Arbeiterzeitung*» («Рабочая газета») —
анархистская ежедневная газета; ор-
ган Международной рабочей ассо-
циации; основана в 1883—1884 гг.
в Чикаго; члены редакции: А. Шпис,
М. Шваб; в 1888—1889 гг. газету
редактировал Христенсен — 69.
- «*Arbejderen*» («Рабочие») — датская со-
циалистическая газета Н. Петерсена и
Г. Трира; выходила в Копенгагене —
108, 109.
- «*Der arme Teufel*» («Бедняга») — еже-
недельная юмористическая газета; ос-
нована в 1884 г. в Детройте (Америка);
редактор Роберт Рейтцель — 86, 380.
- «*The Athenaeum*» («Атеней») — литера-
турно-критический журнал; основан
в 1828 г. в Лондоне; редакторы: Д. Бе-
кингем, впоследствии Д. Стерлинг,
Ф. Морис, Г. Стеббинг, Ч. Дилк — 7.
- «*Das Ausland*» («Чужие края») — еже-
дневная (до 1853 г.), затем еженедель-
ная газета; основана в 1828 г.;
в 1828—1853 гг. выходила в Мюнхене,
Штуттгарте и Тюбингене; в 1854—
1893 гг. — в Штуттгарте и Аугсбурге;
газета носила этнографический ха-
рактер; редактор С. Гюнтер, издатель
О. Пешель — 310.
- «*Bergensposten*» — 235.
- «*Berliner Volksblatt*» — см. «*Vorwärts*».
- «*Berliner Volks-Tribüne*» («Берлинская
народная трибуна») — социально-по-
литический еженедельник; основан
в 1887 г.; редактор М. Шиппель;
с августа 1890 г. непродолжительное
время еженедельник редактировал
К. Шмидт — 114, 143, 232, 234, 236,
262, 278, 298, 337.
- «*Boston Herald*» — см. «*Herald*».
- «*Chikagoer Vorbote*» — см. «*Vorbote*».
- «*The Christian Socialist*» («Христианин-
социалист») — журнал, выходил в
Лондоне с 1883 по 1891 г. — 18,
37.
- «*Club Journal*» («Клубный журнал») —
выходил в Лондоне — 17.
- «*Le Combat*» («Борьба») — газета, осно-
вана анархистом А. Буафе в 1890 г.
в Кале; просуществовала несколько
месяцев — 212.
- «*Commonweal*» («Общее благо») — еже-
недельный орган Социалистической
лиги; основан в 1885 г. в Лондоне;
редактор В. Моррис — 10, 18, 21, 52,
87, 108, 122, 123, 151, 298.
- «*Commonwealth*» («Республика») — газета,
один из органов Генерального Со-
вета I Интернационала; выходила
с 1866 по 1867 г. в Лондоне; редактор
И.-Г. Эккартус; до 1866 г. — тред-
юнионистская газета, выходившая под
заглавием «*Miner and Workman's
Advocate*» — 177.
- «*Contemporanul*» («Современник») — со-
циал-демократический журнал на-
чала 80-х годов; выходил в Румы-
нии — 3.
- «*The Contemporary Review*» («Современ-
ное обозрение») — ежемесячный пра-
во-либеральный журнал; основан
в 1866 г. А. Стрехеном, Д. Т. Ноулсом
и П. Бентингом в Лондоне — 191,
192.
- «*Cri du Peuple*» («Голос народа») — еже-
дневная социалистическая газета;

- основана Ж. Валлесом; выходила в Париже с 22 февраля по 23 мая 1871 г. и с 23 октября 1883 г. по 30 января 1889 г.; в 1887 г. была под влиянием гадистов — 79, 87.
- «*Cri du Travailleur*» («Голос рабочего») — еженедельная газета; орган Рабочей партии севера; основана в 1887 г. в Лилле; редактор А. Бранкур — 278.
- «*Critica Sociale*» («Социальная критика») — двухнедельный социалистический журнал; основан в 1891 г. в Милане; редактор Ф. Турати — 297.
- «*Daily Chronicle*» («Ежедневная хроника») — либерально-юнионистская газета; выходила в Лондоне — 253, 300, 380.
- «*Daily News*» («Ежедневные новости») — либерально-буржуазная газета; основана в 1846 г. в Лондоне — 24, 78, 145, 214.
- «*Deutsche Brüsseler Zeitung*» («Немецкая брюссельская газета») — выходила два раза в неделю в Брюсселе с января 1847 г. по 27 февраля 1848 г.; с сентября 1847 г. в газете сотрудничали К. Маркс и Ф. Энгельс; основатель и редактор газеты А. Борнштедт — член Немецкого демократического общества — 280.
- «*Deutsche Revue über das gesammte nationale Leben der Gegenwart*» («Немецкое обозрение национальной жизни современности») — журнал, основан в 1877 г. в Берлине; издатель Р. Флейшер, ответственный редактор А. Левенталь — 366.
- «*Deutsche Worte*» («Немецкая речь») — социально-политический ежемесячный журнал; выходил с 1881 по 1910 г. в Вене; редактор Э. Пернерсторфер — 232.
- «*Deutsches Wochenblatt*» («Немецкий еженедельник») — основан в 1888 г. в Берлине; издатель и редактор О. Арендт — 267.
- «*Echo*» — см. «*Hamburger Echo*».
- «*Economic Journal*» («Экономический журнал») — 366.
- «*L'Égalité*» («Равенство») — газета, орган Рабочей партии Франции; основана в 1889 г. в Париже; редакторы: Э. Вайян, П. Лафарг, Ж. Гэд, Г. Девиль; первая серия выходила в 1877 г. под редакцией Ж. Гэда, П. Лафарга и др. — 79, 83, 87, 114, 168.
- «*Evening News*» («Вечерние новости») — лондонская газета — 137, 138, 141.
- «*Evening Post*» («Вечерняя почта») — 137.
- «*Evening Standard*» («Вечернее знамя») — ежедневная вечерняя газета; основана в 1827 г. в Лондоне; с 1857 г. имела утренний выпуск под названием «*Standard*» — 24, 130, 384.
- «*Figaro*» («Фигаро») — ежедневная газета консервативного направления; выходила в Париже; основана 22 апреля 1854 г. М. Вильмесаном; редактор Ф. Маньяр — 298, 366.
- «*Frankfurter Zeitung*» («Франкфуртская газета») — большая ежедневная буржуазно-демократическая газета; основана в 1856 г. во Франкфурте-на-Майне, издается по настоящее время — 286, 313.
- «*Freedom*» («Свобода») — анархистская газета; выходила с конца 1886 г. в Лондоне — 21.
- «*Gartenlaube*» («Беседка») — литературно-публицистический иллюстрированный журнал; основан в 1853 г. в Лейпциге; издавался Э. Кейлем, затем Э. Цилем — 366.
- «*Gleichheit*» («Равенство») — социал-демократический еженедельник; орган австрийской социал-демократии; выходил с 1887 по 1889 г. в Вене; редакторы: В. Адлер, Л. Бретшнейдер — 10, 16, 52, 87, 108.
- «*Hamburger Echo*» («Гамбургское эхо») — ежедневная социал-демократическая газета; основана в 1887 г. в Гамбурге И. Ведде; в 1891 г. редактор Р. Штенцель — 252, 286, 362, 393.
- «*Herald*» («Вестник») — выходил в Бостоне — 43.
- «*Der Hilferuf der deutschen Jugend*» («Призыв о помощи немецкой молодежи») — ежемесячный журнал; выходил с сентября по декабрь 1841 г. в Женеве; редактор В. Вейтлинг — 60.
- «*International Review*» («Международное обозрение») — ежемесячный журнал; основан в 1889 г. в Лондоне; редактор Г. Гайднман; сотрудники: Э. Б. Бакс, А. Безант, Г. Берроуз, П. Кропоткин, А. Смит, С. Вебб, П. Брусс — 151.
- «*L'Intransigeant*» («Непримиримый») — ежедневная газета; основана в 1880 г. в Париже А. Рошфором; первое время была лево-радикального направления, в 1889 г. примкнула к буланжистам и впоследствии заняла шовинистическую позицию — 384.
- «*Jahrbücher*» — см. «*Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*».
- «*Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*» («Политико-экономические и статистические ежегодники») —

- основаны в 1863 г. Б. Гильдебрандом; издавались в Иене; в 1890 г. редактор И. Конрад; в настоящее время издаются в Мюнхене — 203, 342.
- «*Journal des Débats*» («Дебаты») — ежедневная газета консервативного направления; основана в 1789 г. в Париже — 77.
- «*Die junge Generation*» («Молодое поколение») — ежемесячный журнал; выходил с января 1842 г. по май 1843 г.; издавался в Берне, Веве и Лангентале; редактор В. Вейтлинг — 60.
- «*Justice*» («Справедливость») — еженедельная газета, основана Г. Гайндманом; орган Социал-демократической федерации; выходила с 1884 до 1925 г.; издатель Г. Квелч — 18, 90, 92, 96, 98, 101, 108, 116, 121, 122, 123, 226, 229, 236, 253, 254, 326, 337, 396.
- «*La Justice*» («Справедливость») — ежедневная радикальная газета, под редакцией Ж. Клемансо; основана в 1880 г. в Париже — 78, 374, 375.
- «*Labour Elector. The organ of Practical Socialism*» («Рабочий избиратель. Орган практического социализма») — еженедельная газета; основана в 1889 г. Г. Чемпионом в Лондоне — 71, 107, 108, 112, 122, 139, 140, 148, 149, 150, 151, 177, 184, 185, 207, 213.
- «*Labour Movement*» («Рабочее движение») — 86.
- «*The Labour Standard*» («Знамя труда») — газета; основана в Лондоне в 1881 г.; редактор Д. Шиптон — 86, 265.
- «*Magdeburger Volksstimme*» — см. «*Volksstimme*».
- «*Memtoriuл*» — Яссы, Румыния — 108.
- «*Nationalist*» («Националист») — газета основана в 1899 г.; выходила в Бостоне — 150, 207, 279, 283.
- «*National Reformer*» («Народный реформатор») — радикальная газета; основана в 1860 г. в Лондоне Ч. Бредло и А. Безант; новая серия 1865—1892 г. редактировалась Д. Уотсом и Ч. Бредло (до 1891 г.) — 17.
- «*National-Zeitung*» («Национальная газета») — официальный орган национал-либералов; основана в 1848 г. в Берлине; до 1875 г. ответственный редактор Ф. Цабель; до 1890 г. газету редактировал Ф. Дербург; с 1890 г. — редактор Кебнер — 153.
- «*Neue Rheinische Zeitung*» («Новая рейнская газета») — выходила в Кёльне под редакцией К. Маркса с 1 июня 1848 г. по 19 мая 1849 г.; в редакцию входили: Ф. Энгельс, Г. Бюргерс, Г. Веерт, В. Вольф, Ф. Вольф, Э. Дронке и Ф. Фрейлиграт (с октября 1848 г.) — 130, 152, 156.
- «*Neue Rheinische Zeitung — Politisch-ökonomische Revue*» («Новая рейнская газета — Политико-экономическое обозрение») — ежемесячный журнал под редакцией К. Маркса; основан в 1850 г. в Гамбурге; всего вышло шесть номеров (пять книг, последний двойной номер) — 12.
- «*Die Neue Zeit*» («Новое время») — социал-демократический теоретический журнал под редакцией К. Каутского; официальный орган Германской социал-демократии; выходил в Штуттгарте с 1883 по 1923 г.; с 1885 г. Ф. Энгельс, опубликовывая в «*Die Neue Zeit*» свои статьи, систематически давал указания К. Каутскому и резко критиковал его за отступления от марксизма; в дальнейшем журнал отражал позицию центристов; с 1917 по 1923 г. — редактор Кунов — 3, 4, 60, 61, 80, 89, 152, 169, 193, 196, 198, 206, 209, 236, 240, 241, 249, 252, 262, 264, 265, 270, 276, 278, 281, 283, 290, 291, 293, 296, 299, 300, 305, 311, 315, 316, 321, 324, 326, 340, 341, 342, 347, 366.
- «*New-York Daily Tribune*» («Нью-йоркская ежедневная трибуна») — радикально-демократическая республиканская газета; основана в 1841 г. в Нью-Йорке О. Грили; редактор Ч. А. Дана; в газете сотрудничали К. Маркс и Ф. Энгельс — 166.
- «*New-York Herald*» («Нью-йоркский вестник») — ежедневная буржуазная газета; основана в 1835 г. в Нью-Йорке Д. Беннетом; редактор Д. Беннет; впоследствии эту газету редактировал его сын Г. Беннет — 136.
- «*New-York World*» («Нью-йоркский мир») — издается по настоящее время под названием «*New-York World and Telegram*» — 43.
- «*New-Yorker Volkszeitung*» («Нью-йоркская народная газета») — ежедневная социал-демократическая газета на немецком языке; основана в 1878 г. в Нью-Йорке; редакторы: С. Шевич, А. Ионас, Г. Шлютер; издается по настоящее время под названием «*Neue Volkszeitung*» — 30, 40, 43, 69, 109, 150, 196, 199, 200, 209, 211, 216, 218, 239, 248, 250, 265, 293, 297, 299, 334.
- «*Nineteenth Century*» («Девятнадцатый век») — ежемесячное обозрение; осно-

- вано в 1877 г. в Лондоне; редактор Д. Т. Ноулс — 191, 192.
- «*Nord und Süd*» («Север и юг») — научно-популярный ежемесячник; основан в 1877 г. в Берлине П. Линдау; редактор О. Вильда — 366.
- «*Our Corner*» («Наш уголок») — журнал, выходил с 1883 по 1888 г. в Лондоне; редактор А. Безант — 17, 37.
- «*The Pall Mall Gazette*» («Газета Пэл-Мэл») (Пэл-Мэл — название улицы в Лондоне, известной множеством английских клубов) — вечерняя консервативная газета; основана в 1865 г. в Лондоне — 18, 24.
- «*Parti Ouvrier*» («Рабочая партия») — ежедневная газета; орган социалистов; основана в 1888 г. в Париже; редактор Ж. Аллеман — 117, 185.
- «*The People*» («Народ») — газета, основана в 1891 г. в Нью-Йорке — 348.
- «*The People's Paper*» («Народная газета») — еженедельная газета; орган чартистов; выходила в Лондоне с 1852 по 1858 г.; издатель и редактор Эрнест-Джонс — 86.
- «*The People's Press*» («Народная пресса») — газета; выходила с 1890 по 1891 г. в Лондоне; редактор Р. Делл — 207, 218, 226, 229, 298, 299.
- «*Philadelphisches Tagblatt*» («Ежедневная газета Филадельфии») — 69.
- «*Preussische Jahrbücher*» («Прусские ежегодники») — литературно-политический сборник; основан в 1858 г. в Берлине Р. Геймом; редакторы: Р. Гейм, Г. Трейчке, Г. Дельбрюк — 366.
- «*Progress*» («Прогресс») — ежемесячный литературно-политический журнал; выходил с 1883 по 1887 г. в Лондоне; в 1884 г. журнал редактировал Э. Эвелинг, затем Г. Фут — 143.
- «*Proletariat*» («Пролетариат») — еженедельная газета социалистов; основана в 1884 г. в Париже; редакторы: Ж. Аллеман, П. Брусс, С. Сонс — 109, 117.
- «*Recht voor Allen*» («Всеобщее право») — центральный орган Голландского социал-демократического союза; выходил в Гааге; основан в 1879 г. Ф.-Д. Нивенгейсом — 108.
- «*Review of Reviews*» («Обзорное обозрение») — ежемесячник; основан в 1890 г. в Лондоне; редактор и издатель В. Стед — 366, 367.
- «*Revista sociala*» («Социальное обозрение») — социал-демократический журнал начала 80-х годов; выходил в Яссах — 3.
- «*Revue der Neuen Rheinischen Zeitung*» — см. «*Neue Rheinische Zeitung — Politisch-ökonomische Revue*».
- «*Reynold's Weekly Newspaper*» («Еженедельная газета Рейнольда») — демократическая еженедельная газета Рейнольда; основана в Лондоне в 1850 г.; первое время была близка к чартистскому движению — 17, 116, 136.
- «*Rheinische Zeitung*» («Рейнская газета») — выходила с 1842 по 1843 г. в Кельне; с октября 1842 г. главный редактор К. Маркс — 154, 162.
- «*Русские Ведомости*» — ежедневная газета; орган русских либералов; основана в 1863 г. в Москве Н. Ф. Павловым; редакторы-издатели: В. М. Соболевский и А. С. Постников; существовала до 1918 г. — 58.
- «*Sächsische Arbeiterzeitung*» («Саксонская рабочая газета») — выходила в Дрездене; один из главных органов полунархической оппозиции «молодых» — 236, 237 — 238, 290.
- «*Sankt Johann-Saarbrücker Zeitung*» («С. Иоганн-саарбрюкенская газета») — ежедневная газета национал-либералов; выходила с 1876 г. в С. Иоганне и Саарбрюкене; ответственный редактор О. Циммер — 252.
- «*Saturday Review*» («Субботнее обозрение») — консервативное еженедельное обозрение политики, литературы, науки и искусства; основано в 1856 г. в Лондоне; редакторы: Кук, Хервуд и др. — 20, 24.
- «*Северный Вестник*» — ежемесячный журнал; выходил в Петербурге с 1885 по 1897 г.; в 80-х годах отражал в основном народнические тенденции; в нем участвовали: Н. Михайловский, С. Кривенко, С. Южаков, Г. Успенский и др.; с 1890 г. «Северный Вестник» перешел к Л. Я. Гуревич; фактическим редактором стал А. Волынский, открывший яростную борьбу против радикальных идей и пропагандировавший мистицизм и идеализм — 131, 147, 163, 222.
- «*Socialdemokraten*» («Социал-демократ») — ежедневная газета; центральный орган социал-демократической партии Дании; основана в 1871 г. в Копенгагене; редактор Ф. Боргбьерг — 108, 109.
- «*Le Socialiste*» («Социалист») — еженедельная газета, орган Рабочей партии Франции; выходила в Париже с 1885 по 1913 г. с некоторыми перебивками; в газете принимали участие

- Ж. Гэд, Г. Девиль, П. Лафарг — 16, 93, 252, 278, 305, 327, 333, 348, 349, 358, 363.
- «*Der Sozialdemokrat*» («Социал-демократ») — еженедельная социал-демократическая газета, центральный орган Германской социал-демократической партии в эпоху исключительного закона; выходила в Цюрихе (Швейцария) с 28 сентября 1879 г. по 22 сентября 1888 г. и в Лондоне с 1 октября 1888 г. по 27 сентября 1890 г.; до сентября 1880 г. печаталась под заголовком «Международный орган немецкой социал-демократии»; начиная с № 40 от 3 октября 1880 г., в соответствии с решением Виденского съезда партии, была переименована в «Центральный орган Германской социал-демократии». С 5 ноября 1886 г. в связи с Фрейбергским процессом и усилением правительственного террора в Германии социал-демократическая фракция рейхстага формально сложила с себя ответственность за линию газеты, ввиду чего был восстановлен первоначальный подзаголовок. Газета редактировалась в 1879—1880 гг. Г. Фольмаром, с января 1881 г. Э. Бернштейном; в 1879—1881 гг. пользовалась финансовой поддержкой К. Гехберга. Еще до начала издания вопрос о составе редакции и о направлении газеты был предметом острого конфликта между К. Марксом и Ф. Энгельсом, с одной стороны, и социал-демократическим руководством — с другой. К. Маркс и Ф. Энгельс до 1882 г. отказывались от сотрудничества, систематически критикуя в своей переписке недостатки газеты и этим содействуя выправлению ее линии; только с 1882 г. Ф. Энгельс начал публиковать в газете свои статьи, помогая ей своими указаниями и руководя ее общим направлением путем переписки с Э. Бернштейном, А. Бебелем и др. Благодаря этому руководству газета в общем стояла на марксистских позициях, хотя допускала серьезные ошибки. Борьба газеты против правого оппортунистического крыла партии принимала подчас крайне острые формы (в особенности в 1885 г. в связи с вопросом о пароходной субсидии). 18 апреля 1888 г. редакция была выслана из Швейцарии и переехала в Лондон. После отмены закона против социалистов издание прекратилось; вместо «*Sozialdemokrat*» в Берлине возобновилось издание «*Vorwärts*» — 14, 37, 52, 70, 72, 75, 92, 96, 98, 107, 108, 112, 115, 136, 204, 205, 206, 216, 217, 224, 232, 242, 247, 249, 251, 359, 388, 391.
- «*Социал-Демократ*» — литературно-политическое обозрение; первый социал-демократический журнал на русском языке; издавался в 1890—1892 гг. в Женеве группой «Освобождение труда»; всего вышло четыре номера — 175, 193, 194.
- «*Sozialdemokratische Monatschrift*» («Социал-демократический ежемесячник») — основан в 1889 г. в Вене; издатель и ответственный редактор А. Гроссе — 268.
- «*Der Sozialist*» («Социалист») — орган социалистической партии США; выходил в Нью-Йорке на немецком языке — 43, 69, 99, 109, 265, 279.
- «*Der Sozialist*» («Социалист») — еженедельная газета; орган независимых социалистов; основана в Берлине в 1891 г. * — 381.
- «*Standards*» — см. «*Evening Standard*».
- «*Star*» («Звезда») — ежедневная газета; орган английских радикалов; редактор Г. Массингэм — 111, 112, 114, 115, 116, 122, 136, 184, 185, 212.
- «*St. Louis Tagblatt*» («Ежедневная газета С. Луи») — редактор А. Геннер — 69.
- «*Sun*» («Солнце») — радикальный еженедельник; выходил в Лондоне с 1888 по 1890 г. — 116.
- «*Die Tagwacht*» («Дневная стража») — газета Швейцарского рабочего союза; поддерживала Генеральный Совет I Интернационала; выходила в Цюрихе с 1869 по 1880 г. два раза в неделю; редактор Г. Грейлих — 241.
- «*Time*» («Время») — ежемесячный литературный сборник; основан в 1879 г. в Лондоне; в 1890—1891 гг. — редактор Э. Б. Бакс — 166, 169, 173, 185, 196, 201, 212.
- «*To-Day*» («Сегодня») — ежемесячный социалистический журнал; выходил в Лондоне с апреля 1883 по 1889 г.; в 1884—1885 гг. в нем принимали участие Э. Эвелинг, Э. Маркс-Эвелинг, Э. Б. Бакс; начиная с 1886 г. преобладающее влияние в нем получили фабианцы — 10, 17, 37, 52.
- «*Tribune*» — см. «*New-York Daily Tribune*».
- «*Über Land und Meer*» («На суше и на море») — иллюстрированный литературный журнал; основан в 1858 г.

- в Штутгарте Гальбергером; редакторы: Гаклендер, Цоллер, Кюршнер — 356.
- «*Volksblatt*» — см. «Vorwärts».
- «*Volksstaat*» («Народное государство») — газета, орган Германской социал-демократии; выходила с 1869 по 1876 г. в Лейпциге; редактор В. Либкнехт; во время тюремного заключения В. Либкнехта (1872—1874 гг.) газету редактировал В. Блос; зимой 1870—1871 гг. — редактор К. Гирш — 323.
- «*Volksstimme*» («Голос народа») — социал-демократическая ежедневная газета; основана в 1890 г. в Магдебурге; в 1890—1891 гг. — редакторы М. Бер, Г. Мюллер — 236.
- «*Volks-Tribüne*» — см. «Berliner Volks-Tribüne».
- «*Volkszeitung*» — см. «New-Yorker Volkszeitung».
- «*Vooruit*» («Вперед») — орган гентского рабочего кооператива, основанного в 1880 г. Э. Анселем; выходил в Генте — 109.
- «*Vorbote*» («Вестник») — анархистская газета; орган Международной рабочей ассоциации; основана в 1883—1884 гг. в Чикаго; редактор К. Концетт — 315.
- «*Vorwärts*» («Вперед») — ежедневная газета, центральный орган Германской социал-демократии; в газете принимали участие: Ф. Энгельс, А. Бебель, Э. Бернштейн; с 1884 по 1890 г. выходила под названием «Berliner Volksblatt» с указанием «Organ für die Interessen der Arbeiter» («Газета защиты интересов рабочих»). В 1890 г. прекратил свое существование центральный орган германской социал-демократии «Der Sozialdemokrat»; по постановлению Галльского съезда Германской социал-демократии «Berliner Volksblatt» стала официальным органом Германской социал-демократии, переименовав название на «Vorwärts»; редактор В. Либкнехт — 115, 215, 216, 252, 278, 281, 283, 287, 292, 293, 296, 297, 298, 299, 300, 307, 310, 312, 316, 317, 319, 324, 337, 339, 342, 343, 349, 355, 357, 361, 362, 374, 375, 376, 379, 381, 388.
- «*Vossische Zeitung*» («Газета Фосса») — основана Рюдигером под названием «Königliche, Privilegierte Zeitung für Staat- und Gelehrte Sachen» («Королевская привилегированная газета по вопросам государства и науки»); выходила с 1704 по 1934 г. в Берлине; в 1751 г. перешла к Фоссу; газета поддерживала позицию прогрессистов — 130.
- «*Weekly Dispatch*» («Еженедельное сообщение») — буржуазно-радикальная газета; выходила в Лондоне; редактор А. Хантер — 17, 24, 337.
- «*Das Wiener Arbeiterinnenblatt*» — см. «Arbeiterinnen-Zeitung».
- «*Workman's Advocate*» («Защитник рабочих») — еженедельная газета; выходила в Нью-Йорке; одно время была органом Генерального Совета I Интернационала; редактор Л. Даниэль — 151, 211, 218.
- «*Züricher Post*» («Цюрихская почта») — газета, выходила с декабря 1890 г. по апрель 1891 г.; редактор К. Шмидт — 255, 290.

УКАЗАТЕЛЬ ЯЗЫКА ОРИГИНАЛОВ.

На немецком языке написаны письма
№№: 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11,
12, 13, 14, 17, 18, 19, 21, 23, 24,
25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 33, 34, 35,
36, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 47,
48, 50, 52, 54, 55, 59, 60, 62, 63, 66,
71, 76, 77, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87,
88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 96, 98, 99,
100, 101, 102, 104, 105, 106, 107, 108,
109, 110, 111, 112, 114, 115, 116, 117,
118, 120, 121, 122, 123, 124, 126, 127,
128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135,
136, 137, 138, 139, 141, 142, 143, 144,
145, 146, 147, 148, 150, 151, 152, 153,
154, 155, 157, 158, 159, 160, 161, 162,
163, 164, 165, 166, 168, 169, 170, 171,

172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179,
180, 181, 183, 185, 186, 187, 188, 189,
190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197,
198, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206,
207, 208, 209, 210, 211, 213, 214, 215,
216, 218, 219, 221, 222, 223, 224, 225,
226 и «Путешествие в Америку».

На французском языке написаны письма
№№: 1, 49, 56, 57, 58, 61, 64, 65,
67, 68, 69, 70, 73, 74, 75, 79, 113, 119,
140, 149, 156, 167, 182, 184, 220.

На английском языке написаны письма
№№: 2, 10, 15, 16, 20, 22, 32, 37,
46, 51, 53, 72, 78, 80, 95, 97, 103,
125, 199, 212, 217.

СОДЕРЖАНИЕ

Письма Ф. Энгельса 1888—1891 гг.

Стр.

<i>Предисловие</i>	V
1888 год	
1. И. Надежде, 4 января	3
2. Н. Ф. Даниельсону, 5 января	6
3. Ф.-А. Зорге, 7 января	8
4. В. Либкнехту, 10 января	10
5. Г. Шлютеру, 10 января	12
6. Г. Шлютеру, 23 января	13
7. Г. Шлютеру, 12 февраля	14
8. Г. Шлютеру, 19 февраля	14
9. Ф.-А. Зорге, 22 февраля	15
10. Ф. Келли-Вишневецкой, 22 февраля	17
11. В. Либкнехту, 23 февраля	19
12. Ф.-Д. Нивенгейсу, 23 февраля	21
13. В. Либкнехту, 29 февраля	23
14. Г. Шлютеру, 17 марта	25
15. М. Гаркнесс, начало апреля	26
16. Ф. Келли-Вишневецкой, 11 апреля	29
17. А. Бебелю, 12 апреля	30
18. В. Либкнехту, 16 апреля	33
19. В. Либкнехту, конец апреля	36
20. Ф. Келли-Вишневецкой, 2 мая	36
21. Г. Шлютеру, 10 мая	37
22. Ф. Келли-Вишневецкой, 16 мая	38
23. Ф.-А. Зорге, 11 июля	39
24. Ф.-А. Зорге, 4 августа	39
25. Э. Бернштейну, 9 августа	40
26. Г. Энгельсу, 9 августа	41
27. Ф.-А. Зорге, 28 августа	41
28. Ф.-А. Зорге, 31 августа	42
29. В. Либкнехту, 31 августа	43
30. Ф.-А. Зорге, 4 сентября	44
31. Ф.-А. Зорге, 10 сентября	44
32. Ф. Келли-Вишневецкой, 18 сентября	45
33. Г. Энгельсу, 27—28 сентября	46
Путешествие в Америку, сентябрь	48

	<i>Стр.</i>
34. К. Шмидту, 8 октября	50
35. Ф.-А. Зорге, 10 октября	52
36. Л. Каутской, 11 октября	53
37. Н. Ф. Даниельсону, 15 октября	55
38. К. Каутскому, 17 октября	58
39. А. Бебелю, 25 октября	60
40. Ф.-А. Зорге, 15 декабря	63
41. Ф. Вальтеру, 21 декабря	63

1889 год

42. А. Бебелю, 5 января	65
43. Л. Кугельману, 10 января	67
44. К. Шмидту, 11 января	68
45. Ф.-А. Зорге, 12 января	70
46. Ф. Келли-Вишневецкой, 12 января	73
47. К. Каутскому, 18 января	74
48. К. Каутскому, 28 января	75
49. П. Лафаргу, 28 января	77
50. К. Каутскому, 7 февраля	79
51. Д.-Л. Магону, 14 февраля	79
52. К. Каутскому, 20 февраля	80
53. Д.-Л. Магону, 21 февраля	85
54. Ф.-А. Зорге, 23 февраля	86
55. К. Шмидту, 12 марта	88
56. П. Лафаргу, 21 марта	89
57. П. Лафаргу, 23 марта	91
58. П. Лафаргу, 27 марта	93
59. В. Либкнехту, 4 апреля	95
60. В. Либкнехту, 5 апреля	97
61. П. Лафаргу, 10 апреля	99
62. В. Либкнехту, 17 апреля	103
63. К. Каутскому, 20 апреля	104
64. П. Лафаргу, 1 мая	106
65. П. Лафаргу, 2 мая	107
66. Ф.-А. Зорге, 11 мая	109
67. П. Лафаргу, 11 мая	111
68. П. Лафаргу, 16 мая	113
69. П. Лафаргу, 17 мая	115
70. П. Лафаргу, 20 мая	116
71. К. Каутскому, 21 мая	117
72. А. Ф. Робинаону, 21 мая	121
73. П. Лафаргу, 24 мая	121
74. П. Лафаргу, 25 мая	123
75. П. Лафаргу, 27 мая	124
76. Ф.-А. Зорге, 8 июня	125
77. К. Шмидту, 12 июня	129
78. Н. Ф. Даниельсону, 4 июля	131

	<i>Стр.</i>
79. П. Лафаргу, 5 июля	133
80. Н. Ф. Даниельсону, 15 июля	135
81. Ф.-А. Зорге, 17 июля	135
82. Ф.-А. Зорге, 20 июля	137
83. Ф.-А. Зорге, 17 августа	139
84. В. Либкнехту, 17 августа	141
85. Э. Бернштейну, 22 августа	143
86. Г. Энгельсу, 22 августа	145
87. К. Каутскому, 15 сентября	146
88. Ф.-А. Зорге, 26 сентября	150
89. Ф.-А. Зорге, 12 октября	151
90. К. Шмидту, 17 октября	151
91. М. Гильдебранду, 22 октября	153
92. О. А. Элиссену, 22 октября	155
93. В. Либкнехту, 29 октября	156
94. А. Бебелю, 15 ноября	157
95. Д. Г. Джонсону сыну и Эллису, 15 ноября	160
96. В. Адлеру, 4 декабря	161
97. Н. Ф. Даниельсону, 5 декабря	163
98. Ф.-А. Зорге, 7 декабря	164
99. К. Шмидту, 9 декабря	167
100. Г. Триру, 18 декабря	169
101. Н. Либкнехт, 24 декабря	172
102. Л. Кугельману, 30 декабря	174

1890 год

103. С. Степняку (Кравчинскому), 3 января	175
104. Г. Энгельсу, 9 января	175
105. Г. Шлютеру, 11 января	177
106. А. Бебелю, 23 января	180
107. Ф.-А. Зорге, 8 февраля	183
108. А. Бебелю, 17 февраля	186
109. В. Либкнехту, 9 марта	190
110. А. Лабриола, 30 марта	192
111. К. Каутскому, 1 апреля	193
112. И. Дитцу, 1 апреля	193
113. В. Засулич, 3 апреля	194
114. Ф.-А. Зорге, 4 апреля	196
115. Ф.-Д. Нивенгейсу, 9 апреля	196
116. К. Каутскому, 11 апреля	197
117. Ф.-А. Зорге, 12 апреля	198
118. К. Шмидту, 12 апреля	201
119. Осипович, 17 апреля	204
120. Ф.-А. Зорге, 19 апреля	207
121. Ф.-А. Зорге, 30 апреля	210
122. А. Бебелю, 9 мая	213
123. Ф.-А. Зорге, 29 мая	216

	<i>Стр.</i>
124. П. Эрнсту, 5 июня	219
125. Н. Ф. Даниельсону, 10 июня	222
126. Г. Шлютеру, 14 июня	224
127. В. Либкнехту, 19 июня	225
128. В. Либкнехту, 30 июня	226
129. Г. Энгельсу, 8 июля	226
130. В. Либкнехту, 22 июля	227
131. Ф.-А. Зорге, 30 июля	228
132. В. Либкнехту, 1 августа	229
133. И. Дитцу, 5 августа	229
134. К. Каутскому, 5 августа	230
135. К. Шмидту, 5 августа	231
136. Ф.-А. Зорге, 9 августа	234
137. В. Либкнехту, 10 августа	237
138. В. Либкнехту, 15 августа	239
139. Ф.-А. Зорге, 27 августа	239
140. Ш. Карону, вторая половина сентября	240
141. К. Каутскому, 18 сентября	241
142. И. Блоху, 21—22 сентября	243
143. Ф.-А. Зорге, 27 сентября	247
144. Н. Либкнехт, сентябрь	250
145. Ф.-А. Зорге, 4 октября	251
146. В. Либкнехту, 7 октября	252
147. Ф.-А. Зорге, 18 октября	253
148. В. Либкнехту, 25 октября	254
149. П. Лафаргу, 27 октября	254
150. К. Шмидту, 27 октября	255
151. Ф.-А. Зорге, 5 ноября	263
152. К. Каутскому, 5 ноября	263
153. Ф.-А. Зорге, 26 ноября	263
154. Ф.-Д. Нивенгейсу, 3 декабря	265
155. Л. Шорлеммеру, 4 декабря	266
156. П. Лаврову, 5 декабря	267
157. В. Либкнехту, 8 декабря	267
158. В. Адлеру, 12 декабря	268
159. И. Дитцу, 13 декабря	269
160. К. Каутскому, 13 декабря	270
161. В. Либкнехту, 18 декабря	271
162. Ф.-А. Зорге, 20 декабря	272

1891 год

163. Ф.-А. Зорге, 3 января	274
164. К. Каутскому, 7 января	275
165. К. Каутскому, 15 января	276
166. Ф.-А. Зорге, 17 января	278
167. С. Мендельсону, 18 января	278
168. Г. Шлютеру, 29 января	279

	<i>Стр.</i>
169. К. Каутскому, 5 февраля	281
170. Ф.-А. Зорге, 11 февраля	283
171. К. Каутскому, 11 февраля	286
172. К. Каутскому, 21 февраля	289
173. К. Каутскому, 23 февраля	289
174. К. Каутскому, 23 февраля	292
175. Ф.-А. Зорге, 4 марта	293
176. К. Каутскому, 17 марта	295
177. Ф.-А. Зорге, 21 марта	297
178. Г. Шлютеру, 21 марта	299
179. М. Оппенгейму, 24 марта	300
180. А. Бебелю, начало апреля	303
181. К. Каутскому, 2 апреля	303
182. Р. Фантуцци, 2 апреля	304
183. К. Каутскому, 7 апреля	305
184. А. Рава, 7 апреля	306
185. Ф.-А. Зорге, 8 апреля	306
186. К. Каутскому, 30 апреля	309
187. А. Бебелю, 1—2 мая	312
188. Ф. Мерингу, 5 июня	319
189. Ф.-А. Зорге, 10 июня	319
190. К. Каутскому, 13 июня	321
191. К. Каутскому, 16 июня	323
192. К. Каутскому, 29 июня	324
193. К. Каутскому, 1 июля	327
194. К. Шмидту, 1 июля	327
195. Г. Фогту, 8 июля	329
196. В. Адлеру, 22 июля	331
197. Э. Адлер, 22 июля	332
198. Ф.-А. Зорге, 9—11 августа	332
199. Н. Ф. Даниельсону, 2 сентября	335
200. Ф.-А. Зорге, 2 сентября	336
201. Ф.-А. Зорге, 14 сентября	338
202. К. Каутскому, 28 сентября	340
203. А. Бебелю, 29 сентября	343
204. Ф.-А. Зорге, 30 сентября	347
205. А. Бебелю, 1 октября	349
206. А. Бебелю, 6 октября	351
207. А. Бебелю, 13 октября	352
208. К. Каутскому, 14 октября	355
209. Ф.-А. Зорге, 24 октября	357
210. А. Бебелю, 24—26 октября	360
211. К. Каутскому, 25—26 октября	365
212. Н. Ф. Даниельсону, 29—31 октября	367
213. Ф.-А. Зорге, 29 октября	370
214. К. Шмидту, 1 ноября	371
215. А. Бебелю, 9—10 ноября	373
216. Ф.-А. Зорге, 14 ноября	378

	<i>Стр.</i>
217. В редакцию «Daily Chronicle», 17 ноября	380
218. Ф.-А. Зорге, 21 ноября	380
219. А. Бебелю, 25 ноября	381
220. П. Лафаргу, 28 ноября	384
221. Хоровому кружку Лондонского коммунистического рабочего про- светительного союза, 28 ноября	385
222. А. Бебелю, 1 декабря	386
223. Н. Либкнехт, 2 декабря	390
224. К. Каутскому, 3 декабря	391
225. К. Каутскому, 27 декабря	394
226. Э. Бернштейну, 29 декабря	396

Приложения

1. Первый памфлет	401
2. Второй памфлет	410
3. Воззвание к рабочим и социалистам Европы и Америки	425

Указатели

Указатель имен	429
Указатель периодической печати	458
Указатель языка оригиналов	464

Иллюстрации

1. Портрет Ф. Энгельса	между IV—V
2. Первая и вторая страницы письма Ф. Энгельса — П. Лафаргу от 10 апреля 1889 г.	между 100—101

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Сочинения, том XXVIII
Политиздат при ЦК ВКП(б), 1940 г.

*

Сдано в набор 27 III 1940 г. Подписано к печати 31 X 1940 г. Формат 68×100^{1/16}. Объем 15^{1/4} бум. л., печ. л. 30^{1/2}. Уч.-изд. л. 29,50. 40000 зн. в 1 печ. листе. Тираж 48000 экз. Заказ № 224. Индекс КЛ МЭ. М 3027 № изд-ва 1785. Бумага Вишерского бумкомбината
Цена 6 р. 50 к.

*

2-я типография Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига» «Печатный Двор» имени А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.